

П О Л Н О Е
СОБРАНИЕ ПРОПОВѢДЕЙ

ДИМИТРІЯ,

Архієпископа Херсонскаго и Одесскаго.

Т О М Ъ Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

С Л О В А и Б Е С Ъ Д Ы

на дни воскресные отъ недѣли о Мытарѣ и Фарисеѣ до
Пасхи и на Великій Постъ.

МОСКВА.

Типографія Ф. К. Югансонъ. Покровка, д. Егорова.

1890.

Печатать дозволяется Одесса, 1889 года, 15 февраля.
Цензоръ, Профессоръ Бѣгостовіа въ Університетѣ,
Протоіерей *Василій Войтковскій*.

Господи устныи мои отверзеши, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою (Псал. 50, 17).

Имуще тойже духъ въры, по писанному: въровахъ, тѣмже возглаголахъ, и мы въруемъ, тѣмже и глаголемъ (2 Кор. 4, 13).

Но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице (1 Кор. 7, 7).

І. Недѣля о мытарѣ и фарисеѣ.

І. С Л О В О — П Е Р В О Е.

*Покаяніа отверзи ми двери,
Жизнодавче! (Церков. пѣснь).*

Едва окончились хвалебныя пѣснопѣнія церковныя, призывавшія насъ къ радости и торжеству о великихъ таинствахъ рождества и крещенія Господа нашего Іисуса Христа,—и вотъ слышится уже другой гласъ св. церкви, призывающій къ покаянію! Предъ нами отверзаются преддверія св. поста; ибо съ настоящаго воскреснаго дня начинаются уже св. дни церковнаго приготовленія къ посту и покаянію. Такъ скоро и какъ бы неожиданно приблизилось это время духовныхъ подвиговъ, не безтяготное для плоти, но спасительное для духа! Но не такъ же ли скоро и непримѣтно приблизится къ намъ, брат. мои, и часъ нашъ смертный? Не такъ же ли неожиданно поразить слухъ нашъ и гласъ трубы архангела, призывающій на судъ? Возблагодаримъ Господа, Который даровалъ намъ въ мирѣ приблизиться къ сему спасительному времени покаянія; будемъ молить Его благодать, чтобы Онъ ввелъ насъ въ самое поприще св. поста, и отверзъ намъ двери покаянія: *Покаяніа отверзи ми двери, Жизнодавче!*

Почему нужно молиться о сечь? Потому, что такова ужасная сила грѣха надъ нами, что *еще хотѣти прилежитъ намъ, а еще содѣлати доброе не обрѣтаемъ* *). Потому и

*) Римл. VII, 18.

истинное покаяніе, какъ начало добродѣтельной жизни, и начинается и совершается не однимъ нашимъ хотѣніемъ, но первѣе всего силою и дѣйствіемъ благодати Божіей.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ основаніе благоуспѣшности и дѣйствительности покаянія нашего? Въ милосердіи, въ одномъ милосердіи Божіемъ. Если Онъ затворитъ двери милосердія Своего, кто отверзетъ ихъ? Если Онъ осудитъ, кто оправдитъ насъ? Если Онъ поразитъ насъ гнѣвомъ Своимъ, кто избавитъ насъ? Если Онъ не восхоцетъ помиловать насъ, кто принудитъ Его къ сему? Посему то кающемуся грѣшнику должно первѣе всего обращать очи свои горѣ, взывать молитвенно къ Богу крѣкому, живому: *помилуй мя Боже, по величій милости Твоей! Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавец!* Долго прогнѣвлялъ я безконечную правду Твою, Владыко живота моего, дерзкимъ преступленіемъ святѣйшихъ заповѣдей Твоихъ; долго злоупотреблялъ я самымъ милосердіемъ и долготерпѣніемъ Твоимъ. Много гласовъ благодати Твоей, призывающей къ покаянію, слышала совѣсть моя, и оставалась глухою и неподвижною. Много ударовъ гнѣва Твоего чувствовало окаянное сердце мое, иногда пробуждалось даже отъ нечувствія грѣховнаго, но скоро опять погружалось въ прежній безпробудный сонъ свой. Много разъ я съ клятвою давалъ и подтверждалъ предъ Тобою обѣтъ истиннаго исправленія, и опять возвращался на прежній путь грѣха и заблужденій. Много разъ я говорилъ предъ чашею Завѣта Твоего: не дамъ Тебѣ лобзанія, яко Іуда, и опять возвращался безумно въ плѣнь діавола. Есть ли мнѣ, и послѣ сего, надежда покаянія? Отверзутся ли мнѣ еще двери милосердія Твоего? Примешь ли паки предателя Своего, тысящекратно распинавшего Тебя грѣхами своими? Но я слышу вожделенный гласъ Твой, Человѣколюбче: яко не призвати праведныя, но грѣшныя въ покаяніе взыскаи и спаси погибшаго приходилъ Ты на землю. Вѣрую, что безконечная благодать Твоя ищетъ и мене заблудшаго, что бездна милосердія Твоего покроетъ все множество и моихъ безчисленныхъ золь. Буди убо Спаситель и мнѣ погибшему; не отврати лица Твоего и отъ мене оскверненнаго; яви человеколюбіе и на мнѣ, достойномъ всѣхъ мученій ада! *Поми-*

*луй мя Боже по великій милости Твоей! Покаянія от-
верзи ми двери, Жизнодавец!*

Чего требует истинное покаяніе? Требуетъ совершеннаго оставленія грѣха, совершеннаго измѣненія образа жизни—мыслей, чувствованій и дѣйствій, совершеннаго обновленія и возрожденія духовнаго. Но совлечься ветхаго человѣка не такъ легко, брат. мой, какъ переодѣнуть изветшавшую одежду на новую. Здѣсь предстоитъ подвигъ тяжкій и болѣзненный, брань жестокая и упорная. Врагъ нашъ діаволъ не упускаетъ своей добычи безъ ожесточеннаго сопротивленія; самая плоть наша вопіетъ съ болѣзнію при неизбѣжныхъ въ покаяніи лишеніяхъ и трудахъ; самый міръ, т. е., окружающіе насъ люди, руководимые еще духомъ вѣка сего, или по легкомыслію, или по неразумному усердію, ставятъ преграды и препоны подвизающемуся въ покаяніи. Нужно возненавидѣть грѣхъ до того, чтобы одна мысль о немъ приводила насъ въ трепеть, чтобы каждый злой помысль, появляющійся въ душѣ, ужасалъ насъ, какъ змѣя, готовая ужалить. Нужно вооружаться всею силою духа противъ собственной грѣховной природы, чтобы никакіе вопли ея, самыя болѣзненные, не могли совратить насъ отъ пути заповѣдей Божіихъ. Нужно укрѣпиться всѣмъ мужествомъ и терпѣніемъ противъ навѣтовъ міра до того, чтобы быть въ состояніи не увлечься никакими соблазнами, перенести и претерпѣть всякое уничиженіе, презрѣніе, оклеветаніе, разорвать, если нужно, самыя нѣжныя узы родства и дружбы. Сего именно требовалъ Господь Иисусъ Христосъ, когда говорилъ идущему за нимъ народу: *уже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ*. И одна мысль о семъ не можетъ не ужасать нашей немощи; однако же все это неизбѣжно и необходимо для истинно кающагося, такъ что безъ сего духовнаго преображенія покаяніе его было бы совершенно безплодно. Что жъ остается намъ послѣ сего, какъ не предать себя въ руки небесному Врачу, Который одинъ можетъ обновить ветхое, оживотворить умершее, укрѣпить слабое, разрѣшить связанное, дать силу немощствующему? Что лучше, какъ не возопить къ Нему отъ всего сердца: «*Боже, ми-*

*достигъ буди мнѣ грѣшному: покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! Ты видишь, Всевѣдущій, что я престалъ уже находить сладость въ ядовитой чашѣ грѣха и ощущаю ея горечь; но нѣтъ силъ у меня отвести ее отъ устъ моихъ. Чувствую тяжесть подавляющаго меня бремени грѣховнаго; но не имѣю возможности свергнуть его и освободиться отъ него. Вижу бездну, въ которую упадаю все глубже и глубже; но нѣтъ силъ у меня востать и выйти изъ нея. Углубоохъ въ тмѣнныя глубины, и нѣсть постоянія, приидохъ въ глубины морскія, и буря потопи мя *); сляченъ есмь узми многими, во еже не возвести главы моея. Ты Самъ, Свѣтодавче, просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть, да пробужусь отъ мглы прегрѣшеній моихъ, да возстану отъ глубокаго сна грѣховнаго и воскресну отъ мертвыхъ! Ты Самъ, Всесильне, даруй мнѣ благодатную силу Твою, чтобы я могъ расторгнуть узы, которыми связали меня собственные мои страсти, выйти изъ пропасти, поглощающей меня, стать право на камни заповѣдей Твоихъ! Ты Самъ, Всесвятый и ненавидяй беззаконіе, коснись унылаго сердца моего, возбуди въ немъ искру свѣревности, чтобы я отъ глубины души моей отвращался всякаго беззаконія, возненавидѣлъ всякую неправду, возгнущался всякою нечистою, отвратилъ очи мои, еже не видѣти суеты. Ты Самъ, Всеблагій, любяй правду и веселяйся о истинѣ, дуновеніемъ Пресвятаго Духа Твоего согрѣй хладное сердце мое и возжги въ немъ святую любовь къ добродѣтели и правдѣ, чтобы я могъ твердо и неуклонно идти по пути правды и истины, возлюбить заповѣди Твои паче злата и топазія, въ исполненіи воли Твоей находить брашно и питіе, сладчайшее меда и сота. Возжелалъ спасеніе Твое, Господи, да будетъ рука Твоя еже спасти мя. Заблудихъ яко овца погибшее, зыщи раба Твоего. Беззаконія моя презри, Господи, и отъ грѣха моего очисти мя. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*

*) Пс. LXVIII, 3.

Что нужно для выраженія раскаянiя нашего предъ Богомъ, для полученiя прощенiя и помилованiя отъ Самого Господа, единого имущаго власть оставлять грѣхи? Нужно полное, совершенное, искреннее, чистосердечное исповѣданiе грѣховъ своихъ; нужно теплое, умиленное, болѣзненное сокрушенiе сердца и печаль по Бозѣ; нуженъ спасительный плачь о грѣхахъ своихъ. Повидимому, все это такъ просто, что остается только захотѣть и рѣшиться; но приступая къ дѣлу, мы чувствуемъ противное. Здѣсь-то и является непостижимая тупость памяти, которая, вспоминая многое и о многомъ, отрывается вспоминать только содѣланные нами грѣхи; отчего нерѣдко вся исповѣдь наша ограничивается только поверхностнымъ исчисленiемъ нѣсколькихъ, самыхъ видимыхъ прегрѣшенiй. Здѣсь-то и является вся лживость омраченнаго разума и совѣсти, которые, судя здраво о предметахъ постороннихъ, судятъ лживо объ однихъ только грѣхахъ нашихъ, находятъ извиненiя, изыскиваютъ предлоги къ уменьшенiю зла, и представляютъ грѣшника въ такомъ уменьшенномъ, переименованномъ видѣ, что онъ является предъ судилище покаянiя едва не праведникомъ. Здѣсь-то и является вся сухость, мертвость и безжизненность грѣховнаго сердца, которое, будучи иногда живо, мягко и впечатлительно для всѣхъ стороннихъ ощущенiй, остается жестко и безчувственно только къ собственной участи, къ своему злосчастному состоянiю грѣховному; ни слезы — теплой и умилительной, ни воздыханiя — глубокаго и скорбнаго, ни печали и соболѣзнованiя не издаетъ отъ себя это хладное, равнодушное сердце! — Гдѣ-жь искать помощи въ семъ безнадежномъ положенiи духа, какъ не у Тебя, Всемогущiй, Который одинъ вспомошествоешь всѣмъ во благовременiихъ? Откуда занять жизни омертвѣвшему духу, какъ не отъ Тебя, Жизнодавца, Который одинъ ихъ же хочешь живишь? Чѣмъ согрѣть себя хладному сердцу, какъ не огнемъ благодати Пресвятаго Духа Твоего, Сладчайшiй Инсусе? Къ Тебѣ убо молитва моя, Человѣколюбче: *Помилуй мя Боже, помилуй мя; изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему.* Ты видишь, Всевѣдущiй, какимъ мракомъ обожилъ меня дiаволь, какимъ хладомъ оковано мое сердце, въ какомъ мертвенномъ нечув-

ствѣи погребенъ духъ мой! Самъ убо, Судіе мой и Вѣдчемой, обличи меня предъ совѣстію моею, да явлюсь самому себѣ во всемъ постыдномъ видѣ нечистоты грѣховной, да увижу себя такимъ, какимъ предстану я предъ страшный и праведный судъ Твой, когда обнаружишь Ты всѣ сокровенныя помыслы душевные, когда изведешь на свѣтъ всѣ тайны сердечныя, когда обнажишь грѣшника отъ всѣхъ покрововъ лицемѣрія предъ лицомъ неба и земли! Ты Самъ, сокрушившій веревъ адовы, сокруши и испровергни всѣ заклепы сердца моего, изведи меня, какъ Лазаря, изъ гроба нечувствія. Отверзи уста мои во исповѣданіе благо, *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нелицевати вины о грѣсѣхъ.* Ты Самъ, обновившій Духомъ Твоимъ лице земли, теплотою животворящаго Твоего Духа согрѣй охладѣвшее, оживи омертвѣвшее, умягчи окамененное сердце мое, да снѣдается оно печалію о грѣхахъ моихъ, да сокрушается болѣзнію о неправдахъ моихъ, да изведетъ источники слезъ ко омытію нечистотъ моихъ. *Помилуй мя Господи, яко немоощенъ есмь, исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя и душа моя смятеся зѣло; сотвори съ рабомъ Твоимъ по милости Твоей, живи мя по словеси Твоему! Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*

Вотъ о чемъ должны молиться мы, по наставленію св. церкви, приближаясь къ святому и спасительному поприщу поста и покаянія. Для сего-то и влагается нынѣ въ уста наши смиренная молитва кающагося мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.* Аминь.

2. С Л О В О — В Т О Р О Е .

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавче! Боже милостивъ буди
мнѣ грѣшнику!*

Итакъ св. Церковь напоминаетъ уже, брат., о приближающемся времени духовныхъ подвиговъ св. поста и покаянія, побуждая насъ умолять Отца небснаго, чтобы Онъ не оста-

вилъ насъ погибнуть во грѣховной жизни, но отверзъ намъ двери Своего милосердія и привелъ насъ къ истинному покаянію и обновленію жизни.

Правда, и вся земная жизнь наша есть время покаянія, очищенія и обновленія духовнаго, поприще борьбы и подвиговъ противу живущаго въ насъ грѣха, время приготовленія къ тому вѣчному славному торжеству, когда Господь Иисусъ Христосъ явится со славою мноюю, соберетъ избранныхъ Своихъ отъ конецъ земли и введетъ ихъ въ вѣчное, славное и свѣтоносное царство Свое. Но, по матернему снисхожденію къ нашей немощи, св. Церковь опредѣлила для этихъ духовныхъ подвиговъ особенное время въ году, когда, готовясь къ величайшему торжеству своему о преславномъ воскресеніи изъ мертвыхъ Господа и Иисуса Христа, желаетъ приготовить и насъ къ достойному срътенію великаго и свѣтоснаго дня Господня. Для сего она заповѣдала четырехдесятидневный постъ, чтобы мы, оставляя всѣ мірскія развлеченія, забавы и удовольствія, и если не прекращая совершенно, то сокращая по возможности и умѣряя всѣ попеченія и заботы житейскія, могли болѣе посвятить времени заботѣ и попеченію о душѣ своей, подвигамъ покаянія и очищенія себя отъ всякой скверны плоти и духа, приготовленію себя ко срътенію Господа и страшнаго суда Его. И вотъ, когда приближается это время благопріятное для духовнаго обновленія нашего, когда восходитъ заря этого дня спасенія, св. Церковь побуждаетъ насъ примѣромъ кающагося мытаря, отринувъ самонавініе фарисейское, обратить испытующій взоръ на самихъ себя, и въ трепетномъ сознаніи своего недостойнства, въ сокрушеніи сердца о своей грѣховности, въ живомъ упованіи на одно токмо неистощимое милосердіе Отца небснаго, молиться Ему: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*

Въ самомъ дѣлѣ, что можемъ мы принести Господу, еслибы и вся повелѣнная намъ исполнили, кромѣ сознанія *яко раби неключими есмы*, кромѣ исповѣданія себя грѣшниками, не смѣющими предстать предъ величествомъ правды Божіей? Откуда бы ни начали мы разсматривать жизнь свою, какою стороною существа своего ни обратились

бы къ вѣчному Солнцу правды, отсюду увидимъ себя недостойными возвести очей своихъ на небо, явиться съ несмущеннымъ и свѣтлымъ взоромъ предъ лице Отца небеснаго. Уже самое происхожденіе наше на свѣтъ положило на насъ печать осужденія и проклятія: въ беззаконіяхъ мы начинаемся и рождаемся во грѣхахъ. Отъ перваго праотца нашего мы наслѣдовали злыя похоти и страсти, растлѣніе и скверну грѣха, болѣзни и смерть, вѣчное осужденіе и отверженіе отъ лица Божія. И первый вопль нашъ, при самомъ появленіи на свѣтъ, не былъ ли уже воплемъ самой природы нашей ко Творцу своему: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*

Отъ утробы матерней приняла насъ въ свои объятія св. церковь Христова, омыла прирожденную намъ скверну грѣха св. крещеніемъ, облекла насъ одеждою оправданія Христова, запечатлѣла печатью дара Духа Святаго, возвратила намъ первобытную невинность, чистоту и святую, усыновила насъ Отцу небесному во Христѣ Иисусѣ. Но долго ли мы наслаждались этимъ благодатнымъ состояніемъ непорочности и святости? Долго ли пребывали въ этомъ раю невинности? Не такъ же ли скоро лишились его, какъ лишился рай нашъ праотець? Кто изъ насъ помнитъ это блаженное состояніе невѣденія зла, это райское спокойствіе сердца, котораго не тревожило никакое помышленіе на грѣхъ, эту ангельскую чистоту мысли и сердца, куда не западалъ никакой лживый лукавый помысль и никакое недоброе желаніе? Кто, напротивъ, помышляя о лѣтахъ юности своей, не скажетъ съ пророкомъ: *грѣховъ юности и невѣденія моего не помани Господи? Боже милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* Вся послѣдующая сознательная жизнь наша чѣмъ представляется она внутреннему сознанію, въ минуты свѣтлаго пробужденія его, какъ не суетою суетствій, какимъ-то беспорядочнымъ сномъ, въ которомъ многое грезилося, многое забавляло, многое устрашало, многое волновало и увлекало, но отъ котораго не осталось ничего существеннаго, ничего утѣшительнаго, ничего благонадежнаго для вѣчности? Вся она была непрерывнымъ рядомъ ошибокъ и заблужденій, сплошною цѣпью страстныхъ порывовъ и увлеченій, обманчивыхъ надеждъ

и опасеній, нравственныхъ преткновеній и паденій, лживыхъ обѣтовъ и новыхъ преступленій, тщетныхъ желаній возстать и исправиться, и всегда новыхъ глубочайшихъ паденій? Все, что ни приходитъ на память изъ этого смутнаго хаоса прожитыхъ лѣтъ жизни, отзывается невольною грустью на сердцѣ, тяжкимъ упрекомъ совѣсти, горькимъ сожалѣніемъ о потерянномъ для вѣчности времени жизни; все приводитъ въ стыдъ и смущеніе предъ самимъ собою, въ страхъ и трепеть предъ Богомъ; все заставляетъ поникнуть долу, крѣпко ударять въ перси своя и вопіять къ Богу: *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику!*

Быть можетъ, преклонность лѣтъ укротить страстные порывы сердца, охладить разгоряченное страстями воображеніе, притупить жаждущія удовольствія чувства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она погаситъ и тотъ свѣтлый пламень, который могъ бы возжечь живое стремленіе ко всему доброму, усердіе ко всему святому, ревность къ духовнымъ подвигамъ благочестія; она охладитъ святую теплоту любви къ Богу, ревности ко славѣ Божіей, готовности служить Богу преподобіемъ и правдою, она сдѣлаетъ насъ безсильными ко всякому благому предпріятію, къ началу новой жизни и дѣятельности во славу Божію. Въ осени приноситъ обильный плодъ только то, что насаждено или посѣяно весною, взлелѣяно тщательнымъ уходомъ въ продолженіе лѣта, такъ и въ старости приноситъ добрый и благословенный плодъ только то, что посѣяно въ юности, удобрено и возвращено многими трудами и подвигами, терпѣніемъ и добродѣланіемъ въ лѣта мужества. Въ противномъ случаѣ, что остается безсильной, немощной старости, какъ не одно горькое и безплодное сожалѣніе о потерянномъ для неба времени жизни, скорбное сознаніе своего безсилія начать новую жизнь, достойную неба, невозможность принести плодовъ достойныхъ покаянія? И блаженна она, если будетъ въ состояніи глубоко сознать всю виновность свою предъ Богомъ, возчувствовать всю безответственность свою предъ Его правосудіемъ, проникнуться чувствомъ упованія на одно безпредѣльное милосердіе Искупителя нашего, и, ударя въ перси своя, вопіять: *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику!*

Придетъ, наконецъ, и тотъ, всѣмъ вѣдомый и никому неизвѣстный, всѣми ожидаемый и никѣмъ не желаемый, часъ смертный. Обвѣтшавшее тѣло наше, какъ разрушающаяся храмина, распрострется на смертчомъ одрѣ. Призываемая на судъ Божій душа невольнo чувствуетъ, что настало время разлучиться ей съ этимъ міромъ и предстать предъ сердце-вѣдущимъ Судіею. Тогда то смущенному взору ея представитъ мрачная картина прошедшей ея жизни, представятся содѣянные ею неправды и беззаконія, достойныя казни вѣчной; обнажится пустота и ничтожество всего, чего искала и къ чему стремилась она въ продолженіе жизни, какъ къ желанному благу и счастью; обнаружится пустота и горькій обманъ всѣхъ удовольствій и наслажденій плотскихъ, которыми прельщалось и увлекалось ея сердце, исчезающихъ теперь подобно смрадному дыму; возстанутъ многія жертвы ея любочестія и любостыжанія; сообщники ея постыдныхъ дѣлъ, невинныя души, соблазненные ея порочнымъ примѣромъ, увлеченныя злымъ совѣтомъ, растлѣнныя ея безумными рѣчами, оскорбленныя и обиженныя ея неправдами. Къ кому обратишься и къ кому прибѣгнешь, злосчастная душа моя, въ этотъ страшный день и часъ? О, блаженна ты, если сохранишь тогда свѣтильникъ живой вѣры въ Господа Иисуса Христа, пострадавшаго за грѣхи наши, если воодушевишься живымъ упованіемъ на безпредѣльное милосердіе Отца Небеснаго, если будешь въ состояніи сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ взывать къ нему: *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику!*

Буди милостивъ грѣшнику, погубившему всѣ дары Твои, которыми Ты ущедрилъ, украсилъ и превознесъ меня паче всѣхъ земныхъ тварей, преогорчившему неизслѣдимую и неизреченную любовь Твою, которая для спасенія моего не пощадила Единороднаго Своего Сына, оскорбившему благодать всесвятаго Духа Твоего, освятившую меня въ таинствѣ св. крещенія, преогорчившему возлюбленнаго Сына Твоего, омывшаго меня Своею кровію, второе распинавшему Его своими самовольными грѣхами и беззаконіями. *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику!*

Иначе, что будетъ съ тобою, бѣдная душа моя, когда

Господь Иисусъ Христосъ, искупившій тебя Своею кровію, явится во славу Своей, на облацѣхъ небесныхъ, со тмами темъ святыхъ ангель Своихъ, обличить и истязить всѣ грѣхи твои, — отъ заблужденій и увлеченій юности до неправдъ и беззаконій мужества и до прихотей старости, отъ грѣховнаго дѣла до нразднаго слова, до лукаваго помысла, до студнаго пожеланія? Что будешь чувствовать окамененное сердце мое, когда Сердцевѣдецъ Господь обличить и обнажить тайная твоя предъ небомъ и землею, предъ соборомъ ангеловъ и челоувѣковъ? Чѣмъ оправдишься лукавая совѣсть моя, предъ все испытующемъ Судією? Воспрями убо нынѣ, когда продолжается время долготерпѣнія Божія, когда осіяваетъ тебя день спасенія; воспрями, окаянная душа, да некогда уснеши въ смерть, да пощадить тя Христосъ Богъ, да отверзнуть тебѣ двери милосердія Своего, да привезеть тебя къ истинному покаянію и псповѣданію всѣхъ грѣховъ твоихъ, да воскреситъ тебя къ новой богоугодной и богобоязненной жизни! *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику!* Аминь.

3. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е.

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавче! (Пѣснь Церков.)*

Такъ научаетъ насъ молиться св. Церковь, приготовляя къ подвигамъ св. поста и покаянія. Для чего столь раннее приготовленіе? Для того, что истинное покаяніе зависитъ, конечно, и отъ насъ, но болѣе зависитъ отъ милосердія Божія, возбуждается въ сердцѣ и совершается Его вседѣйствующею благодатію. Потому много и со усердіемъ должно молиться, чтобы Богъ отверзъ намъ двери покаянія, т.-е., чтобы не допустилъ насъ умереть въ беззаконіяхъ; страхомъ суда Своего сокрушилъ окамененіе сердца нашего и возбудилъ скорбь о грѣхахъ, безъ которой не можетъ быть истиннаго покаянія; воспламенилъ сердце наше любовію къ

Себѣ, безъ которой и самое искреннее раскаяніе будетъ не прочно; оживотворилъ и воскресилъ духъ нашъ упованіемъ святымъ, безъ котораго сердце кающагося было бы жертво скорбію. Съ другой стороны не маловременное нужно приготовленіе къ покаянію и потому, что св. Церковь не всегда имѣетъ утѣшеніе видѣть истинно кающихся и между приходящими на таинственную исповѣдь. Ибо, что встрѣчаютъ большію частію служители ея, которые имѣютъ высокую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тягчайшую изъ всѣхъ обязанность быть свидѣтелями покаянія? Одни приходятъ къ покаянію, не чувствуя сердечно въ немъ нужды; потому что, не примѣчая въ поведеніи своемъ явныхъ и грубыхъ пороковъ, не находятъ, по видимому, ничего, въ чемъ нужно было бы имъ раскапаться. Совѣсть ихъ такъ мирна, сердце такъ покойно, что, кажется, они достигли уже такой высоты совершенства, какой не достигалъ никто и изъ святыхъ мужей, которые всѣ не преставали до самой смерти почитать себя грѣшными и приносить Богу покаяніе. Отъ того все покаяніе сихъ мнимо-праведныхъ людей состоитъ въ исчисленіи не столько грѣховъ, сколько добродѣтелей ихъ. Другіе, и сознавая себя грѣшными, не приносятъ однакоже истиннаго покаянія или потому, что не могутъ преодолѣть грѣховной привычки, которою окованы какъ узами, находятся въ духовномъ расслабленіи, которое часъ отъ часу становится опаснѣе; или потому, что, исторгшись изъ бездны нерадѣнія, ввергаются въ другую, болѣе опасную, бездну — отчаянія. Есть, быть можетъ, и такіе, которые, или по легкомыслію, или по злонамѣренности, не видятъ и не признаютъ того, чѣмъ можетъ окончиться, и къ чему ведетъ неминуемо грѣховная жизнь, теряютъ сознание страшнаго суда Божія и казни геенской; а потому и не почитаютъ нужнымъ раскапаться, а если и являютъ на исповѣдь, то только для обряда. Не явно ли нужна особенная заботливость Церкви, чтобы возбудить такихъ людей къ истинному покаянію и сокрушенію о грѣхахъ? Вотъ почему св. Церковь, задолго до наступленія поста, начинаетъ готовить чадъ своихъ къ покаянію!

Въ чемъ состоитъ сіе приготовленіе? — Во первыхъ, въ

томъ, что св. Церковь научаетъ насъ неотступно просить у Бога духа истиннаго покаянія, влагая въ уста наши слѣдующую трогательную пѣснь, которую мы будемъ слышать въ храмѣ каждый воскресный день до конца св. Четырнадцатидневныя: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче; утреннуетъ бо духъ мой ко храму святому твоему, храмъ носилъ тѣлесенъ весь оскверненъ: но, яко щедръ, очисти благоутробною твоею милостію.* Побуждаетъ обращаться съ усердною молитвою къ пресвятой Матери Божіей, заступницѣ и ходатаицѣ нашей предъ Богомъ, и вопіять къ ней отъ всего сердца: *на спасенія стези настави мя, Богородице; студными бо окаляхъ душу грѣхми, и въ лѣности все житіе мое иждихъ: но твоими молитвами избави мя отъ всякія нечистоты.* Поражая сердце наше воспоминаніемъ страшнаго и нелицепріятнаго суда Божія, побуждаетъ насъ возопить ко Господу: *множества содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго: но, надѣясь на милость благоутробія твоего, яко Давидъ вопію ти; помилуй мя Боже по величій твоей милости!* Во вторыхъ, въ томъ, что въ настоящей и во всѣ послѣдующіе воскресные дни св. Церковь оглашаетъ слухъ нашъ трогательнѣйшими и поучительнѣйшими бесѣдами самого Господа Иисуса Христа.—Для обличенія и побужденія къ покаянію тѣхъ, кои, уповая на свою праведность, не чувствуютъ нужды въ покаяніи, въ настоящій воскресный день предлагается притча о фарисеѣ и мытарѣ, изъ коихъ первый осужденъ за самохвальство и гордость, послѣдній оправданъ за смиреніе, уничтоженіе и осужденіе себя предъ Богомъ. Для возбужденія къ покаянію, и укрѣпленія на пути покаянія разсѣянныхъ, унылыхъ и отчаивающихся грѣшниковъ, въ слѣдующій воскресный день услышится трогательнѣйшая повѣсть о покаяніи блуднаго сына. Для возбужденія духа умиленія и сокрушенія сердечнаго въ безпечныхъ грѣшникахъ, которые остаются равнодушными къ своему грѣховному состоянію, не помышляя ни о смерти, ни о судѣ будущемъ,—въ третій воскресный день предложится описаніе страшнаго Суда Божія, какъ изобразилъ его самъ Судія вселенной. Наконецъ, дабы указать корень всѣхъ

зомъ, который есть невоздержаніе, и внушить такимъ образомъ любовь къ воздержанію и посту, св. Церковь, въ самомъ предверіи поста, напомнить намъ о первомъ грѣхѣ перваго человѣка, снѣдію отъ запрещеннаго древа утратившаго рай.

Таковъ богомудрый порядокъ приготовленія ко св. посту и покаянію, который указываетъ св. Церковь. Намъ остается только вѣрно слѣдовать ея матернему руководству, и переходя отъ одного покаяннаго чувства къ другому отъ сознанія грѣховности своей къ умиленію, отъ сего къ страху суда и вазни вѣчной, наконецъ, предпочистивъ себя воздержаніемъ и постомъ, — явиться къ судилищу покаянія, на которомъ ожидаетъ насъ оправданіе и помилованіе.

4. СЛОВО — ЧЕТВЕРТОЕ.

*Покаяніа отверзи ми двери,
Жизнодавче! (Церк. пѣснь).*

Когда предпринимаютъ какое-либо важное дѣло, которое можетъ имѣть вліяніе на всю жизнь и состояніе человѣка, то напередъ обдумываютъ планъ, уготовляютъ пособія, изыскиваютъ средства, словомъ—дѣлаютъ все, что нужно для благоуспѣшнаго начала и окончанія дѣла. У всѣхъ насъ есть одно, единственно важное, дѣло, отъ котораго зависитъ жизнь наша не только настоящая, но и будущая, которое имѣетъ рѣшительное вліяніе на состояніе наше не только въ царствѣ благодати, но и въ будущемъ царствѣ славы, которымъ опредѣляется судьба наша на цѣлую вѣчность. Это великое и единственно важное для насъ дѣло есть оправданіе отъ грѣховъ и примиреніе насъ съ Богомъ. безъ чего мы всѣ, по естеству, чада гнѣва и погибели;—совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣяньми его, и облеченіе въ человѣка новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподо-

біи истины, безъ чего не можемъ и видѣть царствія Божія.—Правда, всѣ мы давно омылись и оправдались именемъ Господа Іисуса Христа, обновились и освятились Духомъ Святымъ въ таинствахъ св. крещенія и миропомазанія. Но долго-ли украшались одеждою чистоты и невинности, которою облеклись въ крещеніи? долго-ли хранили обязательства божественнаго завѣта? долго ли ветхій человекъ нашъ оставался погребеннымъ въ водахъ крещенія, и на долго ли пребыли мы мертвыми грѣху, живыми же Богови?... Господь Іисусъ Христосъ предвидѣлъ наши паденія и послѣ вступленія въ благодатный завѣтъ съ Нимъ,—и даровалъ намъ покаяніе во оставленіе грѣховъ; предвидѣлъ наши болѣзни духовныя и послѣ оживотворенія и воскресенія нашего съ Нимъ,—и даровалъ врачество безсмертія—святѣйшее Тѣло и Кровь Свою; предвидѣлъ нашу немощь къ побѣжденію враговъ духовныхъ и послѣ облеченія во вся оружія Божія,—и указалъ намъ оружіе противъ нихъ—въ постѣ и молитвѣ.

Безъ сомнѣнія, мы всегда и вездѣ обязаны пользоваться сими богодарованными средствами для собственнаго блага. Ибо, есть-ли время, когда-бъ не согрѣшали мы словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, и посему не нуждались-бы въ таинствѣ покаянія? Есть-ли время, когда-бы духъ нашъ не имѣлъ нужды въ безсмертной пищѣ, плоти и крови Господней? Есть-ли время, когда-бъ мы не имѣли нужды въ пособіи поста и молитвы въ борьбѣ съ плотію, непрестанно воюющею на духъ, и съ діаволомъ, который, по слову апостола, ходитъ яко левъ рыкающій, искій кого поглотити? — Но, чтобы и никто изъ христіанъ съ намѣреніемъ или безъ намѣренія не оставался безъ помощи сихъ средствъ, чтобы всѣ вообще имѣли болѣе удобства и возможности пользоваться ими, для сего св. церковь установила особенныя, общественныя времена поста и покаянія, которыя для всѣхъ вообще служили-бы днями спасенія, т. е., оправданія и примиренія съ Богомъ покаяніемъ,—обновленія и освященія душъ и тѣлесъ причащеніемъ плоти и крови Господней,—погашенія пламени страстей и похотей плотскихъ постомъ и воздержаніемъ,—возбужденія и укрѣпленія силъ духовныхъ молитвою. И вотъ, когда приближается сіе

время благоприятное, когда наступают сіи дни спасенія, св. церковь предвозвѣщаетъ о томъ благовременно, чтобы всѣ могли предрасположить сердце свое къ покаянію, приготовить духъ свой къ духовнымъ подвигамъ, чтобы святые дни поста и покаянія не остались для насъ безплодными, чтобы въ теченіе ихъ мы могли благоуспѣшно положить начало тому великому дѣлу освященія нашего, которое должно быть дѣломъ всей нашей жизни. *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* такъ научаетъ она вопіять къ Тому, отъ Кого зависитъ и начало и совершеніе нашего спасенія, Кто единъ отверзаетъ дверь покаянія грѣшникамъ, ирѣмлетъ и прощаетъ кающихся.

Какимъ гласомъ вопіять къ Нему? съ какимъ чувствомъ отверзать уста свои предъ престоломъ Господнимъ? Для наученія сему св. Церковь въ настоящій день представляетъ намъ въ примѣръ молящагося и оправданнаго мытаря; котораго Самъ Господь въ чтенной нынѣ притчѣ изобразилъ въ примѣръ всѣмъ, желающимъ получить прощеніе и помилованіе отъ Бога. Кратка и немногословна молитва мытаря, но сильно и велико ея дѣйствіе! *Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному!* — вотъ все, что говорилъ мытарь, бѣя перси своя, — и отыде въ домъ свой оправданъ паче фарисея, который говорилъ много словъ, выставлялъ много дѣлъ и добродѣтелей.

Въ чемъ сила мытаревой молитвы? Въ томъ, что онъ молился со смиреніемъ, которое столько-же драгоценно въ очахъ Божіихъ, сколько мерзостна гордость и возношеніе; молился съ сокрушеніемъ сердца, болѣе котораго грѣшникъ не имѣетъ ничего собственнаго, кромѣ грѣховъ своихъ, и лучше котораго ничего не можетъ принести въ жертву Судии и Богу своему. Если и каждый изъ насъ будетъ молиться, по примѣру мытаря, съ сокрушеннымъ сердцемъ и духомъ смиреннымъ, безъ сомнѣнія, удостоится той же милости отъ Сердцевѣдца; Господь отверзетъ и ему двери покаянія, введетъ его во святые и спасительные дни четырехдесятницы, поможетъ ему благодатно своею принести истинное покаяніе и получить полное прощеніе и помилованіе.

И трудное-ли и необыкновенное-ли дѣло—твари смиряться

предь Творцемъ своимъ, преступнику—предь Судією нелицеприятнымъ, погибающему грѣшнику сокрушаться при мысли о своей погибели? Пусть только каждый станеть съ мытаремъ у прага церковнаго, углубить взоръ свой въ обзоріе собственной жизни, дасть полную свободу совѣсти обличать и упрекать;—и уста его невольнo отверзутся, изъ сердца исторгнется молитвенный вопль о помилованіи.

Господи Боже мой, скажетъ каждый отъ всего сердца: что я предь Тобою?—Прахъ и пепель! Горстію праха былъ нѣкогда весь составъ мой, красотою котораго теперъ горжусь и превозношусь я; но Ты взялъ сей прахъ отъ земли, оживотворилъ его духомъ жизни, одарилъ разумомъ и свободою, украсилъ своимъ божественнымъ образомъ и подобіемъ; на землѣ вся покорилъ подь нозѣ мои, а на небѣ обѣщаль вѣчную и блаженную жизнь съ Тобою. Что нужно еще сдѣлать, и чегобъ не сдѣлалъ Ты для сего, одушевленнаго Тобою, брeнiя? чѣмъ могъ бы я заслужить, или чѣмъ могъ бы я возблагодарить за Твои благодѣянiя, не имѣя ничего своего, кромѣ внутреннихъ движеній ума и сердца и соотвѣтственныхъ имъ движеній тѣла, кои угодно было Твоей благодати предоставить моею свободою? Какъ же употребилъ я сію драгоценную возможность возблагодарить хотя чѣмъ-либо толико благодѣющаго мнѣ Господа, продлить и упрочить вѣчный союзъ съ Нимъ, въ коемъ состояло мое блаженство? Увы, бѣдный умъ мой возжелалъ познанiя добра и зла, несчастное сердце плѣнилось красотою запрещеннаго плода, руки простерлись къ смертноному древу, уста вкусили плодъ смерти;—и прекрасный составъ мой пакн долженствовалъ возвратиться въ землю, изъ которой взять онъ. Твой, Господи, праведный судъ поразилъ меня осужденіемъ вѣчной смерти и погибели!

Но твоя же безприглядная и неизреченная любовь отъ вѣчности опредѣлила спасти меня отъ смерти и ада въ возлюбленномъ Сынѣ Твоемъ. И сей единородный Сынъ Твой, иже не восхищеніемъ непщева быти равенъ Тебѣ, Богу и Отцу, воспріялъ зракъ раба, пріискренилъ пріобщился плоти и крови моя, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя; язвенъ бысть за грѣхи мои, и мучень бысть за беззаконiя мои; тяжкими страданiями и

крестною смертію заслужилъ мнѣ прощеніе грѣховъ и примирилъ съ правосудіемъ Твоимъ. Чтожь воздаю и воздаю я дражайшему Искупителю и вмѣстѣ Судіи моему за неизреченную любовь Его ко мнѣ? Еще въ колыбели Онъ омылъ меня водами крещенія, даровалъ залогъ обрученія въ сердце мое, оправдалъ и освятилъ меня, даровалъ право именоваться сыномъ Твоимъ, причастникомъ благодати Твоея, наслѣдникомъ вѣчнаго Твоего царствія. Долго ли же хранилъ я чистоту и невинность, благодать и святыню? Первыя свободныя движенія ума и сердца моего не оскверненными лукавствомъ? Первый шагъ моей свободной дѣятельности не былъ-ли шагомъ къ пороку? И возрастъ, именуемый невиннымъ, не былъ-ли исполненъ грѣховъ юности; о коихъ должно молить милосердіе Твое: *грѣховъ юности и невиденія моего не помяни; аще бо и сѣи беззаконія моя назриши, Господи, кто постытъ?*

Но Ты безконечно милостивъ къ недостойному милости; Ты не погубилъ меня со беззаконіями моими, хранилъ доселѣ жизнь мою, давно преданную смерти, привелъ въ совершенный возрастъ мужества, даровалъ полное употребленіе разума и свободы. Что же сдѣлано и съ сими дарами? Много-ли собровищъ для жизни будущей стяжалъ я, при сей свободѣ дѣйствованія? Много-ли сдѣлано мною для неба и вѣчности? Всегда ли совѣсть и законъ Твой управляли моими дѣйствіями? Не стогрять-ли чаще корабль души моей носился по тлетворному дыханію страстей, вляялся волнами житейскихъ попеченій?... И если бы угодно было правдѣ Твоей сей часъ воззвать меня къ Себѣ, не былъ-ли бы я чуждымъ пришельцемъ въ странѣ вѣчности? Не изгналъ ли бы самъ себя изъ Твоего царствія? не возопилъ ли бы холмамъ и горамъ: покройте мя отъ лица Сѣдящаго на престолѣ?—

Нѣтъ, премилосердый Господи, оставь меня и еще въ сей странѣ покаянія! Трепещу предстать лицу Твоему, ужа-саюся идти на судъ Твой! Въ безднѣ неизслѣдимаго милосердія и щедротъ Твоихъ утверждаю клятву моего упованія; милости прошу у Тебя, Любы безконечная: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; покаянія отверзи ми двери, Жизнодавецъ! Аминь.*

5. БЕСѢДА — ПЕРВАЯ.

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавец! (Церков. пѣснь).*

Когда внѣ храма Божія, быть можетъ, помышляютъ еще о продолженіи удовольствій, готовятся къ новымъ увеселеніямъ, рассчитываютъ на новыя и большія забавы, св. церковь напоминаетъ уже о покаяніи, отверзаетъ предверія св. поста, готовитъ насъ къ подвигамъ духовнымъ. Развѣ такъ скоро уже и постъ? Точно такъ, брат.: только дни скорби и печали бываютъ продолжительны и тяжелы, а время веселія пролетаетъ быстро, неуловимо и неудержимо. Не увидимъ, какъ пройдутъ и остающіеся дни веселія мірскаго, и наступитъ время покаянія, сѣтованія о грѣхахъ своихъ и печали, яже по Бозѣ,—мы явимся какъ бы въ другомъ мірѣ, гдѣ все будетъ напоминать намъ только о смерти и судѣ Божиемъ, все будетъ призывать насъ къ суду съ своею совѣстью, все будетъ говорить намъ о приготовленіи къ другой вѣчной жизни за гробомъ. Для того-то, чтобы это святое и спасительное время покаянія не застало насъ не готовыми, св. церковь напоминаетъ о приближеніи его благовременно, вводитъ насъ въ поприще поста постепенно, предрасполагаетъ духъ нашъ къ покаянію и своими пѣснопѣнныи и чтеніями Евангельскими.

Въ настоящій воскресный день мы слышали Евангельскую притчу о мытарѣ и фарисеѣ, вмѣстѣ молившихся въ храмѣ Божиемъ, но съ противоположнымъ духомъ молитвы и съ различнымъ плодомъ отъ молитвы. Эту притчу Господь сказалъ ко уповающимъ собою, яко суть праведницы, и уничающимъ прочихъ, т. е., такимъ людямъ, которые, находясь въ самообольщеніи, не видятъ и не знаютъ собственныхъ грѣховъ своихъ, а видятъ и осуждаютъ ихъ въ другихъ. Такое самопрельщеніе есть одна изъ главныхъ причинъ нераскаянности, есть пагубнѣйшая сѣть обольщеній діавольскихъ, въ которую онъ уловляетъ даже тѣхъ, кото-

рые искренно заботятся о спасеніи своемъ, ревнують объ исполненіи закона, и мнятся по правдѣ закона безпорочными, — есть пагубный ядъ, которымъ оскверняются всѣ самыя великіе добродѣтели и подвиги.

Что-жъ предложилъ Господь въ уврачеваніе сего тяжкаго недуга нравственнаго? Притчу сію: *человѣка два видюста въ церковь помолитися* *). Молитва есть такая потребность души, къ которой обращается она невольно во всѣхъ состояніяхъ внутренней жизни своей: и въ радости и въ горѣ, и въ добродѣланіи и въ паденіи, и въ избыткѣ радованія о своемъ преспѣяніи и въ подавляющемъ чувствѣ сознанія грѣховъ своихъ. Но съ другой стороны молитва, какъ бесѣда съ Богомъ, есть такое состояніе души, въ которомъ она высказывается такую, какова есть сама въ себѣ и какою она является предъ всевидящимъ взоромъ Божиимъ. По сему-то Господь и представляетъ намъ двухъ человѣкъ молящихся, чтобы изобразить наглядно внутреннее состояніе души нашей, которое для насъ самихъ не всегда бываетъ ясно видимо.

Изъ этихъ двухъ человѣкъ *единъ бы фарисей и другій мытарь*. Фарисеи были жаркіе ревнители закона Моисеева, строгіе исполнители не только всѣхъ предписанныхъ въ законѣ обрядовъ, но и всѣхъ составившихся на основаніи закона преданій, — почему и почитались въ народѣ людьми святыми и богоугодными и сами себя почитали праведными, отдѣленными отъ грѣшниковъ. Это самое ослѣпленіе и было причиною того, что фарисеи не внимали ни проповѣди Іоанна Крестителя о покаяніи, ни благовѣстію самого Господа Іисуса Христа. Мытари или сборщики податей и пошлинь, по самому свойству занятій своихъ, нерѣдко прибѣгали къ насилиямъ, хитрости и неправдамъ. Заплативъ римскому правительству большую сумму денегъ, они употребляли всѣ средства, какія способны измыслить корыстолюбіе и лихоимство, чтобы возратить заплаченное съ лихою. Понятно, что такіе люди были ненавистны народу Божію, какъ орудіе чужеземнаго владычества, что грѣшнѣе и омерзительнѣе мы-

*) Лук. XVIII, 9—14.

таря не могъ представить себѣ добрый израильтянинъ. Но это всеобщее презрѣніе скорѣе всего приводило мытарей къ глубокому и искреннему раскаянію. Въ Евангеліи мы видимъ не одинъ примѣръ мытаря кающагося, видимъ ихъ и въ числѣ усердныхъ слушателей Іоанна Крестителя и въ числѣ ближайшихъ учениковъ Христовыхъ.

Фарисей же ставъ, сице въ себѣ моляшеся: Боже хвалу тебѣ воздаю. Начало молитвы доброе: нѣтъ ничего обязательнѣе для существа разумнаго, какъ прославлять Господа-Творца своего, благодарить Его за неисчислимыя благодѣянія, которыми Онъ ущедряетъ насъ въ каждую минуту нашей жизни, и въ особенности за благодѣянія духовныя, за ту благодатную помощь, которую Онъ подаетъ намъ къ избѣжанію соблазна и искушеній, къ преспѣванію въ дѣлахъ вѣры, любви, благочестія и правды. Повидимому, это самое и служить предметомъ благодарной молитвы фарисея, но тотчасъ же и является въ ней духъ самопрельщенія, которымъ заражены были фарисеи.

Боже хвалу тебѣ воздаю, яко тѣсмь якоже прочіи человецы. Можно подумать, что это существо не изъ потомковъ Адамовыхъ, которые всѣ въ беззаконіяхъ зачинаются и рождаются въ грѣхахъ, что это Ангелъ съ небеси, который святъ и непороченъ предъ Богомъ, которому нѣтъ подобнаго изъ всѣхъ живущихъ на земли человекѣвъ. Какъ ни грубо, какъ ни бессмысленно подобное самопрельщеніе, но оно такъ близко къ сердцу каждаго, такъ сродно съ собственнымъ каждому самолюбіемъ, что нужна самая осторожная бдительность, чтобъ не поддаться этому духу самопрельщенія. Ибо что значить это недовольство всѣмъ и всѣми, это оужденіе дѣйствій извѣстныхъ и даже неизвѣстныхъ намъ людей, эти пересуды чужихъ поступковъ и правилъ, это негодованіе на то, что все дѣлается не по нашему, эта тонкая зоркость, которая видитъ и малую пылинку въ глазѣ брата своего, не примѣчая бревна въ своемъ собственномъ,—эта обидчивость, когда другіе видятъ въ насъ не то, чѣмъ мы хотимъ казаться? Все это, брат. мои, духъ фарисейскаго самопрельщенія, все это показываетъ, что въ сердцѣ нашемъ гнѣздится змѣй, который шепчетъ намъ, что мы не

то, что прочіи человекѣцы. Посему-то первое правило христіанской жизни есть не смотрѣть на то, что дѣлають или не дѣлають другіе, а устремлять строго испытующій взоръ только на самого себя, смотрѣть неуклонно въ зеркало закона Божія и по нему повѣрять всю внутреннюю и виѣшнюю жизнь свою, всѣ движенія ума и сердца своего. Чѣмъ прилежнѣе будемъ наблюдать за собою, тѣмъ скорѣе убѣдимся, что *много согрѣшаемъ вси*, какъ говоритъ Апостоль, *и аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* *); что въ самой глубинѣ сердца нашего есть корень зла, который непрестанно произращаетъ злыя отрасли въ нашихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ, въ нашихъ словахъ и поступкахъ; что въ самомъ существѣ нашемъ есть *законъ, противувоюющъ закону ума нашего и плѣняющъ насъ закономъ грѣховнымъ*, и вслѣдствіе того мы часто *не еже хотимъ доброе сіе творимъ, но еже не хотимъ злое, сіе содѣваемъ* **). По сему то и величайшіе праведники не преставали до смерти оплакивать немощи и грѣхи свои, страшились суда Божія и не почитали себя праведными предъ Богомъ. *Ничесоже въ себѣ свѣтъ* (— порочнаго и злаго); *но ни о семъ оправдаюсь*, говорилъ о себѣ св. Павелъ.

Но этого-то и не знаетъ духъ самопрельщенія фарисейскаго. *Нѣсмъ, якоже прочіи человекѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе*, — какъ будто добродѣтель можетъ быть сравниваема съ явными и грубыми пороками, какъ будто уклоненіе отъ этихъ грубыхъ пороковъ есть уже верхъ совершенства, выше котораго не остается и желать ничего болѣе; какъ будто подъ этою личиною праведности не можетъ скрываться злое и развращенное сердце, петерпимыя предъ лицомъ Божиимъ скверны лицемѣрства и лукавства, гордости и тщеславія, надменности и презорства, зависти и злобы, жестокости и корыстолюбія. Эти-то скверны сердечныя и открывалъ Господь подъ личиною праведности фарисейской; за эти—то внутренніе, кореняющіеся въ самомъ сердцѣ пороки Онъ и предрекалъ имъ одно горе и горе!

*) Іаков. III, 2; I Іован. I, 8. **) Рим. VII, 23. 19.

Кого сохранилъ Господь отъ грубыхъ пороковъ, тотъ да благодарить Господа, но не долженъ успокоиваться на этой отрицательной добродѣтели. Чтобы видѣть въ подлинномъ видѣ внутренній образъ нравственнаго бытія своего, нужно сравнивать себя не съ явными грѣшниками, которые, впрочемъ, истиннымъ покаяніемъ могутъ явиться лучшими насъ праведниками, и предупредить насъ во Царствіи Божіемъ, но съ тѣми земными ангелами и небесными челоувѣками, которыхъ добродѣтельная жизнь прославлена самимъ Богомъ. Ихъ-то Судія міра поставитъ одесную Себе; на нихъ указуя, Онъ спроситъ насъ: что сдѣлали мы для Него, что сдѣлали достойнаго воздаяній небесныхъ? Се ликъ св. Пророковъ и Апостоловъ которые, оставивъ все, послѣдовали за Мною въ напастяхъ Моихъ, въ бѣдахъ, тѣснотахъ и скорбяхъ проповѣдовали слово Мое въ мірѣ, терпѣли гоненія, злословія, поруганія, страданія. Се Соборъ мучениковъ, которые за славу имене Моего, за вѣру и Евангеліе претерпѣли жесточайшія страданія и муки, *избіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша* *). Се ликъ преподобныхъ, которые, вмѣнивъ въ уметы вся красная міра, расторгнувъ всѣ узы родства и дружбы, отреклись міра и всего, что въ мірѣ, проводили жизнь свою въ постѣ и молитвѣ, въ слезахъ и сокрушеніи сердечномъ, во бдѣннн и колѣнопреклоненіяхъ, въ пустыняхъ скитающаея и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастьхъ земныхъ. Се соборъ праведниковъ, которые, и живя въ мірѣ, жили не для міра и плоти, которые въ непрестанномъ духовномъ крестоношеніи ходили предо Мною преподобіемъ и правдою во вся дни живота своего, которые и жизнь и имущество свое принесли въ жертву любви къ своимъ ближнимъ, были окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, отцами сирыхъ, попечителями голодныхъ, опорой немощныхъ, помощію безпомощныхъ. Что сдѣлали вы, чтобы Я почтилъ васъ почестію вышняго званія во царствіи Отца Моего, чтобы Я раздѣлилъ съ вами славу Мою, юже имѣхъ у Отца прежде сложенія міра? Скажешь-ли, я не былъ ни воромъ, ни прелюбодѣемъ, ни грабителемъ? Но такія дѣла считались

*) Евр. XI, 37.

гнуемыми пороками и у самых язычниковъ, а между христианами ниже да именуются: такія преступленія подвергаются позорной казни и судъ человѣческой. А судъ Божій видитъ сердце и совѣсть человѣка, судить помышлениямъ и мыслямъ сердечнымъ. Открой же сердце свое передъ Богомъ, обнажи порочные помыслы и мечтанья, которыми утѣшался умъ твой, страстные похотѣнія и желанія, которыми волновалось твое сердце, нечистыя вожелѣнія, которыми услаждалась душа твоя, исчисли, если можешь, всѣ празныя, безумныя, злорѣчивыя, кощупственные слова свои, изочи всѣ соблазны, которыми растлилъ ты сердца и умы невинныхъ и невѣдавшихъ зла, собери всѣ неправды, обиды, оскорбленія, которыя причинилъ ты своимъ братьямъ словомъ или дѣломъ, желаніемъ и помышленіемъ. *Непщевалъ еси, яко буду тебѣ подобенъ*, — скажетъ тебѣ Судія міра, *обличу тѣ и поставлю предъ тобою грѣхи твоя, и изведу тайная во свѣтъ*. О, кто стерпитъ день пришествія Господа и кто постоитъ въ видѣніи Его? Если и праведникъ едва спасется, мы грѣшныя гдѣ обрящемся?

Другая опора самопрельщенія есть внѣшнія добродѣтели, которыми, какъ листьями, украшается иногда и бесплодное древо: *пошусл двакратно въ субботу*, говоритъ фарисей, *десятину даю всего, елика притяжу*. Но, во-первыхъ, какъ все злое, нечистое и порочное есть плодъ собственной развращенной воли нашей, такъ все доброе и богоугодное въ насъ есть дѣйствіе благодати Божіей: *безъ Мене не можете творити ничесо же* *), говоритъ Господь. По сему-то сколько бы, при помощи благодати Божіей, ни совершилъ кто добрыхъ дѣлъ, онъ все далекъ еще отъ совершенства, котораго требуетъ отъ насъ Евангеліе: *иже и всѣ повелѣнія вамъ исполните, глаголите, яко рабы неключими есмь, яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* **). Но подъ покровомъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія не таится ли чаще всего мерзость запустѣнія въ святилищѣ сердца нашего? Оцѣждая комары подобно фарисеямъ, не поглощаемъ ли верблюдовъ? Творя внѣшнія дѣла благочестія, соблюдая

*) Іоан. VI, 44. —**) Лук. XVII, 10.

наружные обряды, не оставляемъ ли вѣщая закона—судъ, милость и вѣру? Всѣ добрыя дѣла наши не составляютъ-ли только новые заплаты на ризѣ ветхой? Намъ заповѣдано совлещись всего ветхаго человѣка съ дѣянными его и облещись въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, возродиться духомъ, стяжать новое сердце и духъ новъ, отъ насъ требуется не то или другое доброе дѣло и подвигъ, а новая жизнь во Христѣ. Съ другой стороны, и добрыя дѣла наши будутъ судимы на судѣ Божиемъ не по внѣшнему своему достоинству, а по внутреннему расположенію сердца, и фарисеи творили не мало добрыхъ дѣлъ: изучали законъ Божій, совершали продолжительныя молитвы, подавали милостыню и проч. Но все это дѣлали, какъ говорить Господь, да видимы будутъ человѣками. Правда, и христіанамъ завѣщено: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ добрая дѣла ваша, и прославятъ отца вашего, иже на небесѣхъ **); и есть дѣла, которыя не могутъ быть совершаемы иначе, какъ предъ взоромъ другихъ. Но правило христіанское—быть, а не казаться добродѣтельнымъ, не самому хвалить дѣла свои, а отъ дѣлъ имѣть похвалу. Истинно добрыя дѣла проистекаютъ изъ чистаго источника вѣры и благочестія, любви и милосердія христіанскаго, а не изъ какихъ-либо внѣшнихъ, постороннихъ побужденій и цѣлей; уподобляются плодамъ не привѣшеннымъ къ дереву, а выросшимъ изъ корня и соковъ; творятся предъ Богомъ и для Бога, а не предъ людьми и не для похвалы человѣческой. Отбрось же все изъ твоихъ добрыхъ дѣлъ, что сдѣлано не для Бога, что осквернено самолюбіемъ и тщеславіемъ, что заражено лицемѣріемъ и самоугодіемъ, что смердитъ гордостью и самонадѣянностью; явись съ остаткомъ истинно добрыхъ дѣлъ, которыя будутъ признаны такими Испытующимъ сердца и утробы, которыя достойны похвалы у Бога, а не у людей: оправдишься ли ими на праведномъ судѣ Божиемъ? Ахъ, какъ многіе, почитавшіеся праведными, покроются тогда стыдомъ и посрамленіемъ! какъ многіе, ублажавшіеся на землѣ, стануть ошуюю

*) Мат. V, 16.

Судіи въ числѣ козлищъ! *Мнози рекуть Мнѣ въ онъ день, говоритъ Господь: Господи, Господи, не въ Твое-ли имя пророчествовахомъ? не Твоимъ-ли именемъ бѣсы изгонихомъ и силы многи сотворихомъ? Тогда отвѣщаю имъ: не вѣмъ васъ, отыдите отъ Мене дѣлатели неправды* *).

Таковъ, брат. мой, духъ самопрельщенія фарисейскаго! Воздерживая челоуѣка отъ явныхъ всѣмъ видимыхъ и грубыхъ пороковъ, онъ внушаетъ ему ложное мнѣніе о его чистотѣ и непорочности; украшаясь внѣшними дѣлами благочестія и милосердія, онъ успокоиваетъ совѣсть мнимою праведностію предъ Богомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ заграждаетъ челоуѣку путь къ сознанию грѣховъ своихъ, къ истинному покаянію и сокрушенію сердечному. Посему-то св. церковь и вооружаетъ насъ противъ сего духа самопрельщенія въ самомъ первомъ предверіи къ посту и покаянію. Чѣмъ вооружаетъ? Смиреніемъ мытаревымъ. Войдемъ глубже въ свою совѣсть и сердце, размыслимъ о своей грѣховности и немощи, о своихъ заблужденіяхъ и слабостяхъ, о страшномъ судѣ Божіемъ, на которомъ насъ будутъ судить не по приговорамъ нашего самолюбія, а по правиламъ Евангелія Христова, не по тому, какими кажемся себѣ и людямъ, а каково сердце наше предъ Богомъ, о томъ истязаніи, которому подвергнутся всѣ лукавые помыслы ума нашего; всѣ нечистыя вожелѣнія сердца, всѣ самолюбивыя намѣренія и стремленія духа. Будемъ при семъ молиться, чтобы Самъ Господь благодатію Своею озарилъ нашу совѣсть, открылъ и обличилъ предъ нами сокровенныя тайны души нашей. Тогда сама собою явится на устахъ и въ сердцѣ смиренная молитва кающагося мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. Покаянія отверзи ми двери. Жизнодавецъ! Аминь.*

*) Мѣ. VII, 22—23.

6. БЕСѢДА—ВТОРАЯ.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! (Церков. пѣснь).

Такъ научаетъ насъ молиться св. Церковь, приготовляя къ подвигамъ поста и покаянія.—Нѣтъ нужды доказывать, какъ необходимо для насъ покаяніе. Слово Божіе ясно говоритъ намъ, что, послѣ паденія перваго человѣка, *нѣсть праведенъ никтоже, и никтоже чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли* (Іов. 14, 4); что, съ другой стороны, *ничтоже скверно въ Царствіе Божіе внидетъ*, ибо оно есть Царство правды и мира, Царство чистоты и непорочности, Царство святости и блаженства; что, наконецъ, единственное средство къ очищенію себя отъ сквернъ грѣховныхъ, къ снисканію оправданія и мира съ Богомъ, къ возвращенію первобытной чистоты и непорочности, есть покаяніе во имя Іисуса Христа: ибо во имя Его единого, въ силу Его крестныхъ страданій и смерти, благоизволилъ Богъ *всюду проповѣдаться покаянію и отпущенію грѣховъ, и нѣсть иного имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ*. Вотъ почему и нѣтъ иного средства для избѣжанія вѣчной гибели и снисканія пути къ Царствію Божію, кромѣ покаянія: *аще не покаетсяя, вси погибнете* (Лук. 13, 5), говоритъ Самъ Господь живота и смерти нашея. Столь же несомнѣнно, брат. мои, и то, что не всѣ мы и не во всякое время способны принести истинное покаяніе, какого требуетъ Евангеліе,—свергнуть съ очей своихъ покровъ суеты и самообольщенія и ясно узрѣть бездну гибели, надъ которою стоитъ и въ которую готовъ низвергнуться всякій грѣшникъ нераскаянный, возжелать всѣмъ сердцемъ оправданія, очищенія и помилованія отъ Бога, расторгнуть всѣ узы, коими опутываетъ насъ грѣхъ, какъ бы ни казались они драгоценными нашему сердцу,—словомъ, оставить грѣхъ и обратиться къ Богу

всѣмъ сердцемъ и душою, быть готовымъ пожертвовать для своего спасенія всѣмъ до собственной жизни. Нѣтъ, такое покаяніе есть даръ благодати Божіей, о которомъ должно просить и молиться; есть такой подвигъ, къ которому должно возбуждать, нудить и располагать себя. Потому-то свят. Церковь заранѣе приготовляетъ насъ ко вступленію во святые и спасительные дни поста и покаянія, заранѣе старается удалить все, что препятствуетъ намъ принести истинное покаяніе, научить тому, что требуется съ нашей стороны, чтобы стяжать себѣ духъ умиленія и сокрушенія сердечнаго.

Наибольшее препятствіе къ истинному покаянію есть духовное самообольщеніе и гордость, когда люди, ослѣпляясь видомъ праведности, не видятъ въ себѣ многихъ слабостей и пороковъ, а потому и не стараются очистить ихъ покаяніемъ. Нельзя не сознавать себя грѣшнымъ тому, кто имѣлъ несчастіе впасть въ явный и тяжкій грѣхъ; собственная совѣсть, если она не омертвѣла совершенно, не сдѣлалась, но слову Апостола, *сожженою*, невольно обличаетъ, бодесть и укоряетъ такого человѣка, — и онъ невольно ищетъ врачевства покаянія, утѣляющаго внутреннюю боль души. Но если покровъ добродѣтелей повергаетъ въ дремоту самую совѣсть, если сей внутренній стражъ душевной чистоты высыпаетъ на возглавіи самодѣльной праведности; тогда нужно сильное пробужденіе, чтобы человѣкъ оттрясъ душевную дремоту. отверзъ очи и узрѣлъ ясно, что онъ, при всемъ видимомъ богатствѣ добрыхъ дѣлъ своихъ, и окаменъ и бѣденъ, и слѣпъ и нищъ и нагъ. Опасность сего духовнаго самообольщенія такъ велика, что и самые великіе праведники страшились ея болѣе всего, употребляли всѣ средства къ сохраненію сердца своего въ смиреніи и униженіи предъ Богомъ, не преставали окаявать и оплакивать себя, какъ грѣшниковъ, до конца жизни. Посему-то св. Церковь первѣе всего вооружаетъ насъ противъ сего скрытаго и опаснаго врага истиннаго покаянія. Для предупрежденія насъ отъ самообольщенія, она оглашаетъ нынѣ слухъ нашъ притчею о мытарѣ и фарисеѣ, которую и Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ произнесъ, какъ замѣчаетъ св. Евангелистъ,

ко уповающимъ собою, яко суть праведницы, и уничижающимъ прочихъ *).

Что же сказалъ Господь этимъ людямъ? притчу сію: *человѣкъ два видоста въ церковь помолитися: одинъ фарисей, а другой мытарь*. Т. е. для лучшаго уразумѣнія, поученіе представляется въ лицахъ и въ дѣйствіи, чтобы намъ, по нашей привычкѣ судить о себѣ по другимъ, легче было сравнивать свое состояніе съ состояніемъ представляемыхъ лицъ, свѣрять свои поступки съ ихъ дѣйствіями, и изъ участи ихъ заключать о своей участи. Фарисеи, изъ которыхъ одинъ представляется въ притчѣ, за исключеніемъ гнусныхъ лицемѣровъ, коихъ Спаситель жестоко обличалъ въ другихъ случаяхъ, были вообще люди набожные, строго исполняли предписанія не только обрядоваго закона Моисеева, но и преданій старцевъ, хранились тщательно отъ явныхъ пороковъ и грѣховъ, даже отъ общенія съ явными грѣшниками; за что въ народѣ почитались праведными и святыми, и были, какъ говоритъ св. Павелъ, по правдѣ законной непорочны. Но сей-то видъ святости сокрывалъ отъ ихъ собственныхъ очей многія слабости и грѣхи, отъ коихъ не свободенъ никто, аще и одинъ день житія его на земли. Увѣренны въ своей святости и чистотѣ, они не внимали проповѣди о покаяніи, которою гремѣлъ гласъ вопіющаго въ пустыни, которую, обходя грады и веси, проповѣдовалъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ; по чему и остались внѣ царствія Божія, къ которому, при всеобщемъ поврежденіи челоуѣческаго рода, лежитъ одинъ и единственный путь — искреннее покаяніе. Напротивъ, мытари, т. е., сборщики податей, были люди, въ общемъ миѣніи почитавшіеся грѣшниками, которые и сами себя почитали такими; а потому тѣмъ охотнѣе искали врача, который могъ бы исцѣлить ихъ духовныя раны, тѣмъ усерднѣе текли на Иорданъ къ проповѣднику покаянія, чтобы омытъ грѣхи свои крещеніемъ, тѣмъ скорѣе притекали къ Иисусу Христу, единому имущему власть оставлять грѣхи кающимся, — и предваряли всѣхъ въ Царствіи Божіемъ.

И фарисей и мытарь *видоста въ Церковь помолитися*.

*) Лук. XVII, 9.

И праведникъ старающійся выну благоугождать Богу исполненіемъ закона, и грѣшникъ, какъ скоро пробуждается въ немъ мысль о его вѣчномъ назначеніи, равно чувствуютъ нужду предстать лицу Божію.—Такъ само сердце говоритъ намъ, что въ общеніи съ Богомъ, въ предстояніи лицу Божію, въ созерцаніи и прославленіи славы Божіей состоитъ наше вѣчное назначеніе и наше вѣчное блаженство; что это и есть небесное царствіе, къ которому призываетъ насъ Господь. Но какъ на все время земнаго странствованія нашего, доколѣ не предстанемъ лицу Божію на небѣ, любовь Божія назначила намъ и на землѣ мѣсто, хотя временнаго, свиданія съ Собою въ святыхъ храмахъ: то сюда-то и влечетъ челоуѣка его сердце, какъ скоро ощущается въ немъ потребность явиться лицу Божію. Сюда равно стремится и мнимоправедный фарисей и грѣшный мытарь. Явно, что какимъ является челоуѣкъ предъ Богомъ въ храмѣ рукотворенномъ, такимъ онъ явится и въ нерукотворенномъ храмѣ небесномъ; какъ кого принимаетъ Господь въ Церкви земной, такъ того приметъ и на небѣ; что привлекаетъ любовь и благоволеніе Божіе здѣсь, то самое привлечетъ и тамъ; и что отвращаетъ отъ насъ лице Божіе здѣсь, то самое отвратитъ его и тамъ. Замѣйте, брат., при семъ случаѣ, съ какимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ должно приходитъ въ храмъ Господень, съ какимъ благочестіемъ и страхомъ должно предстоять здѣсь лицу Божію! Въ храмѣ славы Божіей стояще, на небеси стояти мнимъ!—Но будемъ продолжать притчу.

Фарисей же ставъ, сице въ себѣ молящися: Боже хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмъ якоже прочіи челоуѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодне.

И такъ первое, что удерживаетъ насъ въ пагубной сѣти самообольщенія и не даетъ видѣть собственныхъ грѣховъ своихъ, есть преступное отвращеніе взора отъ самихъ себя на слабости и пороки нашихъ ближнихъ. Въмѣсто того, чтобъ судить самихъ себя, мы обращаемся къ другимъ; лукавое око тотчасъ претыкается о пороки ближнихъ—и мы, повидимому, съ чувствомъ благочестія, но на дѣлѣ съ тайнымъ чувствомъ самодовольства и самохвальства, говоримъ: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмъ якоже прочіи чело-*

вѣщцы. Но такъ ли должно судить о своемъ нравственномъ состояніи, когда хотимъ предстать предъ всевидящее око Божіе? Не поступки и поведеніе другихъ, о которомъ насъ не спросятъ на судѣ, должны быть мѣрою нашего совершенства, а законъ Божій, а Евангеліе Иисуса Христа, по которому будутъ судимы всѣ—и мы и наши ближніе. Должно приникнуть въ сіе неложное зеркало истины и познать, исполнили-ль всѣ заповѣди, которыя преподаетъ намъ св. Евангеліе. Ибо, *еще кто и весь законъ исполнитъ, согрѣшитъ же во единомъ, будетъ всѣмъ повиненъ* *). Если не согрѣшили дѣломъ, то удержали-ль отъ зла языкъ, которымъ, по слову апостола, много согрѣшаемъ вси и за злоупотребленіе коимъ большее осужденіе примемъ? Ибо *за всякое слово праздное* (только праздное!), *еже еще рекутъ чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный*, какъ говоритъ Самъ Судія вселенной. Если удержали языкъ, то соблюли-ль въ чистотѣ мысли, желанія и чувства? Ибо и *помышленія злая*, по слову Господню, *сквернятъ чловѣка*. Предъ Сердцевѣдцемъ не сокрыто ни одно, самое тайное, помышленіе души, не одно сокровеннѣйшее движеніе сердца: *вся нага и объявлена предъ очами Его* (Евр. 4, 13.), и *о встѣхъ сихъ приведетъ насъ Господь на судъ*. Быть не можетъ, чтобъ при такомъ изслѣдованіи, подъ прикрытіемъ добродѣтелей, не открылось много пятенъ, для омытія коихъ не потребовалось бы слезъ покаянія и сокрушенія сердечнаго. Но пусть не найдется и одного порока, и симъ мы не заслуживаемъ еще оправданія у Бога; ибо мы въ беззаконіяхъ рождены. Посему-то и говоритъ св. Павелъ: *ничегоже въ себѣ свѣтъ, но ни о семъ оправдался*. Ты не находишь въ себѣ грѣха? но одна мысль—почитать себя выше и чище другихъ не есть ли преступное порожденіе гордости, безумное оскорбленіе ближнихъ? Одно покушеніе къ осужденію другихъ не есть ли порокъ, достойный казни вѣчной? *Ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеву стоитъ, или падаетъ: силенъ же есть Богъ возставити его*. О, если бы мы чаще и строже судили самихъ

*) Іаков. II, 10.

себя; если бы, притомъ, помнили страшное слово апостольское: *имъ же судомъ судиши друга, себя осуждаеши* (Рим. 2, 1.); никогда языкъ человѣческій не произнесъ бы онаго безумнаго глагола: *письмъ якоже прочіи человецы, или якоже сей мытарь!*

Пошуся, продолжаетъ фарисей, *два краты въ субботу, десятину даю всего, елико притяжу*. И такъ другое препятствіе видѣть свои пороки и другая опора самообольщенія—суть добродѣтели наши, на которыя самолюбіе обыкновенно смотритъ въ увеличительное стекло. Обращаясь къ своей жизни, мы, по нѣкому тайному закону самолюбиваго сердца, первѣе всего останавливаемся на своихъ добрыхъ качествахъ, и, любуясь ими, не хотимъ обратить взора въ другую, темную сторону нашихъ слабостей. Такой—такъ сказать—осмотръ собственныхъ добродѣтелей производитъ то, что мы успокоиваемся совершенно на возгласіи самодѣльной праведности, и либо вовсе не почитаемъ для себя нужнымъ покаяніе, или же приходимъ на исповѣдь по одному обычаю, безъ сердечнаго влеченія; отъ того и исходимъ изъ врачевницы покаянія не только не оправданными, но и съ вящимъ осужденіемъ.—Но, возлюбленный собратъ, поставь себя паки предъ зеркаломъ закона Господня, и познай, достигъ ли той высоты совершенства, которой требуетъ Евангеліе, которой и св. Павелъ почиталъ себя не у достигшимъ? Не говоримъ, превзошелъ ли,—сравнился ли съ тѣми великими праведниками, коихъ ублажаетъ св. Церковь? Стяжалъ ли вѣру Авраама, кротость Моисея, цѣломудріе Иосифа, нестяжательность Иліи и Іоанна, самоотверженіе апостоловъ, терпѣніе мучениковъ, духовную бдительность пустынниковъ, чистоту дѣвственниковъ? Въмѣсто того, чтобъ пересчитывать, что сдѣлано, пересчитай, если можешь, что не сдѣлано, но что можно и должно было сдѣлать, что опущено невозвратно, и за что должно будетъ дать отвѣтъ предъ всевѣдущимъ Судіею:—можешь ли, послѣ сего, съ своими добродѣтелями стать непостыдно на страшномъ и праведномъ судѣ Божіемъ, предъ соборомъ Святыхъ Божіихъ, которые безчисленными трудами и скорбями, бѣдствіями и страданіями, потомъ и кровію стяжали Царствіе Божіе?—Но если нужно смотрѣть

и на свои добродѣтели, то должно разсмотрѣть ихъ безъ предубѣжденія и самолюбія, должно изслѣдовать ихъ побужденія и цѣли. Творя добрыя дѣла, имѣль-ли постоянно въ виду Бога и законъ Его; или сердце твое направлялось по другимъ, не всегда чистымъ, иногда и вовсе худымъ — своекорыстнымъ и самолюбивымъ видамъ? Уваженіе-ли къ закону Божію, или стыдъ человѣческой и внѣшнее приличіе удерживали тебя отъ многихъ порочныхъ дѣйствій? Истинная любовь къ ближнему, или тайное наслажденіе благодарностію и почетное имя благотворителя отверзали руку твою для неимущихъ? Совѣсть ли и законъ Божій, или стремленіе къ почестямъ и отличіямъ мірскимъ побуждало тебя исполнять должность свою до самоотверженія? — Отбрось же всѣ добродѣтели, которыя сдѣланы не для Бога, — ихъ не приметъ и не наградитъ всевѣдущій Судія; предстань на судъ съ остаткомъ истинно-добрыхъ дѣлъ, — устоишь ли на страшномъ и праведномъ судѣ Божіемъ? — Ахъ, многіе рекуть во оный страшный день: *Господи, Господи, не въ Твое-ли имя пророчествовахомъ, и не Твоимъ-ли именемъ бѣсы изгонихомъ и силы многи сотворихомъ?* — *Николиже знаехъ васъ; отъидите отъ Мене* (Матѳ. 7, 22. 23.), скажетъ имъ въ отвѣтъ праведный Судія. Господи, Господи, скажемъ нѣкогда и мы, не въ Твое-ли имя сотворили мы то или другое доброе дѣло? Не наши-ли руки простирались не рѣдко къ несчастнымъ? Не наши-ли уста отверзались на хвалу Твою? — О, что скажетъ намъ тогда праведный Судія вселенной? — Если дѣла наши о Бозѣ суть содѣлана; услышимъ отъ Него оный вождельнѣйшій гласъ: *приидите благословеннїи Отца Моего*. Если же всѣ добрыя дѣла наши осквернены самолюбіемъ, смердятъ лицемѣріемъ, — Онъ речетъ и намъ: *отъидите отъ Мене, не вѣмъ васъ*. Вы искали славы человѣческой, и воспріяли мзду свою; — *отъидите отъ Мене*. Вы надѣялись создать себѣ кумирь собственной праведности, самодѣльной святости? убо не вѣмъ васъ, *отъидите отъ Мене*. Вы не нужнымъ почитали даруемое мною оправданіе, которое снискивается слезами искренняго покаянія; вы уничтожили Крестъ и страданія Мои, ни во что вѣрили смерть Мою, коею заслужилъ Я прощеніе

и помилованіе грѣшникамъ: какая же вамъ часть со Мною во славу Моей! *отзидите отъ Мене, не вѣмъ васъ!*

Горько будетъ услышать подобный гласъ изъ устъ Судии вселенной, на всемірномъ судѣ, съ котораго должно будетъ идти въ огонь вѣчный. Упредимъ сіе страшное осужденіе осужденіемъ самихъ себя. Свергнемъ личину мнимой праведности; станемъ съ мытаремъ у прага Церковнаго, углубимъ взоръ свой на самихъ себя, на свои грѣхи и паденія, на свою нечистоту предъ Богомъ, и воззовемъ отъ глубины сердца: *Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ*,— не возгнушайся нечистотою нашею, умилосердись надъ нами бѣдными грѣшниками, не дай намъ умереть нераскаянными, приведи во святыя и спасительныя дни поста и покаянія, сокруши окамененіе сердца и возбуди въ немъ скорбь о грѣхахъ, даруй очистительныя слезы умиленія сердечнаго: *покаянія отверзи намъ двери, Жизнодавче!* Аминь.

II. Недѣля о блудномъ сынѣ.

7. БЕСѢДА — ПЕРВАЯ.

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавче (Пѣснь церк.).*

Повторяетъ паки св. Церковь покаянную пѣснь свою, открывая предъ нами, въ настоящій воскресный день страшную картину паденія и умиленный видъ покаянія грѣшника въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Два главные предмета представляются въ сей притчѣ: для возбужденія къ покаянію тѣхъ, кои, находясь въ узахъ грѣховной привычки, не могутъ и не хотятъ освободиться отъ нея, изображается бѣдственное состояніе человѣка, удалившагося отъ Бога; для утѣшенія и ободренія тѣхъ, кои, подавляясь сознаниемъ тяжести грѣховъ своихъ, впадаютъ въ безнадежность и отчаяніе,—представляется образъ покаянія развращеннаго сына и милосердіе Отца, который пріемлетъ кающагося. Про-

странство притчи требуетъ ограниченія предмета собесѣдованія. Остановимъ на сей разъ вниманіе наше на бѣдственномъ состояніи, коему подвергается неминуемо каждый грѣшникъ въ удаленіи отъ Бога, — для возбужденія въ себѣ чувства умиленія и приготовленія себя къ покаянію, для чего собственно и предлагается св. Церковію сія притча.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына (Луки 15, 11), такъ начинается чтенная нынѣ притча Евангельская. Не трудно понять, что подъ образомъ сего человѣка представляется Отецъ небесный, Коему всѣ люди суть чада и по праву творенія и по усыновленію во Исусѣ Христѣ, Единородномъ Сынѣ Его, Который не постыдился братією нарицать насъ, Который всѣмъ, желающимъ принять, *даде область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12). Не менѣе понятно и то, что два сына, упоминаемые въ притчѣ, изображаютъ двоякій родъ людей — праведныхъ, которые николиже заповѣди Божіей преступили и никогда не оставляли отеческаго крова, и грѣшныхъ, повсечасно удаляющихся отъ Бога. Сынъ Божій, пришедшій *взыскати и спасти погибшаго* (Луки, 19, 10) (ибо не здравіи требуютъ врача, но болящія), не упоминая далѣе о первыхъ, изображаетъ подробно состояніе послѣднихъ.

И рече юнѣйшій его. т. е., неопытнѣйшій и неразумный, каковы дѣйствительно всѣ грѣшники, — *рече отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія* (ст. 12). Это первое заблужденіе неопытнаго юноши и первый шагъ къ пороку. Отче, даждь ми! для чего? развѣ недостаетъ тебѣ чего либо въ отеческомъ домѣ? Развѣ любовь отца можетъ въ чемъ либо отказать сыну, что для него нужно и полезно? — Нѣтъ, не скудость и недостатокъ въ чемъ либо заставляютъ юношу требовать у отца части имѣнія; а своеволіе, которому тягостно повиноваться волѣ родительской. Тагъ, брат., начинается уклоненіе отъ Бога и всякаго грѣшника. *Кѣмъждо*, говоритъ Апостоль, *искушается отъ своя похоти влекома и прельщаемъ* (Іаков. 1, 14); въ развращенной волѣ нашей есть что-то такое, что побуждаетъ ее свергнуть съ себя иго закона Божія, что всегда влечетъ ее къ запрещенному древу. Лукавый разумъ находитъ тотчасъ тысячу извиненій, кото-

рыми хочеть оправдаться лукавое сердце. Намъ кажется, что мы довольно благоразумны, чтобы, и безъ вѣшнихъ предостереженій, остеречь себя отъ опасностей, довольно предусмотрительны, чтобы, и безъ посторонняго руководства, провести жизнь счастливо и благополучно. На чтожь и дана свобода, если мы не властны располагать собою? для чегожь и сотворены блага земли, если нельзя наслаждаться ими безвзбранно? для чего и самая жизнь, если должно иждить всю ее въ исполненіи тяжкаго закона?—Такъ, или почти такъ мыслить и чувствуетъ сердце, возжигаемое похотію;—и ни совѣты благоразумія, ни предостереженія опытности не могутъ укротить воплей своеволія: *Отче, даждь ми достойную часть имѣній*; дай самому мнѣ власть надъ моимъ сердцемъ, надъ моими мыслями и чувствами! Бѣдное сердце, горько будешь оплакивать этотъ шагъ къ своеволію!

И раздѣли има имѣніе. Необидливый Богъ всѣмъ даруетъ все. Производя на свѣтъ, Онъ надѣляетъ каждаго всѣми нужными дарами естественными и благодатными. Одному даруетъ богатство; другому крѣпость силъ тѣлесныхъ; одному быстрый, пронизательный разумъ; другому нѣжное, чувствительное сердце; всѣмъ вообще—прощеніе грѣховъ и обрученіе Духа въ св. таинствахъ Крещенія и Мuropомазанія. И — чего особенно желаютъ, — оставляетъ каждаго въ рудцѣ произволенія его; попускаетъ даже строптивымъ ходить въ похотяхъ сердецъ ихъ.—Чтожь выходитъ изъ того? Какъ пользуются Его дарами? Какъ употребляютъ имѣніе, которое Онъ раздѣляетъ каждому нелицепріятно?

И не по мнозыхъ днехъ собравъ все мній сынъ отыде на страну далече (ст. 18). Присутствіе отца тяготитъ своевольнаго юношу; онъ спѣшитъ удалиться отъ всего, что могло бы напоминать о его обязанностяхъ къ отцу, хотѣлъ бы забыть все, чтобъ никакая мысль, никакое чувство не отравило его наслажденій: *отыде на страну далече*. Такъ всегда поступаетъ человѣкъ, который разъ далъ власть похоти надъ своимъ сердцемъ, свергнувъ съ себя благое иго Христово; отторгъ сердце свое отъ закона Божія, сдѣлалъ шагъ къ пороку. Ему неприятно все, что какимъ-либо образомъ напоминаетъ ему о его обязанностяхъ къ Богу и ближ-

нему; въ его сердцѣ непреодолимое отвращеніе ко всему, что составляетъ предметъ занятій и удовольствій для другихъ. Приходить онъ въ храмъ; здѣсь ему скучно, тяжело, — онъ спѣшитъ скорѣе удалиться отсюда. Находитъ полезную и важную книгу; онъ отвергаетъ ее съ неудовольствіемъ. Исполненіе обязанностей, кои налагаетъ на него общество, становится для него скучнымъ и тягостнымъ; — это время, которое оно старается сбросить съ себя какъ можно скорѣе. Самыя семейныя радости не привязываютъ сердца, стремящагося къ насыщенію одолѣвшей его страсти: жена, о которой упоминается въ притчахъ, не можетъ быть покойною въ нѣдрахъ своего семейства: *въ дому не почиваютъ нозѣ ея*. Уединеніе ему противно, общество людей добрыхъ и честныхъ нестерпимо; ему ненавистенъ самый взоръ человѣка добродѣтельнаго; *уловимъ лестію праведнаго, говорятъ безумцы, яко непотребенъ намъ есть, бысть намъ на обличеніе помысленій нашихъ; тяжекъ есть намъ и къ видѣнію* (Прем. 2, 12. 14. 15). Тщетно стали бы призывать заблуждшаго къ своему долгу; напоминать о бѣдствіяхъ, кои постигнуть его неминуемо на странѣ далекой—въ удаленіи отъ крова Отца небеснаго: онъ глухъ и слѣпъ ко всему; безумныя страсти влекутъ его все далѣе и далѣе: *отыде на страну далече!* Но вотъ тучи бѣдствій собираются надъ главою несчастнаго. Зрите, бр., что постигаетъ грѣшника въ удаленіи отъ Бога!

И ту расточи имъніе свое, живый блудно, т. е., потеря всѣхъ даровъ благодати и природы неминуемо слѣдуетъ за удаленіемъ въ область тьмы и грѣха изъ области свѣта и правды Божіей. Гдѣ та благолѣпная одежда чистоты и невинности, которою облакаетъ насъ св. Церковь въ крещеніи?—Она продана за грѣхъ; и вмѣсто ея грѣшникъ покрывается стыдомъ и безславіемъ. Гдѣ святая вѣра въ Бога Отца, безмѣрно любящаго человѣковъ, въ Сына Вожія, искупившаго насъ отъ власти діавола собственною кровію, въ Духа Святаго, обновляющаго и освящающаго насъ,—вѣра, составляющая утѣшеніе и отраду душъ невинныхъ?—Ее изгнало невѣріе и нечестіе; бѣдный грѣшникъ ищетъ уже отрады въ книгахъ безбожныхъ, въ бесѣдахъ съ нечестив-

цами. Гдѣ то сыновнее дерзновеніе, съ которымъ добрыя чада приступаютъ къ престолу Отца небеснаго, то святое упованіе, которое служитъ несомнѣннымъ залогомъ вѣчнаго блаженства?— Увы,— грѣшникъ надѣется только уничтоженія: *самослучайно рождени есмы и посемъ будемъ якоже не бывше*, вотъ его отчаянная надежда! Такъ гибнуть въ грѣховной жизни всѣ безцѣнные преимущества, которыя приобрѣлъ намъ едиnorodный Сынъ Божій цѣною собственной крови!— *Расточи имѣніе свое, живый блудно.*

Потеря даровъ благодатныхъ сопровождается далѣе потерю даровъ естественныхъ, которыми Творецъ напутствуетъ насъ къ жизни. Иной получилъ отъ природы сердце нѣжное, доброе, доступное всѣмъ благимъ впечатлѣніямъ, способное ко всѣмъ чувствованіямъ святымъ и возвышеннымъ; казалось, самъ Господь утѣшался имъ, образуя его для добродѣтели. Но онъ продалъ эти безцѣнные преимущества за минутное наслажденіе сластію грѣха; вихрь страстей изсушилъ его сердце, и оно сдѣлалось безчувственно, жестко, упорно, своенравно. Другаго надѣлилъ Господь счастливыми дарованіями умственными: ближніе радовались, срѣтая его на пути жизни; цвѣтущее здоровье подавало о немъ лестныя надежды; тысяча средствъ употреблено на воздѣланіе его талантовъ для блага и пользы ближнихъ. Но вихрь своеволія и похотей, коимъ предался онъ безразсудно, развѣялъ прекрасныя надежды въ прахъ: онъ повергъ дарованное ему злато въ нечистый пламень страстей— *и изліяся телець!*— Такъ гибнуть въ грѣховной жизни всѣ таланты, которые Господь даруетъ намъ для воздѣланія! И взирая на разсѣяннаго, который иждиваетъ и время, и силы, и имущество въ праздности и порокахъ, который бытіемъ своимъ всеупраздняетъ только землю, но который могъ бы употребить силы свои во благо ближнихъ,— съ сердечнымъ прискорбіемъ говоришь: *расточи имѣніе свое, живый блудно!*— Но это, братъ мой, только начало бѣдствій, которыя влечетъ за собою своеволіе и гибельная побряжка собственнымъ страстямъ.

Иждившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той. Въ странѣ заблужденій и пороковъ, куда укло-

няется грѣшникъ, царствуетъ вѣчный—ничѣмъ ненасыщаемый гладъ. Для насыщенія сего-то глада изобрѣтены разнообразныя забавы, коими на время упоются чувства,—студныя зрѣлища, на коихъ успокоивается на минуту ничѣмъ ненасыщаемое око,—страстная музыка, которою упоются на мгновение ни чѣмъ ненаполняемое ухо. Чтожь производять всѣ эти ухищренія порока?—новый, жесточайшій гладъ.

И той начатъ лишатися. Тагъ, никакіе порывы изступленія не заглушаютъ вѣчнаго глада души законопреступной; одна страсть возникаетъ изъ пепла другой, удовлетворенное пожеланіе смѣняется другимъ. Чего не изобрѣталъ и не испыталъ Соломонъ, уклонившись сердцемъ отъ Бога отцевъ своихъ, для насыщенія духовнаго глада? Созидаль, какъ онъ самъ говоритъ, дома, насаждалъ винограды и сады, собираль злато и сребро: *сотворихъ ми поющихъ и поющія, виночерпцы и виночерпицы, и все, егоче проси-ста очи мои не отвѣхъ отъ нихъ, и не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго веселія моего.* Что же чувствовалъ могущественнѣйшій царь среди этого обаянія роскоши и удовольствій? *И прирѣхъ азъ, на вся творенія моя;—и се вся суета и крушеніе духа!*—*Бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися.* Остановись же заблудшая душа! Пусть этотъ пожирающій гладъ, предвѣстіе адскаго пламени, вразумить тебя!.. Но нечестіе глухо къ предостереженіямъ и совѣтамъ!

И шедъ прильпися къ единому отъ жителей страны той.—Не находя болѣе утѣшенія въ себѣ, думаютъ обыкновенно увеличить преступныя наслажденія сообществомъ съ другими; находятъ подобныхъ себѣ клеветовъ, и съ ними дѣлать безумныя удовольствія. Чтожь послѣдуетъ за тѣмъ? Слабости, дотолѣ тщательно скрываемыя, дѣлаются извѣстными всѣмъ, распутство обнажается предъ цѣлымъ свѣтомъ, и къ внутреннему терзанію прибавляется срамъ и безчестіе:—*и посла его на села своя пасти свинія.* Пробудись душа заблудшая! взоры цѣлаго свѣта обращены на твое поведеніе; твои пороки содѣлались предметомъ всеобщихъ разгосъ ровъ, твое имя въ презрѣннн и поношенн у

всѣхъ!... Но обаяніе страсти заглушаетъ голосъ стыда; непроницаемый мракъ ослѣпляетъ и умъ и совѣсть; какая то непреодолимая сила влечетъ грѣшника въ разверзстую бездну гибели все глубже и глубже.

И желаше насытити чрево свое отъ рожеецъ яже ядяху свинія: и никтоже далше ему... Но, брат. мой, я боюсь оскорблять слухъ вашъ изображеніемъ презрѣннаго, но вмѣстѣ жалкаго и ужаснаго состоянія грѣшника, пришедшаго во глубину золь; святое мѣсто сіе, гдѣ приносится выну чистѣйшая жертва, подвиглось бы въ основаніи, при повѣствованіи о томъ. Боже мой! ктожь можетъ ослѣпить такъ человѣка, что онъ не видитъ бездны, разверзстой подъ его стопами? Какая непреодолимая сила влечетъ въ плѣнь діавола души, искупленная Твоею безцѣнною кровію? И что будетъ съ человѣкомъ, если внезапный ударъ смерти постигнетъ его среди безстыдныхъ дѣлъ, и съ ложа нечестія пренесетъ на страшный судъ Твой?

Вотъ, къ чему ведетъ жизнь порочная, ведетъ вѣрно, неминуемо! Пути нечестія только сначала гладки и пріятны, но послѣдняя ихъ зрятъ прямо во дно адаво. Знаю, братія мои, что до такой ужасной бездны зла доходятъ немногіе; но—доходятъ! Ктожь поручится, что не дойдемъ когда либо и мы, если будемъ поблажать своимъ похотямъ? Никто не рождается порочнымъ, а дѣлаются такими непримѣтно, уклоняясь отъ закона Божія шагъ за шагомъ.—Гибнуть явно немногіе; но чтожь если гибнетъ хотя одна душа? Если многіе вступили уже на путь гибели, хотя не успѣли пройти его до конца?—Не должно ли возвысить гласъ, чтобъ исхитить изъ бездны гибели первыхъ и предостеречь послѣднихъ? Для того Господь и изобразилъ намъ въ притчѣ бѣдственную участь грѣшника, чтобъ мы знали и страшились ея. Впрочемъ, къ утѣшенію нашему, Господь въ той же притчѣ указалъ и обратный выходъ изъ самой глубокой бездны зла. Искреннее покаяніе не только исхищаетъ отъ гибели, но и возвращаетъ намъ все, чего лишаетъ грѣхъ.—Зрите и почувдitesя безпредѣльной любви Божіей къ намъ недостойнымъ.

Едва только новое, дотолѣ неизвѣстное чувство, возникло

въ душѣ грѣшника,—желаніе идти къ давно забытому Отцу, пасть къ стопамъ Его съ раскаяніемъ, осудить самого себя на участь наемниковъ, и предать участь свою въ волю Отца, какъ милосердый отецъ, при одномъ видѣ возвращающагося сына, подвигся полнотою отеческой любви: *еще ему далеке сущу узрѣ его Отецъ его и милъ ему бысть*. Ни гнѣва, ни упрековъ не слышно изъ устъ толико оскорбленнаго Отца: Онъ не видитъ преступника, а видитъ сына, возлюбленнаго сына, котораго одно долгое отсутствіе огорчало его: *и наде на выю его и облобыза его*. Вотъ образъ безпредѣльной и неизреченной любви Божіей къ кающемуся грѣшнику! *Тако радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся!* Господи, что побуждаетъ Тебя къ толикому милосердію?—*Сей сынъ мой, сынъ котораго Я создалъ, на которомъ напечатлѣлъ Мой собственный образъ, который омытъ кровію Единороднаго Моего Сына, сей сынъ Мой мертвъ бы и оживе, изгиблъ бы и обрътеться!*

Братіе, двѣ безпредѣльныя бездны подлежатъ намъ: бездна погибели, если будемъ идти путемъ порока, и бездна милосердія Божія, если обратимся къ Нему съ искреннимъ покаяніемъ: *предложихъ ти огнь и воду, и на неже хочещи, прострещи руку твою!* Аминь.

8. БЕСѢДА — ВТОРАЯ.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! (Пѣснь Церков.).

Евангельскою притчею о мытарѣ и фарисеѣ св. церковь поучала насъ, брат., отложить самоиѣніе о своихъ мнимыхъ достоинствахъ и совершенствахъ, самодовольство своею мнимою праведностію, смирить себя сознаниемъ своего недостойнства и виновности предъ Богомъ, осудить себя, какъ грѣшника, достойнаго осужденія и казни, и *бѣюще перси*, молиться: *Боже, милостивъ буде мнѣ грѣшному*. Въ Евангельскомъ чтеніи настоящаго дня развивается предъ нами мрачная картина постепеннаго ниспаденія челоуѣба предав-

шагося своевольству, свергнувшего съ себя благое иго закона Божія, изгнавшего изъ сердца своего стража добродѣтели—страхъ Божій, отдавагося на волю похотей и необузданной чувственности и пришедшаго, наконецъ, въ глубину золь. Таковъ смыслъ первой половины трогательной и умилительной притчи Евангельской о распутномъ сынѣ, который, по своевольству своему, оставилъ домъ родительскій, удалился въ далекую сторону, расточилъ данное отцемъ имѣніе въ распутной жизни и дошелъ, наконецъ, до ужаснаго состоянія погибающаго съ голоду нищаго.

Эта мрачная картина бѣдственнаго состоянія челоувѣка, постепенно ниспадающаго съ высоты богоподобія до степени отверженнаго не только Богомъ, но и людьми — грѣшника, представляется намъ, брат., безъ сомнѣнія, для того, чтобы, если возможно, вразумить и возбудить къ покаянiю тѣхъ, которые, преступая легкомысленно св. заповѣди Господа Вседержителя, безопасно идутъ по пути грѣховному, вовсе не подозрѣвая, что этотъ путь ведетъ ихъ въ погибель. Съ этой же цѣлью да будетъ позволено повторить здѣсь эту часть Евангельской притчи съ необходимымъ поясненіемъ.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына: такъ начинается чтенная нынѣ притча. Не трудно понять, что подъ образомъ этого отца представляется Самъ Господь и Владыка живота нашего—Небесный Отецъ нашъ, Которому всѣ люди суть дѣти и по праву творенія и усыновленію ихъ во Христѣ Иисусѣ—Единородномъ Сынѣ Божіемъ, Который всѣмъ челоувѣкамъ даде область чадомъ Божіимъ, быти—вѣрою во имя Его. Не менѣе понятно и то, что два сына, упоминаемые въ притчѣ, изображаютъ двоякой родъ людей: праведныхъ, которые никогда заповѣди Божіей не преступаютъ, всегда работаютъ Ему со страхомъ и служатъ Ему съ трепетомъ, всегда ходятъ предъ Нимъ во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіяхъ Его безпорочно; и грѣшниковъ, которые по всечасно удаляются отъ Бога—забвеніемъ о Немъ, преступленіемъ Его Божественнаго закона, противленіемъ Его вседержавной волѣ. Сынъ Божій, пришедшій взыскати и спасти погибшаго, ибо не здравіи требуютъ врача, а болящiи,---не упоминая далѣе о первыхъ, подробно изображаетъ судьбу послѣднихъ.

И рече юнѣйшій ею, т. е., болѣе не опытный и неразумный изъ братьевъ, каковы дѣйствительно всѣ грѣшники, ослѣпленные самоволіемъ и самоузнѣиємъ, одолеваемые и увлекаемые плотскими похотями, слѣпо повинующіеся страстямъ своимъ,—рече Отцу: Отче даждь ми достойную часть имѣнія. Это, брат., первое заблужденіе неопытной юности и первый шагъ на томъ широкомъ пути своевольной грѣховной жизни, который ведетъ во дно адаво. *Отче даждь ми!* Но для чего? развѣ не достаетъ тебѣ чего либо въ отеческомъ домѣ? Развѣ любовь Отца можетъ отказать въ чемъ-либо сыну, что для него нужно и полезно? Развѣ ты не наслѣдникъ въ дому отца своего, и не тебѣ будетъ принадлежать все, когда ты достигнешь въ мужа совершенна, когда научишься и употреблять мудро и хранить заботливо отеческое достояніе. Нѣтъ, не нужда и недостатокъ въ чемъ либо побуждаетъ неразумнаго сына требовать у отца достойной части имѣнія, а своеволіе, которому тягостно повиноваться власти родительской, жить и дѣйствовать подъ непрестаннымъ руководствомъ чужой воли, скромно наслаждаться благами отеческаго дома въ присутствіи и подъ надзоромъ отца. Неопытный юноша спѣшитъ самъ сдѣлаться господиномъ себѣ, не научившись повиновенію, жить своимъ умомъ, не стяжавъ благоразумія, управляться своею волею, не подчинивъ ее разумнымъ и твердымъ правиламъ жизни, стать самовластнымъ распорядителемъ всего, не обуздавши своихъ похотей, не подчинивъ чувственности своей разуму. Такъ начинается, брат. мои, уклоненіе отъ Бога и всякаго грѣшника. *Кійждо, говорить апостоль, искушается отъ своя похоти влекомъ и прельщаемъ* *). Въ дому Отца небснаго — въ св. Церкви Христовой — чада добрыя и благочестивыя живутъ въ страхѣ Божиємъ, въ непрестанномъ сознаніи вездѣприсутствія Божія, руководствуются однимъ закономъ Божиимъ, слѣдуютъ всегда указаніямъ воли Божіей, пользуясь совѣтомъ и наставленіями духовнаго отца своего и людей искусившихся и утвердившихся въ благочестіи, трудятся надъ воздѣлані-

*) Іаков. I, 14.

емъ данныхъ имъ отъ Бога талантовъ во славу Божию и во благо своихъ ближнихъ, наслаждаются дарами благодати Божіей предъ лицемъ Отца небеснаго, скромно, тихо, безмятежно. Какъ ни кажется какъ-бы стѣсненною и подневольною такая жизнь, но въ ней истинная и совершенная свобода духа, полная независимость отъ всего, кромѣ верховной воли и власти Божіей, миръ совѣсти, спокойствіе и благодушіе сердца, внутреннее вседовольство и блаженство;— въ ней истинный рай на земли, какъ рай для добраго сына домъ нѣжно любящихъ и нѣжно любимыхъ родителей. Но въ развращенной волѣ нашей есть нѣчто такое, что всегда побуждаетъ ее свергнуть съ себя благое иго Христово, что дѣлаетъ для нея тягостною животворную и спасительную заповѣдь Божию. Возбуждаясь похоть усиленно влечетъ сердце къ запрещенному дереву. Своеволюе и самовластіе надъ собою всегда представляется намъ чѣмъ-то особенно пріятнымъ и вожделеннымъ. Искушитель не престааетъ и нынѣ шептать въ уши каждаго: *будете яко божи*, будете его божи, только свергните съ себя иго заповѣдей, стѣсняющее и тяготящее вашу свободу, и сдѣлаетесь самовластными владыками и распорядителями своихъ дѣйствій и своей жизни. Лукавый разумъ находитъ тотчасъ множество разсужденій, которыми хочеть оправдать себя лукавое сердце. Намъ кажется, мы довольно благоразумны, чтобъ, и безъ внѣшнихъ предостереженій, остеречь себя отъ всякой опасности, достаточно свѣдуши и мудры, чтобъ, и безъ чужаго указанія, могли избрать, что намъ лучше и полезнѣе, на столько предусмотрительны, чтобъ, и безъ посторонняго руководства, провести жизнь счастливо и благополучно. Намъ представляется, что всѣ правила, законы и постановленія, которыми ограждаетъ жизнь нашу св. Церковь и власть держащая, нужны только для людей, скудныхъ познаніями, съ неразвитыми силами духа, съ слабою волею, съ излишне боязливою совѣстью. На чтожь и дана намъ свобода, если мы не властны располагать собою. На чтожь и разумъ, если всегда намъ должно быть подъ руководствомъ и опекою? Для чегожь и сотворены земныя блага, если нельзя наслаждаться ими безвозбранно? На чтожь и самая жизнь,

если всю ее должно иждить въ исполненіи тяжкаго долга, если не украсить ее цвѣтами радости и наслажденій? Такъ или почти такъ мыслить и чувствуетъ сердце, разжигаемое похотію, — и ни совѣты благоразумія, ни предостереженія опытности не могутъ укротить воплей своеволія. *Отче, даждь ми достойную часть имѣнія!* Дай самому мнѣ власть надъ моимъ сердцемъ, надъ моими мыслями и чувствами, надъ моими желаніями и дѣйствіями. Дай самому мнѣ пользоваться всѣмъ, по моимъ расчетамъ и намѣреніямъ, по моему разсужденію и желанію! Бѣдное, бѣдное сердце, горько будешь оплакивать этотъ легкомысленный, но не возвратный шагъ своеволія!

Любящій Отецъ не отказываетъ и въ этомъ нетерпѣливомъ и оскорбительномъ для него желаніи сына: *и раздѣлима имѣніе*. Такъ и любовь Божія необидливо даруетъ намъ все. Какъ вначалѣ, сотворивъ челоуѣка по образу Своему, Господь Богъ поставилъ его надъ дѣлы руку Своею, вся покоривъ подъ нозѣ его; такъ и нынѣ, производя насъ на свѣтъ, Онъ надѣляетъ каждаго всѣми дарами душевными и тѣлесными и тѣми же правами на обладаніе всѣми благами земли. На всѣхъ равно, на злыя и благія, повелѣваетъ сіять Своему солнцу, на всѣхъ одинаково, на праведныя и неправедныя, велить облакамъ небеснымъ изливать дождь раненъ и позденъ. А возродивъ насъ банею паки бытія во Христѣ Исусѣ, Онъ вводитъ насъ въ наслѣдіе и обладаніе всѣми сокровищами благодатнаго царствія Своего: далъ намъ свѣтоносное Слово Свое, открылъ намъ престоль благодати Своей, гдѣ пріемлетъ наши прошенія и подаетъ намъ Свои благодатные дары; сдѣлалъ насъ причастниками животворныхъ таинствъ Своихъ; нарекъ насъ сынами Своими и обѣтовалъ наслѣдіе вѣчной жизни. И, чего особенно желаютъ и ищутъ, оставилъ каждаго въ руцѣ произволенія его: предложихъ ти, говоритъ, огонь и воду, и на неже хочети, простреши руку твою. Что-жъ бываетъ слѣдствіемъ сего? какъ пользуются дарами благодати и щедротъ Его? Какъ употребляютъ имѣніе, которое Онъ раздѣляетъ каждому не лицепріятно?

И не по мнзыхъ днехъ, собравъ все, мий смнз отиде

на страну далече. Присутствіе Отца тяготитъ своевольнаго юношу; ему тяжело и несносно становится все, что напоминаетъ ему о его обязанностяхъ къ отцу своему. Онъ спѣшитъ оставить самое мѣсто рожденія своего, чтобы никакая мысль, никакое чувство не мѣшали его наслажденіямъ; спѣшитъ удалиться какъ можно далѣе, чтобы на всемъ просторѣ свободы насладиться вполне удовольствіями жизни. Такъ поступаетъ, брат., и всякій грѣшникъ, который далъ власть похоти надъ своимъ сердцемъ, свергнувъ съ себя благое иго Христово, отторгнувъ волю свою отъ закона Божія и сдѣлалъ смѣлый шагъ къ пороку, вкусивъ обаятельной прелести своеволия и грѣха. Ему неприятно все, что напоминаетъ ему о его обязанностяхъ къ Богу и ближнимъ своимъ; онъ бѣжитъ отъ всего, что составляетъ предметъ занятій и удовольствія людей скромныхъ и благочестивыхъ; ничто не привлекаетъ его, кромѣ предметовъ его преступныхъ наслажденій. Приходитъ онъ въ храмъ Божій, гдѣ души благочестивыя находятъ отраду и утѣшеніе въ молитвѣ къ Отцу небесному. Ему здѣсь неприятно, скучно и тяжело: онъ спѣшитъ удалиться отсюда, какъ скоро позволяетъ приличіе. Находитъ священную и назидательную книгу, которой чтеніе составляетъ насущную пищу души любящей Господа: онъ бросаетъ ее съ неудовольствіемъ и спѣшитъ развлечься чтеніемъ соблазнительнымъ и пустымъ. Исполненіе обязанностей, которыя возлагаетъ на него начальство и общество, становится для него тяжелымъ и несноснымъ бременемъ, которое онъ старается сбросить съ себя какъ можно скорѣе. Уединеніе ему противно; потому что поставляетъ его лицомъ къ лицу съ самимъ собою, и даетъ случай его совѣсти пробудиться отъ усыпленія. Общество людей добрыхъ и благочестивыхъ для него нестерпимо, ему ненавистенъ даже видъ человѣка добродѣтельнаго: *уловимъ лестію праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, бысть намъ на обличеніе помыслилей нашихъ; тяжекъ намъ есть и къ видѣнію **). Самыя семейныя радости не привязываютъ сердца свышкагося съ своевольными и преступными наслажденіями. Жена, о ко-

*) Премудр. II, 12, 14—15.

торой упоминаетъ премудрый, не можетъ быть спокойной въ нѣдрахъ своего семейства: въ дому не почиваютъ нозѣ ея. Тщетно стали бы вы призывать заблудшаго къ своему долгу, напоминать о бѣдствіяхъ, которыя постигнуть его неминуемо въ удаленіи отъ Отца небеснаго. Напрасно вошляли бы проповѣдники истины Божіей, грозили заблудшему судомъ и прещеніемъ гнѣва Божія. Онъ глухъ и слѣпъ ко всему, яко тьма ослѣпи ему очи; своеволіе и похоти влекутъ его все далѣе и далѣе. *Отыде на страну далече!*

Но, вотъ, тучи бѣдствія начинаютъ собираться надъ главою своевольнаго сына! *И ту расточи ильнїе свое, живый блудно.* Т. е. потеря всѣхъ даровъ благодати Божіей и всѣхъ дарованій естественныхъ неминуемо слѣдуетъ за удаленіемъ въ область тьмы и грѣха изъ области свѣта и правды Божіей. Гдѣ та свѣтлая одежда чистоты и невинности, которою облакаетъ насъ св. Церковь въ св. крещеніи? Она продана за временную грѣха сладость, и грѣшникъ покрывается уже стыдомъ и безславіемъ, кроется отъ взора людей честныхъ и богобоязненныхъ, строгихъ въ правилахъ добродѣтели и благочестія, думаетъ укрыться, подобно Адаму, отъ самаго всевѣднїя Божественнаго. Гдѣ св. вѣра въ Бога Отца, безконечно любящаго человѣковъ, въ Сына Божія, искупившаго насъ отъ власти діавола собственною кровію, въ Духа Святаго, обновляющаго, освящающаго насъ Своею благодатію,—вѣра, составляющая утѣшеніе, счастье и отраду душъ невинныхъ? Ее изгнало невѣріе и нечестіе, и бѣдный грѣшникъ ищетъ уже отрады въ книжкахъ безбожныхъ и въ бесѣдахъ съ нечестивцами. Гдѣ то сыновнее дерзновеніе, съ которымъ чада Божїи приступаютъ къ престолу Отца небеснаго, призываютъ Его всесвятое имя въ молитвѣ своей и прїемлютъ отъ Него благодать возблагодарить? Увы, бѣдный грѣшникъ не смѣетъ и вспомнить страшное и поклоняемое имя Божіе, не смѣетъ возвести взора своего на небо, чтобъ не встрѣтить въ немъ свидѣтеля постыдныхъ дѣлъ своихъ и обличителя грѣховъ своихъ, не смѣетъ и помыслить о небесномъ Отцѣ своемъ, чтобъ не встрѣтить въ лицѣ Его строгаго судію и грознаго карателя своего нечестія и беззаконія. Гдѣ упованіе жизни вѣчной, которое составляетъ жизнь

и радость, отраду и утѣшеніе души вѣрующей? Увы, несчастный грѣшникъ силится уже утѣшить себя одною надеждою уничтоженія: *самослучайно рождени есмь и посемъ будемъ якоже не бывше*, — вотъ его отчаянная надежда! Такъ гибнуть въ грѣховной жизни всѣ драгоценныя блага, которыя пріобрѣлъ намъ Единородный Сынъ Божій цѣною божественной крови Своей! И взирая на своевольнаго, дерзкаго до наглости, пустившагося на все молодого человѣка, вы не узнаете въ немъ того кроткаго, добраго, благочестиваго отрока, который былъ утѣхой и услажденіемъ всѣхъ, на котораго взирая, сердце матери переполнялось блаженствомъ, о которомъ радовались самые ангели Божіи, и съ глубокимъ и тяжкимъ вздохомъ скажете: *росточи имѣніе свое, живый блудно*.

За потерю даровъ благодати Божіей слѣдуетъ потеря и всѣхъ дарованій естественныхъ, которыми всеблагій Творецъ напутствуетъ насъ къ жизни. Иной получилъ отъ природы сердце нѣжное, доброе, доступное всѣмъ благимъ впечатлѣніямъ, способное ко всѣмъ чувствамъ возвышеннымъ и святымъ. Казалось, Самъ Господь утѣшался имъ, благословляя его на дѣла благія. Но онъ отдалъ этотъ безцѣнный даръ Божій во власть грѣха и страстей; нечистый жаръ похотей изсушилъ его сердце, и оно сдѣлалось безчувственно, жестоко, упорно, своенравно. Другаго надѣлилъ Господь счастливыми дарованіями умственными. Ближніе его радовались, срѣтая его на пути жизни; тысячи средствъ употреблено на воздѣланіе данныхъ ему отъ Бога талантовъ для пользы и блага обществу. Но вихрь своеволія и необузданныхъ похотей развѣялъ прекрасныя надежды въ прахъ. Онъ повергъ дарованное ему злато въ нечистый огонь страстей, *и изліяся телецъ*. Онъ обратилъ остроту ума своего въ орудіе зла и нечестія, и сдѣлался язвою и бичемъ общества. Иного Промыслъ Божій отъ самаго рожденія осыпалъ всѣми дарами счастья. Казалось, само небо предназначало его быть благодѣтелемъ человѣчества, отрадою и утѣшеніемъ несчастныхъ. Съ радостною надеждою благословляли колыбель его, съ отраднымъ упованіемъ лелѣяли его юность. Но онъ предался въ объятія порока, и жизнь

его пронеслась бурнымъ дыханіемъ шумныхъ забавъ и удовольствій, не освѣтивъ ни одного страждущаго сердца рососою добраго участія. Онъ употребилъ данные ему Богомъ дары счастья только на то, чтобъ одѣваться въ порфиру и виссонъ и веселиться по вся дни свѣтло, и бѣдные Лазари тщетно лежали предъ вратами дома его въ гноѣ. Такъ гибнуть въ грѣховной жизни всѣ лучшіе таланты, которые Господь даруетъ намъ для воздѣланія! И взирая на развратника, который могъ бы по своимъ дарованіямъ быть украшеніемъ общества, но который теперь всеу бытіемъ своимъ упраздняетъ землю, — съ сердечнымъ прискорбіемъ говоришь: *расточил имѣніе свое, живый блудно!*

Но это, брат., только начало бѣдствій, которыя влечетъ за собою своеволие и грѣхъ. *Изживши же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на страну той, и той начатъ лишатися.* Въ странѣ заблужденій и грѣха, куда удаляется грѣшникъ изъ дому Отца небеснаго, царствуетъ вѣчный, ничѣмъ не насыщаемый голодь. Для утоленія сего-то голода изобрѣтены тѣ шумныя забавы, которыми на время оглушаются чувства, растлѣвающія сердце зрѣлица, которыми насыщается на минуту ничѣмъ не насыщаемое око, — изнѣженная страстная музыка, которую упоется на мгновеніе ничѣмъ не наполняемое ухо.

Для насыщенія душъ, томящихся этимъ духовнымъ голодомъ, сочиняются книги, въ которыхъ украшаются всеми цвѣтами воображенія и краснорѣчія тѣ пороки и непотребства, которые стараются скрывать въ тайнѣ и самые развратные люди. Что-жъ производятъ всѣ эти ухищренія порока, эти рожцы, яже ѣдятъ свиньи? Новый жесточайшій голодь. Ибо ничто временное земное, не можетъ удовлетворить ни добрымъ ни злымъ стремленіямъ души, которыя такъ же вѣчны, какъ вѣчна сама душа: одно удовлетворенное желаніе смѣняется новымъ сильнѣйшимъ желаніемъ; одна нечистая похоть рождаетъ другую постыднѣйшую; одна страсть возникаетъ изъ тѣни другой, повидимому, угасшей. И нѣтъ конца желаніямъ, и нѣтъ предѣла страстямъ человѣческимъ.

И шедъ, прильпился единому отъ жителей страны той, и посла его на села своя пасты свинія; и желаше на-

сытити чрево свое отъ рожець, лже ядлаху свиня, и никтоже далше ему. Этимъ изображается, брат., послѣдняя степень уничтоженія, до котораго доводитъ человѣка грѣхъ, когда грѣшникъ становится или презрѣннымъ для всѣхъ развратникомъ, котораго отвращаются даже прежніе клеветы его распутной жизни, или погибшимъ въ порокахъ нищимъ, которому нѣтъ части въ самомъ состраданіи милосердія, или явнымъ нечестивцемъ, кощуномъ и безбожникомъ, котораго рѣчи отвратительны для самаго нескромнаго и нецѣломудреннаго слуха, или отъявленнымъ злодѣемъ, котораго страшатся и убѣгаютъ всѣ... Но я страшусь, брат. мои, оскорблять слухъ вашъ изображеніемъ сего ужаснаго состоянія, до котораго доводитъ человѣка невинное, повидимому, своеволіе, простительная, какъ намъ кажется, поблажка своимъ страстямъ и похотямъ. Святое мѣсто сіе, въ которомъ приносится святѣйшая жертва, кажется подвижлось бы въ основаніи отъ сего страшнаго слышанія. Боже мой! что-жь можетъ ослѣпить такъ человѣка, что онъ не видитъ бездны, разверстой подъ его стопами? Какая сила влечетъ въ плѣнъ діавола души, искупленныя дражайшею кровію Сына Твоего? Что будетъ съ человѣкомъ, если смерть постигнетъ его среди безстыдныхъ дѣлъ его, если праведный и страшный судъ Твой застанетъ его нераскаяннымъ? Что будетъ съ душею, если всегда питаемая и всегда гладныя страсти возгорятся въ ней вѣчнымъ пламенемъ?!

Правда, до этой послѣдней степени грѣховной жизни явно доходятъ немногіе, но — доходятъ. Кто-жь поручится, что не дойдутъ и многіе, что не дойдетъ и каждый, кто ослабилъ бразды своеволію, кто ступилъ уже на путь порока, кто уже свыкъся съ преступными наслажденіями? Явными жителями ада еще до смерти являются немногіе, но — являются. Можно ли же сомнѣваться, что не сдѣлается добычею ада по смерти и всякій грѣшникъ, который самъ предастъ себя въ плѣнъ діаволу, творить его злую и богопротивную волю, повинуется его беззаконнымъ и законопреступнымъ совѣтамъ? Пути нечестія и порока гладки и пріятны, по нимъ идется легко, скоро и незамѣтно; но послѣдняя ихъ — зрять прямо во дно ада. Всякая страсть имѣетъ въ себѣ

обаятельную прелесть, легко и незамѣтно овладѣваетъ сердцемъ, ослѣпляетъ разумъ, заглушаетъ самую совѣсть, дѣлаетъ человѣка совершеннымъ плѣнникомъ и рабомъ своимъ и влечетъ его по всѣмъ стремнинамъ грѣховъ и беззаконій, доколѣ не низвергнетъ въ безисходную бездну вѣчной гибели. Теперь, при сокровенности сердца нашего отъ взоровъ человѣческихъ, и порочный человѣкъ можетъ скрываться подъ виѣшнимъ видомъ человѣка добраго, даже злодѣй можетъ являться съ личиною человѣка честнаго; но развѣ эта личина сокроетъ его и отъ всевѣдѣнія Божественнаго, защититъ его и отъ страшнаго суда Божія, спасетъ его и отъ огня геенскаго? Теперь благовидное покрывало, сотканное изъ нѣкоторыхъ виѣшнихъ дѣлъ благочестія и мірской честности, можетъ скрывать нечистоту и развращеніе сердца и отъ нашего собственнаго взора, — наша совѣсть, усыпляемая страстями, можетъ молчать и не тревожить мнимаго покоя душевнаго; но развѣ смерть не сорветъ этого грубаго покрывала, не обнажитъ срамоту сердца нашего предъ нами самими, не возбудитъ нашей совѣсти и не заставитъ ее жечь насъ огнемъ неугасимымъ? Потому-то и нужно, брат. мой, хотя по временамъ пробуждаться отъ дремоты духовной, въ которую болѣе или менѣе погружаемся мы всѣ обычнымъ теченіемъ нашей жизни, нашихъ привычныхъ удовольствій и развлеченій, нашихъ многозаботливыхъ попеченій житейскихъ, — входитъ строго испытующимъ взоромъ въ самую глубину сердца своего, чтобы видѣть, чѣмъ оно живетъ и движется, что составляетъ главный предметъ его привязанностей и стремленій, его желаній и надеждъ, — представлять свою совѣсть предъ зеркаломъ закона Божія, предъ вся испытующимъ взоромъ сердецвѣдца Господа, предъ престоломъ страшнаго и нелицепріятнаго суда Его. Для того-то св. Церковь въ преддверіи святыхъ и спасительныхъ дней покаянія и поставляетъ предъ нами примѣръ несчастной участи распутнаго сына, чтобы мы, подобно ему, пришли въ себя, увидѣли свое окаянство, познали свою виновность предъ Отцемъ небеснымъ, пали предъ престоломъ милосердія Его съ молитвою: *согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ Тобою. Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* Аминь.

9. БЕСѢДА — ТРЕТЬЯ.

Воставъ, иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ наречися сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ. И воставъ, иде ко отцу своему. (Лук. XV, 18—20).

Итакъ, сознание опасности грѣховнаго состоянія своего, чувство своей духовной бѣдности и безпомощности, предчувствіе угрожающей грѣшнику вѣчной гибели—вотъ начало истиннаго покаянія! Это болѣзненное, тяжелое, подавляющее душу чувство своего бѣдственнаго состоянія возбуждаетъ въ грѣшникѣ, какъ въ блудномъ сынѣ, святую рѣшимость оставить все и идти съ раскаяніемъ и молитвою къ Отцу своему. Этому именно и желаетъ намъ Господь Іисусъ Христосъ, пришедшій разыскати и спасти погибшаго; къ этому и призываетъ насъ благодать Божія; этого и ожидаетъ отъ насъ милосердіе и долготерпѣніе Отца небеснаго.

Воставъ, иду ко отцу моему, говорилъ пришедшій въ себя несчастный юноша, настигнутый нищетою и бѣдствіями внѣ дома отеческаго: что можетъ еще привязывать меня къ этой чуждой странѣ, гдѣ все меня оставило, гдѣ испыталъ я столько бѣдствій, гдѣ купленные дорогой цѣной удовольствія такъ жестоко обманули меня? Чего могу я ожидать здѣсь, кромѣ крайняго посрамленія и безчестія, кромѣ ужасной смерти отъ голода? Знаю, что я недостоинъ уже назваться сыномъ столько любившаго меня и столь жестоко оскорбленнаго мною отца, что преступленія мои лишили меня права на всякое участіе въ благахъ отеческаго дома, что безразсудство мое погубило все, чѣмъ одарила меня туне любовь отца моего, — и нечего мнѣ ожидать отъ него, кромѣ гнѣва и заслуженнаго наказанія. Но отъ руки отеческой легко и утѣшительно и самое наказаніе, но любовь отца не попуститъ погибнуть лютою смертію и преступному сыну, но въ дому отеческомъ быть и рабомъ и наемникомъ будетъ для меня величайшимъ

счастьемъ. Вставъ, иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достойнъ нарецился сынъ твой, сотвори мя, яко единого отъ наемникъ твоихъ.

Таковы, братіе мои, чувства истинно кающагося грѣшника. Онъ чувствуетъ всю безысходную тяжесть, всю безнадѣжность своего грѣховнаго состоянія; онъ почитаетъ себя недостойнымъ помилованія, но достойнымъ всякаго осужденія и муки; онъ оживляется одною надеждою на милосердіе Отца небеснаго. Что пріобрѣлъ я, спрашиваетъ онъ самого себя,—что пріобрѣлъ я, предавшись суетной грѣховной жизни, и чего ожидать мнѣ въ будущемъ? Гдѣ тѣ радости, которыхъ искалъ я въ мірѣ? Улетѣли онѣ и оставили мнѣ скорбь и болѣзнь душевную. Гдѣ блаженство, котораго такъ много обѣщали мнѣ удовольствія плотскія? Увы, это была мечта, которая разсѣялась, какъ сновидѣніе, и оставила за собою изнеможеніе тѣла, томленіе духа, сокрушеніе сердца, угрызенія совѣсти. Гдѣ это счастье, за которымъ гонялся, котораго искалъ я повсюду и которое такъ обольстительно манило меня все далѣе и далѣе? Ахъ, это былъ пустой призракъ, который не насытилъ жажды души моей, не наполнилъ сердца моего такъ, чтобы не оставалось желать ничего болѣе, не принесъ духу моему вожделѣннаго спокойствія и блаженства, не усладилъ совѣсти моей тѣмъ животворнымъ утѣшеніемъ, которымъ улаждаетъ невинность и добродѣтель! Что обмануло разъ, обманетъ и въ другой, будетъ обманывать и всегда. Что оказалось пустымъ и ничтожнымъ въ прошедшемъ, тѣмъ же самымъ окажется и въ будущемъ. А дни мои преходятъ и исчезаютъ; время жизни сокращается, и смерть уже при дверехъ. Что-жь, если она постигнетъ меня такимъ, какимъ я былъ доселѣ? Какъ явлюсь я предъ лицомъ Господа и Владыки живота моего? Съ чѣмъ предстану я предъ Спасителемъ и Судією моимъ? Гдѣ тѣ сокровища, которыми обогатила меня любовь Отца небеснаго? Я расточилъ ихъ въ угожденіе страстямъ моимъ. Гдѣ невинность, съ которою вышелъ я изъ купели крещенія и которую стяжалъ мнѣ Христосъ Господь Своєю кровію? Я продалъ ее за грѣховныя наслажденія. Гдѣ завѣтъ

благодати, который запечатлѣнъ кровію Сына Божія, съ его обѣтованіями жизни вѣчной? Я погралъ его грѣхами моими, я отрекся обѣтованій живота вѣчнаго и наслѣдовалъ осужденіе вѣчной смерти. Гдѣ сыновнее дерзновеніе, съ которымъ чада Божіи приступаютъ къ престолу Отца небеснаго, призываютъ Его всесвятое имя въ молитвѣ своей и принимаютъ отъ Него благодать возблагодать? Увы, я не смѣю и вспомнить о страшномъ и поклоняемомъ имени Божіемъ, не смѣю возвести взора своего на небо, чтобъ не встрѣтить въ немъ свидѣтеля беззаконій моихъ и обличителя грѣховъ моихъ. Всѣ дары Божіи погублены, всѣ благодатныя и естественныя дарованія истрачены: разумъ осуетился въ нечистыхъ помышленіяхъ, превратился въ неискусенъ умъ творити неподобная; сердце растлилось преступными пожеланіями и сдѣлалось игралищемъ страстей; совѣсть убита и подавлена сознаніемъ множества грѣховъ моихъ, и бѣжить, какъ преступный рабъ, отъ лица Божія; всѣ силы душевныя и тѣлесныя сдѣлались орудіями неправды и беззаконія, нечистоты и скверны. *Сляченъ есмь узамн многими и нѣтъ мнѣ ослабленія. Яко одержаша мя злая, имже нѣтъ числа; постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти; умножишася паче власъ главы моя, и сердце мое остави мя.* Никто и ничто не спасетъ меня отъ лютой смерти грѣшника; никто не защититъ меня отъ праведнаго суда Божія; никто не избавитъ меня отъ геенны и огня вѣчнаго; никто не исхититъ меня отъ темной власти діавола, которому предался я добровольно своимъ согласіемъ на злое. О, если бы быть хотя наемникомъ и рабомъ въ дому Отца небеснаго! О, если бы не быть навсегда изгнану и извержену изъ царства Божія во тьму кромѣшную! О, если бы Отецъ небесный принялъ меня опять подъ благодатный покровъ любви и милосердія Своего! *Иду убо ко отцу моему.*

Иду и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою! Жестоко оскорбилъ я Твою благодать и милосердіе, преогорчилъ Твою любовь и благоутробіе, преступилъ Твои спасительныя заповѣди, погралъ священные обѣты мои, данные мною при св. крещеніи, предъ св. Твоимъ жертвен-

никомъ, предъ ангелами и человѣками, поругалъ кровь за-
вѣта Твоего, которою освятился, которою искупленъ отъ
смерти вѣчной,—обезчестилъ благодать пресвятаго Духа Тво-
его, коимъ знаменался въ день избавленія моего. Самъ,
несчастный, приготовилъ достойную казнь себѣ; самъ воз-
двигъ на себя праведный гнѣвъ Твой, и нѣтъ мнѣ извиненія
ни въ чемъ, нѣтъ ни малѣйшаго оправданія злему про-
изволенію моему. Все побуждало меня хранить Твои святыя
заповѣди, все удерживало меня на пути закона Твоего, все
требовало отъ меня любви и благодарности къ Тебѣ. Ты
Самъ, всеблагій, непрестанно призывалъ къ Себѣ во святомъ
Словѣ Твоемъ — то гласомъ любви и милосердія, то преце-
ніемъ гнѣва и суда Своего; но я не послушалъ отеческаго гласа
Твоего, презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ обѣтованія и угрозы
Твои. Ангель Хранитель мой не преставаелъ внушать мнѣ
желаніе всего добраго и отвращеніе ко всему злему и без-
законному; но я отвергъ его внушенія, не послушалъ со-
вѣта ангельскаго, и приклонилъ слухъ мой къ совѣту лу-
каваго. Собственная совѣсть моя удерживала меня чувствомъ
стыда и цѣломудрія, страхомъ безчестія и наказанія отъ
преступныхъ стремленій и дѣлъ; но я заглушилъ въ себѣ
голосъ совѣсти, подавилъ чувство стыдливости, и ринулся
на путь грѣха и гибели. Все небо и земля, всѣ твари,
которыя слушаютъ повелѣнія Твои, исполняютъ св. волю
Твою, повинуются и мнѣ недостойному по заповѣди Тво-
ей, — внушали мнѣ покорность Тебѣ, послушаніе свя-
той волѣ Твоей, благодареніе благости и милосердію Тво-
ему; но я сдѣлался безсмысленнѣе безсловесныхъ, без-
чувственнѣе всякой твари, — одинъ во всемъ мірѣ сталъ
преступникомъ закона Твоего, непокорнымъ высочайшей
власти Твоей. *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ
Тобою!*

И уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ Твой. Ты отли-
чилъ меня между всѣми земными тварями Твоимъ божествен-
нымъ образомъ, поставилъ меня властелиномъ земли, обла-
дателемъ всѣхъ тварей Твоихъ; но я поправъ въ себѣ Бо-
жественный образъ Твой преступленіемъ воли Твоей, уни-
чижилъ достоинство богоподобной души моей, покоривъ ее:

плотскимъ похотямъ, и сдѣлался рабомъ страстей. Ты, по безконечной любви Своей, не пощадилъ Единороднаго Сына Своего для спасенія моего, предалъ Его на крестную смерть, да искупить меня отъ смерти вѣчной; но я грѣхами своими попралъ святѣйшую кровь Его, изліянную за грѣхи мои, и самовольно подвергъ себя вновь осужденію и проклятію. Ты, во имя Единороднаго Сына Своего, далъ мнѣ право именоваться и быть сыномъ Твоимъ, сотворилъ причастникомъ божественнаго тѣла и крови Христа Твоего и обѣтовалъ мнѣ наслѣдіе живота вѣчнаго; но я презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ даръ божественнаго сыноположенія, обезчестилъ тѣло и кровь Сына Твоего, сотворивъ уды Христовы удами блудничими, и сдѣлалъ себя чуждымъ наслѣдія жизни вѣчной. Ты оградилъ меня печатію дара Духа Святаго, освятилъ и душу и тѣло мое въ храмъ живущаго во мнѣ Духа Твоего; но я растлилъ и тѣло и душу мою грѣхами и, вмѣсто храма Божія, сдѣлался вмѣстилищемъ тли и всякія нечистоты. Какъ дерзну я именовать Тебя всесвятаго Отцемъ моимъ? Какъ осмѣлюсь назвать себя, раба грѣха и страстей, сыномъ Твоимъ? *Нѣсмь, нѣсмь достоинъ нарецися сынъ Твой!*

Но, Творче мой и Владыко живота моего, вѣрую, что милосердію Твоему нѣтъ предѣла, что Твоя безконечная любовь не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему; что Единородный Сынъ Твой приходилъ на землю взыскати и спасти погибшаго, призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ на покаяніе; что всесвятая кровь Его, изліянная за грѣхи міра, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха; что благодать всесвятаго Духа Твоего преизбыточествуетъ тамъ, гдѣ умножается грѣхъ; что не праведникамъ, но грѣшникамъ положилъ Ты покаяніе во спасеніе.

Не отринь отъ лица Твоего и мене окаяннаго; отверзи двери милосердія Твоего и мнѣ грѣшному; взыщи благоутробіемъ Твоимъ и мене заблудшаго; омой пречистою кровію Единороднаго Сына Твоего скверну и моей окаянной души; освяти благодатію всесвятаго Духа Твоего и мое нечистое и оскверненное сердце; оживотвори силою Твоею и мене мертваго прегрѣшенми и погибшаго въ беззаконіяхъ! Недостойнъ я высочайшей почести истинныхъ сыновъ Твоихъ —

праведниковъ совершенныхъ; сопричти меня ко грѣшникамъ кающимся, не отринь отъ лика мытарей и грѣшниковъ, помилованныхъ Тобою, дай хотя примѣтаться у прага царства Твоего: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ Твоихъ.*

Благо намъ, братіе мои, если въ душѣ нашей пробудились эти чувствованія кающагося грѣшника: они послужатъ твердымъ началомъ покаянія. Но и доброе начало само по себѣ не имѣетъ цѣны, если не будетъ приведено въ совершеніе; и наилучшія чувствованія останутся бесполезными, если не послѣдуетъ за ними твердая рѣшимость исполнить ихъ на дѣлѣ. Раскаявшійся блудный сынъ не сталъ откладывать своего намѣренія, не сталъ выжидать какого-либо удобнѣйшаго времени. Ничто не остановило его рѣшимости возвратиться къ отцу: *и оставъ иде ко отцу своему.* Послѣдуемъ ему и мы въ этомъ подвигѣ истиннаго покаянія. Не будемъ откладывать того, что необходимо сдѣлать во всякое время и что удобнѣ всего сдѣлать теперь. Двери милосердія Божія отверсты, и Отецъ небесный давно ожидаетъ возвращенія нашего. Господь Іисусъ Христосъ давно уготовалъ таинственную вечерю, чтобъ напитать нашу алчущую и жаждущую душу. Въ дому Отца небеснаго все готово: идемъ ко Отцу нашему и речемъ Ему: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ Твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ.* Аминь.

10. БЕСѢДА — ЧЕТВЕРТАЯ.

Радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся.

Въ послѣднемъ собесѣдованіи нашемъ, руководствуясь евангельскою притчею о раскаявшемся распутномъ сынѣ, мы желали, братія, возбудить въ себѣ и въ васъ чувство покаянія, чувство сердечной болѣзни и сокрушенія о грѣхахъ своихъ. И какъ не болѣзновать, какъ не томиться и не страдать душѣ грѣшника, когда сознаетъ онъ всю тяжесть грѣховъ своихъ, когда восчувствуетъ, какъ тяжко

оскорбилъ ими любовь Божію, когда поставитъ себя мысленно предъ страшнымъ судомъ Христовымъ, на которомъ будутъ судимы и осуждены не только дѣла и слова наши, но и всѣ помышленія сердечныя; когда помыслить о тѣхъ мученіяхъ геенскихъ, куда низринуты будутъ на всю вѣчность осужденные и проклятые Богомъ грѣшники. Но чтобы эта скорбь о грѣхахъ не была скорбію подавляющею душу и не привела къ большому ожесточенію и отчаянію, Единородный Сынъ Божій открываетъ намъ, что Отецъ небесный съ любовью ожидаетъ и съ радостію приемлетъ возвращающагося къ Нему заблудшаго сына, что все небо радуется и торжествуетъ о покаяніи грѣшника: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся.*

Желаете ли видѣть, какъ совершается на небѣ это чудное торжество объ обращеніи и покаяніи грѣшника? Послушайте, какъ изображаетъ его Самъ Господь неба и земли въ той же притчѣ о возвращеніи распутнаго сына въ домъ отеческій.

Едва только рѣшился заблудшій сынъ возвратиться къ отцу своему, едва, можно сказать, ступилъ онъ на дорогу къ родительскому дому, *еще ему далече сушу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападѣ на выю его, и облобыза его* *). Покрытый рубищемъ, изможденный распутствомъ и голодомъ, отъ стада свиней возвращался несчастный юноша. Никто не призналъ бы въ этомъ ничемъ и жалкомъ скитальцѣ сына богатаго и благороднаго отца; но дальнозрительная любовь отеческая узрѣла его издалеца, и еще далече ему сушу, узнала въ немъ своего сына и сама предварила во срѣтеніи его. Хотя съ твердою рѣшимостію раскаянія и съ надеждою быть принятымъ хотя въ число рабовъ и наемниковъ въ дому отеческомъ шелъ къ отцу своему сынъ распутный; но, безъ сомнѣнія, и стыдъ показаться предъ оскорбленнымъ отцемъ въ такомъ жалкомъ и несчастномъ видѣ, и страхъ возбудить въ сердцѣ отца не состраданіе, а праведный гнѣвъ и заслуженные упреки и наказаніе, терзали сердце виновнаго, возмущали и сокру-

*) Лук. XV, 20.

шали духъ его. И что же? Ни слова упрека, ни одного гнѣвнаго взора, ни даже напоминанія о преступномъ и нагомъ поступкѣ его не видимъ и не слышимъ изъ устъ отца. Въ сердцѣ отца воскресла вся любовь и нѣжность отеческая, которая видѣла въ несчастномъ не преступника, а сына, и ничто не удержало ее высказаться въ самыхъ пламенныхъ чувствахъ отеческой нѣжности. Ни гнусный видъ покрытаго рубищемъ скитальца, ни естественное отвращеніе къ нравственному безобразію погибшаго въ развратѣ не останавливаетъ отца; онъ видитъ только сына, заключаетъ его въ свои объятія и лобызаетъ его.

Если же и люди, зли суще, умѣютъ являть такую любовь къ своимъ чадамъ; то какова высочайшая любовь Отца небеснаго къ намъ грѣшнымъ! Какова Его святѣйшая радость о кающемся грѣшникѣ! Не только изобразить, но и вообразить себѣ сей непостижимой любви не можетъ никакой умъ человѣческій. На насъ Онъ напечатлѣлъ Свой божественный образъ; и не тяжкая ли скорбь Его сердцу, когда сей божественный образъ, — предметъ благоговѣйнаго почитанія св. ангеловъ, попирается страстями нашими, искажается грѣхами и беззаконіями? Намъ даровалъ Онъ высочайшій даръ свободы и разума, который онъ изъялъ, такъ сказать, изъ области Своего всемогущества, попуская намъ жить и дѣйствовать по своему произволенію; и не тяжелое ли огорченіе Его благодати, когда сей высочайшій даръ любви Его обращается противъ Его же верховной власти и закона? За спасеніе человѣковъ Онъ предалъ на крестную смерть Единороднаго Сына Своего; не должно ли подвигнуться все небо, когда погибаетъ хотя одна душа, искупленная Его божественною кровію? Вотъ почему, братія, душа человѣческая въ очахъ Божіихъ драгоцѣннѣе всего міра. Вотъ почему благодать Божія не оставляетъ грѣшника и въ самомъ крайнемъ его развращеніи, но всегда возбуждаетъ его къ обращенію, умоляетъ, такъ сказать, пощадить самаго себя, какъ лучшее изъ созданій Божіихъ, пощадить образъ Божій отъ поруганія, пощадить кровь Единороднаго Сына Божія отъ погранія: *по Христѣ убо молимъ*, говорятъ намъ посланники Божіи, *молимъ по Христѣ примиритесь съ Богомъ*.

Посему-то обращающагося грѣшника любовь Божія провидитъ издалеча, и исходитъ въ срѣтеніе его, сама споспѣшествуетъ ему своею благодатію и пріемлетъ его въ свои объятія. Гнусный видъ нравственнаго безобразія возбуждаетъ въ ней не гнѣвъ, а милосердіе и состраданіе; отвратительное рубище грѣховное, коимъ покрытъ еще обращающійся грѣшникъ, привлекаетъ не отверженіе, а благодать и чело-вѣколюбіе: *идѣже бо умножися грѣхъ, тамо преизбыточествова благодать **); тамъ-то и является вся сила безконечной любви Божіей; она объемлетъ грѣшника объятіями благоутробія своего, лобзаетъ его лобзаніемъ отеческаго сердца. *Тагъ паде на выю его и лобыза его.*

*Рече же ему сынъ: отче, согрѣшихъ на небо и предѣ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой **).* Больше не могъ уже сказать ничего тронутый до глубины сердца любовью отеческою сынъ, не могъ уже высказать моленія своего: *да сотворитъ его, яко единого отъ наемникъ своихъ*; весь предается любви отца своего, все представляетъ сдѣлать съ собою его отеческой благодати. Таково и должно быть, братія мои, расположеніе сердца истинно кающагося. Онъ сознаетъ себя, одного себя виновнымъ въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ, и исповѣдуетъ ихъ предѣ Отцемъ небеснымъ,—исповѣдуетъ искренно и чистосердечно, не скрывая своего нравственнаго безобразія, не извиня злыхъ дѣлъ своихъ никакими предлогами, не стараясь смягчить или уменьшить виновность своего злаго произволенія,—исповѣдуетъ не потому, чтобъ отцу неизвѣстны были грѣхи его, но потому, что исповѣданіе есть живая потребность истинно кающагося сердца, есть облегченіе внутренней болѣзни и скорби сердечной, есть начало исцѣленія совѣсти, уязвленной сознаниемъ грѣховъ, есть свидѣтельство искренности обращенія и покаянія. Сознавая себя повиннымъ предѣ судомъ Божиимъ, онъ сознаетъ и то, что, по грѣхамъ своимъ, онъ достоинъ не милости и прощенія, а гнѣва и казни вѣчной, какъ преступникъ, многократно судимый и помилованный и опять впадшій еще въ тягчайшія преступленія, какъ Іуда,

*) Рим. V, 20. **) Лук. XV, 21.

отвергшийся самовольно завѣта благодати Христовой, предавший кровь Сына Божія въ погнаніе страстямъ и похотямъ плоти своей, обезчестившій Духа благодати, которымъ освятился въ день избавленія своего. Онъ не смѣетъ уже просить себѣ и той милости, чтобы быть яко наемникомъ въ дому отца своего; но всецѣло и совершенно предаетъ себя волѣ Божіей. «Азь на тя, Господи, надѣюся, и Твоей волѣ святой себе вручаю, такъ молится одинъ св. мужъ: твори со мною еже хочещи. Аще хочещи мя имѣти во свѣтѣ, буди благословенъ; аще мя хочещи имѣти во тьмѣ, буди паки благословенъ. Аще отверзещи ми двери милосердія Твоего, добро убо и благо; аще затвориши ми двери милосердія Твоего, благословенъ еси Господи, затворивый ми во правду. Аще не погубиши мя со беззаконіи моими, слава безмѣрному милосердію Твоему; аще погубиши мя со беззаконіи моими, слава праведному суду Твоему! Буди воля Твоя!»

Такое-то искреннее, сокрушающее и самоосуждающее исповѣданіе пріемлется любовію Божіею въ залогъ истиннаго обращенія и покаянія нашего; и оно-то отверзаетъ кающемуся всѣ сокровища благодати и милосердія Божія. Смотрите, что произвела исповѣдь распутнаго сына предъ отцемъ своимъ.

Рече же отецъ къ рабомъ своимъ: изнесите одежду первую и облеците его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозь. Эта одежда первая есть та непорочность и невинность, то оправданіе во Христѣ, въ которыя облекла насъ св. Церковь въ купели св. крещенія, въ которой мы омылись отъ грѣховъ нашихъ кровію Христовою, освятились благодатію Духа Божія и оправдались крестною смертію Сына Божія. Этотъ перстень есть даръ сыноположенія, которымъ почтилъ насъ Отецъ небесный, усыновившій насъ во Христѣ Иисусѣ; есть обрученіе Духа Святаго, которымъ обручилъ себѣ души наши, какъ дѣву чистую, небесный Женихъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Это обувеніе ногъ есть божественная благодать, которая укрѣпляетъ и руководствуетъ насъ по пути заповѣдей Господнихъ, споспѣшествуетъ и содѣйствуетъ намъ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ

и дѣлахъ нашихъ, отвращаетъ и охраняетъ насъ отъ дѣлъ злыхъ и законопреступныхъ внутреннимъ гласомъ нашей совѣсти. Все это мы имѣли туне по благодати Божіей, доколѣ сохраняли себя чистыми отъ всякой скверны грѣховной, непричастными никакому пороку, не преступали воли Отца нашего, иже на небесѣхъ; но всего лишились и все потеряли, когда сдѣлались преступниками животворныхъ заповѣдей Божіихъ, когда уклонили сердце свое отъ Бога и святаго закона Его, когда измѣнили обѣтамъ своимъ, даннымъ нами при крещеніи, когда отреклись обрученія Иисусу Христу, сочетавшись мыслію и сердцемъ своимъ съ велиаломъ. Теперь, когда истинно каемся во грѣхахъ своихъ, когда приносимъ Богу искреннее, сокрушенное исповѣданіе, когда осуждаемъ себя, какъ повинныхъ суду Божію и гееннѣ огненной, когда предаемъ себя совершенно Божественной власти и волѣ Спасителя и Судіи своего, все потерянное возвращается намъ: всѣ грѣхи и беззаконія наши отпустятся и не помянутся на судѣ Христовомъ, мы облакаемся вновь въ первую одежду чистоты и оправданія во ХристѣИисусѣ, приедемъ паки залогъ и обрученіе жизни вѣчной, къ намъ возвращается благодать всесвятаго Духа Божія. Такова сила Божественнаго таинства покаянія! *Примите Духъ святъ, сказалъ Господь Иисусъ Христосъ рабамъ Своимъ—служителямъ Церкви Его и строителямъ таинъ Божіихъ: иже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и иже держите, держатся *)*: аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небесѣхъ, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена и на небесѣхъ **).

Итакъ, когда услышишь слово прощенія отъ служителя Христова, прими его, возлюбленный братъ, живую вѣрою, обыми его сердечнымъ желаніемъ и любовію, сокрой его во глубинѣ сердца своего, какъ неоцѣненное сокровище, которымъ купишь себѣ непостыдный отвѣтъ на судѣ Христовомъ, храни его со тщаніемъ и страхомъ Божиимъ, да не похитить его врагъ твой и не обнажить тебя первыя боготканная одежды. Тогда исповѣдь твоя и покаяніе твое бу-

*) Иоан. XX, 21—23.

**) Мѣ. XVIII, 17—18.

деть для тебя вторымъ крещеніемъ, новымъ рожденіемъ свыше, спогребеніемъ и совоскресеніемъ со Христомъ.

Но для любви отеческой не довольно того, что она приняла въ домъ свой заблудшаго сына, возвратила ему все, что онъ растратилъ въ своей распутной жизни. Она хочетъ ознаменовать возвращеніе его особеннымъ торжествомъ: *и приведше тѣлецъ упитанный заколише и ядше возвеселимся.*

Такъ и Отецъ небесный, не только даруетъ намъ прощеніе грѣховъ за одно исповѣданіе наше предъ Нимъ, не только приѣмлетъ насъ опять какъ истинныхъ сыновъ Своихъ, причисляетъ къ лику избранныхъ Своихъ, но ради возвращенія нашего уготовляетъ такое торжество, въ коемъ приѣмлютъ участіе всѣ лики св. ангеловъ, — такую вечерю, коей причастія называли себя недостойными и великіе праведники. Самъ Единородный Сынъ Божій, яко Агнецъ, закланный прежде сложенія міра, передаетъ намъ въ снѣдь Свое Божественное тѣло и кровь, — то пречистое тѣло, которое принесено въ жертву за грѣхи всего міра на крестномъ жертвенникѣ, — ту Божественную кровь, которою искупленъ весь родъ человѣческій отъ ада. Когда приносится здѣсь — на престолѣ Божіемъ сія страшная жертва, всѣ лики св. ангеловъ предстоятъ ей со страхомъ и трепетомъ, славославятъ и благодарятъ Бога вмѣстѣ съ церковію. Когда причащаемся мы сей божественной вечери со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію, они радуются и за насъ и паки славословятъ и благодарятъ о насъ любовь Отца небеснаго. Тако бываетъ радость на небеси о грѣшникахъ кающихся! — Отче и Господи небеси и земли! Что есть человѣкъ яко помниши его, когда тмы темъ чистыхъ и непорочныхъ духовъ окружаютъ престолъ Твой? Тѣмъ паче что предъ Тобою грѣшникъ, отпадшій и удалившійся отъ Тебе, осквернившій Твой образъ и кровь Сына Твоего поправшій, самъ добровольно стремящійся къ своей гибели? Сей сынъ Мой, — сынъ, котораго создалъ Я по образу и подобию Моему, который омытъ дражайшею кровію Единороднаго Сына Моего, который носить въ себѣ залогъ и обрученіе Всесвятаго Духа Моего, для котораго Я уготовалъ вѣчное царствіе отъ сложенія міра, *сей сынъ Мой — мертвъ*

бъ и оживе, изгнѣвъ бѣ и обрѣтѣся! Вотъ высочайшее торжество любви Моей, вотъ высочайшая слава Моей благодати и милосердія, вотъ высочайшее дѣло Моей премудрости и всемогущества! — *Сей сынъ Мой мертвъ бѣ и оживе, изгнѣвъ бѣ и обрѣтѣся.* Аминь.

11. С Л О В О — П Е Р В О Е.

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавче! (Церков. пѣснь).*

По той мѣрѣ, какъ міръ умножаетъ свои увеселенія и забавы, стараясь овладѣть душою и сердцемъ своихъ поклонниковъ, и св. церковь усиливаетъ и возвышаетъ свой призывный гласъ къ покаянію. Она, какъ чадолюбивая мать наша желаетъ обуздать нашу чувственность, удержать нашу склонность къ разсѣянію и забавамъ въ предѣлахъ христіанской скромности, чтобы не допустить насъ закружиться въ вихрь веселія до самозабвенія, до утраты чистоты сердца и совѣсти, — этого драгоцѣннѣйшаго сокровища души нашей; чтобы чувственность, какъ жестокій тиранъ, не возоблудала надъ духомъ, не покорила душевныхъ силъ нашихъ своей нечистой власти и не сдѣлала насъ плѣнниками плотскихъ похотей и страстей.

Дѣйствительно, братъ, послѣ самолюбія и гордости наша чувственность, склонность къ наслажденіямъ и увеселеніямъ есть другой домашній врагъ нашъ, — тѣмъ болѣе опасный, что онъ прикидывается нашимъ другомъ, льститъ и угождаетъ нашей плоти, увлекаетъ насъ всегда новымъ, неиспытаннымъ еще удовольствіемъ, обѣщаетъ цѣлый рай наслажденія. Но этотъ лживый другъ есть истинный врагъ и предатель нашъ: подъ видомъ сладости онъ подаетъ намъ смертоносный ядъ и, вмѣсто рая, влечетъ насъ въ дно адаво.

До какой ужасной степени можетъ простираться преобладаніе плоти надъ духомъ, чувственности надъ высшими стремленіями души, въ какую неисходную бездну грѣха можетъ низринуться человѣкъ, поддавшійся увлеченію плотскихъ похотей, — показываетъ чтенная нынѣ евангельская притча о

блудномъ сынѣ. Невинное, по видимому, желаніе самостоятельной жизни безъ доучливаго руководства и надзора, естественное каждому желаніе наслаждаться благами жизни, мало по малу, довело его до необузданнаго разврата, повергло въ крайнюю нищету и уничиженіе, привело, наконецъ, на самый край погибели.

Посему-то и нужно намъ, брат., принимать мѣры противъ этого лживаго врага нашего, стоять на стражѣ души своей, охранять бодренно чистоту сердца своего, не попускать естественной склонности къ наслажденіямъ брать верхъ надъ закономъ ума нашего, обуздывать и укрощать естественныя влеченія чувственности и не давать имъ свободы перерождаться въ страсти и похоти безсмысленныя и вредящія, — не пристращаться къ удовольствіямъ и, такъ называемымъ, невиннымъ, чтобъ не впасть потомъ въ наслажденія дѣйствительно виновныя.

Не ужели-жь, скажете, нельзя пользоваться и невинными удовольствіями? Не ужели грѣшно слушать, напримѣръ, музыку, веселиться въ кругу такого общества, въ которомъ не допускается даже нескромность, тѣмъ менѣе соблазна, смотрѣть на зрѣлища, въ которыхъ олицетворяется таже чловѣческая жизнь, съ ея добромъ и зломъ, съ ея добродѣтелями и пороками, совершенствами и слабостями, какую описываетъ намъ исторія, какая совершается ежедневно на великомъ позорищѣ свѣта? На это можемъ отвѣчать словами апостола: *вся чиста суть чистымъ, оскверненнымъ-же и нечистымъ ничто же чисто есть, но осквернился изъ умъ и совѣсть* *). Всякая вещь можетъ имѣть и хорошее и дурное употребленіе, смотря по свойствамъ и намѣренію употребляющаго ее чловѣка; и всякое наслажденіе можетъ послужить и въ пользу и во вредъ, смотря потому, кто и какъ наслаждается имъ. Самъ Господь Іисусъ Христосъ вечерялъ съ мытарями и грѣшниками: *со грѣшники яствъ и питъ*, говорили въ осужденіе Ему завистливые фарисеи; но Онъ-же заповѣдуетъ намъ: *блюдите, да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и ꙗнствомъ*. По ученію

*) Тит. I, 15.

апостольскому, можно и ѣсть и пить и ино что творить во Славу Божию; но тотъ-же аностолю говоритъ намъ: *брашно чреву и чрево брашноу, Богъ-же и сіе и сіа упразднитъ*. самое спасительное благовѣстіе Христово было, какъ говоритъ аностолю, *овъмъ убо воля животнаа въ животъ, овъмъ же воля смертная въ смерть*. Съ одного и того-же растенія пчела собираетъ пріятный и питательный медъ, а ядовитое насѣкомое собираетъ смертоносный ядъ. И такъ прежде вопроса— грѣшно или нѣтъ наслаждаться тѣмъ или другимъ, надобно спросить самого себя: такъ-ли я чистъ и непороченъ душою и сердцемъ, что всякое наслажденіе можетъ возбуждать во мнѣ только чувство благодаренія Господу и расширять сердце мое любовію къ ближнему? Такъ-ли я твердъ на камени заповѣдей Христовыхъ, такъ-ли ограждена душа моя страхомъ Божиимъ, чтобы ничто не могло возбудить въ умѣ моемъ нечистыхъ и грубыхъ помышлений, возжечь въ сердцѣ моемъ нечистыхъ пожеланій и похотей? Такъ-ли я живу духомъ, *мудрствую горняа, а не земная*, ищу вышняго отечества моего, и живу со Христомъ въ Бозѣ, — чтобы никакое наслажденіе чувственное не могло отвлечь меня отъ сей цѣли бытія моего, привязать къ себѣ мое сердце, оземлениить мои помыслы и желанія? Словомъ— истинный христіанинъ, живущій Духомъ Божиимъ, ищущій всѣмъ сердцемъ спасенія души своей, готовый лучше лишиться жизни временной, нежели преступить заповѣдь Божию и отпасть отъ благодати Духа Святаго и отъ надежды живота вѣчнаго, — не требуетъ, да кто учитъ его. Онъ самъ умѣетъ избирать вездѣ и во всемъ лучшее и полезнѣйшее. Онъ и среди наслажденій земными благами умѣетъ сохранить алчбу и жажду правды, и среди радостей земныхъ умѣетъ сокрывать въ сердцѣ своемъ спасительную печаль по Бозѣ, воздыхать о небесныхъ радостяхъ и блаженствѣ. Но для насъ, брат. мои, кои не достигли еще сей высоты совершенства духовнаго, на которой челоуѣкъ бываетъ выше всѣхъ искушеній плоти, — для насъ необходимо строго держаться какого-либо правила въ наслажденіи и самими невинными удовольствіями. Такое правило даетъ намъ св. церковь въ апостольскомъ чтеніи настоящаго дня: *вся ми тѣтъ*

суть, говорить апостоль Христовъ, но не вся на пользу; вся ми лѣтъ суть, но не вся назидаютъ; вся ми лѣтъ суть, но не азъ обладамъ буду отъ чего (1 Кор. 6, 12; срав. 10, 23).

Законъ жизни о Христѣ Иисусѣ не связываетъ такъ ни свободы ни совѣсти христіанина, какъ законъ ветхаго завѣта. По ученію апостольскому, всякое созданіе Божіе благо, и ничтоже въ немъ отменно; равно какъ и всякое произведеніе дарованнаго Богомъ таланта, если оно не есть произведеніе развращеннаго сердца, нечистаго воображенія и злонамѣренной воли, — не возбранено христіанину. Всѣмъ можно пользоваться во славу Божію; всѣмъ можно наслаждаться съ молитвою и благодареніемъ Богу. *Вся ми лѣтъ суть.* Нужно только смотрѣть: все-ли полезно, по крайней мѣрѣ не вредно? Все-ли можетъ служить въ назиданіе, по крайней мѣрѣ, не въ соблазнъ и развращеніе? Все-ли покоряется намъ, а не стремится къ обладанію надъ нами?

Общій предлогъ и общая цѣль всѣхъ удовольствій и увеселеній есть необходимое отдохновеніе отъ трудовъ. Трудъ самъ по себѣ необходимъ для насъ, какъ заповѣдь самого Творца нашего. Еще невинному человѣку было поставлено въ обязанность *дѣлать и хранить* ввѣренный ему рай. И этотъ трудъ былъ для него источникомъ наслажденія: ибо онъ видѣлъ и чувствовалъ, какъ дѣланію его покорялась вся природа, какъ дѣланіемъ его возвышалось и совершенствовалось все окружающее его. По паденіи человѣка, трудъ уже вмѣненъ ему въ наказаніе и потому сопровождается изнуреніемъ силъ, истощеніемъ телѣсныхъ органовъ, утомленіемъ и дряхлостію тѣла: *въ потъ лица твоего съиши хлѣбъ твой, сказалъ ему Господь Богъ, дондеже возвратиши въ землю, отъ неяже взятъ еси.* При томъ, и этотъ изнурительный трудъ рѣдко сопровождается удовольствіемъ, а чаще всего печалію и скорбію душевною; ибо проклятая въ дѣлахъ человѣка земля не вполне покоряется самымъ тяжкимъ его трудамъ и усиліямъ: *проклята земля въ дѣлахъ твоихъ; тернія и волчцы возраститъ тебѣ; въ печальхъ съиши тую вся дни живота твоего.* Посему не только тѣло человѣка имѣетъ нужду въ отдохновеніи и обновленіи

силъ, а и душа его, утомляемая суетою дѣлъ своихъ, также нуждается въ отдохновеніи, освѣженіи и обновленіи. Тѣло укрѣпляется пищею и сномъ; а душа ищетъ забвенія своихъ печалей, освѣженія и ободренія силъ своихъ—въ другихъ, болѣе свойственныхъ ей, наслажденіяхъ; призываетъ на помощь искусство, разнообразить увеселенія и хочетъ создать себѣ нѣчто похожее на потерянный рай. Все это естественно, даже необходимо, а потому и не можетъ быть осуждаемо. *Вся ми лѣтъ суть.* Но здѣсь, возлюбленный собратъ, прежде нежели предаться удовольствіямъ, необходимо испытать себя, точно-ли тѣло и душа твоя утомлены, хотя изнурительными, но полезными, важными и необходимыми трудами, и заслуживаютъ того, чтобы дозволить имъ то или другое удовольствіе? Не есть ли скука и тягость душевная плодъ бездѣйствія, а не трудовъ,—праздности, а не излишнихъ занятій? Въ такомъ случаѣ надобно не только отказать себѣ въ удовольствіи, а побудить себя трудиться, когда веселятся другіе, подчинить себя строгому воздержанію: *не трудивыйся ниже да ястъ*, говоритъ апостоль. Надобно разсуждать и о томъ,—послужить ли предполагаемое увеселеніе и удовольствіе къ укрѣпленію, а не къ большому истощенію силъ тѣлесныхъ; возвыситъ ли упавшій духъ твой, или, напротивъ, еще болѣе ослабитъ его, оживитъ-ли сердце твое тою чистою, глубокою и животворною радостію, которая наполняетъ, умиротворяетъ, возвышаетъ и одобряетъ душу, дѣлаетъ ее бодрою въ трудахъ, благодушною въ печаляхъ и скорбяхъ; или, напротивъ, еще болѣе взволнуетъ сердце твое и возмутитъ душу твою, такъ что нужно будетъ искать новыхъ средствъ къ успокоенію ея? Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, лучше отказаться отъ увеселенія, бѣжать отъ удовольствій, которыя будутъ сопровождаться очевиднымъ вредомъ. Ибо что за отдыхъ, когда послѣ проведеннаго въ удовольствіи вечера нуженъ цѣлый день покоя, чтобы возстановить истощенныя силы? Что за упокоеніе для души, когда послѣ шумныхъ увеселеній она долго не можетъ придти въ себя, не знаетъ за что приняться, не можетъ ни на чемъ остановиться, дѣлается какъ-бы отуманенною, разстроеною, никѣмъ и ничѣмъ недовольною?

Вотъ почему св. апостоль совѣтуетъ искать дѣйствительнаго успокоенія тѣлу и духу своему, истинно живительной отрады сердцу, животворнаго обновленія и укрѣпленія силъ душевныхъ — въ наслажденіяхъ не плотскихъ, а духовныхъ: *не утивайтесь виномъ, а паче исполняйтесь духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣсньхъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.* Надобно, наконецъ, разсуждать и о томъ, не отвлечетъ-ли предположенное увеселеніе отъ какихъ-либо важнѣйшихъ занятій, не помѣшаетъ-ли исполненію высшихъ и священнѣйшихъ обязанностей? Въ такомъ случаѣ самое невинное удовольствіе дѣлается не только вреднымъ, а и преступнымъ. Если, на примѣръ, мать любить предаваться удовольствіямъ и забавамъ, когда малыя дѣти ея въ рукахъ наемничихъ подвергаются опасности пострадать тѣлесно или нравственно, то можно-ли назвать такое удовольствіе невиннымъ? Если тотъ, кому ввѣрено какое-либо служеніе обществу, требующее постояннаго вниманія, всегдашней готовности исполнять требованія нуждающихся, и нынѣ и завтра, оставляя все, идетъ развлекаться забавами, то будетъ-ли это провозженіе времени—безвредное? Если отецъ семейства, вмѣсто тихихъ, согрѣвающихъ душу семейныхъ радостей, каждый почти день ищетъ развлеченія внѣ своего дома, оставляя домашнихъ своихъ какъ чуждыхъ ему, то не будутъ-ли удовольствія его достойны осужденія? Если православный христіанинъ проводитъ въ увеселеніяхъ то время, когда Церковь призываетъ его на славословіе Божіе и молитву, когда торжествуетъ она великія тайны спасенія нашего, прославляетъ и благодаритъ Бога за величайшія чудеса Его любви и милосердія, то не будутъ-ли забавы его посяганіемъ надъ своею вѣрою, явнымъ презрѣніемъ къ уставамъ своей церкви, достойнымъ казни оскорбленіемъ величія Божія? Такъ-то, брат. мои, и невинное само по себѣ можетъ сдѣлаться преступнымъ и безвредное-вреднымъ. *Вся милья суть, но не вся на пользу.*

Правда, нѣкоторыя изъ обычныхъ у насъ увеселеній вызываются служить не только забавою, но и поученіемъ и назиданіемъ. Говорятъ, на прим., что музыка возвышаетъ

душу, успокоиваетъ взволнованное страстями сердце; что зрѣлища, представляя или пагубное дѣйствіе страстей, или достойные посмѣянія плоды пороковъ и слабостей человѣческихъ, тѣмъ самымъ поставляютъ имъ преграду... Не будемъ спорить противъ сего. Знаемъ, что произведенія искусства, какъ произведенія лучшихъ умовъ въ челоѣчествѣ, высшихъ талантовъ, даруемыхъ Богомъ, должны возвышать и облагораживать душу, очищать и услаждать сердце. Это ихъ главная и существенная цѣль. Но таковы-ли дѣйствительно всѣ эти произведенія искусства, которыя служатъ предметомъ увеселеній нашихъ? Точно-ли они служатъ *ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ?* Въ такомъ случаѣ не было бы различія между мѣстомъ увеселенія и церковію; ибо и церковь услаждаетъ слухъ нашъ священнымъ пѣніемъ, назидаетъ взоръ нашъ священными изображеніями, воспоминаетъ спасительныя дѣйствія Господа нашего Иисуса Христа въ своихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ. Если же есть различіе, то не въ томъ-ли состоитъ оно, что страстная музыка не утишаетъ, а возбуждаетъ и волнуется страсти; что зрѣлища, подъ видомъ наученія, потворствуютъ челоѣческимъ слабостямъ и страстямъ, тѣшатъ самолюбіе наше, даютъ пищу нашей склонности къ осужденію и осмѣянію ближнихъ; что всѣ вообще увеселенія и забавы раздражаютъ наши чувства, наполняютъ воображеніе пріятными для чувственности, но безвредными для духа образами, волнуютъ сердце и разжигаютъ въ немъ плотскія похоти. Пусть любитель увеселеній признается самому себѣ, пошелъ-ли бы онъ на зрѣлище, если бы оно поучало христіанскимъ добродѣтелямъ, возбуждало въ немъ истинно возвышенныя, чистыя и святыя чувства, восторгало сердце его благоговѣніемъ и умиленіемъ предъ Богомъ, представляло ему примѣры высокаго подвижничества христіанскаго, живой и спасительной вѣры и благочестія? О, тогда, навѣрно, всѣ мѣста увеселеній оставались-бы пустыми! Ибо души, ищущія святаго наслажденія, высокихъ созерцаній таинъ Божіихъ, благодатнаго утѣшенія и назиданія, — нашли бы все это въ храмѣ Божіемъ и въ чтеніи слова Христова, — и имъ не зачѣмъ было-бы идти ни

на какое зрѣлище. Души заблудшія и ищущія однихъ чувственныхъ наслажденій пошли бы отыскивать ихъ въ другія мѣста. Пусть же не обманываютъ себя желающіе поучаться среди удовольствій и забавъ; пусть пользуются ими, какъ удовольствіями, доколѣ не вредятъ они чистотѣ ихъ сердца и совѣсти, доколѣ не возмущаютъ душу нечистыми помыслами и желаніями, доколѣ не возбуждаютъ въ нихъ страстныхъ похотей и увлеченій, доколѣ не предстоитъ опасности преступить заповѣдь Божію и умереть духомъ. *Вся ми лѣтъ суть, но не вся назидаютъ.*

Но главная опасность чувственныхъ удовольствій состоитъ въ томъ, что они могутъ привязать къ себѣ самое наше сердце, сдѣлаться неотразимою потребностію души нашей, предметомъ страстнаго увлеченія, возобладать душою нашею и лишитъ насъ свободы духовной. Христіанинъ болѣе всего долженъ дорожить тою свободою, ея же свободи насъ Христосъ,—тою независимостію отъ всего земнаго, которая не прельщается ничѣмъ и не страшится ничего, тѣмъ самообладаніемъ, которое дѣлаетъ его господиномъ своихъ желаній и чувствованій, истиннымъ царемъ своего внутренняго міра. При этой только свободѣ духа онъ можетъ побѣждать всякое искушеніе всегда и во всемъ исполнять волю Божію и идти прямымъ путемъ заповѣдей Господнихъ. Ничто пріятное на землѣ не обольститъ его, ибо онъ знаетъ ему цѣну, знаетъ его суету и ничтожество. Ничто скорбное и печальное не смутитъ его, ибо онъ привыкъ къ терпѣнію. Никакое движеніе собственнаго сердца не увлечетъ его, ибо онъ научился побѣждать себя и отказывать себѣ во всемъ. Явно, что достигнуть такой свободы духа можно только постояннымъ самооверженіемъ и терпѣніемъ, постояннымъ побѣжденіемъ своихъ склонностей и отверженіемъ своей воли, умѣніемъ всегда отказывать себѣ во всемъ. Но если будемъ удовлетворять всегда склонности своей къ чувственнымъ удовольствіямъ, то не будемъ-ли добровольно подчиняться и покорствоваться ей и не дадимъ-ли ей власти со дня на день становиться сильнѣе, требовательнѣе и неотвязчивѣе? Кому нынѣ показалось пріятно быть на зрѣлищѣ, тому еще сильнѣе захочется быть тамъ и завтра. Кто пріятно раз-

влекся игрою нынѣ, тому трудно отказаться испытать то же удовольствие въ другой разъ. Кто разъ повеселился такъ, что это веселье остается въ душѣ его пріятнымъ воспоминаніемъ на многіе дни, — тому трудно удержаться, когда представится случай повторить еще и еще ту же забаву. Такъ и начинается обыкновенно жизнь разсѣянная, праздная, бесплодная; такъ заглушается, мало по малу, голосъ совѣсти и требованія долга, — является незамѣтно и отвращеніе ко всякому труду и полезному упражненію. Склонность къ наслажденію становится, наконецъ, страстію, овладѣваетъ душою, покоряетъ себѣ и разумъ и волю. Отсюда уже прямая и широкая дорога ко всякому грѣху и пороку, потомъ къ преступленіямъ и совершенному распутству. Такъ начинаются и растутъ всѣ порочныя склонности, которыя въ послѣднихъ, крайнихъ проявленіяхъ своихъ неволью возбуждаютъ ужасъ и отвращеніе. Правда, что до сего крайняго развитія порочныхъ страстей, до этой ужасной бездны зла доходятъ немногіе; — однакоже — доходятъ! Кто-жъ поручится, что не дойдетъ когда-либо и каждый, кто привыкъ поблажать своимъ похотямъ, удовлетворять влеченіямъ своей чувственности, кто ступилъ уже на этотъ скользкій путь порока? Никто не родится злодѣемъ, а дѣлаются такими непремѣнно, уклоняясь отъ закона Божія шагъ за шагомъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому, отъ скромныхъ удовольствій къ болѣе шумнымъ и увлекательнымъ, отъ одной страстной привычки къ другой, обещающей болѣе наслажденія. Посему-то и научаешь насъ слово Божіе не только *работать Господеви со страхомъ*, но и *радоваться предъ Нимъ съ трепетомъ*, и среди наслажденія благами жизни крѣпко ограждать душу свою страхомъ Божіимъ, памятовать непрестанно, что Господь видитъ и осуждаетъ не только дѣла наши, но и помышленія сердечныя. *Вся ми мѣтъ суть, но не азъ обладаю буду отъ чего.*

Быть обладаему чѣмъ бы то ни было, кромѣ владычествующей надъ всѣми воли Божіей, не есть-ли постыдное рабство для богоподобной, разумной и свободной души нашей? Но предать ее въ рабство плотскому удовольствію, быть обладаемому грѣховною страстію значить уже сдѣлаться

рабомъ грѣху и начальнику всякаго грѣха—дѣволу, быть живу уловлену въ свою его волю, добровольно осудить себя на одну съ нимъ участь въ вѣчности. Что можетъ быть ужаснѣе сего? О, да помилуетъ Господь всякую христіанскую душу, да избавитъ всякаго отрожденнаго св. крещеніемъ, человѣка отъ сего страшнаго рабства дѣвольскаго! *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* Аминь.

12. С Л О В О — В Т О Р О Е *).

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавче! (Церк. пѣснь).*

Но, молясь Господу, чтобы Онъ отверзъ намъ двери покаянія, надобно, брат., и самимъ возбуждать и възгрѣвать въ себѣ такія чувства и расположенія сердечныя, по которымъ Отецъ небесный узрѣлъ бы въ насъ истинно кающихся чадъ своихъ. Для сего св. Церковь представляетъ намъ нынѣ утѣшительный и поучительный примѣръ покаянія послѣ самаго тяжкаго и глубокаго паденія. Чтенная нынѣ Евангельская притча о распутномъ сынѣ представляетъ съ одной стороны—мрачную картину постепеннаго ниспаданія во глубину погибели,—съ другой—умилительное зрѣлище обращенія и покаянія самаго погибшаго, повидимому, грѣшника. Путь паденія болѣе или менѣе извѣстенъ каждому изъ насъ по собственному опыту; тѣмъ необходимѣе и важнѣе всего для насъ узнать и путь истиннаго покаянія, всмотрѣться ближе и внимательнѣе въ примѣръ кающагося грѣшника.

Какъ ни далеко упоминаемый въ притчѣ своевольный сынъ удалился отъ дому отеческаго, какъ ни глубоко онъ палъ въ бездну разврата; но любовь отца не оставляла его, слѣдила за нимъ всюду памятію любящаго сердца и готова была выйти въ срѣтеніе ему, какъ скоро онъ рѣшится возвратиться въ домъ отеческій. Съ другой стороны, и въ сердцѣ сына не истребившаяся еще мысль о добромъ отцѣ, не погибшая еще память объ отеческомъ домѣ готова была

*) Произнесено въ Житомирскомъ кафедральномъ соборѣ.

воскреснуть и отозваться на зовъ любви родительской. И вотъ, когда улетѣвшія и исчезнувшія удовольствія оставили сердце его опустѣвшимъ и одинокимъ, глазъ на глазъ съ своею совѣстію, когда крайнія злословія и бѣдствія растерзали это бѣдное сердце и раскрыли его для лучшихъ ощущеній,—лучъ свѣта облисталъ его: онъ вспомнилъ объ отцѣ своемъ, котораго такъ жестоко оскорбилъ своимъ своеволіемъ и неблагодарностію, котораго обезчестилъ своею распутною и порочною жизнію,—вспомнилъ о домѣ отеческомъ, гдѣ наслаждался нѣкогда тихими, невинными радостями, гдѣ и наемники и рабы наслаждаются довольствомъ и спокойствіемъ;—и новое чувство, чувство сожалѣнія и скорби о прошедшемъ, совершенной безпомощности въ настоящемъ, безнадежности и отчаянія въ будущемъ пробудились въ душѣ его; новое желаніе, желаніе возвратиться опять въ домъ отеческій, выразить предъ отцемъ чувства раскаянія, остаться при немъ, хотя въ числѣ рабовъ и наемниковъ,—повлекло сердце его къ дому отеческому. *Взъ себе же пришедеъ, рече: се колико наемниковъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же глалодомъ гиблю! Воставъ, иду ко отцу моему.*

Такъ бываетъ, брат. мой, и со всякимъ грѣшникомъ, который не заглушилъ еще въ конецъ своей совѣсти, не дошелъ до совершеннаго отчаянія, упорства и ожесточенія во грѣсахъ, не преданъ окончательно благодати Божіею власти діавола. Любовь Отца небснаго не оставляетъ его и тогда, когда онъ блуждаетъ по распутіямъ порока, не помышляя о возвращеніи подъ кровъ отеческій, когда онъ дремлетъ въ объятіяхъ суеты и сластей житейскихъ, не примѣчая подъ собою бездны, въ которую влекутъ его страсти. Благодать Божія не престаеетъ призывать его: то гласомъ любви и милосердія, то страхомъ прещенія и угрозъ, устами св. пророговъ и апостоловъ; то умиляя и умягчая сердце его многоразличными благодѣянiami; то поражая скорбями и бѣдствіями; то пробуждая совѣсть его особенно знаменательными событіями и встрѣчами; то сотрясая все существо его такими случаями жизни, которые неволью пробуждаютъ совѣсть его, отрезвляютъ разумъ его, поражаютъ сердце его страхомъ Божіимъ, страхомъ суда и мученія. Ангелъ Хранитель

его, хотя со скорбію и слезами, не престаёт слѣдовать за нимъ и взывать къ его совѣсти: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ*. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, по собственному Его обѣтованію, стоитъ при дверяхъ сердца его и стучить, чтобы онъ отверзъ Ему двери и принялъ Его въ храмину души своей. Не встрѣчалъ ли и каждый изъ насъ, среди грѣховнаго самозабвенія и мнимаго покоя души, такихъ минутъ въ своей жизни, когда что-то невѣдомое какъ бы ударило въ его сердце и совѣсть, когда все занимавшее и увлекавшее его дотолѣ становилось неприятнымъ и скучнымъ, когда какой-то неопредѣленный страхъ будущаго невольно сжималъ его сердце и сотрясалъ его душу? Не чувствовалъ ли, по временамъ, среди самаго вихря разсѣянности, среди шума удовольствій плотскихъ, какъ неприятны и горьки эти грубыя наслажденія, какъ омерзительны бываютъ грѣховныя дѣла наши въ нашихъ собственнымъ глазахъ, какъ тяжелы и не-сносны грѣховныя узы, которыми страсти оковали наше сердце, и какъ вождельна свобода духа? Не сознаемъ ли иногда сами, какъ хорошо было бы, еслибъ мы никогда не преступали заповѣдей Божіихъ, никогда не оскверняли себя грѣховными дѣлами, никогда не удалялись сердцемъ своимъ отъ небснаго Отца своего, всегда пребывали съ Нимъ, какъ добрыя и вѣрныя чада Его? Дай Богъ, чтобы это духовное пробужденіе, это сознаніе опасности своего грѣховнаго состоянія, это чувство недовольства собою и желанія лучшаго, это предчувствіе угрожающей грѣшнику гибели, возбудило и въ насъ, какъ въ распутномъ сынѣ, святую рѣшимость оставить все и идти съ раскаяніемъ и молитвою къ Отцу своему! Этого именно и желаетъ намъ Господь Иисусъ Христосъ, пришедшій въ міръ *взыскати и спасти погибшаго*; къ этому и призываетъ насъ благодать Духа Божія; этого и ожидаетъ отъ насъ милосердіе и долготерпѣніе Отца небснаго: *живу Азъ, глаголетъ Господь: хотѣю емъ не хошу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему*.

Воставъ иду ко Отцу моему, говоритъ пришедшій въ себя несчастный юноша, расточившій давное отцемъ имѣніе

въ распутной жизни, постигнутый нищетою и бѣдствіями въ удаленіи отъ дома отческаго, — *оставъ иду ко Отцу моему!*

Что можетъ еще привязывать меня къ этой чуждой странѣ, гдѣ все меня оставило, гдѣ испыталъ я столько бѣдствій, гдѣ купленные дорогою цѣною удовольствія такъ жестоко обманули меня? Чего могу я ожидать здѣсь, кромѣ крайняго посрамленія и безчестія, кромѣ ужасной смерти отъ голода? Знаю, что я недостойнъ уже назваться сыномъ столько любившаго меня и такъ жестоко оскорбленнаго мною отца, что преступленія мои лишили меня права на всякое участіе въ благахъ отческаго дома, что безразсудство мое погубило все, чѣмъ одарила меня туне любовь отца моего, и нечего мнѣ ожидать отъ него, кромѣ заслуженнаго наказанія. Но отъ руки отческой легко и утѣшительно и самое наказаніе; но любовь отца не попуститъ погибнуть лютою смертію и преступному сыну; но въ дому отческомъ быть и рабомъ и наемникомъ будетъ для меня величайшимъ счастіемъ. *Воставъ, иду ко отцу моему и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарецися сынъ твой; сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ!*

Таковы, брат. мои, чувства истинно кающагося грѣшника. Онъ чувствуетъ всю невыносимую тягость, всю безнадежность своего грѣховнаго состоянія; онъ почитаетъ себя недостойнымъ помилованія, но достойнымъ всякаго осужденія и муки; онъ оживляется надеждою на одно только неисощимое милосердіе Отца небеснаго. Что приобрѣлъ я, — спрашиваетъ онъ самого себя въ минуту пробужденія своего отъ сна грѣховнаго, когда лучъ свѣта небеснаго освѣтитъ предъ нимъ бездну, на краю которой онъ стоитъ уже и въ которую готовъ низринуться, — что приобрѣлъ я предавшись прельстившей меня грѣховной жизни, и чего ожидать мнѣ въ будущемъ? Гдѣ тѣ радости, которыхъ искалъ я въ мірѣ? Улетѣли онѣ, и оставили мнѣ скорбь и болѣзнь душевную. Гдѣ блаженство, котораго такъ много обѣщали мнѣ удовольствія плотскія? Увы, это была мечта, которая разсѣялась, какъ сновидѣніе, и оставила за собою изнеможеніе тѣла, томленіе духа, сокрушеніе сердца, угрызения совѣсти. Гдѣ

то счастье, котораго искалъ я повсюду и которое такъ обольстительно манило меня все далѣе и далѣе? Ахъ, это былъ пустой призракъ, который не наполнилъ сердца моего довольствомъ и радостію, не принесъ духу моему вождельнаго спокойствія и блаженства, не усладилъ совѣсти моею тѣмъ животворнымъ утѣшеніемъ, которымъ услаждаетъ невинность и добродѣтель. Что обмануло разъ, обманетъ и въ другой, будетъ обманывать и всегда. Что оказалось пустымъ и ничтожнымъ въ прошедшемъ, тѣмъ же самымъ окажется и въ будущемъ. А дни мои проходятъ и исчезаютъ какъ сонъ; время жизни сокращается, и смерть уже при дверехъ. Что, если она постигнетъ меня такимъ, какимъ я былъ доселѣ? Какъ явлюсь я предъ лицомъ Господа и Владыки живота моего? Съ чѣмъ предстану я предъ Спасителемъ и Судіею моимъ? Гдѣ тѣ сокровища, которыми обогатила меня любовь Отца небеснаго? Я расточилъ ихъ въ угожденіе страстямъ моимъ. Гдѣ невинность, съ которою я вышелъ изъ купели св. Крещенія и которую стяжалъ мнѣ Христосъ Господь Своею кровію? Я предалъ ее за временную грѣха сладость. Гдѣ завѣтъ благодати, который запечатлѣнъ кровію Сына Божія, — съ его обѣтованіями жизни вѣчной? Я погралъ его грѣхами моими, я отрекъся обѣтованій живота вѣчнаго и долженъ наследовать осужденіе вѣчной смерти. Гдѣ сыновнее дерзновеніе, съ которымъ вѣрныя чада Божія приступаютъ къ престолу Отца небеснаго, призываютъ Его все-святое имя въ молитвѣ своей и приемятъ отъ Него благодать возблагодать? Увы, я не смѣю и вспомнить страшнаго и покланяемаго имени Божія, чтобы не встрѣтить въ лицѣ всеблагаго Отца праведнаго Судію и Мздовоздателя; не смѣю возвести взора моего на небо, чтобы не встрѣтить въ немъ свидѣтеля беззаконій моихъ и обличителя грѣховъ моихъ. Всѣ дары благодати Божіей погублены, всѣ силы души и тѣла моего извращены и утрачены. Разумъ осуетился въ нечистыхъ помышленіяхъ, превратился *въ неискусенъ умъ творити неподобная*; сердце растлилось преступными пожеланіями и сдѣлалось игралищемъ безсловесныхъ страстей; совѣсть убита и подавлена сознаниемъ множества грѣховъ моихъ и бѣжить, какъ преступный рабъ отъ лица Бо-

жія; всѣ чувства сдѣлались орудіями неправды и беззаконія, нечистоты и скверны. *Сляченъ есмь узами многими и нѣтъ ми ослабленія. Яко одержаша мя злая, имъ же нѣтъ числа; постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти; умножишася паче власъ главы моея, и сердце мое остави мнѣ.* Никто и ничто не спасетъ меня отъ лютой смерти грѣшника; никто не защититъ меня отъ праведнаго суда Божія; никто не избавитъ меня отъ геенны и огня вѣчнаго; никто не исхититъ меня отъ темной власти діавола, которому предался я добровольно своимъ согласіемъ на злое. О, если бы быть хотя наемникомъ и рабомъ въ дому Отца небеснаго! О, если бы не быть на всегда изгнану и извержену изъ царства Божія во тьму кромѣшнюю! О, если бы Отець небесный принялъ меня опять подъ благодатный покровъ любви и милосердія Своего! *Иду убо ко отцу моему.*

Иду и реку Ему: Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою. Жестоко оскорбилъ я Твою благодать и милосердіе, преогорчилъ Твою любовь и благоутробіе, преступилъ Твои спасительныя заповѣди, попралъ священные обѣты мои, данныя мною при святомъ крещеніи, предъ св. Твоимъ жертвенникомъ, предъ Ангелами и людьми, поругалъ кровь Завѣта Твоего, которою освятился, которою ѣискупленъ отъ вѣчной смерти, обезчестилъ благодать Пресвятаго Духа Твоего, коимъ знаменался въ день избавленія моего. Самъ—несчастный—приготовилъ себѣ достойную казнь; самъ воздвигъ на себя праведный гнѣвъ Твой;—и нѣтъ мнѣ извиненія ни въ чемъ, нѣтъ ни малѣйшаго оправданія злomu произволенію моему. Все побуждало меня хранить твои святыя заповѣди, все удерживало меня на пути закона Твоего; все требовало отъ меня любви и благодарности къ Тебѣ. Ты Самъ—Всеблагій—непрестанно призывалъ къ Себѣ, поучалъ и вразумлялъ меня, обличалъ и угрожалъ мнѣ посредствомъ живоноснаго слова Твоего въ Св. Писаніи, но я не послушалъ отеческаго гласа Твоего, презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ обѣтованія и угрозы Твои. Ангель Хранитель мой не преставаъ внушать мнѣ желаніе всего добраго и отвращеніе ко всему злomu и беззаконному, но я отвергъ его вну-

шенія, не послушалъ совѣта ангельскаго, и приклонилъ слухъ мой къ совѣту лукаваго. Собственная совѣсть моя чувствомъ стыда и цѣломудрія, страхомъ безчестія и наказанія удерживала меня отъ преступныхъ стремленій и дѣлъ, но я заглушилъ въ себѣ голосъ совѣсти, подавилъ чувство стыдливости и ринулся на путь грѣха и гибели. Все небо и земля, всѣ твари, которыя слушаютъ повелѣнія Твоего, исполняютъ святую волю Твою, повинуются и мнѣ недостойному по заповѣди Твоей, внушали мнѣ покорность Тебѣ, послушаніе святой волѣ Твоей, благодареніе благодати и милосердію Твоему, но я сдѣлался безмысленнѣе безсловесныхъ, безчувственнѣе всякой твари, — одинъ во всемъ мірѣ сталъ преступникомъ закона Твоего, преслушникомъ святѣйшей воли Твоей, непокорнымъ высочайшей власти Твоей.

Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою!

И уже тѣмъ достоинъ нарецися сынъ Твой. Ты, всеблагій, отличилъ меня между всеми земными тварями Твоими божественнымъ образомъ, поставилъ меня властелиномъ земли, обладателемъ всѣхъ тварей, но я попалъ въ себѣ божественный образъ Твой преступленіемъ воли Твоей, уничижилъ достоинство богоподобной души моей, покоривъ ее плотскимъ похотямъ и сдѣлался рабомъ безсловесныхъ страстей. Ты, по безконечной любви Своей, не пощадилъ для спасенія моего Своего едиnorodнаго Сына, предалъ Его на крестную смерть, да искупить меня отъ смерти вѣчной, но я грѣхами своими попалъ Святѣйшую кровь Его, изліянную за грѣхи міра, и самовольно подвергъ себя вновь осужденію и проклятію. Ты, во имя едиnorodнаго Сына Своего, далъ мнѣ право именоваться и быть сыномъ Твоимъ, сотворилъ причастникомъ божественнаго тѣла и крови Христа Твоего и обѣтовалъ мнѣ наслѣдіе живота вѣчнаго; но я презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ даръ божественнаго сыноположенія, обезчестилъ тѣло и кровь Сына Твоего, сотворивъ уды Христовы удами блудничими, и сдѣлался чуждымъ наслѣдія жизни вѣчной. Ты оградилъ меня печатію дара Духа Святаго, освятилъ и тѣло и душу мою въ Храмъ Твой святой; но я растлилъ и душу и тѣло мое грѣхами и беззаконіями, и вмѣсто Храма Божія сдѣлался вмѣстили-

цемъ всякой нечистоты и скверны. Какъ дерзну я именовать Тебя — Святѣйшаго Святыхъ — Отцомъ моимъ? Какъ осмѣлюсь называть себя — раба грѣха и страстей — сыномъ Твоимъ? *Нѣсмь, нѣсмь достоинъ нарецися сынъ Твой!*

Но, Творче и Владыко живота моего, вѣрую, что милосердію Твоему нѣтъ предѣла; что Твоя безконечная любовь *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти ему*; что едиnorodный Сынъ Твой приходилъ на землю призвать не праведныхъ, но грѣшниковъ къ покаянію, взыскать и спасти погибшаго; что всесвятая кровь Его, изліянная за грѣхи міра, *очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха*; что благодать Всесвятаго Духа Твоего преизбыточествуетъ тамъ, гдѣ умножается грѣхъ; что не праведникамъ, а грѣшникамъ Ты положилъ покаяніе во спасеніе. Не отринь отъ лица Твоего и мене грѣшника, отверзи двери милосердія Твоего и мнѣ окаянному, взыщи благоутробіемъ Твоимъ и мене погибшаго; омой пречистою кровію Сына Твоего скверны и моей окаянной души; освяти благодатію Пресвятаго Духа Твоего и мое нечистое и оскверненное сердце; оживотвори силою Твоею и мене мертваго прегрѣшенъ и истлѣвшаго въ беззаконіяхъ. Недостинъ я высочайшей почести истинныхъ чадъ Твоихъ — праведниковъ совершенныхъ: сопричи меня ко грѣшникамъ кающимся, не отжени отъ лига мытарей и грѣшниковъ, помилованныхъ Тобою, дай хотя приметися въ дому Твоемъ, вселиться хотя у прага царствія Твоего: *сотвори мя яко единого отъ наемникъ Твоихъ!*

Блаженъ, у кого это духовное пробужденіе, это сознание своей тяжкой виновности предъ Отцемъ небеснымъ, это чувство своей безотвѣтности предъ судомъ Божиимъ возбудить искреннее отвращеніе отъ грѣховной жизни, твердую рѣшимость обратиться всѣмъ сердцемъ къ Богу Отцу своему; горячее желаніе принести искреннее, всесердечное покаяніе во грѣхахъ своихъ и не возвращаться вспять. О немъ возрадуется Самъ Богъ — Отецъ нашъ, о немъ возвеселятся всѣ силы небесныя: *Аминь бо глаголю вамъ, сказалъ Самъ Господь, яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникъ кающемся. Аминь.*

13. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е .

*Въ себе же пришедъ, рече: се
колико наемникомъ Отца моего
избываютъ злѣбы, азъ же гла-
домъ глбю!*

Продолжая возбуждать насъ къ покаянію, св. Церковь представляетъ нынѣ утѣшительный и поучительный примѣръ покаянія послѣ самаго тяжкаго и глубокаго паденія. Въ чтенной нынѣ Евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ Господь Иисусъ Христосъ изобразилъ намъ, съ одной стороны, мрачную картину постепеннаго ниспаденія во глубину грѣха, съ другой — умилительное зрѣлище обращенія и покаянія самаго погибшаго, по видимому, грѣшника.

Предаваясь болѣе и болѣе своеволію и пренебреженію заповѣдей Божіихъ, попуская постепенно сильнѣе и сильнѣе овладѣвать собою похотямъ и страстямъ своимъ, удаляясь сердцемъ своимъ все далѣе и далѣе отъ Бога—Отца своего, упадая все глубже и глубже въ бездну грѣховную, бѣдный грѣшникъ *приходитъ*, наконецъ, *во глубину золъ*, погружается въ нѣкое какъ бы оцѣпененіе и безпробудный сонъ, дѣлается глухъ и безчувственъ ко всему, кромѣ удовлетворенія ненасытимой ничѣмъ жажды страстей своихъ. Сердце его становится какъ-бы окаменѣлымъ, не трогается не только кроткими увѣщаніями и совѣтами, но и грозными преценіями гнѣва и суда Божія. Совѣсть его, заглушаемая воплемъ страстей, дѣлается безмолвною, усыпленною, какъ бы убитою, не различаетъ уже свѣта отъ тьмы, добраго отъ лукаваго, истины отъ лжи, правды отъ беззаконія. Воля его дѣлается рабою страстей и злыхъ навыковъ, и если движется еще, то не къ дѣламъ свѣта и жизни, святости и правды, вѣры и любви, а къ мертвымъ дѣламъ тьмы и нечестія, лжи и неправды. Самый разумъ его, повинуваясь влеченію страстныхъ похотей, превращается *въ неискусенъ умъ творити неподобна*, *премъняетъ самую истину Божію во лжу*, силится отвергнуть самую очевидную истину Евангелія Христова, изыскать оправданіе самымъ нечестивымъ дѣламъ своимъ, кощунствовать и богохульствовать. Въ такомъ состо-

яніи чловѣкъ, по слову Самого Господа, только *имя имать, яко живъ, а мертвъ есть*: мертвъ для Бога, какъ предавшійся во власть врага Божія діавола; мертвъ для царства Божія, какъ погибшій на всю вѣчность; мертвъ для жизни вѣчной, какъ осужденный по дѣламъ своимъ во огонь вѣчный, уготованный діаволу.

Правда, не всѣ грѣшники доходятъ до сего состоянія совершеннаго ожесточенія и безчувствія. Но во всѣхъ насъ, брат., есть зачатки и какъ бы сѣмя этой смерти духовной; ибо всѣ мы предаемся болѣе или менѣе духовному усыпленію, при которомъ, если не возбуждать себя къ покаянію, можно *уснуть, наконецъ, въ смерть*. Ибо не сонъ-ли это, когда, предаваясь всѣмъ сердцемъ земнымъ заботамъ и печеніямъ, погружаясь всею душою въ земныя радости и печали, устремляясь всею мыслию къ земнымъ надеждамъ и ожиданіямъ, опускаемъ изъ виду то, что дороже и нужнѣе всего, — спасеніе души своей; забываемъ о томъ, предъ чѣмъ все земное и временное менѣе, нежели тѣнь и пустота, — о жизни вѣчной, о блаженствѣ въ дому Отца небеснаго? Не сонъ-ли это, когда во всю жизнь свою гоняемся, подобно дѣтямъ, за пустыми игрушками, которыя забавляютъ насъ только на малое время, силимся уловить призракъ, именуемый счастіемъ, а равнодушны къ тому, что составляетъ дѣйствительное, вѣчное наше счастье? Не сонъ-ли это, когда, предаваясь влеченіямъ плоти своей, впадая даже въ тяжкія грѣхопаденія, остаемся спокойны о своей участи, не страшимся смерти, которая можетъ восхитить насъ внезапно, въ каждый часъ и въ каждую минуту, не трепещемъ страшнаго суда Божія, который осудитъ насъ на страданія во всю вѣчность? Не сонъ-ли это, когда воображаемъ, что можемъ насытить жажду безсмертной души своей, питая ее тѣмъ, что само по себѣ тлѣнно и смертно, что не можетъ перейти съ нею за предѣлы гроба, что исчезнетъ, какъ призракъ и сновидѣніе, оставивъ по себѣ одно горькое раскаяніе? Смерть разгонитъ нѣкогда облегающій насъ мракъ, пробудитъ душу нашу отъ этого обаятельнаго усыпленія, — и она съ ужасомъ увидитъ себя *окаянною и бѣдною, и нищею, и слѣпою и нагою*. Но страшно будетъ это пробужденіе, без-

плодно будетъ самое раскаяніе по смерти! *Ту будетъ вѣчный плачь и скрежетъ зубовъ, идѣже червь ихъ не умираетъ, и огонь ихъ не угасаетъ!*

Но благодареніе неистощимому милосердію и долготерпѣнію Божію! Божественная благодать не оставляетъ грѣшника и въ самомъ крайнемъ состояніи его безчувствія и омертвенія, тѣмъ паче не оставляетъ тѣхъ, кои, хотя и предаются грѣховной дремотѣ и усыпленію, но не ожесточили еще сердца своего, не умерли вовсе для жизни духовной. Какъ ни далеко упоминаемый въ притчѣ своевольный сынъ удалился отъ дома отеческаго, но любовь отца слѣдила за нимъ всюду, не оставляла его памятію любящаго сердца, и готова была изыти въ срѣтеніе его, какъ скоро онъ рѣшится возвратиться въ домъ отца своего. Съ другой стороны, и въ сердцѣ сына неистребившаяся еще мысль объ отцѣ, не погибая еще память объ отеческомъ домѣ готова была воскреснуть и отозваться на зовъ любви родительской. И вотъ, когда улетѣвшія удовольствія оставили сердце его опустѣлымъ и одинокимъ, глазъ на глазъ съ своею совѣстію, когда крайнія злоключенія и бѣдствія растерзали это бѣдное сердце и раскрыли его для лучшихъ ощущеній, — лучъ свѣта облисталъ его. Онъ вспомнилъ объ отцѣ своемъ, котораго такъ жестоко оскорбилъ своимъ своевоіемъ и неблагодарностію, вспомнилъ о домѣ отеческомъ, гдѣ наслаждался нѣкогда тихими, невинными радостями; — и новое чувство, — чувство сожалѣнія и скорби о прошедшемъ, совершенной беспомощности въ настоящемъ и безнадежности въ будущемъ, — пробудилось въ душѣ его. *Въ себе же пришедъ, рече: се koliko наемникомъ Отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю!*

И такъ горькое чувство утраты прежняго — счастливаго и болѣзненное сознаніе настоящаго — бѣдственнаго состоянія, — вотъ, чѣмъ начинается истинное покаяніе, дѣйствительное обращеніе грѣшника отъ тьмы къ свѣту и отъ грѣха къ Богу. На что ни обратитъ онъ взоръ свой, все напоминаетъ ему его горькія лишенія и тяжкія утраты, все обличаетъ его въ преступной неблагодарности предъ Отцемъ небеснымъ, все разоблачаетъ предъ нимъ внутреннюю срамоту души его и безотвѣтственность предъ судомъ Божіимъ.

Посмотрить-ли онъ на людей, живущихъ въ страхѣ Божіемъ, наслаждающихся миромъ сердечнымъ, благодатною тишиною въ душѣ своей, славящихъ и благодарящихъ Господа въ чистой совѣсти? Ахъ, и онъ наслаждался нѣкогда этимъ раемъ душевнымъ; и ему были доступны свѣтлыя радости душъ чистыхъ и святыхъ; и онъ былъ нѣкогда безмятеженъ въ своей совѣсти, непороченъ предъ Богомъ и людьми, счастливъ и блаженъ въ своемъ сердцѣ. Теперь же внутри его цѣлый адъ: совѣсть мучить и терзаетъ его, страсти не даютъ покоя сердцу его. Куда ни обратится, все напоминаетъ ему объ его заблужденіяхъ и порокахъ, о его преступныхъ наслажденіяхъ и мерзостяхъ; вездѣ встрѣчаетъ или слѣды своихъ грѣховъ и беззаконій, или участниковъ своихъ порочныхъ удовольствій, или соблазненныхъ и растлѣнныхъ его безумными рѣчами и постыдными дѣлами. Кажется, весь свѣтъ смотреть на него съ отвращеніемъ и презрѣніемъ: онъ готовъ бы убѣжать и сокрыться отъ взора человѣческаго. *Се koliko наемникомъ Отца моего избывають хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю!*

Приблизится-ли онъ къ храму Божію, гдѣ добрыя чада Отца небеснаго предстоятъ престолу благодати Его съ сыновнимъ благоговѣніемъ и съ сыновнимъ же дерзновеніемъ призываютъ святое и поклоняемое имя Его, въ сердечномъ восторгѣ славословятъ и благодарятъ Его, съ упованіемъ просятъ у Него всего благопотребнаго себѣ, съ дѣтскою преданностію вручаютъ жизнь и судьбу свою Его всеблагой волѣ? Ахъ, и ему доступенъ былъ сей престоль благодати Божіей, и онъ съ дѣтскою радостію спѣшилъ нѣкогда въ храмъ Господень, и онъ съ сердечнымъ восторгомъ славилъ и благодарилъ Господа, и онъ ощущалъ истинное услажденіе *во псалмехъ и пнннхъ и пснехъ духовныхъ, воспѣвая и поя Господу въ сердцѣ своемъ*, и онъ восторгался небесною радостію въ святые и великіе дни праздниковъ Господнихъ. Теперь его мѣсто не въ храмъ Божіемъ, а въ селеніихъ грѣшничихъ,— не между чадами Божіими, а между сынами проклятія,— не съ ангелами свѣта, а съ духами отверженными. Теперь ему нѣтъ части въ наслѣдіи Божіемъ, а въ огнѣ вѣчномъ, уготованномъ діаволу и ангеломъ его. Теперь

не радость и утѣшеніе, а скорбь и болѣзнь, стыдъ и посрамленіе ожидаютъ его въ благодатномъ дому Отца небеснаго. *Се колико наемникомъ Отца моего избываютъ хлѣбы, изъ же гладомъ гиблю!*

Осмѣлится-ли грѣшникъ возвести взоръ свой на небо, возрѣть на красоту вселенной, въ которыхъ чистый взоръ души богобоязненной обрѣтаетъ утѣху и услажденіе? Увы, и онъ былъ нѣкогда любимымъ сыномъ неба, и онъ поставленъ былъ надъ дѣлы рукъ Божіихъ, и ему покорены были все твари; но онъ попралъ въ себѣ святѣйшій образъ Божій, уничтожилъ богоподобное достоинство души своей, покорилъ ее плотскимъ похотямъ, сдѣлался рабомъ безсловесныхъ страстей. Все небо и земля, все, не только одушевленные, но и бездушныя твари, слушаютъ повелѣнія Творца своего, исполняютъ Его всесвятую волю, прославляютъ Его высочайшую премудрость и благодать: онъ одинъ сдѣлался безсмысленнѣе безсловесныхъ, безчувственнѣе всякой бездушной твари; одинъ во всемъ мірѣ сталъ преступникомъ закона Божія, неповорнымъ высочайшей власти Творца своего. Можесть-ли небо, оскорбляемое восходящимъ до него воплемъ грѣховъ его, не грозить ему проклятіемъ и казнію? Можесть-ли земля, оскверненная грѣхами его, не разверзнуться подъ ногами его и не поглотить его въ бездну ада? *Се колико наемникомъ Отца моего избываютъ хлѣбы, изъ же гладомъ гиблю.*

Дерзнетъ-ли возвести взоръ свой къ Отцу небесному? Но самое величіе любви Его приводитъ грѣшника въ смущеніе и боязнь, самый преизбытокъ милосердія Божія внушаетъ ему страхъ и трепеть. Отецъ небесный такъ возлюбилъ его, что Сына Своего едиnorodнаго не пощадѣлъ, но предалъ на крестную смерть, да искупить его отъ смерти вѣчной, да избавить его отъ клятвы законной: а онъ злымъ произволеніемъ своимъ попралъ святѣйшую кровь, пролитую за грѣхи міра, тысящекратно распиналъ въ себѣ Сына Божія неисчетными грѣхами своими. Отецъ небесный нарекъ его въ усыновленіе во Христѣ Иисусѣ, далъ ему право именоваться и быть сыномъ Своимъ, сотворилъ причастникомъ божественнаго тѣла и крови Христа Своего, и обѣтовалъ ему

наслѣдіе жизни вѣчной; а онъ презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ даръ божественнаго сыноположенія, поправъ плоть и кровь Сына Божія, сотворилъ уды Христовы удами блудничими, отрекся отъ наслѣдія живота вѣчнаго. Отецъ небесный ниспослалъ въ сердце его Пресвятаго Духа Своего, освятилъ и тѣло и душу его во храмъ Свой; а онъ растлилъ и тѣло и душу свою грѣхами и беззаконіями, и вмѣсто храма Божія сдѣлался вмѣстилищемъ всякой нечистоты и скверны. *Се колико наемникомъ Отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю!*

Посмотрить-ли на самого себя? Весь онъ покрытъ струпами страстей и язвами беззаконій, *отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости, но струпа и язва и рана наляцаяся, — нѣсть пластыря приложить, ниже елей, ниже обвязанія.* Всѣ дары Божіи погублены, всѣ благодатныя и естественныя силы истрачены. Разумъ осуетился въ нечистыхъ помышленіяхъ, превратился *въ неискусенъ умъ творити неподобная*; сердце растлилось преступными пожеланіями и сдѣлалось игралищемъ безсловесныхъ страстей; совѣсть, отягченная множествомъ грѣховъ, бѣжить, какъ преступный рабъ, отъ лица Божія; всѣ чувства сдѣлались орудіями неправды и беззаконія, нечистоты и скверны. *Умножишася беззаконія моя, Господи, и нѣсмь достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ. Сляченъ есмь многими узами желѣзными, во еже не возвести главы моея, и нѣсть ми ослабленія. Яко одержаша мя злая, имже нѣсть числа: постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти: умножишася паче власъ главы моея, и сердце мое остави мя. Одержаша мя болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя спати смертныя. Се колико наемникомъ Отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же голодомъ гиблю!*

Блаженъ, у кого это духовное пробужденіе, это сознание своей тяжкой виновности предъ Отцемъ небеснымъ, это чувство своего безчестія и крайняго униженія, своей безотвѣтности предъ судомъ Божіимъ—возбудить искреннее отвращеніе отъ грѣховной жизни, твердую рѣшимость обратиться

всѣмъ сердцемъ къ Богу — Отцу своему, горячее желаніе принести искреннее, сердечное покаяніе и не возвращаться вспять. О немъ возрадуется Отець небесный со Единороднымъ Сыномъ и Пресвятымъ Духомъ Своимъ; о немъ возрадуются всѣ святые ангелы и всѣ силы небесныя: *яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся.* Аминь.

III. Недѣля мясопустная.

14. БЕСѢДА — ПЕРВАЯ.

Матѣ. 25, 31—46.

Всѣмъ намъ подобаетъ явитися предъ судилищемъ Христовымъ, говоритъ св. Апостоль Павелъ. И чтобы явленіе сіе не было для насъ внезапнымъ, чтобъ не сказалъ кто либо въ извиненіе: «я не зналъ того, не слыжалъ о томъ ничего,» милосердый Господь, не хотящій смерти и погибели грѣшника, заранѣе открылъ намъ, какъ послѣдуетъ Его страшное и славное пришествіе на судъ: Самъ Судія неба и земли сказалъ намъ напередъ, какъ будетъ Онъ производить судъ Свой надъ нами и что послѣдуетъ за симъ судомъ. Сіе-то предсказаніе о послѣднемъ страшномъ судѣ Христовомъ всегда служило утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ для истинныхъ послѣдователей Христовыхъ на тернистомъ пути къ царствію Божію: оно укрѣпляло св. Мучениковъ въ немимовѣрныхъ страданіяхъ за имя Христово, вдыхало пустыникамъ крѣпкое мужество въ тяжкой борьбѣ ихъ съ собственными страстями, услаждало труды великихъ пастырей въ обличеніи заблудшихъ, въ обращеніи грѣшниковъ, въ спасеніи душъ христіанскихъ. Но это же предсказаніе, съ другой стороны, всегда служило и наилучшимъ побужденіемъ грѣшниковъ къ покаянію: оно-то изгоняло великихъ грѣшниковъ въ пустыни для оплакиванія тамъ своихъ преступленій, содѣлывало разбойниковъ, мытарей и гонителей избранными сосудами благодати Божіей. Почему св. Церковь ежегодно, предъ наступленіемъ дней поста и покаянія, и представляетъ

очамъ нашимъ образъ страшнаго суда Божія такъ, какъ изобразилъ его самъ Господь, — для укрѣпленія и утѣшенія вѣрныхъ чадъ своихъ, для устрашенія и возбужденія къ покаянію заблуждающихъ. Взыдемъ въ духѣ на гору Елеонскую, приближимся съ благоговѣніемъ къ мѣсту, гдѣ бесѣдуетъ Господь съ учениками своими о послѣднихъ событіяхъ міра, о второмъ пришествіи своемъ и послѣднемъ судѣ, будемъ внимать божественнымъ словамъ, исходящимъ изъ пречистыхъ Его устъ.

Егда придетъ сынъ человеческій во славу своей, — такъ началъ Господь изображеніе страшнаго суда, — *и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолъ славы Своея*. Таковъ будетъ видъ Судіи, имѣющаго придти въ послѣдній день міра. Приходилъ Сынъ Божій на землю въ смиренномъ образѣ раба для спасенія человѣковъ, для призванія къ покаянію заблудшихъ; тогда придетъ Онъ во славу Своей для изнесенія послѣдняго суда надъ родомъ человѣческимъ. Мы видѣли Его на землѣ не имущимъ гдѣ главу приклонити, гонимымъ, страждущимъ, распинаемымъ; тогда узримъ Его сѣдящимъ на престолѣ славы Своея, окруженнымъ тмами темъ Ангеловъ и Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ. Такъ, мы узримъ тогда Законодателя, ревнующаго о святости законовъ Своихъ, которые грѣшники нарушаютъ съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ; узримъ Сердцевѣдца, Которому извѣстны всѣ не только дѣла, но и мысли и желанія наши, Который провидитъ всѣ помышленія наши издалеца; узримъ Судію нелицепріятнаго, Который воздастъ каждому по дѣломъ его и по начинаніямъ сердца. Страшенъ будетъ видъ сей для земнородныхъ; многіе *рекутъ тогда горамъ: падите на ны, и холмомъ: покройте ны отъ лица сѣдящаго на престолъ, и отъ гнѣва Агнча, яко прииде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати?* — Напротивъ того свѣтелъ и радостенъ будетъ день сей для истинныхъ послѣдователей Христовыхъ: *радуемся и веселимся* — скажутъ они — *и дадимъ славу Ему, яко прииде бракъ Агнчій*.

Вмѣстѣ съ Судією явятся на судъ и свидѣтели: — *и вси святіи Ангели съ Нимъ*, — тѣ святые Ангелы, которые теперь посылаются въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спа-

сеніе, которые пребываютъ съ нами безотлучно во все время жизни нашей отъ рожденія до смерти, — видятъ всѣ дѣла наши, слышатъ всѣ слова наши, наблюдаютъ тайныя помышленія сердца нашего. Свидѣтели вѣрные, неподкупныя! Ничто не утаится отъ ихъ взора, все будетъ представлено на судъ.

Предъ симъ то Судіею, при сихъ свидѣтеляхъ предстанеть на судъ человѣчество: *и соберутся предъ Нимъ вси языцы*, — всѣ отъ перваго человѣка и до послѣднихъ людей, коихъ страшный день Господень постигнетъ живыми! Различіе временъ и мѣстъ, племенъ и языковъ, возрастовъ и состояній преидеть: для всѣхъ будетъ одинъ судъ; ибо законъ, по которому судимы будутъ люди, для всѣхъ одинъ, Судія и Законодатель одинъ. Отъ всѣхъ взыщется одинъ отвѣтъ, — отъ мудраго и невѣжды, отъ пустытника и гражданина, отъ богатаго и бѣднаго, отъ Христіанина послѣднихъ временъ, какъ и отъ первыхъ учениковъ Христовыхъ. Какъ жилъ и дѣйствовалъ, — по закону Божію, или по видамъ самолюбія и влеченію страстей? Воспользовался-ли всѣми, предоставленными каждому, средствами ко спасенію? — Вотъ, о чемъ истязаны будутъ всѣ и каждый. *И соберутся предъ Нимъ вси языцы*.

На семъ то всеобщемъ соборѣ всего человѣчества, предъ лицомъ страшнаго Судіи и св. Ангеловъ Его, предстанемъ и мы съ тобою, благочестивый слушатель, предстанемъ такими, какими обрящетъ насъ страшный часъ смертный. И отъ насъ, вмѣстѣ со всѣми, взыщеть отчета въ нашей жизни праведный Судія міра. И, во первыхъ, откроетъ всѣ дѣла и слова, мысли и чувства наши отъ перваго движенія младенческаго до послѣдняго вздоха смертнаго. Теперь все прошедшее, сокрываясь отъ глазъ, мало-по-малу изглаживается въ нашей памяти, все покрывается какъ-бы пеленою, сквозь которую едва усматриваетъ что-либо наше око. Но все то пишется въ книгѣ живота, ничто не исчезаетъ, ничто не забыто предъ очами всевѣдущаго Судіи; и въ страшный часъ суда все какъ оживетъ въ нашей совѣсти, прошедшее сдѣлается настоящимъ, — и очамъ нашимъ представится полная картина нашей жизни, ви́шней и внутренней.

Приведутся на память заблужденія дѣтства, о коихъ мы давно забыли, и если иногда вспоминаемъ, то подъ преступнымъ названіемъ невинныхъ шалостей, — буйные порывы юности, кон давно ускользнули изъ нашей памяти, или, что хуже всего, припоминаются съ какимъ-то самодовольствомъ и наслажденіемъ, — пороки мужества и старости; предстануть очамъ нашимъ всѣ грѣховныя дѣйствія со всѣми ихъ послѣдствіями и плодами, — всѣ праздныя слова, кои, исчезая въ воздухъ, казались намъ какъ бы не сущими; откроется и тайная исторія сердца нашего, которая едва извѣстна намъ самимъ, — студныя пожеланія, нечистые помыслы, праздныя мечтанія — все обнаружится предъ всевидящимъ окомъ Божиимъ. Мало того, отъ насъ взыщется отчетъ не только въ томъ, что сдѣлали, но и въ томъ, чего не сдѣлали, когда могли и должны были сдѣлать. Намъ приведутся на память безчисленные случаи къ добродѣтели, которые предоставляла намъ благодѣя Божія, но которые упущены нами легкомысленно: нашъ совѣтъ могъ предупредить преступленіе, но мы не взяли на себя труда дать его въ свое время; нашъ голосъ могъ защитить истину, но мы побоялись сильнаго, или увлеклись лестнымъ ожиданіемъ — и молчали; наше благодѣяніе могло спасти бѣдность отъ порока, но мы не хотѣли отказать своей прихоти. Намъ даровано было столько даровъ естественныхъ и благодатныхъ, которые остались безъ пользы и плода; — открыть былъ путь спасенія, по которому мы не шли; — дарованы святыя таинства, которыми мы не пользовались. Все это, что кажется намъ теперь невиннымъ, въ чемъ не почитали нужнымъ раскаиваться, представится на судѣ въ обвиненіе наше; во всемъ томъ взыщеть отъ насъ отчета праведный Судія міра. Взыщеть отчета и въ грѣхахъ ближнихъ нашихъ, которыхъ мы были причиною, и которые, потому самому, вмѣняются намъ. Предстануть очамъ нашимъ невинныя души, соблазненные нашимъ примѣромъ, увлеченныя нашимъ совѣтомъ, растлѣнныя нашими рѣчами. Иисусъ Христосъ, искупившій ихъ Своею кровію, востребуетъ ихъ отъ рукъ нашихъ. *Гдѣ есть Авель братъ твой?* — спроситъ Онъ и насъ, какъ спрашивалъ перваго братоубійцу, — *гласъ*

крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ. Испытаетъ, наконецъ, и самыя добродѣтели наши, откроетъ источникъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, обнаружитъ побужденія, изведетъ на свѣтъ преднамѣренія и цѣли,—и онѣ предстанутъ очамъ нашимъ, какъ есть, оскверненные нечистыми побужденіями, честолюбивыми видами, своекорыстными цѣлями.— Кто стерпитъ день пришествія Его, говоритъ Пророкъ, и кто постойтъ въ видѣніи Его? Зане Той входитъ яко огнь горнила и яко мыло перущихъ; и сядетъ разваряя и очищая яко сребро и яко золото (Малах. 3, 2—3).

За сѣмъ испытаніемъ совѣсти и откровеніемъ дѣлъ каждаго послѣдуетъ отлученіе грѣшниковъ отъ праведныхъ: *и различитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь различаетъ овцы отъ козлищъ.* Нынѣ въ Церкви Божіей, какъ на пивѣ, растутъ вкупѣ плевелы и пшеница. Кто истинно добръ и кто притворенъ, мы не знаемъ; отъ того скрытый порокъ избѣгаетъ заслуженнаго посрамленія и безчестія, а неизвѣстная добродѣтель лишается должной чести и хвалы. Въ день страшнаго суда Божія все откроется въ настоящемъ видѣ, сдѣлается яснымъ и очевиднымъ для всякаго; Судія міра обнаружитъ, изведетъ на свѣтъ тайны сердець, такъ что не трудно будетъ различить овцы отъ козлищъ! О, какой стыдъ и срамъ обыметъ тогда грѣшную душу! Слабости и пороки, тщательно скрываемыя теперь, обнажатся тогда предъ цѣлымъ свѣтомъ, предъ лицомъ неба и земли, предъ соборомъ ангеловъ и человѣковъ. Теперь умѣемъ хорошо принаравляться къ обстоятельствамъ, перемѣнять мысли, склонности и характеръ по духу тѣхъ, коимъ стараемся угодить: день суда Божія обнаружитъ всякую хитрость и притворство, и знавшіе насъ узрятъ и ужаснутся. Теперь умѣемъ казаться друзьями человѣчества, ревнителями правды, безкорыстными исполнителями долга, доброжелательными друзьями, даже имѣющими образъ благочестія и святости; но Сердцевѣдецъ откроетъ предъ всѣми наше сердце, — и въ немъ съ ужасомъ увидятъ всѣ зависть и своекорыстіе, любочестіе и гордость. О, что будетъ съ нами въ сей великій и страшный день откровенія тайнъ сердечныхъ? Что будетъ съ нами, когда ближніе наши или оскорбленные на-

шею гордостію, или обиженные нашимъ любостыжаніемъ, или обманутые нашимъ лукавствомъ, или соблазненные нашимъ примѣромъ и наставленіемъ, возопіють къ Богу объ отищеніи; когда самый міръ, совоздыхающій и соболѣзнующій теперь подъ тяжестію суеты нашей, спобореть съ Богомъ на беззаконныя?—Но день стыда и посрамленія нечестивыхъ будетъ днемъ торжества и радости для праведниковъ. Тогда то узрять небо и земля, что праведника поруганнаго, презрѣннаго въ жизни, скитающагося въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ, не бѣ достоинъ весь міръ; тогда праведные, отдѣлившись отъ нечестивыхъ, просвѣтятся яко солнце, *восхищены будутъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣ.* (1 Сол. 4, 17). *И различитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь различаетъ овцы отъ козлищъ.*

И поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю. Въ настоящей жизни, при всеобщемъ смѣшеніи зла съ добромъ, порокъ не рѣдко предвосхищаетъ честь у добродѣтели; люди благочестивые и добродѣтельные часто занимаютъ низшія степени жизни общественной, а порочные являются на верху почестей и достоинствъ. День суда Божія положить конецъ симъ безпорядкамъ. Праведный Судія міра не будетъ разбирать породы и достоинствъ, различать благороднаго отъ худороднаго,—не приметъ въ уваженіе узы родства и дружбы; отдѣлитъ только пшеницу отъ плевелъ, добродѣтель отъ порока: *и поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю.* Добродѣтельный отецъ станетъ одесную, порочный сынъ ошуюю; добродѣтельный супругъ въ ликѣ праведныхъ, порочная супруга—въ сонмѣ грѣшниковъ; бѣдный Лазарь, котораго не удостоивали и взоромъ, явится на лонѣ Авраамовомъ, а гордый богачъ, окруженный ласкателями — на мѣстѣ мученія; дикій, недавно просвѣщенный вѣрою во Христа, займетъ мѣсто между избранными, а рожденный въ христіанствѣ останется между отверженными; простолюдинъ возлетитъ на облацѣхъ небесныхъ, а недостойный служитель алтаря покроется срамомъ и стыдомъ; мудрый книжникъ будетъ изгнанъ въ страну грѣшныхъ, а простой умомъ—посаженъ на престолѣ. Такъ всѣ скорби обыдутъ души грѣшниковъ, и всѣ радости возвеселятъ сердце пра-

ведниковъ! Но радостнѣе всего для праведныхъ и ужаснѣе всего для грѣшниковъ будетъ послѣдній приговоръ, который изречетъ тогда Судія міра, который и теперь нельзя читать или слышать безъ трепета и умиленія.

Тогда речетъ Царь суцимъ одесную Его: *приидите, благословеннїи Отца Моего*:—грѣшники вмѣняли васъ ни во что, почитали отребіемъ міра, ненавидѣли и оскорбляли, отвращались и презирали, но Отецъ Мой небесный запечатлѣлъ васъ своимъ благословеніемъ: *приидите, благословеннїи Отца Моего*. На землѣ вы не имѣли, гдѣ главу преклонити, во всю жизнь ради Меня терпѣли, страдали, бѣдствовали, сѣяли слезами и болѣзнію; въ воздаяніе за то Я отъ вѣчности уготовалъ для васъ царство на небѣ: *приидите, наслаждайте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*. Здѣсь обрѣтете вы искомое упокоеніе, здѣсь отымеется всякая слеза отъ очю вашу, здѣсь срѣтитъ васъ вѣчная радость счастье и блаженство!

Тогда речетъ и суцимъ ошую Его: *идите отъ Мене проклятіи*. Я звалъ васъ гласомъ любви и милосердія, и вы не слушали; угрожалъ страхомъ суда и наказанія,—вы посмѣялись надъ угрозами; осыпалъ васъ дарами и благодѣяніями, но вы остались неблагодарны; посѣщалъ бѣдствіями и скорбями, но вы не почувствовали и не обратились; Я отдалъ самую плоть и кровь Мою для избавленія и спасенія вашего, и вы вмѣнили ее ни во что; *убо и Азъ погибелю вашей посмѣюся,—идите отъ Мене*. Вы были въ славѣ и почтеніи между человекѣми; но правда Отца Моего запечатлѣла васъ печатію проклятія,—*идите отъ Мене проклятіи*. За наслажденіе тлѣнными благами, за кратковременныя удовольствія плоти вы промѣняли вѣчное царствіе, которое обѣщалъ Я всѣмъ; но есть въ возмездіе вамъ огонь вѣчный, уготованный діаволу,—*идите во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его*. *Р. л. 16¹*

И идутъ сіи—заключаетъ Господь слово Свое о судѣ—*въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный*.—*Х* Мука вѣчная! животъ вѣчный! Какія грозныя и утѣшительныя, страшныя и вожделѣнныя слова; но какъ мало они дѣйствуютъ нынѣ на сердце многихъ и многихъ! Боже мой,

кто ослѣпляетъ такъ сердце и умъ Христіанъ, вѣрующіхъ въ жизнь вѣчную, что могутъ съ равнодушіемъ и безпечностію слушать, мыслить и говорить о вѣчности?!... Аминь.

15 БЕСѢДА — ВТОРАЯ.

*Покаянія отверзи ми двери,
Жизнодавец! (Церков. пѣснь).*

Въ прошедшій воскресный день, въ притчѣ о распутномъ сынѣ, мы видѣли, братіе мои, до какого ужаснаго состоянія можетъ довести человѣка грѣхъ еще въ настоящей жизни. Но не здѣсь рѣшается окончательно участь человѣка; здѣсь, напротивъ, долготерпѣніе Божіе попускаетъ нерѣдко и самымъ великимъ грѣшникамъ проводить и оканчивать жизнь свою не только спокойно, но и счастливо — среди удовольствій и изобилія во всемъ, чтобы они здѣсь получили всю мзду свою за какія-либо добрыя дѣла свои. Настанетъ другая жизнь, въ которой опредѣляется судьба человѣка не по однимъ внѣшнимъ дѣламъ, а по внутреннему нравственному состоянію его духа; придетъ страшный день суда и воздаянія, въ который рѣшится участь всего человѣческаго рода, равно какъ участь каждаго изъ насъ на всю нескончаемую вѣчность. Господь, *нехотящій смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти ему*, заранѣе открылъ намъ, что должно послѣдовать съ нами по смерти; самъ Судія міра сказалъ намъ напередъ, какъ Онъ совершитъ судъ Свой надъ нами и что послѣдуетъ съ нами за этимъ судомъ. Это-то изображеніе страшнаго суда Божія всегда служило, съ одной стороны, утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ на тернистомъ пути къ царствію Божію, — съ другой, дѣйствительнѣйшимъ побужденіемъ грѣшниковъ къ покаянію. Оно укрѣпляло св. мучениковъ въ ихъ свышестественныхъ страданіяхъ за имя Христово; оно улаждало труды и подвиги св. пустынниковъ въ тяжелой борьбѣ ихъ съ собственными страстями; оно вдыхало мужество исповѣдникамъ истины Божіей въ обличеніи неправды міра; оно облегчало труды

великихъ пастырей и учителей Церкви въ борьбѣ ихъ съ невѣріемъ, суевѣріемъ и нечестіемъ міра. Но оно же изгнало великихъ грѣшниковъ въ пустыни для оплакиванія тамъ грѣховъ своихъ; содѣлывало разбойниковъ, мытарей и гонителей избранными сосудами благодати Божіей. Оно привело нѣкогда, въ лицѣ св. Владиміра, все отечество наше изъ мрака суевѣрія языческаго къ покаянію и вѣрѣ во Христа. Посему-то св. Церковь, предъ наступленіемъ дней покаянія, представляетъ очамъ нашимъ образъ страшнаго суда Божія, для утѣшенія и укрѣпленія вѣрныхъ чадъ своихъ на предстоящіе подвиги постные, для устрашенія и возбужденія къ покаянію чадъ заблуждающихъ и погрязающихъ во грѣхахъ. Примемъ же, братіе мои, это напоминовеніе о страшномъ судѣ Божіемъ кому какъ нужно, или какъ утѣшеніе или какъ угрозу.

Егда придетъ Сынъ человеческій во славу Своей — такъ началъ Господь изображеніе Своего пришествія на судъ, — *тогда сядетъ на престолъ славы Своея*. Приходилъ Сынъ Божій на землю *въ рабию зраць* — избавить и искупить грѣшниковъ, взыскать и спасти погибшихъ, призвать къ покаянію заблудшихъ и развращенныхъ, почему Онъ и являлъ тогда людямъ одно Свое божественное милосердіе: милостиво принималъ покаяніе грѣшниковъ, прощалъ блудницъ, мытарей и разбойниковъ, плакалъ и скорбѣлъ о невѣрующихъ и нераскаянныхъ. Это время божественнаго милосердія — столь драгоцѣнное для человѣковъ — продолжается и теперь; и доселѣ простертъ надъ нами покровъ долготерпѣнія Божія; громы правосудія божественнаго молчатъ, и мы слышимъ одинъ гласъ милосердія и любви: *придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*. Но сей преизбытокъ любви Божіей, вмѣсто побужденія къ обращенію и покаянію, мы обращаемъ нерѣдко въ возглавіе нашей лѣности и безопасности; мы успокоиваемъ себя ложною надеждою, что и безъ дѣлъ покаянія, безъ подвиговъ дѣйствительнаго исправленія жизни насъ ожидаетъ прощеніе и на послѣднемъ судѣ Христовомъ. Да разрушится же это пагубное ослѣпленіе, да прозрять душевныя очи наши ко свѣту истины. Время долготерпѣнія и покаянія кончится; настанетъ часъ суда и воздаянія. Тогда Господь Иисусъ Хри-

стось явится намъ не Богомъ милосердія, а Богомъ отмщеній: тогда *приидетъ Сынъ человѣческой*, Которому Богъ Отецъ предалъ весь судъ надъ міромъ, не въ смиренномъ образѣ Агнца, вземлющаго грѣхи міра, а во славу Судіи всего міра. Мы узримъ въ Немъ своего Владыку и Господа, творца и благодѣтеля, Котораго оскорбляли своимъ преступнымъ забвеніемъ о Немъ, своею безпечною неблагодарностію предъ Нимъ. Узримъ своего Искупителя, Который предалъ Самого Себя за грѣхи наши, но Котораго безпечные грѣшники второе распинали своими беззаконіями. Узримъ тѣ язвы, которыя претерпѣлъ Онъ за спасеніе всѣхъ и которыя мы безчестили своими грѣхами, посрамляли своимъ нечувствіемъ и нераскаянностію. Узримъ знаменіе Сына человѣческаго—животворящій крестъ Его, который былъ искупленіемъ нашимъ и надеждою спасенія и который явится тогда обличителемъ нашихъ грѣховъ и беззаконій, нашей безпечности и нераскаянности. Узримъ Сердцевѣдца и Судію своего, Которому извѣстны не только всѣ дѣла, но и всѣ помыслы и желанія наши, и Котораго безпрестанно оскорбляли своими нечистыми и скверными помыслами, своими срамными ощущеніями, своими безумными словами, своими преступными дѣлами. Страшно будетъ сіе пришествіе Сына человѣческаго для грѣшниковъ; ужасно будетъ сіе видѣніе суда міра для безпечныхъ и нераскаянныхъ. Многіе рекутъ тогда *горамъ: падите на ны, и холмамъ: покройте ны отъ лица Судящаго на престолъ и отъ гнѣва Агнца, яко прииде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати?* Но свѣтелъ и радостенъ будетъ день сей для вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, блаженно и животворно будетъ славное явленіе Господа для избранныхъ Его: *радуемся и веселимся, скажутъ они, и дадимъ славу Ему, яко прииде бракъ Агнцій.*

Вмѣстѣ съ Судією явятся на судъ и свидѣтели: *и вси святіи Ангели въ Нимъ*,— тѣ св. Ангелы, которые принимали самое живое участіе въ дѣлѣ спасенія нашего,— славословили Бога при рожденіи Искупителя нашего за то, что Богъ явилъ благоволеніе свое въ человѣцѣхъ, служили Господу Иисусу Христу во время совершенія имъ дѣла иску-

плениа нашего, съ радостію привѣтствовали учениковъ Его въ день Его славнаго воскресенія изъ мертвыхъ. Тѣ св. Ангелы, которые теперь посылаются Богомъ *въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе*, которые пребываютъ съ нами неотлучно во все время нашей жизни отъ рожденія и до смерти, видятъ всѣ дѣла наши, слышатъ всѣ слова наши, наблюдаютъ тайныя помышленія сердець нашихъ. Свидѣтели вѣрные, неподкупные! Ничто не утаится отъ ихъ духовнаго слуха, ничто не скроется отъ ихъ, проникающаго до глубины души, взора. Все будетъ представлено на судъ въ истинномъ своемъ видѣ.

Предъ симъ-то Судією, при такихъ вѣрныхъ свидѣтеляхъ, предстанеть на судъ все человѣчество: *и соберутся предъ Нимъ вси языцы*,— всѣ отъ перваго человѣка и до послѣднихъ людей, которыхъ страшный день Господень застанеть живыми. Различіе временъ и мѣсть, языковъ и племень, возрастовъ и состояній преидеть и упразднится. Для всѣхъ будетъ одинъ судъ. Ибо одинъ есть Богъ и Отецъ, сотворившій весь родъ человѣческій по образу Своему, и одинъ Господь Иисусъ Христосъ, искупившій его Своею кровію отъ власти діавола. Одно св. Евангеліе, въ которомъ возвѣщается всѣмъ спасеніе во Христѣ Иисусѣ, и одинъ законъ жизни, въ которомъ изображается воля Божія, *хотящая всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти*. Отъ всѣхъ взыщется одинъ отвѣтъ: слушался ли гласа Божія, который говоритъ намъ и въ откровеніи божественномъ и собственной нашей совѣсти? Вѣровалъ ли въ Сына Божія, *Его же Отецъ святы и посла въ міръ*, да спасется Имъ міръ? Покорялъ ли свою волю и разумъ волѣ Божіей, благой, угодной и совершенной? Исполнялъ ли св. заповѣди Бога и Творца своего, Господа и Спасителя своего? Пользовался ли средствами спасенія, которыя преподаны св. Церкви самимъ Господомъ, для оправданія и обновленія, для освященія и спасенія нашего?

Среди всего-то собранія всѣхъ языковъ, предъ лицемъ Судии и св. ангеловъ Его, предстанемъ и мы съ тобою, возлюбленный собратъ мой, предстанемъ среди всѣхъ одиножими, безъ покрова и защиты, безъ заступниковъ и хода-

таевъ, наги душею и тѣломъ, съ одними своими дѣлами, мыслями и чувствами,—предстанемъ такими, какими застанетъ насъ оный страшный день Господень, или какими постигнетъ насъ страшный часъ смертный. Предстанемъ для того, чтобы дать отчетъ въ своей жизни предъ всевѣдущимъ и всеиспытующимъ Судіею міра.

Это, братіе мои, будетъ не судъ человѣческой, предъ которымъ многое можно скрыть и утаить, предъ которымъ и виноватый успѣваетъ иногда явиться правымъ, а судъ Бога Сердцевѣдца, который вѣдаетъ не только дѣла, а и мысли и желанія наши, который изведетъ во свѣтъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя, чтобы *воздать комуждо по дѣломъ его*. Нынѣ не только посторонніе люди, а и мы сами не знаемъ, какъ должно, самихъ себя. Самолюбіе наше скрываетъ многое отъ собственной нашей совѣсти; а непрестанное волненіе мыслей и чувствъ, желаній и стремленій, постоянное круженіе въ вихрѣ суеты, заботъ и наслажденій житейскихъ не даютъ намъ видѣть ясно, что мы предъ Богомъ—чада свѣта или тьмы, сыны благодати или грѣха, спасающіеся или погибающіе. Теперь—все прошедшее, скрываясь изъ глазъ, изглаживается мало-по-малу изъ нашей памяти, становится какъ бы не бывшимъ никогда, покрывается мглою, сквозь которую едва усматриваемъ кое что. День суда Божія обнаружитъ все это въ ясномъ свѣтѣ; все сдѣланное, передуманное, перечувствованное нами когда-либо оживетъ въ нашей совѣсти: прошедшее сдѣлается настоящимъ, сокровенное явнымъ, невѣдомое и несознаваемое нынѣ станетъ какъ живое предъ очами нашими. Намъ предстанетъ полная картина жизни нашей, и внутренней и внѣшней, отъ перваго движенія младенческаго до послѣдняго вздоха смертнаго. Приведутся на память своеволие и лукавство дѣтства, которыхъ мы и не помнимъ, заблужденія и страстные порывы юности, о которыхъ мы давно забыли, неправды и беззаконія мужества, пороки и прихоти старости, которыхъ мы и не трудились замѣчать въ себѣ. Предстанутъ всѣ грѣховныя дѣйствія во всемъ ихъ безобразіи, со всеми сопровождавшими ихъ обстоятельствами, которыя иногда ностыднѣе самыхъ дѣлъ, со всеми ихъ послѣдствіями и

горькими плодами, увеличивающими ихъ виновность; возобновятся въ памяти всѣ праздныя, безразсудныя, язвительныя, нечестивыя и хульныя слова, которыя, исчезая въ воздухѣ, казались намъ какъ бы не сущими. Откроется и тайная исторія сердца, которая едва пзвѣстна намъ самимъ; постыдныя пожеланія, нечистые и горделивые помыслы, честолюбивые и корыстолюбивые замыслы, преступныя намѣренія и стремленія,—все обнаружится и изведется въ свѣтъ. Поставятся предъ нами и грѣхи ближнихъ нашихъ, которыхъ мы были причиною, и которые по тому самому вмѣнены будутъ намъ: предстануть очамъ нашимъ невинныя души, соблазненныя нашимъ примѣромъ, увлеченныя нашимъ недобрымъ совѣтомъ, растлѣнныя нашими безумными рѣчами, обиженныя нашими неправдами, оскорбленныя нашимъ любочестіемъ и гордостію, онеправдованныя нашимъ любостыжаніемъ; всѣ они возстанутъ и изобличатъ насъ, всѣ возшюютъ на насъ къ Богу объ отмщеніи. Словомъ: все, въ чемъ ни согрѣшили мы умомъ своимъ—до послѣдняго помысла лукаваго; въ чемъ ни согрѣшили сердцемъ своимъ—до мимолетнаго услажденія и вожделѣнія нечистаго; въ чемъ ни согрѣшили языкомъ своимъ—до послѣдняго слова празднаго; въ чемъ ни согрѣшили тѣломъ своимъ—до послѣдняго движенія тѣлесныхъ чувствъ,—все будетъ тогда выставлено на позоръ, все будетъ изнесено на средѹ предъ соборомъ ангеловъ и человѣковъ; все будетъ истязано и осуждено судомъ праведнымъ и нелицепріятнымъ. Что еслибы теперь, среди сего собранія прочтена была такая же полная и вѣрная повѣсть жизни и дѣяній кого-либо изъ насъ, какая прочтена будетъ на будущемъ судѣ Христовомъ: имѣли-ль бы мы столько силъ, чтобы перенести свой стыдъ и посрамленіе? Чтожь будетъ съ нами, когда всевѣдущій Судія міра откроетъ всю жизнь и дѣянія, сердце и совѣсть нашу предъ лицомъ неба и земли, предъ соборомъ св. ангеловъ, въ собраніи всего человѣчества? *О, кто стертитъ день пришествія Его, говоритъ пророкъ Божій, и кто постоитъ въ видѣніи Его? Зане Той входитъ, яко огонь горнила и яко мгла перушихъ; и слдетъ разваряя и очищая **).

*) Мал. III, 2.

Послѣ такого обличенія жизни и дѣлъ каждаго, само собою послѣдуетъ разлученіе между праведными и грѣшными: и *разлучиши ихъ другъ отъ друга, яко же пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ*. Нынѣ въ церкви Божіей, какъ на нивѣ, растутъ вкупѣ плевелы и пшеница. Кто истинно добръ и кто притворенъ, мы не знаемъ; потому искусно скрываемый порокъ избѣгаетъ заслуженнаго посрамленія и безчестія, а неизвѣстная добродѣтель лишается должной чести и славы. Въ день страшнаго суда Божія все откроется; Судія міра обнаружитъ и изведетъ на свѣтъ тайны сердець; не только обнаружитъ всѣ грѣхи и беззаконія, но испытаетъ и самыя добрыя дѣла наши, откроетъ нечистый источникъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, обнаружитъ самолюбивыя и лицемѣрныя побужденія ихъ;—и мнимыя добродѣтели наши нослужатъ только къ большому осужденію и посрамленію нашему. Ты умѣлъ хорошо примѣняться къ обстоятельствамъ, — перемѣнялъ характеръ, образъ мыслей, привычки и склонности свои по духу тѣхъ, коимъ старался угодить; тебя считали человѣкомъ усерднымъ и преданнымъ, тебѣ оказывали довѣріе, котораго ты не заслуживалъ, тебѣ вѣряли дѣла, которыми ты злоупотреблялъ: день суда Божія обнаружитъ твое притворство, изобличитъ твое лукавство, — и знавшіе тебя отвратятъ отъ тебя очи свои съ презрѣніемъ. Ты казался другомъ человѣчества, непрестанно говорилъ о человѣколюбіи, благотворительныя предиріятія одно за другимъ образовались въ умѣ твоёмъ, казалось—ты не щадилъ ничего для блага ближнихъ своихъ; тебя хвалили въ обществахъ, тысячи благословляли имя твое, но день суда Божія откроетъ твое сердце — и всѣ увидятъ въ немъ вмѣсто истинной любви къ ближнему одно тщеславіе и любочестіе. Ты занималъ почетное мѣсто въ кругу ближнихъ своихъ, всѣ окружающіе смотрѣли на тебя съ уваженіемъ, охотно преклоняли главу свою предъ тобою, но подъ почетнымъ достоинствомъ ты скрывалъ пороки, достойные отвращенія, — день суда Божія обнаружитъ твои слабости, и всѣ, знавшіе тебя, отвратятъ очи свои съ презрѣніемъ. Тебя почитали другомъ искреннимъ и вѣрнымъ, любили всею душою, дѣлали участникомъ сердечныхъ тайнъ; но ты не былъ та-

зовъ на дѣлѣ: день суда Божія обличить твое вѣроломство, хитрость и коварство, — и обманутые друзья твои возопіють объ отмщеніи. Тебя почитали добрымъ семьяниномъ, примѣрнымъ супругомъ, лучшимъ сродникомъ: но день суда обнаружитъ тайны твоего сердца, — и обманутая супруга и излишне довѣрчивые сродники восплачутся на тебя предъ Богомъ. Ты носилъ образъ благочестія, казался мужемъ святымъ, возвѣщалъ и другимъ путь спасенія; тебя почитали другомъ Божиимъ, окружали почтеніемъ и благоговѣніемъ, но подъ образомъ благочестія ты скрывалъ тайны беззаконія, день суда Божія откроетъ твое сердце, — и знавшие тебя тщетно будутъ искать мужа праведнаго въ лицѣ отверженнаго грѣшника. *Что яко постихомся, и не узвѣдѣмъ еси насъ?* говорили Богу древніе іудеи. *Яко въ судѣхъ и сварѣхъ поститесь,* — отвѣтствовалъ имъ судъ Божій: *постовъ вашихъ и праздниковъ вашихъ не навидитъ душа моя. Господи, Господи,* рекутъ многіе и въ день суда Христова, *не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ и силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ,* говоритъ Судія міра: *не въмъ васъ; отъидите отъ мене дѣлателіе неправды.*

Но день стыда и посрамленія грѣшниковъ будетъ днемъ торжества и радости праведныхъ. Тогда-то узритъ небо и земля, что праведника поруганнаго, презираемаго въ мірѣ, скитавшагося въ вертенахъ и пропаstechъ земныхъ, *не бы достоинъ весь міръ.* Тогда праведники, отдѣлившись отъ нечестивыхъ, *просвятятся яко солнце, восхищены будутъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздухъ. И разлучитъ ихъ другъ отъ друга, яко же пастырь различаетъ овцы отъ козлищъ. И поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю.* Въ настоящей жизни, при всеобщемъ смѣшеніи добра и зла, порокъ предвосхищаетъ нерѣдко честь у добродѣтели. Люди благочестивые и добродѣтельные занимаютъ низшія ступени въ жизни общественной, а порочные являются на верху почестей и достоинствъ; люди избранные Богомъ, достойные благоговѣйнаго почтенія вмѣняются яко отребіе міру, и алчутъ и жаждутъ, и наготуютъ и страждутъ; напротивъ — стоящіе презрѣнія и от-

вращенія утопають въ роскоши и наслажденіяхъ, окружены прислужниками и ласкателями.

День суда Божія положить конецъ симъ безпорядкамъ. Судія міра не будетъ разбирать ни породы, ни мѣста занимаемаго въ свѣтѣ, ни достоинствъ мірскихъ. Онъ отдѣлитъ только плевелы отъ пшеницы, истинную добродѣтель отъ порока, и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Ни узы крови и родства, ни важность сана, ни блестящія дарованія, ни громкая слава въ мірѣ—ничто не будетъ принято въ уваженіе. Добродѣтельный отецъ станетъ одесную, а порочный сынъ ошуюю; добродѣтельный супругъ въ ликѣ праведныхъ, порочная супруга въ сонмѣ грѣшниковъ; бѣдный Лазарь, котораго не удостоивали взора въ этой жизни, явится на лонѣ Авраамовомъ, а гордый богачъ, окруженный ласкателями, — на мѣстѣ мученія; смиренный рабъ станетъ одесную, а жестокосердый вельможа ошуюю; дикій, недавно просвѣщенный вѣрою во Христа, займетъ мѣсто между избранными, а рожденный и воспитанный въ христіанствѣ останется между отверженными; богобоязненный простолудинъ восхищенъ будетъ на облацѣхъ небесныхъ, а недостойный служитель алтаря низвержется въ преисподнюю; мудрый книжникъ, почитавшійся оракуломъ вѣка, изгнанъ будетъ во тьму кромѣшную, а почитавшійся невѣждою между людьми посаженъ будетъ на престолѣ; грѣшница омывшая нозѣ Иисусовы слезами, очистившись покаяніемъ, просвѣтится яко солнце въ царствіи Божіемъ, а надменный своею праведностію фарисей изгнанъ будетъ во тьму кромѣшную. *И поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю.*

На какой сторонѣ явимся мы съ тобою, возлюбленный собратъ мой? Что сдѣлали мы, чтобы стать одесную Господа во славу Его? Чѣмъ засвидѣтельствовали мы свою вѣру въ Него? Въ чемъ показали свою любовь къ Нему? Чѣмъ постарались благоугождать Ему, чтобы наследовать жизнь вѣчную? Такъ спроситъ насъ Судія міра, указывая на стоящихъ одесную Его лики пророковъ и апостоловъ, сонмы св. мучениковъ и исповѣдниковъ, соборы преподобныхъ и праведниковъ, которые, по описанію апостола, многими подвигами и скорбями вошли въ царствіе Божіе. Отъ васъ, ска-

жетъ Онъ, Я не требовалъ ни тѣхъ жертвъ, какія принесли изъ любви ко Мнѣ св. пророки и апостолы, мученики и исповѣдники, ни тѣхъ чрезвычайныхъ подвиговъ, какими ознаменовали жизнь свою преподобные мужи и жены, пустынники и дѣвственники: требовалъ одной только любви ко Мнѣ и ближнимъ вашимъ. Если вы не могли изнурять плоть свою постомъ и подвигами, то, насыщаясь сами, насытили-ль и Мене алчущаго и жаждущаго, когда Я просилъ у васъ хлѣба и воды въ лицѣ нищаго? Если не могли иль не хотѣли оставить домъ свой и братію свою имене Моего ради, то ввели-ли въ домъ свой и успокоили-ль Мене, когда Я стоялъ при дверехъ вашихъ въ лицѣ странника, искалъ пристанища и пріюта въ лицѣ безроднаго сироты? Если не могли сами терпѣть болѣзни и труды ради царствія небеснаго, то спѣшили-ль облегчить своимъ сердечнымъ участіемъ и состраданіемъ Мои болѣзни и страданія, когда Я лежалъ на одрѣ съ болящими, томился въ узахъ и въ темницѣ вмѣстѣ съ узниками? Если сами не были гонимы правды ради; то защищали-ль гонимаго отъ гонящаго его, подали-ль руку помощи погибающему, помогли-ли бѣдствующему отъ неправды человѣческой? Если сами не могли понести тяготу и варъ, зной и мразъ царствія ради Божія, то одѣли-ль наготующаго, помогли-ли нуждающемуся, утѣшили-ль бѣдствующаго въ скорби души его? Поздно будетъ тогда всякое извиненіе, не прикроетъ никакая личина лицемѣрія, не оправдаютъ никакіе лжесвидѣтели. Предъ очами Всевѣдущаго — *вся нага и объявлена*; предъ судомъ праведнаго Судіи никто и ничто не укроетъ виновнаго. Все умолкнетъ и преклонится предъ правдою вѣчною!

Но утѣшительнѣ всего для праведниковъ и ужаснѣ всего для грѣшниковъ будетъ послѣдній приговоръ, который изречетъ тогда Судія вселенной, котораго и теперь нельзя читать или слышать безъ содроганія и умиленія. *Тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: придите, благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.* Грѣшники вмѣняли васъ ни во что, почитали отребіемъ міра, глумились надъ вашимъ благочестіемъ, посмѣвались надъ вашею вѣрою и упованіемъ, но Отець

Мой запечатлѣлъ васъ Своимъ благословеніемъ, нарекъ васъ Своими избранными, почтилъ васъ честію сыновъ Своихъ. *Приидите благословенніи Отца Моего.* Вы не имѣли на землѣ мѣста, гдѣ главу поклонити, во всю жизнь ради Мене терпѣли, страдали, бѣдствовали: въ воздаяніе за то, Я отъ вѣчности уготовалъ вамъ царство на небѣ; здѣсь обрѣтете вѣчное успокоеніе, здѣсь обрящеть васъ вѣчная радость и блаженство. *Приидите, насльдуите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Тогда речеть и сущимъ ошуюю: идите отъ мене, проклятіи, во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.* Я звалъ васъ гласомъ любви и милосердія, — и вы не послушались; угрожалъ страхомъ суда и наказанія, — вы посмѣялись надъ угрозами. Я осыпалъ васъ благодѣянiami, но вы остались неблагодарными; посѣщаль бѣдствіями, скорбями, но вы не обратились и не покаялись. Я отдалъ самое тѣло и кровь Мою для избавленія и спасенія вашего, но вы вмѣнили ихъ ни во что. *Убо и Азъ погибели вашей посмѣюся: идите отъ Мене.* Вы славились и величались на землѣ, были въ чести и почтеніи между собратіями вашими; но правда Отца Моего запечатлѣла васъ печатію проклятія; Его святость и истина судила васъ достойными вѣчнаго отверженія: *идите отъ Мене проклятіи,* За приобрѣтеніе тлѣнныхъ благъ вы промѣняли вѣчное царство, которое было обѣщано и вамъ; за наслажденіе кратковременными удовольствіями вы отдали блаженство вѣчное, которое приобрѣлъ Я и вамъ Моею кровію; за пустую славу міра вы отреклись отъ славы чадъ Божіихъ, братій и сонаслѣдниковъ Моихъ во царствіи Отца Моего: но есть въ возмездіе вамъ огонь вѣчный, гдѣ страдаетъ діаволь, — отецъ вашъ, котораго вы слушались и которому повиновались.) *Идутъ сіи въ муку вѣчную, тагъ заключилъ Господь Свою бесѣду о будущемъ судѣ, праведницы же въ животъ вѣчный.* Что жъ вожделеннѣ жизни вѣчной и что ужаснѣ вѣчной муки? Не должно ли воспоминаніе о нихъ быть первымъ и послѣднимъ въ каждый часъ и въ каждое мгновеніе нашей жизни, — занимать умъ нашъ во время труда и отдохновенія,

наполнять сердце наше во время сна и бдѣнія, сопровождать насъ во всѣхъ входахъ и исходахъ нашихъ? Тѣмъ паче необходимо оно теперь, когда св. церковь призываетъ и предрасполагаетъ насъ къ покаянію, а міръ влечетъ насъ къ самозабвенію и усыпленію грѣховному. И такъ, когда услышишь гласы веселія и шумъ празднующихъ, когда обаяніе плотскихъ удовольствій будетъ увлекать твое сердце, ослаблять духовную бдительность надъ собою, обезсилить и усыплять внутренняго стража добродѣтели—страхъ Божій,—вспомни, возлюбленный, что скоро ты долженъ явиться на судъ предъ Господомъ и Владыкою живота твоего, Который создалъ тебя на дѣла благая, одарилъ тебя разумомъ и сердцемъ, чтобы ты познавалъ и любилъ Его,—даровалъ тебѣ законъ Свой, чтобы ты благоугождалъ Ему, *ходя во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Его безпорочно*,—осыпалъ тебя безчисленными благодѣяніями, чтобы ты благодарилъ и прославлялъ Его устами и сердцемъ, всею жизнію и дѣлами своими. Воспомни, что скоро предстанешь ты предъ своимъ Спасителемъ, Который для избавленія и спасенія тебя, падшаго, претерпѣлъ страшныя страданія и мучительную смерть крестную, просвѣтилъ тебя свѣтомъ Евангелія Своего, даровалъ тебѣ спасительныя и животворныя таинства для обновленія, освященія и спасенія твоего, преподалъ тебѣ Божественное тѣло и Животворящую кровь Свою въ залогъ безсмертія и жизни вѣчной, чтобы ты, *отвергшись нечестія и мірскихъ похотей цѣломудренно и праведно и благочестно пожилъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ожидая блаженнаго упованія и явленія славы Его*. Воспомни, что скоро ты долженъ предстать предъ всевѣдущимъ всеправеднымъ Судією, чтобы дать отчетъ въ своей жизни,—въ своихъ помысленіяхъ и чувствованіяхъ, въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ сердечныхъ, во всѣхъ словахъ и дѣлахъ своихъ, что послѣ сего по истинѣ страшнаго суда ты пойдешь или въ животь вѣчный или въ муку вѣчную. Аминь.

16. С Л О В О — П Е Р В О Е .

*Гдѣ есть обѣтованіе прише-
ствія Его? Отшель же бо отцы
успоша, вся тако пребываютъ
(2 Петр. 3, 4).*

Каждогодно, въ преддверіи святыхъ и спасительныхъ дней поста и покаянія, св. церковь воспоминаетъ второе—славное пришествіе Господа Иисуса Христа и послѣдній страшный Судъ Его надъ родомъ человѣческимъ, чтобы этимъ грознымъ воспоминаніемъ пробудить насъ отъ усыпленія грѣховнаго, чтобы подвигнуть насъ къ покаянію и богоугодному дѣланію, чтобы внушить и вкоренить въ насъ мысль о необходимости благовременно приготовляться къ смерти и Суду Божію.

Но, кажется, и это, самое сильное, средство къ пробужденію грѣшниковъ отъ тяжкаго сна грѣховнаго потеряло надъ нами свою силу. Мы прислушались къ громовой вѣсти о страшномъ судѣ Христовомъ, подобно какъ прислушались и привыкли къ ударамъ грома. Мы готовы, по видимому, и думать и говорить, какъ говорили въ вѣкъ Апостольскомъ невѣрующіе и ругатели: *гдѣ есть обѣтованіе прише-
ствія Его? Отшель же бо отцы успоша, вся тако пребываютъ,* все также и будетъ.

Не такъ же ли и нынѣ является все въ превратномъ видѣ въ нашемъ грѣховномъ и развращенномъ мірѣ, какъ было и прежде? Нечестіе торжествуетъ и величается; а истинное благочестіе въ стѣсненіи, убожествѣ и презрѣніи. Заблужденія и ложь проповѣдаются на кровѣхъ; а св. истина принуждена бываетъ скрываться подъ спудомъ, чтобъ не быть поруганною и осмѣянною. Праведники, благоугождающіе Богу исполненіемъ Его заповѣдей, служащіе Ему преподобіемъ и правдою вся дни живота своего, и алчутъ и жаждутъ, и наготуютъ и страждутъ; а грѣшники, безстрашно преступающіе законъ Его, презирающіе всесвятую волю Его, одѣваются

*) Провансено въ Житомирскомъ кафедральномъ соборѣ.

въ порфиру и виссонъ, веселяся по вся дни свѣтло. Соблазны и беззаконія, невѣріе и нечестіе растутъ и множатся; а вѣра и благочестіе смиренно преклоняють главу свою, и не смѣютъ возвести очей своихъ, чтобы не встрѣтить кошунственного поруганія и осмѣянія. Гдѣ же есть обѣтованіе пришествія Его? Какъ Святой святыхъ, предъ очами Коего не пребудутъ беззаконницы, терпитъ въ царствѣ Своемъ всякую нечистоту и беззаконіе? Какъ Правосудный и Праведный не караетъ и не истребляетъ тотчасъ всякое нечестіе и неправду? Какъ всемогущій Глава Церкви терпитъ поруганіе и уничтоженіе Своихъ членовъ, подвергая ихъ соблазнамъ и искушеніямъ рода прелюбодѣйнаго и грѣшнаго?

Этой глубочайшей тайны долготерпѣнія Божія не понимаютъ, брат. мои, вполне и самые св. Ангелы. Возмущаясь злобою и грѣхами человѣческими, они просятъ у Господа дозволенія погубить нечестивыхъ, оскорбляющихъ Величіе и Святость Божію своими злыми дѣлами, — исторгнуть эти нечистые плевелы отъ среды живыхъ и ввергнуть ихъ въ геенну: *хочешь ли, да шедше исплевемъ я?* Но премилосердый и человѣколюбивый Господь говоритъ имъ: *ни, да не когда восторжалоуе плевелы, восторжнете купно съ ними и пшеницу; оставите расти оболъ купно до жатвы.* Всѣ святые, предстоящіе престолу Божію на небѣ, по сказанію тайновидца, вопіють къ Богу день и ночь: *доколь, Владыко Святой и Праведный, не мстими крове нашея отъ живущихъ на земли?* Но несповѣдимое долготерпѣніе Божіе говоритъ и имъ: *почійте мало, дондеже совершатся братія ваши и клеветы ваши.* Итакъ не коснитъ Господь обѣтованія, якоже тѣщы косненіе млятъ, но долготерпятъ о насъ.

Почему долготерпятъ? Потому, во-первыхъ, что самые нечестивые грѣшники, какъ люди, суть дѣло рукъ Божіихъ. И на нихъ напечатлѣнъ всесвятой образъ Отца Небеснаго, и за нихъ принесена Правосудію Божію величайшая и святѣйшая жертва — крестная смерть Единороднаго Сына Божія, и за нихъ пролита Божественная Кровь, яко Агнца непорочна и пречиста — Христа. Посему самая Правда Божія требуетъ уже не смерти грѣшника, но еже обратится

нечестивому отъ пути своего и живу быти ему. По сему милосердіе Божіе щадитъ и великихъ грѣшниковъ, доколѣ не преисполнится мѣра грѣховъ ихъ, доколѣ не оскудѣетъ и изсякнетъ всякая надежда ихъ обращенія и покаянія, доколѣ не ожесточатся они вконецъ и не сдѣлаются годными для одного огня геенскаго.

Потому, во вторыхъ, Господь терпитъ временное превозношеніе грѣшниковъ и уничтоженіе праведныхъ, что для разсчета съ людьми у Него цѣлая вѣчность, что и награды и наказанія жизни будущей—безконечны. Потому Само Правосудіе требуетъ ожидать, чтобы *святый святился еще, и праведный правду да творилъ еще*, среди всѣхъ соблазновъ и искушеній міра, да очистится яко злато въ горнилѣ, да явится достоинъ той высочайшей славы, которою просвѣтятся праведницы яко солнце въ царствіи Отца ихъ:— чтобы *обидяи обидѣлъ еще и скверный сквернился еще*, да будетъ достоинъ того вѣчнаго огня, который уготованъ діаволу и ангеломъ его.

Потому, наконецъ, долготерпитъ и милосердствуетъ Господь о падшемъ и развращенномъ родѣ человѣческомъ, что одному всевѣденію Его извѣстно число избранныхъ не только между тѣми, которые теперь блуждаютъ еще или въ невѣдѣніи истины, или въ ослѣпленіи страстей, и которые, силою благодати Божіей, могутъ обратиться къ покаянію, но и между тѣми, которые произойдутъ отъ рода самыхъ нечестивыхъ и невѣрующихъ, и которые могутъ сдѣлаться истинными чадами Авраама по вѣрѣ и благочестію. Посему Премудрость Божія щадитъ всѣхъ, чтобы *восторгающе плевелы, не восторгнутъ вмѣстѣ съ ними и пшеницу*; безконечная любовь и милосердіе Божіе долготерпѣливо ожидаетъ, доколѣ не выростетъ и не принесетъ плода вся посѣянная, вся сѣемая и вся имѣющая еще сѣяться на нивѣ Божіей—пшеница.

Ахъ, еслибы каждый грѣшникъ могъ прозрѣть духовными очами, если-бы могъ ясно увидѣть и сознать, почему и для чего щадитъ его долготерпѣніе Отца Небеснаго; онъ палъ-бы въ прахъ предъ Его неисповѣдимымъ милосердіемъ, онъ излился-бы весь въ слезахъ—благодаренія Его неизреченной

благости, онъ провелъ бы всю остальную жизнь свою въ трудахъ и подвигахъ покаянія, изгналъ бы самъ себя въ пустыню, скитался бы въ горахъ и вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, чтобы тамъ оплакивать грѣхи свои и умолять Господа о прощеніи, какъ и поступали дѣйствительно истинно кающіеся грѣшники.

По крайней мѣрѣ это неизслѣдимое долготерпѣніе Божіе не можетъ и не должно ни подавать повода къ безпечности грѣшникамъ, ни повергать въ уныніе праведниковъ: да не величаются первые своимъ мнимымъ торжествомъ на земли, да не постыдятся послѣдніе Господа и *словесъ Его въ родъ семъ прелюбодѣйныхъ и грѣшныхъ. Се гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздана комуждо по дѣломъ Его,* — говоритъ Тотъ, *слова Коего суть ей и аминь. Небо и земля преидеть, слова же Его не преидутъ.*

Самымъ вѣрнымъ залогомъ втораго — славнаго пришествія Господа на землю служить первое Его пришествіе во плоти. Для чего было унижаться Сыну Божію, воспринимать на Себя естество человѣческое, терпѣть всѣ бѣдствія и скорби нашей жизни, страшныя страданія и смерть, если не для того, чтобы разрушить дѣла діавола и изгнать сего князя міра вонъ, обновить и воскресить человѣчество, возсоздать на земли царство Божіе? Но какъ же бы совершилось это величайшее дѣло Божіей любви и премудрости, если бы князь тмы царствовалъ въ мірѣ на вѣки, какъ царствуетъ нынѣ въ сынѣхъ противленія, если бы человѣчество оставалось навсегда въ томъ же злосчастномъ состояніи, въ какомъ находится теперь, если бы въ Царствѣ Божіемъ оставалось на всю вѣчность зло и нечестіе, неправда и беззаконіе, бѣдствія и скорби, болѣзни и смерть, какъ видимъ это нынѣ?

Самымъ несомнѣннымъ удостовѣреніемъ будущаго всемірнаго проявленія Правосудія Божественнаго служить крестъ едиnorodнаго Сына Божія, который водруженъ былъ на Голгоѣѣ, по замѣчанію апостола, *въ показаніе правды Божіей въ нынѣшнее время.* Если правосудіе Божіе не пощадило Самого Сына Божія, воспріявшаго на Себя грѣхи человѣковъ, пощадитъ ли оно самыхъ грѣшниковъ, презрѣв-

шихъ благость и милосердіе Божіе, не обратившихся и не покающихся, когда долготерпѣніе Божіе ожидало ихъ покаенія? Если и едиnorodному Сыну Божію, невѣдѣвшему грѣха, надлежало потерпѣть жесточайшія мученія и смерть крестную за грѣхи человѣческіе: *колико, мните, горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завітную скверну возмивъ, ею же освятися, и Духа благодати укоривый?*

Самымъ очевиднымъ предвѣстіемъ страшнаго суда Христова служатъ тѣ многообразныя проявленія суда Божія въ мірѣ, о которыхъ повѣствуетъ намъ слово Божіе. Если Богъ, скажемъ словами апостола Петра, и Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но связалъ ихъ узами адскаго мрака на судъ мучимыхъ блюсти; то пощадитъ ли чезовѣковъ, противящихся Ему и не послушавшихъ гласа благодати Его? И если не пощадилъ перваго міра, наведши потопъ на міръ нечестивыхъ, то не въ показаніе ли того, какъ тогдашній міръ погибъ, бывъ потопленъ водою, такъ и *нытѣшнія небеса и земля тѣмъ же словомъ сокровенна суть огню блудома на день Суда и погибели нечестивыхъ чезовѣковъ?* И если города Содомъ и Гоморру, осудивъ на истребленіе, превратилъ въ пепель огнемъ и жупеломъ, то не для того ли, чтобы въ примѣръ ихъ представить намъ образъ вѣчнаго огня, *поласти хотлящаго нечестивыя?* Предсказаніе о будущемъ страшномъ судѣ своемъ Господь соединилъ съ предсказаніемъ суда Своего надъ Іерусалимомъ и народомъ іудейскимъ, очевидно, для того, чтобы послѣдній служилъ для насъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ перваго. И если съ такою поразительною точностію сбылась и сбывается до селѣ предсказанная Имъ участь Іерусалима и народа еврейскаго; то не сбудется-ли также точно и непреложно и предреченная Имъ участь всего міра и рода человѣческаго?

И такъ, *не коснитъ Господь обѣтованія, но долготерпитъ о насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаеніе приидутъ.* Исполнится, наконецъ, мѣра нечестія и беззаконій человѣческихъ, — и прекратится время долготерпѣнія Божія. Созрѣютъ совершенно и пшеница и плеве-

лы на нивѣ Божіей, и наступить пора жатвы. Пройдетъ предопредѣленное человѣчеству время покаянія и добродѣлянія, и настанетъ день Суда и воздаянія. *Тогда послетъ Господь ангелы Своя, и соберутъ отъ царствія Его вся соблазны и творящія беззаконіе, и свернутъ ихъ въ пещь огненную, ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ: тогда праведницы просвѣтятся яко солнце во царствіи Отца ихъ.* Тогда-то, брат. мой, откроется вся слава сыновъ Божіихъ, и все посрамленіе нечестивыхъ. Тогда-то узритъ небо и земля, что праведника—уничженнаго, презираемаго и поругаемаго нынѣ—*не бѣ достоинъ весь міръ*; что участь грѣшника, какъ бы онъ ни величался и какъ бы ни блаженствовалъ на земли,—ужасна!

Тогда речетъ Царь сущимъ одесную Его: прїидите, благословенніи Отца Моего, насльдуите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Грѣшники вмѣняли васъ ни во что, почитали васъ отребіемъ міра, глумились надъ вашимъ благочестіемъ, посмѣвались надъ вашею вѣрою и упованіемъ, предавали васъ поруганію и истязаніямъ: но Отецъ Мой запечатлѣлъ васъ Своимъ благословеніемъ, нарекъ васъ своими избранными, почтилъ васъ честию сыновъ Своихъ: *прїидите благословенніи Отца Моего.* Вы не имѣли на землѣ гдѣ главу приклонити, во всю жизнь свою, ради Мене и Евангелія Моего, терпѣли, бѣдствовали, страдали: въ воздаяніе за то Я отъ вѣчности уготовалъ вамъ Царство, гдѣ обрящете вѣчное упокоеніе, гдѣ ожидаетъ васъ вѣчная радость и блаженство: *прїидите, насльдуите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.*

Тогда речетъ и сущимъ ошуюю Его: идите отъ Мене проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его. Я призывалъ васъ гласомъ любви и благости, милосердія и долготерпѣнія, но вы не послушались; угрожалъ страхомъ Суда и наказанія, вы посмѣялись надъ угрозами. Я осыпалъ васъ благодѣянїями,—но вы остались неблагодарными; посѣщалъ бѣдствїями и скорбями, но вы не обратились и не покаялись. Я отдалъ самую плоть и кровь Мою для искупленія и спасенія вашего, но вы попрали ихъ вашими грѣхами и нераскаянностію. *Убо и Азъ*

погибели вашей помятуса: идите отъ Мене. Вы славились и величались на землѣ, были въ чести и почтеніи у подобныхъ вамъ, пользовались невозбранно всеми благами міра. Но правда Отца Моего запечатлѣла васъ печатію проклятiя: Его Святость и истина судила васъ достойными отверженія отъ лица своего: *идите отъ Мене проклятіи!* За тлѣнныя сокровища міра вы промѣняли вѣчное царство, которое было обѣщано и вамъ, вмѣстѣ со всеми; за наслажденіе кратковременными удовольствiями плотскими вы отдали блаженство вѣчное, которое Я стяжалъ вамъ цѣною крови Моей; за пустую славу человѣческую вы отреклись отъ славы чадъ Божіихъ и сонаслѣдниковъ Моихъ въ царствѣ Отца Моего, но есть въ возмездіе вамъ огонь вѣчный: *идите во огонь вѣчный.* Вы стыдились Моего униженія и смиренія, Моего Креста и Евангелія, презирали меньшихъ братiй Моихъ, отвращались отъ нихъ, когда они просили вашей помощи, глумились надъ благочестіемъ вѣрующихъ въ Мене,—слушались не Моихъ заповѣдей, а совѣтовъ отца лжи—дiавола: оставайтесь же на всю вѣчность въ обществѣ дiавола и ангеловъ его: *идите во огонь вѣчный, уготованный дiаволу и ангеломъ его.*

Таково, брат. мои, окончательное разрѣшеніе тайны настоящаго долготерпѣнія Божія! Таково славное, всемірное торжество Правосудія Божественнаго! Таковъ послѣдній конецъ праведниковъ и грѣшниковъ! *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* Аминь.

17. СЛОВО—ВТОРОЕ.

*Пріидеть Господь во тмахъ святыхъ Ангель Своихъ, сотворити судъ о всѣхъ, и изболити всѣхъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлахъ нечестія ихъ, ими же нечестоваше, и о всѣхъ жестокихъ словесѣхъ ихъ, яко же глаголаша на нѣ грѣшницѣмъ нечестивѣи *).*

Когда въ первый разъ люди услышали громъ, то, безъ сомнѣнія, такъ испугались, что готовы были сокрыться въ

*) Лу.: 14—15.

самыхъ глубокихъ пещерахъ и подземельяхъ. Но прислушившись, мало по малу перестали бояться, и остаются спокойны и во время самой сильной грозы, сдѣлались безпечны и къ самымъ страшнымъ ударамъ. Но измѣнилось-ли отъ этого свойство грома? умалилась-ли его сила? Нисколько! она также разрушительна и теперь, какъ разрушительна была прежде. Удары грома также внезапно убиваютъ и нынѣ, какъ убивали прежде.

Такъ и грозное Слово Господне о страшномъ судѣ Его надъ міромъ съ такою силою дѣйствовало на первыхъ христіанъ, что св. Апостоль Павелъ находилъ даже нужнымъ успокаивать ихъ, чтобы они не колебались умомъ и не смущались, какъ будто наступаетъ уже день Христовъ. И это постоянное ожиданіе славнаго пришествія Христова, эта непрестанная память о страшномъ судѣ Его служила, съ одной стороны, утѣшеніемъ и ободреніемъ послѣдователей Христовыхъ на узкомъ и тернистомъ пути къ царствію Божію, съ другой—самымъ сильнымъ возбужденіемъ грѣшниковъ къ покаянію: она укрѣпляла мучениковъ въ неимоверныхъ страданіяхъ за имя Христово, вдыхала св. пустыникамъ мужество въ тяжкой борьбѣ ихъ съ собственными страстями, усаждала труды великихъ Пастырей церкви въ ихъ подвигахъ за вѣру и церковь Христову; но она же изгоняла великихъ грѣшниковъ въ пустыни для оплакиванія тамъ грѣховъ своихъ, содѣлывала разбойниковъ, мытарей и гонителей избранными сосудами благодати Божіей. Въ наши несчастныя времена и самое Слово Божіе о страшномъ Судѣ Христовомъ, повидимому, потеряло свою силу, не сострясаетъ уже сердце человѣческихъ въ самой глубинѣ ихъ, не производитъ уже въ душѣ грѣшника того спасительнаго страха, который покаяніе нераскаивно содѣлываетъ. Мы привыкли и слушать и говорить о судѣ Божіемъ съ такимъ спокойнымъ равнодушіемъ, какъ бы это вовсе не относилось къ намъ, какъ будто судъ Божій угрожаетъ не намъ, а другимъ. Сего мало, — въ самыхъ нѣдрахъ Христіанства являются даже ругатели, о которыхъ со скорбію упоминалъ нѣкогда Апостоль, глаголющій: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? Отнелъ же бо отцы упоша, вся такожде пре-*

*бываютъ *)*. Что же теряетъ-ли свою достовѣрность Слово Христово отъ того, что мы перестали бояться Его? Отмѣнить ли Господь обѣтованіе Свое потому, что многіе не хотятъ ему вѣрить? Нѣтъ, братія мои, непреложно Слово Господне, нераскаянна обѣтованія Божія: *придетъ Господь во тмахъ Святыхъ Ангелъ Своихъ*,—вѣрятъ-ли тому или нѣтъ, ожидаютъ-ли Его пришествія или нѣтъ; *придетъ и не укоснитъ*.

Тщетно сыны тьмы и нечестія утѣшаютъ себя безумною надеждою уничтоженія, тщетно хотятъ увѣрить себя и другихъ: *самослучайно рождени есмы и потомъ будемъ, якоже не бывше, и духъ нашъ разлѣется яко мягкій воздухъ*. Въ твореніи высочайшей премудрости нѣтъ и не можетъ быть никакой случайности, недовѣдомой всевѣднью. Созданный по образу Божію духъ нашъ не можетъ исчезнуть и уничтожиться вопреки всемогущей волѣ Создавшаго его. Искупленная драгоценнѣйшею всего міра кровію Сына Божія душа наша, и сама дороже всего міра; и если бы исчезъ и уничтожился міръ весь, она пребудетъ предъ Богомъ жизни живою и безсмертною. Такъ хочетъ всемогущій Владыка духовъ и всякія плоти: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ, и изыдутъ сотвориши блага въ воскресеніе живота, а сотвориши злая въ воскресеніе суда **)*.

Тщетно нерадивые и безпечные о душѣ своей люди, во своихъ похотѣхъ ходяшіе, говорятъ подобно рабу лукавому: *коснитъ Господь нашъ пріити. Гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? Отнелъ же бо стцы успоша, вся тако пребываютъ*, все также и будетъ. Нѣтъ, заблуждающіе и ослѣпленные, не коснитъ Господь обѣтованія, но долго терпитъ на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе иринутъ. Неужели думаете, что въ царствѣ Всевышняго будетъ вѣчно господствовать зло и беззаконіе, какъ господствуетъ нынѣ на землѣ? Что въ царствѣ Бога мира и любви пребудутъ навсегда вражды и зложелательства, обиды и угнетенія, ненависть и злоба, какъ это видимъ

*) 2 Петр. III, 4. **) Іоан. V, 25—29.

теперь въ нашихъ обществахъ? Что въ царствѣ Всеблагаго будутъ вѣчно страдать неповинные, бѣдствовать добродѣтельные, плакать угодяющіе Богу, и, напротивъ, радоваться нечестивые, торжествовать обидящіе, величаться враги Божіи, какъ это бываетъ теперь въ нашемъ мірѣ? Что во царствѣ Бога истины и правды будутъ вѣчно терпимы ложь и коварство, ухищренія и обманы, заблужденія и неправды, прельщенія и соблазны, какъ все это бываетъ теперь между человѣками? Гдѣ же законъ, о которомъ говорить намъ собственный нашъ разумъ, который составляетъ основаніе бытія вселенной, безъ котораго не возможно самое существованіе міра? Гдѣ правда и воздаяніе, о которыхъ говорить наша совѣсть, безъ которыхъ весь міръ превратился бы въ хаосъ? *Ей, гряди скоро, глаголетъ Господь, и мзда моя со мною воздана комуждо по дѣломъ его!*

Тщетно преданные суетѣ міролюбцы воображаютъ себѣ, что Евангеліе Христово угрожаетъ судомъ и казню для одного только страха, что страшныя картины, коими живописуетъ Слово Божіе несчастную участь грѣшниковъ, существуютъ въ однѣхъ токмо изображеніяхъ; что откровеніе Божіе устрашаетъ токмо людей, подобно какъ устрашаютъ дѣтей вымышленными разсказами и изображеніями. Нѣтъ, безпечные сыны вѣка сего, — *небо и земля преидетъ, словеса же Господня не преидутъ!* Неужели воображаете, что напрасно угрожалъ Тотъ, Кто за беззаконія человѣческія погубилъ въ потопѣ всю тварь отъ человѣка до скота, Кто огнемъ съ небеси сожегъ грады Содомскіе, Кто, по предреченію Своему, предалъ разрушенію и истребленію возлюбленный градъ и народъ Свой за его невѣріе и нечестіе? Неужели могъ напрасно устрашать Тотъ, Кто самъ горько плакалъ, предвѣщая страшную судьбу Іерусалима и чадъ его, Кто съ тяжкою скорбію предвѣщалъ горе и горе нераскаяннымъ, Кто, идя подъ крестомъ на Голгоѳу, говорилъ плакавшимъ о Немъ женамъ: *себе плачьте и чадъ вашихъ: яко се днѣ грядутъ, егда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмамъ: покройте ны; зане аще въ суровъ древь сія творятъ, въ сушь что будетъ?* *) Неужели думаете, что

) Лук. XXIII, 28. 29. 30.

оскорбленіе высочайшей святости и любви Божіей можетъ остаться безъ наказанія, что пролитая за избавленіе людей кровь Сына Божія, пренебрегаемая и попираемая безчувствіемъ и неблагодарностію безпечныхъ грѣшниковъ, не возопіетъ къ Богу объ отмщеніи, что вѣчная правда Божія не потребуетъ вѣчнаго воздаянія за неправду и нечестіе? Нѣтъ, братія мои, существо Божіе неизмѣнно, и всѣ суды Его непреложны; правда Его правда во вѣки, и Слово Его—истина. Самое существо зла и грѣха таково, что оно необходимо рождаетъ изъ себя скорбь и болѣзнь, страданіе и муки. Самое блаженство праведныхъ, для полноты и совершенства своего, требуетъ отлученія злыхъ и неправедныхъ на всю вѣчность.

Тщетно закоснѣвающіе во грѣхахъ слабые христіане, предавшись въ волю страстей и похотей своихъ, утѣшаютъ себя мыслию о безконечномъ милосердіи Божіемъ, надѣются послабленія заблужденіямъ своимъ отъ безпредѣльнаго человеколюбія Божія, чаютъ снисхожденія мнимымъ немощамъ своимъ отъ неистощимаго долготерпѣнія Божія. *Милость бо и гнѣвъ у Него и на грѣшницѣхъ почиетъ ярость Его. Или о богатствѣ благодати и долготерпѣнія Божія нерадиши,*—говоритъ Апостоль,—*не вѣдый, яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ?* Благодать Божія ищетъ твоего спасенія; а ты, какъ бы посмѣваяся ей, говоришь: Господь благъ и многомилостивъ, проститъ мои согрѣшенія, и продолжайешь грѣшить безбоязненно и нерадишь о спасеніи души твоей!.. Долготерпѣніе Божіе на покаяніе тя ведетъ; а ты, какъ бы посмѣваяся ему, говоришь: долготерпѣливъ Господь, не предастъ мене погибели,—и не престаешь творить злое предъ очами Его и не заботишься о томъ, что будетъ съ тобою въ вѣчности! Любовь Божія говоритъ тебѣ: *хощемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему,* и потому ищетъ тебя на всѣхъ распутіяхъ порока, зоветъ тебя гласомъ милосердія въ царство свое; а ты, какъ бы посмѣваяся ей, упорствуешь въ своемъ заблужденіи, не хощешь разрушить обаяніе грѣховныхъ наслажденій, которыми ослѣпилъ тебя діаволь, медлишь предаться всей душою и сердцемъ въ объ-

зятія любви и милосердія Отца Небеснаго! Не самъ-ли по жестокости твоей и нераскаянному сердцу собираешь себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія суда Божія? Неужели думаешь, что человеколюбіе Божіе премѣнитъ святость существа Его, что милосердіе Его упразднитъ судъ и правду, что долготерпѣніе Божіе обратится въ потворство беззаконію? *Нѣтъ, непреселится къ Нему всякъ лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его.* Вѣчная милость Божія токмо на боящихся Его и хранящихъ заповѣди Его; а на грѣшницѣхъ почиеть ярость Его!

Тщетно нерадящіе о душѣ своей въ продолженіе жизни надѣяты, что благодать Божія можетъ спасти ихъ и въ часъ смерти. Правда, сія всемогущая, вседѣйствующая благодать спасала мытарей и грѣшниковъ, содѣлывала сосудами избранными гонителей и хульниковъ, отверзала райскія двери и разбойникамъ на крестѣ. Но она спасала и спасаетъ только тѣхъ, которые не противятся ея дѣйствіямъ, слѣдуютъ ея влеченію, которые, услышавъ гласъ ея, всѣмъ сердцемъ возжелали и искали своего спасенія. Не все-ли, что нужно, содѣлала сія Божественная благодать и для нашего спасенія? Она предопредѣлила намъ родиться въ нѣдрахъ св. церкви, отъ утробы матерней возродила насъ въ жизнь вѣчную въ купели св. крещенія, съ млекою матернимъ напоила насъ животворящимъ тѣломъ и кровію Сына Божія, и доселѣ не престаеетъ оглашать слухъ нашъ словомъ Божиимъ, возбуждать совѣсть нашу отъ усыпленія грѣховнаго, призывать ко спасенію и жизни вѣчной, предлагать всѣ сокровища свои къ нашему оправданію, обновленію, освященію и спасенію. Какой же ожидать еще благодати чудодѣйственной? Неужели думаемъ, что насъ введутъ какъ бы невольню въ царство Божіе, когда мы не хотимъ идти туда отверстою намъ дверью покаянія; что насъ примутъ туда съ нашими нечистотами и сквернами грѣховными, куда не входитъ ничто же скверно; что и во второе пришествіе Господне насъ ожидаетъ милость и прощеніе, а не судъ и воздаяніе? Не льститесь, возлюбленніи, кончится время долготерпѣнія и настанетъ время суда, откроется правда вѣчная: *приидетъ Господь во тмахъ святыхъ Ангель своихъ сотворити судъ о всѣхъ.* Сотворитъ

судъ о всемъ, въ чемъ ни согрѣшили мы умомъ нашимъ до послѣдняго помышленія лукаваго, — въ чемъ ни согрѣшили сердцемъ до мимолетнаго услажденія и вождельнiя нечистаго, въ чемъ ни согрѣшили языкомъ до послѣдняго слова праздника, — въ чемъ ни согрѣшили дѣломъ отъ заблужденiй дѣтства до прихоти старческой, все будетъ выставлено на общiй позоръ, все будетъ изнесено на средѹ предъ лицомъ неба и земли. Чтожь будетъ тогда съ нами, когда всевѣдущiй Судiя мiра откроетъ жизнь и дѣянiя, сердце и совѣсть нашу предъ соборомъ Ангеловъ и человѣковъ; когда ближнiе наши или оскорбленные нашею гордостью, или обиженные нашимъ любостыжанiемъ, или обманутые нашимъ лукавствомъ вопiютъ къ Богу объ отмщенiи; когда невинныя души, соблазненные нашимъ примѣромъ, развращенныя нашимъ совѣтомъ, растлѣнныя нашими легкомысленными и безумными рѣчами, будутъ проклинать насъ за свои страданiя? Поздно будетъ тогда всякое извиненiе, не прикроетъ никакая личина лицемѣрiя, не оправдаютъ никакiе лжесвидѣтели. Предъ очами всевѣдущаго вся нага и объявлена, предъ судомъ всеправаднаго Судiи никто и ничто не сокроетъ обвиняемаго: все умолкнетъ и преклонится тогда предъ правдою вѣчною.

Посему-то и нужно, братiя мои, прежде онаго суда позаботиться о душѣ своей, чтобы она не явилась тогда окаянною и бѣдною, и нищею, и слѣпою, и нагою. Просвѣти ее, возлюбленный, свѣтомъ истины благовѣстiя Христова, *да увѣси яже отъ Бога дарованная намъ*, да познаетъ волю Божию, благою, угодною и совершенною, да не будещи *яко младенецъ, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученiя во лжи челоувъческой, въ коварствѣ козней лщенiя*. Убѣли ризу души своей искреннимъ вседушевнымъ покаянiемъ, слезами умиленiя и сокрушенiя сердечнаго. Освободи ее отъ узъ грѣховныхъ и отъ насильства страстей — трудами и терпѣнiемъ, бдѣнiемъ и молитвою, постомъ и поученiемъ въ словѣ Божиемъ. Напитай ее пищею безсмертiя и жизни вѣчной, благоговѣйнымъ причащенiемъ тѣла и крови Христовой. Украси ее одеждою благихъ дѣлъ вѣры и благочестiя, правды и любви, смиренiя и незлобiя, состраданiя и милосердiя къ ближнимъ. Огради ее страхомъ Божиимъ отъ

нечистыхъ и лукавыхъ помысловъ, отъ порочныхъ вождель-
ній и чувствъ, отъ срамныхъ пожеланій и стремленій, отъ
праздныхъ и непотребныхъ словъ и дѣлъ. Возрасти въ ней
плоды Духа Святаго: любви радость, миръ, долготерпѣніе,
благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе. Если же
угаснетъ въ ней свѣтильникъ вѣры, то неминуемо пойдетъ
она во тьму кромѣшную. Если не достанетъ у нея елея любви
и милосердія, то останется она внѣ царствія Божія съ дѣ-
вами юродивыми. Если не будетъ у нея брачной одежды
добрыхъ дѣлъ, то не вкуситъ она небесной вечери съ из-
бранными. Если явится предъ Господомъ покрытою рубищемъ
грѣховъ и беззаконій, то изгнана будетъ отъ лица Божія въ
геенну огненную, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.
Аминь.

18. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е .

*Тогда речеть Царь сущимъ
одедную Его: приидите, благосло-
веннїи Отца Моего, наслѣдуйте
уготованное вамъ царствїе отъ сло-
женїя мїра. Тогда речеть и сущимъ
ошуюю Его: идите отъ Мене про-
клятии во огнь вѣчный, уготован-
ный діаволу и ангеломъ его. — И
идутъ сіи въ муку вѣчную, пра-
ведники же въ животъ вѣчный.
(Мѡ. XXV, 34, 41, 46).*

Вотъ заключеніе всемірной исторїи человѣчества, которая
представляется на позорищи свѣта отъ начала мїра до нынѣ
и будетъ еще представляться на неопредѣленное и неизвѣ-
стное для насъ время. Вотъ окончательная развязка всѣхъ
разнообразныхъ явленій, всѣхъ запутанныхъ событій въ мїрѣ
человѣческомъ, гдѣ народы мятутся и волнуются, то возды-
маясь и упадая, то разливаясь и потопляя собою все, то
сталкиваясь и разбиваясь другъ о друга, подобно волнамъ
бурнаго моря. Вотъ предѣлъ и конецъ, къ которому идетъ и
придетъ весь настоящій мїръ, для котораго онъ сохранялся

ли сохраняется вседѣйствующею силою творческою! Вотъ разрѣшеніе великаго вопроса объ участи человѣческаго рода, надъ которымъ бесплодно трудится человѣческій разумъ въ продолженіе столькихъ тысячелѣтій! Вотъ опредѣленіе и собственной участи каждаго изъ насъ на всю вѣчность! И идутъ отверженные богомъ грѣшники въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.

И такъ напрасно нераскаянные грѣшники, предавшись въ волю страстей и похотей развращеннаго сердца своего, утѣшаютъ себя мыслию о безконечномъ милосердіи Божіемъ, — надѣются послабленія страстямъ своимъ отъ безпредѣльнаго человѣколюбія Божія, чаютъ снисхожденія мнимымъ немощамъ своимъ отъ неистощимаго долготерпѣнія Божія. Милость бо и гнѣвъ у Него. *Или о богатствѣ благодати и долготерпѣнія Божія не удивиши, не вѣдый, яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ. По жестокости же твоей и нераскаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія суда Божія.* Неужели думаешь, что человѣколюбіе Божіе премѣнитъ святость существа Его, что милосердіе упразднитъ судъ и правду, что долготерпѣніе Божіе обратится въ потворство беззаконію? Нѣтъ, *не преселится къ Нему всякъ лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его. Вѣчная милость Господня токмо на болящихся Его и хранящихъ заповѣди Его; а на грѣшницѣхъ почиетъ ярость Его.*

Итакъ напрасно преданные суетѣ міролюбцы воображаютъ себѣ, что Евангеліе Христово угрожаетъ судомъ и казню только для одного страха, что страшныя картины, коими живописуетъ Слово Божіе несчастную участь грѣшниковъ, существуютъ въ однѣхъ только изображеніяхъ для устрашенія людей, подобно какъ устрашаютъ малыхъ дѣтей вымышленными разсказами и изображеніями. Нѣтъ, безпечные сыны вѣка сего, — небо и земля преидетъ, словеса же Господня не преидутъ. Неужели думаешь, что устрашалъ только Тотъ, кто оплакивалъ горько страшную судьбу Іерусалима и чадъ его, кто съ тяжкою скорбію возвѣщалъ горе и горе нераскаяннымъ? Неужели думаешь, что для всемогущества Божія, сотворившаго рай, трудно сотворить адъ; что

наглое оскорбленіе святости Божіей можетъ остаться безъ отмщенія; что вѣчная правда Божія не потребуеть вѣчнаго воздаянія за неправду? — Нѣтъ, брат., существо Божіе неизмѣнно и всѣ суды Его непреложны; *правда Его правда во вѣки, и слово Его — истина*. Самое существо зла и грѣха таково, что оно необходимо рождаеть изъ себя скорбь и болѣзнь, страданія и муки. Самое блаженство праведныхъ для полноты и совершенства своего требуетъ отлученія злыхъ и неправедныхъ на всю вѣчность.

И такъ напрасно чада тьмы и невѣрія хотять увѣрить себя и другихъ: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? отнелъ же бо отцы упоша, вся такожде пребываютъ*, все также и будетъ. Нѣтъ, заблуждающіе и ослѣпленные, не коснись Господь обѣтованіе, *но долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе придутъ*. Неужели думаете, что въ царствѣ Всесвятаго будетъ вѣчно господствовать зло и беззаконіе, какъ господствуетъ нынѣ на землѣ; что въ царствѣ Бога мира и любви пребудутъ навсегда вражды и зложелательства, обиды и утѣшенія, ненависть и злоба, какъ это видимъ теперь между людьми; что въ царствѣ Всеблагаго будутъ вѣчно страдать неповинные, бѣдствовать добродѣтельные, плакать угрождающіе Богу, и напротивъ радоваться нечестивые, торжествовать обидящіе, веселиться враги Божіи, какъ это бываетъ теперь въ нашемъ мірѣ; что въ царствѣ Бога истины будутъ вѣчно терпимы ложь и коварство, ухищренія и обманы, заблужденія и неправды, соблазны и прельщенія, какъ все это бываетъ теперь между человѣками? — *Ей гряди скоро, глаголетъ Господь, и мзда моя со Мною воздати комуждо по дѣломъ его **). *Приидетъ Господь во тмахъ святыхъ Ангелъ своихъ, сотворити судъ о всѣхъ, и изобличитъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлахъ нечестія ихъ, имже нечествоваша, и о всѣхъ жестокихъ словесяхъ ихъ, яже глаголаша нанъ грѣшницы нечестивіи ***).

Приходилъ Господь на землю въ образѣ раба избавить и спасти грѣшниковъ, взыскать и спасти погибшихъ, при-

*) Апокал. XXII, 12.

**) Иуд. 14—15.

звать къ покаянію заблудшихъ и развращенныхъ, обновить и оживотворить умерщвленныхъ грѣхомъ, искупить и исхитить изъ плѣна діавола души предавшихся его страшной власти. Тогда приидетъ Сынъ человѣческой, Которому Богъ Отець предалъ весь судъ надъ міромъ,—во славу своей со Ангелы святыми. Мы видѣли Его уничиженнаго, поруганнаго, распятаго на крестѣ: тогда узримъ Его сѣдящаго на престолѣ славы Своея. Узримъ своего Владыку и Господа, своего Творца и Благодѣтеля, котораго оскорбляли своимъ преступнымъ забвеніемъ о Немъ, своею безчестною неблагодарностію предъ Нимъ. Узримъ своего Искупителя, Который предалъ Самого Себя за грѣхи наши, но Котораго второе распинали своими беззаконіями. Узримъ тѣ язвы, которыя Онъ претерпѣлъ за спасеніе всѣхъ, и которыя мы уничили своими грѣхами, презрѣли своимъ нечувствіемъ, посрамили своею нераскаянностію. Узримъ Сердцевѣдущаго Судію и Мздовоздавателя, Которому извѣстны не только дѣла, но и мысли и желанія наши, и Котораго безстрашно оскорбляли своими нечестивыми помыслами, своими преступными пожеланіями, своими срамными ощущеніями. Страшно будетъ сіе пришествіе Сына человѣческаго для грѣшниковъ, грозно сіе видѣніе Судіи міра сего для беззаконныхъ. *Многіе рекуть тогда горамъ: падите на ны и холмамъ: покройте ны отъ лица сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца *)*, яко прииде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати? Но свѣтель и радостень будетъ день сей для вѣрныхъ рабовъ Божіихъ; блаженно и восхительно будетъ славное явленіе Господа для избранныхъ: радуемся и веселимся, скажутъ они: и дадимъ Славу Ему, яко прииде бракъ Агнчій?

На семь-то по истинѣ страшномъ судѣ, предъ симъ сердцеѣдущимъ Судьею и св. ангелами Его предстанемъ и мы съ тобою, возлюбленный собратъ мой, предстанемъ среди всѣхъ одинокими,—безъ покрова и защиты, безъ заступника и ходатая, наги душой и тѣломъ, съ одними своими дѣлами, мыслями и чувствами, — предстанемъ такими, какими

*) Лук. XXIII, 30.

застанеть насъ оный страшный день Господень, или какими постигнеть насъ страшный часъ смертный; предстанемъ для того, чтобы дать отчетъ въ нашей жизни, чтобы быть или осужденными или оправданными. Время покаянія и долго-терпѣнія Божія кончится, и Господь явится намъ не Богомъ милости и щедротъ, а Богомъ отмщениій, Который изведеть тайныя тьмы и объявитъ совѣты сердечныя, и воздасть комуждо по дѣламъ его.

Нынѣ не только посторонніе люди, но и мы сами не знаемъ внутренняго состоянія души своей. Самолюбіе наше скрываетъ многое отъ собственной нашей совѣсти; непрестанное волненіе мыслей и чувствъ, желаній и стремленій сердечныхъ, постоянное круженіе въ вихрѣ суеты и заботъ житейскихъ не даютъ намъ видѣть ясно, — что мы предъ Богомъ, — чада свѣта или тьмы, сыны благодати или грѣха, спасающіеся или погибающіе. Теперь все прошедшее, сокрываясь изъ глазъ, изглаждается мало-по-малу изъ нашей памяти, является намъ какъ не сущимъ, покрывается какъ-бы нѣкою пеленою, сквозь которую едва усматриваемъ что-либо. День суда Божія обнаружить все это въ ясномъ свѣтѣ; все содѣланное нами оживетъ въ нашей совѣсти, прошедшее сдѣлается настоящимъ, сокровенное явнымъ, невѣдомое и несознаваемое станетъ предъ очами нашими, намъ предстанетъ полная картина жизни нашей — внѣшней и внутренней отъ перваго движенія младенческаго до послѣдняго вздоха смертнаго. Все, въ чемъ ни согрѣшили мы умомъ своимъ до послѣдняго помышленія лукаваго, — все, въ чемъ ни согрѣшили сердцемъ до мимолетнаго услажденія и вожделѣнія нечистаго, — все, въ чемъ ни согрѣшили языкомъ своимъ до послѣдняго слова празднаго; — все, въ чемъ ни согрѣшили дѣломъ отъ заблужденія дѣтства до прихотей старости, — все будетъ выставлено тогда на позоръ, все будетъ изнесено на среду предъ лицемъ неба и земли, предъ соборомъ ангеловъ и человѣковъ, все будетъ истязано и осуждено судомъ праведнымъ и нелицепріятнымъ. Но сего мало: предъ нами предстанутъ и грѣхи близкихъ нашихъ, которыхъ мы были причиною, и которые потому самому вмѣняются намъ. Предстанутъ очамъ нашимъ невинныя

души, соблазненные нашимъ примѣромъ, увлеченныя нашимъ недобрымъ совѣтомъ, растлѣнныя нашими безумными рѣчами, оскорбленныя нашими неправдами, преоскорбленныя нашимъ любочестіемъ и любостыжаніемъ. Всѣ онѣ возстанутъ и изобличать насъ, всѣ возопіютъ на насъ къ Богу объ отпущеніи. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, искупившій ихъ Своею кровію, взыщетъ ихъ отъ рукъ нашихъ. Что если-бы теперь, среди сего собранія, прочтена была такая же вѣрная и полная исторія жизни и дѣяній кого-либо изъ насъ, какая прочтена будетъ на будущемъ Судѣ Христовомъ; имѣли-ль бы мы столько силъ, чтобъ перенести свой стыдъ и посрамленіе? Что-жь будетъ съ нами, когда Судія міра откроетъ жизнь и дѣянія, сердце и совѣсть нашу предъ сонмомъ св. ангеловъ, въ собраніи всего человѣчества? *Кто терпитъ день пришествія Его, говоритъ пророкъ Божій: и кто постойтъ въ видѣніи Его? Зане той входитъ, яко огонь горнила, и сядетъ разваряя и очищая, яко сребро и яко золото.*

Такъ брат. мой судъ Божій состоятъ будетъ не въ одномъ осужденіи грѣховныхъ дѣйствій; Сердцевѣдецъ будетъ очищать огнемъ суда своего самое сребро и золото; испытаетъ и самыя добродѣтели наши, откроетъ нечистый источникъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, обнаружитъ самолюбивыя и лицемѣрныя побужденія мнимо добрыхъ дѣяній нашихъ. Все, что сдѣлано не для Него, не по чистой и святой любви къ Нему и ближнимъ нашимъ, Онъ отвергнетъ и не приметъ: помяни яко поспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ. Онъ взыщетъ отъ насъ истинно добрыхъ дѣлъ, чтобъ поставить одесную Себе Онъ спроситъ насъ, чѣмъ засвидѣтельствовали мы свою вѣру въ Него, въ чемъ показали мы свою любовь къ Нему, чѣмъ постарались благоугодить Ему, что содѣлали, чтобы наследовать жизнь вѣчную? Онъ скажетъ намъ, указывая на соборы святыхъ друзей Своихъ: вотъ ликъ пророковъ и апостоловъ кои, оставивъ все, послѣдовали за Мною, среди бѣдъ и страданій проповѣдывали Слово Мое человѣкамъ, всю жизнь свою принесли въ жертву Славы Моей и спасенію ближнихъ своихъ. Вотъ ликъ исповѣдниковъ и мучениковъ которые жесточайшими страданіями

и смертію прославили имя Мое предъ человѣками. Вотъ, лигь подвижниковъ, которые ради любви Моей презрѣли вся красная міра, провели всю жизнь свою въ слезахъ и воздыханіяхъ, въ алчбѣ и жадѣ, во бдѣніяхъ и пощеніяхъ, въ пустыняхъ скитающагося и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ. Вотъ соборъ праведниковъ, которые, и живя въ мірѣ, были не отъ міра сего, и среди общества человѣковъ были собесѣдниками ангеловъ, которые, и нося на себѣ узы обязанностей семейныхъ и общественныхъ, всёмъ сердцемъ искали царствія Божія и правды Его, которые были, подобно рабу Моему Іову, окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, отрадою и утѣшеніемъ страждущихъ. Что сдѣлали вы, чтобы стать одесную Мене со избранными? Отъ васъ Я не требовалъ ни этихъ тяжкихъ жертвъ, ни оныхъ преестественныхъ подвиговъ. Если вы не могли изнурять плоть свою постомъ и трудами, то, насыщаясь сами, насытили-ль и Меня алчущаго и жаждущаго, когда Я просилъ хлѣба и воды въ лицѣ нищаго? Если вы не могли и не хотѣли оставить домъ свой и братію свою Мене ради, то ввели-ль въ домъ свой и успокоили-ль Меня, когда Я стоялъ при дверехъ вашихъ въ лицѣ странника? Если не могли сами страдать за имя Мое, терпѣть болѣзни и труды ради царства небеснаго, то сѣвши-ль облегчить своимъ участіемъ и состраданіемъ Мои болѣзни и страданія, когда лежалъ Я на одрѣ съ болящими, томился въ узахъ и темницѣ вмѣстѣ съ узниками? Если сами не могли понести тяготу и варъ, зной и мразь ради царствія Божія, то одѣли-ль наготующаго, помогли-ли нуждающемуся, утѣшили-ль бѣдствующаго въ скорби души его. Поздно будетъ тогда всякое извиненіе, не прикроетъ никакая личина лицемѣрія, не оправдаютъ никакіе лжесвидѣтели. Предъ очами Всевѣдущаго вся нага и объявлена, предъ судомъ всеправеднаго Судіи никто и ничто не укроетъ обвиняемаго. Все умолягнетъ и преклонится предъ правдою вѣчною.

Тогда-то, брат. мои, откроется вся слава сыновъ Божіихъ и все посрамленіе нечестивыхъ. Тогда-то узритъ небо и земля что праведника, поруганнаго, презираемаго въ мірѣ, не бѣ достоинъ весь міръ; что участь грѣшника, какъ бы

онъ ни величался на землѣ, ужасна! Тогда речеть Царь сущимъ одесную Его: *приидите благословеніи Отца Моего*. Грѣшники вмѣняли васъ ни во что, почитали отребіемъ міра, глумились надъ вашимъ благочестіемъ, посмѣвались надъ вашею вѣрою и упованіемъ; но Отець Мой, запечатлѣвъ васъ своимъ благословеніемъ, нарекъ васъ своими избранными, почтилъ васъ честію сыновъ Своихъ. Приидите благословеніи. Вы не имѣли на землѣ, гдѣ главу подклонити, всю жизнь ради Меня терпѣли, страдали бѣдствовали. Въ воздаяніе за то Я отъ вѣчности уготовалъ вамъ царство на небѣ. Приидите, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Здѣсь обрѣтете вы вѣчное упокоеніе, здѣсь ожидаетъ васъ вѣчная радость и блаженство!

Тогда речеть и сущимъ ошуюю: идите отъ Мене проклятій Я звалъ васъ гласомъ любви и милосердія; — и вы не послушали; угрожалъ страхомъ суда и наказанія, — вы посмѣялись надъ угрозами. Я осыпалъ васъ благодѣяніями, — но вы остались неблагодарными; посѣщаль бѣдствіями и скорбями, — но вы не обратились и не покаялись. Я отдалъ самую плоть и кровь Мою для избавленія и спасенія вашего, — но вы вмѣнили ее ни во что. Убо и Азь погибли вашей посмѣюся: идите отъ Мене. Вы славились и величались на землѣ, были въ чести и почести между человекѣми: но правда Отца Моего запечатлѣла васъ печатію проклатія; Его святость и истина судила васъ достойными вѣчнаго отверженія: идите отъ Мене проклятій. За наслажденіе тлѣнными благами вы промѣняли вѣчное царство, которое обѣщаль Я и вамъ; за наслажденіе кратковременными удовольствіями плотскими вы отдали блаженство вѣчное, которое приобрѣлъ Я вамъ Моею кровію, за пустую славу міра сего вы отреклись отъ славы чадъ Божіихъ, братій и сонаслѣдниковъ Моихъ: но есть въ возмездіе вамъ огонь вѣчный, — идите въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.

Какъ страшенъ судъ Твой, Господи! Но сдѣлай для меня память объ немъ, Боже мой, еще болѣе ужасною! да не отступаетъ она отъ меня во дни и нощи, да преслѣдуетъ мысль о немъ меня вездѣ и всегда, да возмущаетъ всѣ радости мои, да отравляетъ удовольствія мои, да прерываетъ покой

мой! Страхъ суда Твоего, Господи, да сотрясетъ все существо мое, да проникнетъ до сокровеннѣйшихъ изгибовъ сердца моего! да сокрушится и умилится сердце мое, да предвари искреннимъ покаяніемъ нынѣ строгость суда Твоего по смерти. Аминь.

19. СЛОВО—ЧЕТВЕРТОЕ.

Всѣмъ намъ явится подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла. (2 Кор. 5, 10).

Воспоминаніе о страшномъ судѣ Христовомъ и необходимо и полезно для насъ, брат., во всякое время; (надобно желать, чтобы оно служило всегдашнимъ спутникомъ и охранителемъ нашей жизни, никогда не отступало отъ насъ не на мгновение, всегда было присуще уму и сердцу нашему) Тѣмъ болѣе необходимо оно теперь, когда намъ нужно предрасполагать и возбуждать себя къ покаянію, но когда міръ влечетъ насъ къ самозабвенію и усыпленію грѣховному. Съ настоящаго дня мы вступаемъ уже въ самое предверіе св. поста, ибо такъ на языкѣ церковномъ называется наступающая седмица. По намѣренію св. Церкви, она должна служить уже началомъ постническихъ подвиговъ и трудовъ, а по обычаямъ міра она сдѣлалась какимъ-то языческимъ празднествомъ, полнымъ искушеній и соблазновъ, временемъ самыхъ разнообразныхъ и шумныхъ увеселеній. Чтобы не дать намъ закружиться въ этомъ вихрѣ удовольствій до самозабвенія и помраченія смысла, чтобы предостеречь насъ отъ тяжкихъ грѣхопаденій среди многообразныхъ соблазновъ и искушеній, св. церковь напоминаетъ намъ о послѣднемъ страшномъ судѣ Христовомъ, предъ которымъ намъ всѣмъ должно явиться, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.

И такъ, когда услышите гласы веселія и шумъ празднующихъ, когда обаяніе многообразныхъ удовольствій будетъ

увлекать ваше сердце, ослаблять духовную бдительность надъ собою, (обезсилить и усыпить внутренняго стража добродѣтели—совѣсть, вытѣснить изъ души вашей отрѣвляющей грѣхи, ограждающей и охраняющей сердце страхъ Божій) — вспомните, возлюбленніи, что всѣмъ намъ подобаетъ явиться предъ судищемъ Христовымъ. Вспомните, что намъ должно явиться предъ Господомъ и Владыкою живота нашего, Который создалъ насъ на дѣла благія, (одарилъ насъ разумомъ, сердцемъ, чтобы мы познавали и любили Его, даровалъ намъ законъ Свой, чтобы мы благоугождали Ему, ходя во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Его безпорочно, Который хранитъ жизнь нашу Своею присносушною силою, осыпаетъ насъ неисчислимыми благодѣянiami Своей благодати, чтобы мы благодарили и прославляли Его устами и сердцемъ, всею жизнію и дѣлами своими) Вспомните, что намъ должно предстать предъ Спасителемъ нашимъ, Который для избавленія и спасенія насъ падшихъ воспріялъ на Себя бренное естество наше, претерпѣлъ страшныя страданія и мучительную смерть со злодѣями, Который (просвѣтилъ насъ свѣтомъ Евангелія Своего, даровалъ спасительныя и животворныя таинства для освященія и спасенія нашего, преподалъ намъ божественное и животворящее тѣло и кровь Свою въ залогъ безсмертія и вѣчной жизни) — сдѣлалъ для насъ все, чтобы мы, отвергнувшись нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудрено и праведно и благочестно прожили въ нынѣшнемъ вѣцѣ, (ожидающаго блаженнаго упованія и явленія славы Его. Вспомните крестъ Христовъ, который, какъ знаменіе Сына человѣческаго, явится на небеси въ день пришествія Его на судъ, и который есть памятникъ не только безконечной любви и милосердія Божія, но и Его непреложной правды и суда.) Если правосудіе Божіе не пощадило самаго Единороднаго Сына Божія, воспріявшаго на себя грѣхи человѣковъ, пощадить ли самыхъ грѣшниковъ, презрѣвшихъ благодать и долготерпѣніе Божіе, не обратившихся и не покаявшихся. (Если и Единородному Сыну Божію, невѣдѣвшему грѣха, надлежало претерпѣть жесточайшія страданія и смерть крестную за грѣхи человѣческія, колико, мните, горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь завѣтную скверну возмвивый,

еюже освятися и Духа благодати укоривый. Вспомните о тѣхъ явленіяхъ страшнаго Суда Божія, о которыхъ повѣствуетъ намъ Слово Божіе. Если Богъ, скажемъ словами Апостола, и Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но связалъ узами адскаго мрака на судъ мучимыхъ блюсти, то пощадить-ли человѣковъ, противящихся святѣйшей волѣ Его, не покоряющихся высочайшей власти Его, дерзко преступающихъ вѣчный законъ Его, отвергающихъ благодать и долготерпѣніе Его, призывающее ихъ къ покаянію. И если не пощадилъ первоначальнаго міра, наведши потопъ на міръ нечестивыхъ, то не въ показаніе-ли того, что какъ тогдашній міръ погибъ, бывъ потопленъ водою, такъ и нынѣшнія небеса и земля тѣмъ-же словомъ сокровена суть огню блуднаго на день суда и гибели нечестивыхъ человѣковъ? Если города Содомъ и Гомору, осудивъ на истребленіе, превратилъ въ пепель, то не для того-ли, чтобы въ примѣръ ихъ представить образъ вѣчнаго огня, поаясти хотящаго нечестиваго? Вспоминая все это, перенеситесь мыслію къ тому страшному и славному дню) Когда исполнится мѣра нечестія и беззаконій человѣческихъ и прекратится время долготерпѣнія Божія, — пройдетъ ^{кѣ-ліе}предопределенное ^{мѣ-ра}человѣчеству время покаянія и добродѣланія, ^{мѣ-ра}и настанетъ часъ суда и воздаянія, ^{мѣ-ра}когда явится Сынъ ^{мѣ-ра}человѣческой во славу Своей и вси святіи Ангелы съ Нимъ, и соберутся предъ нимъ ^{мѣ-ра}вси языцы, ^{мѣ-ра}когда и мы всѣ явимся предъ судищемъ Христовымъ, да примемъ ^{мѣ-ра}кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.

Это, братіе мои, будетъ не судъ ^{мѣ-ра}человѣческой, предъ которымъ многое можно скрыть и утаить, предъ которымъ и виновный успѣетъ иногда оправдаться, а судъ Бога сердце-вѣдца, Которому извѣстны всѣ не только дѣла, но и мысли и желанія наши, Который изведетъ на свѣтъ тайныя тмы и объявитъ совѣты сердечныя. Нынѣ не только посторонніе люди, а и мы сами не знаемъ, какъ должно внутренняго состоянія души своей. Самолюбіе наше умѣетъ скрывать многое отъ собственной нашей совѣсти; непрестанное волненіе мыслей и чувствъ, желаній и стремленій сердечныхъ, постоянное круженіе въ вихрѣ суеты и заботъ житейскихъ

не даютъ намъ видѣть ясно, что мы предъ Богомъ, — чада свѣта или тьмы, сыны благодати и дѣти тьмы, спасающіеся или погибающіе. Теперь все прошедшее, скрываясь изъ глазъ, изглаживается мало по малу изъ нашей памяти и не тревожитъ нашей совѣсти. День суда Божія откроетъ нашу душу, какова она есть, представитъ всю исторію нашей жизни и внутренней и внѣшней въ ясномъ свѣтѣ: все забытое и какъ бы погребенное на вѣки оживетъ въ нашей совѣсти, прошедшее сдѣлается настоящимъ, сокровенное яснымъ, невѣдомое и несознаваемое нынѣ станетъ, какъ живое, предъ глазами нашими. Все, въ чемъ ни согрѣшили мы умомъ своимъ до послѣдняго помышленія лукаваго, въ чемъ ни согрѣшили сердцемъ до мимолетнаго услажденія и вожделѣнія нечистаго, — въ чемъ ни согрѣшили желаніемъ своимъ до безотчетной прихоти, — въ чемъ ни согрѣшили языкомъ своимъ до послѣдняго слова празднаго, — въ чемъ ни согрѣшали дѣломъ до послѣдняго движенія чувствъ, — все будетъ выставлено на позоръ, все будетъ изнесено на среду предъ соборомъ Ангеловъ и человѣковъ, все будетъ истязано и осуждено судомъ праведнымъ и нелицепріятнымъ.

Но себѣ мало! Сердцевѣдущій Судія испытаетъ огнемъ суда Своего самыхъ добродѣтели наши, — о Богъ ли онъ содѣланы, откроетъ самый источникъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, обнаружитъ внутреннія побужденія добрыхъ дѣлъ нашихъ. Все, что сдѣлали мы добраго не для Бога единаго, не чистой и святой любви къ Нему и ближнимъ нашимъ, а по тайнымъ побужденіямъ самолюбія и лицемѣрія, Онъ отвергнетъ какъ нечистое, осудитъ, какъ преступное: воспріяль еси мзду твою, скажетъ Онъ каждому мнящемуся быти праведнымъ фарисею. Онъ взыщетъ отъ насъ истинно добрыхъ дѣлъ, достойныхъ возданія небснаго. Онъ спроситъ насъ: чѣмъ засвидѣтельствовали мы свою вѣру въ Него? Въ чемъ показали свою любовь къ Нему? Чѣмъ старались заслужить Его любовь и благоволеніе? Что сдѣлали, чтобы наследовать жизнь вѣчную? Онъ скажетъ намъ, указывая на соборы святыхъ и друзей Своихъ: вотъ ликъ пророковъ и апостоловъ, которые, оставивъ все, послѣдовали за Мною среди бѣдъ и скорбей, гоненій и страданій проповѣдывали слово Мое въ

мірѣ, всю жизнь свою принесли въ жертву за славу Мою и спасеніе ближнихъ. Вотъ ликъ исповѣдниковъ и мучениковъ, которые жесточайшими страданіями и смертію прославили имя Мое предъ людьми. Вотъ ликъ ^{и подвижниковъ} подвижниковъ, которые изъ любви ко Мнѣ презрѣли вся красная міра, провели всю жизнь свою въ слезахъ и воздыханіяхъ, въ алчбѣ и жадѣ, въ бдѣніи и молитвѣ, въ пустыняхъ скитающаго и въ вертепахъ и пропастехъ земныхъ. Вотъ соборъ праведниковъ, которые и живя въ мірѣ, были не отъ міра сего, и обращаясь среди общества человѣческаго, были собесѣдниками ангеловъ, и нося на себѣ узы обязанностей семейныхъ и общественныхъ, всѣмъ сердцемъ искали царствія Божія и правды Его, (которые были подобно рабу моему Іову, окомъ слѣпымъ, ногою хромымъ, утѣшеніемъ страждущихъ) Что сдѣлали вы, чтобы стать одесную Мене со избранными? Отъ васъ Я не требовалъ ни этихъ великихъ жертвъ, которыя принесли ко Мнѣ всѣ св. пророки, апостолы и мученики, ни тѣхъ чрезвычайныхъ подвиговъ, которые совершали святые подвижники ради царствія небеснаго. Требовалъ одной только любви ко Мнѣ и ближнимъ вашимъ. Если вы не могли изнурять плоть свою постомъ и трудами, то насыщаясь сами, насытили-ль и Мене алчущаго и жаждущаго, когда Я просилъ у васъ хлѣба въ лицѣ нищаго? Если не могли и не хотѣли оставить домъ свой и братію свою Мене ради, то ввели-ли въ домъ свой и успокоили-ль Мене, когда Я стоялъ при дверяхъ вашихъ въ лицѣ странника? Если не могли сами страдать за имя Мое, терпѣть болѣзни и труды ради царствія небеснаго, то спѣшили-ль облегчить своимъ участіемъ, состраданіемъ и помощію Мои болѣзни и страданія, когда лежалъ Я на одрѣ съ болящими, томился въ узахъ и въ темницѣ вмѣстѣ съ узниками? Если сами не были гонимы правды ради, то защитили-ль гонимаго отъ гонящихъ его, избавили-ль обидимаго отъ обидящихъ его, помогли-ль бѣдствующему отъ неправды человѣческой? Если сами не могли понести тяготу и варъ, зной и мразь ради царствія Божія, то одѣли-ль наготующаго, помогли-ль нуждающемуся, подали-ль руку помощи погибающему, утѣшили-ль бѣдствующаго въ скорби души его? Поздно будетъ тогда всякое из-

виненіе, не прикроетъ никакая личина лицемѣрія, не оправдаютъ никакіе лжесвидѣтели! Предъ очами Всевѣдущаго вся нага и объявлена; предъ судомъ всеправеднаго Судіи никто и ничто не скроетъ обвиняемаго, все умолкнетъ и преклонится предъ правдою вѣчною.

Предъ симъ-то по истинѣ страшнымъ судомъ Христовымъ подобаеъ явиться всѣмъ намъ, да приметъ вѣждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла. И мы явимся тамъ среди всѣхъ одинокими, безъ покрова и защиты, безъ заступника и ходатая, наги душою и тѣломъ, съ одними своими дѣлами, мыслями и чувствами; явимся такими, какими застанетъ насъ этотъ великій и просвѣщенный день Господень. Скоро-ли явимся? *О дни томъ и часъ никто же вѣсть, ни Ангелы Божіи.* Но что намъ пользы, если бы и еще протекли многія столѣтія и тысячелѣтія до дня пришествія Христова? Нашъ день суда за нами ходитъ. Дни жизни нашей лугавы суть, бѣгутъ не останавливаясь, проходятъ такъ скоро и незамѣтно, что и мы сами не примѣчаемъ ихъ теченія. *Ей гряди скоро,* говоритъ каждому изъ насъ Господь, *и мзда Моя со мною воздати каждому по дѣломъ его.* Скоро, не увидишь, какъ скоро, ускользнетъ отъ насъ время, и мы явимся въ вѣчности; постигнетъ часъ смерти — и представитъ насъ на судъ Божій. *Скоро* мы явимся предъ Богомъ — всевѣдущимъ, Который былъ свидѣтелемъ всѣхъ дѣлъ нашихъ и будетъ ихъ Судіею; былъ съ нами во дни и въ нощи, былъ и тогда, когда мы думали, что насъ не видитъ никто, слышалъ самыя мысли наши, видѣлъ всѣ сокровеннѣйшія движенія сердца нашего, исчислилъ и вписалъ въ книгу живота не только всѣ дѣла и слова наши, но и всѣ помышленія и совѣты сердечныя. Теперь Онъ гласомъ кротости и долготерпѣнія призываетъ насъ къ покаянiю, простираетъ, какъ отецъ, объятія любви и милосердія Своего, предлагаетъ намъ царство Свое, обѣщаетъ блаженство вѣчное; но тогда явится неумолимымъ Судіею, который изобличитъ насъ во всемъ и отмститъ намъ за все, ибо то будетъ день гнѣва и отомщенія, день праведнаго суда и воздаянія.

Поспѣшимъ же, братіе мои, предварить день суда Божія

осужденіемъ самихъ себя, искреннимъ покаяніемъ, слезами умиленія и сокрушенія сердечнаго; ^{освободить} свою душу отъ узъ грѣховныхъ и насильства страстей трудами и терпѣніемъ, бдѣніемъ и молитвою, постомъ и поученіемъ въ Словѣ Божіемъ; ^{украшати} украсити ~~се~~ ^{собою} бдѣждою добрыхъ дѣлъ вѣры и благочестія, правды и любви, смиренія и незлобія, состраданія и милосердія къ ближнимъ, да милостива и благоувѣтлива обрящемъ Судію и Господа нашего, да услышимъ возжеланный гласъ Его: *прійдите, благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.* Аминь.

IV. Недѣля сыропустная.

20. СЛОВО — ПЕРВОЕ.

Нынѣ ближайшее намъ спасеніе: мощь убо преиде, а день приближися, отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. (Римл. 13, 12). ;

Этимъ Апостольскимъ поученіемъ св. Церковь напутствуетъ насъ, брат., на открывающееся намъ поприще св. поста. Между другими побужденіями къ тому, чтобы мы воспользовались предстоящимъ временемъ св. поста къ очищенію себя отъ всякой свѣрны плоти и духа и обратили все вниманіе на спасеніе души своей, она указываетъ на большую удобность къ сему наступающихъ св. дней. *Нынѣ ближайшее намъ спасеніе.*

Правда, и всегда не далеко отъ насъ наше спасеніе. Всегда близъ насъ Самъ Господь и Спаситель нашъ: *се стою при дверехъ и толку, говоритъ Онъ, аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, ввиду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною.* Всегда открытъ предъ нами живоносный источникъ спасительныхъ таинствъ, и нѣтъ возвращающаго приближаться къ нему и почерпать изъ него жизнь и спасеніе. Но въ другое время многое препятствуетъ намъ обратить все вниманіе свое исключительно на дѣло спасенія

души своей; многое удаляетъ насъ даже отъ храма Божія и священнодѣйствій церковныхъ; многое развлекаетъ и умъ и сердце наше, погружаетъ въ разсѣяніе и самозабвеніе, приводитъ ко грѣху и всегубительству. Съ наступленіемъ св. поста, всѣ эти препятствія сами собою упразднятся. Шумъ и тревоженіе міра утихнутъ и умолкнутъ; кличъ къ увеселеніямъ, забавамъ и удовольствіямъ престанетъ и прекратится; самыя ежедневныя заботы наши о пищѣ и одеждѣ уменьшатся по требованію самаго приличія постаго времени; душа наша будетъ свободнѣе отъ всего, что подавляетъ, что возмущаетъ, что опутываетъ ее, какъ сѣтью, и не дасть ей возвести очей своихъ къ небу и помыслить ожидающей ее вѣчности. Теперь мы будемъ чаще оставаться одни съ своею совѣстію; теперь, если не внутреннее влеченіе, то самое приличіе побудитъ насъ чаще приходиться въ храмъ Божій, чаще раскрывать предъ собою священную книгу Завѣта Божія и внимать живоноснымъ глаголамъ Господа Вседержителя; теперь ничто не помѣшаетъ намъ чаще возноситься умомъ и сердцемъ своимъ въ молитвѣ къ Отцу Небесному. Такимъ образомъ, дѣло спасенія до того приблизится къ каждому, что, можно сказать, неотступно будетъ требовать себѣ подобающаго мѣста въ умѣ и сердцѣ нашемъ: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе: ношъ убо преиде, а день приближися.*

И подлинно, время св. поста во всѣхъ отношеніяхъ должно сравнить съ лучезарнымъ днемъ для вѣры и благочестія, для покаянія и дѣлъ богоугодныхъ, равно какъ минувшее время, и особенно оканчивающуюся нынѣ седмицу, со многихъ сторонъ, нельзя не уподобить темной и опасной ночи. Сколько соблазновъ, искушеній и опасностей для чистоты и непрочности сердца сокрыто подъ оболочительнымъ покровомъ, такъ называемыхъ, невинныхъ удовольствій! Сколько христіанскихъ душъ закружатся, такъ сказать, въ ихъ вихрѣ до самозабвенія! Какая тьма и мракъ покрываетъ души, предавшіяся страстнымъ обаяніямъ сердца иль необузданнымъ влеченіямъ плоти! Сколько людей, которымъ нужно будетъ многими и горькими слезами оплакивать нѣсколько часовъ нынѣшняго веселія и упоенія чувствъ! Самые осторож-

ные могутъ-ли похвалиться, что имъ не о чемъ будетъ сожалѣть и не въ чемъ раскаиваться, что они ничего не утратили изъ благодатныхъ даровъ чистоты и непорочности сердца, — ничего не потерпѣли въ спокойствіи своей совѣсти?

Но — благодареніе Господу! — *Ночь убо преиде, а день приближися.* Нынѣшній вечеръ положить конецъ всѣмъ соблазнамъ завтра: если Господь дастъ намъ увидѣть это утро, мы пробудимся какъ бы въ другомъ мірѣ.

Съ однимъ появленіемъ поста, все приметъ другой, лучший видъ. Прекратится шумъ веселія плотскаго и настанетъ время печали, яже по Бозѣ, которая усладительнѣе для сердца всѣхъ радостей міра. Устранится все, что могло уязвлять совѣсть нашу язвами грѣховными, что увлекало насъ въ пропасть заблужденія, порока и беззаконія; заключатся всѣ хляби соблазновъ и грѣха. Отверзутся, напротивъ, всѣ источники духовнаго врачеванія и исцѣленія. Есть, куда прибѣгнуть всѣмъ сокрушеннымъ сердцемъ; есть, чѣмъ укрѣпить себя всѣмъ изнемогающимъ духомъ; есть, гдѣ найти упокоеніе всѣмъ труждающимся и обремененнымъ; есть, чѣмъ напитать себя всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ правды. Въ сокровищницѣ благодати Божіей, въ св. Церкви Христовой есть неистощимое богатство благъ духовныхъ, которыми восполняется наша скудость и исцѣляется всякая болѣзнь духовная. Мы нечисты и осквернены грѣхами? Отъ престола благодати струится живоносный источникъ божественной крови, яко Агнца непорочна и пречиста Христа, которою омываются всѣ скверны грѣховныя, въ которой душа наша можетъ испраться и убѣлить свои ризы. Мы гладны духомъ? Св. Церковь учредитъ такую трапезу, которая можетъ питать насъ на цѣлую вѣчность. Мы больны душею: — совѣсть страждетъ отъ тяжести грѣховъ; сердце разстерзано болѣзненнымъ сознаниемъ виновности своей предъ Богомъ; воля подавлена насиліемъ страстей и, какъ раба, повинуется похотямъ плоти: не еже бо хочетъ доброе сіе творить, но еже не хочетъ злое, сіе содѣваетъ? Св. Церковь предложитъ такое все исцѣляющее врачество, которое избавляетъ отъ самой смерти духовной, воскрешаетъ мертвыхъ прегрѣшеними, исцѣляетъ самыя застарѣлыя раны и язвы грѣховныя.

Мы унылы и скорбны духомъ? Св. Церковь будетъ утѣшать насъ такими пѣснопѣніями, которыя способны оживить духъ нашъ надеждою на милосердіе Божіе, растворить печаль нашу отраднымъ чувствомъ умиленія, воодушевить насъ упованіемъ спасенія и вѣчной жизни во Христѣ. *Нынѣ ближайшее намъ спасеніе: ношь убо преиде, а день приближися.*

Не будемъ же и мы, брат., хладны и невнимательны къ своему спасенію: *отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта.* Забудемъ все, что доселѣ занимало наши мысли и чувства и отвлекало ихъ отъ того, что едино есть на потребу, что одно болѣе всего драгоценно и нужно намъ по смерти. Отринемъ отъ себя все, что служило соблазномъ и поводомъ ко грѣху, что возбуждало въ насъ нечистые помыслы и чувствованія, что порождало въ насъ грѣховныя желанія и стремленія. Отложимъ на время, даже обычныя дѣла и занятія наши, коль скоро увидимъ, что они отвлекаютъ мысль нашу отъ благоговѣйнаго углубленія въ самихъ себя, раздражаютъ сердце наше чувствами гнѣва и зависти, мечтами честолюбія и корыстолюбія. Предадимъ себя всецѣло водительство св. церкви, и не будемъ пререкать, какъ израильтяне Моисею, ея св. распоряженіямъ и заповѣдямъ. Ей лучше извѣстно, что нужно намъ для избавленія насъ отъ рабства грѣху, для введенія въ обѣтованную землю чистоты и безстрастія, благодатнаго общенія и соединенія съ Богомъ.

Заповѣдуетъ-ли воздержаніе и постъ? Не будемъ нетерпѣливы, подобно дѣтямъ, которые готовы промѣнять все за сласти и лакомства. Такая слабость была бы признакомъ крайняго порабощенія духа нашего плоти. Ибо можетъ-ли противиться страстямъ своимъ, стать до крови противу грѣха и соблазновъ тотъ, кто не можетъ отказать своей плоти въ прихотливомъ ея требованіи извѣстнаго рода пищи? Можетъ-ли терпѣливо и благодушно нести крестъ свой во слѣдъ Господа, кто съ малодушіемъ покоряется своему избалованному вкусу? Вотъ, почему постъ служилъ всегда первою и необходимою ступенью той небожественной лѣствицы, по которой св. мужи восходили на высоту совершенства ду-

ховнаго, равно какъ невоздержаніе послужило въ Эдемѣ первымъ шагомъ къ грѣхопадению и доселѣ служить главнымъ источникомъ грѣховъ нашихъ. Не будемъ притворять себѣ и мнимой немощи. Ибо постъ есть наилучшее врачество, коимъ укрѣпляется ослабленное невоздержаніемъ тѣло; равно какъ невоздержаніе есть источникъ и начало болѣзней самыхъ, жестокихъ и опасныхъ. Не болѣзни и немощи желаетъ намъ св. церковь, заповѣдуя строгій и продолжительный постъ, а истиннаго здравія души и тѣла, рѣшительнаго исцѣленія отъ закоренѣлой болѣзни грѣховной, которая можетъ погубить и тѣло и душу въ гееннѣ огненной.

Потребуешь-ли уставъ церкви продолжительныхъ молитвенныхъ бдѣній, усиленныхъ молитвъ и колѣнопреклоненій? Не будемъ малодушны и нетерпѣливы въ этомъ служеніи Господу, которое есть существенная потребность существъ разумныхъ и богоподобныхъ, высшее утѣшеніе истинныхъ чадъ Божіихъ. Можемъ-ли стать нѣкогда въ ликѣ св. Ангеловъ и духовъ праведниковъ совершенныхъ, неустанно и неумолкаемо славословящихъ Господа, если теперь тяготимся и нѣсколькими часами славословія и благодаренія Господу вмѣстѣ съ братьями нашими? Можетъ-ли съ радостію и любовію принести въ жертву Господу что-либо драгоценное для себя тотъ, кто тяготится принести Ему плодъ устенъ исповѣдающихся имени Его, т. е., одни слова хвалы и благодаренія, не требующія иныхъ жертвъ, кромѣ малаго принужденія лѣнивой своей плоти? Не безплоднаго утомленія тѣла нашего ищетъ св. церковь, заповѣдуя продолжительныя молитвословія, а возбужденія въ насъ ревности ко славѣ Божіей, усердія и готовности служить Ему всею существомъ своимъ, искренняго желанія благоугождать Ему, покоряться Ему и благоговѣть предъ Его величествомъ и славою.

Пустыня поста, брат. мои, суха и безплодна только для внѣшняго человѣка, скучна и безотраднa только для плоти. Но для духа нашего здѣсь — все: и освобожденіе отъ рабства грѣховнаго, и избавленіе отъ належащаго за грѣхи вѣчнаго мученія, и возстановленіе вѣчнаго завѣта Божія съ его обѣтованіями небесными, и духовная магна тѣла и кро-

ви Христовой, питающая духъ нашъ въ животь вѣчный, и предвкусеніе той вѣчной Пасхи, которую избранные Божіи будутъ праздновать на новой землѣ, во царствіи Отца ихъ, во свѣтлостехъ Святыхъ Его. Что бы ни встрѣтило насъ въ этомъ сорокадневномъ постническомъ подвигѣ, все будемъ терпѣть и превозмогать за возлюбившаго насъ Господа, все будемъ побѣждать силою креста Его. Встрѣтится-ль уныніе и скука, душевная тяжесть и скорбь? Вспомнимъ о страданіяхъ Господа, за насъ подъятыхъ, о томъ, какъ Онъ, ради насъ грѣшныхъ, алкалъ и жаждалъ, трудился во дни, поучая невѣдующихъ, исцѣляя болящихъ, обходя грады и веси съ благовѣстіемъ Евангелія, а время ночи посвящалъ молитвѣ ко Отцу Своему, и въ воздаяніе за то терпѣлъ гоненія и поруганія, оплеванія и заушенія, распятіе и крестную смерть. Наведетъ-ли врагъ на душу нашу темные и злые помыслы, нечистыя пожеланія и вождѣнія? Возведемъ умъ нашъ къ распятому за грѣхи наши Господу, и будемъ вопіять къ Нему сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ: *Боже, въ помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися, да постыдятся и посрамятся вси ищущи душу мою!* Встрѣтимъ-ли осужденіе, укоризну и глумленіе со стороны окружающихъ насъ? Будемъ молиться, подобно распятому Господу: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ!*

Постное время свѣтло начнемъ къ подвигамъ духовнымъ себе подложивше. *Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія! Отложимъ убо дѣла темныя, и облечемся во оружія свѣта, яко во дни благообразно да ходимъ.* Аминь.

21. С Л О В О В Т О Р О Е .

*Покаяніа отверзи ми двери,
Жизнодавец! (Церков. пѣснь).*

И вотъ, по милосердію Божію, мы стоимъ уже, братіе, при самыхъ дверехъ покаянія. Нынѣшній вечеръ положить конецъ всякому шуму и тревоженію мірскому, всему, что

заглушало въ насъ голосъ совѣсти, не давало намъ опомниться и придти въ себя, подумать о душѣ своей и о томъ, что ожидаетъ ее въ вѣчности. Завтра мы явимся какъ бы въ другомъ мѣрѣ: все, волновавшее и увлекавшее насъ вихремъ суеты и удовольствій, прекратится и исчезнетъ; все, напротивъ, будетъ призывать насъ къ молитвѣ и покаянію, все будетъ напоминать намъ о нуждѣ примиренія съ правосудіемъ Божиимъ и собственною совѣстію, о готовности предстать предъ судъ Божій. При вступленіи на это св. поприще поста и покаянія, св. Церковь напутствуетъ насъ нынѣ воспоминаніемъ о первомъ грѣхопадении праотца нашего Адама, которымъ начинается вся исторія настоящаго бытія рода человѣческаго на землѣ,—исторія скорбей и печалей, злостраданія и бѣдствій, болѣзней и смерти, которая пишется на поверхности земной развалинами и гробами.

Для чего такое воспоминаніе? Конечно, не для того, чтобы дать намъ поводъ къ роптанію на праотца нашего, которому мы обязаны самымъ бытіемъ своимъ и жизнью; тѣмъ паче не для того, чтобы дать намъ поводъ извинять свои грѣхопадения грѣхомъ прародительскимъ. Правда, Адамъ первый преступилъ заповѣдь Божию и чрезъ то подвергъ не только себя, а и все потомство свое осужденію смерти: но онъ же первый и покаялся, и своимъ покаяніемъ и вѣрою снискалъ и себѣ и потомству своему такую высочайшую милость и благоволеніе Отца Небеснаго, что Онъ *Сына Своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣрующъ въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. Отъ Адама мы наслѣдовали грѣхъ и осужденіе; но отъ него же наслѣдовали вѣру въ Искупителя, и благодать оправданія, и упованіе жизни вѣчной, и обѣтованіе той высочайшей славы, которую воплотившійся для спасенія нашего Сынъ Божій уготовалъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него, искупленнымъ кровію Его человѣкамъ. Въ Адамѣ второмъ—Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, Котораго низвела съ неба вѣра и покаяніе нашего праотца, мы приобрѣли безконечно болѣе, нежели чего лишились въ Адамѣ первомъ. Ибо, если мы нынѣ раждаемся не невинными и чистыми, какимъ явился на свѣтъ нашъ праотецъ, напротивъ, за его грѣхъ—повинными Суду Божию: то за его же

покаяніе вся вина наша заглажена крестною смертію Единороднаго Сына Божія, мы туне оправданы, очищены и освящены Его Святѣйшею кровію, и *ни едино нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Исусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу*. Если мы, въ самомъ рожденіи своемъ, наслѣдовали отъ Адама грѣховную наклонность къ злomu: то за его же вѣру намъ подается туне Божественная благодать и *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію*; за его же покаяніе и намъ открытъ путь покаянія и оправданія отъ грѣховъ нашихъ. Если за грѣхъ Адамовъ мы лишились чести умаленныхъ малымъ чимъ отъ Ангеловъ: то за его же вѣру и покаяніе намъ даруется право быть чадами Божиими, братіями единороднаго Сына Божія, и самое человѣческое естество наше нынѣ прославлено и превознесено, въ лицѣ Господа Исуса Христа, превыше всякаго чина Ангельскаго, и съдѣитъ одесную Бога Отца. Если за преступленіе Адама мы лишились счастья питаться плодами древа жизни: то за его же покаяніе Искупитель нашъ, единородный Сынъ Божій питаетъ насъ Своимъ Божественнымъ тѣломъ и кровію, этимъ истиннымъ хлѣбомъ жизни, *сходящимъ съ небеси и дарующимъ животъ вѣчный*. Если о Адамѣ первомъ мы умираемъ тѣлесною смертію: то второй Адамъ — Господь съ небеси — даруетъ намъ воскресеніе и жизнь вѣчную, такъ что *и тлѣнное сіе тѣло наше облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, и самая смерть пожертва будетъ животомъ*.

Нѣтъ, не для богохульнаго ропота и не для лживаго извиненія грѣховъ нашихъ напоминаетъ намъ св. Церковь о паденіи нашего праотца, но для того, чтобы изъ примѣра его мы познали всю тяжесть грѣха и его пагубныя послѣдствія, научились убогаты невоздержанія, какъ начала и источника грѣховъ, и обратились къ покаянію, какъ единственному средству избавленія отъ гнѣва и суда Божія.

Что сдѣлалъ Адамъ? Чѣмъ заслужилъ такой страшный гнѣвъ Божій, котораго послѣдствія простерлись на всю вѣчность? Онъ преступилъ заповѣдь Божию, вкусилъ отъ плода древа, отъ котораго одинаго заповѣдано было ему *не ясти*. И такъ одно только прегрѣшеніе, преступленіе одной только

заповѣди Божіей подвергло не только самого преступника, но и все потомство его вѣчному отверженію отъ лица Божія, вѣчному осужденію и проклятію. Такова, брат., страшная сила грѣха! Какъ самовольное преступленіе воли Божіей, грѣхъ есть возмущеніе и возстаніе ничтожной твари противъ Бога — Творца и Вседержителя, Коего вседержавной волѣ повинуются небо и земля и преисподняя, Которому съ трепетомъ служатъ всѣ силы небесныя, Котораго трепещутъ самыя духи злобы; — есть дерзкое отреченіе отъ высочайшей власти Бога—Царя всемогущаго, *въ руку Коего дыханіе и жизнь съсѣхъ живущихъ, имущаго власть погубити и тѣло и душу нашу въ гееннѣ огненной*; — есть наглое оскорбленіе Святѣйшаго святыхъ, предъ лицомъ Коего нетерпимо всякое беззаконіе,— Отца всеблагаго, Который одарилъ человѣка всѣми дарами Своей благодати; — есть нарушеніе и попраніе того высочайшаго закона, исполненіемъ котораго держится въ бытіи и стройномъ чинѣ своемъ вся вселенная; — есть ниспроверженіе и разрушеніе того богоучрежденнаго порядка, которымъ охраняется блаженный миръ и покой вѣчнаго царства Божія и который не иначе можетъ быть возстановленъ, какъ полнымъ проявленіемъ правосудія Божія надъ преступленіемъ и преступникомъ. Таковъ былъ грѣхъ Адамовъ, и за него достойно и праведно онъ былъ отринутъ отъ лица Божія, изгнанъ изъ рая сладости, осужденъ на смерть и вѣчныя мученія по смерти. Но несравненно тяжелѣе, брат., наши грѣхопаденія. Намъ теперь болѣе, нежели первому человѣку, извѣстны и вся пагубная сила грѣха и всѣ пагубныя его послѣдствія; ибо мы видѣли многочисленные примѣры страшныхъ казней, въ которыхъ проявляло себя Правосудіе Божіе надъ грѣшниками. Сверхъ того, намъ открыто въ Словѣ Божіемъ все, что сдѣлано Богомъ для спасенія нашего, все, что требуется въ слѣдствіе того отъ насъ, и все, что ожидаетъ насъ въ вѣчности. Намъ болѣе, нежели Адаму, преподано благодатныхъ средствъ къ тому, чтобы мы могли преодолѣвать соблазны, побѣждать искушенія, избѣгать грѣхопаденій и исполнять Божественныя заповѣди. Но, что важнѣе всего, намъ дано видѣть, въ лицѣ Бога, не только Творца своего и Вседер-

жителя, но и Отца любвеобильнѣйшаго, Который для спасенія нашего не пощадилъ Единороднаго Сына Своего, но за насъ всѣхъ предалъ Его на страданія и крестную смерть, Который усыновилъ насъ Себѣ во имя пострадавшаго за насъ Сына Своего, облекъ насъ въ одежду чистоты и непорочности въ таинствѣ св. крещенія, даровалъ намъ сокровище благодати всесвятаго Духа Своего и сдѣлалъ насъ наследниками вѣчнаго Своего царства. Что же дѣлаетъ теперь христіанинъ, когда сознательно и самовольно преступаетъ заповѣди Божіи? Онъ предъ лицомъ самаго Небеснаго Отца своего дерзко отрекается Его отеческой воли и власти надъ собою, пренебрегаетъ отеческую любовь Его, презираетъ неизреченныя благодѣянія Его, ругается всесильной благодати Его, попираетъ святѣйшую кровь Сына Божія, ни во что вмѣняетъ крестныя страданія и смерть, которыя Онъ претерпѣлъ за грѣхи наши. Какой геенны достаточно будетъ для возмездія такому презрителю Величія Божія? Какіхъ мученій ада довольно будетъ для отмщенія за такое оскорбленіе безконечной Любви Божіей? *Достойно изъ Эдема изгнанъ бысть, не сохранивъ едину Твою, Спасе, заповѣдь, Адамъ: азъ же что пострадажду, отменяя всегда живоносная Твоя словеса?* Такъ молился одинъ великій и святой мужъ. Посему-то, брат. мои, намъ должно вѣчно благодарить Любовь Божію, которая, ради крестныхъ страданій Искупителя нашего, щадитъ насъ согрѣшающихъ, не поражаетъ тотчасъ гнѣвомъ своимъ преступниковъ святѣйшей воли своей, долготерпѣливо ожидаетъ нашего обращенія и покаянія. Намъ должно съ благодареніемъ вспоминать и о нашемъ праотцѣ, который своей вѣрою и покаяніемъ заслужилъ всему потомству своему эту неизлаголанную милость Божію; должно пользоваться его примѣромъ къ уврачеванію душъ своихъ вѣрою и покаяніемъ.

Отъ чего произошелъ грѣхъ первыхъ людей? Отъ невоздержанія, отъ необузданія похоти, возродившейся при видѣ запрещеннаго плода: *и видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и угодно очима видѣти, и красно есть, еже разумѣти: и вземши отъ плода его, яде: и даде мужу своему, и ядоста.* Точно также происходятъ, брат., и наши

грѣхопаденія отъ невоздержанія и необузданія похоти: *кійждо искушается отъ своя похоти влекоу и прельщаемъ*, говоритъ св. апостоль: *таже похоть, зачениши, раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣланъ раждаетъ смерть*. Не удержишь очей? И возбуждаящая похоть очесъ породить зависть и любостяжаніе, увлечетъ къ неправдамъ и обидамъ ближняго, къ жестокосердію и безчеловѣчю. Не укротишь плоти? И возбуждаящая похоть плотская вовлечетъ въ сладострастіе и любострастіе; во всякую нечистоту и скверну. Не обуздаешь самолюбія? И обуявшая сердце гордость житейская увлечетъ въ происки честолюбія, разродится пустымъ тщеславіемъ, презрѣніемъ ближнихъ, оскорбленіемъ смиренной добродѣтели, пренебреженіемъ скромнаго достоинства и заслугъ. Не удержишь языка? И сдѣлаешься пустословомъ и злословомъ, пересудливымъ и досадителемъ, клеветникомъ и обидчикомъ, кощуномъ и хульникомъ. Не оградишь слуха отъ бесѣдъ праздныхъ и душевредныхъ? И душа твоя наполнится множествомъ помысловъ суетныхъ и вреждающихъ, сердце уязвится слышаніемъ рѣчей безстыдныхъ, злостныхъ и язвительныхъ, воображеніе наполнится множествомъ образовъ нечистыхъ и соблазнительныхъ. Не обуздаешь своего прихотливаго вкуса? И сдѣлаешься сластолюбомъ, готовымъ, подобно Исаву, продать свое духовное первородство — чистоту и непорочность сердца — за лакомую пищу и питіе; сердце твое отягчится объяденіемъ и пьянствомъ, такъ что и не почувствуешь, какъ придетъ внезапно всегубительство. Вотъ, почему св. Церковь, чтобы привести насъ къ покаянію, заповѣдуетъ постъ и строгое воздержаніе во всемъ, какъ первое и самое надежное средство противъ грѣха, называя его матерію цѣломудрія, обличителемъ грѣховъ, проповѣдниковъ покаянія, жительствомъ ангеловъ и спасеніемъ человѣковъ.

Какая, скажешь, важность въ употребленіи той или другой пищи? Что пользы въ насиліи своей природѣ? Развѣ нельзя быть добродѣтельнымъ и безъ поста? Важность, конечно, не въ самой пищѣ, хотя, по замѣчанію естествоиспытателей, и отъ рода пищи зависитъ усиленіе иль ослабленіе плотскихъ похотей и страстей;—важность — въ по-

кореніи воли своей волѣ Божіей и уставу Церковному, въ обузданіи плоти и покореніи ея духу, въ подчиненіи самыхъ естественныхъ потребностей тѣлесныхъ разуму и закону Божию, какъ прилично существу разумному;— важность въ томъ, чтобы не сдѣлаться рабомъ своего чрева, не приложиться скотомъ несмысленнымъ и не уподобиться имъ;— важность въ томъ, чтобы воздержаніемъ въ пищѣ положить начало къ обузданію и всѣхъ похотей и страстей. Первый признакъ душевнаго здравія есть самообладаніе, покореніе всѣхъ желаній свсихъ разуму и совѣсти, подчиненіе своей воли и всей жизни своей закону Божию и водительству св. Церкви, которой ввѣрено руководство ко спасенію душъ нашихъ. Никакія самочинныя добродѣтели, никакія самовольныя жертвы не замѣняютъ первой и главной добродѣтели— покоренія воли своей волѣ Божіей, послушанія Церкви Христовой, которую Господь заповѣдалъ слушать, какъ Самого Себя: *еда угодны Богу всесожженія и жертвы, якоже послушаніе гласа Господня?* говорилъ пророкъ Самуиль Саулу, преступившему его заповѣдь и хотѣвшему загладить свое преступленіе множествомъ жертвъ. *Се послушаніе паче жертвы благи, и покореніе паче тука овня: якоже бо грѣхъ есть чарованіе, тако противленіе, и якоже грѣхъ есть идолослуженіе, тако непокореніе.* Примемъ же съ сыновнимъ послушаніемъ и усердіемъ св. заповѣдь о постѣ: *постное время светло начнемъ, къ подвигомъ духовнымъ подложивше; очистимъ душу, очистимъ плоть.* Будемъ помнить, что несоблюденіе заповѣди поста и воздержанія изгнало насъ — въ лицѣ праотцевъ нашихъ— изъ рая, подвергло бѣдствіямъ и страданіямъ въ настоящей жизни, болѣзненной и лютой смерти и вѣчному осужденію по смерти.

Что дѣлалъ Адамъ послѣ своего грѣхонаденія? Изринутый изъ рая сладости за преслушаніе, онъ не хотѣлъ удалиться отъ предѣловъ его, и *сѣде прямо рая*,— чтобы этою близостию къ первому, блаженному жилищу своему непрестанно напоминать себѣ и о потерянномъ блаженствѣ, и о настоящемъ состояніи проклятія, и о своемъ согрѣшеніи предъ Богомъ, и о Божіемъ всемилостивомъ обѣтованіи спасенія, и о Богѣ карающемъ грѣхъ, и о Господѣ милующемъ и спа-

сающемъ грѣшника, — чтобы, такимъ образомъ, духъ покаянія, возбужденный первою казнію правосудія Божія, не угасалъ никогда и избавилъ его отъ казни грядущей, вѣчной. Однажды согрѣшилъ онъ, но девятьсотъ лѣтъ каялся и плакалъ о грѣхѣ своемъ предъ заключенными вратами рая. Тѣмъ болѣе нужно плакать и каяться намъ, брат., чѣмъ многочисленнѣе и тяжелѣе наши прегрѣшенія, въ сравненіи съ грѣхомъ Адамовымъ. Будемъ же взирать не на грѣхопаденіе праотца нашего — въ ложное оправданіе своихъ грѣховъ, а на его покаяніе — въ обличеніе нашего легкомыслія и безнечности: послѣдуемъ примѣру его глубокаго сокрушенія и горькаго плача о грѣхахъ своихъ. *Милостиве Господи, помилуй мя падшаго!* Вотъ молитва, которую завѣщалъ намъ въ наслѣдіе первый нашъ праотецъ! И эта краткая молитва, если она исходитъ отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, отъ души истинно кающейся предъ Богомъ, такъ сильна предъ милосердіемъ Божиимъ, что могла бы и самаго духа злобы преобразить паки въ ангела свѣтла, если бы истинная гордыня его могла смириться до истиннаго покаянія, до осужденія себя и сокрушенія предъ Богомъ. Сею-то святою молитвою будемъ молиться и мы, подъ руководствомъ св. Церкви, въ наступающіе святыя дни покаянія. Отъ умиленной души и сердца сокрушеннаго будемъ вопіять ко Господу: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Яви челоуѣколюбіе Твое и ко мнѣ падшему, не отринь отъ лица Твоего и мене окаяннаго; отверзи двери милосердія Твоего и мнѣ осужденному, взыщи благоутробіемъ Твоимъ и мене погибшаго; омой пречистою кровію едиnorodнаго Сына Твоего и мою оскверненную душу, очисти и освяти благодатію всесвятаго Духа Твоего и мое растлѣнное грѣхами сердце, оживотвори живоносою силою Твоею и мене мертваго прегрѣшенни и истлѣвшаго въ беззаконіяхъ! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавец!* Амѣнь.

22. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е .

*Постное время свѣтло начнемъ,
къ подвигамъ духовнымъ себе подло-
живше. (Стихира на Вечерни въ
Недѣлю Сырную).*

По милосердію Божію, мы вступаемъ уже, брат., на поприще святыхъ и спасительныхъ дней поста и покаянія. Нынѣшній вечеръ положитъ конецъ всякому шуму и тревоженію мірскому, всѣмъ увлеченіямъ и соблазнамъ, въ которыхъ влялись доселѣ души, искупленныя и освященныя кровію Христовою. Заутра, если Господь дастъ намъ увидѣть это утро, мы явимся какъ бы въ другомъ мірѣ. Все волновавшее, все увлекавшее насъ вихремъ пустыхъ удовольствій и забавъ, шумомъ суетныхъ заботъ и попеченій умолкнетъ и прекратится; все, напротивъ, будетъ призывать насъ къ молитвѣ и покаянію, все будетъ напоминать намъ о необходимости примиренія нашего съ Богомъ и своею совѣстію, умиловленія Правосудія Божія, обращенія отъ грѣха къ Богу всѣмъ сердцемъ и всею мыслию. Не будемъ же и мы хладны и безчувственны къ сему дѣлу милосердія и долготерпѣнія Божія о насъ грѣшныхъ. Давно, можетъ быть, гнѣвъ Божій потребилъ бы насъ отъ среды живыхъ, какъ достойныхъ конечнаго осужденія и отверженія отъ лица Божія; но неисповѣдимое долготерпѣніе Его еще милуетъ и щадитъ насъ, еще отверзаетъ намъ объятія отеческой любви своей, милостиво и долготерпѣливо ожидая нашего обращенія и покаянія. Возблагодаримъ Господа, даровавшаго намъ, по милосердію Своему, достигнуть этихъ святыхъ и спасительныхъ дней покаянія, подающаго намъ и время и средства омыть и очистить свою совѣсть слезами покаянія, примириться съ Правосудіемъ Божіимъ исповѣданіемъ грѣховъ своихъ и сокрушеніемъ сердечнымъ, оживотворить умершую во грѣхахъ душу свою причащеніемъ животворящаго тѣла и крови Христовой. Не будемъ произвольно уклоняться отъ тѣснаго пути постническаго, которымъ поведетъ насъ св. Церковь изъ области соблазновъ и грѣха въ область добро-

дѣтели и святыни, а высоту чистоты и богоподобія. Не будемъ сами затворять предъ собою отверзающіяся нынѣ двери покаянія, напротивъ, охотно и радостно, благодаря и прославляя Господа, войдемъ въ нихъ бодренно, и будемъ проходить святые дни поста усердно и благоговѣнно. *Постное время светло начнемъ, къ подвигамъ духовнымъ себе подложимъ.*

Чѣмъ и какъ лучше всего начать этотъ великій духовный подвигъ? Св. Церковь напутствуетъ насъ на святое поприще поста и покаянія Евангельскою заповѣдью о примиреніи со всѣми братьями нашими во Христѣ, объ отпущеніи и прощеніи имъ всѣхъ согрѣшеній ихъ предъ нами: *еще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный*, говоритъ Самъ Господь въ чтенномъ нынѣ Евангеліи: *еще-ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Это первое, главное и необходимое условіе примиренія нашего съ Богомъ, очищенія и оправданія отъ грѣховъ. Безъ этого всесердечнаго примиренія со всѣми, безъ этого погашенія взаимныхъ огорченій и вражды между собою нельзя приступать къ Господу, нельзя и начинать св. поприща поста и покаянія. Почему? Потому, во первыхъ, что Самъ Господь Богъ нашъ есть Богъ мира: *нѣтъ бо нестроенія Богъ, но мира*, говоритъ Апостолъ. Какъ же явиться предъ лице Его тому, у кого въ сердцѣ таится вражда и злоба, а нѣтъ мира, любви и святыни со всѣми? *Миръ имѣйте и святынню со всѣми*, учитъ св. Апостолъ, *иначе кромъ никто же узритъ Бога.* Потому, во вторыхъ, что царство Божіе—свѣтлое общество сыновъ Божіихъ, святое семейство Отца Небеснаго, есть царство мира, любви и единокліиства, царство благодати, милосердія, кротости, смиренія и долготерпѣнія: можетъ-ли принадлежать къ нему тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ своемъ огорченіе, досаду и злопамятство на брата своего, кто не имѣетъ единокліиства и мира съ своими ближними — сонаслѣдниками сего царства? Потому, далѣе, что миръ царства Божія, нарушенный грѣхопаденіемъ и происшедшею отъ того враждою и раздѣленіемъ, возобновленъ въ человѣчествѣ цѣною крови единокліиственнаго Сына

Божія: яко *Тьма* благоизволи Богъ примирити вслчская въ Себѣ, умиротворивъ кровію креста Его, чрезъ Него, *ище* земная, *ище-ли* небесная. Итакъ, враждующій съ братомъ своимъ во Христѣ не возстае-ли противъ Самого Главы царства Божія — Господа Иисуса Христа? Не разрушае-ли дѣло спасенія, совершенное Сыномъ Божиимъ? Не исключаетъ-ли самого себя изъ числа примиренныхъ съ Богомъ и спасаемыхъ? Потому еще, что миръ есть высшее благо, которое Господь Иисусъ Христосъ завѣщаль, какъ драгоценное наслѣдіе, ученикамъ, отходя отъ нихъ на страданія: *миръ оставляю вамъ. миръ Мой даю вамъ*; — есть высшее счастье, которымъ Онъ первѣе всего привѣтствовалъ друзей Своихъ, по воскресеніи, *ставъ посреди ихъ и глагола имъ: миръ вамъ*. Кто лишаетъ себя сего духовнаго сокровища враждою и злопамятствомъ къ собратіямъ своимъ: тотъ лишаетъ себя и того вѣчнаго наслѣдія царствія Божія, которое завѣщаль Господь истиннымъ ученикамъ своимъ. Потому, наконецъ, что миръ есть благодатный плодъ Духа Святаго, что присутствіе или отсутствіе его въ сердцѣ человѣка есть существенный признакъ того, обитаетъ-ли въ немъ Духъ Божій, или духъ лукавый, который, по самому существу своему, есть духъ вражды и злобы: гдѣ же мѣсто человѣку, питающему въ себѣ злобу, ненависть и недоброжелательство къ брату своему, какъ не съ духами отверженными?

Очевидно, брат. мой, что безъ искреннаго, всесердечнаго примиренія нашего со всѣми братіями нашими во Христѣ, отвергающагося намъ поприще св. Поста, со всѣми благодатными его сокровищами, пройдетъ для насъ бесплодно, хотя бь мы и старались провести его согласно Церковному Уставу.

Будемъ-ли смирять плоть свою постомъ и воздержаніемъ отъ запрещенныхъ яствъ? Но слышите ль, какъ учитъ поститься св. Церковь? *Постящися, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ, разрывимъ всякій союзъ неправды, расторгнемъ стропотная нужныхъ измѣненій: истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія, сихъ отчужденіе постъ истин-*

ный есть и богоприятный. Иначе, что пользы въ постѣ, когда воздерживаются отъ какой-либо снѣди, а своимъ гнѣвомъ и строптивостію изъядаютъ души и сердца своихъ ближнихъ, когда боятся осквернить уста свои какою-либо снѣдію, а не боятся того, что изъ этихъ устъ продолжаютъ исходить, какъ смрадный дымъ изъ печи, слова осужденія, клеветы и злословія, брань и свары, насмѣшки горькія и уязвляющія, намеки, полныя соблазна и заразы душевной? *Не такового поста Азъ избрахъ,* говоритъ Господь, *по разрышай всякъ союзъ неправы, отымите лукавства отъ дуиъ вашихъ, престаните отъ лукавствъ вашихъ, научитесь добро творити.* Никакой не только постъ, а и мученическій подвигъ не замѣнитъ недостатка истинной любви къ ближнему, — той святой любви, которая *долго-терпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не раздражается, не мыслитъ зла, но вся любитъ и вся терпитъ. Аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е,* говоритъ св. Апостоль, *любве же не имамъ, никака же польза ми есть. Не любяи брата своего во тѣмъ есть и во тѣмъ ходитъ, и не вѣсть, камо идетъ, яко тѣма ослѣпи ему очи.*

Будемъ ли приходить въ храмъ Господень на молитву? Но слышите-ль, что говоритъ Господь? *Егда стѣтете мѣлаетесь, отпущайте отъ сердецъ вашихъ, аще что имате на кого.* Иначе, что пользы въ молитвѣ, когда тѣмъ же устами, которыми прославляютъ Господа, проклинаютъ своего брата; когда называютъ Бога Отцемъ своимъ, а ненавидятъ, злословятъ, злопамятствуютъ на тѣхъ, которыхъ Самъ Отецъ Небесный нарекъ Своими чадами, которыхъ единопородный Сынъ Божій именуетъ Своими братіями? Что пользы въ молитвѣ, когда, по вѣшности, смиряютъ себя, называя послѣдними изъ грѣшниковъ, а внутренно говорятъ, подобно Фарисею: *тѣмъ якоже прочіи челоуцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь;* когда устами повторяютъ молитву святаго мужа: *даждь ми, Господи, зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего,* а на дѣлѣ ставятъ себя неумолимымъ судіею всѣхъ и всего, замѣчаютъ всякій сучецъ въ очесн брата своего,

не замѣчая въ своемъ и цѣлаго бревна. О такихъ молитвенникахъ Господь давно уже изрекъ чрезъ Пророка праведный судъ Свой: *приближаются Мнѣ люди сіи усты своими и устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же чтутъ Мя усты своими. Не всякъ, глаголюй Ми: Господи, Господи, увидетъ въ царствіе небесное, но творай волю Отца Моего, иже на небесахъ.*

Явимся-ли предъ престоломъ Божиимъ съ покаяніемъ для испрошенія себѣ прощенія грѣховъ? Но слышите-ль, что говоритъ Господь? *Аще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, стпуститъ и самъ Отецъ вашъ Небесный согрѣшенія ваша; аще ли не отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ.* Ибо, что пользы въ покаяніи, когда въ храмѣ падаютъ на землю, прося прощенія грѣховъ своихъ, а вышедъ изъ храма, готовы преслѣдовать клеветы своего, *дондеже воздастъ послѣдній кодратъ*; когда устами приносятъ покаяніе, а въ сердцѣ скрываютъ злобу и мщеніе; когда просятъ прощенія у Господа, не смиривъ своей гордости, не поправъ своего самолюбія и тщеславія, не испросивъ прощенія у оскорбленнаго брата своего. Кто хочеть, чтобы раскаяніе его было принято, какъ жертва благоприятная, чтобы за покаяніемъ его послѣдовало прощеніе грѣховъ отъ Господа, тотъ долженъ не только простить отъ всего сердца оскорбившему его — простить такъ, чтобы не оставалось и памяти о прошедшемъ: но — постараться расположить, если можно, и враждующаго съ нимъ къ подобному же прощенію, сдѣлать его изъ врага — своимъ братомъ, изъ враждебнаго — единокорнымъ и единомысленнымъ съ собою. Безъ этого, сколько бы ни говорилъ намъ духовный отецъ нашъ: прощается и разрѣшается, — связанный враждою духъ нашъ не разрѣшится отъ узъ своихъ, не отпущающему согрѣшеній брату своему не отпуститъ и Отецъ Небесный согрѣшенія его. Какую бы жертву ни обѣщали мы принести Господу, она не будетъ принята отъ враждующаго съ братомъ своимъ. *Милости хочу, а не жертвы*, говоритъ Господь. *Аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой*

имать нѣчто на тя; остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ, принеси даръ твой.

Дерзнемъ-ли, наконецъ, приступить къ таинственной Вечери, приобщиться тѣла и крови Христовой? Но эта Божественная Вечера есть по преимуществу Вечера любви, памятникъ высочайшей любви къ намъ едиnorodнаго Сына Божія. Это божественное тѣло и кровь пострадавшаго за насъ Сына Божія есть жертва примиренія нашего. *Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоа едино, и средостѣние ограды разоривый, — да примиритъ всѣхъ во единомъ тѣлѣ Божови крестомъ, убивъ вражду на немъ.* Причащаясь Его животворящаго тѣла и крови, мы становимся членами Христовыми, *отъ плоти Его и отъ костей Его*, стѣлесными и соестественными другъ другу, какъ члены одного тѣла Христова. Приступать къ этой Вечери любви безъ истинной любви другъ къ другу, безъ мира и единокровія со всѣми братіями во Христѣ, не значить-ли презирать святѣйшее таинство и оскорблять высочайшую любовь Божію? Причащаясь Пречистаго тѣла и крови Сына Божія съ враждою къ тѣмъ, которыхъ Онъ именуетъ Своими братіями и членами тѣла Своего, имѣя духа злобы, ненависти и любомщенія въ сердцѣ своемъ, не значить-ли попирать и ни во что вмѣнять и кровь Господа? Давать цѣлованіе мира братіямъ своимъ, сопричастникамъ Господней Вечери, по обычаю церковному, и въ тоже время таить вражду къ кому-либо изъ нихъ, не простить имъ отъ всего сердца согрѣшеній ихъ, не значить-ли давать лобзаніе Іудино, осквернять свою нечистотою и злобою святое общество Христово? *Едино тѣло, единъ духъ есмь; — да не будетъ убо распри въ тѣлеси. Тѣмже убо миръ возлюбимъ, и яже къ созидацію другъ ко другу: братолюбіемъ другъ ко другу любезни, честію другъ друга больша творяще, ниединому же зла за зло воздающе, промышляюще же добрая ко всѣмъ.* Таковы должны быть сопричастники единаго тѣла Христова, чада единаго Отца Небеснаго.

Благочестивые предки наши завѣщали намъ добрый, истинно Христіанскій обычай—въ настоящіе предпостные дни испра-

шивать прощеніе и взаимно прощатьъ всѣхъ, къ кому мы имѣемъ какое-либо отношеніе въ жизни, съ кѣмъ, волею или неволею, можемъ приходиться въ какое-либо столкнове-ніе, досаду и огорченіе. Да не будетъ же это взаимное прощеніе однимъ празднымъ обычаемъ! Да изрекутъ не одни уста, а преимущественно сердце наше полное, всесовершенное прощеніе не только оскорбившимъ насъ чѣмъ-либо, но и всѣмъ ненавидящимъ и обидящимъ насъ, всѣмъ осуждающимъ и оклеветающимъ насъ, всѣмъ творящимъ намъ всякое зло. Не постыдимся истинно-христіанскимъ смиреніемъ преклонить къ примиренію и тѣхъ, которыхъ сами, по навѣту діавола, имѣли несчастіе оскорбить словомъ или дѣломъ. *Аще возможно, еже отъ васъ, со всеми челоуьки миръ имѣйте, и Богъ мира будетъ съ вами.* Аминь.

У. Первая седмица Великаго поста.

23. С Л О В О — В Ъ С Р Е Д У .

Глаголю ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися. (Ис. 43, 26).

О чемъ молились мы въ мимошедшіе дни приготовленія къ св. посту, чего просили у Господа, какъ дара и благодѣлія, то самое и подастъ намъ любовь Божія. Предъ нами отверзаются двери покаянія; намъ открывается престольъ благодати, гдѣ ожидаетъ насъ не осужденіе, а прощеніе и помилованіе; намъ уготовляется таинственная вечеря Божественнаго тѣла и крови Сына Божія, а въ нихъ истинная жизнь и спасеніе.

Многіе изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нами проводили минувшую св. четыредесятницу, ища оправданія и спасенія въ св. таинствахъ, теперь пріяли уже или оправданіе, или осужденіе отъ устъ самого Господа на всю вѣчность. Для нихъ нѣтъ уже покаянія, кончилось время долготерпѣнія, затворились двери милосердія. Что заслужили здѣсь по дѣламъ своимъ, то и пріяли теперь отъ мздовоздаятеля Христа,—

съ тѣмъ и явятся на страшномъ судѣ Его, съ тѣмъ и останутся на всю вѣчность.

Что теперь съ ними, то могло быть и съ каждымъ изъ насъ. Правосудіе Божіе давно могло бы совершенно отвергнуть нынѣшнее покаяніе наше; могло бы сказать намъ: столько разъ вы приносили покаяніе и получали прощеніе; общали исправленіе и, не смотри на то, не преставали оскорблять Меня новыми грѣхами: не должно ли и Мнѣ уже не миловать рабовъ строптивыхъ и лукавыхъ, а вооружиться на нихъ судомъ и казнію? Но не такъ судило о насъ безконечное милосердіе и любовь Божія: еще являетъ намъ Господь Свою милость и долготерпѣніе, еще приѣмлетъ покаяніе наше и общаетъ прощеніе. Чувствуешь-ли это, душа грѣшная? Сознаешь-ли, что по дѣламъ твоимъ ты давно достойна, можетъ быть, ада, а тебѣ паки отверзають рай и царство? *Влуди зубо, душе мол; не сномъ стяготися, да не смерти предана будеши!* Кто можетъ сказать тебѣ, что настоящая св. четыредесятница не будетъ для тебя послѣднею, что нынѣшнее покаяніе, къ которому призываетъ тебя Господь, не будетъ покаяніемъ предсмертнымъ?

Какое важное, драгоцѣнное для души нашей время! Какое неоцѣненное сокровище подается намъ туне милосердіемъ Господа Искушителя нашего! Теперь приди токмо и исповѣдуй грѣхи свои и примешь оправданіе: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися.* Что-жъ можетъ быть блаженнѣе участи тѣхъ, *ихже оставишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси*, которые живутъ подъ покровомъ милости Божіей, имѣють дерзновеніе вопіять къ Отцу Небесному во всякой нуждѣ и обстояніи, которымъ свѣтитъ лучъ надежды вѣчной жизни со Христомъ? Что, напротивъ, злосчастнѣе участи человѣка, пребывающаго во грѣхахъ, лишеннаго милости Божіей и покрова небеснаго, отчужденнаго отъ жизни Божіей и завѣтовъ обѣтованія, преданнаго власти діавола и заживо уловленнаго въ свою его волю? Если теперь не такъ замѣтно это различіе, по крайней мѣрѣ по внѣшности, за то съ какою ужасающею силою откроется оно тогда, когда снимется земной покровъ съ дѣяній человѣческихъ, когда рѣшится окончательно судьба праведныхъ.

и грѣшныхъ на всю вѣчность! Какъ стерпитъ несчастный грѣшникъ страшный приговоръ Судіи неба и земли: *отъиди-те отъ Мене проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его?* Какою, напротивъ, радостію возрадуются тѣ, кои услышатъ изъ устъ Судіи міра: *приидите, благословеніи Отца Моего, насладитесь уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра!* — И все средство избѣжать злой участи первыхъ и насладиться блаженство послѣднихъ состоитъ въ томъ, чтобы свободно, по внутреннему сознанию тяжести грѣховной, по искреннему сердечному желанію жизни вѣчной, исповѣдать грѣхи свои здѣсь, предъ служителемъ Христовымъ. *Аще бо исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣрнѣесть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша.*

Нужно-ли, послѣ сего, убѣждать грѣшниковъ къ исповѣданію грѣховъ своихъ? И не должно-ли удивляться по истинѣ, почему мало и рѣдко, въ урочное только время мы пользуемся симъ Богодарованнымъ средствомъ, тогда какъ согрѣшаемъ многаяжды и ежечасно? Можно-ли не трепетать при мысли, что, пренебрегая сей величайшій даръ любви Божіей, мы сами предаемъ себя всей строгости правосудія Божественнаго, которое готово ежеминутно предать насъ участи раба неключимаго, исторгнуть душу нашу и предать гееннѣ огненной; что, закоснѣвая во грѣхахъ, мы сами предаемъ душу свою страшной власти діавола и одной съ нимъ участи на всю вѣчность?

Итакъ, если дорого намъ спасеніе души нашей, если драгоценна для насъ вѣчная судьба наша, не будемъ легкомысленно, подобно дѣтямъ, переходить день за день настоящее время покаянія; воспользуемся тѣми средствами къ очищенію грѣховъ своихъ, которыя нынѣ такъ любвеобильно предлагаетъ намъ благодать Божія. Постигнетъ часъ смерти, настанетъ день суда Божія; тогда будемъ окаевать жизнь свою, но безъ надежды помилованія; возжелаемъ возвратить хотя часъ, хотя минуту настоящаго времени долготерпѣнія Божія, но оно уйдетъ безвозвратно, предъ нами заключится чертогъ царствія Божія на всю вѣчность. О, какъ ужасно будетъ помыслить среди вѣчныхъ мученій, что столько драгоценнаго времени, котораго одинъ часъ могъ испустить намъ

цѣлую вѣчность блаженства, потеряно нашею безпечностію невозвратно; столько средствъ къ освященію и спасенію нашему пренебрежено и отвергнуто. Не отлагая день отъ дня, принесемъ нынѣ предъ лице Божіе исповѣданіе грѣховъ своихъ. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишиися.*

Принесемъ исповѣданіе полное и совершенное, не скрывая ничего отъ постыднаго дѣйствія до безумнаго слова, до нечистаго помысла, до преступнаго желанія; раскроемъ предъ Богомъ всю душу и сердце, всѣ тайны страстей и грѣховныхъ вожделѣній. Сердцевѣдецъ видѣлъ всѣ беззаконія наши еще тогда, когда зачались онѣ въ тайныхъ помышленіяхъ сердца нашего. Вездѣсущій былъ съ нами и тогда, когда мы, сокрывшись отъ взора человѣческаго, и почитая себя невидимыми ни для кого, безразсудное мыслили, безстудное дѣлали. Предъ Нимъ-ли думаемъ укрыть наши грѣхи? Теперь Онъ долготерпѣливо ожидаетъ, пока мы сами добровольно возгнушаемся нечистотою своею, исповѣдаемъ предъ Нимъ беззаконія свои, откроемъ и обнажимъ язвы совѣсти своей, но придетъ день суда, когда Онъ Самъ обнаружитъ всѣ студныя дѣла наши предъ всѣмъ соборомъ ангеловъ и человѣковъ.

Принесемъ исповѣданіе искреннее и чистосердечное, не скрывая побужденій къ беззаконіямъ, которыя таятся въ развращеніи сердца, въ тайной любви ко грѣху, въ услажденіи сердца грѣховными вожделѣніями и чувствами, не изыскивая ложныхъ извиненій во грѣхахъ своихъ, тѣмъ паче не обвиняя другихъ вмѣсто самихъ себя. Мы приходимъ сюда врачевать свои язвы, а не скрывать ихъ отъ врача, исповѣдать свои грѣхи, а не осуждать другихъ, чтобы вмѣсто прощенія, не наслѣдовать сугубаго и неразрѣшимаго осужденія. Судъ Божій, брат. мои, тѣмъ и различается отъ судовъ человѣческихъ, что на немъ оправдывается тотъ, кто болѣе обвиняетъ самого себя, очищается тотъ, кто искренне открываетъ нечистоту свою. И предъ кѣмъ намъ извинять себя? Предъ служителемъ алтаря? Но онъ токмо свидѣтель исповѣданія нашего, и самъ изъ числа грѣшниковъ, ищущихъ оправданія и спасенія въ единомъ Господѣ и Спасителѣ. Для того-то Господь и предалъ власть отпущать

грѣхн не ангеламъ святымъ и безстрастнымъ, а подобострастнымъ намъ человѣкамъ, которымъ извѣстны всѣ немощи естества человѣческаго, — чтобы они могли спострадать намъ и быть внимательными къ тяжелой болѣзни души нашей. Чѣмъ искреннѣе откроешь сердце свое предъ отцемъ духовнымъ, чѣмъ чистосердечнѣе исповѣдаешь предъ нимъ жизнь свою; тѣмъ болѣе возбудишь его споболѣть съ тобою, облегчить тяжкую скорбь души твоей, успокоить мятущуюся совѣсть твою, искреннѣе воздохнуть о тебѣ къ Богу. *Господи, не уклони сердце мое съ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсахъ!*

Принесемъ исповѣданіе слезное, сокрушенное и смиренное. Одна благоприятная Богу жертва есть духъ сокрушень, сердца сокрушенна и смиренна Богъ не уничижитъ. Станемъ, подобно кающемуся мытарю, у прага церковнаго, и біюще перси своя возопіемъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Ахъ, еслибы могли мы видѣть ту участь, которая ожидаетъ грѣшника за гробомъ; еслибы могли испытать тѣ неизяснимыя на языкѣ человѣческомъ мученія, которыя терпятъ тѣ злосчастныя души, которыя разлучились съ тѣломъ, не принеся истиннаго покаянія: мы поняли бы всю силу слова Господня: *блаженн плачущіе нынѣ, яко воззмѣтятся; обаче горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко восплаетеся и возрыдаете.* — Мы плакали бы плачемъ неутѣшнымъ, какъ плакали во всю жизнь свою тѣ, кои въ открыто было состояніе душъ, разлучившихся съ тѣломъ.

Принесемъ покаяніе твердое и неизмѣнное, невозвратное и нераскаянное. Что пользы исповѣдать грѣхъ, безъ намѣренія оставить его навсегда? Воставать, чтобы упадать опять еще глубже? Пробуждаться для того только, чтобы опять погружаться въ тягчайшій и глубочайшій сонъ? Обращаться къ Богу только за тѣмъ, чтобы, похитивъ, такъ сказать, прощеніе, опять измѣнять Ему и предаваться врагу Его? Не значить-ли это искушать долготерпѣніе Божіе, поругаться надъ св. таинствомъ, попить кровь завѣта Христова, второе распинать Господа?— Нѣтъ, получивъ прощеніе грѣховъ своихъ, изгонимъ ихъ немедленно не только изъ жизни и дѣятельности,—изъ самаго воображенія и па-

мяти нашей. Пусть остаются они на долю врага нашего, который научалъ и подвизалъ насъ на грѣхъ, который радовался, когда мы преступали заповѣди Господни. Давъ предъ престоломъ Христовымъ обѣтъ вести жизнь чистую и благую, будемъ повторять себѣ обѣтъ сей вечеръ и утро въ храмъ Божіемъ и въ дому своемъ, сидя за трапезою и покаясь на ложѣ своемъ; чтобы дѣло спасенія нашего никогда не выходило изъ нашей памяти и обратилось въ главное и первое дѣло нашей жизни. Да будетъ непрестанно въ умѣ и на языкѣ нашемъ оное слово Іосифа цѣломудреннаго: *како сотворю глаголъ сей злый и согрѣшу предъ Богомъ?...*

Премилосердый Господь, не хотяи смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему, Самъ благодатию животворящаго Духа Своего да возбудитъ духъ нашъ къ истинному покаянію и исповданію грѣховъ нашихъ; да сокрушитъ сердце наше печалію по Бозь, которая покаяніе нераскаянно содѣлываетъ во спасеніе; да согрѣетъ душу нашу умиленіемъ и теплотою любви Божественной, да оживитъ совѣсть нашу святою ревностію къ очищенію и исправленію жизни нашей; да дастъ намъ и прочее время живота нашего въ миръ и покаянію скончати. Аминь.

24. СЛОВО ВЪ СРЕДУ—ВТОРОЕ.

Помилуй мя Боже, помилуй мя!

Такъ учить насъ молиться св. Церковь въ настоящіе святыя дни поста и покаянія. Третій уже день мы странствуемъ, брат., въ пустынь св. поста. Третій уже день, какъ міръ пересталъ развлекать насъ шумнымъ гласомъ веселія и оставилъ насъ съ самими собою. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе въ это время успѣли уже придти въ себя и осмотрѣться, гдѣ они и что съ ними, успѣли сознать и увидѣть всю пустоту и ничтожество всего, что такъ увлекало, такъ занимало, такъ обладало ими въ минувшее время,

въ чемъ надѣялись найти себѣ полное удовольствіе и радость, отраду и утѣшеніе, блаженство и счастье. Все это разсѣялось и исчезло, улетѣло съ послѣднимъ звукомъ праздничнаго веселія и оставило въ душѣ ихъ горькое ощущеніе пустоты своей, тяжелое чувство скуки и недовольства, безотрадное сознаніе глада духовнаго. Не сознаете ли теперь, братъ мой, какъ право Слово Господне, когда говоритъ намъ, что все временное суета суетствій и всяческая суета; что ничто земное не насытитъ безсмертнаго духа нашего, который, если-бы приобрѣлъ и весь міръ, тѣмъ не менѣе останется и алченъ и жажденъ, и окаяненъ и бѣденъ, и слѣпъ и нищъ и нагъ. Гдѣ теперь всѣ радости, которыхъ искали вы въ удовольствіяхъ плотскихъ, то блаженство, котораго такъ много обѣщали вамъ земныя блага и наслажденія? Увы, это была мечта, которая улетѣла, какъ призракъ, разсѣялась, какъ сновидѣніе, и оставила за собою разслабленіе тѣла, скорбь и томленіе духа, сокрушеніе сердца, и угрызеніе совѣсти. Гдѣ то счастье, за которымъ гонялись, котораго искали повсюду, которое такъ обольстительно манило васъ все далѣе и далѣе? Увы, это былъ пустой призракъ, который не насытилъ жажду души вашей, не наполнилъ сердца вашего такъ, чтобы не оставалось желать ничего болѣе, не принесъ духу вашему вождельнаго спокойствія и блаженства, не усладилъ совѣсти вашей тѣмъ животворнымъ утѣшеніемъ, которымъ услаждаетъ невинность и добродѣтель. Что обмануло разъ, обманетъ и въ другой, будетъ обманывать и всегда; что оказалось пустымъ и ничтожнымъ въ прошедшемъ, тѣмъ же самымъ окажется и въ будущемъ. А дни наши проходятъ и исчезаютъ, время жизни сокращается, и смерть уже при дверехъ. Чтожь, если постигнетъ она насъ такими, какими были доселѣ? Какъ явиться на небѣ, гдѣ не будетъ уже ничего земнаго? Съ чѣмъ предстать предъ лицомъ Господа — Спасителя и Судіи нашего? Съ чѣмъ явиться предъ соборомъ духовъ чистыхъ и совершенныхъ? Что обрѣтетъ для себя въ вѣчности душа, погрязшая въ чувственности, опутанная земными попеченіями, связанная плотскими помышленіями? Скорбь и тѣснота, которую чувствуетъ она и теперь, не

будеть-ли вѣчнымъ ея удѣломъ? Помилуй мя, Боже, помилуй мя!—Пощади осуетившагося въ помышленияхъ своихъ, разрѣши окованное мірскими пристрастіями сердце, освободи связанную плотскими страстями душу, дай насладиться ей вождѣлѣнною свободою чадъ Божіихъ; пріими ее въ благодати и милосердіи Своемъ! Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Тѣмъ безотраднѣе, брат., участь души нашей, если она увидитъ себя очерненною злыми дѣлами, если она будетъ связана узами многихъ грѣховъ и беззаконій. Въ такомъ случаѣ самое безсмертіе есть бѣдствіе, ужаснѣйшее всѣхъ бѣдствій, самое существованіе наше есть такая казнь, что лучше было-бы не родиться на свѣтъ и изгнись въ утробѣ матерней.

Ибо что такое грѣхъ? Какъ самовольное преступленіе воли Божіей, грѣхъ есть оскорбленіе Бога — Вседержителя, Коего гласа слушаетъ небо и земля и преисподняя, Которому со трепетомъ предстоятъ небесныя силы, Котораго трепещутъ самыя духи злобы, Которому служитъ все естество небесныхъ и земныхъ; — Бога всемогущаго, въ руцѣ Коего и дыханіе и жизнь наша, имущаго власть и душу и тѣло наше погубити въ гееннѣ огненной. Оскорбленіе Святѣйшаго святыхъ, предъ лицемъ Коего нестерпимо всякое беззаконіе, омерзительна всякая злоба, ненавистна всякая неправда;—Отца любвеобильнѣйшаго, Который для спасенія нашего не пощадилъ Единороднаго Своего Сына, Который усыновилъ насъ Себѣ въ таинствѣ св. крещенія, даровалъ намъ сокровище благодати Своей, содѣлалъ насъ наслѣдниками вѣчнаго царства Своего. И такъ, что дѣлаетъ грѣшникъ, когда преступаетъ сознательно и самовольно законъ Божій? Онь—предъ лицемъ Бога вездѣсущаго, предъ очами Его всевѣдущаго — посмѣвается страшному величію Его, отменяетъ безконечную любовь Его, презираетъ неизреченныя благодѣянія Его, ругается всесильной благодати Его, попираетъ святѣйшую кровь Сына Божія, уничижаетъ Евангеліе и Крестъ Его, ни во что вмѣняетъ страданія и смерть Его. Какой геенны достаточно будетъ для возмездія такому презрителю Славы Божіей! Какихъ мученій довольно

будетъ для отмщенія такому оскорбителю высочайшей любви Божіей.

Съ другой стороны, что дѣлаеть грѣхъ съ душою чело-вѣка? Лишаетъ ее благодати Божіей, помрачаетъ въ ней свѣтлый образъ божества, изъ сына любви Божіей дѣлаеть ее существомъ проклятымъ и отверженнымъ, изъ Ангела свѣтла—духомъ темнымъ и нечистымъ. Осіяваемая благода-тію Божією душа человѣческая есть избранная невѣста Христова, сообщница Ангеловъ небесныхъ, царица, укра-шенная богатствомъ даровъ Божіихъ, вѣнчанная славою и честію, коей покорены всѣ видимыя твари. Лишенная бла-годати Божіей, она становилась мерзостною въ очахъ Божіихъ, предметомъ отвращенія святыхъ Ангеловъ, другинею духовъ нечистыхъ, плѣнницею діавола. А что ожидаетъ ее въ бу-дущемъ? Вѣчное мученіе въ неугасимомъ огнѣ, уготованномъ діаволу и Ангеломъ его. И что удерживаетъ грѣшника отъ низверженія въ эту—уже готовую для него—бездну мученій геенскихъ? Слабая нить тѣлесной жизни, которая готова прерваться въ каждую минуту, но которую неизреченное милосердіе Божіе еще поддерживаетъ своимъ долготерпѣніемъ. Прервется слабая нить сія, — и грѣшная душа упадетъ въ самую глубину адской бездны, откуда нѣтъ уже выхода и избавленія. Исполнится мѣра долготерпѣнія Божія;—и они— неотъемлемая жертва погибели! Постигнетъ нечаянная смерть;—и она—вѣчная добыча ада! Какъ же не молиться грѣшнику о помилованіи? Какъ не просить ему у милосердія Божія прощенія и оставленія грѣховъ? Какъ не вопіять ему отъ всей кротости умиленной души и сердца сокрушеннаго: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*—

Яви милосердіе Твое къ падшему, взыщи погибшаго, пощади повиннаго всѣмъ мукамъ! Безотвѣтенъ я предъ судомъ Твоимъ: жестоко оскорбилъ Твою благодать и милосердіе, преогорчилъ Твою любовь и благоутробіе, преступилъ Твои спасительныя заповѣди, попралъ священныя обѣты, данныя мною во св. крещеніи, многократно повторенные предъ чашею завѣта Твоего, обезчестилъ благодать Пресвятаго Духа Твоего. Самъ—несчастный приготовилъ достойную казнь себѣ; самъ—воздвигъ на себя праведный гнѣвъ Твой. И нѣтъ мнѣ изви-

ненія ни въ чемъ; нѣтъ ни малѣйшаго оправданія злomu произволенію моему. Все побуждало меня хранить Твои святыя заповѣди; все удерживало на пути закона Твоего; все требовало отъ меня любви и благодарности къ Тебѣ. Ты самъ непрестанно призывалъ къ Себѣ то гласомъ любви и милосердія, то прещеніемъ гнѣва и суда Своего, но я не послушалъ отеческаго гласа Твоего, презрѣлъ и ни во что вмѣнилъ обѣтованія и угрозы Твои. Ангель Хранитель мой не преставаешь внушать мнѣ желаніе всего добраго, и отвращеніе ко всему злomu и беззаконному, но я отвергъ его внушенія и послушалъ совѣта лукаваго. Собственная совѣсть моя удерживала меня чувствомъ стыда и цѣломудрія, страхомъ безчестія и казни, отъ преступныхъ стремленій и дѣлъ, но я заглушилъ въ себѣ голосъ совѣсти, подавилъ внутреннее чувство стыдливости, и ринулся на путь грѣха и гибели. Все небо и земля, всѣ твари, которыя повинуются повелѣнію Твоему и исполняютъ св. волю Твою, научали меня повиноваться Слову Твоему, исполнять св. заповѣди Твои, быть благодарнымъ Твоей благодати, но я сдѣлался безчувственнымъ всякой твари, бессмысленнымъ самыхъ безсловесныхъ;—одинъ во всемъ мірѣ сталъ преступникомъ Твоего закона, презрителемъ высочайшей Власти Твоей! Никто и ничто не защититъ меня отъ праведнаго суда Твоего, ничто не спасетъ меня отъ лютой смерти грѣшника, никто не избавитъ меня отъ геенны и мученія вѣчнаго. *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Вѣрую, Боже и Отче мой, что милосердію Твоему нѣтъ предѣла, что безконечная любовь твоя не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему; что Единородный Сынъ Твой приходилъ на землю призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ на покаяніе; что всесвятая кровь Его, изліянная за грѣхи міра, можетъ очистить грѣшника отъ всякаго грѣха; что благодать всесвятаго Духа Твоего преизбыточествуетъ тамъ, гдѣ умножается грѣхъ, что не праведникамъ, а грѣшникамъ Ты положилъ покаяніе во спасеніе. Не отринь отъ лица Твоего и мене окаяннаго, отверзи двери милосердія Твоего и мнѣ погибшему, взыщи благоутробіемъ Твоимъ и мене заблудшаго; омой пречистою кровію

Единороднаго Сына Твоего и мою оскверненную душу; очисти и освяти благодатию Духа Твоего и мое растлѣнное грѣхами сердце; оживотвори живою силою Твоею и мене мертваго прегрѣшеніями и погибшаго въ беззаконіяхъ! Недостоинъ я высочайшей почести истинныхъ сыновъ твоихъ—праведниковъ совершенныхъ: сопричти меня ко грѣшникамъ покаявшимся и помилованнымъ Тобою, прими и мое исповѣданіе и покаяніе. *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

25. С Л О В О В Ъ С Р Е Д У—Т Р Е Т Ь Е.

Придите и истязимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, и аще будутъ яко червленое, яко волну убѣлю. (Ис. 1, 18).

Доселѣ мы молились, чтобы Господь Жизнодавецъ не пустилъ намъ погибнуть въ смерти грѣховной, милостиво призрѣлъ на насъ Своимъ благоутробіемъ и отверзъ намъ двери покаянія. Теперь Самъ Господь призываетъ насъ на судъ Свой: *Придите и истязимся, глаголетъ Господь.* Не на судъ правды и мздовоздаянія комуждо по дѣломъ его призываетъ Онъ насъ, не на тотъ страшный судъ, послѣ котораго *идутъ праведницы въ животъ вѣчный*, а грѣшники — *въ муку вѣчную*; но на судъ благодати и милосердія, на которомъ ожидаетъ грѣшниковъ не осужденіе, а оправданіе,—не наказаніе по дѣломъ, а избавленіе отъ самыхъ дѣлъ беззаконія, очищеніе и убѣленіе отъ самой нечистоты грѣховной. Этотъ благодатный судъ милосердія тѣмъ и отличается отъ будущаго суда правды, что на немъ оправдывается тотъ, кто наиболѣе обвиняетъ самого себя,—очищается тотъ, кто совершеннѣе открываетъ нечистоту свою; и напротивъ -- неоправданъ отходитъ тотъ, кто не исповѣдаетъ всѣхъ грѣховъ своихъ, неисцѣленъ возвращается тотъ, кто сокрываетъ болѣзнь свою: *аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю.* Для сего-то и нужно, брат. мой,

строгое и тщательное испытаніе самихъ себя, изслѣдованіе своей совѣсти, чтобы, приходя на судъ покаянія, мы могли исповѣдаты всѣ грѣхи свои и получить полное и совершенное оправданіе, — открыть всѣ язвы своей совѣсти и получить совершенное исцѣленіе.

Въ чемъ состоитъ это самоиспытаніе? Въ познаніи самихъ себя, т. е., въ сознаніи, въ обновленіи въ умѣ и памяти всей своей жизни со всѣми случаями и обстоятельствами, со всѣми дѣйствіями, коими ознаменованы всѣ ея часы и минуты, со всѣми словами, исходившими когда-либо изъ устъ нашихъ, со всѣми мыслями и образами, наполнявшими нашъ умъ и воображеніе, со всѣми желаніями и чувствами, волновавшими наше сердце. Ибо пужно помнить, что все, исповѣданное нами, отпустится и не помянется во вѣки, а все неисповѣданное останется за нами въ осужденіе наше на страшномъ судѣ Христовомъ.

Для облегченія сего необходимаго для насъ дѣла Господь премудрый и милосердый даровалъ намъ Слово Свое, въ которомъ начертанъ, какъ въ зеркалѣ, образецъ истиннаго благочестія; а св. церковь дала намъ правило вѣры и жизни христіанской въ исповѣданіи вѣры и св. заповѣдяхъ. Припикни въ сіе зеркало благочестія, чтобы видѣть образъ бытія своего, каковъ онъ есть. Припикни умомъ своимъ, дабы видѣть, какой въ немъ образъ мыслей, какими водится онъ убѣжденіями. Свѣтитесь-ли въ немъ свѣтъ вѣры, озаряя всѣ пути жизни, или же онъ мудрствуетъ по стихіямъ міра, а не по Христу, — по духу вѣка, а не по духу Евангелія Христова? Такъ-ли онъ судить о всемъ, какъ учитъ Слово Божіе, или какъ требуетъ самолюбіе наше и другія страсти? Не прелагаетъ-ли онъ истину Божію во лжу, не представляетъ-ли доброе лукавымъ и лукавое добрымъ, свѣтъ тьмою, а тьму свѣтомъ? Припикни сердцемъ, чтобы видѣть, чѣмъ живетъ оно, что любить и ненавидитъ, чего желаетъ и отвращается, къ чему стремится и отъ чего удаляется, что наиболѣе радуется и огорчаетъ насъ? Гдѣ главная цѣль, къ которой мы стремимся всѣми мыслями и желаніями, — на небѣ, или на землѣ? Какими правилами преимущественно руководствуемся въ своихъ дѣйствіяхъ, — взятыми изъ

Евангелія, или изъ обычаевъ міра и внушеній гордости житейской? Какими побужденіями наиболѣе одушевляемся въ нашихъ желаніяхъ, предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, — желаніемъ-ли благоугожденія Богу, спасенія души своей и наслѣдія жизни вѣчной, или похотію плоти, похотію очесъ и гордостію житейскою? Что наиболѣе радуется или печалитъ насъ, — преспѣваніе-ли въ добродѣтели, или удача въ земныхъ предпріятіяхъ, побѣда надъ какою-либо страстію, или исполненіе нашихъ прихотей, достиженіе честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей? Приникни въ зеркало благочестія своею совѣстію, чтобы видѣть, такъ-ли вѣрно различаетъ она доброе отъ лукаваго, какъ различаетъ Слово Божіе; такъ-ли зорко и неусыпно слѣдитъ она за нашими дѣйствіями, какъ видитъ ихъ чистое око Божіе; такъ-ли строго и неумолимо осуждаетъ она всякое преступное движеніе души нашей, какъ осуждаетъ Слово Божіе? Ибо горе намъ, если и самая совѣсть наша заснетъ и омертвѣетъ, содѣлается нечувствительною и хладнокровою въ разсужденіи добра и зла! Тогда одни токмо громы небесные могутъ возбудить ее отъ сна грѣховнаго! Поставь предъ зеркаломъ благочестія и внѣшнюю жизнь свою, чтобы видѣть, какъ располагается она, — по уставамъ-ли св. церкви, или по требованіямъ и обычаямъ свѣта, противнымъ обычаямъ христіанскимъ; — по правиламъ-ли благоразумія христіанскаго, или по прихотямъ развращеннаго сердца? Сравни жизнь свою съ жизнію людей праведныхъ и грѣшныхъ, изображенныхъ въ Словѣ Божіемъ, чтобы видѣть, на какой странѣ, — одесную или ошуюю мы станемъ на судѣ Христовомъ?

Такъ надлежало бы прослѣдить всю жизнь свою отъ начала и до конца, изъ дня въ день и изъ часа въ часть, чтобы дѣйствительно познать себя, чтобъ принести къ судилищу покаянія полное и совершенное исповѣданіе. Явно, что такое самоиспытаніе есть трудъ не нѣсколькихъ дней, а многихъ лѣтъ жизни. Св. подвижники проводили цѣлыя десятки лѣтъ въ строжайшемъ уединеніи, въ непрестанной молитвѣ и подвигахъ, прежде нежели достигали полного самопознанія. Что же дѣлать намъ, чтобы въ краткое время говнія приготовить себя къ исповѣданію грѣховъ своихъ? Должно,

сколько возможно будетъ, обозрѣть и всю жизнь свою, отъ дней юности до настоящаго дня, и въ особенности время отъ послѣдней исповѣди доселѣ? Но преимущественно важно и необходимо съ точностію узнать по крайней мѣрѣ то, въ какомъ состояніи мы находимся въ отношеніи къ своему спасенію, т. е., положено-ли въ насъ начало спасенія посредствомъ истиннаго, всесовершеннаго и нераскаяннаго покаянія, хотя-бы и встрѣчались въ нашей жизни преткновенія и даже паденія? Живемъ-ли мы благодатною жизнью Христовою, или находимся въ состояніи грѣха, нечувствія, нераскаянности и мертвости духовной, хотя и исповѣдуемся ежегодно? Если мы, почитая себя окаянными грѣшниками, коимъ угрожаетъ гибель вѣчная, оживлены вѣрою въ Сына Божія, въ Его крестную жертву за насъ, прилѣпляемся сердечною любовію къ Нему, единому могущему спасти насъ, и стараемся, сколько возможно болѣе, сообразовать себя съ Его ученіемъ, освящать себя Его благодатію, подражать Его святой жизни; если, при всѣхъ случайныхъ уклоненіяхъ и невольныхъ преткновеніяхъ, главною цѣлію нашихъ дѣйствій, постояннымъ правиломъ поведенія, главнымъ побужденіемъ къ трудамъ и источникомъ одушевленія есть мысль о Богѣ и вѣчномъ спасеніи; если постоянно одушевляемся ревностію быть совершенными, яко же Отецъ нашъ Небесный совершенъ есть, желаніемъ быть благоугодными предъ Богомъ, страшимся оскорбить Его любовь и милосердіе и быть въ числѣ отверженныхъ; если послѣ каждой исповѣди, мы чувствуемъ себя лучше, если все порочное и нечистое не только теряетъ для насъ свою прелесть, но со дня на день становится омерзительнѣе, а все доброе и благое со дня на день живѣе привлекаетъ къ себѣ наше сердце, занимаетъ умъ и воображеніе; то это признакъ, что мы, со дня на день, болѣе умираемъ грѣху и оживаемъ для Бога и вѣчности. Напротивъ если началомъ нашихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій служить самолюбіе или другая какая-либо страсть, если грѣховныя навыки владѣютъ нашею душою, если мы любимъ грѣхъ, услаждаемся имъ внутренно, ищемъ случая удовлетворить своимъ похотямъ; то, хотя бы жизнь наша и украсалась какими-либо внѣшними дѣлами благочестія,

какъ мертвый трупъ украшаютъ цвѣтами, мы не въ числѣ спасающихся, и мертвы предъ Богомъ.

Въ такомъ случаѣ намъ должно спросить себя, желаемъ-ли мы искренно спасенія души своей? т. е., сознаемъ-ли мы тяжесть грѣха, которымъ оскорбляется величіе Божіе, прогнѣвается любовь и милосердіе Отца Небеснаго, попирается святѣйшая кровь Сына Божія, безчестится благодать Всевятаго Духа Божія? Чувствуемъ-ли всю опасность грѣховной жизни, которая лишаетъ насъ славы чадъ Божіихъ, изгоняетъ изъ свѣтлаго царства Божія, дѣлаетъ душу нашу предметомъ отвращенія св. ангеловъ, игралищемъ злыхъ и нечистыхъ духовъ, и изъ существа богоподобнаго обращаетъ насъ въ скотовъ несмысленныхъ? Трепещетъ-ли сердце наше при одной мысли объ утратѣ жизни вѣчной, о лишеніи царства Божія на всю вѣчность? Содрогаются-ли все существо наше при помышленіи о нескончаемой вѣчности мученій, ожидающихъ грѣшника по смерти? Сіе-то искреннее желаніе спасенія, это вседушевное отвращеніе ко грѣху, этотъ всеокрушающій страхъ Божій, эта всеумиляющая печаль, яже по Бозѣ, содѣлываетъ покаяніе наше искреннимъ и нераскаяннымъ. Безъ нихъ не надежно покаяніе наше, не на-долго и обращеніе наше къ Богу, бесплодны и говѣніе и исповѣдь наша. И послѣ покаянія мы опять остаемся во грѣхахъ своихъ.

Кто не ощущаетъ въ себѣ искренняго желанія совершенно избавиться отъ узъ грѣха, всецѣло и навсегда обратиться къ Богу; тому надобно еще спросить себя: что именно препятствуетъ ему покаяться? Что удерживаетъ его въ оковахъ грѣха? Какая въ особенности страсть господствуетъ въ немъ? Это можно узнать по слѣдующимъ признакамъ: все, съ чѣмъ труднѣе всего намъ разстаться, чѣмъ наиболѣе привыкло утѣшаться наше сердце, о чемъ наиболѣе всего мечтаемъ мы и на-яву и во снѣ, что особенно стараемся мы скрыть не только отъ другихъ, а и отъ самихъ себя, въ чемъ тяжелѣе всего признаться предъ отцемъ духовнымъ, чего особенно не хочется объявить на исповѣди; все это, очевидно, господствуетъ надъ нами и держитъ насъ въ плѣну; во всемъ этомъ скрывается внутренній змій, кото-

рый отравляет насъ своимъ ядомъ. Противъ сего-то явлено недуга душевнаго и должно объявить самую упорную брань; его-то и пужно преимущественно обнаружить предъ духовнымъ врачомъ; противъ его-то и должно направить всѣ усилія и всю духовную бдительность. Кто хочетъ исправиться безъ борьбы и побѣды надъ господствующею страстію; тотъ обманываетъ самого себя. Такой человекъ подобенъ птицѣ, попавшейся въ сѣти, которая можетъ биться и порхать, но не можетъ полетѣть на свободу. Повидимому, онъ живетъ и дѣйствуетъ, можетъ творить и дѣла вѣры и благочестія, но полной жизни у него нѣтъ, истинной свободы духовной нѣтъ. При всякомъ порывѣ вознестись горѣ, господствующая страсть влечетъ и повергаетъ его долу.

Если же, по благодати Божіей, откроется, что мы искренно желаемъ и ищемъ своего спасенія и дѣйствительно идемъ по пути благочестія, то необходимо испытать себя: надлежащимъ-ли образомъ идемъ по сему царскому пути? т. е., ослабѣваетъ-ли въ насъ сила грѣха и оживаетъ-ли болѣе и болѣе стремленіе къ добру? Рѣже-ли подвергаемся тѣмъ паденіямъ, которымъ подвергались прежде? Менѣе-ли чувствуемъ надъ собою силу страстей, которыя господствовали въ насъ прежде? Легче-ли для насъ становится упражненіе въ духовныхъ подвигахъ и добродѣтеляхъ, которыя прежде казались намъ такъ трудными? Возрастаютъ-ли и укрѣпляются-ли въ насъ вѣра, любовь и упованіе, смиреніе, самоотверженіе и терпѣніе? Болѣе-ли находимъ удовольствія, духовной сладости и веселія въ молитвѣ, въ чтеніи Слова Божія и книгъ душеполезныхъ? Отставая отъ одного недостатка или порока, не вдаемся-ли въ другую крайность? Прилѣпившись къ одному доброму дѣлу, не оставляемъ-ли другихъ, не менѣе нужныхъ и важныхъ? Стараясь освободиться отъ одной страсти, не покоряемся-ли другой, болѣе благовидной, но не менѣе опасной? Уклоняясь отъ одного вида удовольствій, не порабощаемся-ли другимъ, болѣе утонченнымъ, но не менѣе грѣховнымъ? Это значило бы переходить изъ одного рабства въ другое, вмѣсто прежнихъ узъ облагаться новыми, — быть можетъ, тягчайшими,

вмѣсто прежней болѣзни подвергаться новой, — быть можетъ, болѣе опасной.

Въ этомъ-то самоиспытаніи и состоитъ, брат. мои, сущность спасительнаго и истинно-душеполезнаго говѣнія. Въ немъ-то и заключается основаніе спасительной и животворной для души исповѣди и покаянія, которое очищаетъ грѣхи наши и примиряетъ насъ съ Богомъ. Оно-то и есть главное и необходимое приготовленіе къ причащенію Божественнаго тѣла и крови Сына Божія, по оному слову Апостола: *да искушаетъ себе человекъ, и тако отъ хлѣба да яствъ и отъ чаши да пьетъ*. Сего-то самоиспытанія требуетъ отъ насъ Господь, когда являемся на судъ любви и милосердія Его: *приидите и истязимся, глаголетъ Господь*. Аминь.

26. СЛОВО ВЪ СРЕДУ—ЧЕТВЕРТОЕ.

*Во имя Отца, и Сына и Святаго
Духа. Аминь.*

О чемъ молились мы во всѣ прошедшіе дни, чего просили у милосердія Божія, какъ дара многоцѣннаго, то самое даруетъ намъ нынѣ Отецъ небесный. Двери покаянія уже отверзаются предъ нами, объятія Отчи отверсты для принятія кающихся, духовное судилище открыто для ищущихъ оправданія и помилованія. Такъ въ Церкви Христовой все готово для принятія отъ насъ покаянія и для дарованія намъ прощенія и помилованія. Съ своей стороны она попечительно заботилась о приготовленіи и насъ къ принесенію истиннаго покаянія во грѣхахъ и къ принятію прощенія. Въ продолженіе предшествовавшихъ дней приготовленія къ посту она хотѣла расположить духъ нашъ къ смиренному сознанию своей грѣховности и безотвѣтности предъ судомъ Божиимъ — примѣромъ осужденнаго самохвальства фарисейскаго и ублажаемаго смиренія мытарева, возбудить и ободрить совѣсть нашу опытомъ неистоимой благодати и милосердія Отца небеснаго въ принятіи раскаявшагося блуднаго сына; сокрушить и умилишь сердце наше воспоминаніемъ страшнаго суда

Христова; обуздать плотскія похоти воспоминаніемъ плачевнаго вкушенія Адамова отъ запрещенныя снѣди, отнятіемъ у насъ роскошной пищи и заповѣданіемъ поста и воздержанія. Есть-ли въ насъ плодъ сей попечительности святыя Церкви? Готовы-ли мы къ покаянію послѣ толь долговременнаго приготвленія?

Не почитите, братіе, вопроса сего маловажнымъ. Нѣтъ, только тотъ получаетъ прощеніе грѣховъ, кто приноситъ истинное покаяніе; въ противномъ случаѣ самая исповѣдь обращается въ тягчайшій грѣхъ; но только тотъ можетъ принести истинное покаяніе, кто напередъ предуготовилъ себя къ тому, какъ должно. Сія готовность познается изъ искренняго желанія очиститься покаяніемъ, изъ полного и совершеннаго познанія состоянія своего сердца и своей совѣсти и готовности обнажить ихъ совершенно предъ служителемъ Церкви, изъ той, наконецъ, скорби и болѣзни духа, которая бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ сознанія тяжести грѣховъ своихъ.

Итакъ, во-первыхъ, желаемъ-ли искренно покаянія? Здѣсь не спрашивается: почитаемъ-ли мы за нужное приступить въ продолженіе святыхъ дней поста къ судилищу покаянія; вѣруемъ-ли вмѣстѣ съ Церковію, что таинство покаянія есть дѣйствительное средство къ изглаженію грѣховъ, содѣянныхъ послѣ крещенія. Для пробужденія тѣхъ сыновъ погибели, которые дошли до глубины зла и съ ожесточеніемъ во грѣхахъ соединяютъ презрѣніе къ уставамъ Церкви, которые находятъ себѣ жалкое утѣшеніе въ невѣріи ни угрозамъ ни обѣтованіямъ Евангельскимъ, нужны громы небесныя, а не гласъ кроткаго убѣжденія. Нѣтъ, мы спрашиваемъ тѣхъ, кои знаютъ важность спасительнаго таинства и нужду его для грѣшниковъ; спрашиваемъ васъ, благочестивые сыны Церкви, почитающихъ необходимымъ для себя долгомъ явиться въ продолженіи св. четырехдесятницы предъ судилище покаянія, чтобъ получить прощеніе грѣховъ. Желаете-ли искренно покаянія?

Покаяніе есть средство къ оправданію отъ грѣховъ. Итакъ желаете-ли искренно, всѣмъ сердцемъ и всею душою освободиться отъ тяжести грѣховъ, удостоиться оправданія и помилованія?— Т. е., ощущаетъ-ли сердце ваше всю тяжесть,

всю бѣдность и безпомощность, всю низость грѣховнаго состоянія? Чувствуетъ-ли оно, подобно Псалмопѣвцу, блаженство тѣхъ, *ихже оставишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси?* (Псал. 31, 1). Ощущаются-ли въ вашей совѣсти болѣзни и страданія, происходящія отъ сознанія преступленія закона Божія, отъ представленія вѣчныхъ мукъ, ожидающихъ грѣшника и утраты вѣчнаго блаженства? Возникло-ли въ духѣ вашемъ живое отвращеніе ко грѣху и всему, чѣмъ возбуждаются и питаются страсти?

Покаяніе есть средство къ примиренію съ Богомъ, къ оживленію въ себѣ благодати усыновленія Отцу небесному, воспріятой въ таинствѣ св. крещенія. Итакъ, чувствуетъ-ли сердце ваше нужду приближенія къ Богу, примиренія съ правосудіемъ Его? Ощущается-ли духовный гладъ на сей землѣ проклятія, посреди обаяній суеты и соблазновъ? Возбуждается-ли въ духѣ вашемъ тоска по небесной отчизнѣ въ сей странѣ изгнанія, юдоли плача? Возродилось-ли алканіе вышнихъ, небесныхъ сокровищъ и презрѣніе къ земнымъ? Чувствуемъ-ли всю высоту и величіе небеснаго титла сыновъ Божіихъ и наслѣдниковъ царствія Христова, — драгоценнѣйшаго всѣхъ титлъ и отличій земныхъ?

Покаяніе есть единственное и послѣднее средство къ пріобрѣтенію прощенія грѣховъ, содѣянныхъ послѣ крещенія; пренебрегши сіе средство, мы умремъ неоправданными. И такъ сознаетъ-ли разумъ нашъ, чувствуетъ-ли сердце всю важность сего божественнаго таинства, сего безцѣннаго дара Божія человѣкамъ? Готовъ-ли духъ нашъ, пренебрегши все, яться за сію котву упованія, принести въ жертву все драгоценное для пріобрѣтенія одного неоцѣннаго сокровища — оправданія во грѣхахъ; исполнить все, чего бы ни потребовала Св. Церковь, которой поручена небесная власть вязать и рѣшить, отпущать грѣхи и удерживать? Страшимся-ли замедленія времени примиренія съ Богомъ? Ужасаемся-ли лишенія сего примиренія болѣе, нежели самой смерти? — Однимъ словомъ, есть-ли въ насъ искреннее сердечное желаніе покаянія и исправленія себя, оправданія во грѣхахъ, пріобрѣтенія великаго имени сыновъ Божіихъ, наслѣдниковъ царствія Христова?

Сіе-то желаніе покаянія содѣлываетъ покаяніе наше искреннимъ, твердымъ и непреложнымъ; оно-то служитъ залогомъ дѣйствительнаго исправленія жизни; оно првлекаетъ благодать Божію; очищающую насъ отъ грѣховъ, освящающую и обновляющую духъ нашъ, увеселяющую сердце наше неизглаголаннымъ утѣшеніемъ; укрѣпляющую насъ живымъ упованіемъ на милость Божію. Тогда самъ Духъ Божій спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Вотъ почему въ древности Св. Церковь долговременнымъ и тяжкимъ искусомъ испытывала искренность обращенія и желаніе покаянія согрѣшающихъ. Она требовала тогда, чтобы грѣшники — быть можетъ менѣе многихъ изъ насъ виновные — безъ всякаго различія чина, пола и состоянія, являлись предъ дверьми храма простертыя ницъ, покрытыя пепломъ и власяницею, умолявшіе братій своихъ, входящихъ въ храмъ Божій, да испросятъ имъ отъ Господа помилованіе во грѣхахъ; отлучала ихъ отъ общенія св. таинствъ и слышанія молитвъ вѣрующихъ; осуждала проводить по нѣскольку лѣтъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и умерщвленіи плоти, въ лишеніи не только удовольствій, но и всѣхъ утѣхъ общежитія, общенія съ братьями своими, словомъ — быть отребіемъ міра. Можно представить себѣ, какъ сильно было желаніе прощенія грѣховъ послѣ толпныхъ лѣтъ осужденія и изгнанія, какъ пламенна молитва о помилованіи, какъ радостно и пріятно возвращеніе въ нѣдра св. церкви, причтеніе паки къ числу вѣрующихъ, какъ пламенна вѣра въ силу и дѣйствительность божественнаго врачевства покаянія, какъ могущественно дѣйствіе благодати Божіей въ душѣ кающагося, какъ благонадежно обращеніе и исправленіе жизни, какъ назидательно покаяніе для свидѣтелей его!

Нынѣ св. Церковь, по благоразумному снисхожденію къ кающимся, умѣрила строгость испытанія. вмѣсто долговременнаго искуса она требуетъ только устнаго, искренняго исповѣданія грѣховъ предъ однимъ служителемъ Церкви, вмѣсто явнаго отлученія отъ Церкви (которымъ казнить только явное невѣріе, ересь и презрѣніе уставовъ ея), испытываетъ искренность покаянія только тайными епитиміями. Но перемѣнилась только внѣшность; духъ покаянія всегда одинъ и тотъ-же; условія къ принятію прощенія грѣховъ

тѣжѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что нынѣ удобнѣе, не жѣли прежде, и лицемѣрно кающійся можетъ, на погибель себѣ, восхитить прощеніе. Говорю—на погибель себѣ: ибо что приносить грѣшнику лицемѣрная исповѣдь безъ искренняго желанія исправленія жизни?—Совѣсть, возбужденная минутнымъ сознаніемъ тяжести грѣховъ, успокоившись изреченнымъ прощеніемъ, погружается паки въ тягчайшій сонъ. Уловленная сѣтію самопрельщенія, она становится все менѣе и менѣе взыскательною; доколѣ не погрузится въ совершенное безчувствіе. Благодать Божія, оскорбляемая крайнимъ небреженіемъ, удаляется отъ сердца совершенно, и оставляетъ челоуѣка въ руцѣ злаго произволенія его. Несчастный грѣшникъ все глубже и глубже ниспадаетъ въ бездну зла, становится все болѣе и болѣе вѣрною добычею ада.

Не думайте, братіе, чтобъ недостатокъ искренности покаянія можно было вознаграждать въ послѣдствіи, особенно въ предсмертные часы, когда самое истощеніе силъ тѣлесныхъ, по видимому, должно возбудить расположеніе къ покаянію. Кто далъ намъ право ожидать будущаго? Спросятъ-ли насъ, какъ и когда угодно намъ умереть? Ахъ, брат., были ли вы свидѣтелями разлученія души съ тѣломъ челоуѣка, всю жизнь проведеннаго въ безпечности о своемъ спасеніи? бывали ли у одра умирающихъ? Скажите сами, есть ли тутъ мѣсто покаянію, когда душа въ непрестанномъ смущеніи отъ страданій тѣла, отъ сожалѣнія о прошедшемъ, отъ представленія будущаго; когда, вмѣсто словъ исповѣданія, слышатся одни безсвязные звуки? Можно ли тотчасъ всадить вѣру тому, кто во всю жизнь изгонялъ ее изъ сердца своего? Можно ли возбудить истинное покаяніе въ томъ, кто во всю жизнь усыплялъ свою совѣсть? Мирная христіанская кончина есть даръ Божій, который заслуживается добродѣтельною жизнью и благовременнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ. Вотъ почему, братія мои, вопросъ, имѣемъ ли истинное желаніе каяться?—есть вопросъ особенной важности. Въ настоящее время о немъ должно подумать болѣе. Если нужны пособія къ возбужденію желанія покаянія, ихъ обрѣтете сами въ угрозахъ св. Пророковъ, Апостоловъ и самого Иисуса Христа. Только должно помнить,

что кто живеть безъ покаяніа, тотъ, вѣрно, и умреть безъ покаяніа; а *еще не покаетсяя, вси погибнете* (Луки. 13, 3), глаголетъ Господь. Аминь.

27. СЛОВО ВЪ ПЯТОКЪ — ПЕРВОЕ.

Придите и истяжимся, глаголетъ Господь: и еще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко смѣгъ ублю, и еще будутъ яко червленное, яко волну ублю. (Иса. 1, 18).

При тщательномъ испытаніи своей совѣсти, при сравненіи своей внутренней и внѣшней жизни съ зеркаломъ Слова Божія и примѣрами людей благоугодившихъ Богу и прославленныхъ Богомъ, безъ сомнѣнія, откроется неутѣшительная картина. Не говоримъ уже о явныхъ грѣхахъ, о погрѣшннхъ св. заповѣдей Божіихъ самымъ дѣломъ, о тѣхъ дѣлахъ тмы, которыя не признаются за грѣхи только людьми, потерявшими не только страхъ Божій, но и стыдъ человѣческой, поправшими совѣсть и ожесточившими сердце, — но и тому, кого сохранилъ Господь отъ явныхъ дѣлъ нечестія, отъ паденія въ самую бездну растлѣнія и развращенія, нельзя быть спокойнымъ о своей участи. Если я не согрѣшилъ дѣломъ, то потому-ли, что люблю всѣмъ сердцемъ Господа и законъ Его, ненавижу грѣхъ и отвергаю всякій помысль грѣховный; или же потому, что удерживалъ отъ грѣха только стыдъ человѣческой, что не доставало только случая обнаружиться на дѣлѣ страстнымъ влеченіямъ сердца, что одна только благодать Божія не допустила меня совершить самымъ дѣломъ грѣховное желаніе, которое лелѣяла въ себѣ душа моя, которымъ услаждалось мое сердце? И не согрѣшивъ дѣломъ, не согрѣшилъ-ли я мыслію, желаніемъ и вожделѣніемъ сердечнымъ? Если я удержался отъ всякой обиды и озлобленія, отъ всякаго вреда имуществу и чести своего ближняго, то удержался-ли отъ зависти, любочестія, гнѣва и памятозлобія? Отъ осужденія и осмѣянія, отъ злорѣчія и оклеветанія? Простилъ-ли искренно и нелицемѣрно всякому, оскорбившему

меня? Не подаль-ли соблазна брату моему и не погубил-ли душу его? Если я не отрекался явно имени Божія и вѣры въ Него, то не отрекался-ли тысящекратно забвеніемъ о Немъ, самонадѣяніемъ, призываніемъ имени Его всуе, злоупотребленіемъ Слова Божія въ бесѣдахъ праздныхъ, въ глумленіяхъ и шуткахъ; нерадѣніемъ къ Церкви Божіей, небрежностію въ молитвѣ, небреженіемъ о покаяніи и исправленіи, недостойнымъ причащеніемъ тѣла и крови Христовой? Если я не предался явному разврату, то меньше-ли развращенно сердце мое, когда оно услаждается нецѣломудренными бесѣдами, пустыми и нечистыми удовольствіями, соблазнительными зрѣлищами, душегубительнымъ чтеніемъ, праздными мечтами? Если совѣсть не обличаетъ меня въ порочныхъ дѣлахъ и поступкахъ, то можно-ли исчислить множество праздныхъ, гнилыхъ и соблазнительныхъ словъ, которыя такъ неудержимо текутъ изъ нашихъ неогражденныхъ страхомъ Божиимъ устъ? Но если бы и ничего порочнаго и законопреступнаго не свѣдала за собою наша совѣсть, то и тогда мы не были-бы еще правы предъ судомъ Божиимъ. *Ничто же въ себя свѣмъ,* говоритъ о себѣ св. апостоль Павелъ, *но ни о семъ оправдаюся.* Почему? Потому, что Господь требуетъ отъ насъ не одного ненарушенія заповѣдей Его, но и дѣлъ благочестія и любви христіанской. *Покажи Ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ.* Какими подвигами засвидѣтельствовалъ ты любовь свою къ Богу и ближнему? Что сдѣлалъ ты для благоугожденія Господу, для спасенія души своей, для снисканія награды и воздаянія въ жизни вѣчной? Если ты проводилъ большую часть времени въ праздности, или же въ дѣлахъ бесплодныхъ, ни для кого неполезныхъ, то не достоинъ-ли наказанія за растрату жизни, которая дана намъ для снисканія царствія Божія? Если ты трудился только для себя самого, то какой можешь ожидать за сіе награды? Слышишь-ли, что говоритъ Господь осуждаемымъ въ муку вѣчную? Не укоряетъ ихъ въ преступленіи Своихъ заповѣдей, не называетъ богохульниками, обидчиками ближнихъ, хищниками, прелюбодѣями, клятвопреступниками, неправедниками. Таковыя не посмѣютъ и явиться предъ страшнымъ судомъ Христовымъ: *не встанутъ нечестивіи на судъ,* говоритъ про-

рокъ Божій, они и до суда уже въ гееннѣ огненной. Но что говорить? *Взалкахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мя, страненъ бѣхъ и не введосте Мене, нагъ и не одѣясте Мене, боленъ и въ темницѣ и не поспѣисте Мене.* И за это одно, что могли бы сдѣлать, но не сдѣлали, Онъ скажетъ имъ: *идите отъ Мене во огонь вѣчный, уготованный диаволу.* И самыя, наконецъ, добрыя дѣла наши будутъ испытаны огнемъ, яко злато въ горниль: *каеждо дѣло, якоже есть, огонь искуситъ,* говоритъ Апостоль. Этотъ огонь суда Божія испытаетъ наши посты и милостыни, наши молитвы и колѣнопреклоненія, наши совѣты и наставленія, подвиги мужества и самоотверженія; откроетъ источникъ ихъ въ нашемъ сердцѣ, обнаружитъ тайныя побужденія ихъ и цѣли. Что, если онѣ вытекли изъ самолюбія и лицемѣрія, если побужденіемъ къ нимъ служило или корыстолюбіе, или славолюбіе, если мы все дѣлали, *да видими будемъ чловѣками?* Господь возгнушается такими добродѣтелями, отвергнетъ такіе фальшивые подвиги, не приметъ такихъ дѣлъ, которыя сдѣланы были не для Него. *Воспріалъ еси благая твоя въ животъ твою,* скажетъ Онъ такому мнимо добродѣтельному чловѣку; здѣсь нѣтъ тебѣ участія въ блаженствѣ царствія Моего, здѣсь мѣсто твое съ отверженными!

Поставляя такимъ образомъ всѣ дѣла и слова свои, всѣ помышленія и мысли сердечныя предъ праведнымъ и нелицепріятнымъ судомъ Божиимъ, и добродѣтельнѣйшіе изъ насъ не могутъ не почувствовать много и много упрековъ въ своей совѣсти, не увидѣтъ на душѣ своей множества пятенъ, съ которыми стыдно показаться и въ кругу добрыхъ и богобоязненныхъ людей, тѣмъ паче срамно явиться предъ престоломъ Божиимъ, страшно предстать лицу Божію. Взирая на жизнь свою не сквозь тусклое и искаженное стекло самолюбія и мнѣній людскихъ, а сквозь вѣрное зеркало Слова Божія, нельзя не сознать себя и окаяннымъ, и бѣднымъ, и нищимъ, и нагимъ; нельзя не почувствовать всей безнадежности и опасности своего грѣховнаго состоянія. Что вся жизнь моя, какъ не сцѣпленіе суетныхъ заботъ и попеченій, грѣховныхъ помысловъ и чувствованій, праздныхъ

и бесплодныхъ словъ и дѣлъ? Что все добрыя дѣла мои, какъ не цвѣты среди тернія, которыя увянуть и отпадутъ, не принеся плода въ животъ вѣчный? Что все труды мои, какъ не суета суетствій? А дни мои проходятъ и исчезаютъ, время жизни сокрашается, и смерть уже при дверехъ. Что, если она постигнетъ меня такимъ, какимъ я былъ доселѣ? Какъ явлюсь я предъ лицомъ Господа и Владыки живота моего? Съ чѣмъ предстану предъ Спасителемъ и Судіею моимъ? Гдѣ та невинность, съ которою вышелъ я изъ купели крещенія и которую стяжалъ мнѣ Христосъ Господь Своею кровію? Я продалъ ее за минутную грѣха сладость. Гдѣ тотъ завѣтъ благодати съ обѣтованіемъ жизни вѣчной, который запечатлѣнъ кровію Христовою? Я измѣнилъ ему умомъ и сердцемъ моимъ, словами и дѣлами грѣховными. Гдѣ тотъ божественный образъ, которымъ Отецъ Небесный отличилъ меня между всеми земными тварями, сравнилъ меня съ св. ангелами, и который возсоздалъ во мнѣ Единородный Сынъ Божій, вочеловѣчившись мене ради? Я помрачилъ его моими безстыдными помыслами и желаніями, уничижилъ его легкомысленнымъ увлеченіемъ во слѣдъ похотей плотскихъ, погралъ его грѣхопаденіями моими. Гдѣ благодать всесвятаго Духа Божія, которою освящена душа и тѣло мое въ храмъ Божій, тѣ сокровища духовныя, которыми обогатила меня любовь Отца Небеснаго? Я расточилъ ихъ въ грѣховной жизни, растлилъ и тѣло и душу моими грѣхами и вмѣсто храма Божія содѣлался вмѣстилищемъ всякія нечистоты и скверны. Все дары Божіи погублены, все благодатныя и естественныя силы истрачены. Разумъ осуетился въ земныхъ помышленіяхъ, превратился въ *неискусенъ умъ творити неподобныя*; сердце растлилось нечистыми пожеланіями и сдѣлалось игрищемъ безсловесныхъ страстей; воля плѣнена грѣховными навыками и сдѣлалась рабою духа лукаваго; совѣсть убита и подавлена множествомъ грѣховъ, и бѣжить, какъ преступный рабъ, отъ лица Божія; все чувства сдѣлались орудіями неправды и беззаконія, нечистоты и скверны. *Углубохъ въ тмныи глубины и нсть постоянія, придохъ во глубины морскія, и буря потопи мя; сляченъ емь узамы многими во еже не возвести главы моя.*

Кто и что спасет меня отъ лютой смерти грѣшника? Кто защититъ меня отъ праведнаго суда Божія? Кто избавитъ меня отъ геенны и огня вѣчнаго? Кто исхититъ меня отъ темной власти діавола, которому преданъ добровольно своимъ согласіемъ на злое?

Азъ, Азъ есмь, заглаждай грѣси твоя, — и не помяну, говоритъ намъ Господь: *ты же помяни: — глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися; и аще будутъ грѣси твои яко багряное, яко снѣгъ убью, и аще будутъ яко червленое, яко волну убью.* Если бы для избавленія отъ вѣчной гибели, Господь потребовалъ отъ насъ великихъ сокровищъ, и тогда отреклись-ли бы мы пожертвовать всѣмъ, что есть у насъ? Ибо какія сокровища земныя могутъ замѣнить небесныя сокровища царствія Божія? Какія утѣхи временныя могутъ усладить и облегчить мученія ада? Если бы повелѣлъ въ жертву оправданія и очищенія отъ грѣховъ потерпѣть страданія и мученія, кто отрекся-бы отъ этого? Ибо какія страданія земныя могутъ сравниться съ мученіями въ пламени гееннскомъ? Какія временныя скорби не будутъ забыты среди блаженства вѣчнаго? Если-бы даже потребовалъ Господь въ цѣну избавленія отъ грѣховъ самой жизни нашей, кто отрекся-бы потерю временной жизни искупить нескончаемую жизнь въ царствѣ Божіемъ? Кто не согласился-бы умереть однажды, чтобы воскреснуть потомъ въ жизнь вѣчную, нежели, соблюдши жизнь свою на время, умирать потомъ вѣчно въ нескончаемомъ мученіи? Но теперь любовь Божія требуетъ отъ насъ одного токмо исповѣданія грѣховъ нашихъ, и обѣщаетъ оправданіе и помилованіе: *глаголи ты беззаконія твоя, да оправдишися.* Исповѣдуй грѣхъ свой — и примешь отпущеніе; осуди самого себя — и будешь оправданъ; принеси Богу сердце сокрушенное и смиренное — и Господь приметъ его въ жертву пріятную и благоугодную: *сердце чисто созиждетъ въ тебѣ и духъ правъ обновитъ во утробѣ твоей.* Чувствуешь-ли, окаянная душа моя, неизреченное милосердіе Отца Небеснаго? Сознаешь-ли, что, по грѣхамъ твоимъ, ты давно достойна ада, а тебѣ паки отвергается рай и царство Божіе? *Блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши!*

Ибо кто можетъ сказать намъ, что нынѣшняя исповѣдь наша не есть для насъ послѣдняя, что долготерпѣніе Божіе оставить безплодную смоковницу и еще на едино лѣто? Это вѣдаетъ только Тотъ, въ десницѣ Коего и дыханіе и жизнь наша.

Какъ исповѣдались-бы мы въ послѣдній разъ въ жизни, на смертномъ одрѣ? Безъ сомнѣнія, исповѣдались-бы совершенно, не скрывая ничего, — отъ постыднаго дѣйствія до безумнаго слова, до нечистаго помысла, до преступнаго желанія, до нечистаго вожеланія; ибо что скрываться передъ смертію? Исповѣдались-бы съ глубочайшимъ сокрушеніемъ духа, съ глубочайшею скорбію о томъ, что доселѣ оскорбляли и прегнѣвляли любовь Божію, которая, не смотря на то, доселѣ щадила насъ, долготерпѣла намъ, не престававшая призывать насъ къ покаянію. Исповѣдались-бы съ глубочайшимъ омерзеніемъ къ злымъ дѣламъ своимъ, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ къ грѣховнымъ наслажденіямъ, которыя тогда, въ виду смерти, потеряли-бы всю свою прелесть. Исповѣдались-бы съ твердою рѣшимостію не уклоняться болѣе на страну лжи и беззаконія, вооружиться всею силою духа противъ соблазновъ міра и похотей собственнаго сердца, прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ единому Господу Иисусу, да будемъ въ Немъ и Онъ въ насъ! Будемъ точно также исповѣдываться и теперь. Ибо и предсмертная исповѣдь бываетъ жива и дѣйствена только у тѣхъ, которые во всю жизнь свою исповѣдовались искренно — съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ. *Взыщите Мене, и не обрящете*, говорилъ Господь къ нераскаяннымъ іудеямъ: *аминь глаголю вамъ, яко умрете во грѣсѣхъ вашихъ. Взыщите Мене*, говоритъ Онъ и теперь некающимся истинно грѣшникамъ, — *взыщите Мене въ часъ смерти своея, и не обрящете*. Пренебрегая легкомысленно благодать Мою во всю жизнь, способны-ли будете воспріять ее въ часъ смерти? Не принося истиннаго покаянія, когда могли, можете-ли принести его тогда, когда смертный недугъ лишитъ васъ всѣхъ силъ? Удаляясь отъ Мене во всю жизнь, можете-ль приблизиться ко мнѣ въ одинъ предсмертный часъ? Кто безъ покаянія проводитъ жизнь, безъ покаянія и кон-

чить ее; кто безопасно во грѣхахъ живетъ, во грѣхахъ и умретъ: *умрете во грѣсѣхъ вашихъ.*

Премилосердый Господь да не попуститъ никому дожить до такой ужасной смерти! Силою благодати Своя да сокрушить сердце наше печалю по Бозѣ, — да согрѣетъ душу нашу теплотою умиленія, да оживить совѣсть нашу святою ревностію къ очищенію и исправленію нашей жизни. Аминь.

28. СЛОВО ВЪ ПЯТОКЪ—ВТОРОЕ.

(НА ПОВЕЧЕРІИ ПО ПРОЧЕНІИ ЕВАНГЕЛІА ОТЪ МАТВЕЯ О СТРАСЯХЪ ХРИСТОВЫХЪ *).

Слушая Евангельское благовѣстіе о страданіяхъ Господнихъ и созерцая, какъ-бы на картинѣ, распинаемаго и страдающаго Христа, вы видѣли, брат., какъ преломлялось святѣйшее тѣло Его, какъ изливалась честнѣйшая кровь Его,—преданные намъ въ снѣдь и питіе! Для чего преломляется сіе святѣйшее тѣло и изливается сія честнѣйшая кровь?—Во оставленіе грѣховъ, отвѣтствуетъ Самъ Господь. Для чего подаются онѣ намъ въ снѣдь и питіе?—Во оставленіе грѣховъ, говоритъ св. церковь. Для чего приемятся и вкушаются нами?—Во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную. Почему во оставленіе грѣховъ было нужно преломленіе плоти и пролитіе крови Христовой? Какъ съ подаеніемъ плоти и крови Христовой въ снѣдь подается оставленіе грѣховъ? Всегда-ли со вкушеніемъ плоти и крови Господней приемятся оставленіе грѣховъ? Такіе вопросы, быть можетъ, нерѣдко приходили на мысль каждому: тѣмъ полезнѣе остановитъ на нихъ благоговѣйное вниманіе въ настоящія минуты.

*) Въ нѣкоторыхъ церквахъ г. Киева въ пятки 1, 2, 3 и 4 седмиць св. великаго поста совершаются, такъ называемыя, Пассіи, т. е., на повечеріяхъ читаются Евангелія страстей Христовыхъ: Матвея, Марка, Луки и Іоанна.—Чтенію Евангелія предшествуетъ пѣніе стихяры вел. Пятка: „Гѣбѣ одѣющагося свѣтомъ яко ризою“ и проч., а по прочтеніи Евангелія поется пѣснь: „Привидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго“ и проч. Учрежденіе это существуетъ со времени митрополита кievскаго Петра Могилы.■

Вамъ извѣстно, брат. мои, слово Писанія, что грѣховная похоть, зачениши, раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣляя раждаетъ смерть (Іак. 1, 15), по тому непреложному закону правды Божіей, что *оброцы грѣха смерть* (Римл. 6, 23), и по тому гибельному свойству грѣха, что онъ, удаля разумную душу отъ Бога—источника жизни и безсмертія, умерщвляетъ ее неминуемо. По сему-то злополучный праотець нашъ, увлеченный похотію и вкусивъ отъ запрещеннаго плода, неминуемо подвергся всей тяжести опредѣленія правды Божіей: *смертію умреши: земля еси и въ землю отъидеши*. Но сіе бѣдствіе не остановилось на немъ одномъ. Какъ глава и родоначальникъ рода человѣческаго, онъ распространилъ оное на всѣхъ своихъ потомковъ; какъ первый человѣкъ, онъ паденіемъ своимъ увлекъ за собою и всѣхъ послѣдующихъ человѣковъ, кои получили бытіе свое отъ него:—отъ нечистаго не могло произойти чистое, отъ грѣшника не могъ родиться праведникъ, отъ смертнаго не могъ произойти безсмертный. По сему то грѣхъ, вошедши единѣмъ человѣкомъ въ міръ, *во вся чловѣки вниде*, а грѣхомъ и смерть, *и тако смерть во вся чловѣки вниде* (Рим. 5, 12). Одинъ согрѣшилъ, и согрѣшили всѣ, одинъ умеръ, и умираютъ всѣ: *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша* (2 Кор. 5, 14). Таковъ неизбѣжный законъ естества!

Чтобы избавить человѣчество отъ грѣха и смерти, надлежало явиться новому Адаму—безгрѣшному и безсмертному, который, воспріявъ на себя клятву грѣха, падшую на родъ человѣческой за непослушаніе Адама ветхаго, загладилъ-бы ее совершеннымъ послушаніемъ и исполненіемъ воли Божіей; понесши казнь за грѣхи—смерть, воскресилъ бы въ себѣ естество человѣческое, и тѣмъ избавилъ бы его навсегда отъ смерти. Но такого Адама не было и не могло быть между потомками Адама падшаго, которые всѣ *повинни бѣша грѣху*, всѣ находились подъ властію имущаго державу смерти, сирѣчь діавода, всѣ были *естествомъ чада гнѣва* и погибли: могъ-ли же грѣшный содѣлать себя и другихъ безгрѣшными, и смертный - безсмертными?

Но слава неизреченному милосердію и снисхожденію Бо-

жю! Милосердый Отець небесный тако возлюби мiръ, яко Сына Своего едиnorodнаго не пощадѣ, *но за всѣхъ насъ предалъ есть Его*. Сей-то Едиnorodный Сынъ Отца небеснаго, *иже не восхищенiемъ нещерева равенъ быти Богу*, по безконечному челоувѣколюбию своему, *себе умалилъ, зракъ раба примъ, въ подобii челоувѣчествъ бывъ, и образомъ обрѣтесе якоже челоувѣкъ* (Филип. 2, 7); прiискреннѣ прiобрѣлся плоти и крови нашей, воспрiялъ на себя естество наше, воплотился и вочелоувѣчился отъ пресвятыя Дѣвы Марiи; и такимъ образомъ явился въ родѣ челоувѣческомъ новымъ Адамомъ, непорочнымъ и безгрѣшнымъ. Его-то, невѣдѣвшаго грѣха, Отець небесный по насъ грѣхъ сотвори, *да мы будемъ правда Божiя о Немъ*. Сей то, возлюбленный Богу Отцу, Самъ произвольно содѣлался за насъ клятвою, чтобъ освободить насъ отъ клятвы законныя; не имѣя Самъ грѣха, Онъ, какъ агнецъ непорочный, воспрiялъ на себя грѣхи мiра, и вмѣсто насъ понесъ всю казнь, какую правосудiе Божiе опредѣлило грѣшнику. Будучи по естеству Господомъ славы, Онъ подвергается на землѣ униженiю и безславию, болѣзнямъ и скорбямъ, потому что такъ правда Божiя судила проводить жизнь падшему челоувѣку: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, сказалъ Господь, въ печальхъ сънъси тую вся дни живота твоего* (Быт. 3, 17). Законоположникъ и Судiя, Онъ Самъ во плоти нашей исполнилъ весь законъ, былъ послушливъ волѣ Отца небеснаго даже до смерти, смерти же крестныя, — для того, чтобы загладить непослушанiе Адама, простершаго руку къ запрещенному древу вопреки заповѣди Господней. Будучи безсмертнымъ по естеству и источникомъ жизни, Онъ подвергается крестной смерти, терпитъ жесточайшiя страданiя, дабы отъять отъ насъ осужденiе смерти и избавить насъ отъ страстей. Теперь, когда вся казнь за грѣхи понесена, правда Божiя не вмѣняетъ намъ грѣховъ нашихъ: *зане Богъ бы въ Христѣ, примиряя мiръ Себѣ, не вмѣняла имъ согрѣшенiй ихъ* (2 Кор. 5, 19); когда оброкъ грѣха — смерть уплаченъ безъ остатка, не остается ничего болѣе, какъ объявить всѣмъ оправданiе и прощенiе грѣховъ, — и оно проповѣдуется намъ во имя Исуса Христа, пострадавшаго за грѣхи наши.

Видите, бр., почему пресвятое тѣло Христово преломлялось во оставленіе грѣховъ, — потому, что оно было жертвою за грѣхи всего міра. Понятно, почему пречистая кровь Господня проливалась во оставленіе грѣховъ; она была цѣною избавленія нашего отъ осужденія и казни за грѣхи! — Слава, Господи, неизреченному милосердію Твоему! Слава непостижимому снисхожденію Твоему! Слава долготерпѣнію Твоему, Человѣколюбче!

Но, чтобы всѣмъ намъ получить оставленіе грѣховъ, нужно, чтобы заслуженное для насъ оправданіе жизни передано было каждому изъ насъ; ибо, хотя всѣ мы имѣемъ одно человѣческое естество, но каждый живетъ и отдѣльною жизнью, каждый одаренъ отъ Господа своимъ разумомъ и волею, и каждый, сверхъ общаго всѣмъ осужденія смерти, снискиваетъ самъ себѣ новое осужденіе собственными своими грѣхами; а потому, еслибы и прощень былъ намъ грѣхъ Адамовъ, на насъ лежало-бы еще осужденіе вѣчной смерти и гибели за наши собственные грѣхи. Посему нужно, говорю, чтобы и каждый изъ насъ воспріялъ отъ Иисуса Христа оправданіе и оставленіе грѣховъ, какъ воспріялъ оно весь міръ въ Его страданіяхъ и воскресеніи изъ мертвыхъ. Какъ бываетъ сіе? какъ переходитъ на насъ отъ Иисуса Христа оправданіе жизни? Такъ же, какъ переходитъ на насъ отъ Адама ветхаго осужденіе смерти. Отъ Адама мы всѣ раждаемся плотію, — *и рожденное отъ плоти, плоть есть*, т. е., раждаемся такими же грѣшными и смертными, каковъ былъ самъ Адамъ по паденіи, отъ Иисуса Христа мы раждаемся духомъ въ таинствѣ крещенія, — *и рожденное отъ Духа, духъ есть*, т. е., раждаемся такъ-же чистыми, непорочными и святыми, какъ святъ и непороченъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Отъ Адама воспріяли мы ветхое человѣческое естество, — а съ Нимъ и лежащее на насъ осужденіе смерти, отъ Иисуса Христа, съ пречистою плотію и кровію Его, приедемъ новое, обновленное, освященное и обоженное естество, а съ Нимъ приедемъ и оправданіе жизни и содѣлываемся участниками Божественнаго естества. Адамъ всѣмъ намъ глава по естеству; раждаясь отъ него, мы всѣ какъ-бы члены его, отъ плоти его

и отъ костей его. — Иисуса Христа самъ Богъ Отецъ положи главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его, — и мы всѣ, приобщаясь плоти и крови Его, бываемъ членами Его таинственнаго тѣла, — отъ плоти Его и отъ костей Его, какъ говоритъ св. Апостоль. Словомъ, какъ плотскимъ рождениемъ и питаніемъ облакаемся во образъ перстнаго, такъ духовнымъ рождениемъ и приобщениемъ плоти и крови Христовой облакаемся во образъ небеснаго. Посему-то самъ Господь съ клятвою утверждаетъ: *Аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пѣте крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь имать животъ вѣчный.* Почему? — потому что, *якоже посла Мя живый Отецъ и Азъ живу Отца ради, тако и ядый Мя живъ будетъ Мене ради.* Нѣтъ нужды, что брeнное тѣло наше, заимствованное отъ Адама, подвергается тлѣнію; отъ вкушенія плоти и крови Господней и тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе: *Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь,* говоритъ Господь, *имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 53, 54, 57).

Видите, брат., какъ съ тѣломъ и кровію Христовою преподается намъ оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчная! Какъ, слѣдовательно, драгоценно для насъ приобщеніе плоти и крови Христовой! — Древніе Христіане столь дорого цѣнили преимущество быть причастниками святѣйшаго таинства плоти и крови Господней, что не хотѣли проводить и седми дней безъ причащенія, почитали себя несчастными, если какія-либо неизбѣжныя обстоятельства отвлекали ихъ на долго отъ алтаря Господня; смотрѣли, какъ на погибшихъ, на тѣхъ, коихъ строгость суда церковнаго удаляла отъ общенія Евхаристіи за грѣхи и преступленія. И чему не подвергались сіи несчастные; какихъ не переносили лишеній, скорбей и болѣзней, только-бы сподобиться причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ! Такъ и должно быть. Ибо вѣчная жизнь и спасеніе души дороже всего; за нихъ должно пожертвовать всѣмъ временнымъ, не исключая самой жизни тѣлесной. Вѣчная смерть и погибель души ужаснѣе всего; стократно лучше потерпѣть всѣ возможныя бѣдствія и скорби

здѣсь— на время, нежели подвергнуться осужденію тамъ— на вѣки!

Не подумайте, впрочемъ, братіе, чтобы содѣлаться причастникомъ божественнаго естества, получить оправданіе и наслѣдовать жизньъ вѣчную, можно было вкушеніемъ плоти и крови Христовой, когда и какъ угодно. Св. апостоль Христовъ свидѣтельствуетъ: *ядый и пійи недостойны, судъ себѣ ястѣ и пїетѣ* (1 Кор. 11, 29). Значить, самое животворящее брашно бываетъ *овымъ убо воля животная въ животѣ, овимъ-же воля смертная въ смертѣ*; и приобщаясь плоти и крови Христовой, можно, вмѣсто оправданія, получить вящее осужденіе, и вмѣсто вѣчной жизни, наслѣдовать вѣчную смерть. Въ жизнь вѣчную причащается плоти и крови Христовой тотъ, кто проводитъ жизнь свою, по ученію апостольскому, *цѣломудренно, праведно и благочестно*; кто приступаетъ къ безсмертной трапезѣ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, со страхомъ Божиимъ и смиреніемъ, съ вѣрою и любовію; кто опасно тщится хранить принятое сокровище жизни вѣчной въ чистотѣ и святынѣ. Во оставленіе грѣховъ приобщается плоти и крови Христовой и грѣшникъ, когда напередъ очиститъ себя совершеннымъ исповѣданіемъ грѣховъ своихъ и приметъ разрѣшеніе и прошеніе отъ служителя Церкви; когда омоетъ грѣхи свои сокрушеннымъ плачемъ и слезами; когда положитъ твердый завѣтъ съ собою—впредь не только опасно блюстись всякаго грѣхопаденія, но и загладить прежніе грѣхи свои всеми зависящими отъ него средствами; когда приуготовитъ себя къ причащенію постомъ и молитвами. Напротивъ, *судъ себѣ ястѣ и пїетѣ* тотъ, кто приступаетъ къ причащенію плоти и крови Христовой, не раскаявшись во грѣхахъ своихъ совершенно, не приуготовивъ себя, какъ должно, молитвами и постомъ, приступаетъ безъ страха и умиленія, безъ вѣры и любви, безъ смиренія и упованія. О, страшный судъ и осужденіе—судъ распинателей Христовыхъ и осужденіе Іудини— ястѣ и пїетѣ себѣ сей несчастный!—И такъ *да искушаетъ человекъ себе*, убѣждаетъ св. Апостоль. Да испытаетъ прилѣжно свою совѣсть, да истязуетъ свое сердце; и, если обратится что-либо недостойное присутствія Господня, въ

помышленіяхъ и чувствахъ, словахъ и дѣлахъ, да изринется вонъ смиреннымъ исповѣданіемъ предъ служителемъ Церкви, да очистится сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами, да изгладится совершеннымъ самоотверженіемъ и готовностію ко всегдашнему исполненію воли Божіей. Доколѣ обитаетъ въ насъ грѣхъ, доколѣ не можетъ вселиться въ насъ Христосъ; *ибо кое общеніе свѣту ко тмѣ, или кое согласіе Христови съ вѣліаромъ?* Доколѣ сами произвольно пребываемъ въ смерти грѣховной, можемъ-ли содѣлаться причастниками божественной жизни?

Съ покаяніемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ, со страхомъ Божиимъ и смиреніемъ, съ вѣрою и любовію, съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, съ надеждою и упованіемъ милосердія Божія приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ! Аминь.

VI. Предъ исповѣдію и послѣ оной.

29. С Л О В О — П Е Р В О Е.

Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися (Ис. 43, 26).

Въ комъ благодатію Божіею возбуждается искреннее желаніе покаянія, тому, по ученію Слова Божія и св. Церкви, предлагается первый и необходимый подвигъ—исповѣдать грѣхи свои предъ служителемъ Церкви, чтобы получить чрезъ него прощеніе: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися*. Подвигъ, говоримъ, первый; ибо исповѣданіемъ грѣховъ только начинается, но отнюдь не оганчивается истинное покаяніе, которое состоитъ въ исправленіи жизни и въ принесеніи плодовъ достойныхъ покаянія. Подвигъ необходимый не потому, чтобы Всевѣдущій не зналъ нашихъ дѣяній:—*вся нага и объявлена предъ очами Его*; Онъ зрѣтъ самыя помышленія наши издалеца; но потому что Самъ Судія міра всю власть духовнаго суда надъ дѣяніями человѣческими—власть отпускать и удерживать грѣхи чело-вѣковъ, до времени всеобщаго суда надъ міромъ, преподаль

пастырямъ Церкви чрезъ избранныхъ Имъ св. апостоловъ: *примите Духъ Святъ, рекъ Онъ божественнымъ ученикамъ Своимъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22. 23). Снъ земные провозвѣстники суда небеснаго, какъ люди, хотя и облеченные божественною властію, но неизъятые отъ ограниченности и недостатковъ природы человѣческой, не знаютъ и не могутъ знать всѣхъ не только тайныхъ, но и явныхъ дѣяній человѣческихъ, тѣмъ болѣе не могутъ знать тайныхъ помышлений и чувствъ, внутренней исторіи сердца человѣческаго: *кто бо вѣсть отъ человѣка, яже суть въ человекѣ, точію духъ человека, живущій въ немъ* (I Кор. 2, 11)? Надобно повѣдать предъ ними дѣянія, чтобы они могли произнести о нихъ свой судъ; надобно открыть предъ ними язвы совѣсти, чтобы они могли приложить къ нимъ цѣлительный бальзамъ Евангельскихъ утѣшеній. Другаго средства къ оправданію отъ грѣховъ нѣтъ; а неоправданный и необновленный благодатію Духа Святаго грѣшникъ не можетъ ни начать хорошо, ни совершить благоуспѣшно истиннаго покаянія и исправленія своей жизни. При такой необходимости исповѣданія грѣховъ своихъ, само собою очевидно, что чѣмъ болѣе исповѣдуемъ, тѣмъ болѣе будетъ прощено намъ; чѣмъ искреннѣе и чистосердечнѣе откроемъ свою совѣсть, тѣмъ лучшее и приличнѣйшее примемъ врачество; чѣмъ болѣе осудимъ самихъ себя, тѣмъ совершеннѣе оправдаемся: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися*.

Глаголи, во первыхъ, всѣ грѣхи безъ исключенія. Нѣтъ, по видимому, ничего ближе къ человѣку, какъ самъ человекъ; нѣтъ ничего извѣстнѣе каждому, какъ собственныя дѣла; и по тому, казалось-бы, нѣтъ ничего легче, какъ исповѣдать собственныя дѣянія. Но опытъ показываетъ, противное тому. Служителямъ Церкви чаще всего встрѣчается видѣть предъ собою такихъ исповѣдниковъ, которые, приходя къ судилищу покаянія, не знаютъ, что сказать,—именуютъ поверхностно нѣсколько грѣховныхъ дѣйствій, общихъ и извѣстныхъ всѣмъ, и заключаютъ всю исповѣдь въ такихъ краткихъ словахъ, которыхъ недостаточно для опи-

санія дѣйствій и одного дня, а не цѣлаго года, или цѣлой жизни. Отъ чего это невѣдѣніе себя и своихъ дѣйствій? Явно отъ невниманія къ себѣ, отъ непривычки часто испытывать свою совѣсть. Ибо какъ большею частію проходитъ у насъ время? Едва встаемъ отъ ложа, насъ встрѣчаютъ многочисленныя заботы; тамъ ожидаютъ удовольствія, тамъ поражаютъ различныя непредвидимыя встрѣчи, пріятныя или непріятныя, радостныя или печальныя; разнородныя впечатлѣнія тѣснятся въ душу непрестанно; разнородныя пожеланія, одно за другимъ, волнуютъ сердце. Едва осѣнитъ насъ покровъ ночи, мы спѣшимъ упокоить тѣло, изнеможенное трудами дня. И вотъ цѣлый день мы были внѣ себя; намъ некогда было войти въ самихъ себя, побесѣдовать наединѣ съ своею совѣстію, замѣтить, что сдѣлано нами худаго, какія нечистыя мысли омрачали нашъ умъ, какія страсти волновали сердце, какія праздныя слова осквернили уста. Какъ проходитъ одинъ день, такъ проходитъ другой, такъ проходятъ цѣлыя годы, такъ проходитъ, наконецъ, цѣлая жизнь. Дивно-ли послѣ сего, что вся прошедшая жизнь наша покрывается какъ-бы мглою, сквозь которую собственное око наше не можетъ усмотрѣть почти ничего? Дивно-ли, что собственное сердце наше является намъ непроницаемою бездною, что мы не знаемъ самихъ себя и потому не знаемъ, что сказать о себѣ отцу духовному, кромѣ общаго имени грѣшника? Какъ же хотѣть, чтобы весь, безконечный почти, рядъ мыслей, желаній и дѣйствій, почти не замѣчаемыхъ нами, вдругъ предсталъ очамъ нашимъ въ нѣсколько минутъ, употребляемыхъ нами для размышленія предъ исповѣдію; чтобы вся бездна сердца нашего, въ которую ни когда не входили мы со свѣтильникомъ слова Божія, вдругъ освѣтилась предъ нами?—Нѣтъ, наука самопознанія такъ трудна, что и опытные въ ней, обращаясь къ обзорѣнію своей жизни, восклицаютъ: *откуда начну плакати дѣяній моихъ?* Только непрестанное вниманіе къ своимъ дѣйствіямъ, душевнымъ и тѣлеснымъ, можетъ приблизить насъ къ намъ самимъ; только каждодневное строгое испытаніе своей совѣсти можетъ приготовить насъ къ надлежащему исповѣданію грѣховъ своихъ предъ духовнымъ отцемъ.

Впрочемъ, въ облегченіе сего недостатка, вполне не вознаграждаемаго ничѣмъ, можетъ быть употребленъ съ пользою въ настоящіе дни какой-либо порядокъ или способъ самоиспытанія. При всемъ разнообразіи пожеланій и чувствованій, непрестанно почти возникающихъ въ насъ, въ сердцѣ каждаго грѣшника господствуетъ одна какая-либо страсть, которая владѣетъ умомъ и сердцемъ его, изъ которой, какъ изъ корня, возникаютъ всѣ грѣховныя мысли, желанія и поступки, которая вовлекаетъ его въ извѣстныя отношенія съ людьми, управляетъ его дѣйствіями и поступками. Угадать въ себѣ сію страсть не трудно; это именно то, чего намъ хочется болѣе всего, къ чему устремлены всѣ наши помыслы и желанія. Но, угадавъ сей корень зла въ себѣ, уже легче будетъ идти отъ него къ вѣтвямъ и плодамъ. Руководствомъ къ сему долженъ служить законъ Божій, и тѣ писанія мужей благочестивыхъ, въ которыхъ кратко излагаются обязанности Христіанина. Тутъ мы увидимъ, какъ наша главная страсть поставляла препятствія въ служеніи нашемъ Богу и Творцу своему, оскверняла самую молитву нашу сторонними помыслами; какъ приводила насъ ко многимъ грѣхамъ противу ближнихъ нашихъ, не давала намъ исполнять чистосердечно и совѣстно обязанности семьянина, гражданина и члена Церкви; какъ растлѣвала самый умъ и сердце наше праздными мечтаніями и безнужными заботами, двигала языкомъ нашимъ въ бесѣдахъ съ ближними. Такой порядокъ самоиспытанія, если не приведетъ насъ къ познанію всѣхъ грѣховъ, по крайней мѣрѣ дастъ намъ возможность открыть духовному отцу самый корень зла въ нашемъ сердцѣ, указать главную причину нашихъ болѣзней духовныхъ, въ отвращеніе которыхъ онъ можетъ даровать намъ благопотребное врачество. *Глаголи беззаконія твоя, да оправдишися!*

Глаголи не только всѣ, сколько возможно, но вмѣстѣ искренно, чистосердечно, не скрывая ничего. Не хотимъ предполагать, что-бы кто-либо, по обдуманной злонамѣренности, приходилъ лгать Духу Святому предъ св. алтаремъ: на такое поруганіе святѣйшаго таинства могутъ рѣшиться развѣ такіе люди, коихъ св. Апостолъ называетъ сожженными

совѣстію. Но тѣмъ не менѣе есть нужда убѣждать приступающихъ къ таинству покаянія искренно исповѣдывать грѣхи свои. Есть другаго рода неоткровенность, хотя не злонамѣренная, но тѣмъ не менѣе вредная, когда или открываютъ грѣхъ не вполне, или не въ такомъ видѣ, какъ должно.

Каждый поступокъ нашъ долженъ быть судимъ не столько самъ по себѣ, сколько по его причинамъ и слѣдствіямъ, по которымъ онъ можетъ быть болѣе или менѣе виновенъ. Невиненъ Илія, по ревности къ славѣ Божіей, собственными руками заклавшій пять сотъ студныхъ служителей вааловыхъ, развращавшихъ Израіля, но виновенъ былъ Давидъ, убившій руками иноплеменниковъ одного неповиннаго Урію. Невинна Эсфирь, облекшаяся въ драгоценныя одежды для преклоненія сердца царева на милость къ единоплеменному ей народу, но виновна Іезавель, показывавшаяся въ блестящемъ украшеніи изъ оконъ дворца своего по одному тщеславію. Потому не довольно открытъ отцу духовному дѣла; но надобно показать источникъ ихъ, объявить послѣдствія; надобно открытъ предъ нимъ сердце, изъ котораго исходитъ и помышленія и дѣла. Ты обвиняешь себя въ оклеветаніи брата своего; скажи и то, что тебя побудила къ тому зависть къ его славѣ и дарованіямъ, или же оскорбленное самолюбіе, и что клевета твоя невинно отняла честь его добраго имени, поселила вражду между имъ и другими, послужила поводомъ къ празднымъ толкамъ и пересудамъ. Ты признаешься въ оскорбленіи другаго словомъ или дѣломъ; открой вмѣстѣ съ симъ, что причиною тому была твоя гнѣвливость и вздорливость, что оскорбленіе твое произвело ссору, отъ которой пострадали и честь и имущество обоихъ. По такомъ только откровеніи дѣлъ нашихъ, служитель Церкви можетъ подать намъ полезный совѣтъ, и властію, данною ему отъ Бога, очистить отъ грѣха совершенно. Въ противномъ случаѣ, при одномъ общемъ поименованіи грѣховъ, и отецъ духовный по необходимости ограничивается однимъ общимъ совѣтомъ: — удержишься, терпи, не дѣлай и проч.; и самое разрѣшеніе, произнесенное имъ, упраздняетъ и изглаждаетъ только исповѣданныя дѣла, но не очищаетъ грѣховнаго сердца, которое не было открыто при исповѣди.

Съ другой стороны, 'каждый поступокъ можетъ казаться болѣе или менѣе виновнымъ смотря потому, какъ онъ произошелъ, и какъ будетъ представленъ, въ какихъ словахъ изображенъ. Одинъ поступокъ совершенъ мгновенно, въ пылу страсти, такъ что онъ не могъ утвердиться въ сердцѣ; пробудившаяся совѣсть тотчасъ же обличила его; другой, напротивъ, по долговременномъ размысленіи, по обдуманному плану, такъ что сердце успѣло полюбить его, пристраститься къ нему совершенно. Первый есть преступленіе, послѣдній — злодѣйство. Открывая одинъ и тотъ же грѣхъ, можно обвинить въ немъ себя совершенно, и можно, примѣшавъ къ признанію извиненія, представить его болѣе извинительнымъ. Первое обличаетъ искреннее раскаяніе сердца; послѣднее показываетъ, что грѣшникъ еще любитъ грѣхъ, не хочетъ разстаться съ нимъ совершенно, а только желаетъ успокоить свою совѣсть. И такъ, открывая грѣхъ, не должно сокрывать сопровождавшихъ его обстоятельствъ, которыя часто бываютъ постыднѣе самаго грѣха и открываютъ все безобразіе сердца. — Открывая грѣхъ, покажи и употребленныя къ тому безчестныя средства; открой многократныя покушенія на грѣхъ, отрѣзаемыя обстоятельствами и паки возобновляемыя съ новымъ усиліемъ. Въ противномъ случаѣ покажешь только грѣхъ, который уничтожится разрѣшеніемъ Священника; но не явишь грѣшника, который по тому самому останется неоправданнымъ. Представши на судъ, не слагай собственную вину на постороннія обстоятельства, которыя не могли и не могутъ заставить насъ грѣшить. Въ противномъ случаѣ докажешь только свою нераскаянность и самъ себя лишишь благодати прощенія и помилованія.

Должно сознаться, что подобное откровеніе совѣсти для человѣка тягостнѣе всего. Обозрѣвая жизнь свою и сличая ее съ закономъ Божиимъ, самъ предъ собственными очами становишься презрѣннымъ. Темная сторона жизни нашей такова, что отъ нея невольно отвращается око совѣсти, стараясь скорѣе погрузить ее во мглу забвенія. Но развѣ Сердцевѣдецъ, предъ Которымъ исповѣдуемъ свои дѣянія, не зрѣлъ ихъ въ самомъ зародышѣ въ нашемъ сердцѣ, и

не зрять въ ихъ погибельныхъ послѣдствіяхъ? Наше забвеніе о дѣлахъ своихъ можетъ-ли содѣлать ихъ забвенными предъ Всецѣдущимъ? Наше утаеніе и сокрытіе грѣховъ можетъ-ли изгладить ихъ изъ книги животной, по которой они будутъ читаны нѣкогда не предъ однимъ свидѣтелемъ, а предъ лицомъ неба и земли, предъ соборомъ Ангеловъ и челоуѣковъ?—Если не исповѣдуемъ ихъ нынѣ во оправданіе, должны будемъ невольно исповѣдать на страшномъ и нелицепріятномъ судѣ Христовомъ во осужденіе наше. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишия.* Аминь.

30 С Л О В О — В Т О Р О Е .

*Глаголи ты беззаконія твоя
прежде, да оправдишия (Иса.
43, 26).*

Такъ удобенъ для насъ способъ оправданія отъ грѣховъ; такъ безмѣрно снисходительна къ намъ любовь Божія; такъ не взыскательно, такъ сказать, самое правосудіе Божественное! Отъ чего? Отъ того, что за всѣ грѣхи челоуѣковъ принесена непримѣрно великая очистительная жертва Сыномъ Божиимъ; отъ того, что проклятіе, лежавшее на насъ, воспріято, и казнь, угрожавшая намъ, понесена Искупителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ; отъ того, что крестомъ Господнимъ разрушено средостѣніе ограда, раздѣлявшее насъ отъ Бога, —рукописаніе грѣховъ нашихъ пригвождено ко кресту; отъ того, что великій Первосвященникъ, прошедшій небеса, *не съ кровію козлею, ниже тельчею, но со Своею кровію, вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый: не въ рукотворенная бо Святая вниде Христосъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (Евр. 9, 12. 2. 4). Теперь двери милосердія отверсты для всѣхъ: всякъ прійди, и будешь помилованъ, исповѣдай согрѣшенія свои, и будешь прощенъ, *глаголи беззаконія твоя и оправдишия.*

‡*Оправдишия* — какое драгоценное, обѣтованіе. Ибо что злосчастіе участи челоуѣка неоправданнаго, лишеннаго ми-

лости Божіей и покровѣ небеснаго, отчужденнаго отъ жизни Божіей, преданнаго власти діавола и заживо уловленнаго въ свою его волю? И напротивъ, что блаженнѣе участи тѣхъ, ихже оставишася беззаконія, и ихже прикрѣшася грѣси, которые живутъ подъ покровомъ милости Божіей, имѣютъ дерзновеніе вопіять къ Отцу небесному во всякой нуждѣ и обстояніи? Если здѣсь, на землѣ не такъ еще замѣтно сіе различіе, по крайней мѣрѣ по внѣшности; за то съ какою ужасающею силою откроется оно тогда, когда снимется земный покровъ съ дѣяній человѣческихъ, когда рѣшится окончательно судьба праведныхъ и грѣшныхъ на всю вѣчность! Какъ стерпитъ бѣдный грѣшникъ гнѣвный гласъ Судіи неба и земли: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его?* Можно-ли не возрадоваться радостію велию тѣмъ, кои услышатъ другой гласъ Судіи: *приидите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра?* — И все средство избѣжать злой участи первыхъ и наследовать блаженство вторыхъ состоитъ въ произвольномъ исповѣданіи грѣховъ своихъ здѣсь — предъ служителемъ Христовымъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися.* Нужно-ли послѣ сего убѣждать грѣшниковъ къ исповѣданію грѣховъ своихъ? И не должно-ли удивляться по истиннѣ тому, что такъ мало и рѣдко пользуемся мы симъ богодарованнымъ средствомъ, тогда какъ согрѣшаемъ многажды и ежечасно? Можно-ли не трепетать при мысли, что, пренебрегая сей величайшій даръ любви Божіей, мы сами предаемъ себя неумытному суду Божію, который готовъ ежеминутно предать насъ участи раба неключимаго, исторгнуть душу нашу и предать гееннѣ огненной?

Почему, спросить кто-либо, нужно исповѣданіе грѣха, чтобъ получить прощеніе и помилованіе, которое заслужено для всѣхъ и навсегда Сыномъ Божіимъ? — Не только потому, что власть отпускать грѣхи въ настоящей жизни Самъ Господь преподальъ служителямъ своимъ, которые, не будучи сердцевидами, не могутъ безъ исповѣданія грѣховъ даровать прощенія; но и по самому свойству грѣха, отъ котораго не можемъ освободиться иначе, какъ чрезъ исповѣданіе.

Ибо что такое грѣхъ? Это, во-первыхъ, нравственный ядъ, духовная отрава, которая производитъ тоже въ нашей душѣ, а потомъ и въ тѣлѣ, что производятъ въ тѣлѣ обыкновенные яды. Когда поглощенъ ядъ, то въ тѣлѣ происходитъ необыкновенное волненіе крови, жестокая горячка, судорожное изнеможеніе и смерть. Подобное происходитъ въ душѣ, когда проникаетъ въ нее духовный ядъ, грѣховный помысль. Въ ней возникаетъ такое страшное волненіе мыслей и чувствъ, желаній и стремленій, что весь духъ горитъ какъ-бы въ огнѣ, кружится какъ въ вихрѣ, доколѣ страстные влеченія сердца не заглушать, наконецъ, гласа совѣсти, не низвергнуть душу въ пропасть грѣха. Тогда-то душа, отпадшая отъ Бога, лишается благодати Божіей, отчуждается отъ жизни божественной, становится мертвою предъ очами Божіими; тогда совѣсть, убитая сознаниемъ преступленія, терзаетъ душу только бесплоднымъ угрызеніемъ, какъ червь могильный терзаетъ бездушное тѣло. — Какія ни употребляйте противоядія; но, доколѣ ядъ въ тѣлѣ, смерть неизбѣжна: одно средство освободиться отъ нея—исторгнуть смертоносное вещество изъ тѣла и извечь его наружу. Такъ и оядотворенная грѣхомъ душа, какія ни употребляла бы сама собою средства къ своему уврачеванію, но доколѣ грѣхъ остается въ ней, вѣчная смерть ея неизбѣжна; язвленная сознаниемъ грѣха совѣсть сама осудить себя на вѣчное отчужденіе отъ Бога! Одно и единственное средство спастися ей отъ гибели—извергнуть изъ себя ядъ грѣха исповѣданіемъ его предъ служителемъ Христовымъ, имѣющимъ отъ Бога власть отпускать грѣхи. Тогда только совѣсть, оживотворенная изреченнымъ ей прощеніемъ и помилованіемъ, паки воспріемлетъ силу и жизнь; душа наитствуется благодатію Пресвятаго Духа, освящается и дѣлается паки угодною Богу.

Что такое грѣхъ? Это удица и сѣть, которою діаволь уловляетъ насъ въ свою его волю; ибо *всякъ, творяй грѣхъ, отъ діавола есть, яко исперва діаволь согрѣшаетъ* (1 Іоан. 3, 8). Снѣ-то средствомъ возобладаль онъ надъ первымъ человѣкомъ и потомъ надъ всѣмъ человѣчествомъ. Опутавъ сею сѣтію, онъ держаль во устахъ адовыхъ всѣхъ, доколѣ

великій Рѣшитель узъ грѣховныхъ не расторгъ ее крестомъ и не открылъ новаго пути покаянія, коимъ уловенныя діаволомъ души могутъ исходить на свободу. Что-же дѣлаемъ теперь мы, предаваясь грѣху послѣ освобожденія нашего отъ власти діавола? Свободно приедемъ въ себя смертоносную удицу, прикрытую пустою приманкою; произвольно заходимъ въ діавольскую сѣть, обольщаясь сластію грѣховною. Можетъ-ли освободиться отъ власти ловца рыба, доколѣ находится внутри ея поглоченная ею уда? Нѣтъ, она вся въ его власти; куда захочетъ, туда поведетъ ее; когда захочетъ, тогда извлечетъ ее на сушу. Можетъ-ли освободиться уловленная сѣткою птица, доколѣ не проторгнется сѣтъ? Нѣтъ, она вся во власти ловца: онъ можетъ распространять и стягивать сѣть по своему произволу; она можетъ биться и порхать, но все въ оковахъ, а не на свободѣ. Такъ и грѣшная душа можетъ-ли освободиться отъ власти діавола, доколѣ внутри ея грѣхъ—эта діавольская удица, которою онъ держитъ ее въ своей власти, заставляетъ биться и трепетать по своему сатанинскому произволу? Одно ей средство спасенія—извергнуть изъ себя грѣхъ исповѣданіемъ, расторгнуть грѣховныя узы искреннимъ обращеніемъ къ Богу. Тогда власть діавола прекращается; душу грѣшника приедемъ въ объятія свои любовь Божія; освобожденная изреченнымъ ей прощеніемъ, она исторгается въ свободу чадъ Божіихъ.

Что такое грѣхъ? Это средостѣніе ограды, раздѣляющее насъ отъ Бога. Высока и неприступна была сія ограда, воздвигнутая грѣхами всѣхъ человѣковъ, которые сами себя заключили въ ней, какъ въ темницѣ; но ее разрушилъ крестомъ своимъ Господь, и открылъ исходъ изъ нее бѣднымъ узникамъ. Чтожъ дѣлаемъ теперь мы, предаваясь паки грѣху? Воздвигаемъ новую для себя ограду, которая отдѣляетъ насъ отъ Бога, строимъ сами для себя темницу, въ которой не видимъ Божьяго свѣта; простираемъ сами надъ собою мрачный покровъ, сквозь который не проникаетъ къ намъ лучъ благодати. Что можетъ быть жалче сего состоянія? Но изъ него нѣтъ и не можетъ быть инаго исхода, какъ открыть отверстіе исповѣданіемъ грѣховъ, сквозь которое могъ бы осіять насъ лучъ благодати Божіей, сквозь которое любовь Божія могла-бъ извлечь насъ на свободу.

Вотъ, почему необходимо свободное исповѣданіе грѣховъ: безъ него душа наша останется навсегда мертвою прегрѣшеніи, преданною власти діавола, отчужденною отъ Бога! *Аще же исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9.):—такъ увѣряетъ насъ возлюбленный ученикъ Господень. Т. е., когда мы сами возненавидимъ грѣхи свои и исповѣдаемъ ихъ предъ Богомъ, то не только любовь, а и самая правда Божія, умилованная кровію Христовою, самая непреложность обѣтованій Божіихъ требуетъ, чтобъ мы были прощены и помилованы.

Само собою разумѣется, что истинное и благоплодное исповѣданіе грѣховъ должно быть полное и совершенное, искреннее и вседушевное, твердое и невозвратное. Исповѣдать одинъ грѣхъ и сокрыть другой—не значить-ли произвольно оставлять въ себѣ ядъ грѣха, который умертвить душу нашу неизбѣжно,—имѣя всю возможность извергнуть его вонъ и тѣмъ очистить себя совершенно? Исповѣдать грѣхъ неискренно, какъ бы нехотя и съ принужденіемъ—не значить-ли явно доказать, что мы любимъ еще грѣховныя узы, что діаволь еще крѣпко держитъ насъ въ своихъ оковахъ? Наконецъ, исповѣдать грѣхъ безъ твердаго намѣренія оставить его вовсе не то же-ли значить, что сказать благодати Божіей: «слышимъ Твой гласъ, признаемъ себя грѣшными; но оставь насъ въ сѣтяхъ діавола, не хотимъ разстаться съ ними». Не такъ-ли поступаютъ тѣ несчастные, которые, потерявъ не только всякое чувство добродѣтели, но и всякое чувство стыда человѣческаго, съ намѣреніемъ упорствуютъ въ преступленіи, чтобъ продлить темничное заключеніе, которое нравится имъ, какъ скопище порока, и въ которомъ они готовы остаться навсегда? Дивно-ли послѣ сего, что такое лживое исповѣданіе грѣховъ не только не оправдываетъ человѣка и не примиряетъ его съ Богомъ, но еще болѣе предаетъ его власти діавола, который неминуемо повлечетъ его съ собою во огнь вѣчный!

Да отверзутся всѣ внутреннѣйшіе заклепы сердца нашего, когда являемся на судилище покаянія, да явится внутренній человѣкъ нашъ такимъ, каковъ онъ есть! Пусть

будетъ онъ весь покрытъ язвами страстей и пороковъ: небесный Самарянинъ уврачуеъ и исцѣлитъ его; всеосвящающая кровь Господня омоетъ, очиститъ и освятитъ его. Не прѣтися съ правосудіемъ Божиимъ приходимъ мы къ престолу покаянія, а искать и просить милости и пощады у милосердаго Искупителя нашего и Судіи. *Глаголи убо ты беззаконія твоя прежде, да оправдишиися!* Аминь.

31. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е.

Спасая спасай твою душу: не озирайся вспясть, ниже постой во всемъ предъль смгъ: въ горь спасайся, да не когда купно ять будеши. (Быт. 19, 17).

Такъ говорилъ Господь Лоту, изводя его изъ Содома, осужденнаго на страшную казнь огнемъ небеснымъ. Послушался праведникъ повелѣнія Божія, и спасъ душу свою отъ пламени, пожравшаго нечестивыхъ; преслужала повелѣніе Господне жена Лотова, озрѣлась вспясть, и бысть столпъ слань, какъ говоритъ Свящ. Бытописатель. И насъ окружаетъ не меньшая погибель—грѣховная, и намъ угрожаетъ въ будущемъ ужаснѣе Содомскаго огня—геенскій, и къ намъ простираетъ нынѣ свой гласъ провозвѣстница таинъ Божіихъ Св. мать наша Церковь: *спасая спасай душу твою*, Христіанинъ; убѣгай отъ погибели, въ которую влечетъ тебя грѣхъ, очисти душу твою исповѣданіемъ грѣховъ, оставь навсегда путь нечестія и востекай въ гору Христіанской добродѣтели и Евангельскаго совершенства! *Спасая спасай душу твою!*

Спасай душу твою отъ погибели, въ которую влечетъ тебя грѣхъ. Ибо что такое грѣхъ? Во-первыхъ, есть оскорбленіе Бога — Вседержителя, Коего слушаетъ небо и земля и преисподняя, Которому со трепетомъ предстоятъ Архангели и Ангели, Котораго боятся и трепещутъ самые духи злобы, Которому служить все естество небесныхъ и земныхъ: — Бога всемогущаго, имущаго власть погубити и душу и тѣло наше въ гееннѣ огненнѣй, — Бога — Судіи живыхъ и мер-

твыхъ, Который воздасть ромуждо по дѣломъ его;—Святѣйшаго Святыхъ, предъ лицомъ Коего ненавистень всякій грѣхъ, омерзительна всякая злоба;—Отца любвеобильнѣйшаго, Который для спасенія нашего не пощадилъ едиnorodнаго Своего Сына, но за насъ всѣхъ предалъ Его на смерть, Который усыновилъ насъ Себѣ въ таинствѣ святаго Крещенія, даровалъ намъ сокровище благодати Своя, содѣлалъ насъ наслѣдниками царствія Своего. И такъ что дѣлаеть грѣшникъ, когда преступаеть законъ Божій? Онъ предъ лицомъ Бога вездѣсущаго, предъ очами Его—всевѣдущаго, посмѣвается величію Его, отметаеть любовь Его, презираеть благодѣянія Его, ругаеться благодати Его, попираеть кровь Сына Божія, уничижаеть Евангеліе Его. Боже мой, сколь чудно, непостижимо долготерпѣніе Твое! Какъ огонь небесный не попалить тотчасъ презрителя Славы Твоея! Какъ земля не разверзется тотчасъ подъ стопами поругателя Святыни Твоея! Какъ бездна ада не поглотитъ тотчасъ оскорбителя безконечной любви Твоей!

Съ другой стороны, что дѣлаеть грѣхъ съ душою чловѣка?—Онъ лишаеть ее благодати Божіей?—изъ существа Богоподобнаго дѣлаеть подобною скотомъ несмысленнымъ,—изъ Ангела Божія творить бѣса лукаваго. Осіяваемая благодатию Божіею душа есть невѣста Божія, сообщница Ангеловъ Божіихъ, наслѣдница рая, царица, украшенная богатствомъ всѣхъ даровъ Божественныхъ. Лишенная благодати Божіей, она становится мерзостною въ очахъ Божіихъ, предметомъ отвращенія святыхъ Ангеловъ, другинею бѣсовъ, плѣнницею діавола. А что ожидаеть душу грѣшника въ будущемъ?—Погибель вѣчная, неугасаемый огонь, уготованный діаволу и ангеломъ его. И такъ каждый некающійся грѣшникъ есть преступникъ, уже осужденный на вѣчную казнь, стоитъ на краю погибели, при самомъ устьѣ печи огненной. И что удерживаеть его отъ вверженія въ сію бездну? Слабая нить настоящей жизни, которая готова прерваться каждую минуту, но которую неизреченное милосердіе Божіе еще поддерживаеть своимъ долготерпѣніемъ. Прервется нить сія,—и онъ падеть въ самую глубину бездны, откуда нѣтъ выхода и избавленія; истощится мѣра долготерпѣнія Боже-

ственного, — и онъ неотъемлемая жертва погибели; постигнуть внезапная смерть, — и онъ вѣчная добыча ада!

Думаешь-ли, грѣшникъ, защититься отъ угрожающей тебѣ погибели безконечнымъ милосердіемъ Господнимъ? — *Но милость и гнѣвъ у Него, и на грѣшницъхъ почиетъ ярость Его.* Щедръ и милостивъ Господь, но только къ призывающимъ Его во истинѣ; долготерпѣливъ и многомилостивъ, но только къ кающимся грѣшникамъ, а на нераскаянныхъ давно изреченъ уже судъ Его: *еще не покается, вси погибнете. Или о богатствѣ благодати и долготерпѣнія Его не радиши, не вѣдѣй, яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ?* Любовь Божія ищетъ твоего спасенія; а ты посмѣваешься ей и говоришь: Господь благъ, проститъ мои согрѣшенія, — и продолжаешь грѣшить необязанно! Долготерпѣніе Божіе на покаяніе тя ведетъ; а ты издѣваешься и говоришь: долготерпѣливъ Господь, не предастъ мене погибели, — и не престаешь творить злое предъ очами Его! Не самъ-ли собираешь угліе огненное на главу свою? Не самъ-ли творишь себя недостойнымъ милосердія, повиннымъ суду и гееннѣ огненной? Думаешь-ли, что благодать Божія можетъ спасти тебя и въ часъ смерти? Правда, сія вседѣйствующая благодать спасала мытарей и грѣшниковъ, содѣлывала сосудами избранными гонителей и хульниковъ; отверзала двери райскія и разбойникамъ! Но она спасала тѣхъ, кои не противились ея дѣйствіямъ, слѣдовали ея влеченіямъ; кои, услышавъ гласъ ея, всемъ сердцемъ возжадали и искали своего спасенія. Не все ли, что нужно, содѣлала сія Божественная благодать и для нашего спасенія? Она благоволила родиться намъ въ нѣдрахъ святаго Церкви; отъ утробы матерней возродила насъ въ новую жизнь въ купели крещенія; съ млекою матернимъ воспитала насъ спасительнымъ ученіемъ вѣры, отъ колыбели освятила насъ святыми таинствами и доселѣ не престаешь оглашать слухъ нашъ словомъ Божиимъ, возбуждать совѣсть нашу отъ усыпленія грѣховнаго, призывать ко спасенію. Какой же ожидаешь еще благодати чудодѣйственной? Нѣтъ, Самъ Господь премилосердый, принимавшій мытарей и грѣшниковъ кающихся, сказалъ строптивымъ и непокорнымъ Іудеямъ: *вызываете*

Мене и не обряцете; аминь глаголю вамъ, яко умрете во грѣсѣхъ вашихъ. Взыщете Мене, говорить Онъ и теперь некающимся грѣшникамъ, взыщете Мене въ часъ смерти вашей—и не обряцете. Отвергая благодать Мою во всю жизнь вашу, способны-ли будете воспріять ее въ часъ смерти? Не принося истиннаго покаянія, когда могли, принесете-ли, когда недугъ смертный лишитъ васъ всѣхъ силъ? Удаляясь отъ Мене во всю жизнь, можете-ли приблизиться ко Мнѣ въ одинъ предсмертный часъ? Взыщете Мене, и не обряцете: — безъ покаянія проводили жизнь свою, безъ покаянія и кончите ее; во грѣхахъ жили, во грѣхахъ и умрете: *Аминь глаголю вамъ, яко умрете во грѣсѣхъ вашихъ!* И такъ, спасая спасай душу твою, Христіанинъ, теперь, когда отверсты двери Милосердія Господня, доколѣ не исполнилась мѣра долготерпѣнія Божія, пока есть еще дыханіе въ груди твоей. Оставь, если нужно, все, что можетъ удерживать тебя отъ покаянія, привязывать тебя къ жизни грѣховной; ибо душа дороже всего: погубивъ ее, погубляешь все, спасая ее, спасаешь все. *Спасая спасай твою душу!*

Къ утѣшенію нашему, Господь даровалъ намъ самое легкое и удобное средство къ освобожденію души нашей отъ погибели грѣховной, положилъ спасеніе души нашей, такъ сказать, въ наши собственныя руки. *Аще исповѣдаемъ грѣхи наша,* говорить Апостоль Христовъ, *въренъ естъ и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды.* Если бы для освобожденія отъ грѣховъ потребовалъ Господь великихъ сокровищъ, и тогда отреклись-ли бы пожертвовать ими? Ибо какія сокровища временныя могутъ замѣнить сокровища вѣчныя? Какія утѣхи земныя могутъ облегчить и усладить мученія ада? Если-бы повелѣлъ, въ жертву оправданія и очищенія, потерпѣть страданія и мученія; кто отрекся-бы и отъ сего? Ибо какія страданія земныя могутъ сравниться съ страданіями въ пламени гееннскомъ? Какія временныя скорби не будутъ забыты среди блаженства вѣчнаго? Если-бы даже потребовалъ самой жизни нашей, кто отрекся-бы потерю временной жизни купить нескончаемую жизнь въ царствіи Божіемъ? Кто не согласился-бы лучше умереть однажды, нежели умирать вѣч-

но? — Но теперь любовь Божія требуетъ отъ насъ одного только исповѣданія грѣховъ своихъ, и общаетъ оправданіе и помилованіе: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися.* — Исповѣдай грѣхъ свой — и примешьъ отпущеніе, осуди самого себя — и будешь оправданъ; принеси Богу сердце сокрушенное и смиренное — и Господь приметъ его въ жертву пріятную и благоугодную, сердце чисто созиждетъ въ тебѣ и духъ правъ обновитъ въ тебѣ. «О человеколюбія величество! — восклицаетъ св. Златоустъ, — благодости превосходство! грѣшника, по исповѣданіи имъ грѣховъ своихъ и по обѣщаніи впредь твердости въ несогрѣшеніи, — нечаяннымъ Богъ праведникомъ являетъ!» Но о величайшая безпечность, о крайняя неблагодарность человѣческая! И это богодарованное средство, которое стоило крестной смерти Сыну Божію, и которое совершенно туне приноситъ прощеніе грѣшнику, пренебрегается, оставляется, даже злоупотребляется людьми. Какой казни не заслуживаетъ такая небрежность? Какихъ мукъ не достойна сія неблагодарность? *Спасая спасай душу твою.* Христіанинъ, дорожи временемъ долготерпѣнія Божія, пользуйся богодарованнымъ средствомъ къ оправданію своему, пока можешь. Прпдетъ время, когда возжелаешь исповѣдать грѣхи свои, но никто не приметъ твоего исповѣданія; будешь окаевать житіе свое, но безъ надежды помилованія; возжелаешь возвратитъ хотя часть, хотя минуту настоящаго времени долготерпѣнія Божія, но оно уйдетъ безвозвратно, предъ нами затворится дверь милосердія Господня, заключится чертогъ царствія Христова; и если-бы мы начали вопіять, подобно дѣвамъ юродивымъ: *Господи, Господи, отверзи намъ,* — услышимъ одинъ отвѣтъ: *не вѣмъ васъ, отыдите отъ Мене!* Ахъ, какъ ужасно будетъ помыслить среди вѣчныхъ мученій геенскихъ, что столько драгоценнаго времени, коего каждый часъ могъ принести намъ цѣлую вѣчность блаженства, потеряно нашею безпечностію безвозвратно; столько удобнѣйшихъ случаевъ къ очищенію себя отъ грѣховъ опущено навсегда; столько средствъ къ освященію и спасенію нашему пренебрежено, столько увѣщаній отвергнуто! — Спасая спасай твою душу теперь, *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися.*

Да не удержать тебя ложный стыдъ отъ чистосердечнаго, искренняго и совершеннаго исповѣданія грѣховъ своихъ! Ахъ, Сердцевѣдецъ видѣлъ всѣ беззаконія твои, когда они зачинались еще въ тайныхъ помышленіяхъ сердца твоего: отъ Него-ли сокроешь содѣянное тобою? Вездѣсущій былъ съ тобою въ то время, когда ты, сокрывшись отъ взора чело-вѣческаго и почитая себя невидимымъ ни для кого, без-студное мыслилъ, безстудное дѣлалъ;—предъ Нимъ-ли ду-маешь утаить грѣхи твои? Теперь Онъ долготерпѣливо ожи-даетъ, пока ты самъ произвольно возгнушаешься нечисто-тою своею, исповѣдаешь скверны свои, но придетъ страш-ный часъ суда, когда Онъ Самъ обнаружитъ всѣ студныя дѣла твои предъ полнымъ соборомъ Ангеловъ и чело-вѣковъ и изведетъ тайная во свѣтъ. Не устрашишь и лица свидѣ-теля твоего исповѣданія: для того-то Госнодь и предалъ власть отпущать грѣхи не Ангеламъ святымъ, нечаст-нымъ грѣху, а подобострастнымъ намъ чело-вѣкамъ, кото-рымъ извѣстны всѣ немощи естества чело-вѣческаго, вся злоба, къ которой способна падшая природа наша,—чтобы они могли спострадать намъ, быть внимательными къ тяж-кой болѣзни души нашей. И чѣмъ искреннѣе откроешь предъ отцемъ духовнымъ сердце свое, чѣмъ чистосердечнѣе испо-вѣдаешь предъ нимъ жизнь свою, тѣмъ болѣе подвигнешь его къ состраданію, тѣмъ скорѣе возбудишь его споболѣть съ тобою, облегчить тяжкую скорбь души твоей, успо-коить мятущуюся совѣсть твою, искреннѣе воздохнуть о тебѣ къ Богу. И такъ, не сокрывай грѣха твоего; ибо неисповѣдуемый грѣхъ бываетъ язвою неисцѣльною, какъ говорить св. Василій Великій. Не изыскивай ложнаго изви-ненія о грѣхахъ своихъ; ибо не извиненіе, а произвольное и совершенное обвиненіе себя бываетъ виною прощенія и помилованія. *Спасая спасай твою душу.*

Но паче всего спасай душу твою тогда, когда сподобишься прощенія, когда будешь помилованъ на судѣ покаянія: *не озирайся вспять, ниже постой во всемъ предѣлѣ семъ; въ горь спасайся, да не когда купно ятъ будешь.* Не озирай-ся вспять—на прежнюю грѣховную жизнь свою, да не прель-ститъ тебя лесть грѣховная; не обращай опять къ тѣмъ же

беззаконіямъ, да не когда купно ятъ будеши! Омывшись отъ сквернъ грѣховныхъ кровію Спасителя, погрузишься-ли паки въ ту же нечистоту и скверну? Извергнувъ изъ себя ядъ грѣха исповѣданіемъ, примешь-ли его опять внутрь себя къ собственной гибели? Угасивши въ крови Агнчей разжженные стрѣлы правосудія небеснаго, будешь-ли еще распалять ихъ пламенемъ страстей твоихъ, собирать угліе огненное на главу свою? Нѣтъ, да будетъ слѣдствіемъ исповѣданія нашего совершенное оставленіе тѣхъ грѣховъ, которые мы сами осудили въ себѣ предъ лицомъ всевѣдущаго Судіи, — совершенное отвращеніе отъ того нечистаго образа жизни, который сами признали достойнымъ вѣчнаго осужденія. *Спасая спасай твою душу, и не озирайся вспять, да не когда купно ятъ будеши!* Аминь.

32. СЛОВО — ЧЕТВЕРТОЕ.

Измыйтеся, и чисти будите, отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ; научитесь добро творити (Ис. 1, 16, 17).

Такъ говорилъ Господь устами пророка, обличая преступный народъ Свой, призывая его на судъ любви и милосердія Своего, возбуждая къ покаянію и обращенію. Онъ обѣщаетъ простить и загладить грѣхи ихъ, очистить неправды ихъ, убѣлить нечистоты ихъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы они и сами измылись отъ грѣховъ своихъ, отыали лукавства отъ душъ своихъ, престали отъ лукавствъ своихъ и научились добро творити. Такъ, братіе мои, и самое милосердіе Божіе не можетъ очистить насъ, если мы сами не захотимъ очиститься отъ всякой скверны плоти и духа; и сама благодать Божія не можетъ спасти насъ безъ насъ, безъ нашего содѣйствія къ изглаженію грѣховъ своихъ; и самое таинство покаянія не оправдитъ насъ предъ Богомъ, если мы не принесемъ плодовъ достойныхъ покаянія.

Измыйтеся, и чисти будите. Это духовное измovenіе

есть искренне, сокрушенное и слезное исповѣданіе грѣховъ нашихъ предъ Богомъ, въ присутствіи служителя олтара Господня, которому Самъ Господь Іисусъ Христосъ предалъ власть отпущать грѣхи кающимся. Не потому требуется сіе исповѣданіе, чтобы Господу не извѣстно было все содѣланное нами. Сердцевѣдецъ видѣлъ всѣ беззаконія наши еще тогда, когда зачинались онѣ въ тайныхъ помышленіяхъ сердца нашего. Вездѣсущій былъ съ нами и тогда, когда мы, сокрывшись отъ взора человѣческаго и почитая себя невидимыми нигѣмъ, безразсудное мыслили, безстыдное дѣлали, услаждаясь втайнѣ грѣховнымъ удовольствіемъ. Предъ Всевѣдущимъ открыты и душа и сердце наше такъ, какъ не открыты они намъ самимъ. И придетъ день суда, когда Онъ изведетъ тайная во свѣтъ, обнаружитъ всѣ совѣты сердечныя, *изобличитъ нечестивыхъ о всѣхъ дѣлахъ нечестія ихъ*. Теперь Онъ долготерпѣливо ожидаетъ, чтобы мы сами добровольно возгнушались нечистотою своею, исповѣдали предъ Нимъ беззаконія свои, обнажили язвы совѣсти своею, осудили самихъ себя. *Глаголи ты беззаконія твои прежде, да оправдишися*,—говоритъ Онъ. Итакъ принесемъ Ему нынѣ исповѣданіе совершенное, не скрывая ничего, отъ постыднаго дѣла до безумнаго слова, до нечистаго помысла, до безстыднаго вожделѣнія сердечнаго;—исповѣданіе искреннее и чистосердечное, не скрывая побужденій къ беззаконіямъ, (которыя таятся въ развращеніи сердца, въ тайной любви ко грѣху, въ услаженіи сердца грѣховными вожделѣніями) не изыскивая ложныхъ извиненій во грѣхахъ своихъ, тѣмъ паче не обвиняя другихъ вмѣсто самихъ себя;—исповѣданіе слезное, сокрушенное и смиренное. Окаявая безумное произволеніе свое, сокрушаясь о прогнѣвленіи безконечной любви Божіей, оплакивая горькую участь свою, ожидающую насъ по смерти, обнажимъ предъ Сердцевѣдцемъ всю душу и сердце свое, всѣ тайны страстей и грѣховныхъ вожделѣній, всѣ язвы совѣсти своею; омоемъ ихъ слезами умиленія и сокрушенія сердечнаго; осудимъ самихъ себя, какъ недостойныхъ помилованія, но достойныхъ осужденія и казни) *Измытеся, и чисти будите.*

(Отмытеся лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима

моими) Истинное покаяніе, какъ второе крещеніе, есть смерть грѣху. (Подъ этимъ только условіемъ возможно оправданіе наше и прощеніе грѣховъ нашихъ. Истинно кающійся, подобно крещающемуся, *спогребается Христу въ смерть, да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчюю, тако и онъ во обновленіи жизни ходити начнетъ. Аще же умрохомъ грѣху, како паки оживемъ о немъ?*) Если сами осуждаемъ въ себѣ грѣхъ, то какъ возвратимся опять къ тому же грѣху? (Омывшись отъ сквернъ грѣховныхъ кровію Христовою, погрузимся-ли мы опять въ ту же нечистоту и скверноту? Извергнувъ изъ себя ядъ грѣха исповѣданіемъ, примемъ-ли его опять внутрь себя къ большому осужденію и гибели? Что пользы исповѣдать грѣхъ безъ намѣренія оставить его навсѣгда? Возставать для того только, чтобъ опять упадать еще глубже?—(Пробуждаться для того, чтобы опять погружаться въ тягчайшій и глубочайшій сонъ?)—Обращаться къ Богу только за тѣмъ, чтобы, похитивъ, такъ сказать, прощеніе, опять измѣнить Ему и предаться врагу Его? (Въ такомъ случаѣ съ нами сбудется, по слову Апостола, *притча: не съ возвращая на блевоты свои, и свиия, омывшись,—въ калъ тинный*) По сему главное условіе прощенія грѣховъ есть совершенное отверженіе грѣха, изверженіе его изъ души и сердца своего, умерщвленіе самаго пожеланія и похоти грѣховной. (Если мы всѣмъ умомъ и сердцемъ своимъ отвергнемъ и возненавидимъ грѣхъ, онъ простится намъ; если же мы будемъ еще любить его и услаждаться имъ, то любовь Божія отвратится отъ насъ, и гнѣвъ Божій почіеть на насъ.) *Отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моими.*

Престаните отъ лукавствъ вашихъ. Это другое необходимое условіе прощенія грѣховъ. Т. е., внутреннее отверженіе грѣха надобно засвидѣтельствовать самымъ дѣломъ, всевозможнымъ изглаженіемъ всѣхъ послѣдствій, происшедшихъ отъ грѣховъ нашихъ, чтобы видно было, что мы искренно возлюбили правду и возненавидѣли беззаконіе. Всякій грѣхъ, главнымъ образомъ, ужасенъ тѣмъ, что, согрѣшая, мы оскорбляемъ любовь Отца небеснаго, безчестимъ Его всесвятое и поклоняемое имя, и за то дѣлаемся по-

винными вѣчному осужденію и казни. Уничтоженіе сей виновности грѣха предъ правосудіемъ Божиимъ, избавленіе грѣшника отъ вѣчной смерти и погибели есть дѣло всемогущества и милосердія Искупителя нашего. Его всепримиряющая жертва можетъ изглаждать наши неправды и очищать грѣхи; Его высочайшая власть и могущество можетъ пещищать грѣшниковъ изъ челюстей смерти и ада; Его всеильное ходатайство предъ Отцемъ небеснымъ можетъ угасить стрѣлы правосудія Божія, готовыя поразить грѣшника во всякое время. Посему намъ должно съ живою вѣрою въ Искупителя и силу крестной Его смерти непрестанно молиться, чтобы Господь не отвергъ покаянія нашего, принявъ исповѣданіе наше и не помянулъ беззаконій нашихъ на праведномъ судѣ Своемъ. Намъ должно, но примѣру псалмопѣвца, видѣть грѣхи свои предъ собою выну и оплакивать ихъ во всю жизнь свою.]

(Но сила грѣха не ограничивается оскорбленіемъ величія Божія: слѣды ихъ остаются и въ насъ самихъ и въ ближнихъ нашихъ, откуда не могутъ изгладиться безъ нашего содѣйствія и усилій.) Каждый грѣхъ, особенно повторившійся многократно, оставляетъ въ душѣ нашей наклонность или привычку, которая срастается съ душою, дѣлается какъ-бы естественною ея потребностію. (А между тѣмъ эта злая наклонность есть не иное что, какъ неестественная кривизна духа, которая должна быть исправлена, — вредоносный наростъ, который долженъ быть обрѣзанъ и очищенъ.) Посему кающемуся необходимо стать въ борьбу съ своими злыми склонностями и страстями, непрестанно бодрствовать надъ возникающими въ сердцѣ пожеланіями и чувствами, умерщвлять плотскія страсти и похоти. Въ противномъ случаѣ душа наша, и по исповѣданіи грѣховъ, останется въ прежней нечистотѣ, (ибо корни грѣховъ не будутъ исторгнуты изъ сердца; и по приложеніи врачевства таинственнаго разрѣшенія, не исцѣлится болѣзнь ея, но^н ея будутъ растравлять непрестанно внутреннія язвы страстей. *Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоуманіе, ихже ради грядеть гнѣвъ Божій на сыны противленія.* Съ другой стороны, по

тѣсной связи нашей съ ближними, всѣ почти грѣхи наши оставляютъ и въ нихъ свои пагубные слѣды. Одного соблазнили нашъ поступокъ, и онъ или осудилъ насъ, или, что еще хуже, подражалъ намъ; другаго мы увлекли въ погибель своимъ развращеніемъ. Тотъ оскорбленъ нашимъ словомъ или дѣломъ; другой страдаетъ отъ нашего злорѣчія. Одинъ стенаетъ отъ нашего самолюбія и несправедливости; другой терпитъ отъ нашего корыстолюбія или безумной расточительности. Тотъ страдаетъ отъ нашей зависти и недоброжелательства; другой отъ нашей лести и ласкательства. Будетъ-ли оправданъ кающійся, если не позаботится изгладить всѣ эти злыя послѣдствія грѣховъ своихъ? Нѣтъ, онъ, и по разрѣшеніи отъ служителя Христова, останется связаннымъ; и по изреченіи ему прощенія, грѣхи его останутся неизглаженными въ его ближнихъ, будутъ вопіять противъ него на небо, и обвинять его на судѣ Божіемъ. Вотъ почему заповѣдалъ намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *еще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянешь, яко братъ твой имать нынѣ на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде примирися съ братомъ твоимъ, и тогда, пришедъ, принеси даръ твой.* Да исправится же, по возможности, все злое, происшедшее отъ грѣховъ нашихъ не только въ насъ самихъ, но и въ ближнихъ нашихъ; да истребится, по возможности, все, что препятствуетъ утвержденію и расширенію на земли царства Божія, царства мира, любви и благочестія. *Престаните отъ лукавствъ вашихъ!*

Научитесь добро творити. Это третіе необходимое условіе истиннаго покаянія. Покаяніе есть не только смерть грѣху, но и воскресеніе со Христомъ къ новой жизни, не только умерщвленіе ветхаго человѣка съ дѣяніи его, но и оживленіе *новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ иற்பодобіи истинны.* Надобно чѣмъ-либо засвидѣтельствовать предъ Богомъ, что покаяніе наше искреннее и дѣйствительное, что мы не только оставили грѣхъ, но полагаемъ начало новой жизни во Христѣ, — той благочестивой и богоугодной жизни, которая есть начало вѣчно-блаженной жизни въ Богѣ. Это духовное обновленіе жизни свидѣтельствуется,

братіе, дѣлами, противоположными дѣламъ грѣховнымъ. Пусть празднoлюбіе вознаградится трудолюбіемъ, самолюбіе — самоотверженіемъ, плотоугодіе — воздержаніемъ, скупость — щедростію къ убогимъ, празднословіе — молчаніемъ, или славословіемъ Богу, невоздержаніе — постомъ и умѣренностію, лукавство — простосердечіемъ, гордость — смиреніемъ, ненависть — любовію къ ближнимъ, зависть — доброжелательствомъ, нечистота — цѣломудріемъ, разсѣянность — Богомыслиемъ и скромностію. Тогда покаяніе наше принесетъ драгоцѣнный плодъ въ животъ вѣчный.

Измыйтеся, и чисти будете, отымите лукавства отъ души вашихъ предъ очима Моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ, научитесь добро творити. И придите и истязимся, глаголетъ Господь. И аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, и аще будутъ яко червленое, яко волну убѣлю. И аще хотите и послушаете Мене, благая земли снѣсте; аще-ли не хотите, ниже послушаете Мене, мечъ вы поястъ; уста бо Господня глаголаша сія. Амѣнь.

33. С Л О В О — П Я Т О Е.

Помяни насъ, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!

Всякой добродѣтели лучше мы научаемся, брат., не изъ мертвыхъ разсужденій и словъ, а изъ живаго образца и примѣра. Для сего-то именно св. Церковь въ настоящіе дни поста и покаянія въ своихъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ представляетъ намъ многіе, особенно знаменательные и поразительные примѣры людей, послѣ многихъ и тяжелыхъ грѣхопаденій, стяжавшихъ царствіе Божіе покаяніемъ, — то восхваляя ихъ покаянные подвиги и труды, то вливая въ уста наши ихъ покаянныя молитвы. Но чаще всего воспоминается въ богослуженіяхъ великопостныхъ примѣръ покаявшагося на крестѣ разбойника, чаще всего слышится его покаянная молитва: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!*

Не напрасно, брат. мои, сей образъ покаянія поставленъ Промысломъ Божиимъ у самаго креста Христова, въ самыя торжественныя минуты, когда страданіями Сына Божія примирилось небо съ землею. Это сдѣлано для того, чтобы грѣшники, каковы всѣ мы, взирая на крестъ Искупителя нашего, видѣли одесную Его близкій къ себѣ примѣръ покаянія, и тѣмъ большею одушевлялись вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе. Не напрасно и св. Церковь такъ часто указываетъ намъ сей поучительный примѣръ истиннаго спасительнаго покаянія: это дѣлается для того, безъ сомнѣнія, чтобы живѣе и глубже напечатлѣть утѣшительный и поучительный примѣръ въ умѣ и сердцѣ нашемъ.

И, дѣйствительно, что можетъ быть трогательнѣе, утѣшительнѣе и поучительнѣе для ищущихъ спасенія грѣшниковъ, какъ примѣръ разбойника, кающагося на крестѣ и образъ Господа, отверзающаго рай кающемуся — со креста? Но, къ несчастію, ничѣмъ такъ и не злоупотребляютъ легкомысленные грѣшники, какъ примѣромъ покаявшагося и помилованнаго разбойника, полагая примѣръ сей въ возглавіе своей безпечности, отлагая день за день рѣшительное, полное и совершенное обращеніе къ Богу, надѣясь еще покаяться при самомъ концѣ жизни. Посему-то, повторяя каждый день многократно молитву благоразумнаго разбойника, всмотримся, брат. мои, ближе въ его многознаменательный образъ, вслушаемся внимательнѣе въ его покаянную молитву, чтобы усвоить себѣ духъ и силу покаянія его.

Кратка и немногословна сія драгоценная молитва, которая, какъ золотой ключъ, отверзла разбойнику двери царствія Христова, но въ ней есть все, чего требуетъ отъ насъ истинное покаяніе, — то спасительное покаяніе, которое очищаетъ грѣхи наши, приноситъ намъ благодать оправданія, возвращаетъ намъ утраченное преступленіемъ заповѣдей Божіихъ дарованіе сыноположенія и наслѣдія царствія Божія.

Что первѣе всего видимъ въ кающемся разбойникѣ? Его высокую, твердую, непоколебимую вѣру въ сораспятаго съ нимъ Спасителя міра. Не дивно было-бы, еслибы разбойникъ, видя безчисленныя знаменія и чудеса Христовы, исповѣдалъ Его *Сыномъ Давидовымъ*, т. е., обѣтованнымъ

Мессією и *Сыномъ Бога живаго*. Естественно было-бы, видя Господа, прославившагося на *Фаворѣ*, посредѣ *Моисея* и *Иліи*, явившихся во славѣ, воскликнуть вмѣстѣ съ *Петромъ*: *Господи, добро есть намъ здѣ быти!* Не чудно было-бы, видя Господа воскресшаго изъ мертвыхъ, воззвать съ *Тимою*; *Господь мой и Богъ мой!* Или, если-бы онъ слышалъ сладчайшія бесѣды Господа *Исуса*, коими невольно поражались и умилялись, восторгались и услаждались сердца слушающихъ; естественно было-бы сказать: *николиже такъ глаголалъ есть человекъ, яко сей человекъ: Господи, къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имамъ*. Если бы, по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ, какъ въ минуту крестной смерти Спасителя померкало солнце, потрясалась земля, распадалась скалы, воскресали мертвые изъ гробовъ; тогда невольно воскликнулъ бы съ *сотникомъ*: *воистину Божій Сынъ бѣ сей!* Но онъ вѣруеть въ обѣтованнаго *Искупителя* міра тогда, когда самые ученики Его, *оставльше Его, бѣжаша*, когда самый ревностный изъ учениковъ Его отвергся Его трикраты. Онъ исповѣдуетъ Господомъ своимъ *Того*, Кто отверженъ былъ цѣлымъ народомъ, осужденъ на смерть, какъ злодѣй, надъ Кѣмъ глумились и издѣвались всѣ окружающіе. Онъ видитъ Владыку живота и смерти, Господа рая и Царя царства вѣчнаго въ *Томѣ*, Кто пригвожденъ ко кресту и страждетъ въ тяжкихъ мукахъ. Вѣруеть и исповѣдуетъ предъ всѣми вѣру свою потому только, что слышалъ о чудесахъ Господа и объ ученіи Его, видѣлъ несправедное осужденіе Его, Его неизреченное терпѣніе, кротость и незлобіе, слышалъ Его молитву за распинающихъ, а болѣе всего чувствовалъ сердцемъ Его божественное величіе въ самомъ униженіи и страданіяхъ. По истинѣ, если о вѣрѣ *сотника* надлежало сказать: *ни во Израилѣ толико вѣры обрѣтохъ*, то о *разбойникѣ* кающемся по справедливости должно сказать, что такой вѣры, какую показалъ онъ, не было тогда въ цѣломъ мірѣ. И сія-то вѣра содѣлала покаяніе его столь животворнымъ и спасительнымъ; на такое-то исповѣданіе отвѣтствуетъ Господь: *днесъ со Мною будешь въ раи*.

Отъ насъ, брат. мои, какъ послѣдователей не распятаго

только, но и воскресшаго и вознесшагося во славу Господа, — отъ насъ, видѣвшихъ столько чудесныхъ дѣйствій Вѣры Христовой, имѣющихъ предъ очами цѣлый облакъ свидѣтелей сей вѣры чудодѣйственной, тѣмъ болѣе должно ожидать твердой и непоколебимой, живой и животворной вѣры въ своего Спасителя и Господа, особенно тогда, когда являемся къ Нему съ покаяніемъ во грѣхахъ своихъ, когда ищемъ у Него, какъ у Судии своего и Бога, милосердія и оправданія, когда просимъ у Него прощенія и помилованія. И такъ, если, вопреки всѣмъ глумленіямъ нечестивыхъ, ты зришь во Иисусѣ Христѣ, и только въ немъ одномъ, *Божію силу и Божію премудрость*, единаго истиннаго Сына Божія и Спасителя міру, единую надежду своего спасенія, единый источникъ своего счастья до гроба и за гробомъ; если готовъ пребыть съ Нимъ и тогда, когда бы всѣ оставили Его, — хранить Его святые заповѣди и тогда, когда бы весь міръ глумился надъ тобою, — исповѣдать Его своимъ Господомъ и Богомъ и тогда, когда-бы исповѣданіе сіе стоило тебѣ самой жизни; — съ такою вѣрою необязанно приступай ко кресту Его, исповѣдуй предъ Нимъ согрѣшенія твои, возопій къ Нему гласомъ разбойника благоразумнаго: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!* — и гласъ твой будетъ услышанъ, и двери благодати и милосердія отверзнутся предъ тобою, и услышишь сладчайшее слово Его: *чадо, отпуcaются тебѣ грѣси твои.*

Вмѣстѣ съ живою вѣрою, видимъ въ кающемся разбойникѣ не менѣе живое сознаніе грѣховъ своихъ, готовность исповѣдать ихъ предъ всѣми, желаніе понести за нихъ достойную и праведную казнь. Тяжко и болѣзненно покарало преступленія его земное правосудіе, мучительнѣйшею смертію суждено Ему умереть на крестѣ. Но онъ забываетъ страданія тѣлесныя и не проситъ избавленія отъ нихъ; онъ чувствуетъ только муки совѣсти и исповѣдуетъ грѣхи свои во всеуслышаніе: *и мы убо оправду достойная по долготѣ нашимъ воспріемлева.* Вся мысль его устремлена къ вѣчности; душа его трепещетъ только суда Божія; сердце его сокрушается только о томъ, что, по беззаконіямъ своимъ, онъ не сподобится узрѣть царствія Христова; онъ мо-

лится не о томъ, чтобъ сойти со креста, а о томъ, чтобы распятый съ нимъ Господь хотя помянулъ его въ царствіи Своемъ: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ*. И такое-то искреннее, сокрушенное, самоосуждающее исповѣданіе приемлетъ Господомъ; на такое токмо исповѣданіе отвѣтствуетъ Владыка рая: *днесь со Мною будеши въ рай*.

Отъ насъ, брат. мои, надлежитъ ожидать тѣмъ болѣе искренняго и сокрушеннаго исповѣданія, тѣмъ горячайшихъ чувствованій сердца, чѣмъ болѣе мы знаемъ всю виновность грѣха предъ правосудіемъ Божиимъ и всю тяжесть оскорбленія величія Божія; чѣмъ болѣе извѣстно намъ о святости существа Божія, нетерпящей беззаконія, о строгости суда Божія, осуждающаго не только всякое беззаконное дѣло или слово, но и всякое преступное намѣреніе, всякій нечистый помысль ума; чѣмъ яснѣе открыто намъ о жестокости вѣчныхъ мученій, уготованныхъ грѣшникамъ нераскаяннымъ, о блаженствѣ жизни для истинно кающихся и спасающихся. Итакъ, чувствуемъ-ли мы, приходя къ судилищу покаянія, взирая на язвы Господа, поднятые за грѣхи наши, — чувствуемъ-ли то омерзенеіе къ беззаконіямъ своимъ, то отвращенеіе отъ нравственныхъ нечистотъ своихъ, ту ненависть ко грѣху, какъ первѣйшему врагу своему, которыя однѣ могутъ сдѣлать *покаяніе* наше *нераскаленнымъ во спасеніе*? Жаждетъ-ли сердце наше прощенія и помилованія болѣе всѣхъ сокроищъ въ мірѣ, болѣе собственной жизни? Ужасается-ли духъ нашъ отверженія отъ лица Божія болѣе всѣхъ временныхъ мученій и скорбей, болѣе самой смерти тѣлесной? Готовы-ли уста наши исповѣдать грѣхи свои не только предъ служителемъ олтаря, но и предъ лицомъ неба и земли, еслибъ то угодно было волѣ Божіей? Готово-ли сердце наше принять и понести на землѣ всѣ озлобленія и уничтоженія, всѣ страданія и муки, только бы не быть намъ отринутыми отъ лица Божія, отлученными отъ царства Христова, низринутыми въ адъ на всю вѣчность? Съ такими чувствованіями можемъ необязанно приступать ко престолу благодати, молиться Господу и Спасителю своему гласомъ разбойника благоразумнаго: *помяни насъ, Господи, во цар-*

стои Твоемъ! И вопль сокрушеннаго сердца нашего будетъ услышанъ и двери милосердія Божія отверзутся намъ; мы услышимъ сладчайшій гласъ Его: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы.*

Съ любовію къ Богу, съ желаніемъ собственного спасенія, въ сердцѣ разбойника благоразумнаго открывается самая нѣжная любовь къ погибающему собрату своему, самая мужественная ревность о славѣ Божіей и о спасеніи ожесточившагося разбойника. Раскаившись самъ, онъ желаетъ всѣмъ сердцемъ подвигнуть къ покаянію и распятаго съ нимъ собрата своего, является ревнителемъ славы Божіей, защитникомъ невинно страдающаго Иисуса. *Ни ты ли боишися Бога,*— говоритъ онъ, услышавъ хулу изъ устъ несчастнаго собрата своего, — *ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И мы убо вправду достойная бо по долгомъ нашимъ воспріемлева; сей же ни единого зла сотвори.* Не обличаетъ его злодѣяній, не поноситъ его нечестія, не проклиняетъ его ожесточенія; напоминаетъ ему только о страхѣ Божіемъ, обращаетъ мысль его къ суду Божію, предъ которымъ должны предстать оба чрезъ нѣсколько часовъ мучительныхъ страданій. *Ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси?* Или и самая кара правосудія не сокрушила и не смягчила твоего сердца? Неужели и жесточайшее бѣдствіе не пробудило усыпленную твою совѣсть? Или и самая предстоящая намъ смерть, а за нею судъ и осужденіе вѣчное не могутъ сотрясти душу твою страхомъ Божіимъ? Неужели и собственные заслуженныя страданія не могутъ возбудить въ сердцѣ твоемъ состраданія къ неповинному Страдальцу? Какъ истаевающій жаждою языкъ твой дерзаетъ произносить хулу и глумленіе, а не молитву и исповѣданіе? Болѣе не могъ ничего сдѣлать распятый и страдающій для вразумленія своего несчастнаго собрата; и потому тотчасъ же обращается съ молитвою къ Господу, желая не одними словами, а и примѣромъ своимъ показать, что надлежало-бы сдѣлать безумному хулителю.

Такъ, братіе мои, это святая обязанность кающагося грѣшника— употребить, съ своей стороны, все, чтобы изгладить соблазнъ, произведенный или словами, или дѣлами его; это

святое дѣло истинной любви христіанской — вразумить заблуждающаго, обратить на путь покаянія ожесточающагося. Чѣмъ и какъ? Не суровымъ обличеніемъ и укоризнами, не порицаніемъ и изведеніемъ предъ взоры всѣхъ согрѣшеній брата своего, а страхомъ Божиимъ, напоминаніемъ о смерти и судѣ Божіемъ, а паче всего молитвою и примѣромъ собственнаго покаянія. Итакъ, если ты, являясь къ распятому за насъ Господу съ покаяніемъ, не только простишь отъ всего сердца всѣ нанесенныя тебѣ оскорбленія отъ собратій твоихъ, но умолишь и ихъ къ примиренію съ тобою; если, снѣдаясь ревностію о славѣ Божіей и о спасеніи ближнихъ твоихъ, соблазнившихся твоими словами, или дѣлами, употребишь, съ своей стороны, все для вразумленія и обращенія ихъ, — и совѣтъ и прошеніе и увѣщанія и мольбы; если, не взирая на глумленія надъ тобою людей легкомысленныхъ и разсѣянныхъ, будешь продолжать начатое дѣло спасенія мужественно и постоянно; если, прощая имъ отъ сердца ихъ неразумное осужденіе и насмѣшки, будешь возносить о нихъ усердную молитву къ Тому, Который одинъ посылаетъ духъ умиленія и сокрушаетъ окамененіе сердечное; то приступай со дерзновеніемъ ко престолу благодати, молись съ упованіемъ гласомъ разбойника благоразумнаго: *помли мнѣ, Господи, во царствіи Твоемъ!* И гласъ твой будетъ услышанъ, Господь приметъ покаяніе твое и наречетъ тебя Сыномъ Отца Своего, Иже на небесѣхъ.

Но подивитесь, братіе мои, тайнамъ премудрости Божіей! И послѣ такого искреннаго, полнаго и совершеннаго покаянія, какое показалъ въ себѣ сораспятый съ Господомъ разбойникъ, — послѣ такого рѣшительнаго оправданія, какое изрекъ ему самъ Господь, — кающійся разбойникъ не избавленъ отъ мученій и не сведенъ со креста, напротивъ оставленъ страдать на немъ до мучительной смерти, и претерпѣлъ жесточайшее изъ всѣхъ мученій — пребіеніе голеній. Для чего? — Безъ сомнѣнія, для того, чтобы жестокостію сихъ мукъ погасилась вконецъ безумная жажда преступныхъ наслажденій, коихъ искало сердце его во все прошедшее время жизни, чтобы душа его очистилась совершенно, какъ злато въ горнилѣ, и содѣлалась достойною войти въ рай со Христомъ.

Не удивляйтесь-же, братіе, когда увидите покаявшагося грѣшника, и послѣ покаянія, подвергающагося многимъ бѣдствіямъ,— или строгости правосудія челоѣческаго, или горькимъ послѣдствіямъ собственныхъ грѣховъ его. Напротивъ, это вѣрный знакъ, что покаяніе его приѣмлется милосердіемъ Божиимъ, что онъ, подобно разбойнику, страдаетъ со Христомъ, *да и съ Нимъ прославится*, что премудрость Божія оставляетъ его страдать плотию, дабы онъ совершенно *прісталъ отъ грѣховъ*, что душѣ его подается возможность очиститься совершенно и явиться достойною свѣтлаго чертога Христова. Не удивляйтесь и тому, что нераскаянные грѣшники остаются въ счастіи и покоѣ, подобно возвратившимся съ Голговы книжникамъ и фарисеямъ. Это явный знакъ, что долготерпѣніе Божіе оставляетъ ихъ, да воспріимутъ мзду свою здѣсь, чтобы тотчасъ по смерти воспріяло надъ ними всю силу свою одно правосудіе и низвергло ихъ прямо во огонь вѣчный. Истинно кающійся, подобно разбойнику благоразумному, не только не желаетъ освобожденія отъ наказаній временныхъ, но ищетъ ихъ, даже самъ подвергаетъ себя казни, распиная плоть свою со страстьми и похотьми. Итакъ, если желаемъ истинно покаяться, то намъ должно быть готовыми страдать со Христомъ и не сходить съ того креста, какой найдетъ для насъ полезнымъ премудрость Божія. И прежде всего не сходить самовольно съ того креста самоосужденія, на который возноситъ насъ покаяніе. Ты осуждаешь самъ заблужденія свои, окаеваешь грѣхи свои, готовъ предать казни самое тѣло свое— орудіе грѣха? Не сходи съ сего креста отверженія грѣховной жизни, напротивъ распни на немъ плоть свою со страстьми и похотьми; не только не возвращайся опять къ прежнимъ беззаконіямъ, но и не воспоминай о нихъ въ подробности, чтобы самымъ воспоминаніемъ грѣховныхъ дѣйствованій не осквернить свою душу. Ты мучишься совѣстью, что грѣхами своими столько разъ и такъ безстрашно оскорблялъ величіе и святость Божію, преогорчевалъ безконечную любовь Его, явился столь жестоко неблагодарнымъ благодати Отца небеснаго? Не сходи съ сего креста сокрушенія сердечнаго, выну уничтожай себя предъ Богомъ, непрестанно молись, какъ

послѣдній изъ грѣшниковъ, ищущій прощенья и помилованія; тѣмъ паче бойся оскорблять опять правосудіе Божіе новыми грѣхами. Ты видишь теперь самъ всю суету удовольствій міра и плоти, отвращаешься оболъщенной его, ненавидишь соблазны его? Не сходи съ сего креста отверженія міра; *отврати очи твои еже не видѣти суеты, всяцѣмъ храненіемъ блуди твоє сердце*, и молись непрестанно ко Господу: *избави душу мою отъ соблазнѣ*. Ты предложилъ себѣ прочее время живота своего поработати Господеви, иди неуклонно путемъ заповѣдей Божіихъ? Удержись всею силою духа на семь крестѣ добродѣтельной и благоговѣйной жизни въ страхѣ Божіемъ. Возопіеть-ли плоть съ своими вождельніями и страстями: *спиди со креста?* Пригвозди се ко кресту страхомъ смерти и суда Божія, лютостію кончины грѣшниковъ и жестокостію огня геенскаго. Возопіеть-ли въ слѣдъ тебѣ міръ съ своими соблазнами: *спиди со креста?* Отрази его памятію вѣчныхъ благъ, уготованныхъ любящимъ Господа. Будеть-ли прельщать тебя лестію злобный врагъ нашъ діаволъ: *спиди со креста?* Порази его страхомъ суда будущаго, послѣ котораго онъ вверженъ будетъ въ *езеро огненное*. Словомъ, кто бы ни соблазнялъ тебя сойти со креста вѣры и добродѣтели, правды и закона Божія, терпѣнія и самоотверженія, ты молись со Исусомъ: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ? Боже, въ помощь мою возми, Господи, помощи ми потщися!*

Таково, братіе мои, истинное покаяніе, которому поучаетъ насъ примѣръ разбойника, распятаго одесную Господа! Можно-ли, послѣ сего, полагать примѣръ сей въ возглавіе своей грѣховной безпечности, усыплять совѣсть свою мнимую легкостію покаянія? Испыталъ-ли кто эти мученія крестныя, коихъ одна минута тяжелѣе цѣлыхъ годовъ страданій, чтобы думать о покаяніи на крестѣ, какъ о дѣлѣ легкомъ? Испыталъ-ли кто и тѣ страданія смертныя, тѣ томленія и муки, которыя терзають умирающаго грѣшника, чтобъ говорить о возможности истинно покаяться при смерти тому, кто всю жизнь свою провелъ во грѣхахъ? Чтобъ заслужить намъ прощеніе грѣховъ, надлежало самому Сыну Божію испытать всѣ мученія ада, испить всю чашу гнѣва Божія до капли:

мы-ли хотимъ получить сіе прощеніе безъ труда и болѣзни, терпѣнія и самоотверженія, безъ внутреннихъ или внѣшнихъ страданій. Надобно усвоить себѣ самый духъ покаянія разбойника благоразумнаго, и тогда можемъ со дерзновеніемъ приближаться къ распятому за насъ Господу и съ упованіемъ молиться Ему: *помяни насъ, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!* Аминь.

34. С Л О В О — Ш Е С Т О Е.

Если-бы кого постигла тяжкая болѣзнь, которая не только отнимала бы здравіе, но и угрожала опасностію самой жизни; если бы, при томъ, страдалецъ сей зналъ, что болѣзнь сія произошла отъ его же вины, нанесена, такъ сказать, собственными его руками: что дѣлалъ бы такой человекъ? Не осудилъ-ли бы самого себя, какъ преступника противъ собственной жизни? Не возненавидѣлъ-ли бы то минутное удовольствіе, за которое пришлось платить здоровьемъ и даже жизнью? Не сталъ-ли бы не только просить, а умолять врача—употребить все искусство къ освобожденію его отъ болѣзни? Не готовъ-ли бы былъ всѣмъ пожертвовать, все перенести, отъ всего отказаться, чтобъ возвратить единственное благо жизни—здоровье? И, по возвращеніи его, не дорожилъ-ли бы симъ благомъ болѣе всего въ мірѣ?

Если такъ страшны для насъ болѣзни тѣлесныя, которыя изнуряютъ только тѣло, осужденное самимъ Богомъ на болѣзни и страданія въ жизни и на истлѣніе по смерти, — угрожаютъ только временную смертью, которая, рано или поздно, должна же низвести насъ во гробъ, то не ужаснѣли стократъ болѣзни души нашей, которыя наносятся ей грѣхами нашими, которыя мучатъ ее въ продолженіе жизни, томятъ несказанно въ часъ смерти и предадутъ, наконецъ, вѣчнымъ мученіямъ въ адѣ? Если драгоцѣнно для насъ здравіе тѣла, отъ котораго зависитъ, и то не всегда, продолженіе жизни временной, то не стократъ-ли драгоцѣннѣе здравіе души, отъ котораго зависитъ вѣчная жизнь наша?

Премилосердый Искупитель нашъ уготовалъ намъ враче-

ство и отъ сей лютойшей язвы духовной, чтобы мы могли врачевать и спасать души свои отъ вѣчной смерти, — врачество покаянія, которое проповѣдуетъ и предлагаетъ намъ св. Церковь во дни св. поста. Что же требуется отъ насъ для исцѣленія бѣдной души нашей отъ тяжкихъ недуговъ грѣховныхъ? Не болѣе, какъ что дѣлаемъ мы для избавленія себя отъ болѣзней тѣлесныхъ.

И, во-первыхъ, впадши въ болѣзнь, мы немедленно заботимся объ исцѣленіи, но отлагаемъ со дня на день, не ожидаемъ какого-либо болѣе благопріятнаго времени; ибо знаемъ, что застарѣвшаяся болѣзнь можетъ сдѣлаться неисцѣльною, что плодомъ небрежности и невниманія нерѣдко бываетъ смерть. Такъ должно поступать и въ болѣзняхъ духовныхъ: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне* (Сирах. 5, 8), говоритъ Премудрый; ибо и малый грѣхъ, укоренившись въ душѣ, ведетъ къ большимъ грѣхопаденіямъ, и легкія, по видимому, прегрѣшенія, совокупившись во едино, обяжутъ о выи нашей тяжкимъ бременемъ и повлекутъ насъ въ бездну погибели: тѣмъ паче не должно отлагать день отъ дня тѣмъ, которые имѣли несчастіе впасть въ тяжкія грѣхопаденія, лишаящія душу благодати Божіей, уязвляющія совѣсть нашу раною смертельною, подвергающія насъ вѣчной смерти и погибели. Будемъ-ли ожидать еще болѣе благопріятнаго времени? *Се нынѣ время благопріятно; се нынѣ день спасенія*: нынѣ, когда отверсты предъ нами двери милосердія, когда у престола Божія ожидаетъ насъ прощеніе и помилованіе, когда предлагается намъ Божественная трапеза жизни и безсмертія — тѣло и кровь Господа нашего Ісуса Христа. Будемъ-ли надѣяться на продолженіе жизни? Но Господь, обѣщавшій даровать всегда прощеніе кающимся грѣшникамъ, нигдѣ не обѣщаетъ продолженія жизни нераскаяннымъ; напротивъ, ясно говоритъ, что онъ придетъ, яко тать въ нощи, — въ день, въ который не знаемъ, и въ часъ, въ который не ожидаемъ. Но пусть и продлится еще жизнь наша: думаемъ-ли, что и во всякое время такъ же легко оставитъ грѣхъ, какъ сбросить съ себя изношенную одежду? — Нѣтъ, грѣховная привычка часъ отъ часу болѣе сростается съ душею

нашею, и отверженіе ея часъ отъ часу становится болѣзненнѣе; бремя грѣховное чѣмъ болѣе растетъ, тѣмъ тяжелѣе становится и тѣмъ сильнѣе влечетъ насъ ко дну адову; грѣховный сонъ, чѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ бываетъ безпробуднѣе, доколѣ не превратится въ вѣчную смерть, отъ коей нѣтъ уже пробужденія и возврата. Будемъ-ли уповать еще на милосердіе Божіе? Но *милость и гнѣвъ у Него, и на грѣшниковъхъ почитъ ярость Его*. Щедръ и милостивъ Господь, но только *къ призывающимъ Его во истинъ*; долготерпѣливъ и многомилостивъ, но только къ кающимся и обращающимся къ Нему грѣшникамъ; а на нераскаянныхъ давно изреченъ уже судъ Его: *еще не покается, вси погибнете. Или о богатствѣ благодати и долготерпѣнія Божія нерадиши*, говоритъ Апостоль Христовъ, *не вѣдый, яко благодать Божія на покаяніе тя ведетъ? По жестокости же твоей и непокаинному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. 2, 4. 5). *Не медли убо обратитсѣ ко Господу, и не отлагай день отъ дне*: дорожи временемъ долготерпѣнія Божія, пользуйся Богодарованнымъ средствомъ къ оправданію своему, пока есть еще дыханіе въ груди твоей. Постигнетъ часъ смерти, настанетъ день суда Божія: тогда будемъ окаевать житіе свое, но безъ надежды помилованія; возжелаемъ возвратити хотя часъ, хотя минуту настоящаго времени долготерпѣнія Божія, но оно уйдетъ безвозвратно, предъ нами затворится дверь милосердія Божія, заключится чертогъ царствія Христова, и если бы мы стали вопіять подобно дѣвамъ юродивымъ: *Господи, Господи, отверзи намъ, услышимъ одинъ отвѣтъ: не вѣмъ васъ, отидите отъ Мене!*

Желая освобожденія отъ болѣзни тѣлесной, мы ищемъ врача, открываемъ ему болѣзнь свою, показываемъ припадки, въ коихъ обнаруживается она, сказываемъ причины, отъ которыхъ произошла,—обстоятельства, среди которыхъ подверглись ей. Такъ-же должно поступать намъ, когда желаемъ освободиться и отъ болѣзней душевныхъ. Единый истинный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ есть самъ Господь нашъ Исусъ Христовъ; ибо Онъ единъ имѣетъ *власть от-*

пущати грѣхи, заглаждать неправды наши, очищать беззаконія наши; Его всеосвящающею кровію омываются всѣ грѣховныя скверны, и Его всепримиряющею жертвою оправдываемся мы предъ лицомъ правосудія Божія. Потому къ Нему единому, первѣе и паче всего, должна обратиться страдающая грѣхами душа наша съ живою вѣрою и горячею молитвою, да наставитъ Онъ насъ на путь покаянія, да не отвратитъ лица Своего отъ насъ, да не попуститъ насъ погибнуть въ беззаконіяхъ. — Но премилосердый Господь по безприкладному снисхожденію Своему къ намъ, предаль Свою Божественную власть отпустить грѣхи пастырямъ Церкви Своей — подобострастнымъ намъ челоувѣкамъ; имъ ввѣрилъ Онъ ключи Царствія небеснаго; ихъ поставилъ врачами душъ нашихъ: *примите Духъ Святъ*, рекъ Онъ Святымъ Апостоламъ Своимъ, *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ. и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22. 23). И такъ, къ снмъ Богопоставленнымъ врачамъ духовнымъ обратись, болѣзнующій душею христіанинъ; имъ повѣдай духовныя недуги твои; предъ ними открой страдающее сердце твое; имъ возвѣсти язвы совѣсти твоея; предъ ними *глаголи беззаконія твоя, да оправдишися*. Принеси духовному врачу твоему исповѣданіе полное и совершенное, не утаевая и не скрывая ничего — отъ постыднаго дѣйствія до безумнаго слова, до нечестиваго помысла, до преступнаго желанія, до нечистаго вожделѣнія; ибо неисповѣдуемый грѣхъ бываетъ язвою неисцѣльною, какъ говоритъ нѣгдѣ св. Василій великій, — служить въ рукахъ діавола узами, которыми онъ держитъ насъ въ своей власти. Принеси исповѣданіе искреннее и чистосердечное, не скрывая побужденій ко грѣхамъ, не утаевая обстоятельствъ, сопровождавшихъ грѣховныя дѣйствія, не изыскивая ложныхъ извиненій во грѣхахъ своихъ; ибо не извиненіе, а произвольное и совершенное обвиненіе себя бываетъ виною прощенія и помилованія: *Господи, не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ*, молился пророкъ Божій. Принеси исповѣданіе слезное, сокрушенное и смиренное; ибо благопріятная Богу жертва — духъ сокрушень, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничи-

жить. Стань, подобно кающемуся мытарю, у прага церковнаго, и бѣюще перси своя, возопій: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Принеси покаяніе твердое и неизмѣнное, безвозвратное и нераскаянное. Ибо что пользы исповѣдать грѣхъ безъ непреложнаго намѣренія оставить его навсегда?—возставать, чтобы паки упадать еще глубже?—пробуждаться, чтобъ опять погружаться въ тягчайшій и глубочайшій сонъ?—обращаться къ Богу только за тѣмъ, чтобъ, восхитивъ прощенье, паки измѣнить Ему и предаться врагу Его? Не значить-ли это искушать долготерпѣніе Божіе, поругаться святому таинству, попить святѣйшую кровь завѣта Христова, второе распинать Господа? Но—Богъ поругаемъ не бываетъ: страшно-же есть, еже впасти въ ружь Бога живаго!

Наконецъ, для совершеннаго избавленія себя отъ всѣхъ слѣдствій болѣзни, для совершеннаго возстановленія здравія тѣлеснаго, мы безпрекословно слѣдуемъ всѣмъ совѣтамъ и наставленіямъ врача. Велитъ воздержаться отъ чего-либо вреднаго намъ, воздерживаемся; запретитъ выходить за двери дома, пребываемъ въ уединеніи; предпишетъ трудъ и движеніе, трудимся. Тѣмъ болѣе такъ должно поступать намъ для совершеннаго уврачеванія души нашей, для полнаго возстановленія духовнаго здравія. Не только не должно уклоняться и убѣгать предписаній духовнаго врача нашего, а должно умолять и просить его, чтобы онъ подкрѣпилъ нашу немощь своимъ совѣтомъ, направилъ насъ на путь правый своимъ наставленіемъ, оградилъ насъ отъ посползновенія ко грѣху своею заповѣдію. Примемъ совѣтъ его, какъ внушеніе Ангела-Хранителя: послѣдуемъ наставленію его, какъ водительство Духа Божія, глаголющаго въ немъ; исполнимъ заповѣдь его, какъ заповѣдь Самого Господа Иисуса Христа. Повелить-ли воздержаться отъ какихъ-либо ястей или питій, кои найдетъ вредными для духовнаго нашего здравія? Не промѣняемъ, подобно Исаву, усыновленія нашего Богу Отцу на пріятныя снѣди; ибо царствіе Божіе, котораго ищемъ и должны искать, *нѣсть нища и питіе, но миръ и радость о Дусѣ Святѣ*. Потребуется-ли какія лишенія и скорби? Лучше, стократъ лучше подвергнуться всѣмъ лишеніямъ и скорбямъ въ настоящей жизни, нежели

лишиться вѣчнаго блаженства съ Богомъ, и подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ съ діаволомъ. Окажется-ли пужнымъ какое-либо пожертвованіе изъ имущества нашего? Лучше, бесконечно лучше лишиться всѣхъ благъ земныхъ, которыя и безъ того уйдуть отъ насъ, какъ бѣглый рабъ, и оставить насъ смерти, но пріобрѣсти тѣ неизреченныя блага небесныя, которыя Господь Исусъ Христосъ уготовалъ любящимъ Его въ славномъ царствіи Своемъ. Потребуются-ли какіе-либо труды и подвиги? Не убоимся ихъ, не уклонимся отъ нихъ, подымаемъ ихъ съ веселіемъ и благодушіемъ. Здѣсь, какъ-бы ни были велики труды, они временны; а упокоеніе па небѣ—вѣчное! Здѣсь какъ бы ни были тяжки подвиги, они кончатся скоро; а радости и веселію во царствіи Божіемъ — не будетъ конца! Нужно-ли будетъ для здравія духа нашего даже нѣкое изнуреніе и изможденіе тѣла? Не убоимся и сего; ибо вѣчное дороже временнаго, и бессмертная душа драгоцѣннѣе тлѣнной плоти: погубляя душу свою, мы погубляемъ все; спасая душу, спасаемъ все! *Иже бо аще хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спснетъ ю* (Мар. 8, 35); говоритъ Господь. *Сотворимъ убо плоды достойны покаянія* и, возложивъ руку на рало, не возвратимся вспять; иначе не будемъ управлены въ царствіе Божіе,—останемся въ той-же безднѣ погибели, изъ которой хотѣли выдти покаяніемъ.

Таковъ способъ врачеванія души нашей, уязвленной грѣхомъ, страждущей отъ беззаконій! Премилосердый Господь, *не хотая смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти ему*, Самъ благодатію животворящаго Духа Своего да совершитъ въ насъ сіе дѣло любви Своея, да возбудитъ духъ нашъ къ истинному покаянію и исповѣданію грѣховъ, да согрѣетъ сердце наше святою ревностію къ очищенію и исправленію себя, да дастъ намъ прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати! Аминь.

35. СЛОВО ПОСЛѢ ИСПОВѢДИ.

Кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва? вопрошалъ нѣкогда Предтеча Христовъ тѣхъ, кои приходили къ нему исповѣдать грѣхи свои и креститься въ Иорданѣ, — чтобъ, предочистившись покаяніемъ, содѣлаться сынами благодатнаго царства Христова. — Мы не имѣемъ нужды вопрошать теперь васъ, благочестивыя чада Церкви Христовой, кто сказалъ вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва подъ кровъ милосердія Отца небеснаго; кто научилъ васъ исповѣдать грѣхи свои предъ служителемъ олтаря Господня, чтобъ воспріять отъ него прощеніе и помилованіе, содѣлаться участниками тѣла и крови Христовой. Вы вняли, конечно, гласу св. Церкви, которая съ попечительностію любвеобильной матери давно призывала и призываетъ насъ къ покаянію въ своихъ св. пѣснопѣніяхъ и молитвахъ. Вамъ напомнила, безъ сомнѣнія, о покаяніи и собственная совѣсть, которая, тяготясь сознаниемъ грѣховъ и тяготя духъ вашъ внутреннимъ томленіемъ, не могла не побуждать къ освобожденію отъ грѣховной тяжести. Но паче всего мы вѣруемъ, что благодать самого Духа Божія коснулась вашего сердца, возбудила духъ вашъ отъ усыпленія, открыла очамъ вашимъ бездну погибели, ожидающей грѣшника, и побудила, отвергнувъ ложный стыдъ, исповѣдать грѣхи свои. По сему-то радуемся вмѣстѣ съ вами, что Господь не оставилъ васъ въ паденіи, отверзъ вамъ двери покаянія, даровалъ возможность сложить съ себя тяжесть грѣховъ, получить прощеніе и тѣмъ избавиться отъ грядущаго гнѣва.

Но, при всемъ томъ, не можемъ умолчать, что вами сдѣлано еще не все; положено только начало покаянія, которое должно продолжиться и совершиться въ теченіе всей остальной жизни, которую Господь дастъ вамъ провести на земли. *Сотворите убо плоды достойны покаянія:* вотъ, чего требуетъ великій проповѣдникъ покаянія отъ исповѣдавшихъ грѣхи свои!

Въ самомъ дѣлѣ, исповѣдь, сама по себѣ, есть не болѣе, какъ начало, сѣмя и корень истиннаго покаянія, которое состоитъ въ обновленіи духа и исправленіи жизни. Какъ бы

ни было хорошо начало, но оно и во всякомъ другомъ дѣлѣ значить еще не много, ибо не начало, а конецъ дѣло вѣнчается, — тѣмъ болѣе въ дѣлѣ нравственнаго исправленія, которое по самому существу своему требуетъ времени и трудовъ. Самое доброе сѣмя, если не разовьется и не возрастетъ, останется безплодно и, наконецъ, само истлѣетъ и пропадетъ. Такъ и покаянное чувство, возникшее въ духѣ при исповѣданіи грѣховъ, если не разовьется въ цѣлый рядъ благочестивыхъ чувствованій, мыслей и желаній, если не укрѣпится послѣдующими подвигами, и само увянетъ неминуемо и изгладится навсегда. — Какъ бы ни былъ благоплоденъ корень; но, если онъ не издастъ живой отрасли и не произраститъ дерева, по необходимости сотлѣетъ и самъ. Такъ и положенное нами начало покаянія, если не произникнетъ изъ него благая отрасль и не возрастетъ въ цѣлое древо добродѣтельной и благоговѣйной жизни, изсохнетъ и истлѣетъ само въ нечистотѣ и смрадѣ грѣховъ. — *Сотвори те убо плоды достойны покаянія!* — Какіе плоды?

Покаяніе, какъ второе крещеніе, есть, во первыхъ, смерть грѣху. Здѣсь также, какъ и въ водахъ крещенія, мы спогребаемся Христу въ смерть, *да якоже Онъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ. Аще же умрохомъ грѣху, како паки оживемъ о немъ?* — говоритъ св. Павелъ. Омывшись отъ сквернъ грѣховныхъ кровію Спасителя, погрузимся-ли паки въ ту же нечистоту и скверну? Извергнувъ изъ себя ядъ грѣха исповѣданіемъ, примемъ-ли его паки внутрь себя къ собственной гибели? Угасивши въ крови Агнчей разжженные стрѣлы Правосудія небснаго, будемъ-ли еще раскалять ихъ пламенемъ страстей нашихъ, собирать угліе огненное на главу свою? О, да не будетъ сего, да не будетъ! Да будетъ первымъ плодомъ покаянія нашего совершенное оставленіе тѣхъ грѣховъ, которые мы сами въ себѣ осудили предъ лицомъ всевѣдущаго Судіи, — совершенное отвращеніе отъ того нечистаго образа жизни, который сами признали достойнымъ вѣчнаго осужденія на судилищѣ покаянія. Въ противномъ случаѣ съ нами сбудется, по слову

Апостола, притча: *пещь возвращая на блевоты своя, и свиня, омывшись, въ калъ тинный* (2 Петр. 2, 22).

Во-вторыхъ, истинное покаяніе есть не только отложеніе грѣховъ, но и всевозможное изглажденіе ихъ, такъ, чтобы ихъ какъ-бы не было никогда. Всякій грѣхъ главнымъ образомъ ужасенъ потому, что дѣлаетъ насъ повинными предъ закономъ Божиимъ и за то достойными вѣчной казни. Уничтоженіе сей виновности грѣха предъ Божественнымъ правосудіемъ, изглажденіе его изъ книги вѣчнаго осужденія, избавленіе грѣшника отъ вѣчной смерти и гибели — есть дѣло всемогущества нашего сладчайшаго Искупителя. Въ Его всеутоляющей крови погашаются всѣ стрѣлы правосудія небеснаго; Его всепримиряющая жертва можетъ примирить васъ съ прогнѣванною правдою Отца небеснаго; Его высочайшая власть и всемогущество можетъ исхитить насъ изъ челюстей ада; Его всеильное ходатайство предъ Отцемъ небеснымъ можетъ испросить намъ прощеніе грѣховъ, благодать и милость Божию. Посему въ этомъ отношеніи намъ должно только имѣть живую вѣру въ Искупителя нашего и силу крестной Его смерти, и пламенно молиться о неотверженіи насъ кающихся о принятіи нашего сокрушеннаго исповѣданія въ жертву благоугодную. Но дѣйствіе грѣховъ нашихъ не ограничивается оскорбленіемъ одного неба: слѣды ихъ остаются и въ насъ самихъ и въ ближнихъ нашихъ, откуда они не могутъ быть изглажены безъ нашего содѣйствія и усилій. — Каждый грѣхъ, особенно повторившійся не однократно, оставляетъ въ насъ наклонность или привычку, которая, такъ сказать, приростае къ душѣ нашей, дѣлается какъ бы естественною чертою нашего характера. И между тѣмъ эта злая наклонность есть не иное что, какъ неестественная кривизна духа, которая должна быть исправлена непремѣнно, — вредоносный наростъ, который долженъ быть обрѣзанъ и очищенъ. Кто обязанъ заботиться о семъ? Мы сами, при содѣйствіи благодати Божіей. Безъ сего духъ нашъ, и по исповѣданіи грѣховъ, останется во грѣхахъ, когда зародышъ ихъ будетъ въ немъ; и по очищеніи въ банѣ пакибытія, останется въ нечистотахъ и сквернахъ, когда источникъ ихъ не будетъ пре-

гражденъ и изсушенъ совершенно; и по приложеніи спасительнаго врачества разрѣшенія и прощенія грѣховъ, останется не только больнымъ, а и мертвымъ прегрѣшенми, коихъ корни будутъ живы въ нашемъ сердцѣ. — Съ другой стороны, по тѣсной связи нашей съ ближними, почти всѣ грѣхи наши оставляютъ пагубные слѣды свои и въ нихъ. Одного соблазнилъ нашъ поступокъ, — и онъ или осудилъ насъ, или, что хуже, подражалъ намъ; другаго увлекъ въ бездну погибели нашъ опрометчивый и безразсудный совѣтъ: тотъ оскорбленъ нашимъ словомъ, или дѣломъ; другой страдаетъ отъ нашей неосторожности, или злорѣчія; одинъ стѣнаетъ отъ нашего самолюбія и любочестія; другой терпитъ отъ нашего сребролюбія, или расточительности; тотъ страдаетъ отъ нашей зависти и недоброжелательства; другой — отъ нашей лести и ласкательства.... Боже мой, какая бездна золь! И кто-жъ обязанъ заботиться объ изглаженіи ихъ, какъ не мы сами, при содѣйствіи благодати Божіей? Въ противномъ случаѣ, и послѣ исповѣданія грѣховъ, они останутся неизглаженными въ нашихъ ближнихъ, будутъ вопіять противъ насъ на небо, осудятъ и обвинять насъ на судѣ Божіемъ. — Да исправится же, по возможности, все худое и въ насъ самихъ, и въ ближнихъ нашихъ; да истребится, по возможности, все, что препятствуетъ расширенію и утверженію царства Божія на земли, царства святаго мира и единокудія въ вѣрѣ, царства любви и благочестія! Это будетъ достойнымъ плодомъ покаянія.

Наконецъ, истинное покаяніе, будучи смертію грѣху, есть начало новой жизни во Христѣ, — той благочестивой и богоугодной жизни, которая есть необходимое начало вѣчно-блаженной жизни въ Богѣ. Безъ сего покаяніе было бы совершенно не нужно и тщетно. Суетно и бесполезно будетъ и наше покаяніе, если оно не будетъ началомъ въ насъ новой жизни, сообразной волѣ Божіей. Какъ ни важно само по себѣ удаленіе отъ грѣха; но этимъ мы только удаляемъ отъ себя то, что было въ насъ достойнаго гнѣва небснаго и казни вѣчной, но не дѣлаемъ еще ничего, что было-бы достойно вѣчной жизни. Жизнь вѣчная есть награда, которая списывается трудами и подвигами, исполненіемъ заповѣдей

Евангельскихъ, содѣлашемъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, кои заповѣдалъ творить Господь нашъ Иисусъ Христосъ, насажденіемъ въ душѣ своей тѣхъ благихъ мыслей и чувствъ, кои достойны сына Божія и наслѣдника царствія небеснаго, который есть храмъ живущаго въ немъ Духа Божія. Итакъ, пусть празднолюбіе вознаградится трудолюбіемъ, самолюбіе—самоотверженіемъ, скупость—щедростію, безразсудная расточительность—умѣренностію, празднословіе—молчаніемъ, или славословіемъ Богу, неумѣренность—воздержаніемъ, гордость—смирненіемъ, ненависть—любовію, зависть—доброжелательствомъ, нечистота—цѣломудріемъ и проч. Это будетъ лучшимъ и достойнѣйшимъ плодомъ покаянія!

Сотворите убо плоды достойны покаянія! Иначе что будетъ и наша исповѣдь и наше покаяніе? Явная ложь предъ Сердцевѣдцемъ, оскорбленіе всесвятаго и животворящаго Духа Божія! Какой казни не заслуживаетъ такое нечестіе? *Сотворите убо*—для собственнаго счастія, для избѣжанія грядущаго страшнаго гнѣва—сотворите плоды достойны покаянія! Аминь.

VII. Предъ причащеніемъ Св. Тайнъ.

36. С Л О В О — П Е Р В О Е .

Да искушаетъ себе человекъ, и тако отъ хлѣба да ясть, и отъ чаши да пьетъ; ядый бо и пійй недостойнъ, судъ себѣ ясть и пьетъ (1 Кор. 11, 28. 29).

Страшно сіе Апостольское слово; но оно истинно, непреложно. Подлинно судъ, страшный и ужасный судъ и осужденіе ясть и пьетъ тотъ несчастный, кто пріемлетъ тѣло и кровь Христову не съ подобающею честію, не съ такимъ расположеніемъ духа, кагъ должно; кто ясть и пьетъ недостойнъ. Грозный судъ постигъ тотъ богоотступный народъ, который, осудивъ на распятіе Господа Иисуса Христа, вопіялъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѣ. 27, 25). Но сей злосчастный народъ не вѣдалъ тайны вочело-

вѣченія Сына Божія, совершилъ злодѣяніе по ослѣпленію и неразумію: *аще бо быша разумѣли, говорилъ св. Апостоль, не быша Господа славы распяли* (I Кор. 2, 8). *Когда же мните горшія сподобится муки* рожденный въ христіанствѣ, съ младенчества наученный таинствамъ вѣры, и — при всемъ томъ — по легкомыслію или злобѣ, *Сына Божія поправый и кровь заветную скверну возмнивъ, ея же освятися, и Духа благодати укоравый* (Евр. 10, 29).

Вотъ, почему Св. Церковь съ такою заботливостію старалась приготовить насъ къ принятію животворящихъ таинъ Христовыхъ — пощеніемъ, молитвами, покаяніемъ, да не постигнетъ кого-либо и изъ насъ несчастный жребій распинателей Христовыхъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда отверзутся врата олтаря, какъ бы врата неба, когда изнесется чаша Завета, къ которой намъ должно будетъ приступить, чтобъ оживить въ себѣ, обновить и укрѣпить заветъ свой съ Исусомъ Христомъ, нашъ слухъ и еще огласится послѣднимъ воззваніемъ, послѣднимъ призывнымъ гласомъ Св. Церкви: *со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!* Въ сіи священные минуты да умолкнутъ въ душѣ нашей все постороннія помышленія, да исчезнутъ все другія чувствованія, да угаснутъ все желанія, кромѣ тѣхъ святыхъ помысловъ, тѣхъ небесныхъ чувствованій, къ которымъ желаемъ вознести духъ нашъ Св. Церковь. *Со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчной будемъ!*

Приступимъ со страхомъ Божиимъ. — Для возбужденія въ себѣ сего страха вспомнимъ, гдѣ мы, предъ кѣмъ предстоимъ и къ чему приступаемъ. *Морсее, Морсее, говорилъ Богъ избранному въ вождя и законодателя Израильскому народу, не приближайся сѣмо, иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ; мѣсто бо, на немъ же стоиши, земля свята есть* (Исх. 3, 5). Если мѣсто, освященное единобратнымъ снисхожденіемъ Божиимъ, содѣлалось мѣстомъ святымъ, на которое не дерзалъ вступить мужъ, нареченный другомъ Божиимъ, то сколько святѣе мѣсто, освящаемое ежедневнымъ схожденіемъ Духа Святаго, совершеніемъ страшнаго таинства, на которое и Ангели взираютъ со трепетомъ! Какъ

же легкомысленно поширать сіе мѣсто, которое есть домъ Божій, взирать на престолъ Царя славы, который со трепетомъ окружають и херувимы? Нѣтъ здѣсь пламени Хоривскаго, не слышно громовъ и молній Синайскихъ, но тогда мы бѣжали бы отсель, покрывъ лице свое; отреклись бы не только приступить, но и воззрѣть на преестественную трапезу, ко вкушенію которой призываетъ насъ св. Церковь.

Отъ мѣста возведемъ мысленный взоръ къ Тому, Кто освящаетъ мѣсто своимъ присутвіемъ. Это тотъ Богъ неприступной славы, отъ присутвія Котораго пламенѣлъ и колебался нѣкогда Синай; тотъ Богъ всемогущій, Который рече и быша, повелѣ и создашася, Который нарицаетъ не сущая, яко сущая, мертвить и живить, низводитъ во адъ и возводитъ; тотъ Богъ всесвятый, Который не терпитъ беззаконія, ненавидитъ грѣхи, отвращается неправды; тотъ Богъ ревнитель, Который взыскуетъ грѣхи отцевъ на чадехъ до третьяго и четвертаго рода; тотъ Богъ правосудный, Который призрѣлъ нѣкогда окомя гнѣва на современниковъ Ноя, и — воды потопныя погубили все, отъ человѣка до скота; сошелъ видѣть злобу жителей Содомы и Гоморры, и — пламень небесный потребилъ съ лица земли законопреступныя города. Правда, здѣсь Онъ является намъ только плотію и кровію Своею, безъ видимаго велчія и славы, безъ грозныхъ явленій неумытнаго суда Своего, но въ противномъ случаѣ мы сами осудили бы себя на удаленіе отъ лица Божія и сказали-бы, подобно Израильтянамъ: *да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ* (Исх. 20, 19).

Отъ величія Дателя обратимъ взоръ свой и на величіе дара. — Это то Божественное Тѣло, которое со трепетомъ и умиленіемъ восиріялъ нѣкогда на руки свои благочестивый старецъ Сумеонъ; то божественное Тѣло, отъ прикосновенія къ которому исцѣлялись недужные, очищались прокаженные, котораго ужасались бѣсы, отъ наготы и язвъ коего померкло солнце, сотряслась земля, сокрушились скалы; то преславное Тѣло, которое вознесено на небо, посаждено на престолѣ, прославлено славою Божественною, на которое

со трепетомъ взирають Херувимы и Серафимы. Правда, оно является намъ подъ покровомъ обыкновеннаго брашна, но въ противномъ случаѣ мы сами сказали-бы съ Петромъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи!* (Луки 5, 8).

Возримъ, наконецъ, и на самихъ себя: кто мы, предстоящіе въ дому Божіемъ, предъ престоломъ славы Его, приѣмлющіе божественное Тѣло и Кровь Христову устами нашими?—Земля и пепель, въ беззаконіихъ зачатые, во грѣхахъ рожденные и сами тысящекратно прогнѣвавшіе Господа своими неправдами, возжегшіе праведный огонь гнѣва Его. Какъ брѣніе прикоснется Зиждителю? Какъ слабое тростіе устоитъ предъ огнемъ всепоядающимъ? Какъ предстанеть осужденный своею совѣстію предъ Судією сердецвѣдущимъ? Да обыметъ мысль сія священнымъ трепетомъ духъ нашъ, да сокрушитъ страхомъ сердце наше, да попалитъ, какъ пламень, всѣ постороннія мысли и чувства, да проникнетъ, какъ елей очистительный, все существо наше, вся кости наша да рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ тебѣ, въ величій и славъ, въ могуществовъ и силѣ, въ правдѣ и судѣ? *Со страхомъ Божіимъ приступите!*

Но, чтобы сей страхъ не былъ подобенъ убійственному страху осужденнаго на смерть преступника, при видѣ орудій казни, святая Церковь повелѣваетъ растворять его вѣрою. — Свято мѣсто, которое попирають наши недостойныя стопы; страшень престоль славы Божіей, которому предстоимъ здѣсь, но насъ ввелъ сюда, насъ поставилъ здѣсь самъ Господь. Онъ самъ избралъ насъ отъ чрева матере нашей, просвѣтилъ свѣтомъ разума и Богопознанія, пріялъ въ завѣтъ съ Собою въ таинствѣ крещенія, даровалъ намъ благодать сыноположенія и обрученіе Духа, обѣтовалъ царство небеное, сожительство съ Ангелами. Отречемся-ли чести, убоявшись высоты ея? Но Господи, Господи, Твое царство, Твоя пволя! Мы земля и пепель; но — Твое созданіе, Тобюю искуплены! Веди насъ, куда угодно Твоему челоувѣколюбю; съ Тобюю, для Тебя и за Тебя мы всюду готовы идти; — возвысишь-ли горѣ, или низведешь долу; вознесешь на небо, или низвергнешь въ преисподняя, только бы намъ

быть всегда съ Тобою, зрѣти красоту Твою, служить предъ Тобою вся дни живота нашего!

Великъ даръ, который приедемъ нынѣ отъ руки Господней; свято пречистое Тѣло Господне, свята животворящая Кровь Его, страшно неизреченное таинство. Но ихъ подаютъ намъ самъ Господь: *пріимите, ядите.... пійте отъ нея вси*, глаголетъ Онъ Самъ. Отречемся-ли принять отъ руки Его? Сіе божественное брашно есть жизнь наша, сія священная трапеза есть залогъ безсмертія нашего; не вкусивъ отъ нея, мы мертвы на вѣки. *Аминь Аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ; ядый Мою плоть и пїйй Мою кровь имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 53, 54.), это Его сладчайшіе глаголы! Возлюбимъ-ли смерть паче жизни, тлѣніе паче безсмертія? — Нѣтъ, Господи Іисусе Христе, всегда подавай намъ животворящее Тѣло и Кровь Твою, никогда не лишай насъ сего Божественнаго брашна. Самъ возжигай въ насъ алчбу къ сей всенасыщающей пищѣ, къ сему всеутоляющему питію; даруй намъ причащаться безсмертной трапезы Твоей во вся дни жизни нашея, да оживотворенные ею сподобимся истѣе Тебѣ причащаться въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!

Недостойно предстоимъ мы предъ престоломъ величія Божія, нечистыми устами приедемъ пречистое тѣло и честную Кровь Христову, во грѣхахъ являемся предъ лицомъ Судіи и Бога нашего. — Но Сынъ Божій пришелъ призвать не праведныхъ, а грѣшныхъ на покаяніе; не за праведныхъ, а за грѣшныхъ благоволилъ Онъ терпѣть страданія и смерть; Его пречистое Тѣло преломляется во оставленіе грѣховъ; Его пречистая Кровь изливается во оставленіе грѣховъ; для очищенія, освященія и оживотворенія истлѣвшаго въ беззаконіяхъ естества нашего предалъ Онъ намъ въ съѣдъ Тѣло и Кровь Свою. — Возлюбимъ-ли тьму паче свѣта, раны и язвы паче здравія, рабство паче свободы, погибель паче спасенія? „Господь мой, и Богъ мой, говорилъ одинъ святой мужъ *), есть исцѣленіе мое, азъ же больной, Господь есть

*) Св. Дмитрій Ростовскій въ Пригостіи. ко причащ.

здравіе мое, азъ же сокрушенный, ослабленный и еле живъ; Господь есть животъ мой, азъ же мертвъ; Господь есть возставленіе мое, азъ же падый; Господь есть оправданіе мое, азъ же осужденный, Господь есть взыскауй мя, азъ же погибшій. Приступаю убо яко больной къ Цѣлителю, да исцѣлюся; яко мертвъ къ животу моему, да воскресну и оживу отъ смерти грѣховныя въ добродѣтель; яко падый къ возстающему мя, да болѣе не падаю; яко осужденный къ Судіи моему, да изъ неправеднаго праведна мя сотворить; приступаю яко погибшій къ ищущему мя Человѣколюбцу, да всегда съ Нимъ и въ Немъ пребуду, Онъ же со мною и во мнѣ. Приемлю пречистыя Тайны, да отъ тѣхъ причащенія стяжавши помощь, отнынѣ положу начало спасенія моего, еже ктому не работати грѣху, но поработати по силѣ моей Богови моему. Вѣрую всесильной Твоей помощи и благодати, Господи Боже мой! Вѣрую, помози моему невѣрію!“

Но чаша завѣта новаго есть по преимуществу чаша любви; пречистое тѣло Христово и животворящая Кровь Его есть безцѣнный залогъ Его безпредѣльнаго милосердія и благодати. Любовь къ падшему челоуѣку низвела Сына Божія на землю, облекла Его въ зракъ раба, положила въ вертепъ и ясляхъ, подвергла гоненіямъ, лишеніямъ, скорбямъ и мученіямъ, возвела на крестъ, низвела даже до ада. *Тако возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруя въ оны не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). *Больши ся любви никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Сей пламень любви божественной да проникнетъ душу нашу, да разжжетъ сердце наше любовію, да изліется въ слезахъ умиленія и благодаренія къ благодѣющему Господу, да укрѣпитъ волю нашу на пути покаянія и исправленія жизни, да будетъ щитомъ и огражденіемъ нашимъ противу соблазновъ и козней вражїихъ. За любовь безконечно возлюбившаго насъ Господа, да скажетъ отнынѣ каждый изъ насъ самому себѣ, умышъ нозѣ мои, и како оскверню я? — да речеть морю страстей своихъ и похотей плоти; дождѣ дойдеши, и не пройдеши, но въ тебѣ самомъ

да сокрушатся волны твоя! Да речеть каждый въ себѣ: *Кто ны разлучитъ отъ любви Божіа?* «Како не имамъ Тебѣ любить Господа моего! Ты бо мой еси животь, Ты мое спасеніе, Ты моя слава и похвала, Ты мое богатство и вѣчное сокровище, Ты моя надежда и упованіе, Ты мое радованіе и вѣчный покой. Сего ради всю надежду мою, все упованіе мое, все желаніе мое въ Тебѣ единомъ да полагаю, Господи. Все сердце мое, вся душа моя, вся помышленія моя въ Тебѣ единомъ да углублена будутъ. Вся внутренняя моя, членове и мозги Тебѣ единому да излію, да весь буду въ Тебѣ, Ты же во мнѣ *)».

Со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ. Аминь.

37. СЛОВО—ВТОРОЕ.

Аще не съесте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крове Его, живота не имате въ себѣ.

Такъ говорилъ Господь Иисусъ Христось о необходимости для насъ причащенія плоти и крови Его,—т. е., что безъ причащенія сего Божественнаго брашна мы не будемъ имѣть истинной, вѣчной жизни, умремъ не только тѣломъ, но и духомъ, не только временною, но и вѣчною смертію.

Почему? Потому что мы живемъ не своею, а дарованною намъ свыше жизнию,—не сами оживотворили себя и не своею силою или искусствомъ продолжаемъ и поддерживаемъ жизнь нашу: *Господь Богъ вдуну въ лице наше дыханіе жизни* въ началѣ, и Его же животворящимъ словомъ и Его присносущною силою продолжается и поддерживается бытіе и жизнь наша.

Но теперь, брат., не такое бытіе у насъ и не та жизнь, которыя даровалъ намъ Господь изначала, то было бытіе Богопреподобное, безпечальное и блаженное; то была жизнь—безболѣзненная, безсмертная и вѣчная, исполненная вседовольства, радости и блаженства. Первозданный человѣкъ,

*) Св. Дмитрія Ростов. Алфав. Духов.

которому Господь Самъ изъ пречистыхъ устъ Своихъ вдохнулъ дыханіе жизни, поставлень былъ въ рай сладости, вкушалъ отъ древа жизни и былъ безсмертенъ. Грѣхъ лишилъ насъ сего преимущества, сего блаженства и безсмертія, осудилъ на бѣдствія и печали, болѣзни и смерть. *Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ*, сказалъ Господь падшему человѣку, *въ печальхъ сниси тую вся дни живота твоего; смертію умреши, земля еси, и въ землю отъидеши*. Съ тѣхъ поръ царствова смерть отъ Адама надъ всѣмъ его потомствомъ. Ибо *единствъ человекмъ грѣхъ въ мѣрѣ вииде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вииде, въ немже вси согрѣшиша*. Безполезно было бы намъ послѣ сего вкушать отъ древа жизни; ибо оно дано было для поддержанія жизни Богодарованной, но не могло возвратитъ жизни утраченной. И что было-бы за счастье, если-бы это тѣло — болѣзненное и страстное, въ которомъ, по слову апостола, *не живетъ доброе*, оставалось безсмертнымъ? Если-бы эта жизнь, исполненная бѣдъ и скорбей, печалей и воздыханій, не прекращалась никогда? Если-бы эта земля, проклятая въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ, произращающая намъ только тернія и волчцы, оставалась навсегда въ томъ-же видѣ, не чая обновленія и воссозданія къ лучшему бытію? Если-бы нынѣшнія общества человѣческія, въ которыхъ царствуетъ грѣхъ и неправда, ненависть и злоба, коварство и зложелательство, обиды и озлобленія, оставались такими-же на всю вѣчность? Нѣтъ, для насъ нуженъ былъ новый, хлѣбъ жизни, *сходяй съ небесе и даей животъ мѣру*, который даровалъ-бы намъ вновь истинную Богоподобную жизнь, который-бы исцѣлилъ, очистилъ, освятилъ и обновилъ естество наше, зараженное смертоносною язвою грѣха, который паки соединилъ-бы насъ съ Богомъ — единымъ присносущнымъ источникомъ вѣчной жизни и блаженства.

Что же творитъ для сего вѣпостасная премудрость Божія — Единородный Сынъ Божій? Воспріавъ на Себя естество наше, Онъ очистилъ, освятилъ и оживотворилъ его въ самомъ Себѣ, содѣлалъ воспринятую на Себя плоть нашу Своею Божественною плотію — живою и животворящею, и кровь нашу

Своею Божественною кровію — святою и освящающею, и душу нашу Своею Божественною душою — новымъ дыханіемъ жизни, котораго лишился человѣкъ, пріявъ въ себя дыханіе смерти отъ діавола. Сіе-то обоженное естество наше Онъ содѣлываетъ для насъ хлѣбомъ жизни, пищею безсмертія, врачествомъ не отъ болѣзней токмо, но и отъ смерти. *Хлѣбъ, его-же Азъ дамъ*, говоритъ Онъ, — *плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра: плотъ бо Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво: ядый Мою плотъ и пійй Мою кровь иматъ животъ вѣчный*. Почему? Потому что *якоже посла Мя живый Отецъ и Азъ живу Отца ради, и ядый Мя и той живъ будетъ Мене ради*. И вотъ, когда настало время воплотившемуся Сыну Божію предать тѣло Свое на страданія и кровь Свою на изліяніе за грѣхи человѣковъ; когда сему Агнцу Божію, взявшему грѣхи міра, надлежало заклану быти и вознестися на крестный жертвенникъ во всеожженіе, Господь Іисусъ Христосъ, какъ истинный архіерей, Самъ Себѣ предпожре. Въ послѣдній разъ вечеря съ учениками Своими, *Онъ пріемъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, и благословивъ, преломи и дающе ученикамъ Своимъ, глаголя: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. И пріимъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за многія изливается во оставленіе грѣховъ*. Такимъ образомъ Господь въ первый разъ содѣлалъ учениковъ Своихъ причастниками Своего Божественнаго естества, а съ тѣмъ вмѣстѣ преподалъ имъ новую жизнь, даровалъ не только залогъ, но и начатокъ безсмертія и вѣчной жизни.

Но чтобы и всѣ вѣрующіе, всѣ ученики слова Евангельскаго, во всѣ послѣдующіе роды до скончанія вѣка не лишились сего величайшаго благодѣянія, сего единственнаго средства ко избавленію отъ вѣчной смерти, къ стяжанію вѣчной жизни и безсмертія, Господь заповѣдалъ святымъ Апостоламъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*. Оттогда и творится и будетъ твориться сіе до скончанія вѣка. Ибо св. Апостолы, учреждая и благоустроая Церковь Христову, за-

вѣщали ей, какъ важнѣйшую и первую обязанность, совершать вечерю Господню, *дондеже придетъ* Онъ Самъ паки на землю, чтобы всѣ вѣрующіе во всѣ роды родовъ могли быть причастниками животворящаго тѣла и крови Христовой, доколѣ не настанетъ не вечерній день царствія Христова, когда будемъ причащаться истѣе Божественной жизни и славы Его. Для сего завѣщали и всѣмъ вѣрующимъ *не оставлять собранія* церковнаго, причащаться Божественной вечера съ чистою совѣстію, съ вѣрою и благоговѣніемъ.

И такъ, желаешь-ли, возлюбленный собратъ мой, безсмертія и жизни вѣчной? Прииди въ храмъ Господень. Здѣсь услышишь тотъ-же Божественный глаголь самого Владыки жизни, смертію смерть поправшаго и воскресеніемъ Своимъ животъ міру даровавшаго: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ: пейте отъ нея вси, сія есть кровь Моя, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ*. Здѣсь на престолѣ Господнемъ узришь подлежащее и самое Божественное тѣло Его, подъ видомъ и покровомъ хлѣба, и самую Божественную кровь Его подъ видомъ плода лознаго,— какъ преподалъ Онъ Самъ св. Апостоламъ. Со страхомъ Божиимъ и благоговѣніемъ приступи къ сей таинственной вечера, съ вѣрою и любовію прими сіе Божественное брашно; — и будетъ тебѣ во оставленіе грѣховъ, и въ жизнь вѣчную; ибо ты содѣлаешься, по слову Апостола, *причастникомъ Божественнаго естества*—пречистаго и безсмертнаго. Нѣтъ нужды, что нѣкогда жизнь твоя, повидимому, прекратится, что ты прострешься во гробѣ яко мертвъ. *Идыи Мою плоть и пейи Мою кровь*, — говоритъ Господь — *имать животъ вѣчный, аще и умретъ, оживетъ, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день*. Нѣтъ нужды, что это бренное тѣло содѣлается нѣкогда бездыханнымъ, предается тлѣнію и разрушенію. Господь Иисусъ Христосъ, коего безсмертной плоти приобщалось оно, воздвигнетъ его изъ самаго тлѣнія къ новой нескончаемой жизни: *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и смертному сему облещися въ безсмертіе*. *Ибо грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышатъ ожи-*

вуть, и изыдутъ сотвориши благая въ воскрешеніе живота, и сотвориши злая въ воскрешеніе суда.

Такъ, брат. мой, и самое Божественное брашно сіе, хотя воскресить насъ изъ мертвыхъ, по обѣтованію Господню, но не избавить отъ суда и осужденія, если будемъ причащаться его, не очистивъ своей совѣсти искреннимъ покаяніемъ, не приготовивъ свою душу молитвою и прощеніемъ, не укрѣпивъ духа своего живую вѣрою и упованіемъ, не ожививъ сердца своего любовію и желаніемъ со Христомъ жить и умереть. Напротивъ, недостойное причащеніе тѣла Христова само будетъ намъ въ судъ и осужденіе: *лдый бо и пїай недостойнъ судъ себѣ яств и пїетв.* Посему-то, брат., св. Церковь и призываетъ насъ приступать къ причащенію тѣла и крови Христовой со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію.

Приступимъ со страхомъ Божиимъ, какъ рабы неглючимые къ своему Владыкѣ и Господу, имущему власть погубить и тѣло и душу нашу въ гееннѣ огненной; какъ виновные и избличенные преступники ко всеправосудному Судии своему, предъ Которымъ не утаится ни одно, самое тайное помышленіе сердца нашего, который отошлетъ грѣшниковъ, послѣ страшнаго суда Своего, *во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его.* Приступимъ съ вѣрою, какъ искупленные кровію Христовою къ своему Искупителю и Спасителю, Который единъ можетъ изъять насъ отъ темной власти діавола, избавить насъ отъ вѣчныхъ мученій ада, освободить насъ отъ суда и осужденія вѣчнаго; какъ болящіе ко врачу своему, который одинъ можетъ исцѣлить нашу душу отъ язвъ грѣховныхъ, умиротворить совѣсть. нашу, очистить ее кровію Своею отъ мертвыхъ дѣлъ, освободить сердце наше отъ обладающихъ имъ страстей и похотей плотскихъ, оживотворить и воскресить духъ нашъ упованіемъ спасенія и жизни вѣчной.—Приступимъ съ надеждою, какъ осужденные преступники къ премилосердому царю своему, который одинъ можетъ упразднить рукоплѣненіе грѣховъ нашихъ, оставить намъ множество долговъ нашихъ, простить намъ всѣ преступленія наши, освободить насъ отъ заслуженной нами казни. Приступимъ съ любовію какъ дѣти къ

Отцу своему, Который возродилъ насъ Духомъ Святымъ въ новую благодатную жизнь и изъ сыновопроклятія содѣлалъ насъ чадами Богу Отцу возлюбленными, Который питаетъ насъ Своею плотію и кровію, Который до того возлюбилъ насъ, что самую душу Свою положилъ за насъ; какъ облагодѣтельствованные къ своему высочайшему благодѣтелю и другу, Который сказалъ намъ всю всеблагую волю Свою о насъ, открылъ намъ все премилосердное сердце Свое, Который обѣщалъ намъ исполнять всякое доброжеланіе наше, даровать намъ всякое благопотребное прошеніе наше.

Съ вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчной будемъ. Аминь!

УШ. Но причащеніи.

38. СЛОВО — ПЕРВОЕ.

Будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ (Іоан. 15, 4), говорилъ Господь св. ученикамъ Своимъ, преподавъ имъ Божественное тѣло и кровь Свою. Значить, для тѣснѣйшаго, внутреннѣйшаго, животворнаго и спасительнаго соединенія съ Господомъ Иисусомъ Христомъ не довольно одного видимаго вкушенія тѣла и крови Его. Для того, чтобы соединеніе наше со Христомъ было животворно и спасительно для насъ, оно должно быть обоестороннее, полное и совершенное. Если Онъ предалъ всего Себя намъ и для насъ, то и намъ должно предать себя всецѣло Ему и для Него. Онъ положилъ за насъ душу Свою, и намъ должно предать духъ свой Ему, да будемъ единъ духъ съ Господемъ; Онъ предалъ намъ въ съѣдъ тѣло и кровь Свою, и намъ должно предать тѣло свое Господеви (1 Кор. 6, 13), по слову св. Павла. *Нѣсте свои, куплены бо есте црною; прославите убо Бога въ тѣлесахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6, 20). Такова сущность божественнаго Завѣта!

И такъ, въ комъ изъ причащающихся тѣла и крови Христовой пребываетъ Христосъ? Въ томъ, кто самъ всецѣло пребываетъ во Христѣ: кто плѣнилъ разумъ свой въ послу-

шаніе вѣры Христовой,—мыслить такъ, какъ учить Божественное Слово, отъ сердца вѣруетъ всему, что благоволилъ открыть намъ самъ Господь, кто поучается въ законѣ Господни день и ночь; кто покорилъ волю свою игу закона Христова, — желаетъ того, что угодно Господу, стремится къ тому, чтобы въ желаніяхъ и поступкахъ его исполнялась воля Божія, отъ сердца отвращается всего, что противно закону Господню; кто самое тѣло свое употребляетъ въ орудіе правды, хранить сосудъ плоти своей въ чистотѣ и святынѣ; паче же всего кто возлюбилъ Господа и Спасителя своего любовію крѣпкою аки смерть, готовъ за возлюбленнаго и возлюбльшаго насъ не только вмѣнить въ уметы вся красная міра, но и положить самую жизнь свою. Таковы непремѣнныя условія и обязательства божественнаго Завѣта!

Много-ли требуется отъ насъ? Но, чего не въ правѣ потребовать Тотъ, отъ Котораго имѣемъ и дыханіе, и жизнь, и вся; Кто Самъ для избавленія нашего претерпѣлъ страданія и крестъ?—Впрочемъ, и въ самомъ обязательствѣ пребывать во Христѣ не столько требуется отъ насъ, сколько даруется намъ. Ибо чего лишается и что пріобрѣтаетъ тотъ, кто пребываетъ во Христѣ и въ комъ пребываетъ Христосъ? Онъ отвергается воли своей—злой и развращенной, которая влечетъ въ погибель, и предается волѣ Божіей -- благой и совершенной, которая всѣмъ хочетъ спастися и наследовать блаженство; вмѣняетъ въ уметы земной прахъ, и обрѣтаетъ вѣчныя блага; оставляетъ землю, и наследуетъ небо; избѣгаетъ смерти вѣчной, и обрѣтаетъ вѣчную жизнь; исхищается изъ плѣна діаволя, и становится сыномъ Божиимъ. Что можетъ быть выше и вождѣльннѣ сего? Напротивъ, что обрѣтаетъ тотъ, кто, соединяясь со Іисусомъ Христомъ видимо, не соединяется съ Нимъ духомъ, пріемля святое тѣло Господне и кровь завѣта, не пріемлетъ намѣренія жизни святой и богоугодной? Онъ *судь себѣ лствъ и нѣствъ* (1 Кор. 11, 29), говоритъ св. Апостолъ Христовъ. Какъ сухая, неплодная вѣтвь, онъ готовится на сожженіе; какъ презритель страшныхъ таинъ Божіихъ, онъ предается власти діаволя. Ибо что случилось съ Іудею, который пріявъ

Тѣло и кровь Господню, не оставилъ злаго умысла предательства? *И по хлѣбъ тогда вниде въ оны сатана* (Іоан. 13, 27). Что можетъ быть ужаснѣе сего?

Скажете: «удобоисполнимо-ли обязательство, возлагаемое на насъ пріобщеніемъ плоти и крови Господней? Можно-ли рожденному во грѣхахъ содѣлаться и пребыть навсегда безгрѣшнымъ?» Есть — безмѣрное — различіе между безгрѣшностію, свойственною единому Богу, и любовію ко грѣху, законсиѣніемъ во злѣ, свойственными діаволу и подобнымъ ему; есть различіе между претыкающимся нечаянно, и нежелающимъ востать отъ паденія. Палъ Іуда и погибъ; потому что палъ сердцемъ, коимъ овладѣлъ діаволь такъ, что все обличенія и угрозы не возбудили его къ раскаянію. Отрекся Господя Петръ, и — не смотря на то — пребылъ Апостоломъ; потому что согрѣшилъ устами, но не сердцемъ, въ коемъ не угасла живая вѣра и любовь къ Господу, и омылъ грѣхъ своей горькими слезами. — Мы не можемъ напередъ обѣщать Богу совершенной безгрѣшности; но можемъ и должны возненавидѣть грѣхъ и отвращаться его, возлюбить законъ Божій и заботиться объ исполненіи его. Не можемъ обѣщать напередъ быть святыми; но можемъ и должны стремиться къ святости, отвращаться всякой нечистоты и скверны. Для сего-то Господь и даровалъ намъ покаяніе, дабы мы всегда обрѣтали прощеніе грѣховъ; для сего и дано намъ святѣйшее таинство Евхаристіи, дабы мы невозбранно обрѣтали всегда источникъ освященія и безсмертія; для сего Самъ Господь благоволилъ пребывать въ насъ и заповѣдуетъ намъ пребывать въ Немъ, чтобы мы немощные возмогали Его силою и крѣпостію: *будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ, говоритъ Онъ, яко безъ Мене не можете творити ничего; аще кто во Мнѣ пребудетъ, той сотворитъ плодъ многа* (Іоан. 15, 4. 5). Сдѣлаемъ для Него то, что можемъ и должны; а Онъ не умедлитъ содѣлать въ насъ то, что и можетъ содѣлать только Онъ! Аминь.

39. С Л О В О — В Т О Р О Е.

Господь нашъ Іисусъ Христось, преподавъ св. ученикамъ Своимъ Божественное Тѣло и Кровь Свою, заключилъ вели-

кое тайнодѣйствіе пространно утѣшительно бесѣдою, въ которой открылъ предъ ними все любвеобильное сердце Свое. Божественная трапеза любви всегда можетъ проникнуть и воспламенить огнемъ божественнымъ и всякое сердце, расширить и не краснорѣчивыя уста, и побудить душу изыти въ слово такъ, что святой Павелъ, по преломленіи таинственнаго хлѣба, простиралъ слово до полуночи. Но, при всемъ желаніи нашемъ раздѣлить съ вами свои чувства въ настоящія минуты, что можемъ сказать вамъ послѣ того, что вы слышали изъ пречистыхъ устъ Самого Господа, Который единъ и могъ вѣщать достойно о Своемъ Тѣлѣ и Крови, какъ Онъ одинъ и могъ даровать намъ ихъ въ снѣдъ? Станемъ-ли говорить о величій дара, коего сподобились вы нынѣ?— Но сія вѣсте: вы приобщились пречистаго и животворящаго Тѣла и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Что можно сказать болѣе сего? Есть-ли даръ выше и неизреченнѣе сего дара?— Будемъ-ли изъяснять вамъ силу и дѣйствіе святѣйшаго таинства? И сія вѣсте: вы слышали изъ пречистыхъ устъ самого Господа: *ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ, ядый Мою плоть и пійи Мою кровь имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день; аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съесте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 56, 54. 53). Нужно-ли говорить что-либо болѣе сего? Что необходимѣе для насъ соединенія съ Богомъ? Что драгоценнѣе вѣчной жизни? Что ужаснѣе вѣчной смерти?— Захотимъ-ли напомнить вамъ о томъ, къ чему обязываетъ насъ вкушеніе плоти и крови Господней? Но и сія вѣсте: Самъ Господь сказалъ намъ: *Якоже возлюбилъ Мѣ Отецъ, и Азъ возлюбилъхъ васъ: будите въ любви Моей; аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей. Будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ: аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсыщеть, и собираютъ ю, и во огонь влагаютъ, и сгараетъ. Иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той мнозъ сотворитъ плодъ, яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, егже*

еще хотите, просите, и будетъ вамъ (Іоан. 15, 9. 10. 6, 5. 7. 8). Можно-ли сказать что-либо убѣдительнѣе и отраднѣе сего?

Но, братія мои, *еще сія вѣсте, блажени есте, еще творите я*. На судѣ церковномъ, на которомъ вы были, васъ не спрашивали, знаете-ли вы то или другое; но поступаете-ли такъ, какъ знаете, какъ научены издѣтства? И на судѣ Христовомъ, на который предстанемъ нѣкогда мы всѣ, насъ не спросятъ, много-ли, мало-ли мы знали, но исполнили-ль на дѣлѣ то, о чемъ всѣмъ и каждому вѣщаетъ слово Божіе? Не для того Сынъ Божій нисходилъ на землю, чтобы преестественное явленіе Его во плоти служило предметомъ празднаго любопытства: *Азъ придохъ, говорить онъ, да животъ имутъ и лишше имутъ* (Іоан. 10, 10). Не для того восшелъ Онъ на крестъ и сошелъ во гробъ, чтобы намъ быть праздными зрителями Его страданій: *Онъ умеръ и воскресъ, да живущи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему. Спогребохомся бо Ему крещеніемъ въ смерть; да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчю, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Римл. 6, 4). Не для того, наконецъ, Онъ предалъ намъ святѣйшее Тѣло и Кровь Свою, чтобы они служили предметомъ состязаній совопросниковъ вѣка сего; но чтобы вѣрующіе, оживотворяясь вкушеніемъ сего божественнаго брашна, освобождались отъ тьмы грѣха, и, поработаясь правдѣ, преслѣвали въ добродѣтеляхъ. Для того благоволилъ Господь пріобщать насъ плоти и крови Своея, чтобы мы, прискренни пріобщаясь Ему, были живыми членами Его таинственнаго тѣла, на вѣки пребыли неразлучными отъ Него, чтобы ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни гладъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечъ не могли разлучить насъ отъ любви Божія. Такъ мыслили и чувствовали тѣ, кои первые удостоились пріять божественное Тѣло и Кровь изъ пречистыхъ рукъ самого Господа. *Господи, говорилъ одинъ изъ нихъ, еще ми есть и умерти съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Матѣ. 26, 35); *съ Тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть ити* (Луки 22, 33): *также, замѣчаетъ Евангелистъ, и вси ученицы рѣша* (Матѣ. 26,

35). И всё они, исполняя свято великій обѣтъ свой, носили на себѣ во всю жизнь свою поношеніе Христово, всё положили жизнь свою за возлюбленнаго Учителя и Господа. Такъ и должно быть по закону благодарности и правды: любовь за любовь, тѣло за тѣло, кровь за кровь! Страшно слово сіе?— Но не ужаснѣе-ли стократно, вмѣсто общенія со Христомъ въ животѣ и смерти, въ страданіяхъ и блаженствѣ, быть въ общеніи съ вѣліаромъ, хотя-бы въ непрестанныхъ радостяхъ и утѣхахъ міра; вмѣсто того, чтобы предать душу и тѣло свое Господу, предать ихъ власти злѣйшаго врага Его и нашего, обрѣчь самого себя гееннѣ огненной?— Нѣтъ, Господи Сердцевѣдче всѣхъ! Отъ чистаго сердца рекъ каждый изъ насъ предъ Тобою: «не повѣмъ тайну врагомъ Твоимъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда.» Подаждь намъ крѣпость и силу оправдать жизнью и дѣлами сіе неслестное исповѣданіе! Прости руку благовременныя помощи въ годину искушенія! Паче же не остави насъ въ страшный часъ смерти наша и не лиши божественнаго напутія къ жизни вѣчной — причащенія животворящаго Тѣла и Крове Твоея! Мы же, взысканные и искупленные Тобою, не престанемъ, въ слезахъ благодаренія и радости, лобызать животворныя язвы Твои, источившія намъ токи жизни и безсмертія!— Аминь.

40. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е .

Ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. (Іоан. 6, 56).

Значить все, чего лишились мы въ раи несчастнымъ вкушеніемъ отъ запрещеннаго древа, несравненно въ большей мѣрѣ приобрѣтаемъ паки вкушеніемъ плоти и крови Господней. Тамъ мы отпали и удалились отъ Бога на вѣки; здѣсь паки соединяемся съ Нимъ такъ, что бываемъ причастниками Божественнаго естества, какъ говоритъ Апостоль. Слава и благодареніе Господу, Который не оставилъ насъ погиб-

нуть на вѣки въ злосчастномъ удаленіи отъ Него, Который, для возведенія насъ къ соединенію съ Собою, смирилъ Себе до воспріятія зрака раба, послушавъ былъ волѣ Отца Небеснаго до смерти крестныя, положилъ душу Свою за избавленіе наше, предалъ въ снѣдь намъ самое тѣло и кровь Свою! Теперь мы съ Нимъ и Онъ съ нами, мы въ Немъ и Онъ въ насъ, отнынѣ и на вѣки!

Итакъ теперь мы не одни: съ нами и въ насъ самъ Господь. Сколь же должно быть намъ осторожными и осмотрительными въ мысляхъ и желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ нашихъ! Соединившись въ единъ духъ съ нами, Онъ не можетъ не скорбѣть о грѣхахъ нашихъ, о коихъ скорбитъ и наша слабая совѣсть. Содѣлавши насъ членами Своего тѣла, отъ плоти Его и отъ костей Его, Онъ не можетъ не сокрушаться и не страдать отъ оскорбленій и поруганій, наносимыхъ Его тѣлу. Отнынѣ каждая нечестивая и небогоугодная мысль, возникшая въ духѣ нашемъ, будетъ оскорбленіемъ толико возлюбившему насъ Господу; всякое законопреступное пожеланіе будетъ возстаніемъ противъ величайшаго Благодѣтеля нашего; всякое порочное дѣйствіе будетъ явною обидою сладчайшему Искупителю нашему; всякое злоупотребленіе, какое сдѣлаемъ изъ членовъ собственнаго тѣла, будетъ равно оплеваніямъ, заушеніямъ и біеніямъ, кои тернѣль Онъ отъ враговъ Своихъ. Да оградится же отнынѣ сею мыслию нашъ духъ, душа и тѣло отъ всѣхъ козней и навѣтовъ сатанинскихъ. Посѣть-ли врагъ въ душѣ нашей худой помысль; да поразится онъ тотчасъ мыслию о живущемъ въ насъ Господѣ. Возбудить-ли въ сердцѣ нашемъ злое пожеланіе; да попадется оно тотчасъ пламенемъ любви божественной. Возгорится-ли огонь похоти въ нашемъ тѣлѣ; да погасится онъ тотчасъ воспоминаніемъ о плоти и крови Господней. Да помышляемъ себе всегда *мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови о Христвъ Иисусъ, Господь нашъ* (Рим. 6, 11).

Теперь мы не одни: съ нами и въ насъ самъ Господь. Какъ же должно быть намъ скорыми на все благое, тщаливыми на всякое доброе дѣло, готовыми на всякій благочестивый подвигъ! Пребываніе въ насъ Господа не можетъ быть

праздно и бездѣйственно. Онъ не престанетъ вдыхать намъ благіе помыслы и чувства, наставлять насъ на всякое доброе дѣло, помогать намъ во всякомъ подвигѣ благочестія: *еще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, екоже еще хотите, просите, и будетъ вамъ* (Іоан. 15, 7.): это Его святое слово. Да укрѣпитесь отнынѣ сею мыслию духъ нашъ на всѣхъ путяхъ жизни, во всѣхъ подвигахъ благочестія. Пусть каждая благая мысль, которую внушитъ намъ Господь, приведется въ дѣйствіе немедленно; пусть всякое доброе намѣреніе совершится неотложно во славу Божию; пусть всякое благоговѣйное чувство изольется или въ словѣ хвалы и благодаренія благодарѣющему Господу, или въ словѣ назиданія и утѣшенія ближняго; пусть всякое благое желаніе осуществляется неотложно въ благомъ и полезномъ дѣлѣ. *Нысте свои; куплени бо есте цѣною; прославите убо Бога въ тѣлесныхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6, 20).

Теперь мы не одни: съ нами и въ насъ самъ Господь. Какъ же должно быть намъ благодушными и великодушными во всѣхъ обстоятельствахъ жизни! Пребывая въ насъ, Онъ не можетъ не принимать участія въ нашихъ чувствахъ. Онъ скорбѣлъ и плакалъ съ сестрами Лазаря; можетъ-ли не раздѣлить, или лучше не утолить и нашей печали? Онъ радовался съ обрадованными апостолами; можетъ-ли не раздѣлить и нашей святой и благочестивой радости? Во днѣхъ плоти Своя Онъ самъ былъ искушенъ по всяческимъ; можетъ-ли не помощи искушаемымъ? И такъ постигнетъ-ли насъ печаль; да возвѣстится она предъ Господемъ въ молитвѣ,—и бремя скорби спадетъ съ скорбящаго духа, елей невидимаго утѣшенія прольется въ уязвленное сердце и уврачуеетъ его раны. Посѣтитъ-ли сердце наше чистая и святая радость; возрадуемся предъ Господемъ, — и радости нашей никтоже возьметъ отъ насъ. Найдеть-ли искушеніе; возопіемъ ко Господу, и Онъ избавитъ душу нашу отъ самаго ада преисподнѣйшаго. *Аще же поидемъ и посредь снми смертныхъ, не убоимся зла, яко съ нами Господь.*

Да не отступимъ токмо мы отъ Господа, а Онъ пребудетъ съ нами во вѣкъ; ибо скорѣе пройдетъ небо и земля, не-

жели останется безъ исполненія Его божественное слово: *Ядый Мою плоть, и пійй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.* Аминь.

41. СЛОВО—ЧЕТВЕРТОЕ.

Если-бы кто изъ насъ предсталъ внезапно самому страшному судищу Христову на небѣ такимъ, какими предстали мы здѣсь на судъ покаянія, какой неизъяснимый трепеть и ужасъ объялъ-бы все существо его! Какими горькими волями окаялъ-бы онъ житіе свое! Какими стенаніями возрыдало-бы сердце его! Какими горькими слезами оплакалъ-бы онъ злое произволеніе свое! Какими неотступными мольбами умолялъ-бы онъ о помилованіи!...

А гдѣ же и были мы всѣ, какъ не на судѣ Христовомъ? Ибо какой иной судъ судить св. Церковь, какъ не судъ Божій? Какую разбираетъ прю, какъ не несчастную прю падшей твари съ правосуднымъ Творцемъ?—Что осуждается здѣсь, будетъ осуждено и тамъ; что похваляется здѣсь, будетъ похвалено и тамъ; что разрѣшается здѣсь, будетъ разрѣшено и тамъ; что связуется здѣсь, будетъ связано и тамъ! — Сотряслось-ли сердце наше священнымъ трепетомъ, когда предстояли мы предъ судищемъ покаянія? Сокрушился-ли духъ нашъ страхомъ Господнимъ? Умилилась-ли и возкорбѣла-ль душа наша о грѣхахъ своихъ? Омыли-ль мы горькими слезами раскаянія заблужденія наши? Жаждала-ль совѣсть наша, какъ манны небесной, какъ сокровища, драгоценнѣйшаго всего міра, прощенія и помилованія? — У кого въ духъ не произошло сей спасительной борьбы жизни съ смертію, страха осужденія съ надеждою помилованія, того ненадежно покаяніе; тому должно еще трудиться возбуждать въ себѣ чувство истиннаго раскаянія во грѣхахъ, много и усердно молиться, чтобы благодать всесвятаго Духа Божія сокрушила окамененіе сердца его, насадила въ душѣ его корень всѣхъ благъ — страхъ Господень, напоила, по слову Пророка, слезами умиленія въ мѣру.

Если-бы еще кто-либо изъ предстоявшихъ уже суду Божію на небѣ, по милосердію Судіи, отпущенъ былъ паки

на землю для исправленія жизни своей, для изглаженія грѣховъ своихъ, для лучшаго приготовленія себя къ страшному Суду Божію, какихъ не употребилъ бы онъ усилій, какихъ не принесъ бы жертвъ, какихъ не претерпѣлъ бы страданій для сей цѣли? Не вмѣнилъ-ли бы въ уметы весь міръ, да Христа пріобрѣтетъ? Не былъ-ли бы готовъ лучше стократно положить душу свою, нежели однажды содѣлаться преступникомъ закона Божія, противникомъ и врагомъ своего Искупителя?

Чтожь иное теперь мы всѣ, какъ не преступники, судимые и помилованные, — по неизреченному человеколюбію Божію, отпущенные на свободу для заглаженія своихъ преступленій, для исправленія своей жизни, для лучшаго приготовленія себя къ суду Божію? Служитель Христовъ, по данной ему власти, могъ связать насъ, и мы остались бы связанными навсегда; но онъ разрѣшилъ насъ ради даннаго нами обѣта исправленія. Судъ Божій могъ постигнуть насъ во всякое время, восхитить насъ внезапно среди дѣлъ беззаконія, — и мы содѣлались бы на вѣки добычею ада; но милосердіе Отца Небеснаго еще даруетъ намъ время для покаянія, въ ожиданіи нашего обращенія и исправленія. Преступая заповѣди Господни, мы сами предавали себя власти діавола, — и онъ давно содѣлалъ-бы насъ своими плѣнниками на вѣки, возобладалъ-бы совершенно нашимъ тѣломъ и душою, терзалъ и мучилъ-бы насъ прежде вѣчныхъ мукъ, но всемогущество Искупителя нашего обуздало его львиную ярость, исторгло насъ изъ самыхъ челюстей его, освободило насъ отъ страшной власти его, — въ надеждѣ, что мы будемъ впродъ страшиться и убѣгать его, не прельщаться змійною лестію его. Измѣнимъ-ли собственнымъ нашимъ обѣтамъ? Поругаемся-ли милосердію и человеколюбію Господню? Пойдемъ-ли произвольно опять въ плѣнъ діавола, подобно какъ обаянная взоромъ василиска птица сама стремится въ разверстую пасть его?

Если-бы, наконецъ, отпущенному съ неба на землю данъ былъ какой-либо залогъ райскій — съ такимъ условіемъ, что, сохранивъ залогъ сей, онъ содѣлается причастникомъ рая, — потерявъ, изгнанъ будетъ во тьму кромѣшную, ду-

маете-ли, чтобъ этотъ человекъ далъ сонъ очамъ своимъ и вѣждамъ своимъ дреманіе, зная напередъ, что онъ окруженъ хищниками, которые ждутъ только его оплошности, чтобъ лишить его небеснаго сокровища? Не отдали-ли бы стократно жизнь свою для сохраненія небеснаго дара?

А мы всѣ пріяли теперь отъ рукъ Самого Господа такой залогъ, драгоценнѣе котораго ничего нѣтъ въ самомъ раю; пріяли честнѣйшее тѣло и святѣйшую кровь Самого Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, — единственный залогъ безсмертія нашего и вѣчной жизни; — пріяли именно съ условіемъ сохранить его въ себѣ цѣлымъ въ упованіи жизни вѣчной, не предавать его врагу Господню подъ опасеніемъ вѣчной смерти и погибели. — Предадимъ-ли тѣло и кровь Господню въ жертву похотѣній растлѣнной природы нашей? Отдадимъ-ли драгоценный залогъ безсмертія нашего за временную грѣха сладость? Промѣняемъ-ли вѣчную жизнь и блаженство на вѣчную смерть и погибель?

Видите, возлюбленніи, что значать божественныя таинства, коими освятились вы нынѣ; видите, что сдѣлалъ для васъ Господь и къ чему обязались вы вкушеніемъ плоти и крови Его? *Да дастъ вамъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа Духа премудрости и откровенія, просвѣщенна очеса сердца вашего, яко узвѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его, и кое преслѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ, по дѣйствию державы крѣпости Его, юже содѣла о Христвѣ Иисувѣ* (Ефес. 1, 18, 16). *Самъ же Богъ мира да освятитъ васъ всесовершенныхъ во всемъ, и всесовершенъ вашъ духъ, душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Иисуса Христа да сохранится* (I Сол. 5, 25).

42. С Л О В О — П Я Т О Е.

Вкусите и видите яко благъ Господь, глашаетъ св. Давидъ, познавшій опытомъ всей своей жизни неизреченную благодѣть Божію.

Вкусили и видимъ, Пророче Божій, яко благъ Господь и къ намъ, недостойнымъ Его благодѣти. Тысящекратно оскор-

бляли мы величіе Его произвольными грѣхами; а Онъ забылъ и не помянулъ оскорбленій нашихъ, продолжалъ и продолжаетъ являть намъ благодать Свою. Неоплатными должниками явились мы предъ престоломъ вѣчной правды Его; а Онъ простилъ намъ все и весь долгъ оный отпустилъ намъ за одно исповѣданіе грѣховъ нашихъ. Сообщниками бѣсовъ сотворили мы себя угожденіемъ похотямъ и страстямъ нашимъ; а Онъ содѣлалъ насъ участниками плоти и крови Своея, сообщниками Ангеловъ и святыхъ Своихъ. Достойны геенны и ада были мы по грѣхамъ нашимъ; а Онъ содѣлалъ насъ сынами царствія Своего, наслѣдниками нескончаемаго блаженства жизни будущей. вмѣсто праведнаго осужденія, Онъ помиловалъ насъ; вмѣсто гнѣва и проклятія, Онъ явилъ сладость любви Своей; вмѣсто того, чтобъ на вѣки отринуть насъ, Онъ соединилъ насъ съ Собою, напиталъ насъ пищею безсмертія. Велие благоутробіе Твое, Господи, непостижимо долготерпѣніе Твое, Человѣколюбче!

Видите, возлюбленніи, сколько благъ къ намъ Господь! Да возрадуется душа наша о Господѣ! да возвеселится духъ нашъ о Богѣ Спасителѣ нашемъ, Который призрѣлъ на смиреніе наше, не отвратился недостойнства нашего, не возгнушался нечистотою нашею. Пребудемъ и мы благодарны Ему во всю жизнь нашу; да будетъ первая и послѣдняя мысль наша о Богѣ Спасителѣ; первое и послѣднее слово наше — словомъ хвалы и благодаренія Господу, благодѣявшему намъ; первое и послѣднее движеніе сердца нашего — чувствомъ радованія о Господѣ Помощникѣ и Покровителѣ нашемъ; первый и послѣдній вздохъ нашъ — сердечнымъ вздохомъ благодаренія сладчайшему Икупителю нашему. *О, благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его, благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его, очищающаго вся беззаконія твоя, исцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истыльнїя животъ твой, вынчающаго тя милостію и щедротами!* (Псал. 102, 1—4).

Видите, яко благъ Господь! — Возлюбимъ и мы Возлюбившаго насъ отъ всея души нашея, отъ всего сердца нашего, отъ всего помышленія нашего, любовію крѣпкою аки смерть.

Онъ даровалъ намъ всего Себя въ таинствѣхъ плоти и крови Своея: предадимъ самихъ себя Ему; принесемъ въ жертву Ему душу и тѣло наше, мысли и чувства наши, желанія и намѣренія наши, слова и дѣла наши, входы и исходы наши, каждое движеніе сердца нашего, каждый день и часъ жизни нашей! — Причащеніемъ плоти и крови Его мы содѣлались удами тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его: да будемъ воистину живыми членами Его; орудіями правды и святости, исполнителями святой воли Его, жилищемъ Пресвятаго Духа Его, вѣрными служителями благодати Его! Да прославится пресвятое имя Его въ тѣлесѣхъ и душахъ нашихъ, въ мысляхъ и желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ нашихъ, да и *видящій наша добрая дѣла прославятъ Отца нашего, Иже на небесѣхъ* (Мат. 5, 16)!

Видите, яко благъ Господь! — Убоимся оскорблять всеблагаго Господа не только словами и дѣлами, но и мыслями и желаніями неподобными. Не дадимъ мѣста лукавому въ сердцѣ нашемъ. При всякомъ искушеніи сатанинскомъ, при всякомъ поползновеніи собственнаго сердца нашего будемъ возбуждать и охранять себя онымъ благоразумнымъ словомъ Іосифа цѣломудреннаго: *како сотворю глаголъ сей злый и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. 39, 9)? Какъ оскорблю я дражайшаго Благодѣтеля моего? Какъ огорчу я сладчайшаго Искупителя моего? Какъ оскверню душу мою, въ которой обитаетъ Самъ Господь? Какъ оскверню уста мои, орошенная святѣйшею кровію Сына Божія? Какъ обезчещу тѣло мое, которое есть храмъ Духа Святаго? Какъ сотворю уды Христовы удами грѣха и неправды? *Како сотворю глаголъ сей злый, и согрѣшу предъ Богомъ?*

Видите, яко благъ Господь! — Возверземъ на Него всю печаль нашу, возложимъ все упованіе наше; предадимъ Всеблагому Господу всю участь нашу, временную и вѣчную; примемъ съ благодареніемъ отъ руки Его все, что ни подастъ Онъ намъ въ теченіе жизни нашей; въ твердомъ убѣжденіи, что Его безконечная благость не подастъ намъ камене вмѣсто хлѣба. Послеть-ли Онъ намъ радость и утѣшеніе? Буди воля Его; примемъ съ благодареніемъ, возрадуемся предъ лицемъ Его. Поведеть-ли путемъ скорби и

печали? Да будетъ паки воля Его; покоримся безропотно, будемъ нести крестъ свой съ терпѣніемъ. Аще животоми, аще-ли смертію нашею, да прославится Его всесвятое имя!

Такъ, брат. мой, безконечно благъ Господь! Да будетъ-же первую и непрестанною заботою нашею обрѣстись навсегда достойными Его благодати, да почитъ на насъ выну Его вседѣйствующее благословеніе! *Самъ-же Богъ мира да освятитъ насъ всесовершенныхъ во всемъ, и всесовершенъ нашъ духъ, душа и тѣло непорочно, въ пришествіе Господа нашего Иисуса Христа да сохранился* (1 Сол. 5, 25). Аминь.

43. СЛОВО—ШЕСТОЕ.

Буди имя Господне благословенно, отнынѣ и до вѣка!

Если когда, то теперь особенно намъ должно славить и превозносить, хвалить и благословлять имя Господне. Что мы были и что теперь? *Во грѣсѣхъ твоихъ сталъ еси предо Мною и въ неправдахъ твоихъ*, говоритъ каждому изъ насъ Господь устами пророка, *Азъ есмь, Азъ есмь заглаждай беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну; ты же помяни* (Иса. 43, 24—26). Такъ, намъ должно помнить и поминать непрестанно, что мы явились сюда грѣшниками, и Господь оправдалъ насъ; пришли врагами Божиими, — Господь примирилъ насъ; явились въ нечистотахъ и сквернахъ, — Господь очистилъ и освятилъ насъ; предстали въ язвахъ и струпяыхъ,—Господь уврачевалъ насъ; были мертвы душою и сердцемъ,—Господь оживотворилъ насъ Своею благодатию. *Буди имя Господне благословенно, отнынѣ и до вѣка!*

Сего мало: возлюбившій своя, сущая въ мірѣ, до конца возлюбилъ насъ. Велико было-бы, если-бы Онъ сотворилъ насъ яко наемниковъ и рабовъ въ дому Своемъ; но Онъ содѣлалъ насъ друзьями Своими: *не ктому васъ глаголю рабы... васъ же рекохъ други, — вы други Мои есте* (Іоан. 15, 14. 15). Величайшая была-бы честь для сыновъ персти, если-бы Господь благоволилъ намъ токмо предсто-

ять лицу Своему, какъ предстоять Ему со страхомъ тмы темъ воинствъ небесныхъ; но Онъ ввелъ насъ во внутренняя царскаго чертога Своего, спосадилъ насъ съ Собою, содѣлалъ участниками преестественной трапезы Своей, участниками божественнаго тѣла и крови Своея, того тѣла, которое воспріято въ вѣчностное, нераздѣльное соединеніе съ Божествомъ, которое превознесено, обожено, въ которомъ обитаетъ всяко исполненіе Божества; такъ что мы содѣлались воистину *причастниками Божественнаго естества*, какъ говоритъ апостолъ Петръ (2 Петр. 1, 4). Паки и паки *буди имя Господне благословенно, отнынь и до вѣка!*

Какое слѣдствіе сей высочайшей почести, который удостоилъ насъ нынѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ? То, какъ учить св. Павелъ, что мы теперь уды тѣла Христова, отъ плоти Его и отъ костей Его (Ефес. 5, 30), соединены со Христомъ такимъ-же тѣснѣйшимъ, необходимымъ и живымъ союзомъ, какъ члены живаго тѣла соединены съ главою; — Онъ Глава, а мы члены тѣла Его! — Въ этомъ то и состоитъ высочайшая наша слава; здѣсь — непоколебимое основаніе нашей надежды; но здѣсь-же и неизсякаемый источникъ спасительнаго страха, и сильнѣйшее побужденіе къ духовному бодрствованію надъ собою.

И такъ Господь Иисусъ Христосъ есть Глава, а мы члены Его. *Аще убо славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. 12, 26); тѣмъ паче, если прославляется глава, съ ней прославляется и все тѣло. Посему все, что совершилось во Иисусѣ Христѣ, совершится и въ насъ, какъ Его членахъ. Его пресвятая душа, по разлученіи съ пречистымъ тѣломъ на крестѣ, не осталась во адѣ; не будутъ во адѣ и души вѣрующихъ въ Него; ибо Онъ имѣетъ ключи неба и ада, — *отверзетъ, и никто-же затворитъ* (Апок. 3, 7). Воскресъ изъ мертвыхъ Онъ — Глава наша; воскреснемъ и мы — члены Его: *ядый Мою плоть и пійяи Мою кровь*, говоритъ Онъ, *имать животъ вѣчный и Азъ воскрешу его въ послѣдній день; вѣруйи въ Мя, аще и умретъ оживетъ* (Іоан. 6, 54. 11, 25). Вознесся на небо Онъ — Глава наша; вознесемъ и мы — Его члены: *вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте*, увѣряетъ Онъ насъ, *въ дому Отца Моего обители многи суть:*

аще ли же ни, рекъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ; и аще уготовлю мѣсто вамъ, паки прииду, и поиму вы къ себѣ, да идѣже есмь Азъ, и вы будете (Іоан. 14, 1—3). Возсѣлъ на престолѣ Отца Своего Онъ;— спосадить съ Соброю и насъ: *аминь глаголю вамъ, говорилъ Онъ первымъ ученикамъ Своимъ, яко вы шедшии по Мнѣ, въ наблиытіе, егда сядетъ Сынъ человѣческой на престолъ славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще объма надесеае колынома Израилевома* (Матѣ. 19, 28). *Побѣждающему дамъ състи со Мною на престолъ Моемъ, якоже и Азъ побѣдихъ, и съдохъ со Отцемъ Моимъ на престолъ Его* (Апоф. 3, 21). Ужасаетъ-ли кого самая высота обѣтованной намъ славы? Но— *небо и земля преидетъ, словеса же Сына Божія не преидутъ* (Мар. 13, 31). *Возлюбленнии, говоритъ св. апостоль, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися что будемъ: въмы же яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2). Да окрылится духъ нашъ сею мюслію въ своемъ пареніи къ небесному и вѣчному, въ отверженіи всего земнаго и временнаго, въ побѣжденіи всѣхъ соблазновъ, влекущихъ насъ долу, въ благодушномъ перенесеніи всѣхъ трудовъ для царствія Божія!

Господь Іисусъ Христосъ есть Глава, а мы члены тѣла Его. *Аще же страждетъ единъ уди, съ нимъ страждутъ вси уди, тѣмъ паче состраждетъ ему глава.* Посему во всемъ, что происходитъ съ вѣрующими, соучаствуетъ Самъ Господь, какъ Глава ихъ. Подвергаются гоненію вѣрующіе? Господь упрекаетъ гонителя: *Савле, Савле, что Мл гонииши* (Дѣян. 9, 4)? Алчетъ и жаждетъ вѣрующій? Съ Нимъ алчетъ и жаждетъ Самъ Господь: *взалкахся и не дасте Л и ясти, возжадахся и не напоисте Мл.* Заключенъ въ темницѣ вѣрующій, или лежитъ на одрѣ болѣзни? — И Господь говоритъ: *боленъ бѣхъ и не посылтисте Мене, въ темницю, и не приидосте ко Мнѣ: — понеже не сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 42. 43. 45). Видите, брат., подъ какою защитою состоимъ мы, доколѣ пребываемъ членами тѣла Христова! Что, послѣ сего можетъ поколебать вѣру-

ющаго? Угрожаетъ какая-либо опасность? угрожаетъ не ему, одному: *еще и пойду посреди стнмъ смертныя*, говорить онъ, *не убоюся зла, яко Ты, Господи, со мною еси* (Псал. 22, 4). Обуреваютъ печаль и уныніе? Онъ проливаетъ предъ Господомъ моленіе свое, печаль свою предъ Нимъ. возвѣщаетъ. Срѣтаютъ его оскорбленія и обиды? *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*, говоритъ ему Господь. Да будетъ мысль сія всегдашнимъ утѣшеніемъ нашимъ во всѣхъ обстояніяхъ и скорбяхъ житейскихъ. Что отраднѣе, какъ страдать съ Господомъ? *Аще бо съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся*.

Господь Иисусъ Христосъ есть Глава, а мы—члены тѣла Его. *Сіе убо да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ* (Филип. 2, 5). Члены должны уподобляться главѣ, ей послѣдовать и ей повиноваться. Свята Глава—Христосъ; должно и членамъ творить святыню въ страстѣ Божіемъ; кое бо общеніе свѣту ко тмѣ, или кое сложеніе Христови съ веліаромъ? Путемъ крестнымъ грядетъ ко славѣ Своей Глава—Христосъ;—и *иже хощетъ по Немъ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ему; а иже не приметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мар. 8, 34. Матѣ. 10, 38),—говоритъ Онъ Самъ. Исполненіемъ воли Отца небснаго благоугождаетъ Ему Глава наша—Христосъ; исполненіемъ заповѣдей Господнихъ можемъ благоугодить Ему и мы: *Аще любите Мя, говоритъ Господь, заповѣди Моя соблюдайте: аще заповѣди Моя соблюдете, пребудите въ любви Моей, яко же и Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ, и пребываю въ Его любви* (Іоан. 14, 15. 15, 10). При семъ только единственномъ и непреложномъ условіи мы можемъ пребыть членами тѣла Христова, ожидать себѣ той славы, которою прославленъ Онъ, уповать той благодатной помощи, которую обѣщаль Онъ вѣрующимъ въ Него. — *Не всякъ глаголай Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небсное, но творяй волю Отца Моего, Иже на небсѣхъ. Мнози рекуть Мнѣ во снъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ*

силы многи сотворихомъ; и тогда исповѣмъ имъ: яко николиже знаехъ васъ, отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе (Матѳ. 7, 21. 22) Это Его божественные словеса!

И такъ, брат. мой, теперь мы не свои, а Христовы. Посему, что сдѣлаемъ, по видимому, только съ собою, — все это Господь вмѣнить Самому Себѣ, какъ Главѣ. Омрачимъ-ли мысль свою злыми и развращенными помыслами? Возложимъ вновь терновый вѣнецъ на главу Искупителя нашего. Растлимъ-ли сердце свое похотями злыми и вреждающими? — Пронзимъ вновь сердце Иисусово копіемъ. Осквернимъ-ли тѣло свое нечистотами? — Обнажимъ и поругаемся надъ тѣломъ Иисусовымъ. Содѣлаемъ-ли члены наши орудіями грѣха? — Изъявимъ вновь члены тѣла Христова. Посему-то и говорить св. Павелъ о нѣкихъ людяхъ, что они *второе распинаютъ Сына Божія себѣ* (Евр. 6, 6). Помните, брат., что вы *нѣ есте свои; куплены бо есте цѣною: прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6, 20). — Съ другой стороны, все, чѣмъ согрѣшимъ противу ближнихъ своихъ, Господь также вмѣнить Самому Себѣ. Всякое поруганіе, оскорбленіе и обида, причиненныя члену тѣла Христова, не будутъ-ли повтореніемъ тѣхъ поруганій, кои терпѣлъ Господь во дворѣ Каіафы, въ преторіи Пилата и на Голгоѣѣ? Всякій соблазнъ, поданный брату нашему, не обновить-ли язвы пречистаго тѣла Христова, котораго онъ членъ? *Блюдите убо, како опасно ходите, не подающе претыканія другъ другу; ибо согрѣшающе въ братію, во Христа согрѣшаете* (1 Кор. 8, 12).

Впрочемъ, сія же самая увѣренность въ общеніи нашемъ съ Господомъ, будучи источникомъ спасительнаго страха, есть вмѣстѣ и благонадежный щитъ нашъ противу разженныхъ стрѣлъ вражнихъ. Ибо если мы члены тѣла Христова, то, при каждомъ поползновеніи злой природы нашей ко грѣху, намъ должно говорить себѣ: *вземъ-ли убо уди Христовы, сотворю я уди блудницы* (1 Кор. 6, 15)? При каждомъ нападеніи вражіемъ, намъ должно отвѣчать діаволу: *иди за мною, сатано: кое бо согласіе Христови съ велиаромъ* (2 Кор. 6, 15)? Если Господь Иисусъ Христосъ

есть глава наша, то, при каждой опасности, первѣе и паче всего намъ должно вопіять къ Нему: *Господи, спаси ны, погибаемъ!* При каждомъ искушеніи и недоумѣніи, намъ должно обращаться къ Нему съ молитвою: *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинъ Твоей! Господи, ими же вѣси судьбами, спаси мя!* И вѣренъ есть обѣщавый, яко не оставитъ насъ искуситься паче, еже мощи намъ понести! Аминь.

IX. Недѣля Православія.

44. С Л О В О.

О вѣхъ убо милуйте разсуждающе: о вѣхъ же страхомъ спасайте отъ огни восхищающе.
(Иуд. 22).

Велико и важно по внутреннему своему значенію, величественно и торжественно и по ви́шнему своему виду то священнодѣйствіе, которое совершается нынѣ въ соборныхъ храмахъ православной Церкви, которое именуется торжествомъ Православія, по которому и самый день нынѣшній называется Недѣлею Православія. Это—торжественное обнаруженіе той Божественной власти, которую даровалъ Своей Церкви Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Ему-же *дадеся всяка власть на небеси и на земли*; торжественное предъявленіе того страшнаго всемірнаго суда, который совершитъ нѣкогда Онъ Самъ со всею славою Судіи вселенной; торжественное наказаніе тѣхъ продерзкихъ возмутителей мира церковнаго, тѣхъ неисправимыхъ развратителей благочестія, которые своимъ упорствомъ въ заблужденіи и лжевѣрїи навлекли на себя праведный судъ церковный; торжественная награда тѣмъ добрымъ и послушнымъ чадамъ Церкви, которые не только сами пребываютъ въ православїи и послушанїи гласу матери своей, но словомъ и дѣломъ споспѣшествуютъ распространенію и утвержденію Св. вѣры и благочестія. Что можетъ быть трогательнѣе, умилительнѣе и назидательнѣе такого священнодѣйствія? Однако же, вамъ са-

мимъ, брат., случалось, безъ сомнѣнія, слышать и неблагопріятныя сужденія и осужденія сего самаго священнодѣйствія. Правда, эти осужденія происходятъ первоначально отъ тѣхъ, которые сами осуждаются судомъ церковнымъ, а потому и не заслуживали бы особеннаго вниманія; тѣмъ болѣе, что этимъ самымъ они невольнo обнаруживаютъ тайную укоризну своей совѣсти, внутреннее, невольное какъ-бы сознание неправоты своей: *обличеніе бо нечестивому рагы ему*. Ибо никто такъ не осуждаетъ строгости правосудія, какъ чувствующій, но не желающій сознать себя виновнымъ въ преступленіи. Но нерѣдко такія осужденія повторяются и самими сынами Церкви, которые, конечно, позвинительной недалёковидности, желали-бы видѣть въ матери своей одни знаменія любви и милосердія, а не грозный видъ строгости и суда. Позвольте-же, брат. мои, представить здѣсь нѣкоторое—самое краткое—объясненіе сего предмета, — не въ защиту св. Церкви, которая, послѣдую въ точности наставленію своего Владыки и Господа, не имѣетъ нужды ни въ какой защитѣ, а для собственнаго вразумленія.

И такъ, что такое анаѳема, это грозное слово, которымъ караетъ св. Церковь отступниковъ правой вѣры? Значить отлученіе отъ Церкви, изгнаніе изъ общества вѣрующихъ, отсѣченіе отъ духовно-таинственнаго тѣла Христова, лишеніе всѣхъ духовныхъ правъ, коими пользуются вѣрныя чада Церкви Христовой. Уже это простое понятіе показываетъ, брат., всю чрезвычайную важность суда церковнаго. Быть отлученнымъ отъ Церкви—значить, по слову Самого Спасителя и Господа, сдѣлаться яко язычникомъ и мытаремъ, т. е., лишиться всего, что даровалъ намъ Отецъ небесный чрезъ воплощеніе Единороднаго Сына Своего и чего сподобляемся мы чрезъ вѣру въ Него. Быть отлученнымъ отъ Церкви значить—лишиться благодати крещенія и усыновленія Богу Отцу, печати дара Духа Святаго, коимъ знаменались мы въ день избавленія нашего;— лишиться пренебесной трапезы плоти и крови Сына Божія, безъ которой нѣтъ и не можетъ быть для насъ жизни вѣчной; лишиться благоволенія Отца небеснаго, даже самаго права молиться Ему и просить Его о чемъ либо; лишиться самой надежды на вѣчную

жизнь, потерять самое упованіе спасенія вѣчнаго, напередъ быть увѣреннымъ въ своей вѣчной погибели.

Ужели такъ далеко простираеть свое дѣйствіе судъ земной власти церковной? Точно такъ, брат. мои, — не ближе, какъ на цѣлую вѣчность. Ибо такъ увѣряеть насъ самъ Владыка и Царь вселенной, самъ верховнѣйшій Судія всего міра: *Аминь бо глаголю вамъ, сказалъ Онъ св. Апостоламъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связаны и на небеси *)*. Такъ учать св. Апостолы Христовы: *Еретика человека, говоритъ св. Павелъ, по первомъ и второмъ наказаніи, отрицайся, вдый, яко развратися таковой и есть само-сужденъ. Аще бо мы, или Ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаѡема да будетъ **)*. *Будутъ въ васъ учителя лживіи, говоритъ св. Петръ, иже внесутъ ереси погибельны: ихъ же судъ искони не коснитъ, и погибель ихъ не дремлетъ ***)*. *Горе имъ, говоритъ св. Іуда, яко въ путь Каиновъ поидоша и въ лествъ Валаамовы мзды устремишася, и въ прерѣканіи Корреевъ погибоша *†)*. Такъ и должно быть. Ибо *Христосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню, да очиститъ ю банею водною въ глаголь, да представитъ ю Себѣ Церковь славну, не имущую скверны или порока †)*. Посему, кто пребываетъ въ Церкви, тотъ и будетъ спасенъ, вмѣстѣ съ Церковію, Главою ея Іисусомъ Христомъ; кто внѣ Церкви, тотъ внѣ спасительнаго ковчега и погибнетъ среди всеобщаго топленія.

Но дѣло вѣры не есть-ли дѣло совѣсти и свободы? За чѣмъ же тутъ угрозы и наказанія? И согласно-ли такое страшное наказаніе съ духомъ любви Христіанской? Идетъ-ли къ лицу матери быть столь строгою безъ милосердія? Нѣтъ сомнѣнія, брат. мои, что никто не можетъ лучше оцѣнить свободу нашей совѣсти, какъ даровавшій намъ ее Сынъ Божій, Который искупилъ ее отъ клятвы законной Своею божественною кровію; никто не можетъ быть ни человѣко-

*) Мѡ. 18, 18. **) Галат. 1, 8. ***) 2 Петр. 2, 1, 3. *†) Іуд. 11.

†) Ефес. 5, 25, 27.

любивѣе, ни милосердѣе Господа Иисуса Христа, Который показалъ высочайшую любовь Свою къ человѣкамъ не словами, а крестною смертію. И однако же, премилосердый Господь, съ благостію призывавшій къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, угрожалъ страшнымъ судомъ и погибелію вѣчною непокорявшимся гласу любви и милосердія; съ любовію принимавшій кающихся мытарей и грѣшниковъ, блудницъ и разбойниковъ, со гнѣвомъ осуждалъ тѣхъ, которые, по ожесточенію сердца, не только сами не вѣровали въ Него, но и смущали своими навѣтами простые умы и сердца вѣрующихъ. Таковымъ Онъ изрекалъ только горе и горе, предвѣщалъ только погибель и погибель: *горе міру отъ соблазнъ. Аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне ему есть, да обьсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* *). Сему-то божественному примѣру любви подражаетъ и св. Церковь, изрекая анаѣму тѣмъ, которые не только сами упорно пребываютъ въ лжевѣріи или заблужденіи, но и стараются распространить свое лжевѣріе, возмутить миръ церковный и увлечь въ свои сѣти простыя души и сердца вѣрующихъ. Говоримъ — примѣру любви; ибо судъ св. Церкви не есть судъ гнѣва строгаго властителя, а судъ любви чадолюбивой матери, ищущей паче всего спасенія чадъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, брат., не есть-ли это дѣло истинной любви къ человѣчеству, когда одного или многихъ, заразившихся язвою злокачественною и неисцѣльною, удаляютъ отъ общества здоровыхъ, дабы зараза не сдѣлалась всеобщою и не погубила всѣхъ? А чтожь иное значить ересь или расколъ, какъ не зараза духовная, которая смертельно поражаетъ души, лишаетъ ихъ начала жизни духовной — правой вѣры въ Господа Иисуса, отчуждаетъ ихъ отъ жизни Божіей и отъ завѣтовъ обѣтованія, увлекаетъ ихъ въ бездну погибели вѣчной? Не истинная-ли эта любовь къ человѣчеству, когда связываютъ злодѣя и убійцу и лишаютъ его свободы для огражденія общей безопасности и спокойствія? Но какое зло и убійство можетъ сравниться съ тѣмъ духовнымъ

*) Мѣ. 18, 7. 6.

человѣкоубійствомъ, которое убиваетъ не тѣло, а душу, лишаетъ человѣка не временной, а вѣчной жизни? Не истинная-ли это любовь, когда безъ сожалѣнія разрушаютъ возгорѣвшееся зданіе, чтобы предупредить всеобщій пожаръ? А чтожь иное ереси и расколы, какъ не духовное возгорѣніе отъ геенны, посредствомъ лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, которое угрожаетъ душамъ вѣрующимъ вѣчнымъ горѣніемъ въ пламени геенскомъ? Не истинная-ли любовь требуетъ, чтобы заразившійся ядомъ бѣшенства былъ окованъ цѣпями, чтобы не погубилъ самого себя и другихъ? А что жь иное своевольные продерзкіе нарушители мира церковнаго и спокойствія общественнаго, какъ не безумцы, коимъ необходимо связать и руки и языкъ для общаго блага Церкви и общества? Тысячелѣтній опытъ свидѣтельствуемъ, что никакая язва не распространяется такъ быстро, не противится такъ упорно всѣмъ усиліямъ врачеванія, какъ вольномысліе, своеволие и развращеніе; что никакія бѣдствія, никакія гоненія не отторгли столько душъ отъ вѣры Христовой и не погубили на вѣки, какъ ереси и расколы. Потому не самая-ли любовь матерняя побуждаетъ св. Церковь поднять противъ такой опасности знамя брани, возвысить голосъ суда и прощенія, чтобы предупредить всѣхъ об угрожающей гибели? —

И примѣйте, брат. мои, съ какою высочайшею любовію совершается самый судъ церковный! Прежде, нежели приступить къ изреченію суда своего, св. Церковь не однократно и усердно молится. О чемъ? О погубленіи враговъ своихъ? О томъ, чтобы громъ небесный поразилъ, или земля пожрала ихъ? Нѣтъ, она молится о томъ, чтобы Отецъ небесный, по безконечному милосердію Своему, явилъ любовь Свою и заблудшимъ отъ истинной вѣры: чтобы безконечная любовь Божія не попустила діаволу ослѣпить до конца и погубить на вѣки и ожесточенныхъ враговъ ея; чтобы благодать Всесвятаго Духа преизбыточествовала тамъ, гдѣ преизбыточествуетъ ожесточеніе и упорство, — просвѣтила разумъ ихъ въ познаніе истины, согрѣла сердце ихъ теплотою любви своей, сокрушила окамененіе сердець ихъ страхомъ суда Божія, обратила ихъ отъ заблужденія и ввела

таки въ спасительную ограду Церкви Божіей. Уже послѣ сего дѣла милосердія св. Церковь съ горькою скорбію произноситъ — не проклятiе, какъ превратно понимаютъ нѣкоторые, а отлученіе отъ общества вѣрующихъ тѣмъ несчастнымъ, которые своимъ лжевѣріемъ и ожесточеніемъ, своими словами сами отлучили себя отъ сего святаго общества. Не очевиденъ-ли въ этомъ дѣйствіи св. Церкви трогательный примѣръ самого Господа и Спасителя, который со слезами говорилъ ожесточенному Іерусалиму: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крыль, и не восхотѣсте: се оставляется вамъ домъ вашъ пусть *)!* И такъ не излишнюю строгость являетъ нынѣ св. Церковь, а необходимый судъ правды, срастворенный любовію и милосердіемъ къ самымъ врагамъ ея, причинившимъ ей тмочисленныя скорби, не погибли ихъ ищеть она, но обращенія и спасенія; не проклятiю вѣчному предаеть ихъ, но въ самомъ отлученіи предлагаеть имъ прощеніе и помилованіе, если вразумятся и покаются.

Такъ, скажешь, но зачѣмъ повторять каждагодно это, хотя и любовію растворенное, но все же страшное слово: анаѳема? Затѣмъ именно, возлюбленный собратъ, чтобы всѣ слышали и всѣ знали, какъ страшна и опасна язва ересей и расколовъ, какъ ужасно легкомысленно увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія во лжи челоувѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія; какъ опасно должно блюсти единеніе вѣры и любви со всею Церковію Христовою, какъ осторожно надобно уклоняться отъ всякаго духа лестча, въ какомъ бы видѣ ни подкрадывался онъ къ нашему уму и сердцу. Пусть услышать сію анаѳему тѣ, кои подвергаются ей! Быть можетъ, самая строгость суда церковнаго пробудить усыпленную совѣсть ихъ, заставить размыслить основательно о томъ пути, по которому шли доселѣ, куда ведетъ и куда приведетъ ихъ этотъ путь. Быть можетъ, если не нынѣ, то когда-либо этотъ грозный гласъ суда и прещенія коснется ихъ сердца,

*) МѠ. 23, 37. 38.

заставить содрогнуться ихъ душу. Ибо неужели же прелесть діавола сильнѣе благодати Духа Божія? Нѣтъ, св. Церковь до самаго пришествія Христова не престанетъ надѣяться обращенія заблуждающихъ и молиться о соединеніи всѣхъ. Пусть услышатъ сію анаѹему и чада церкви Христовой, и да возблагодаряютъ свою мать за ея бдительное попеченіе о душахъ нашихъ, за ея матернее охраненіе насъ отъ соблазновъ и козней еретическихъ, за ея заботливое охраненіе св. вѣры, какъ перваго и единственнаго средства спасенія нашего, дарованнаго намъ Иисусомъ Христомъ, въ ея перво-бытной чистотѣ и непорочности; да заграждаютъ тщательно слухъ свой отъ лъстивыхъ словесъ тѣхъ лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, которые творять распри и раздоры и работаютъ не Господу Иисусу Христу, а своему чреву, которые прегордая суеты вѣщаютъ, славы же хуляще не трепещутъ, свободу обѣщаютъ сами раби суще тлѣнія.

*Вы же возлюбленніи, заключимъ словами св. апостола, поминайте глаголы прежде реченныя отъ Апостолъ Господа нашего Иисуса Христа, зане глаголаху вамъ: яко въ послѣднее время будутъ ругатели, по своимъ похотѣхъ ходяще и нечестивыи. Сии суть отдѣляюще себе отъ единности вѣры, и суть тѣлесни, духа немущи. Вы же возлюбленніи святою вашею вѣрою назидающе себе, Духомъ Святымъ молящися, сами себе въ любви Божіей соблюдайте, ждуще милости Господа нашего Иисуса Христа въ жизнь вѣчную. И овѣхъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте отъ огня восхищающе *).* Аминь.

Х. Недѣля вторая св. четыредесятницы.

45. С Л О В О — П Е Р В О Е.

Двѣ седмицы протекло уже, какъ мы вступили въ св. поприще поста и покаянія. Многіе въ это время успѣли

*) Іуд. 17—23.

уже совершить то, для чего преимущественно и предназначено это св. время, т. е., приступить къ престолу Божию съ покаяніемъ, очистить свою совѣсть исповѣданіемъ грѣховъ своихъ, примириться и съ св. Церковію и съ Главою ея Господомъ Иисусомъ Христомъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ и прощеніемъ отъ служителя Церкви. Чтобы это св. дѣло глубже запечатлѣлось въ вашемъ сердцѣ и принесло весь благодатный плодъ свой, припоминайте чаще, братіе мои, гдѣ вы были и для чего?

Если-бы кто изъ насъ предсталъ внезапно самому страшному суду Христову—такимъ, какимъ предсталъ онъ предъ судилищемъ покаянія, какой невыразимый трепеть и ужасъ объялъ-бы все существо его! Какими тяжкими воплями огаевалъ-бы онъ житіе свое! Какими страшными стенаніями возрыдало-бы сердце его! Какими горькими слезами оплакивалъ-бы онъ злое произволеніе свое! Какими неотступными мольбами умолялъ-бы о помилованіи!

А гдѣ же и были вы, братіе мои, исповѣдуя грѣхи свои, какъ не на судѣ Христовомъ? Ибо какой иной судъ судить св. Церковь, какъ не судъ Божій, — тотъ судъ, который Отецъ небесный предалъ Единородному Своему Сыну—Искупителю челоуѣковъ, и который Сынъ Божій предалъ св. Церкви? Отъ чьего лица произносить приговоръ свой служитель олтара Христова, какъ не отъ лица Самого Судіи всего міра, имѣющаго пріити на облацѣхъ небесныхъ со славою многою? Что осуждается теперь, будетъ осуждено и тогда; что похваляется здѣсь, обрящеть похвалу и тамъ. Что разрѣшается теперь, будетъ разрѣшено и тогда; что связуется здѣсь, будетъ связано и тамъ. *Аминь бо глаголю вамъ, — такъ сказалъ Господь ученикамъ Своимъ, — елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены и на небеси* *).

Прониклось-ли сердце ваше священнымъ трепетомъ, когда предстали вы престолу Господню, обремененные тяжестью грѣховъ своихъ? Сокрушился-ли духъ вашъ страхомъ Го-

*) Матв. 18, 18.

споднимъ? Умилилась-ли душа ваша, чувствуя себя не чистую и осбверненною предъ лицомъ Господа— Судіи своего? Возрыдало-ли сердце ваше горькими слезами глубокаго раскаянія о грѣхахъ своихъ? Вострепетало-ль все существо ваше отъ страха суда Божія и огня вѣчнаго, поисти имущаго нечестивыя? Жаждала-ль совѣсть ваша, какъ манны небесной, какъ сокровища, драгоцѣннѣйшаго всего міра, прощенія и помилованія? У кого въ духѣ не произошло сей спасительной борьбы жизни со смертію, страха осужденія съ надеждою помилованія, того не надежно покаяніе, не на долго самое обращеніе къ Богу, тотъ съ тѣмъ-же легкомысліемъ можетъ возвратиться опять къ прежнимъ грѣхамъ, съ какимъ обращается теперь къ Богу; кому легко каяться, тому еще легче согрѣшать. Посему-то ему нужно еще трудиться, чтобъ возбудить въ себѣ чувство истиннаго покаянія,— много и усердно молиться, чтобы благодать пресвятаго Духа сокрушила окамененіе сердца его, насадила въ душѣ его корень всѣхъ благихъ—страхъ Божій, напоила, по слову пророка, слезами умиленія въ мѣру.

Если бы, далѣе, кто либо изъ представшихъ уже на судъ Божій братій нашихъ, похищенныхъ внезапно смертію, былъ по милосердію Судіи, отпущенъ опять на землю для исправленія своей жизни, для заглаженія грѣховъ своихъ, для лучшаго приготовленія къ страшному суду Христову; какихъ не употребилъ бы онъ усилій, какихъ не принесъ бы жертвъ, какихъ не претерпѣлъ бы страданій, чтобъ искупить заблужденія свои, загладить беззаконія свои, пріобрѣсти любовь Божію дѣлами благочестія и милосердія? Не вмѣнилъ-ли бы въ уметы весь міръ, да Христа пріобрѣщеть? Не былъ-ли бы готовъ лучше стократно умереть тѣломъ, нежели однажды сдѣлаться преступникомъ закона Божія, противникомъ и врагомъ своего Спасителя и Господа?

Что-жъ иное теперь мы всѣ, какъ не преступники, судимые и помилованные, по неизреченному человѣколюбію Господа, отпущенные на свободу для заглаженія своихъ согрѣшеній, для исправленія своей жизни, для приготовленія себя къ страшному суду Божію. Служитель олтаря, по данной ему власти, могъ связать насъ, — и мы остались бы

связанными навсегда; но онъ разрѣшилъ насъ ради даннаго нами обѣта исправленія. Судъ Божій могъ постигнуть насъ во грѣхахъ во всякое время, — и мы сдѣлались бы на вѣки добычею ада; но милосердіе Отца небеснаго еще даруетъ намъ время для заглаженія грѣховъ своихъ. Преступая заповѣди Божіи, мы добровольно предаемъ себя власти діавола, — и онъ давно бы уже сдѣлалъ насъ своими плѣнниками на всю вѣчность, возобладалъ бы совершенно и душою и тѣломъ нашимъ, терзалъ и мучилъ бы насъ прежде вѣчныхъ мукъ; но всемогущество Икупителя нашего обуздало его львиную ярость, исторгло насъ изъ самыхъ челюстей его, освободило насъ отъ страшной власти его, — въ надеждѣ, что мы будемъ впередъ страшиться и убѣгать его, не прельщаться его зминою лестію, противиться искушеніямъ его, побѣждать его исполненіемъ заповѣдей Господнихъ. Измѣнимъ-ли собственному обѣщанію? Презрیمъ-ли милосердіе и челоуѣколюбіе Господа и Спасителя? Пойдемъ-ли отъ престола благодати во слѣдъ похотей и страстей своихъ? Предадимся-ли произвольно въ плѣнъ діавола? О, да не попуститъ сего всемогущая благодать Божія! *Како сотворю глаголь сей злыи, и согрѣшу предъ Богомъ?*

Видите, братіе мои, что значить и чему обязываетъ насъ св. таинство покаянія? Оно есть смерть грѣху и совоскресеніе со Христомъ къ новой жизни. Истинно кающійся, подобно крещающемуся, спогребается Христу въ смерть, *да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчюю, тако и онъ въ обновленіи жизни ходити начнетъ. Аще же умрохомъ грѣху, како паки оживемъ о немъ?* Если сами осуждаемъ въ себѣ какой-либо грѣхъ, то какъ обратимся опять къ тому же грѣху? Омывшись отъ грѣховъ кровію Христовою, погрузимся-ли опять въ ту же нечистоту и скверну? Извергнувъ изъ себя ядъ грѣха исповѣданіемъ, примемъ-ли его опять внутрь себя къ большому осужденію и гибели. *Аще-ли воскреснете со Христомъ, вышнихъ ищите, и дѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя; елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, — сія помышляете.* Пусть обращеніе наше засвидѣтельствуется перемѣною всего

образа жизни нашей на лучшее. Пусть празднoлюбiе вознаградится трудолюбiемъ, самолюбiе—самоотверженiемъ, плотоугодиe—строгимъ воздержанiемъ и обузданiемъ плотскихъ похотей, скупость—щедростiю къ убогимъ, празднословiе молчанiемъ и славословiемъ Божиимъ, невоздержанiе — постомъ и умѣренностiю, лукавство—добросердечiемъ, горделивое тщеславiе—смирненiемъ и кротостiю, ненависть—любовiю къ ближнимъ, зависть—доброжелательствомъ, нечистота цѣломудрiемъ, разсѣянность — богомыслиемъ и скромностiю, гнѣвливость и раздражительность — терпѣнiемъ, снисхожденiемъ и великодушiемъ. Тогда покаянiе наше будетъ намъ во спасенiе, принесетъ намъ неувядающiй плодъ въ животъ вѣчный. Аминь.

46. СЛОВО—ВТОРОЕ.

Въ Евангельскомъ чтенiи настоящаго дня повѣствуется объ исцѣленiи Господомъ Исусомъ Христомъ одного чело-вѣка, страдавшаго тяжкою и неисцѣлимою болѣзнию—паралитическимъ расслабленiемъ всѣхъ членовъ. Четверо принесли его, недвижимо лежавшаго на одрѣ, къ дому, гдѣ находился тогда Господь. Не имѣя возможности пройти въ домъ отъ множества народа, они раскрыли кровлю дома и спустили страдальца, съ одромъ его, на средину комнаты, предъ лице бесѣдовавшаго и поучавшаго народъ Исуса. Уже изъ этого одного можете видѣть, брат., какъ сильно было желанiе несчастнаго избавиться отъ тяжкаго своего недуга и съ какою живою вѣрою во всеисцѣляющую силу Господа Исуса Христа онъ и друзья его прибѣгли къ Его помощи. Но Господь, какъ-бы не обращая вниманiя на тѣлесную болѣзнь его, указалъ на другую—опаснѣйшую болѣзнь духовную, отъ которой происходятъ и всѣ болѣзни тѣлесныя, объ уврачеванiи которой и нужно заботиться прежде всего, и потому прежде исцѣленiя тѣла, уврачевалъ его душу. *Чадо, сказалъ Онъ расслабленному, отпущаются тебѣ грѣси твои, и потомъ уже присовокупилъ: возстани, возьми одрѣ твой и иди въ домъ твой.* Въ самомъ дѣлѣ, если

страшны для насъ болѣзни тѣлесныя, которыя изнуряють только тѣло, осужденное самимъ Богомъ на труды и болѣзни въ продолженіе жизни и на истлѣніе въ нѣдрахъ земли по смерти, то не ужаснѣе ли сто кратъ болѣзни духовныя, то есть,—грѣхи наши, которые мучать совѣсть и душу нашу въ продолженіе жизни, невыразимо томятъ ее въ часъ смерти, и предадутъ, наконецъ, вѣчнымъ мученіямъ по смерти. Что-же? Чувствуемъ-ли мы также живо страшную болѣзнь души своей, какъ чувствовалъ болѣзнь свою разслабленный? Желаемъ-ли также искренно и усердно освободиться отъ грѣховъ своихъ, какъ желалъ онъ освободиться отъ своей болѣзни? Желаемъ-ли истинно покаяться и обратиться ко Господу всѣмъ сердцемъ своимъ, какъ желаетъ этого Самъ Господь Богъ нашъ, говоря: *хотьнѣмъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему?* Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы сознаемъ себя грѣшными, почитаемъ необходимымъ для себя долгомъ явиться, въ продолженіе св. Четыредесятницы, предъ судилище покаянія, исповѣдаться и приобщиться св. таинъ тѣла и крови Христовой. Но все это можетъ быть, какъ и бываетъ нерѣдко, безъ искренняго и твердаго желанія покаяться истинно и дѣйствительно; послѣ всего этого можно остаться тѣмъ-же, что и прежде, грѣшникомъ не оправданнымъ. Посему вопросъ: желаемъ-ли мы дѣйствительно покаяться? есть вопросъ первой важности; потому что безъ этого искренняго желанія уврачевать покаяніемъ свою душу, совершенно избавиться отъ язвъ грѣховныхъ, наша исповѣдь и покаяніе останутся для насъ совершенно безплодными.

Покаяніе есть средство къ оправданію отъ грѣховъ. И такъ, желаемъ-ли искренно, всѣмъ сердцемъ и всею душою освободиться отъ узъ грѣховныхъ? То есть, живо-ли ощущаетъ сердце наше то страшное бѣдствіе, которое ежеминутно угрожаетъ грѣшнику погибелію вѣчною? Ощущаются-ль въ нашей совѣсти тѣ болѣзни адовы, тѣ мученія и страданія, которыя происходятъ отъ живаго сознанія преступленія святѣйшей воли Творца и Вседержителя, Господа и Владыки живота нашего, — оскорбленія Величія, Святости и Любви Отца небеснаго, отъ представленія страшной смерти грѣш-

ника и вѣчнаго отверженія отъ лица Божія, отъ воспоминанія о вѣчныхъ мученіяхъ ада, ожидающихъ непокаявшагося грѣшника, объ утратѣ блаженства вѣчнаго, уготованнаго тѣмъ, *ихже оставишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси?* Чувствуемъ-ли то смятеніе духа, ту сокрушающую душу и тѣло скорбь о грѣхахъ своихъ, какую чувствовалъ и исповѣдалъ Псалмопѣвецъ, говоря: *нѣсть мири въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ; яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, и яко время тяжкое отяготѣша на мнѣ, возмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего *)?* Возродилось и утвердилось-ли въ душѣ нашей живое отвращеніе отъ грѣховной жизни, отъ всего, что служитъ намъ поводомъ ко грѣху, чѣмъ возбуждаются и питаются наши страсти?

Покаяніе есть начало новой богоугодной жизни. Итакъ, желаемъ-ли искренно, всей душою и сердцемъ начать эту новую жизнь, во всемъ сообразную волѣ Божіей, — исполнять животворныя и спасительныя заповѣди Господни такъ, чтобы ни страстныя похотѣнія собственного сердца, ни внѣшніе соблазны и искушенія не могли ни прельстить, ни совратить насъ съ пути закона Божія, — покориться волѣ Божіей такъ, чтобы не имѣть ни своей воли, ни своего мудрованія, но всегда слѣдовать ученію Слова Божія и примѣру Господа Иисуса Христа? Соуслаждается-ли внутренній челоувѣкъ нашъ закону Божію такъ, чтобы онъ былъ для сердца нашего слаще меда и сота, дороже серебра и злата, драгоценнѣе каменія честна многа? Готовы-ли мы повиноваться и служить единому Богу, хотя бы не только міръ весь, но и всѣ силы ада встали и вооружились на насъ?

Покаяніе есть средство къ примиренію съ правосудіемъ Божіимъ, къ возвращенію себѣ благодати усыновленія Отцу Небесному, которой удостоились въ св. крещеніи, но которой лишаемся грѣхопаденіями своими. Итакъ, чувствуетъ-ли сердце наше весь ужасъ отлученія отъ Бога, лишенія благодати и милости Божіей, какъ смерти духовной, и жаждетъ-ли примиренія съ правосудіемъ Божіимъ, возвращенія благодати

*) Псал. 37, 4—6.

Его, какъ истинной жизни? Ощущается-ль въ душѣ нашей духовный гладъ и среди изобилія благъ земныхъ, — спасительная печаль по Бозѣ, тоска по небесномъ отечествѣ нашемъ, алчба и жажда высихъ небесныхъ сокровищъ и презрѣніе къ земнымъ? Живо-ли сознаемъ мы всю высоту и величіе небеснаго званія сыновъ Божіихъ и наслѣдниковъ царства Божія и цѣнимъ-ли его драгоцѣннѣе всѣхъ титуловъ и отличій земныхъ? Готовы-ли лучше лишиться всего на землѣ, нежели лишиться небеснаго званія сына Божія?

Покаяніе есть единственное и послѣднее средство къ оправданію отъ грѣховъ, содѣланныхъ нами послѣ крещенія: пренебрегши это средство, мы умремъ неоправданными. Итакъ, сознаетъ-ли нашъ разумъ, чувствуетъ-ли сердце всю важность сего божественнаго таинства, сего безцѣннаго дара Божія человѣкамъ? Готовъ-ли духъ нашъ, пренебрегши все, ухватиться всею силою за этотъ якорь спасенія, принести, если нужно, въ жертву все, что дорого ему въ мірѣ, для пріобрѣтенія одного неоцѣнимаго сокровища— оправданія отъ грѣховъ,—исполнить все, чего бы ни потребовала св. Церковь, которой ввѣрена Господомъ небесная власть отпущати грѣхи? Страшится-ли духъ нашъ замедленія времени примиренія съ Богомъ; ужасается-ль сердце наше лишенія сей благодати болѣе, нежели самой смерти? Однимъ словомъ, есть-ли въ насъ искреннее, непреложное желаніе истиннаго покаянія, т. е., рѣшительной перемѣны и исправленія своей жизни, оправданія и очищенія отъ грѣховъ, постоянного пребыванія въ святой и богоугодной жизни, свойственной сынамъ Божіимъ и наслѣдникамъ царства Христова?

Такое-то желаніе покаянія содѣлываетъ покаяніе наше искреннимъ, твердымъ и непреложнымъ, и служитъ залогомъ дѣйствительнаго обновленія и исправленія жизни. Оно-то привлекаетъ дѣйствующую въ таинствѣ благодать Божію, которая очищаетъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, обновляетъ и освѣщаетъ духъ нашъ, утѣшаетъ сердце утѣшеніемъ неизглаголаннымъ, укрѣпляетъ насъ въ живомъ упованіи на любовь и милосердіе Отца Небеснаго, *свидѣтельствуемъ духови нашему, яко есмь чада Божія*. Вотъ, почему въ древности св. церковь долговременнымъ и тяжкимъ искусомъ

испытывала искренность обращенія и покаянія согрѣшающихъ. Она требовала тогда, чтобы грѣшники—быть можетъ, менѣ насъ виновные—безъ всякаго различія чина, пола и состоянія являлись предъ дверьми храма, покрытые пепломъ и власяницею, умоляя братій своихъ, входящихъ въ храмъ Божій, да испросятъ имъ у Господа прощенье и помилованіе; отлучала ихъ отъ общенія св. таинствъ и участія въ молитвахъ вѣрныхъ чадъ своихъ; осуждала ихъ проводить по нѣскольку лѣтъ въ постѣ и молитвѣ, въ различныхъ духовныхъ подвигахъ и трудахъ, въ лишеніи не только всякихъ удовольствій, но и всѣхъ утѣхъ общежитія, даже общенія съ своими братіями,—словомъ, быть отребіями міра. Можно представить себѣ, братіе, какъ сильно было желаніе прощенья грѣховъ, послѣ столькихъ лѣтъ осужденія и изгнанія,—какъ пламенна молитва о помилованіи, какъ радостно и пріятно возвращеніе въ пѣдра св. Церкви и причтеніе къ лику вѣрныхъ и оправданныхъ, какъ сильна вѣра въ силу и дѣйственность Божественнаго врачевства покаянія, какъ могущественно дѣйствіе благодати Божіей въ душѣ кающагося, какъ благонадежно обращеніе и исправленіе жизни, какъ назидательно такое покаяніе для свидѣтелей его!

Въ послѣдствіи времени, когда христіанство совершенно утвердилось и сдѣлалось господствующимъ въ мірѣ, св. Церковь по матернему снисхожденію къ кающимся умѣрила строгость испытанія. Въмѣсто долговременнаго искуса, она требуетъ только нѣсколькихъ дней говѣнія, свободнаго и искреннаго исповѣданія грѣховъ предъ однимъ служителемъ олтаря Господня; вмѣсто всенароднаго отлученія отъ Церкви, (которому подвергаетъ только явное невѣріе и ересь, открытое беззаконіе и соблазны), испытываетъ искренность покаянія только тайными эпитиміями. Но измѣнилась только внѣшность; духъ покаянія всегда одинъ и тотъ же, условія къ оправданію отъ грѣховъ—тѣ-же, съ тѣмъ только различіемъ, что нынѣ и неискренно кающійся можетъ на погибель себѣ предвосхитить прощенье. Говорю: на погибель себѣ. Ибо что приносить грѣшнику лицемѣрная исповѣдь, безъ искреннаго желанія покаяться и исправить жизнь свою? Не оправданіе, а тягчайшее осужденіе, не благодатное оживленіе, а

большее омертвѣніе духа. Едва возбуждаясь отъ сна грѣховнаго совѣсть, успокоившись изреченнымъ прощеніемъ, погружается опять въ тягчайшій и безиробудный сонъ; грѣхъ, съ которымъ и не думали разстаться, крѣпче укореняется въ душѣ; страсти, съ которыми и не намѣрены были бороться, получаютъ большую силу и преобладаніе надъ сердцемъ. Благодать Божія, оскорбляемая нераскаянностію грѣшника, удаляется отъ него и оставляетъ его въ руцѣ злаго произволенія его. Несчастнѣйшій грѣшникъ все глубже и глубже ниспадаетъ въ бездну зла, подпадаетъ все болѣе и болѣе власти діавола.

Не думайте, братъ мой, чтобъ недостатокъ искренности нынѣшняго покаянія можно было вознаграждать впоследствии, особенно въ предсмертные часы, когда предстоящая смерть должна, повидимому, возбудить самое искреннее расположеніе къ покаянію. Кто далъ намъ право ожидать будущаго въ этой жизни? Спросяте ли насъ: когда и какъ намъ угодно умереть? Сдѣлаемся ли мы предъ смертію другими людьми, а не тѣми, какими были во всю свою жизнь? Ахъ, братъ, были-ль вы когда свидѣтелями разлученія души съ тѣломъ человѣка, проведшаго всю жизнь свою въ безопасности о своемъ спасеніи? Скажите сами: есть-ли тутъ мѣсто истинному покаянію, когда душа въ невообразимомъ смятеніи и отъ страданій тѣлесныхъ, и отъ сожалѣнія о прошедшемъ, и отъ представленія грознаго будущаго, когда вмѣсто словъ исповѣданія слышатся одни безсвязные звуки? Правда, истинное покаяніе — съ живою вѣрою въ Искупителя, съ искреннимъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, съ крѣпкимъ упованіемъ на милосердіе Божіе, съ алчною и жаждою оправданія отъ грѣховъ, съ твердымъ намѣреніемъ и желаніемъ загладить ихъ какими бы то ни было жертвами, хотя бы самыми тяжкими страданіями и муками, — такое покаяніе никогда не поздно до самыхъ послѣднихъ минутъ жизни; но можно-ли тотчасъ всадить истинную и живую вѣру тому, кто во всю жизнь изгонялъ ее изъ своего сердца? Можно-ли возбудить искреннее раскаяніе въ томъ, кто во всю жизнь усыплялъ свою совѣсть? Можетъ-ли надѣяться на милосердіе Божіе тотъ, кто во всю жизнь злоупотреблялъ этимъ самымъ

милосердіємъ и долготерпѣніемъ Божиимъ? Возбудится-ли вдругъ жажда оправданія отъ грѣховъ у того, кто никогда не чувствовалъ въ немъ нужды, никогда не сознавалъ въ душѣ своей той лютой скорби и болѣзни, которою болѣзнуеть душа истинно кающаяся, сознающая всю тяжесть грѣховъ своихъ? Нѣтъ, мирная, христіанская кончина живота съ добрымъ исповѣданіемъ есть даръ Божій, который заслуживается добродѣтельною жизнію и благовременнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ; а кто живетъ безъ покаянія, тотъ вѣрно и умретъ безъ покаянія.

Премилосердый Господь, не хотяя смерти грѣшника, да сохранить насъ отъ страшной участи грѣшниковъ нераскаянныхъ, да возбудитъ совѣсть нашу отъ сна грѣховнаго, да сокрушитъ сердце наше печалію по Бозѣ, которая покаяніе нераскаянно содѣлываетъ во спасеніе, да сотрясетъ душу нашу страхомъ суда Своего и представленіемъ вѣчныхъ мученій геенны, да оживитъ ее святою ревностію къ исправленію своей жизни, да дастъ намъ прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати. Аминь.

47. С Л О В О — Т Р Е Т Ь Е.

Въ Евангельскомъ чтеніи настоящаго дня повѣствуется объ исцѣленіи Господомъ Іисусомъ Христомъ одного человѣка, страдавшаго тяжкою и неисцѣльною болѣзнію—паралитическимъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ. Четверо принесли его, неподвижно лежавшаго на одрѣ, къ дому, гдѣ находился и проповѣдывалъ тогда Господь. Не имѣя возможности пройти отъ множества тѣснившагося народа, они раскрыли кровлю дома и спустили страдальца съ одромъ его на средину комнаты предъ лице бесѣдовавшаго и поучавшаго Іисуса. Уже изъ этого одного можете видѣть, братіе, какъ сильно было желаніе несчастнаго избавиться отъ тяжкаго своего недуга, и съ какою живою вѣрою во всеисцѣляющую силу Господа Іисуса принесли его друзья его; потому-то и Господь, видя вѣру ихъ, не только воздвигъ страдальца отъ одра болѣзни, но и простилъ ему всѣ грѣхи его.

Чадо, сказалъ Господь разслабленному, отпустиются тебѣ грѣси твои: возстани, возьми одръ твой и иди въ домъ твой.

Когда случается и намъ подвергнуться какой-либо тяжелой болѣзни, не съ тою-ли же заботливостію стараемся и мы о восстановленіи своего здоровья? Не готовы-ли не только просить, а и умолять врача употребить все свое искусство къ избавленію насъ отъ болѣзни? Не готовы-ли бываемъ всѣмъ пожертвовать, все перенести, отъ всего отказаться, чтобы возвратить себѣ драгоценнѣйшее изъ благъ жизни — здоровье? Если-же такъ страшны для насъ болѣзни тѣлесныя, которыя изнуряютъ только тѣло, осужденное Самимъ Богомъ на труды и болѣзни въ продолженіе жизни и на испытаніе по смерти, — угрожаютъ только временной смертію, которая рано или поздно должна же низвести насъ во гробъ; то не ужаснѣе-ли стократъ болѣзни духовныя, происходящія отъ грѣховъ нашихъ, которыя мучатъ совѣсть и душу нашу въ продолженіе жизни, невыразимо томить ее въ часъ смерти и предадутъ, наконецъ, вѣчнымъ мученіямъ ада? Если такъ дорого для насъ здоровье тѣла, отъ котораго зависитъ, и то не всегда, продолженіе только временной жизни нашей, которая рано или поздно должна же окончиться смертію; то не дороже ли безконечно здравіе души, отъ котораго зависитъ вѣчная жизнь наша?

Премилосердный Искупитель нашъ, исцѣлившій не только тѣло, а и душу разслабленнаго, возносясь на небо, оставилъ намъ Божественное врачество и отъ этихъ лютейшихъ болѣзней духовныхъ, которыя угрожаютъ намъ смертію вѣчною. Это всеисцѣляющее врачество есть покаяніе, которое проповѣдуетъ и предлагаетъ намъ Церковь въ настоящіе дни св. поста.

Что же требуется отъ насъ для исцѣленія отъ тяжкихъ недуговъ грѣховныхъ? То же самое, что мы дѣлаемъ для исцѣленія болѣзней тѣлесныхъ.

И во-первыхъ, впадши въ болѣзнь, мы не медля ни мало, заботимся объ освобожденіи отъ нея, не отлагаемъ со дня на день, не выжидаемъ какого-либо болѣе благопріятнаго времени, ибо знаемъ, что запущенная и застарѣвшая бо-

лѣзнь можетъ сдѣлаться неизлѣчимою и даже смертельною. Тагъ должно поступать и въ болѣзняхъ духовныхъ: *не медли обратитися ко Господу*, говоритъ Премудрый: *и неотлагай день отъ дне* *). Ибо и малый грѣхъ, укоренившись въ душѣ, поведетъ къ большимъ грѣхопадѣніямъ, и легкія, повидимому, прегрѣшенія, совокупляясь и умножаясь непрестанно, составляютъ для души нашей тяжкое бремя, которое повлечетъ ее въ бездну ада. Тѣмъ болѣе не должно отлагать покаянія тому, кто имѣлъ несчастіе впасть въ тяжкія грѣхопадѣнія, лишающія душу благодати Божіей, уязвляющія совѣсть раню смертельною, подвергающія насъ вѣчной смерти и гибели. Будемъ-ли ожидать болѣе благоприятнаго времени? Но Слово Божіе говоритъ намъ: *се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія*. Нынѣ, когда продолжается еще для насъ время долготерпѣнія Божія, когда отверсты намъ двери милосердія Отца небеснаго, когда у престола Божія ожидаетъ насъ прощеніе и помилованіе, когда въ храмъ Господнемъ предлагается намъ божественная трапеза жизни вѣчной—тѣло и кровь Господа Иисуса Христа, преподаемая намъ во оставленіе грѣховъ. Будемъ-ли надѣяться на продолженіе жизни? Но милосердный Господь, обѣщавшій во всякое время подавать прощеніе грѣховъ кающимся грѣшникамъ, никогда не обѣщаль продолженія жизни нераскаяннымъ; напротивъ, многократно говорилъ, что *придетъ, яко тать въ нощи, въ день, въ который не знаемъ, и въ часъ,—когда не ожидаемъ*. Но пусть продолжится жизнь наша: развѣ легче будетъ освободиться отъ грѣховъ своихъ послѣ, нежели теперь? Нѣтъ, грѣховный навыкъ часъ отъ часу крѣпче сростается съ душею, и отверженіе его часъ отъ часу становится труднѣе и болѣзненнѣе. Бремя грѣховъ чѣмъ болѣе растетъ, тѣмъ дѣлается тяжелѣе и тѣмъ сильнѣе влечетъ насъ ко дну адову. Грѣховный сонъ чѣмъ долѣе продолжается, тѣмъ становится непробудимѣе, доколѣ не превратится въ вѣчную смерть, отъ которой нѣтъ уже пробужденія и возврата къ жизни. *Или о богатствѣ благодати и долготерпѣніи Божіи нерадиши*, говоритъ

*) Сирах. 5, 8.

св. Апостолъ: *не вѣдый, яко благодѣ Божія на покаяніе тѣ ведетъ* *)? Не медли обратиться ко Господу. Дорожи временемъ долготерпѣнія Божія, пользуйся богодарованнымъ средствомъ къ оправданію своему, пока есть еще дыханіе въ груди твоей, доколѣ днешь именуешься. Постигнетъ часъ смерти и суда Божія; тогда будемъ окаевать житіе свое, но безъ надежды помилованія, возжелаемъ возвратити хотя день, хотя часъ одинъ настоящаго времени долготерпѣнія Божія, но оно уйдетъ безвозвратно, предъ нами затворятся двери милосердія Отца, заключится чертогъ царствія небснаго на всю вѣчность. О, какъ ужасно будетъ вспомнить по смерти, въ виду вѣчныхъ мученій, что столько драгоцѣннаго времени, котораго одинъ часъ могъ искупити намъ цѣлую вѣчность блаженства, потерянное нашею безпечностію безвозвратно, столько благодатныхъ средствъ къ освященію и спасенію нашему пренебрежено и утрачено легкомысленно, столько увѣщаній, угрозы и обѣтованій Евангельскихъ отвергнуто.

Желая освободиться отъ болѣзни тѣлесной, мы ищемъ врача, открываемъ болѣзнь свою, показываемъ припадки, въ которыхъ она обнаруживается, сказываемъ причины, отъ которыхъ она произошла, обстоятельства, среди которыхъ подверглись ей. Такъ должно поступать намъ, когда желаемъ освободиться отъ болѣзни душевной. Единый истинный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ есть Самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ; ибо Онъ единъ имѣетъ власть отпущать грѣхи наши, исцѣлять недуги, заглаждать неправды и беззаконія наши; ибо Его всеосвящающею кровію омываются всѣ грѣховныя скверны и Его всепримиряющею жертвою оправдываемся мы предъ лицемъ правды Божіей. Къ Нему да воззоветъ душа наша съ живою вѣрою и крѣпкимъ упованіемъ, да не отвратитъ Онъ лица Своего отъ насъ, да не попуститъ погибнуть въ беззаконіяхъ, да не предастъ насъ въ руки враговъ нашихъ, ищущихъ нашей гибели, да пріиметъ покаяніе наше и подастъ намъ оставленіе грѣховъ. *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, и по*

*) Рим. 2, 4.

*множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое! Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь; исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеся зло! *)*

Но премилосердный Господь нашъ, по безприкладному милосердію Своему къ намъ грѣшнымъ, предалъ Свою божественную власть отпущати грѣхи человѣкомъ служителямъ Церкви Своей, подобострастнымъ намъ человѣкамъ, рекъ имъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся.* Итакъ послѣ молитвы къ Господу Іисусу Христу обратись, болѣзнующій духомъ собратъ, къ духовному врачу; предъ нимъ повѣдай душевные недуги твои; ему открой страждущее сердце твое; ему возвѣсти язвы совѣсти своей; предъ нимъ глаголи беззаконія твои, да оправдишися. Глаголи все, что тяготитъ твою совѣсть искренно и чистосердечно; скрывать и таить въ себѣ грѣхъ свой не то же-ли значитъ, что оставлять въ душѣ своей смертельный адъ, зная совершенно, что онъ умертвитъ нашу душу на вѣки? Неисповѣданный грѣхъ, говоритъ нѣгдѣ св. Василій Великій, бываетъ язвою неисцѣльною и служить въ рукахъ діавола узами, которыми онъ держитъ насъ въ своей власти. Исповѣдать грѣхъ неискренно и какъ-бы нехотя, съ извиненіями и оговорками не значитъ-ли показать явно, что мы любимъ еще свои грѣховныя язвы, что діаволъ крѣпко держитъ насъ въ своихъ оковахъ. Нѣтъ, да отвѣрзутся всѣ внутренніе заклепы сердца нашего, да явится внутренній человѣкъ нашъ предъ судилищемъ покаянія такимъ, каковъ онъ есть и какимъ явится предъ судомъ Божиимъ. Пусть будетъ онъ весь покрытъ гнойными язвами страстей и беззаконій: всемилосердный Врачъ душъ нашихъ, именемъ котораго изречется намъ прощенье, уврачуеъ и исцѣлитъ его; всеосвящающая кровь Сына Божія омоетъ и убѣлитъ его; всемогущая благодѣтельница Духа Божія очиститъ и освятитъ его. *Приидите и истяземяся, глаголетъ Господь, и аще будутъ грѣхи ваша яко багряное, яко снѣгъ убѣлю, и аще будутъ яко червленое, яко волну убѣлю.*

*) Псал. 50, 3; 6, 3. 4.

Наконецъ, для совершеннаго возстановленія тѣлеснаго здоровья мы слѣдуемъ безпрекословно всѣмъ совѣтамъ и приказаніямъ врача. Велитъ воздержаться отъ чего-либо вреднаго для насъ, — воздерживаемся. Запретитъ выходить за двери дома, — пребываемъ въ уединеніи. Дастъ какое-либо горькое и непріятное врачество, принимаемъ его съ полною вѣрою. Предпишетъ трудъ и движеніе, трудимся. Тѣмъ паче такъ должно поступать для совершеннаго уврачеванія души нашей, для полнаго возстановленія духовнаго здравія. Не только не должно уклоняться и убѣгать предписанія духовнаго врача нашего, а должно умолять и просить его, чтобы онъ подкрѣпилъ нашу немощь своимъ совѣтомъ, направилъ насъ на путь правый своимъ наставленіемъ, оградилъ насъ отъ поползновенія ко грѣху своею заповѣдію. Примемъ совѣтъ его, какъ внушеніе Ангела Хранителя, послѣдуемъ наставленіямъ его, какъ водительство Духа Божія, глаголющаго въ немъ, исполнимъ заповѣдь его, какъ заповѣдь Самого Господа Иисуса Христа: *слушайъ васъ, Мене слушаетъ*, говорилъ Господь служителямъ Церкви Своей, *и отметайся васъ, Мене отчается: отметайсяже Мене, отчается пославшаго Мя Отца* *). Повелитъ-ли духовный отецъ нашъ воздержаться отъ какихъ-либо ястей и питій, которыя найдетъ вредными для духовнаго здравія нашего? Не промѣняемъ, подобно Исаву, духовнаго усыновленія нашего Богу Отцу на пріятныя снѣди; ибо *царствіе Божіе, котораго ищемъ, нѣсть пища и питіе, но миръ и радость о Дусѣ Святѣ*. Потребуется-ли какія лишенія и скорби? Лучше, безконечно лучше подвергнуться всѣмъ лишеніямъ и скорбямъ въ настоящей жизни, нежели лишиться вѣчнаго блаженства съ Богомъ, подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ съ діаволомъ. Окажется-ли какое пожертвованіе изъ имущества нашего? Послѣдуемъ примѣру Закхея, который за изреченное ему отпущеніе грѣховъ, полъ имѣнія своего отдалъ нищимъ, и еще кого чимъ обидѣлъ, возвратилъ четверцею; ибо лучше лишиться всѣхъ сокровищъ земныхъ, которыя и безъ того уйдутъ отъ насъ, какъ бѣг-

*) Лук. 10, 16.

мый рабъ, и оставить насъ въ часъ смерти, но приобрѣсти то небесное сокровище, которое уготовалъ Господь любящимъ Его. Потребуется-ли какіе труды и подвиги? Не убоимся ихъ, но понесемъ ихъ съ веселіемъ и благодушіемъ. Здѣсь какъ бы ни были велики труды, они временны, а упокоеніе за нихъ на небѣ вѣчное. Здѣсь какъ бы ни были тяжелы подвиги, они кончатся скоро, а радости и блаженству въ царствѣ Божіемъ не будетъ конца во вѣки. Нужно-ли будетъ для здравія духа нашего нѣкоторое изнуреніе и изможденіе тѣла? Не убоимся и сего; ибо вѣчное дороже временнаго, и бессмертная душа драгоцѣннѣе тлѣнной плоти. Пусть обреченное тлѣнію источается и истлѣваетъ, — лишь бы внутренній человекъ нашъ обновлялся по вся дни. Пусть осужденное на смерть тѣло увядаетъ, — лишь бы душа наша украшалась добродѣтелію, просвѣщалась и оживотворялась Духомъ Святымъ.

Премилосердный Господь да исцѣлитъ душу и обновить духъ нашъ покаяніемъ, да согрѣетъ сердце наше св. ревностію къ очищенію себя отъ язвъ и струповъ грѣховныхъ, да услышимъ и мы вождельный гласъ Его: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои*. Аминь.

48. С Л О В О — Ч Е Т В Е Р Т О Е .

Что есть удобье, — рещи разслабленному: отпущаются тебѣ грѣси? или рещи: востани, и возми одръ твой, и ходи? (Марк. 2, 9).

Спрашивалъ Господь Иисусъ Христосъ книжниковъ іудейскихъ, соблазвившихся тѣмъ, что Онъ сказалъ разслабленному: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси*. И дѣйствительно, что удобнѣе: исцѣлить неисцѣльную болѣзнь, или отпустить грѣхи? То и другое равно невозможно для собственныхъ силъ человека; въ томъ и другомъ случаѣ одинаково потребна Божественная сила. Никто не можетъ отпущать грѣхи, кромѣ одного Бога; ибо грѣхъ есть оскорбленіе Божіей правды и святости; но никто также не можетъ освободить насъ и отъ болѣзней и смерти, кромѣ одного Бога; ибо Самъ Богъ под-

вергъ насъ болѣзнямъ и смерти въ наказаніе за грѣхъ. Но то и другое равно удобно для всемогущества Искупителя нашего: Онъ воскрешаетъ мертвыя и живить однимъ божественнымъ словомъ Своимъ; тѣмъ же словомъ воскрешаетъ духовныхъ мертвецовъ, очищаетъ и оправдываетъ грѣшниковъ,—*да увѣсте, яко имать Сынъ человѣческой власти на земли отпустить грѣхи.*

Но сего мало; сію божественную власть, столь необходимую для грѣшниковъ, Господь не взялъ съ собою на небо, оставилъ ее на землѣ, ввѣрилъ ее подобострастнымъ намъ чловѣкамъ: *примите Духъ Святъ*, говорилъ Онъ св. апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь Евангелія, *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22. 23). Какъ во время Его проповѣди приходившіе къ Нему мытари и грѣшники съ покаяніемъ получали прощеніе грѣховъ отъ одного Его слова: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси*; такъ и нынѣ каждый входящій съ покаяніемъ ко престолу благодати такъ же безпрятственно обрѣтаетъ прощеніе грѣховъ своихъ отъ одного слова служителя Христова: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси. Аминь глаголю вамъ*, увѣряетъ насъ Самъ Господь: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ* (Матѣ. 18, 18). О чудо милосердія и чловѣколюбія Божія, восклицаетъ при семъ св. Златоустъ, Господь утверждаетъ приговоръ рабовъ Своихъ, и слово, произнесенное на земли, подтверждается и запечатлѣвается на небеси! Такъ безпредѣльно милосердъ къ намъ Отецъ небесный, что весь судъ Свой надъ нами предалъ Сыну Своему, котораго послалъ въ міръ для избавленія нашего; такъ безконечно благъ къ намъ Единородный Сынъ Божій, Господь и Судія нашъ, что туне даруетъ намъ прощеніе грѣховъ, которое купилъ Онъ цѣною крови Своея, тяжкими страданіями и крестною смертію! Теперь—одно слово: *согрѣшихъ ко Господу*,—и Господь отъемлетъ беззаконія наша; теперь каждый только *глаголи беззаконія твоя,—и оправдишися!* Но, братіе мои, сіе неизреченное снисхожденіе Божіе сколько утѣшительно для насъ, столько же, съ другой стороны, вну-

шаетъ намъ и спасительный страхъ; это удобство получить прощеніе грѣховъ сколько возбуждаетъ надежду, столько же научаетъ со страхомъ время житія житье-бытье.

И во-первыхъ, чѣмъ легче и удобнѣе можемъ получать нынѣ прощеніе грѣховъ; тѣмъ безотвѣтнѣе будемъ, когда явимся на судъ Божій неоправданными. Господь Иисусъ Христосъ, претерпѣвшій за грѣхи наши крестныя страданія и смерть, могъ бы потребовать отъ насъ самыхъ тяжкихъ подвиговъ и жертвъ, и нѣтъ подвига, котораго не должно было бы понести для освобожденія себя отъ вѣчной смерти; нѣтъ сокровища, котораго не должно было-бы отдать для списканія вѣчной жизни; нѣтъ жертвы, которая могла-бы равняться крестной жертвѣ, принесенной за насъ Сыномъ Божиимъ. Но ничего такого Онъ не требуетъ отъ насъ: не изгоняетъ насъ въ пустыню, гдѣ-бы мы въ алчбѣ и жадѣ, въ трудахъ и бдѣніяхъ оплакивали грѣхи свои, какъ поступали св. подвижники, горѣвшіе любовію къ Испытателю; не принуждаетъ насъ идти на страданія и мученія, какъ шли за Него св. мученики; не требуетъ всѣхъ нашихъ сокровищъ, какъ приносили Ему въ даръ св. беззребренники. Нѣтъ, Онъ требуетъ отъ насъ только одного, — истиннаго покаянія и исповѣданія грѣховъ своихъ: *глаголи беззаконія твоя, да оправдишися*. Что же скажемъ мы послѣ сего въ оправданіе свое, если явимся на судъ Божиимъ неоправданными? Извинимся-ли недостаткомъ времени? Но долготерпѣніе Божіе даруетъ намъ его съ избыткомъ. Мало-ли времени для покаянія проведенному десятки лѣтъ жизни, тогда какъ для истиннаго покаянія нуженъ только часъ? Разбойникъ и въ краткое время страданій крестныхъ успѣлъ исповѣдаться и наследовать рай. Сошлемся ли на какія-либо препятствія, или на обремененіе дѣлами житейскими? Но развѣ могутъ быть такія препятствія, которыя не дали бы возможности придти въ храмъ Божій и исповѣдать грѣхи свои? Развѣ есть дѣла важнѣе дѣла спасенія? Такъ, сугубо виновными обрящемся на судъ Божиимъ, если явимся тамъ во грѣхахъ, сугубой достойны будемъ казни какъ за содѣянные грѣхи, такъ и за то, что не восполь-

зовались богодарованнымъ средствомъ къ снисканію прощенія грѣховъ.

Чѣмъ легче и удобнѣе можемъ получить нынѣ прощеніе грѣховъ, тѣмъ преступнѣе нерадѣніе наше о покаяніи. Оставаться во грѣхахъ, когда каждую минуту готово для насъ прощеніе и помилованіе, не есть-ли крайнее неразуміе и жестокая неблагодарность къ Искупителю? Неужели за то, что Богъ безконечно милостивъ къ тебѣ, ты презираешь благодѣянія Его? *Или о богатствѣ благодсти Его и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благодсть Божія на покаяніе тя ведетъ* (Рим. 2, 4)? Неужели не чувствуешь, что любовь Божія всѣмъ обиліемъ благодсти своей объемлетъ тебя, влечетъ тебя? Ибо нѣсть воля предъ Отцемъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ: *живу Азъ, глаголетъ Господь, хотѣніемъ не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему* (Иезек. 33, 11)? Неужели не чувствуешь, что благодсть Божія, и попуская тебѣ блуждать въ путяхъ своихъ, толкаетъ по временамъ въ двери сердца твоего — то гласомъ совѣсти, то внѣшними обстоятельствами жизни, то посѣщеніемъ бѣдствій и скорбей? И не самъ-ли ты многократно давалъ себѣ обѣтъ оставить путь нечестія, обратиться ко Господу и измѣнить образъ жизни своей? Что-жъ остаешься при одномъ бесплодномъ желаніи? Почему не пользуешься временемъ долготерпѣнія Божія? Думаешь-ли, что ему не будетъ конца и что имъ можно воспользоваться всегда, по собственному своему произволу? Нѣтъ, возлюбленный, время долготерпѣнія Божія не продолжительнѣе настоящей жизни нашей; и конецъ его такъ же неизбѣженъ и такъ же неизвѣстенъ для насъ, какъ часъ смерти нашей. А за гробомъ уже нѣтъ покаянія: тамъ часъ суда, а не помилованія; тамъ торжество правосудія, а не долготерпѣнія и милосердія. *Не медли убо обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне; внезапно бо изыдетъ ярость Его, и во время мести погибнеши* (Сирах. 5, 8, 9).

Чѣмъ легче и удобнѣе получаемъ мы прощеніе грѣховъ, тѣмъ болѣе намъ должно быть благодарными Искупителю

нашему; чѣмъ болѣе оставляется намъ, тѣмъ болѣе должно возлюбить Господа; чѣмъ болѣе являютъ намъ милосердія, тѣмъ осторожнѣе должны мы вести себя, чтобъ, по полученіи прощенія, не оскорблять паки своего Владыку и Господа новыми грѣхами. Не бываетъ-ли благодарень больной излѣчившему его врачу? Какъ же не быть намъ благодарными милосердію Божію, врачующему насъ не отъ болѣзни временной, а отъ смерти вѣчной, дарующему намъ не здравіе только тѣла, а вѣчную жизнь и безсмертіе? Не бываетъ-ли благодарень утопающій человекъ спасшему его отъ угрожавшей гибели? Какъ же намъ не быть благодарными Ходатаю и Искупителю нашему, спасающему насъ отъ вѣчной гибели души и тѣла, исторгающему насъ изъ челюстей адовыхъ? Не обязанъ-ли человекъ возлюбить отъ всего сердца такого благодѣтеля, который призрѣлъ-бы его въ сиротствѣ, усыновилъ и содѣлалъ наслѣдникомъ великаго богатства? Какъ же намъ не любить своего Господа и Спасителя, который чрезъ таинство покаянія взыскиваетъ насъ погибшихъ, усыновляетъ Отцу Своему небесному, содѣлываетъ наслѣдниками царствія Божія, участниками славы Своей, спосаждаетъ насъ на престолѣ Своемъ? Что же дѣлаетъ послѣ сего тотъ, кто и приходитъ къ таинству покаянія безъ намѣренія исправленія своей жизни, и отходитъ безъ твердой рѣшимости оставить навсегда исповѣданный грѣхъ, и паки возвращается къ прежнимъ беззаконіямъ? Не явно-ли посмѣвается онъ милосердію Божію? Не очевидно-ли поругается долготерпѣнію Господню? Не второе-ли распинаетъ Сына Божія и попираетъ святѣйшую кровь Его, которою избавленъ онъ отъ вѣчной смерти, ради которой даровано ему отпущеніе грѣховъ? Чего долженъ ожидать себѣ такой презритель славы Божіей? *Возлюби клятву, и придетъ ему; не восхотѣ благословенія, и удалится отъ него.* Богъ поругаемъ не бываетъ: *страшно есть еже власти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31)! Чѣмъ легче и удобнѣе получаемъ сами прощеніе грѣховъ, тѣмъ скорѣе и охотнѣе должны прощать ближнимъ своимъ, согрѣшающимъ предъ нами; чѣмъ болѣе милосердія и снисхожденія оказываютъ намъ, тѣмъ снисходительнѣе намъ должно быть къ другимъ.

Аще бо отпускаете человеку согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще ли не отпускаете человеку согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ (Матѳ. 6, 14. 15). Между нами и ближними нашими нѣтъ ходатая и посредника: намъ должно мириться самимъ, пока находимся на пути жизни; иначе соперникъ нашъ предастъ насъ судіѣ, и судія предастъ слугѣ, и свергнутъ насъ во тьму кромѣшную. Царство Божіе есть царство любви, мира и единодушія; тамъ мѣсто только сынамъ Божиимъ, коихъ отличительное свойство быть милосердыми, якоже Отецъ небесный милосердъ есть, прощать согрѣшенія ближнихъ своихъ не до семь только кратъ, но до семьдесятъ кратъ седмицею; а для гнѣвливыхъ и раздражительныхъ, для мстительныхъ и злопамятныхъ приличное мѣсто только—въ адѣ!

Итакъ, братъ., мысль о преизбыточествующемъ милосердіи Божіемъ къ намъ не только не должна служить возглавіемъ нашей безопасности,—напротивъ, болѣе и болѣе должна возбуждать насъ къ истинному покаянію: *милость бо и гнѣвъ у Него, и на грѣшницехъ почитъ ярость Его* (Сирах. 5, 7). Аминь.

ХІ. Недѣля третья св. четыредесятницы.

49. С Л О В О—П Е Р В О Е.

*Кресту Твоему поклоняемся,
Владыко, и святое воскресеніе
Твое славимъ. (Троп.).*

По благодати Божіей мы почти уже на срединѣ поприща св. поста. Многіе, безъ сомнѣнія, въ продолженіе этихъ спасительныхъ дней успѣли приобрести многое для души своей; другіе тшатся, по крайней мѣрѣ, употребить хотя часть постнаго времени на пользу души; а есть, быть можетъ, и такіе, кои и вступили на поприще поста безъ должнаго размышленія—для чего вступаютъ, какъ и на что употребить время поста—и проходятъ его безъ особенной заботливости о состояніи своей совѣсти. По такому различію состоянія душъ и сердець, требовалось-бы со стороны

Церкви и врачество не одинаковое. Такъ и поступаютъ обыкновенно земные родители, когда хотятъ или утѣшить и ободрить, или исправить и научить своихъ дѣтей: они употребляютъ для сего то ласку, то обличеніе, то утѣшеніе, то угрозу. Св. Церковь, вмѣсто многихъ средствъ, употребляетъ одно: среди поприща св. поста, когда особенно заботится о душахъ нашихъ, предлагаетъ для поклоненія животворящій крестъ Христовъ, замѣняя имъ однимъ и утѣшеніе вѣрныхъ чадъ своихъ среди окружающихъ ихъ скорбей и бѣдствій, и врачество для язвъ совѣсти, терзаемой сознаниемъ грѣховъ, и средство къ возбужденію нерадящихъ о покаяніи.

Тяжель и прискорбень на землѣ путь вѣры и добродѣтели. Самъ Господь называетъ врата къ царствію небесному узкими и тѣсными; Онъ Самъ предсказалъ возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ: *въ мѣръ скорбни будете; аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетея и возрыдаете вы* (Іоан. 16, 20); и они выну плакали и рыдали, всю жизнь провели въ бѣдствіяхъ и скорбяхъ, напастяхъ и гоненіяхъ. Тотъ же, а не иной путь указали апостолы Христовы и всѣмъ, вѣрующимъ во имя Христово: *многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22); *вси хотящии благочестно жити о Христвъ Исусъ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Но, завѣщая нести крестъ Своимъ послѣдователямъ, Господь Исусъ Христовъ оставилъ имъ Свой собственный крестъ для утѣшенія: *поминайте слово, еже рѣхъ вамъ, говорилъ Онъ въ утѣшеніе ученикамъ Своимъ, нѣсть рабъ болій Господа своего; аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20).

Что, спросите, за утѣшеніе въ крестѣ?—То, что крестъ Христовъ показываетъ намъ и первоначальную причину всѣхъ бѣдствій и скорбей, и особенное намѣреніе, съ коимъ подвергаются бѣдствіямъ избранные, и конецъ, коимъ увѣнчивается терпѣніе. За что понесъ крестъ Свой Самъ Господь? За грѣхи человѣческіе. За то же обязаны необходимо нести крестъ свой и мы. Въ раю не было ни скорбей, ни бѣдствій; онѣ исторглись изъ древа познанія добра и зла; онѣ явились въ мѣрѣ, какъ плодъ преслушанія воли

Божіей, какъ неминуемое слѣдствіе и достойная казнь преступленія заповѣди Господней. *Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ*, изрекъ правосудный Богъ преступному человѣку: *въ печалехъ снѣси тую вся дни живота твоего* (Быт. 3, 17). Съ тѣхъ поръ не было на землѣ такого счастливица, котораго сердце не испытало бы тяжкаго томленія скорби. Много изобрѣлъ человѣкъ удовольствій; но ни одно изъ нихъ не приноситъ постоянного веселія на всю жизнь. Много изобрѣтено средствъ къ оразноображенію утѣхъ и веселія; но ни одно изъ нихъ не сдѣлало никого счастливымъ и довольнымъ навсегда. Увы, и чрезъ груди золота не рѣдко льются горькія слезы. И великолѣпные чертоги не всегда оглашаются кликами радости, и въ нихъ слышатся часто вопли и стоны, какъ и въ убогихъ хижинахъ. Нерѣдко лютаѣ тоска гложетъ сердце и подъ пышною одеждою, какъ и подъ ветхимъ рубищемъ. И блестящія драгоценности не развеселятъ отуманеннаго скорбію взора, когда на нихъ отражается не улыбка радости, а слеза горести. Такъ, скорби и печали — родовое наслѣдіе наше отъ перваго праотца, кровное порожденіе нашихъ собственныхъ грѣховъ. Можемъ-ли жаловаться, неся крестъ, содѣланный собственными руками, снѣдая горькій плодъ собственныхъ беззаконій, вкушая чашу скорби, растворенную собственными грѣхами?

Впрочемъ, это горькое убѣжденіе въ неизбѣжности бѣдствій скорѣе привело бы къ отчаянію, нежели къ утѣшенію, если бы крестъ Господень не претворялъ для насъ чашу скорби въ спасительное врачество. Ибо чѣмъ послужилъ для насъ крестъ Господень? Избавленіемъ отъ грѣховъ, средствомъ примиренія съ правосудіемъ Божиимъ. Для той же самой цѣли Господь оставилъ въ наслѣдіе крестъ и послѣдователямъ Своимъ. Крестъ сей нуженъ намъ, чтобъ предохранить насъ отъ разсѣянности и забвенія о законѣ Господнемъ, чтобъ содѣлать насъ внимательными къ себѣ и къ путямъ Промысла Божія о насъ. *Благо мнѣ*, говоритъ св. Давидъ: *яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. 117, 71). Онъ нуженъ намъ для поправанія нашего самолюбія и гордости, для наученія насъ смиренію и покорности волѣ Божіей, какъ замѣтилъ надъ собою и св.

Апостоль Павелъ: *дадеся ми, говорить онъ, пакостникъ плоти, ангель сатанинъ, да ми пакости дъетъ, да не превозношуся* (2 Кор. 12, 7). Онъ нуженъ намъ, какъ охранитель чистоты и святыни, какъ обузданіе похотей плотскихъ, какъ средство отучиться отъ грѣха: *зане пострадавый плотию, преста отъ грѣха* (1 Петр. 4, 1), говорить св. Апостоль Петръ. Онъ нуженъ намъ для того, чтобъ мы, чувствуя собственную немощь, усерднѣе молили Отца небеснаго о ниспосланіи намъ помощи свыше: *Господи, въ скорби помянухъ Тя* (Ис. 26, 26), говорить древній Пророкъ. Онъ нуженъ намъ, какъ очистительная жертва за грѣхи, для избѣжанія вѣчнаго осужденія: *судими бо отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 32). Онъ нуженъ намъ, какъ отличительный признакъ послѣдователей Распятаго, *во еже быти намъ сообразнымъ образу Его*, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ. И такъ, что теперь бѣдствія и скорби, притворенныя силою креста Господня и растворяемыя вѣрою въ Распятаго на немъ? Это уже не кара гнѣва Божія, а даръ любви Отца небеснаго, доказательство того, что Онъ не забываетъ насъ, любить насъ, хочеть спасти насъ: *его же бо любитъ Господь наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же приемлетъ. Аще наказаніе терпимъ, якоже сыновомъ обрѣтается намъ Богъ* (Евр. 12, 6. 7). Это не смертная отрава грѣха, а спасительное врачество отъ застарѣлой болѣзни грѣховной, которое подаетъ намъ небесный Врачъ душъ и тѣлесъ, ищущій нашего спасенія. Горько и болѣзненно врачество сіе; но оно улаждается надеждою исцѣленія, облегчается самымъ чувствомъ выздоровленія. Посему-то святые мужи не только не уклонялись отъ страданій, а умоляли Господа—посылать ихъ для пспытанія и исправленія: *искуси мя, Господи*, молился св. Давидъ, *и увѣждь сердце мое, аще путь беззаконія есть во мнѣ*. Посему-то св. Апостолы не скорбѣли, а радовались, когда постигали ихъ бѣдствія, когда предавали-ихъ истязаніямъ и мученіямъ за имя Христова: *нынѣ радуюся во страданіяхъ моихъ*, пишетъ св. Павелъ. По сему-то древніе св. мученики почитали себя блаженнѣйшими, сподобившись страдать за Христа, и, напротивъ, несчастными

и недостойными любви Божіей, когда вѣнецъ мученическій удалялся отъ ихъ взора.

И такъ, скорбящіе братіе, коимъ суждено Божественнымъ Промысломъ нести тяжкій крестъ страданій, послѣдовать за Господомъ путемъ болѣзней и скорбей, утѣшьте и восклоните главы ваши! Путь, коимъ шестуете вы, есть воистину путь Христовъ. И видите-ли куда ведетъ сей путь?—«Крестъ, говоритъ нѣгдѣ св. Златоустъ, есть ключъ рая, и ничтоже посредствуетъ между крестомъ и раемъ; крестъ, и абіе рай.» Завѣщая крестъ Своимъ послѣдователямъ, Господь завѣщалъ имъ и Свое царство: *вы есте, Говоритъ Онъ, бывшіе со Мною въ напастехъ Моихъ: и Азъ завѣщаваю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство, оа есте и пїете на трапезѣ Моей во царствїи Моємъ* (Лук. 22, 28, 29. Божественный Крестоносецъ есть Судія неба и земли; Онъ видитъ всяку слезу вашу, слышитъ всякій вздохъ сокрушеннаго сердца, — и за все воздастъ сторицею. Придетъ славный день суда и возданія, — и вы услышите вожделѣнный гласъ Судии неба и земли: *приидите, благословеннїи Отца Моего, насльдуите зготованное вамъ царствїе отъ сложенїя мїра* (Матѣ. 25, 34.) Братія святая, какая радость сравнится съ сею радостію, какое блаженство съ симъ неизреченнымъ блаженствомъ.

Но есть другаго рода скорбь, которой и избытокъ гибели и недостатокъ опасенъ, для которой нужно, посему, и успокоительное врачество и средство возбужденія: — это скорбь о грѣхахъ, болѣзнь совѣсти, пораженной сознаниемъ тяжести преступленій. Лукавый врагъ спасенія нашего усыпляетъ насъ мыслию о безконечномъ милосердіи, когда мы безопасно почиваемъ сномъ грѣховнымъ и нерадимъ о покаянїи, но ужасаетъ до смѣрти представленїемъ неумытнаго суда Божїа, коль скоро пробуждаемся отъ сна грѣховнаго, приходимъ въ сознание, вступаемъ на путь покаянїя. Въ томъ и другомъ случаѣ потребно спасительное врачество, и оно обрѣтается единственно въ крестъ Господнемъ.

И, во-первыхъ, — врачество для тѣхъ, коихъ сердце поразила благодать Божїа скорбію раскаянїя и умиленїя, кои томятся чувствомъ тяжести грѣховъ своихъ, сокрушаются и

болѣзнують о неправдахъ своихъ. Братія возлюбленная, воззрите на Божественнаго Страдальца! *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша; наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣльхомъ.* (Псал. 53, 5). Во оставленіе грѣховъ нашихъ пролита многоцѣнная въ очахъ Божіихъ кровь Его; въ Его язвахъ сокрыты всѣ неправды человѣческія отъ лица правды Божіей. Нѣтъ грѣха, побѣждающаго безприкладное милосердіе и чело-вѣколюбіе Сына Божія; нѣтъ нечистоты, которой не омыла бы всеосвящающая кровь Искупителя. И къ вящшему утѣшенію нашему, Судія и Спаситель нашъ весь судъ надъ грѣхами человѣческими вручилъ служителямъ церкви, подобострастнымъ намъ чело-вѣкамъ; имъ предалъ Онъ всю Божественную власть отпу-щать и удерживать грѣхи: *имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите держатся* (Іоан. 20, 23). Приидите убо всѣ труждающіеся и обремененніе, свергните бремя, тяготящее и убивающее вашу совѣсть, у подножія креста Господня, предъ служителемъ Христовымъ; здѣсь ожидаетъ васъ не судъ и осужденіе, а прощеніе и помилованіе. *Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, говоритъ Апостоль Христовъ, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша* (1 Іоан. 1, 9). Теперь, когда за всѣхъ насъ принесена чистѣйшая жертва на крестъ, не только любовь, а и самая правда Божія требуетъ, чтобъ мы были прощены и помилованы.

Впрочемъ, чтобъ эта кажущаяся легкость пріобрѣтенія прощенія грѣховъ не служила возглавіемъ духовной лѣности, чтобъ мысль о безконечномъ милосердіи Искупителя не служила къ продолженію грѣховнаго сна и безопасности, ви-райте чаще на крестъ Господень. Онъ есть вѣчный памятникъ не только безконечнаго милосердія, но и непреложнаго правосудія Божественнаго. Господь Іисусъ Христосъ пострадалъ на немъ не только въ показаніе любви, милующей грѣшника, но и въ явленіе правды Божіей, карающей грѣхъ. Видите, какъ неумытно правосудіе Божественное! Оно караетъ грѣхъ въ лицѣ самого Сына Божія; пощадить-ли его въ лицѣ грѣшника? — Видите, какъ жестоко наказывается грѣхъ, въ какія болѣзни и мученія можетъ ввергнуть онъ грѣш-

ника! Убоимся же грѣха; не будемъ возбуждать правды Божіей своими неправдами; иначе лукъ свой напряжетъ, изостритъ стрѣлы своя,— и онѣ падутъ на главу нашу. Не будемъ пренебрегать долготерпѣніемъ Божественнымъ,— *милость бо и гнѣвъ у Него, и на грѣшницѣхъ пощадитъ ярость Его* (Сирах. 5, 7). Горе, вѣчное горе, если благодать Божія, раздраженная упорствомъ нашимъ, предасть насъ въ неискусенъ умъ творити неподобная, затворитъ предъ нами навсегда двери покаянія и милосердія, преселитъ насъ нераскаянными въ вѣчность, гдѣ мы будемъ вѣчною добычею ада!— Видите, какъ дорого стоило самому Сыну Божію исходатайствовать намъ прощеніе грѣховъ! Пребудемъ же благодарны Ему на вѣки, облобызаемъ съ любовію Его язвы, источившія намъ токи жизни и спасенія; не отступимъ отъ животворящаго креста Господня, не положивъ начала покаянія и исправленія.

Сего-то желаетъ св. Церковь, предлагая для поклоненія животворящій Крестъ Господень. Иначе она съ горестію должна будетъ сказать и о насъ предъ судомъ Божиимъ тоже, что говорилъ нѣкогда Пророкъ Божій о беззаконномъ градѣ: *врачевахомъ Вавилона, и не исцѣль; оставимъ его, взыде бо къ небеси судъ его!* Я предлагала имъ врачество покаянія, но не въ пользу; уготовляла трапезу тѣла и крови Христовой, но не въ спасеніе; обличала язвами Сына Божія, но не въ исцѣленіе: се оставляю ихъ, взыде бо къ небеси судъ ихъ! Страшно, вмѣсто кроткаго суда Церкви нынѣ, въпасть нѣкогда въ рудъ Бога живаго, имущаго власть погубити и душу и тѣло въ гееннѣ огненной! Аминь.

50. С Л О В О — В Т О Р О Е .

*Кресту Твоему поклоняемся,
Владыко!*

Почему поклоняемся кресту, который былъ нѣкогда орудіемъ самой позорной и жестокой казни для злодѣевъ?

Потому, во-первыхъ, что это съ нашей стороны непремѣнный долгъ благодаренія пострадавшему за насъ на

крестъ Сыну Божію. Потому, во-вторыхъ, что, по распятіи на крестъ Сына Божія, крестъ, какъ орудіе спасенія всего міра, сдѣлался изъ символа уничтоженія и безчестія символомъ высочайшей славы Божіей, любви и милосердія. Потому, далѣе, что крестомъ Христовымъ мы искуплены отъ ада, избавлены отъ вѣчнаго осужденія и гибели, оправданы отъ грѣховъ предъ лицомъ правды Божіей и усыновлены Богу-Отцу. Потому, наконецъ, что крестъ Христовъ есть живой свидѣтель безпредѣльной любви Божіей къ намъ грѣшнымъ, неистоцимаго милосердія Отца Небеснаго къ падшимъ и погибающимъ тварямъ Его.

Кто предалъ на крестъ Сына Божія? Божественная любовь и милосердіе Отца Небеснаго, *не хотящаго смерти грѣшниковъ, но еже обратится нечестивымъ отъ пути своего и живымъ быти имъ. Тако бо возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.* (Іоан. 3, 16). За кого предалъ? За грѣшниковъ и враговъ Своихъ. *Той язвенъ бысть за грѣхи и мученъ бысть за беззаконія наша* (Иса. 53, 5). *Тѣмже убо врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его* (Рим. 5, 10). Кому преданъ? Самимъ-же грѣшникамъ и врагамъ Своимъ: *предадутъ Его въ руки челоувѣкъ грѣшниковъ, и поругаются Ему, и оплюютъ Его, и бивше убіютъ Его.* (Лук. 18, 32, 33). — Такъ предсказывалъ Самъ Господь Свои страданія и смерть. Для чего предалъ? Для избавленія самихъ грѣшниковъ и враговъ Своихъ отъ смерти вѣчной: *да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сиречь діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работъ* (Евр. 2, 14.); — да оправдять, очистить и освятить насъ, да сотворить насъ чадами Божіими, *да приведетъ ны Богови въ вѣчное царство славы Его.* Какой умъ можетъ постигнуть высоту и широту и глубину сей безконечной любви? Какой языкъ достоинъ восхвалить и прославить сіе неизреченное челоувѣколюбіе? Какое сердце способно вмѣститъ въ себѣ и вознести отъ себя чувства благодаренія, достойныя сего непостижимаго милосердія?

Послѣ такой всеоправдавающей жертвы за грѣхи міра, нѣтъ грѣха, который не могъ бы быть очищенъ огнемъ всеожженія жертвы Голгоѣской. Нѣтъ беззаконія, которое не могло бы быть заглажено крестными страданіями и смертію Богочеловѣка Христа; нѣтъ преступленія, которое не могло бы быть прощено во имя распятаго на крестѣ Сына Божія; нѣтъ нечистоты, которая не могла бы быть очищена Его Божественною кровію, изліянною за грѣхи міра. И такъ, если бы злой врагъ нашъ сталъ смущать и обезсилить душу нашу увыніемъ и отчаяніемъ, поборать и устрашать совѣсть нашу сознаниемъ множества и тяжести содѣянныхъ нами грѣховъ; будемъ взирать вѣрою на крестъ Христовъ, на которомъ написано кровію Единороднаго Сына Божія: *Богъ бѣ во Христвѣ примиряя міръ Себѣ, не вмѣняя имъ прегрѣшеній ихъ*, (2 Кор. 5, 19); *яко кровь Іисуса Христа Праведника очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха*. (1 Іоан. 1, 7). Се, одесную креста Христова вающійся разбойникъ, которому говоритъ Самъ Господь: *днесъ со Мною будешь въ раи*. Се, при подножіи креста Христова кающаяся жена грѣшница, омывшая нозѣ Іисусовы слезами и пріявшая оставленіе грѣховъ ея многихъ. Се, созади креста Христова горько плачущій Петръ, малодушно отречшійся Господа и паки чрезъ покаяніе содѣлавшійся верховнымъ Апостоломъ. Се, прямо креста Христова язычскій сотникъ, исповѣдавшій распятаго на крестѣ Іисуса Сыномъ Божиимъ и сдѣлавшійся равнымъ апостоламъ во царствіи Божиимъ. Не ясное-ли это свидѣтельство того, что нѣтъ грѣха побѣждающаго милосердіе Божіе? «Что суть грѣхи моя противу милосердія Твоего, Господи», говорилъ въ молитвѣ своей къ Господу одинъ святой мужъ. «Суть паучина противу вѣтра великаго, блато мало противу рѣки великія, тьма противу солнца пресвѣтлаго. Повѣтъ вѣтръ,— преторгнетъ паучину; потечетъ рѣка,— омыетъ блато; возсіяетъ солнце,— проженетъ тьму. Сиде милосердіе Твое превеликое, Боже, яко вѣтръ паучину растерзаетъ грѣхи моя, яко рѣка блато, омываетъ беззаконія моя, яко солнце тьму просвѣщаетъ мя, и отгоняетъ злая дѣла моя, и словеса и помышленія. О семъ тя Бога всесила и крѣпка вѣмъ,

яко грѣхи моя и всего міра не преодолеють милосердія Твоего. Аще же бы преодолѣли, не былъ бы еси Богъ кръпокъ и всесилень».

Но этимъ утѣшеніемъ отъ креста Христова можетъ утѣшиться душа свою только тотъ, кто взираетъ на него и поклоняется ему съ истиннымъ покаяніемъ; кто, то есть, познавъ прегрѣшенія свои, искренно раскаялся въ нихъ, оставилъ и возненавидѣлъ путь неправды и беззаконія, твердо и неуклонно рѣшился идти путемъ заповѣдей Господнихъ, вести жизнь добродѣтельную и благочестивую, богобоязненную и богоугодную, чего бы ни стоила ему эта рѣшимость, какихъ бы трудовъ и жертвъ ни потребовала отъ него борьба со грѣхомъ и преспѣяніе въ добродѣтели и благочестіи. Напротивъ, для тѣхъ, которые, усиляя совѣсть свою надеждою на милосердіе Божіе, но забывая о Его неумолимомъ правосудіи, не хотятъ пробудиться отъ сна грѣховнаго, всеконечно престать отъ грѣховъ и обратиться всѣмъ сердцемъ своимъ къ Богу, которые опутываютъ себя все болѣе и болѣе грѣховными навыками и страстными наклонностями и прилагаютъ беззаконія къ беззаконіямъ, — для нихъ слышится изъ устъ Распятаго на крестѣ грозный гласъ прещепія и суда: *себе плачьте и чадѣ вашимъ: аще бо въ суровъ древь сія творятъ, въ сущь что будетъ?* (Лук. 23, 28, 31). Если, т. е., такъ страшно наказывается грѣхъ въ лицѣ Самого Сына Божія, принявшаго на Себя чуждые грѣхи, что-жь будетъ съ самими грѣшниками, не очистившими себя покаяніемъ? Видите-ль, какъ ужасенъ и что влечетъ за собою грѣхъ? Онъ совершается во мгновение, а погубляетъ душу на всю вѣчность! Совершается на землѣ, а колеблетъ все небо и низводитъ Сына Божія на землю! Совершается втайнѣ, а наказуется предъ лицомъ неба и земли! Совершается челоуѣкомъ, а для заглаженія его надлежало вознестись на крестъ Самому Единородному Сыну Божію! Послѣ сего, чего ожидать намъ *согрѣшающимъ волю, но пріятіи разума истины*, употребляющимъ во зло самое милосердіе и долготерпѣніе Божіе, *второе распинающимъ Сына Божія* (Евр. 6, 6) своею нераскаянностію и безчувствіемъ? Какой не покаявшійся грѣшникъ убѣжитъ праведнаго суда Божія?

О, какъ страшень судъ Твой, Боже нашъ! Онъ не оставляетъ ни единого грѣха безъ казни, ни единого грѣха и преступленія даже въ Томъ, Который Самъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устьхъ Его*, (Иса. 53, 9), Который принялъ на Себя чуждые грѣхи. Какъ святъ и непреложень законъ Твой, Святыи Святыихъ, котораго преступленіе карается такими жесточайшими страданіями и такою страшною смертію въ лицѣ Самого Единороднаго Сына Твоего! Какъ ненавистень предъ лицомъ Твоимъ грѣхъ, котораго не терпитъ правда Твоя, гнушается святость Твоя, отвращается самая благодать Твоя, ненавидитъ самая любовь Твоя! — Господи и Владыко живота нашего! Вкорени страхъ Твой въ сердцахъ нашихъ, да ни въ коемъ же грѣсѣ прогнѣваемъ Тебе премилосердаго Отца нашего! Углуби въ душѣ нашей память страшнаго суда Твоего и не попусти намъ погибнуть со беззаконіями нашими! Не преставай возбуждать насъ къ покаянію и всею силою благодати Твоея и всѣми громами страшнаго прещенія и гнѣва Твоего! Аминь.

51. СЛОВО — ТРЕТЬЕ.

Три седмицы протекло уже, какъ мы проходимъ поприще св. поста, и уже дошли до самой его середины. Въ это немалое время можно ожидать не малаго и плода отъ постническаго подвига. Кто провелъ это время, какъ требуютъ правила св. Церкви, тотъ, безъ сомнѣнія, чувствуетъ и сознаетъ въ себѣ не малое измѣненіе къ лучшему. Лишеніе болѣе пріятной, утучняющей пищи произвело, конечно, ощутительную легкость и бодрость тѣла, свѣжесть мысли, живость и дѣятельность всѣхъ силъ душевныхъ, пріятное ощущеніе внутренняго спокойствія и мира сердечнаго. Молитвенныя бдѣнія, кажушіяся столь трудными для разсѣяннаго ума, сдѣлались не только легкими, а и усладительными для сердца, плодоносными для духа, проливая въ душу истиннаго постника благодатную радость и утѣшеніе, свѣтъ и жизнь. Все внѣшнее потеряло силу и власть надъ его душею, которая болѣе сосредоточилась въ самой себѣ, болѣе любитъ уединенную бесѣду съ Богомъ и свою совѣстію: что преж-

де занимало, увлекало и доставляло мнимое и обманчивое удовольствие, то является теперь не имѣющимъ никакой цѣны, потеряло свою прелесть, сдѣлалось недостойнымъ вниманія, наконецъ, неприятнымъ и скучнымъ. Самыя страсти плотскія, не находя болѣе пищи ни въ тѣлѣ, укрощаемомъ постомъ, ни въ душѣ, сосредоточенной въ богомысли и молитвѣ, укрощаются и умолкаютъ. Самыя неукротимыя, повидимому, страсти душевныя: гнѣвъ и ярость, любочестіе и зависть, злопамятство и ненависть, срѣтившись съ духомъ покаянія и печали по Бозѣ, съ мыслію о смерти и судѣ Божиѣмъ, съ размышленіемъ о страданіяхъ Христовыхъ и о правдѣ Божіей, карающей всякій грѣхъ, стыждаются и умолкаютъ. Совѣсть, избавившись отъ насильства страстей, пробудившись отъ дреманія въ суетѣ и сластехъ житейскихъ, просвѣтленная свѣтомъ Слова Божія, умилительныхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, воспріемлетъ свойственную ей силу обличенія, вразумленія и влеченія изъ пропасти грѣха на гору закона Божія и отъ прелести соблазновъ къ красотѣ добродѣтели и совершенства духовнаго. Вся душа усердно постыщагося и молящагося просвѣтляется благодатнымъ свѣтомъ: яснѣе познаетъ себя и все окружающее, яснѣе прозрѣваетъ вѣрою и упованіемъ въ міръ духовный, свободнѣе владычествуетъ надъ своимъ тѣломъ, надъ его потребностями, склонностями и стремленіями, глубже чувствуетъ потребность высшаго сокровища—оправданія во Христѣ, умиротворенія совѣсти, благодатнаго сопребыванія съ Богомъ.

Кто ощутилъ въ себѣ эти духовные плоды пощенія, тотъ и безъ нашего напоминанія, конечно, не оставитъ постническихъ подвиговъ: воздержанія, молитвы, колѣнопреклоненій, посѣщенія храма Божія, назидательнаго чтенія и богомысленныхъ размышленій, напротивъ, еще болѣе усилитъ свою ревность совершить богоугодно и душеполезно весь путь св. четырехдесятиницы. Тому отъ лица Самого Господа дерзаемъ обѣщать, что въ концѣ всего поприща св. поста его ожидаетъ высшее, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, утѣшеніе. Ибо все, что есть истинно отраднаго и утѣшительнаго для насъ въ настоящей жизни, заключено въ крестной смерти за насъ и воскресеніи въ послѣдніе дни поста Господа нашего

Исуса Христа. Предстоя кресту и гробу Господню, истинно вѣрующая и кающаяся душа чувствуетъ все величіе безпредѣльной любви Божіей къ намъ грѣшнымъ, сознаетъ всю цѣну и достоинство самой себя, для избавленія которой Самъ Единородный Сынъ Божій уничижилъ Себя, воспріявъ зракъ раба, претерпѣлъ страданія и самую мучительную смерть, — постигаетъ весь ужасъ вѣчнаго отверженія отъ Бога и осужденія съ діаволомъ; чувствуетъ всю, непостижимую разумомъ, цѣну искупленія нашего кровію Христовою. Все это наполняетъ ее отраднымъ чувствомъ умиленія и благоговѣнія предъ величіемъ любви Божіей, оживляетъ утѣшительною надеждою на милосердіе Божіе, все побуждаетъ излиться въ сладостныхъ слезахъ благодаренія Господу — Спасителю. Когда же настанетъ свѣтоносный день Воскресенія Христова, тогда св. Церковь призоветъ къ сорадованію съ собою и небо и землю, міръ видимый и невидимый: — какой небесный восторгъ обьметъ тогда душу вѣрнаго раба Христова, — вознесетъ ее превыше всего земнаго, туда, гдѣ сіяетъ не вечерній свѣтъ царствія Христова, гдѣ обрящутъ вѣчный покой и радость всѣ, труждающіеся здѣсь во славу Божію и для спасенія души своей, гдѣ отыметъ Господь всякую слезу отъ очію избранныхъ Своихъ, и одна радость вѣчная надъ главою ихъ будетъ! Въ сей-то свѣтоносный день Воскресенія Христова всѣ труды ваши, усердно подвизающіеся въ постѣ братія, принесутъ тотъ драгоцѣнный и вожделѣнный плодъ, котораго не вкушалъ и не вкуситъ никогда тотъ, кто проводитъ св. Четырдесятницу не по уставу св. Церкви, а по прихотямъ и вожделѣніямъ плоти.

Но, быть можетъ, многіе, и подвизаясь, по видимому, въ постѣ и принуждая себя къ исполненію молитвеннаго и постническаго правила, не видятъ, однакоже, утѣшительныхъ плодовъ своего подвига: ни мира и спокойствія сердца, ни ослабленія насильства страстей, ни благодатнаго свѣта въ разумъ и совѣсти, ни отрадной свободы духа, а чувствуютъ, напротивъ, недовольство и уныніе, тягость и скуку! Остерегитесь, брат., обвинять въ этомъ самый постъ и распоряженія св. Церкви; осмотритесь внимательнѣе: такъ-ли вы поститесь, какъ учить Слово Божіе и какъ заповѣ-

дуетъ св. Церковь? Одинъ тѣлесный постъ и не можетъ принести ничего, кромѣ нѣкотораго ослабленія тѣла: съ постомъ тѣлеснымъ необходимо нужно соединять и постъ духовный, чтобы получить духовные плоды отъ поста. *Что, яко постихомся, и не увидѣмъ еси насъ?* говорили Богу древніе Іудеи. Но Господь сказалъ имъ: *во дни бо пощений вашихъ обрѣтаете воли ваша, и вся подручная ваша томите. Аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститесь. и бѣте пѣстми смиреннаго, вскую Мнѣ поститесь? Не такового поста Азъ избрахъ: но разрышай всякъ союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти смиренныя въ свободу, и всяко писаніе неправедное раздери. Раздоряй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ отъ племени твоего не презри. Тогда воззовеши, и Богъ услышитъ тя; тогда возсіяетъ во тмѣ свѣтъ твой, и тма твоя будетъ яко полудне, и будетъ Богъ твой съ тобою присно.* Тоже самое должно сказать и нынѣ всякому неискусному постнику. Ты удаляешь отъ себя запрещенную пищу? Удали, вмѣстѣ съ нею, и все, что возбуждаетъ и питаетъ душевныя страсти, — похоть злую и лихоиманіе, корыстолюбіе и любочестіе, зависть и гнѣвъ, осужденіе и превозношеніе. Ты не оскверняешь усть твоихъ пищею, сопряженною съ отнятіемъ жизни у существъ живущихъ и чувствующихъ благо жизни? Не оскверняй же ихъ ни празднословіемъ, ни осмѣяніемъ, ни кощунствомъ, ни осужденіемъ, ни оклеветаніемъ, ни бранными и поносительными словами на ближняго. Ты приходишь въ храмъ Божій? Не приноси же съ собою ни плотскихъ и нечистыхъ помысловъ, ни праздныхъ мечтаній, ни душетлѣнныхъ вождельній и ощущеній сердечныхъ. Ты преклоняешь выю и колѣна предъ Богомъ? Но прежде всего преклони и повергни предъ Нимъ въ прахъ свое самолюбіе и гордость, подклони волю свою Его всесвѣтой волѣ и Его животворнымъ заповѣдямъ, предай Ему сердце и всю душу твою, да воцарится и царствуетъ Онъ единъ и въ умѣ и въ сердцѣ твоемъ. Ты просишь у Господа прощенія грѣховъ и умиротворенія своей совѣсти? Но простилъ-ли самъ отъ всего сердца оскор-

бывшему тебя? Помолился-ли о ненавидящихъ тебя и творящихъ тебѣ зло? Отпустилъ-ли долгъ неимущему чѣмъ воздать тебѣ? Примирился-ли искренно со врагомъ своимъ? Ты ищешь успокоенія и мира духу твоему? Упокой же и самъ бѣдствующаго и страдающаго брата своего, — напитай алчущаго, одѣй нагаго, введи въ домъ свой безпокровнаго, помоги болящему, утѣшь плачущаго, будь, подобно Юву, окомъ для слѣпыхъ и ногою для хромыхъ. Ты прекратилъ шумныя забавы и увеселенія свои? Но не замѣнилъ-ли ихъ другими, не столь шумными, но тѣмъ не менѣе душевредными, не менѣе питающими чувственность и страсти? Наполнилъ-ли пустоту празднаго времени поученіемъ въ Словѣ Божіемъ и молитвою, дѣлами милосердія и челоуѣколюбія? «Постыщися, братіе, тѣлеснѣ, — учить св. Церковь, — постимся и духовнѣ — постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господѣви: «истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и «клятвопреступленія, сихъ оскудѣніе постъ истинный есть «и богопріятный».

Въ такомъ случаѣ, подумаетъ кто-либо, для чего же нуженъ постъ тѣлесный, если существенно важенъ и необходимъ постъ духовный? Для того, возлюбленный, что безъ поста тѣлеснаго не можетъ быть и поста духовнаго. Въ настоящемъ грѣховномъ состояніи нашемъ жизнь тѣлесная всегда усиливается преобладать надъ жизнію духовною: *плоть бо похотствуетъ на духъ*, говоритъ св. Апостоль; — и это преобладаніе простирается часто до совершеннаго порабощенія духа плоти, до совершеннаго подавленія потребностей духовныхъ. И такіе люди, какъ св. Апостоль Павелъ, чувствовали тяжело это неестественное преобладаніе плоти надъ духомъ. *Соуслаждаюся*, говоритъ онъ, *закону Божію по внутреннему челоуѣку:вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противуюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ: окамень азъ челоуѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* По тому-то самъ Апостоль почитаетъ необходимымъ *смирять* свое тѣло и *порабощать* его духу — постомъ, молитвами и трудами. Потому-то постъ тѣлесный служилъ всегда первую и необходимую ступенью

той небожественной лѣстницы, по которой св. мужи восходили на высоту безстрастія и совершенства духовнаго. Тѣмъ болѣе необходимо для насъ такое смиреніе и порабощеніе тѣла, чѣмъ менѣе оно приучено у насъ повиноваться духу и чѣмъ болѣе привыкло къ сластолюбивой изнѣженности, ослабляющей и подавляющей духовныя потребности и силы. Не наше разсужденіе должно быть руководителемъ въ томъ, что нужно для спасенія души нашей, а примѣръ и заповѣдь Господа Иисуса Христа, наставленіе и руководство св. Церкви, которой ввѣрено попеченіе о спасеніи душъ нашихъ. Чтобы показать намъ примѣръ, какъ должно преодолевать свои плотскія хотѣнія, покорять волю свою закону Божію, побѣждать соблазны и искушенія лукаваго, Самъ Господь постился четыредесять дней въ пустынь и побѣдилъ искушителя, заповѣдавъ и намъ побѣждать его *молитвою и постомъ*. *Образъ дахъ вамъ*, говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ въ концѣ земнаго поприща Своего: *образъ дахъ вамъ, да якоже сотворихъ, и вы творите*. Кто-жъ осмѣлился бы утверждать, что можно поступать и иначе? Да и можно-ли побѣдить плотскія похоти и страсти, не отнявъ у нихъ силы, не исторгнувъ самаго корня ихъ — сластолюбія? Можно-ли покорить духа самолюбія и гордости, не смиривъ себя, не покоривъ воли своей закону Божію и уставамъ св. Церкви? Какъ избавиться отъ духа любостыжанія, привывши не отказывать себѣ ни въ чемъ, даже въ лишнемъ кускѣ пищи? Можетъ-ли противиться страстямъ своимъ, стать до крови противу грѣха тотъ, кто не можетъ отказать своей плоти въ прихотливомъ ея требованіи извѣстнаго рода пищи? Можетъ-ли терпѣливо и самоотверженно нести крестъ свой въ слѣдъ Господа Иисуса, кто малодушно покоряется своему избалованному вкусу? Можетъ-ли стать выше соблазновъ и искушений міра, кто не имѣетъ и настолько силы воли, чтобъ отказать себѣ въ какомъ-нибудь кускѣ болѣе пріятной пищи? Вотъ, почему въ ликѣ прославленныхъ Богомъ святыхъ мы видимъ только тѣхъ, которые, по примѣру св. апостоловъ, смиряли свое тѣло и порабощали его духу постомъ и трудами, терпѣніемъ и молитвою, но ни одного изъ тѣхъ, которые пресыщались и веселились въ своей жизни. Таковымъ

Самъ Господь Иисусъ Христотъ сказалъ: *горе вамъ, насыщенный нынѣ, яко взалчете; горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете!*

Но для чего, скажешь, различіе въ пищу? Не все-ли равно ѣсть то или другое, соблюдая только строгую умѣренность и воздержаніе? Нужно, возлюбленный, и различіе пищи, потому что Самъ Господь Богъ положилъ въ ней различіе. Сотворивъ человѣка, Онъ далъ ему въ снѣдь плоды древесные и злакъ сельный. Ими и питались не только первые люди, но и ближайшіе ихъ потомки. Послѣ потопа хотя и дозволено употреблять въ пищу плоть животныхъ, но это сдѣлано по жестокосердію падшаго человѣчества; но и тутъ Господь положилъ предѣлъ кровожадности человѣка, обуздавъ его закономъ о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, запретивъ употреблять плоть животныхъ вмѣстѣ съ кровію. Но св. четвердесятница для того и установлена св. Церковію, чтобы возвести насъ въ первое состояніе, возвратитъ намъ первобытную чистоту и непорочность первозданнаго человѣка. Ибо чѣмъ начинается она? Воспоминаніемъ паденія нашего въ Адамъ. А чѣмъ оканчивается? Спогребеніемъ и совозстаніемъ нашимъ со Христомъ. И такъ, если хотимъ истинно востать отъ паденія нашего, обновить въ себѣ образъ первозданнаго Адама, взойти на высоту первобытнаго состоянія нашего, то не должно-ли намъ и въ самомъ питаніи тѣлесномъ уподобиться Адаму, питавшемуся плодами и злаками, а не плотию животныхъ? Если-же, по твоему, и та и другая пища одинакова, то изъ за чего-же пререкать и спорить? Не лучше-ли безпрекословно подчиниться церковной заповѣди и вкушать то, что заповѣдано? Если необходимо, какъ говоришь воздержаніе, то покажи свое воздержаніе на самомъ дѣлѣ, откажись отъ пищи, которая болѣе ласкаетъ твоему вкусу, и удовольствуйся тою, которую назначаетъ св. Церковь. Первый признакъ воздержанія есть самоотверженіе, отреченіе отъ своей воли, обузданіе своихъ прихотей, подчиненіе всей жизни своей закону Божию и водительству св. Церкви, которую Господь заповѣдалъ слушать какъ Самого Себя. Безъ этого самоотверженнаго послушанія волѣ Божіей бесплодны всѣ самоизвольные подвиги и жертвы: *се*

послушаніе паче жертвы благи, и покореніе паче тука овня: якоже же бо грѣхъ есть идолослуженіе, тако непокореніе.

«Не всякому, говорятъ еще, позволяетъ поститься его здоровье». Есть-ли дѣйствительно такое здоровье, которому вреденъ-бы былъ хлѣбъ и овощи,—самая главная, основная, такъ сказать, пища нашего тѣла, предназначенная ему Богомъ,—это подлежитъ еще сомнѣнію; но то несомнѣнно и вѣрно, что большая часть нашихъ болѣзней рождаются отъ невоздержанія и неумѣренности, отъ сложности, изысканности и разнообразія утучняющей пищи; что первое условіе къ исцѣленію болѣзней есть воздержаніе и постъ, который и сами врачи наши обыкновенно предписываютъ подъ именемъ діеты. Самую долговѣчную жизнью, а слѣдовательно и лучшимъ здоровьемъ пользовались люди, жившіе до потопа, не употреблявшіе мясной нищи и незнавшіе вкуса вина. Жизнь человѣческая сокращалась и сокращается по мѣрѣ того, какъ появлялась и усиливалась роскошь и невоздержаніе—первые враги нашего здоровья. И неужели Господь Иисусъ Христосъ, пролившій кровь Свою и положившій душу Свою за животъ міра, могъ заповѣдать намъ что-либо вредное для нашей жизни? Неужели св. Церковь, молящаяся непрестанно о здравіи и спасеніи всѣхъ, можетъ не желать намъ истиннаго здравія душевнаго и тѣлеснаго? *Азъ приидохъ, говоритъ Господь, да животъ имутъ и лишше имутъ.* Кто-же лучше Его можетъ сказать намъ, что истинно полезно для сохраненія нашей жизни, не только духовной, а и тѣлесной, для укрѣпленія здоровья и души и тѣла нашего? А Онъ именно говоритъ намъ: *блюдите, да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и пѣнствомъ.*

Прочее-же, братія моя, стойте, держите преданія: лжимвыхъ-же басней и прекословій и суетсловій уклонитесь. Имже научитесь и пріяте, сія творите, отъ всякія злыя вещи огребайтесь, да не лестію беззаконныхъ сведени бывше, отпадете своего утвержденія, но да растете во благодати Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

52. С Л О В О—Ч Е Т В Е Р Т О Е.

Кресту твоему поклоняемся, Владыко!

Достойно и праведно поклоняться животворящему кресту Христову. Имъ мы избавлены отъ смерти вѣчной и отъ нерѣшимыхъ узъ адовыхъ. Черезъ него примирились мы съ правосудіемъ Божиимъ, усыновлены Богу Отцу и сдѣлались наслѣдниками жизни вѣчной. Имъ, какъ непобѣдимымъ оружіемъ, ограждаемся и защищаемся отъ всѣхъ навѣтовъ и козней лукаваго.

Но недовольно, брат. мои, поклоняться кресту только въ храмѣ; надобно поклоняться и лобызать его и тогда, когда встрѣчаемся съ нимъ въ жизни:—въ тѣхъ печаляхъ, скорбяхъ и болѣзняхъ, въ тѣхъ огорченіяхъ, досадахъ и неудачахъ, которыя такъ часто доводится намъ терпѣть въ кругу ближнихъ своихъ; въ тѣхъ потеряхъ, лишеніяхъ, несчастіяхъ и бѣдствіяхъ общественныхъ и частныхъ, которыя попускаются на насъ или испытующею премудростію или наказующею правдою Отца небеснаго. Не довольно поклоняться кресту, когда износится онъ священнодѣйствующими на средѣ храма; надобно еще взять его съ благоговѣніемъ на собственные рамена и нести во слѣдъ Господа Іисуса: *иже хоцетъ по Мнѣ ити, да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ*: такъ учить Самъ Господь. Надобно, т. е., свободно и благодушно съ покорностію и благодареніемъ Богу подвергнуться въ жизни всему скорбному, горькому, печальному, чѣмъ отягощается жизнь наша, чѣмъ пресѣкаются и возмущаются наши радости, чѣмъ болѣзненно стѣсняется наше сердце, отъ чего льются изъ очей слезы и вылетаютъ изъ груди вздохи.

Почему необходимо нести этотъ крестъ? Потому, что въ лицѣ падшаго праотца нашего мы всѣ—достойно и праведно — осуждены на труды и болѣзни, на скорби и печали, на горести и бѣдствія на всю земную жизнь нашу до смерти: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, — изрекъ намъ праведный судъ Божій, — тернія и волчцы возраститъ тебѣ. въ печалѣхъ съиши тую во вся дни живота твоего, дон-*

деже возвратишия въ землю, отъ нея же взять еси *). Потому, съ другой стороны, что согрѣшая непрестанно, мы непрестанно же вносимъ въ окружающій насъ міръ безпорядки и нестроенія, непрестанно подвигаемъ на себя гнѣвъ Божій: отсюда *скорбь и тѣснота на всяку душу человека, творящаго злое*. И такъ, засѣявъ сами всю землю терніями, можемъ-ли не уязвиться ими? Призывая сами — своими неправдами и беззаконіями — бѣдствія на міръ Божій, можемъ-ли избѣжать ихъ ударовъ? Привлекая сами на себя — своими прегрѣшеніями — проклятіе правды Божіей, можемъ-ли уклониться отъ его тяжести? Сдѣлавъ сами себѣ крестъ изъ древа преслушанія и преступленія заповѣдей Божіихъ, можемъ-ли не нести его? Посему, какъ ни непріятно страдать и терпѣть, но страдать и терпѣть въ настоящей жизни нашей неизбѣжно. Какъ ни хотѣлось бы свергнуть съ себя крестъ, но, возложенный правосудіемъ Божіимъ, онъ будетъ тяготѣть на насъ до самаго гроба. И никакая высота земная, никакое, такъ называемое, счастье временное не защищаютъ и не могутъ защитить ни отъ великихъ ударовъ, бѣдъ и скорбей, ни отъ малыхъ, но безпрестанныхъ, почти уязвляющихъ, досадъ и огорченій. Плачутъ и на высотѣ земныхъ почестей такъ же горько, какъ и за плугомъ и заступомъ; воздыхаютъ и въ великолѣпныхъ чертогахъ такъ же тяжело, какъ и въ бѣдныхъ хижинахъ; льются нерѣдко слезы горести и на груды золота, какъ на черствый кусокъ хлѣба. *Тяжко иго на всякъ сынѣхъ Адамлихъ*, говоритъ Премудрый, отъ дне исхода изъ утробы матерней до дня возвращенія ихъ въ лоно общей матери — земли.

Для чего жъ нужно еще самому свободно взять и нести на себѣ этотъ крестъ? Для того, что когда несемъ его по необходимости, по неволѣ, онъ есть только заслуженная казнь, которая по закону правды неминуемо должна постигать преступника, не дѣлая его ничѣмъ болѣе, какъ достойно казнимымъ преступникомъ; а свободно принятый и съ вѣрою несомый во слѣдъ Спасителя, онъ дѣлается не только очистительнымъ средствомъ и исцѣляющимъ врачевствомъ отъ

*) Быт. 3, 17. 18. 19.

грѣха, но и заслугою предъ Господомъ, цѣною вѣчныхъ радостей во царствіи Божіемъ. Земная жизнь наша, братіе, есть мѣсто врачеванія нашего отъ тяжкой смертельной болѣзни грѣховной, время непрестаннаго подвига очищенія, обновленія и приготовленія нашего для царства Божія, въ которое не входитъ ничтоже скверно. Но грѣховная болѣзнь души нашей такъ упорна и застарѣла, что надобно лѣчить и горькими врачествами, сильными средствами, болѣзненными операціями; корни зла такъ глубоко въ нашемъ сердцѣ, что нельзя исторгнуть ихъ безъ особенныхъ усилій и безъ тяжкой боли. Съ другой стороны, небесныя сокровища, которыя уготовалъ намъ Господь нашъ, такъ многоцѣнны, что надобно приобрѣтать ихъ цѣною тяжкихъ трудовъ, которые не обходятся безъ болѣзней и скорбей; награды въ жизни вѣчной такъ высоки и непостижимы, что надобно заслуживать ихъ многими подвигами и трудами. Дивно-ли, что на долю возлюбившихъ Господа и желающихъ благоугождать Ему чаще достается въ этомъ мірѣ страдать и терпѣть, нежели веселиться и радоваться; что ищущимъ царствія Божія указывается тѣсный путь креста и злостраданія для очищенія ихъ отъ всякой скверны плоти и духа, для обузданія самолюбія и плотскихъ похотей, для обученія ихъ терпѣнію, смиренію и упованію на Бога, для совершеннаго покоренія воли ихъ волѣ Божіей? И чѣмъ больше какимъ-либо бѣдствіемъ сокрушается самолюбіе наше, чѣмъ дѣйствительнѣе какая-либо скорбь смиряетъ плоть нашу и обуздываетъ страсти, чѣмъ лучше какое-либо несчастіе укрѣпляетъ въ насъ упованіе на Бога, воспламеняетъ огонь любви ко Господу и Спасителю, чѣмъ болѣе какое-либо уничиженіе обращаетъ насъ къ смиренію и самоосужденію, къ слезамъ и покаянію, чѣмъ сильнѣе какою-либо скорбію сокрушается сердце наше, возбуждается въ душѣ страхъ Божій; тѣмъ тверже можемъ быть увѣрены въ любви и милосердіи къ намъ Отца небеснаго; тѣмъ несомнѣннѣе надежда спасенія нашего во Христѣ Иисусѣ; тѣмъ съ большею любовію намъ должно принять и облобызать крестъ свой; тѣмъ съ большею преданностію и упованіемъ должно нести его во слѣдъ Господа Иисуса; тѣмъ усерднѣе должно молиться, да поможетъ намъ Господь Своєю

Благодатию донести его до самаго конца жизни. Видите-ль, братіе мои, что Самъ Господь славы, благоволившій воспріять на Себя грѣхи наши и подать намъ въ Самомъ Себѣ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, — не путемъ радостей, а путемъ скорбей и страданій вошелъ въ славу Свою, юже имѣлъ у Отца прежде сложенія міра. Онъ и алкалъ и жаждалъ, терпѣлъ поношенія и униженія, гоненія и озлобленія, судимъ и осужденъ былъ судіями беззаконнѣйшими, претерпѣлъ страшныя муки и крестную смерть. Не путемъ нѣги и роскоши, радостей и веселія, а путемъ лишения, скорбей и страданій восходили во слѣдъ Его св. пророки и апостолы, мученики и подвижники. Одни изъ нихъ *избіени быша, друзи же руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею. Каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша; проидоша въ милотехъ и козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеса, и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастьехъ земныхъ* *). Такова богоначертанная исторія земной жизни всѣхъ святыхъ и избранныхъ друзей Божіихъ! Такою цѣною стяжали они царствіе Божіе!

А міръ? Развѣ даромъ и безъ труда раздаеть онъ свои блага? Не требуетъ жертвъ иногда драгоцѣннѣйшихъ — отъ своихъ поклонниковъ? Не возлагаеть крестовъ иногда тягчайшихъ — на своихъ любителей? Мало-ли трудится, беспокоится, томится и страдаетъ сребролюбець для пріобрѣтенія сокровищъ? И что-же? Едва успѣеть перевести утомленный духъ, чтобъ сказать душѣ своей: *душе, имаша многа блага, лежаща на лѣта многа, яждь, ній и веселися*; какъ грозный гласъ: *безумне, въ сію ноць душу твою истяжутъ отъ тебе* **), уже раздаеться въ ухахъ его. Мало-ли приносить жертвъ, напрягаеть усилій, переносить униженій честолюбець, чтобъ уловить обольстительный призракъ славы человѣческой? И для чего-же? Чтобы на нѣсколько дней, быть можетъ лѣтъ, постоять впереди другихъ, а потомъ опять сравняться со всѣми въ земной персти; чтобъ возне-

*) Евр. 11, 35, 36. 37. 38. **) Лук. 12, 19. 20.

стись на время выше другихъ, а потомъ низринуться на вѣки въ бездну ада! Чѣмъ не жертвуетъ сластолюбецъ для насыщенія ненасытимыхъ вождельнѣй плоти? И честью и совѣстью, и богатствомъ и здоровьемъ, и достоинствами и покоемъ. А для чего? для минутныхъ наслажденій, за которыми и здѣсь, на землѣ, слѣдуютъ нерѣдко тяжкія болѣзни и скорби, подъ цвѣтами коихъ чаще всего скрываются самые острые терны. Таковъ путь мірской жизни, который сначала кажется гладкимъ и пріятнымъ, но *послѣдняя его зрятъ* прямо *во дно ада*. Ибо что, какъ не адъ, можетъ срѣтить по смерти тотъ, кто во всю жизнь свою не возносился мыслию къ небу, не искалъ пути къ царствію Божію, а слѣдуя похотямъ сердца своего, и творя волю діавола, произвольно предался во власть его?

Не таковъ тѣсный и прискорбный путь креста: *заче же избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше*. Каждый подвигъ благочестія проливаетъ въ сердце неизъяснимое утѣшеніе, которое изглаждаетъ всякую предшествовавшую скорбь. Каждая побѣда надъ страстію сопровождается благодатнымъ миромъ въ душѣ, который изглаждаетъ самое воспоминаніе понесеннаго труда. — Каждый подвигъ самоотверженія приноситъ такую радость духу нашему, съ которою не сравнятся всѣ радости міра. За каждымъ дѣломъ любви и милосердія христіанскаго слѣдуетъ такое услажденіе сердца отъ Духа Святаго, о которомъ не можетъ имѣть понятія человѣкъ, преданный плотскимъ удовольствіямъ. Самыя даже скорби и страданія, перенесенныя въ духѣ вѣры и упованія, съ молитвою и преданностію волѣ Божіей оставляютъ въ душѣ подвижника одно сладостное, утѣшительное воспоминаніе, глубокое чувство духовной радости и восторга: *Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь: заче же избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ утѣшеніе наше*. Чтожъ сказать о той радости, съ которою праведникъ возлегаетъ на одръ смертный, когда вся жизнь его представляется однимъ токмо краткимъ сномъ, въ которомъ являлись призраки, устрашали сновидѣнія, но отъ котораго оста-

лось одно утѣшительное сознаніе своей правоты и непорочности, одно упованіе вѣчной жизни со Христомъ Господомъ; когда онъ можетъ сказать съ апостоломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды его же воздастъ ми Господь въ день онъ праведный Судія?* Что сказать о той неизреченной радости праведныхъ, когда Самъ Судія вселенной скажетъ имъ предъ лицемъ неба и земли, предъ соборомъ ангеловъ и человѣковъ: *прійдите, благословеннїи Отца Моего, насладитесь уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра?* Кто изъяснитъ то блаженство, которымъ избранные Божїи будутъ вѣчно наслаждаться въ царствїи Отца ихъ.

Сїи облеченнїи въ ризы бѣлыя кто суть и откуда прїидоша? Спрашивалъ тайновидца одинъ изъ небожителей, — и отвѣчалъ: *сїи суть, иже прїидоша отъ скорби великія, и испраша ризы своя, и убѣлиша ризы своя въ крови Агнчи; сего ради суть предъ престоломъ Божїимъ и служатъ Ему день и ночь. Не взалчутъ кому, ниже вжаждутъ, и отыметъ Богъ всяку слезу отъ очю ихъ *).* Предложите кому угодно изъ сихъ блаженныхъ чадъ Божїихъ всѣ богатства міра, всѣ радости и наслажденія жизни, всѣ почести и славу свѣта: онъ не отдастъ за нихъ своей нищеты и убожества, своихъ скорбей и бѣдствїй, своего креста и поруганія, которыя претерпѣлъ онъ въ земной жизни. Напротивъ, кто изъ несчастныхъ плѣнниковъ ада не согласился бы съ радостію претерпѣть всѣ возможныя бѣдствїя жизни временной, чтобъ избавиться отъ страшныхъ и нескончаемыхъ мученій жизни вѣчной?

*Какая же польза чловѣку, аще прїобцетъ міръ весь и отщетитъ душу свою? или что дастъ чловѣкъ измѣну на души своей? Иже бо аще хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Господа ради и Евангелїя, той спасетъ ю **).* Аминь.

*) Апок. 7, 13, 14, 15, 16, 17. **) Марк. 8, 36. 37. 53.

53. С Л О В О — П Я Т О Е .

*Иже хочет по Мнѣ идти,
да отвержется себе, и возьметъ
крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.
(Марк. 8, 34).*

Въ прошедшемъ собесѣдованіи нашемъ мы разсуждали, брат., о томъ, почему необходимо намъ взять на себя и нести крестъ свой, т. е., тѣ огорченія, скорби и бѣдствія жизни, которыя попускаются на насъ или испытующею любовію, или наказующею правдою Отца небеснаго. Взять и нести не какъ наемникамъ — поневолѣ, а какъ истиннымъ чадамъ Божиимъ свободно и охотно, въ чаяніи богатыхъ плодовъ отъ сего крестоношенія въ жизни будущей. Теперь самъ собою представляется вопросъ, куда и какъ идти, взявши на себя крестъ свой? На это отвѣтствуетъ намъ Самъ Господь: *да возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ*. Со крестомъ необходимо идти во слѣдъ Господа Иисуса Христа. Тогда только можно придти туда, гдѣ Онъ царствуетъ со Отцемъ Своимъ: *еще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ*. Иначе, какихъ-бы ни испытали горестей жизни, какой-бы ни несли тяжелый крестъ на землѣ, если будемъ идти своимъ путемъ, преидемъ неминуемо отъ временныхъ скорбей въ жизни къ вѣчнымъ мученіямъ по смерти.

Какъ идти за Господомъ? Первѣе всего живою вѣрою въ Него, какъ истиннаго Сына Божія, какъ Искупителя нашего, пострадавшаго за грѣхи наши, съ чувствомъ сердечнаго раскаянія во грѣхахъ своихъ. Для сего-то св. Церковь и предлагаетъ намъ крестъ Христовъ, чтобы мы, поклоняясь ему и лобызая его, взирали неуклонно на Распятаго на немъ Господа и оживляли духъ нашъ живою вѣрою въ Него и упованіемъ своего спасенія о Немъ. Крестъ Христовъ, брат. мои, только для Іудеевъ былъ соблазномъ и только для Еллиновъ казался безуміемъ; самымъ-же званымъ онъ былъ и есть Божія сила и Божія премудрость. Какъ ни глубоко было уничиженіе Сына человѣческаго, отвергнутаго народомъ, осужденнаго Синедріономъ, распятаго

со злодѣями, но въ этомъ униженіи просіяла вѣчная слава Сына Божія, озарившая потомъ весь міръ. Изъ самаго гроба Иисусова произникла новая жизнь, обновившая все человѣчество, возрастившая для царства Божія неисчислимыя лики святыхъ. Крестомъ и воскресеніемъ Своимъ истинно прославился Сынъ Человѣческій, побѣдилъ міръ, посрамилъ невѣріе и нечестіе, утвердилъ новое вѣчное царство Божіе. Думала-ль злоба враговъ Иисусовыхъ, что, предавая на смерть неповиннаго, они уготовляютъ Ему высочайшую славу, а себѣ страшное бѣдствіе и погибель вѣчную; что Распятому ими покориться вся вселенная, и *о имени Иисусовъ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ*; что осужденный ими на крестъ Самъ явится нѣкогда Судіею міра всего, и они съ отчаяніемъ *воззрятъ на Нь, ес-же прободоша!* Предвидѣль-ли безумный народъ, что испрошенная имъ кровь праведника сожжетъ огнемъ города его, разсѣетъ его по вселенной и предастъ вѣчному рабству, содѣлаетъ предметомъ отвращенія и презрѣнія всѣхъ народовъ, отяготѣетъ надъ нимъ вѣчнымъ посрамленіемъ и проклятіемъ? Предвидѣль-ли самъ діаволь, что воздвигнутый по наущенію его крестъ поразитъ его самого во главу, что вознесенный на крестъ Иисусъ разрушитъ его царство, совлечетъ его начало и власти и изведетъ ихъ въ позоръ, что умерщвленный, по навѣту его, Сынъ Человѣческій не только воскреснетъ Самъ, но и воскреситъ съ собою человѣчество, и дастъ вѣрующимъ въ Него силу и власть наступати на всю силу вражію? Могли-ль, по видимому, надѣяться бѣдные рыбаки Галилейскіе, что они станутъ истинными князьями народовъ и сядутъ нѣкогда *на дванадцате престолохъ, судяще обьнадесяте колѣнома Израилевома*. Такъ поруганъ крестомъ Христовымъ міръ; такъ посрамлено нечестіе и невѣріе, побѣждено и разрушено царство діавола!

Но это, братъ, ви́шняя слава креста Христова для невѣрующихъ. Предъ взоромъ христіанина открываются въ немъ другія—безконечно высшія и славнѣйшія чудеса. Здѣсь мы видимъ чудо непреложной святости существа Божія, предъ которою нестерпима нечистота грѣховная, ненавистна не-

правда и беззаконіе,—непремѣняемой истины воли Божіей, предъ которою преклоняется все, которой покоряется Самъ Сынъ Божій до смерти крестной; — вседержавной силы закона Божія, нарушение коего возмущаетъ весь чинъ и порядокъ вселенной, колеблетъ небо и землю. Здѣсь мы видимъ чудо правосудія Божія, которое караетъ грѣхъ въ лицѣ Самого Единороднаго Сына Божія, воспріявшаго на Себя грѣхи человѣческіе; — чудо неизреченной любви и милосердія Отца небеснаго, Который такъ возлюбилъ насъ, что за спасеніе наше отъ вѣчной гибели не пощадилъ Единороднаго Своего Сына; — чудо премудрости Божіей, которая обрѣтаетъ средство примирить правду и милосердіе, покарать со всею строгостію грѣхъ, не погубляя грѣшника, загладитъ беззаконіе, оправдавъ беззаконника, погубить нечестіе, спасая нечестиваго; — чудо всемогущества Божественнаго, которое среди тлѣнія и смерти открываетъ неизсякаемый источникъ жизни, крестомъ спасаетъ міръ, смертію побѣждаетъ смерть. Здѣсь видимъ чудо собственнаго бытія своего, которое остается непроницаемою тайною для премудрыхъ міра сего. Теперь ясно, что истинная жизнь человѣка не въ тѣлѣ, которое умираетъ и обращается въ землю, но въ душѣ, которая живетъ вѣчно и не разрушается никогда. Теперь видно, что душа наша драгоценнѣе всего міра, ибо оцѣняется тою кровью Единороднаго Сына Божія, и что *никакая же польза человеку, аще пріобрѣщетъ міръ весь, и отщедитъ душу свою*. Теперь очевидно, что ожидаетъ человѣка въ вѣчности; ибо какими благами не ущедритъ Отецъ небесный избранныхъ Своихъ, когда Онъ не пощадилъ за нихъ возлюбленнаго Своего Сына? И какими казнями не оплатитъ Онъ нераскаяннымъ въ нечестіи грѣшникамъ, когда Онъ предалъ на крестъ Сына Своего, воспріявшаго на Себя чуждый Ему грѣхъ? Размышленіе о сей славѣ креста Христова, углубленіе мыслию въ сокрытыя въ немъ и явленныя чрезъ него тайны премудрости, благодати и правды Божіей да оживотворяютъ духъ нашъ тою живою вѣрою, которая соединяетъ насъ съ Господомъ Иисусомъ Христомъ вѣчнымъ нерасторжимымъ союзомъ любви и преданности; тѣмъ животворнымъ убѣжденіемъ сердца, которое становится правиломъ святой Христо-

подражательной жизни, источником святаго воодушевленія на все доброе и благое; причиною отвращенія ко всему, что осуждается закономъ Божиимъ, какъ нечистое, злое и богопротивное; той непоколебимой увѣренностію, что все временное и земное ничто, а единственно важно и драгоцѣнно небесное и вѣчное, что всѣ земныя скорби и радости переходятъ какъ сновидѣніе, а вѣчныя радости праведныхъ и вѣчныя скорби грѣшниковъ не кончатся никогда. Посему-то, брат. мои, будетъ-ли смущаться духъ нашъ, когда услышимъ безумныя слова кощунниковъ, которые безстрашно посмѣваются надъ всѣмъ, что говоритъ намъ св. Евангеліе, что запечатлѣно и утверждено крестною смертію Сына Божія; когда видимъ невѣрующихъ, которые счастливы, по видимому, тѣмъ, что могутъ позволить себѣ все, не страшась суда Божія, посмѣваясь надъ угрозами вѣчныхъ мученій. Будемъ взирать мысленно на крестъ Христовъ; вспомнимъ страшную участь Іуды, который за всѣ благодѣянія своего учителя и Господа заплатилъ Ему предательствомъ, — злощастную судьбу первосвященникову, книжниковъ и фари́сеевъ, которые, насмѣхаясь надъ Распятымъ, кричали: *Уа, разоряй Церковь и трети дни созидай, спасися Самъ и сниди со креста! иныя спасе, Себе-ли не можетъ спасти. Аще Царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста, и впруемъ Ему **). Вспомнимъ несчастную судьбу народа, который съ безмысленнымъ легкомысліемъ кричалъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!* Если громы небесныя не поражаютъ безстыдныхъ хульниковъ святѣйшаго имени Іисусова и святой Его Церкви; если земля не поглощаетъ безумныхъ поругателей Его креста и Евангелія; то это потому, что и за сихъ несчастныхъ пролита драгоцѣннѣйшая кровь Его, что и въ нихъ есть душа, драгоцѣнная въ очахъ Божіихъ, которой не хочетъ Онъ погибнуть; что неисповѣдимое долготерпѣніе Божіе даетъ имъ время вразумиться и покаяться, что мнимое торжество безумія ихъ превратится скоро въ вѣчный плачь и скрежетъ зубовъ.

Будетъ-ли смущаться сердце наше, миръ грѣшниковъ

*) Марк. 15, 29, 30; Мѣ. 27, 42.

зря, видя нечестивыхъ превозносящихся и высящихся яко кедръ ливанскій, а праведниковъ въ презрѣнїи, убожествѣ и униженїи, возмутятъ-ли душу нашу земныя скорби и печали житейскія? Будемъ паки взирать мысленно на крестъ Христовъ, и на немъ прочитаемъ утѣшительнѣйшее обѣтованіе Отца Небеснаго: *Азъ буду вамъ во Отца, и вы будете Мнѣ во сыны и дщери*. Ибо для того и распялся на крестъ Господь нашъ Исусъ Христосъ, чтобъ даровать намъ *область чадомъ Божиимъ быти, впрючимъ во имя Его*. *Вси бо вы сынове Божїи о Христѣ Исусѣ*, увѣряетъ насъ св. Апостоль. Если же Онъ — Отецъ нашъ — попускаетъ на насъ какое-либо злополучіе, то, безъ сомнѣнїя, потому что сего требуетъ наше вѣчное счастье и блаженство, что самая любовь Его находитъ сей именно крестъ нужнымъ и полезнымъ для насъ, что самая премудрость Его не обрѣтаетъ лучшаго средства къ исправленію, очищенію и спасенію нашему. *Его же бо любитъ Господь, наказуетъ, бѣтъ же всякаго сына, его же приѣмлетъ*. *А чашу, юже даде ми Отецъ, не имамъ-ли пити ея*, говорилъ едиnorodный Сынъ Божій. Крестъ, который подаетъ мнѣ премудрость и благодать Отца небеснаго, не буду-ли нести съ любовію и покорностію? Любовь Отца, наказующая сына согрѣшившаго, не подаетъ-ли утѣшеніе сыну покорному? *Мой еси ты*, говоритъ мнѣ Отецъ небесный, *и аще приходиши сквозъ воду, съ тобою есмь, и рѣки не потопятъ тебе, и аще сквозъ огонь пройдеши, не ожжешся, и пламень не опалитъ тебе*. *Призови мя въ день скорби твоея, и изму тя и прославиши Мя*. Будемъ взирать съ вѣрою на крестъ Христовъ, и узримъ позади его рай: *днесь со Мною будеши въ рай*, говорилъ Господь сораспятому съ Нимъ разбойнику, говоритъ и каждому страждущему съ вѣрою въ Него и преданностію св. волѣ Его: *Аще бо съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся*; — и чѣмъ тяжелѣе земныя скорби, тѣмъ свѣтлѣе небесныя радости, тѣмъ блаженнѣе упокоеніе въ дому Отца небеснаго.

Станетъ-ли злой врагъ нашъ діаволь смущать думу нашу сознаниемъ множества и тяжести грѣховъ нашихъ и приводить къ отчаянію? Будемъ взирать съ вѣрою на крестъ Хри-

стовъ и услышимъ съ него молитву Распятаго на немъ за самыхъ распинателей Его: *Отче, отпусти имъ, не видятъ бо что творятъ.* И узримъ написанное на крестѣ кровію Сына Божія: *яко кровь Иисуса Христа праведники очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха.* Се одесную креста кающійся разбойникъ которому говоритъ Самъ Господь: *днесь со мною будешь въ раи.* Се при подножїи креста жена блудница, омывшая нозѣ Иисусовы слезами и прїявшая оставленіе грѣховъ ея многихъ. Се созади креста плачущій Петръ, отрекшійся Господа и загладившій грѣхъ свой слезами и покаяніемъ. Не живое-ли это свидѣтельство того, что нѣтъ грѣха, который не очищался бы огнемъ всеожженія жертвы Голгоетской, нѣтъ беззаконія, которое не было-бы прощено во имя распятаго на крестѣ Сына Божія; нѣтъ нечистоты, которая не омывалась бы святѣйшею кровію Сына Божія. Очевидно само собою, что этимъ утѣшеніемъ отъ креста Христова можетъ услаждать душу свою только тотъ, кто взираетъ на него и поклоняется ему съ истиннымъ покаяніемъ. Напротивъ, для тѣхъ, которые, усыпляя совѣсть свою ложною надеждою, не хотятъ пробудиться отъ сна грѣховнаго, престать отъ грѣховъ и обратиться всѣмъ сердцемъ своимъ къ Богу, опутываютъ себя все болѣе и болѣе грѣховною привычкою и прилагаютъ беззаконія къ беззаконіямъ,—для нихъ со креста Христова слышится грозный гласъ прещенія и суда: *не плачьтеся о Мнѣ, обаче себе плачьте и чадъ вашихъ: аще бо въ суровъ древь сія творятъ, въ сусъ что будетъ *)?* Если такъ наказуется грѣхъ въ лицѣ Сына Божія, то чего ожидать вамъ, согрѣшающимъ волею по прїятїи разума истины, употребляющимъ во зло самое милосердіе Божіе, второе распинающимъ Сына Божія своею нераскаянностію и безчувствіемъ! Какой нераскаянный грѣшникъ убѣжитъ праведнаго Суда Божія? Какое беззаконіе не получитъ праведнаго возмездія въ гееннѣ огненной?

И такъ, если, вопреки всѣмъ глумленіямъ нечестивыхъ, мы зримъ во Иисусѣ Христѣ, и только въ Немъ одномъ,

*) Лук. 23, 28. 31.

Божію силу и Божію премудрость, единого истинного Сына Божія и Спасителя міра, единую надежду своего спасенія, единый источникъ своего счастья до гроба и за гробомъ; если готовы пребыть съ Нимъ и тогда, когда бы всѣ Его оставили и бѣжали,—хранить святую заповѣдь Его и тогда, когда бы весь міръ глумился надъ нами и преслѣдовалъ насъ, — исповѣдывать Его своимъ Господомъ и Богомъ и тогда, когда бы это исповѣданіе стоило намъ самой жизни;—то несомнѣнно мы идемъ вѣрою во слѣдъ Господа Иисуса. Если приедемъ всѣ скорби, мученія, озлобленія и бѣды съ тою непоколебимою увѣренностію, что все это попускается на насъ по премудрому и всеблагому промыслу Отца Небеснаго, и служить къ нашему очищенію, освященію и блаженству за гробомъ, приедемъ съ совершенною покорностію волѣ Божіей, съ глубокимъ смиреніемъ и сознаниемъ, яко достойная по грѣхомъ нашимъ восприемаемъ; то мы несемъ крестъ свой во слѣдъ Господа Иисуса.

Если не престаемъ оплакивать грѣхи свои, умоляя Господа о прощеніи и помилованіи, страшась оскорблять Его любовь и милосердіе новыми неправдами и беззаконіями, ужасаясь страшнаго и праведнаго Суда Его; то мы у ногъ Иисусовыхъ и услышимъ премилосердое слово Его: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои!* Аминь.

54. С Л О В О — Ш Е С Т О Е .

*Кресту Твоему поклоняемся,
Владыко!*

По благодати Божіей, мы переступили уже, брат., за половину св. поприща поста. И на этой срединѣ св. Церковь поставила животворящій крестъ Христовъ. Что это значить?

Св. Четыредесятница есть, брат., образъ всей временной нашей жизни, исполненной лишений и печалей, трудовъ и болѣзней. Ибо чѣмъ начинается она? Воспоминаніемъ изгнанія нашего изъ рая въ лицѣ перваго праотца. А чѣмъ оканчивается? Торжествомъ будущаго воскресенія нашего въ лицѣ воскресшаго изъ мертвыхъ Господа Иисуса Христа. Посреди

сего-то великаго поприща возвышается крестъ Христовъ, какъ священное знамя, подъ сѣнію котораго мы проходимъ скорбное поприще земной жизни къ будущей вѣчной радости и славѣ.

И такъ, что есть жизнь наша по своему началу? Время изгнанія и ссылки, страна пришельствъ и скитальчества внѣ роднаго намъ отечества, темница, въ которой заключены всѣ люди, какъ преступники Божественнаго закона. *И изгна Господь Богъ Адама изъ рая сладости*, сказавъ ему: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, тернія и волчцы возрастутъ тебѣ, въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой, въ печалѣхъ съищи тую вся дни живота твоего.* Съ того времени мы всѣ странники и пришельцы на земли сей, изгнанныки изъ дому Отца небеснаго, осужденные влачить жизнь свою въ печалѣхъ и скорбѣхъ, въ трудахъ и болѣзняхъ. Находясь въ изгнаніи, подъ карою гнѣва небеснаго, можемъ-ли искать и ожидать здѣсь веселія и радостей? Пребывая въ странѣ чуждой, внѣ дома отеческаго, можемъ-ли наслаждаться всегда покоемъ и пріятностями жизни? Находясь въ темницѣ и въ узахъ, можемъ-ли не страдать и не терпѣть скорби? Согрешая непрестанно, можемъ-ли не воздвигать на себя гнѣва Божія? Внося непрестанно нашими неправдами беспорядки и смущенія въ жизнь свою, можемъ-ли избѣжать ихъ горькихъ послѣдствій? Вотъ отсюда происходятъ, брат., тѣ огорченія, досады, неудачи, которыя каждый изъ насъ встрѣчаетъ въ своей жизни почти на каждомъ шагу;— тѣ неудовольствія, раздоры, озлобленія, которыя такъ часто доводится намъ терпѣть въ кругу близкихъ своихъ, въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ, въ сношеніяхъ семейныхъ и гражданскихъ; — тѣ потери, несчастія и бѣдствія, которыя попускаются на насъ или испытующею премудростію, или наказующею правдою Отца небеснаго; словомъ: все скорбное, горькое, печальное, чѣмъ отягощается жизнь наша, чѣмъ пресѣкаются и возмущаются наши радости, чѣмъ болѣзненно стѣсняется наше сердце. Тяжко-бремя на сынѣхъ Адамлихъ, говоритъ слово премудраго, — отъ дне исхода ихъ изъ утробы матерней до дне возвращенія въ утробу общей матери— земли. Какъ ни хотѣлось бы

свергнуть съ себя это тяжкое бремя, но—возложенное правосудіемъ Божиимъ—оно будетъ тяготѣть на насъ до самаго гроба. И какъ ни тяжело страдать и терпѣть; но страдать и терпѣть въ настоящей жизни нашей неизбѣжно.

Въ этомъ печальномъ убѣжденіи одна безотрадная скорбь и отчаяніе были бы нашимъ вѣчнымъ удѣломъ, если бы не явился въ утѣшеніе наше крестъ Христовъ. Онъ открываетъ намъ, что *Богъ бѣ во Христѣ примиряя міръ Себѣ, что Христосъ умре единою праведникъ за неправедники, да приведши ны Богови, и въ слѣдствіе того мы уже нынѣ страннии и пришельцы, но сожители святыхъ и присии Богу;* что Господь Иисусъ Христосъ, искупившій насъ Своими страданіями отъ вѣчной смерти и вошедшій крестомъ Своимъ въ славу Свою, даровалъ и намъ возможность искуплять грѣхи наши и исцѣлять душевные недуги наши страданіями временными, и путемъ скорбей и печалей восходить, во слѣдъ Его, въ вѣчную Его славу.

Что жъ послѣ сего земная, скорбная жизнь наша по своему концу? Изгнаніе, но не вѣчное, а временное, послѣ котораго намъ дозволено возвратиться въ наше небесное отечество; — темница, но не карательная, а исправительная, или лучше—это мѣсто воспитанія нашего, приготовительная школа для жизни вѣчной. Потому-то и устроена она такъ, какъ устроятся обыкновенныя мѣста воспитанія и обученія. Каждому опредѣленъ всевѣдніемъ Божиимъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго должно перейти отсюда въ вѣчность. Каждому назначено Промысломъ Божиимъ свое мѣсто въ обществѣ и свой кругъ дѣятельности между ближними, для испытанія нашей вѣрности Богу, чтобы вѣрный въ маломъ поставленъ былъ потомъ надъ многимъ. Каждому небесный Домовладыка взаимодалъ извѣстное число талантовъ для воздѣланія, чтобы Онъ могъ получить потомъ достойную мзду по дѣломъ своимъ. Надъ всеѣми бодрствуетъ и надзираетъ верховный наставникъ и Господь нашъ такъ бдительно, что ни одно самое сокровенное движеніе сердца нашего, ни одинъ помыслъ ума нашего не сокроется отъ Его всевѣднія, и ни одинъ власъ главы нашей не падетъ безъ воли Его; ничто не сбывается съ нами въ жизни, чего не

предвидѣль бы Всевѣдущій, чего не попустилъ бы Всемогущій, чего не могъ бы предотвратить Всепремудрый. Посему каждое событіе въ жизни нашей есть урокъ свыше, которымъ должно пользоваться къ своему наставленію и разумленію, къ исправленію и къ наказанію, еже въ правдѣ. Каждое обстоятельство — великое и малое, печальное и радостное — есть поученіе и наставленіе съ неба, которымъ должно поучаться и умудряться во спасеніе. Какъ поступаетъ съ нами небесный пѣстунъ и учитель нашъ Христосъ? Какъ мудрый и любящій Отецъ съ любимыми дѣтьми; а *его же любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же приемлетъ* *). Чѣмъ лучше и благонадежнѣе дѣти, тѣмъ строже охраняютъ и блюдутъ ихъ, тѣмъ болѣе взыскательны къ ихъ даже малымъ проступкамъ и неисправностямъ, тѣмъ опаснѣе устраняютъ ихъ отъ всякой роскоши и нѣги, тѣмъ менѣе позволяютъ имъ быть въ праздности и покоѣ. Дивно-ли, что на долю избранныхъ чадъ Божіихъ чаще достается въ этомъ мірѣ страдать и терпѣть, нежели веселиться и радоваться? Удивительно-ли, что и всѣмъ, ищущимъ царства небеснаго, любовь Божія чаще посылаетъ крестъ страданія, нежели масличную вѣтвь радости? Крестъ сей нуженъ намъ для очищенія насъ отъ всякія скверны плоти и духа, для исцѣленія насъ отъ закоренѣлой болѣзни грѣховной, для обученія насъ терпѣнію, смиренію и упованію на Бога, для совершеннаго обузданія нашего самолюбія и плотскихъ похотей, для совершеннаго покоренія воли нашей волѣ Божіей благой, угодной и совершенной: *зане пострадалъ въ плотию преста отъ грѣха*. Крестъ сей нуженъ намъ, чтобы ввести насъ въ соучастіе страстей Христовыхъ, дабы содѣлать потомъ участниками въ Его воскресеніи и славѣ: *аще бо съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся*. Посему-то св. апостолы учатъ насъ не только не скорбѣть, когда любовь Божія находитъ нужнымъ посѣщать насъ бѣдствіями и скорбями, а паче радоваться во страданіяхъ: *всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадете различна, вѣдѣюще, яко искушеніе*

*) Евр 12, 6.

*вашей вѣры содѣлываетъ терпѣніе; терпѣніе-же дѣло совершенно да имать, да будете совершенни и всецѣли, ни въ чемъ-же лишени *)*. Истинное горе тому, кто, проведя жизнь въ удовольствіяхъ и радостяхъ плотскихъ, услышитъ, по смерти, изъ устъ своего судіи и Господа: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоимъ*.

Благословенъ Господь, Который, по милосердію Своему, достойныхъ вѣчныхъ мукъ наказуетъ насъ только временными преходящими скорбями, огорчаетъ в малѣ, чтобы милостію вѣчною помиловать насъ. Благословенъ Господь, Который въ собственномъ крестѣ Своемъ подаетъ намъ благодатную силу переносить всю тяготу скорбной жизни нашей съ отраднымъ упованіемъ вѣчной жизни въ дому Отца небеснаго. Благословенъ Господь, Который, ради собственныхъ страданій Своихъ, и эти временныя скорби вмѣняетъ намъ въ заслугу и обѣщаетъ вознаградить ихъ нескончаемое радостію на небѣ! Здѣсь все временно; и все только на время тамъ все вѣчно, и все простирается въ вѣчность. Здѣсь, какъ бы ни была тяжела скорбь, пройдетъ скоро и не помянется во вѣки; но вѣчной радости и блаженства на небѣ не будетъ конца! Пройдетъ и вся четырехдесятница жизни нашей, и наступитъ вѣчная Пасха въ невечернемъ дни Царствія Христова. Тамъ-то соберутся всѣ *иже приидоша отъ скорби великія, и испраша ризы своя и убѣлиша ризы своя въ крови Агнчи*; тамъ упокоятся всѣ труждающіеся и обремененніе нынѣ. *Не взычутъ къ тому, ниже взыждутъ; и отыметъ Богъ всякую слезу отъ очю ихъ, и радость вѣчная надъ главою ихъ будетъ ***). Аминь.

55. С Л О В О — С Е Д Ъ М О Е.

По благодати Божіей, мы прешли уже, брат., половину поприща св. поста. Быть можетъ, нѣкоторые и изъ ревностныхъ постниковъ начинаютъ чувствовать нѣкое утомленіе и изнеможеніе отъ постническихъ подвиговъ, отсѣкающихъ всякое утѣшеніе плоти. Но можетъ быть, иные, и

*) Іак. 1, 2—4.

**) Апок. 7, 14, 16, 17.

дошедъ до половины поста, не начинали, какъ должно, того главнаго подвига, который составляетъ сущность и цѣль поста, т. е. истиннаго покаянія, дѣйствительнаго исправленія и обновленія своей жизни. Для тѣхъ и другихъ св. Церковь представляетъ нынѣ—въ преполовленіе поста животворящій крестъ Христовъ въ утѣшеніе и ободреніе однимъ, въ угрозу и обличеніе другимъ. Примемъ же, возлюбленніи, съ равною любовію и матернее утѣшеніе и матернее обличеніе св. Церкви въ животворящемъ крестѣ Христовомъ.

И во-первыхъ, да обрящутъ утѣшеніе отъ животворящаго креста Христова вѣрныя и послушныя чада св. Церкви, ходящія во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ ея безпорочно, которыя въ св. дни поста усердно подвизаются въ пощеніи и молитвахъ, въ покаяніи и очищеніи себя отъ всякія скверны, въ дѣлахъ любви и благотворенія. Братія святая, званія небснаго причастницы! Сей распятый и страждущій на крестѣ есть Законодатель, Подвигоположникъ и Началовождь, который собственнымъ примѣромъ Своимъ указалъ намъ тотъ путь спасенія, по которому руководствуетъ насъ св. Церковь. Что-жь можетъ быть утѣшительнѣе и благонадежнѣе, какъ идти во слѣдъ Самого Господа Иисуса? Намъ заповѣдано св. Церковію изнурять плоть свою постомъ, обезсилить и погашать плотскія вожделѣнія и страсти строгимъ воздержаніемъ и отреченіемъ отъ всего, что служитъ къ угожденію плоти. Это воистину путь Христовъ. Такъ поступалъ Самъ Подвигоположникъ и Господь нашъ. Будучи безстрастенъ по естеству, Онъ постился четыредесять дней въ пустынѣ, чтобы побѣдить искушителя, который, по Его же ученію, ничимъ же побѣждается, *только молитвою и постомъ*. Питая чудесно другихъ, Онъ Самъ нервѣдго алкалъ и жаждалъ и, страдая на крестѣ, въ тяжкихъ мукахъ вопіялъ: *жажду!* *Блудите*, такъ учитъ Онъ и насъ,—*блудите, да не когда отягчаютъ сердца ваша обгяденіемъ и пѣанствомъ и печальми житейскими, и внезапно найдеть на вы день той* *). Намъ повелѣвается въ бодрствованіи и молитвахъ проводить то время, когда другіе или покоятся на ложахъ

*) Лук. 21, 34.

своихъ, или веселятся веселіемъ плотскимъ. И въ этомъ мы подражаемъ Господу. Трудясь весь день въ ученіи и благо-твореніи, все почти время ночи Онъ посвящалъ уединенной молитвѣ ко Отцу Своему, а въ послѣднюю ночь пребыванія Своего на землѣ Онъ молился до кроваваго пота. *Бдите и молитесь*, заповѣдуетъ Онъ и намъ: *да невнидете въ напасть: духъ убо бодръ, плоть же немощна*. Намъ учитъ св. Церковь, чтобы, постясь и сѣтуя о грѣхахъ и немощахъ своихъ сами, мы тѣмъ болѣе чувствовали потребность утѣшать страждущихъ своихъ братьевъ,—отъемля у самихъ себя, раздѣлять съ немощными,—оставляя заботу и попеченіе о самихъ себѣ, спѣшить съ своею помощію къ нуждающимся въ ней. Такъ дѣйствовалъ и Господь нашъ: *не имѣя Самъ гдѣ главы поклонити*, Онъ благодѣтельствовалъ несчастнымъ, утѣшалъ плачущихъ, питалъ алчущихъ, не хотѣлъ вкушать пищи прежде, нежели сотворить дѣло, *еже даде Ему Отецъ*, — дѣло милосердія и любви. За преданность св. вѣрѣ и Церкви, за строгое исполненіе ея заповѣдей, постановленій и уставовъ, нѣкоторымъ, быть можетъ, доводится быть предметомъ пререканія, осужденія, насмѣшекъ и глумленія людей легкомысленныхъ и преданныхъ міру? Не смущайтесь, паче же радуйтесь сему. Это вѣрный знакъ, что вы *нѣсте отъ міра сего; аще бы отъ міра сего бысте были, міръ убо свое любилъ бы*. Это благонадежное свидѣтельство, что вы идете во слѣдъ Божественнаго Страдальца. Его, нашего Господа, міръ прежде васъ возненавидѣлъ; злобный языкъ нечестивыхъ не преставалъ поносить Его и тогда, когда Онъ исцѣлялъ болящихъ, отпускалъ грѣхи кающимся, призывалъ къ упокоенію трудящихся и обремененныхъ,—издѣваться надъ Нимъ и тогда, когда Онъ, распинаемый на крестѣ, молился за Своихъ распинателей, — хулить Его и тогда, когда Онъ въ тяжкихъ мѣкахъ предавалъ Духъ Свой Богу Отцу. Среди міра, во злѣ лежащаго, среди многообразныхъ столкновеній и противоборства страстей человѣческихъ всякому, *хотящему благо-честно жити*, идти прямымъ и царскимъ путемъ заповѣдей Господнихъ, быть вѣрнымъ долгу истины и правды, безъ сомнѣнія, доводится терпѣть не мало озлобленій и не-

правдѣ, измѣнѣ и коварствѣ, обидѣ и притѣсненіи. Но, братъ, возлюбленная, вспомните, сколько навѣтовъ, гоненій, озлобленій, измѣнъ и коварствъ претерпѣлъ Господь нашъ отъ тварей Своихъ, за которыхъ Онъ пришелъ пролить кровь Свою и положить душу Свою? Вспомните, какъ Онъ много-милостивый не преставаеъ называть другомъ Своего предателя въ самую минуту его коварнаго лобзанія: *друзе, твори на неже пришелъ еси!* Вспомните, какъ многократно и мы сами и словомъ, и дѣломъ, и желаніемъ, и помышленіемъ грѣховнымъ оскорбляемъ и прогнѣвляемъ своего Господа; а Онъ милосердый любитъ насъ, щадитъ насъ, милосердуеъ о насъ, сохраняетъ насъ, благотворитъ намъ! И за маловременныя наши скорби, за малое наше служеніе Ему, за краткое терпѣніе ради имени Его, смотрите, какую славу и какое блаженство уготовляетъ Онъ любящимъ Его! *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ. Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хочу, да идѣже есмь Азъ, и ти будутъ со Мною, да видятъ славу Мою!**) И теперь Онъ вездѣсущій всегда и вездѣ съ нами и въ насъ, видитъ всѣ добрыя дѣла наши, хотя бы они были сокрыты отъ взоровъ всего міра, знаетъ всѣ благія хотѣнія, всѣ святыя помыслы и намѣренія наши, какъ-бы глубоко ни были они сокрыты въ нашемъ сердцѣ, видитъ всякую слезу, пролитую нами въ смиреніи, терпѣніи, умиленіи и сокрушеніи предъ Нимъ. Придетъ славный день суда и воздаянія, когда Онъ явитъ добродѣтель избранныхъ Своихъ предъ соборомъ ангеловъ и челоуѣковъ, прославитъ ихъ славою, юже имѣлъ Онъ у Отца прежде сложенія міра; они услышатъ возжеланный гласъ Его: *приидите, благословеніи Отца Моего, насладитесь уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.* Какая радость сравнится тогда съ ихъ радостію! Какое блаженство уподобится ихъ блаженству!

Да обрящутъ утѣшеніе отъ животворящаго креста Христова нашпаче тѣ изъ насъ, которыхъ сердца коснулась благодать Божія и поразила его скорбію покаянія, которые

*) Іоан. 12, 26; 17, 24.

томятся чувством тяжести многихъ грѣховъ своихъ, искренно сокрушаются и болѣзнуютъ о неправдахъ своихъ. Братія возлюбленная! *Сей язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наша*; во оставленіе грѣховъ нашихъ пролита святѣйшая кровь Его; въ Его язвахъ сокрыты всѣ грѣхи человѣческіе отъ лица правды Божіей; Его крестъ есть залогъ прощенія намъ всѣхъ грѣховъ: *кровь Іисуса Христа праведника очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха*. Приблизьтесь съ упованіемъ къ сему древу жизни и спасенія, свергните бремя, тяготящее вашу совѣсть, при подножїи креста Христова сокрушеннымъ и смиреннымъ исповѣданіемъ ихъ предъ служителемъ таинъ Божїихъ. Здѣсь ожидаетъ васъ прощеніе и помилованіе: *аще бо исповѣдаемъ грѣхи наши, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша*. Се одесную креста Христова кающійся разбойникъ, которому говоритъ Самъ Господь: *днесь со Мною будешь въ раи*. Се при подножїи креста Христова жена грѣшница, омывшая ноги Его слезами и прїявшая оставленіе грѣховъ ея многихъ. Се созади креста Христова плачущій Петръ, отрекшійся Господа и паки чрезъ покаяніе содѣлавшійся верховнымъ апостоломъ. Се прямо креста Христова языческій сотникъ, исповѣдавшій Распятаго Сыномъ Божїимъ и соравнявшійся апостоламъ въ царствїи Божїемъ. Подражайте ихъ покаянію, и наслѣдуете съ ними оправданіе и жизнь вѣчную. Но, обратившись къ Богу всѣмъ сердцемъ своимъ, не удаляйтесь отъ Него опять на страну далече, гдѣ ожидаетъ васъ скорбь и тѣснота. Оправдавшись отъ грѣховъ своихъ покаяніемъ, не возбуждайте опять правды Божіей новыми неправдами, иначе: *лукъ свой направитъ, и изостритъ стрѣлы своя, и онѣ падутъ на главу вашу. Волею бо согрѣшающимъ намъ, по прїятїи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва; страшно-же нѣкое чаяніе суда и огня ревность помысли хотѣющаго сопротивныя* *).

Но какъ и для чего приступать къ животворящему кресту Христову тѣ изъ насъ, которые и въ святые дни поста и

*) Евр. 10, 26. 27.

покаянія продолжаютъ ту же грѣховную, суетную, плотоугодную жизнь, какъ и прежде, какъ и всегда, которые, быть можетъ, и послѣ обряда исповѣди остаются тѣми-же, какъ и прежде, съ тѣми-же страстями и съ тѣми-же нечувствіемъ и окаменѣніемъ сердечнымъ? Какъ облобызаютъ пречистыя ноги Иисусовы тѣ, которые блуждаютъ еще по распутіямъ порока и не вступили на путь истиннаго покаянія, дѣйствительной борьбы съ своими страстями? Какъ прикоснутся къ прободенному ребру Христову тѣ, коихъ сердце и во дни умиленія не престаеетъ источать только *злыя пожеланія, татѣбы, лихоимства, обиды, лукавствія, лести, студодѣянія, хулы, гордыни, безумство*? Какъ прикоснутся къ пречистымъ устамъ Христовымъ, вкусившимъ оцетъ съ желчію, тѣ, коихъ нечистыя уста отверзаются только на празднословіе и злословіе, на осужденіе и оклеветаніе, на ропоть и негодованіе? Какъ воззрять на изъязвленную плоть Христову, висящую на крестѣ, тѣ, которые съ малодушіемъ уступаютъ всякому требованію плоти, угождаютъ всѣмъ своимъ прихотямъ, бояся отказать себѣ даже въ излишней и прихотливой пищѣ и одеждѣ? Будутъ-ли и они поклоняться Распятому на крестѣ? Но чѣмъ-же эти поклоненія будутъ отличны отъ тѣхъ колѣнопреклоненій, коими воины Пилатовы привѣтствовали осужденнаго на крестъ Иисуса? Будутъ-ли и они лобызать язвы Христовы? Но чѣмъ-же эти лобзанія лучше будутъ лобзанія Іудина? Видите, возлюбленніи, какъ нераденіе наше и самыя спасительныя страданія Христовы можетъ обратить въ осужденіе намъ, и крестное слово утѣшенія премѣнить въ слово горькаго обличенія; какъ изъ одной чаши завѣта вѣчнаго христіанинъ, вѣрный своему имени, бдительный о своемъ спасеніи, или обновляющійся истиннымъ покаяніемъ, шлетъ жизнь вѣчную, а нерадящій о своемъ спасеніи, безчувственный ко гласу благодати Божіей шлетъ вѣчное осужденіе!

Но св. Церковь предлагаетъ и имъ животворящій крестъ Христовъ въ надеждѣ, что благодатная сила креста коснется и ихъ сердца и возбудитъ ихъ отъ тяжкаго сна грѣховнаго. *Усрамятся сына моего!* говорилъ господинъ винограда, посылая къ возмутившимся противъ него дѣлателямъ едино-

роднаго своего сына. Усрамятся язвъ Сына Божія, какъ-бы такъ говоритъ св. Церковь о заблуждающихъ и непокоривыхъ чадахъ своихъ, представляя взорамъ ихъ животоворящій крестъ Христовъ. Можетъ быть, взоръ на Божественнаго Страдальца напомнитъ именующимся христіанами, что они крестились въ смерть Христову, общались служить Господу, а не міру и діаволу, угождать Богу, а не плоти своей, повиноваться волѣ Божіей, а не похотямъ и страстямъ своимъ. Можетъ быть, взоръ на орудіе страданій Сына Божія сотрясетъ чью-либо совѣсть, поразитъ чье-либо сердце, произведетъ спасительную перемѣну мыслей и чувствъ! Можетъ быть, найдутся души, хотя и грѣшныя, но не испавшія еще во глубину золь, не дошедшія еще до крайняго ожесточенія, которыя возвратятся изъ храма, какъ возвращались многіе съ Голгофы, — *біюще перси своя!* И почему-жь бы не сбылась надъ нами, брат., эта надежда св. Церкви? Неужели захочетъ кто собственнымъ опытомъ доказать, что сила грѣха и діавола могущественнѣе силы благодати и креста Христова? Неужели надѣется кто укрыться гдѣ-либо отъ лица правды Божіей, а не подъ сѣнію креста Христова покаяніемъ и обновленіемъ духа? Неужели мечтаеть кто избѣжать страданій и мукъ другимъ путемъ, а не путемъ вѣры, покаянія и благочестія христіанскаго? *Не льститесь, возлюбленніи, Богъ поругаемъ не бываетъ. Отверглся ли кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтеляхъ, умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завітную скверну возмнивъ, и Духа благодати укоривый? Страшно же есть еже власти въ руку Бога живаго, имущаго власть и тѣло и душу погубити въ гееннѣ огненнѣй *)*. Аминь.

*) Евр. 10, 29. 31.

56. С Л О В О — В О С Ъ М О Е .

Рече Господь: иже хочет по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядеть.

Труденъ и прискорбень этотъ путь, къ которому призываетъ насъ Господь; ибо во слѣдъ Господа нужно идти на лишенія и скорби, труды и страданія. Требуется не менѣе, какъ отвергнуться себе, т. е. естественной любви къ самому себѣ, прирожденныхъ намъ худыхъ наклонностей и желаній, сродныхъ нашему сердцу грубыхъ и нечистыхъ чувствованій и стремленій; плѣнить непокоривый разумъ свой въ послушаніе вѣры; покорить совершенно и всецѣло свое самолюбіе и самоволіе волѣ Отца небеснаго и закону Христову,—словомъ, распять плоть свою со страстьми и похотьми, какъ говоритъ св. Апостоль. Такая жизнь, исполненная непрестанныхъ лишеній, непрестаннаго противодѣйствія собственнымъ понятіямъ, склонностямъ и стремленіямъ, не можетъ не приводить въ уныніе и малодушіе.

Но, брат. мой, этотъ тѣсный и прискорбный путь прошелъ за насъ и для насъ Самъ Единородный Сынъ Божій Господь славы, и намъ остается только послѣдовать стопамъ Его. Господь Иисусъ Христосъ не только Законодатель, но и Подвигоположникъ, не только Учитель, но и Началовождь, который собственнымъ примѣромъ Своимъ указалъ, освятилъ и уравниалъ для насъ этотъ путь къ царствію Божію, на которому заповѣдуетъ намъ идти во слѣдъ Себе. *Тако подобаше пострадати Христу и внити въ славу Свою;* такъ подобаешь и намъ очищать себя отъ всякой скверны плоти и духа и восходить въ славу чадъ Божіихъ самоотверженіемъ, терпѣніемъ и трудами.

Намъ заповѣдуются распинать плоть свою со страстьми и похотьми, т. е. обезсилить и погашать плотскія вожделѣнія и страсти строгимъ воздержаніемъ во всемъ, даже въ пищѣ, отреченіемъ отъ всего, что служить къ угожденію, услажденію и насыщенію чувственныхъ пожеланій. Но не такъ-ли поступалъ Самъ Подвигоположникъ и Господь нашъ?

Будучи безстрастенъ по естеству, Онъ постился четыредесять дней въ пустынѣ, чтобъ побѣдить искушителя, который, по Его же слову, не инымъ чѣмъ побѣждается, какъ молитвою и постомъ. Питая чудесно другихъ, Онъ Самъ алкалъ и жаждалъ и, страдая на крестѣ, въ тяжкихъ мукахъ вопіялъ: *жажду!* Тѣмъ болѣе все это необходимо намъ—страстнымъ и преданнымъ подь грѣхъ. Посему-то и заповѣдуетъ намъ Господь: *блюдите, да не когда отягчаютъ сердца ваша обзяденіемъ и пѣанствомъ и печальми житейскими, и внезапно найдетъ на васъ часъ той **),— часъ смерти и суда Божія.

Намъ повелѣвается проводить въ молитвѣ и славословіи Богу, въ богомыслии и чтеніи Слова Божія все то время, которое остается у насъ отъ обыкновенныхъ дѣлъ нашего званія; вмѣсто всякихъ забавъ и удовольствій чувственныхъ идти въ храмъ Божій, молиться и поучаться Слову Божию, или идти въ домъ печали утѣшать убогаго и страждущаго своего ближняго. Такъ поступалъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Трудяся весь день въ ученіи и благодѣяніи, все почти время ночи Онъ посвящалъ уединенной молитвѣ ко Отцу Своему, а въ послѣднюю ночь пребывания своего на землѣ Онъ молился до кроваваго пота. *Бдите и молитесь*, заповѣдуетъ Онъ намъ: *да не внидите въ напасть, духъ бо бодръ, плоть-же немощна: сего ради глаголю вамъ: бдите и молитесь ***).

Намъ вмѣняется въ обязанность, чтобы мы, скорбя и сѣтуя о грѣхахъ своихъ, всегда готовы были утѣшать страждущихъ своихъ собратій,—отъемля у самихъ себя, раздѣлять съ немощными,—оставляя заботу и попеченіе о самихъ себѣ, спѣшить на помощь другимъ. Но не такъ-ли поступалъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ? Не имѣя Самъ, гдѣ главы подблонити, Онъ благодѣтельствовалъ несчастнымъ, утѣшалъ плачущихъ, питалъ алчущихъ, исцѣлялъ больныхъ и страждущихъ, не хотѣлъ вкушать пищи прежде, нежели сотворить дѣло, еже даде Ему Отець, — дѣло милосердія и любви. Что-же были бы мы за послѣдователи Христовы,

*) Лук. 21, 34, **) Мѣ .26, 41.

если бы не послѣдовали Его примѣру любви и милосердія? И можемъ-ли нарицаться и быть сынами Вышняго, если не будемъ милосерды, *якоже и Отецъ нашъ небесный милосердъ есть?*

Намъ повелѣвается прощать своимъ ближнимъ всѣ прегрѣшенія ихъ предъ нами, всѣ оскорбленія и обиды, всѣ пререканія, осужденія, посмѣянія и глумленія людей легкомысленныхъ и преданныхъ міру. Такъ поступалъ и Самъ Господь нашъ. Онъ *укоряемъ противу не укоряше, стражда не прещаше, предаше же Судящему праведно: яко овца ни заколеніе ведеша, яко агнецъ прямо стрегущему его безгласенъ; тако не отверзаше устъ своихъ.* Онъ плакалъ объ Іерусалимѣ и народѣ, осудившемъ и предавшемъ Его на смерть, не преставаъ называть другомъ своего предателя въ самую минуту его коварнаго лобзанія, молился за тѣхъ, которые распинали Его на крестѣ. Такъ заповѣдуетъ Онъ и намъ: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть. Аще бо отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваша* *).

Намъ заповѣдуются переносить всѣ скорби и бѣдствія, всѣ напасти и искушенія съ благодушіемъ и покорностію волѣ Божіей. Вспомни же, возлюбленный, сколько бѣдъ и напастей, сколько страданій и мученій претерпѣлъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? И отъ кого претерпѣлъ? Отъ падшихъ и заблудшихъ тварей Своихъ, за которыхъ пришелъ Онъ пролить святѣйшую кровь Свою и положить Свою душу. За кого претерпѣлъ? За всякаго челоуѣка, кто-бы онъ ни былъ, за самага послѣдняго грѣшника, на котораго съ презрѣніемъ смотрять его собратія, за самага ужаснаго злодѣя и беззаконника, отъ котораго невольно и съ ужасомъ отвращается и наше грѣхολюбивое сердце. Какъ же намъ грѣшнымъ роптать и малодушествовать, когда Господь попускаетъ на насъ какія-либо скорби и напасти за грѣхи наши? *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоже приемотъ. Судимы же, отъ Господа наказуемъ, да не съ міромъ осудимъ.*

* Мв. 6, 14.

Такъ надобно намъ, братіе, съ терпѣніемъ тещи на *предлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса, иже вмѣсто подлежащія Ему почести, претерпѣвъ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сяде* *). И что можетъ быть утѣшительнѣе и благонадежнѣе, какъ идти во слѣдъ своего Господа? За маловременныя наши скорби, за малое наше угожденіе Ему, за краткое терпѣніе ради имени Его, — смотрите, какую славу и какое блаженство уготовляетъ Онъ любящимъ Его! *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ, и идыже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ. Отче, молился Онъ ко Отцу Своему: иже далъ еси Мнѣ, хошу, да идыже есмь Азъ, и тии будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже имѣхъ у Тебе прежде сложенія міра!* *)

Но прежде всего намъ должно, братіе мои, обращать взоръ свой къ распятому на крестѣ Господу, когда собственныя страсти наши, разжигаясь внутреннею, живущею въ насъ, похотію и внѣшними соблазнами, будутъ увлекать насъ къ порочнымъ наслажденіямъ, будутъ заглушать нашу совѣсть и склонять сердце къ дѣламъ беззаконія и неправды. Тогда-то нужнѣе всего живо представлять себѣ страждущаго за грѣхи наши Господа. Видите-ль, какъ ужасенъ и что влечетъ за собою грѣхъ, сколько страданій и мученій претерпѣлъ за него Единородный Сынъ Божій! Се пресвятая глава Его избита тростію, изъязвлена терніемъ за тѣ преступныя и нечистыя, горделивыя и презорливыя, самолюбивыя и завистливыя, безумныя и богохульныя помыслы и мечтанія, которыми наполняются и кружатся человѣческія головы. Се пречистыя очи Его, тмами темъ свѣтлѣйшія солнца, наполняются слезами и кровію, терпятъ нечистыя заплеванія и помрачаются сномъ смерти — за тѣ завистливыя и зложелательныя, безстудныя и глумливыя, соблазняющіе и соблазняющіеся взоры, которыми такъ легкомысленно играютъ люди, за тѣ безумныя смѣхи, за ту ненасытную жажду безстудныхъ зрѣлищъ, которыми привыкли наслаждаться необузданныя и нецѣломудренныя глаза. Се пречистыя уста Его,

*) Евр. 12, 1. 2. ••) Иоан. 12, 26; 17, 24.

источавшія слово жизни и спасенія, слово любви и милосердія, слово утѣшенія и состраданія, сокрушенныя удареніями злочестивыхъ рукъ, запекшіяся кровію, сомгнулись смертію—за тѣ праздныя и гнилыя слова, за тѣ зложелательныя и пересудливыя рѣчи, за тѣ безумныя и кощунныя шутки, которыя такъ неудержимо выходятъ изъ нечистыхъ устенъ человѣческихъ. Се пречистыя руки Его, простиравшіяся токмо на благословенія и благодѣянія, на исцѣленія страждущихъ, на питаніе алчущихъ, на воскрешеніе мертвыхъ, пригвождены ко кресту—за то, что наши нечистыя руки простираются на мздонство и лихоиманіе, на хищеніе и неправду, на обиды и притѣсненія ближнихъ. Се любвеобильное сердце Его, жаждавшее нашего спасенія, жившее и дышавшее одною любовію къ людямъ, пронзено копіемъ—за тѣ нечистыя похоти и вожделѣнія, за тѣ злобныя и человѣконенавистныя пожеланія, за то ненасытное стремленіе къ плотскимъ удовольствіямъ, за тѣ студныя ощущенія и чувства, которыми живетъ и услаждается наше грѣхолюбивое сердце. Словомъ, вся пречистая плоть Его изъязвлена, изранена, измучена, самая пресвятая душа Его была прискорбна даже до смерти и испытала болѣзни адовы—за то, что мы, окаянные грѣшники, и душу и тѣло свое содѣлали жилищемъ и орудіемъ грѣха.

Что же дѣлаемъ мы, когда, зная все это, отвергаемъ волю Божію, преступаемъ Его св. заповѣди, когда, омывшись и оправдившись кровію Единороднаго Сына Божія, опять поворачиваемся въ грѣховныя нечистоты и скверны, когда заглушаемъ совѣсть свою и предаемъ ее въ жертву страстей и похотей, не хотимъ преодолѣть грѣховную привычку и избавиться покаяніемъ изъ сѣтей діавола. Въ такомъ случаѣ мы второе распинаемъ Сына Божія въ себѣ, какъ говоритъ св. Апостолъ. Какъ скоро возникаетъ нечистый грѣховный помыселъ въ умѣ нашемъ, какъ скоро пробуждается преступное пожеланіе въ нашемъ сердцѣ, въ душѣ нашей открывается судъ, какъ въ преторіи Пилатовой. Господь Іисусъ Христосъ и Его св. Евангеліе ожидаютъ нашего приговора. Если отринемъ злой помыселъ, погасимъ нечистую похоть, отворотимъ очи свои отъ соблазна; тогда сами распнемся со

Христомъ и распнемъ плоть свою со страстьми и похотьми. Если же уклонимся на сторону грѣха, дадимъ возобладать надъ собою злой похоти, рѣшимся преступить заповѣдь Божию, — второе осудимъ на смерть Господа, второе распнемъ Сына Божія въ себѣ. Второе продадимъ Его, подобно Іудѣ, когда изъ жадной корысти готовы обмануть и обидѣть, притѣснить и озлобить своего брата. Второе предадимъ истязаніямъ, мученіямъ и пропятію пречистую плоть Его, когда предадимся невоздержанію и плотоугодію, когда изъ за трапезы Господней пойдемъ на трапезу бѣсовскую, и возьмъ уды Христовы, творимъ ихъ удами блудничими. Второе осудимъ Его на пропятіе, подобно Пилату, когда дѣйствіями нашими управлять будетъ не законъ Божій и чистая предъ Богомъ совѣсть, а лицепріятіе, корысть и челоуѣкоугодничество. Второе хулимъ Распятаго, издѣваемся надъ Нимъ, подобно іудеямъ, когда осуждаемъ и порочимъ своего ближняго, издѣваемся надъ его немощами, презираемъ его въ скудости и убожествѣ, съ злорадствомъ насмѣхаемся надъ его ошибками и заблужденіями. Второе измѣняемъ Господу и отрицаемъ Его, когда, вѣдая св. волю Его, преступаемъ ее, отвергаемъ благодать Божию, призывающую насъ къ покаянію. Что-жъ будетъ съ нами, когда Распятый за грѣхи наши Господь явится паки на облацѣхъ небесныхъ со славою мною, когда Онъ представитъ намъ крестъ Свой, покажетъ язвы Свой въ обличеніе наше? Не будетъ ли участь наша злосчастнѣе участи распинателей Христовыхъ, которые не вѣдали, подобно намъ, что распинаютъ Сына Божія? Не будемъ ли осуждены достойно и праведно въ страшнѣйшую область мрака, въ глубочайшую бездну ада, гдѣ вѣчный, немолгающій плачь и скрежетъ зубовъ?

Вотъ почему, брат. мои, св. Церковь возлагаетъ на насъ крестъ при самомъ крещеніи нашемъ, чтобы мы, нося его на персяхъ своихъ, непрестанно имѣли въ умѣ и сердцѣ своемъ Распятаго за грѣхи наши Господа и боялись грѣха, какъ яда смертоноснаго, и бѣгали его, какъ огня геенскаго! Вотъ для чего научали насъ издѣтства знаменать себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы мы, ограждая себя симъ спасительнымъ знаменіемъ, при всякомъ дѣлѣ нашемъ поминали стра-

данія Христовы и будущій судъ Божій и все творили во славу Божию, не отступали отъ заповѣдей Божіихъ ни за какія блага міра, не попирали своей совѣсти ни за какія сокро-вища и утѣхи, не измѣняли своему Господу и Его св. Еванге-лію даже до смерти, помнили и поминали всегда св. слово Господа Иисуса Христа: *иже хоцетъ по Мнѣ ити, да от-вержетъ себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ*. Аминь.

57. СЛОВО—НА ПАССІЮ.

Не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точію Иисуса Христа, и сего распята (1 Кор. 2, 2).

Писалъ св. Апостолъ Павелъ къ Коринѣскимъ ученигамъ своимъ,—потому, безъ сомнѣнія, что въ одномъ вѣдѣніи Иисуса Христа состоитъ вся вѣра и все упованіе наше; въ немъ все наставленіе и все утѣшеніе христіанское. Подобное го-воритъ намъ нынѣ—не словами, а дѣйствіями—св. Церковь: чаще всего воспоминаетъ она во дни поста и покаянія о крестныхъ страданіяхъ и смерти Искупителя,—потому, ко-нечно, что и для насъ въ настоящее время полезнѣе и необходимѣе всего знать и памятовать Иисуса Христа, *и сего распята*. И дѣйствительно, чего хоцетъ отъ насъ теперь св. Церковь? Хоцетъ нашего обращенія и покаянія. Какое же можетъ быть лучшее и дѣйствительнѣйшее побужденіе къ покаянію, какъ не мысль о крестной смерти Искупителя на-шего? Ибо здѣсь открывается во всей ужасной силѣ своей тяжесть грѣховъ человѣческихъ; здѣсь является во всемъ безконечномъ величій своемъ правда Божія; здѣсь усматри-ваемъ во всемъ безмѣрномъ ужасѣ казни, уготованныя за грѣхъ.

Не малымъ поводомъ къ нашему легкомыслію и безопасности въ дѣлѣ спасенія служитъ кажущаяся неважность и какъ бы невинность грѣхопаденій нашихъ. Каждый грѣхъ, исключая великихъ злодѣяній, намъ представляется дѣломъ столь обыкновеннымъ, что мы почти не обращаемъ на него вниманія;

пріобыкшее ко всему чувство остается покойнымъ, притупившаяся совѣсть или молчитъ, или отзывается только легкимъ укоромъ. Прошло нѣсколько минутъ, и мы забыли обо всемъ. Намъ кажется, что столько же маловажны грѣхотпаденія наши предъ взоромъ Отца небеснаго и такъ же переходятъ и забываются и предъ всевѣдніемъ Божественнымъ. Но станемъ прямо креста Христова, и увидимъ, какъ нетерпимо предъ лицомъ правосудія Божественнаго всякое преступленіе воли Божіей и какъ ужасенъ для насъ всякій грѣхъ нашъ! Онъ кажется намъ только минутнымъ забвеніемъ долга, но, видите-ль, какъ дѣйствія его простираются на всю вѣчность? Онъ совершается на землѣ, а колеблетъ самое небо; совершается человѣкомъ, а для заглаженія его нужны были крестныя страданія Сына Божія. Отчего такъ? Оттого, что грѣхъ, какъ бы ни казался намъ маловажнымъ, всегда есть наглое оскорбленіе величія Божія, предъ коимъ трепещутъ херувимы и серафимы, предъ коимъ преклоняются архангелы и ангелы; есть явное возмущеніе твари противъ всемогущаго Творца, коему служитъ со трепетомъ все созданіе; есть дерзкое возстаніе неблагодарнаго сына противъ благодѣющаго ему Отца; есть безумное превращеніе того закона и порядка, коимъ держится и существуетъ вся вселенная; есть преступное возмущеніе царства Божія, царства мира и блаженства. Не заслуживаетъ ли же дерзновенный презритель славы Божіей вѣчнаго отверженія отъ лица Божія? Не стоитъ ли преступный возмутитель царства Божія быть низринутымъ изъ среды его на всю вѣчность? Не достоинъ ли наглый оскорбителъ правды Божіей нескончаемыхъ мукъ геенны? Такъ, всякое преступленіе закона Божія, сколько бы ни казалось оно малымъ, есть грѣхъ; а всякаго грѣха неминуемое слѣдствіе—*вѣчная смерть!*

Съ другой стороны, не мало обольщаетъ насъ и то, что въ настоящей жизни правда Божія покрывается неизреченнымъ долготерпѣніемъ и милосердіемъ Божественнымъ, что громы правосудія небеснаго до времени молчатъ. Не примѣчая близкихъ и очевидныхъ наказаній за грѣхи свои, мы почти склонны бываемъ думать, что такъ продлится и навсегда, что и за гробомъ насъ встрѣтитъ одно милосердіе

Отца небеснаго, а не правда Его и судъ. Но, *Азъ молчахъ, еда и всегда умолчу?* — говорить намъ Господь. Обратите взоръ свой на страждущаго Искупителя. *Сей беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лествъ во устѣхъ Его* (Ис. 53, 9) и однако же Онъ терпитъ жесточайшія страданія и умираетъ на крестѣ! За что? *Той лзвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша; Сей грѣхи наша носятъ и о насъ болзнуеть* (Ис. 53, 5. 4). И примѣчаете ли, какъ неумолимо правда Божія караетъ въ Немъ всё преступленія челоѳъческія? Вотъ пресвятая глава Его изъязвлена терніемъ, изранена ударами трости и преклонилаь на крестѣ—за то превозношеніе и презорство, за тѣ горделивые, студные и нечистые помыслы, коими преисполнена глава наша. Се пречистое лице Его, на которое съ благоговѣніемъ взирають св. ангелы, изъязвлено ударами и заушеніями, оплевано и поругано—за то, что родъ прелюбодѣйный и грѣшный изъ созданной премудростію Божіею красоты творить себѣ кумирь преступныхъ страстей и предметъ нечистыхъ вожделѣній. Се пречистыя уста Его, источавшія слово жизни и спасенія, слово любви и милосердія, напояются оцтомъ и желчію—за то, что челоѳъкъ естественную потребность питанія превратилъ въ страсть чревоугодія. Се преблагія очеса Его, тмами темъ свѣтлѣйшія солнца, залиты кровію и слезами и облагаются тьмою смертною—за тѣ гордые и презорливые, ненасытные и похотливые, соблазняющіеся и соблазняющіе взоры, изъ коихъ люди составили себѣ какъ бы нѣкое лукавое искусство. Се пречистыя ушеса Его исполняются злохуленій и ругательствъ, насмѣшекъ и кощунства—въ возмездіе за ежечасное злоупотребленіе дара слова, — того драгоцѣннаго дара, коимъ Господь Богъ украсилъ одного челоѳъка между всѣми видимыми тварями. Се пренепорочныя рущѣ Его растянуты и пригвождены ко кресту—за тѣ безчисленныя злодѣянія, для совершенія коихъ челоѳъкъ злоупотребляетъ симъ многодѣятельнѣйшимъ орудіемъ своего духа. Словомъ, отъ главы и до ногъ нѣсть въ немъ цѣлости; все пречистое тѣло Его изъязвлено, изранено, обнажено и повѣшено на крестѣ въ позоръ ангеломъ и челоѳъкомъ—за тѣ неисчислимыя грѣхи,

коиими грѣшникъ ругается своему тѣлу, забывая, что оно создано быть храмомъ Святаго Духа, а не жилищемъ и орудіемъ духа злобы. *Аще убо въ суровъ древь сія творятъ, въ сусъ что будетъ* (Луки 23, 31)? Если такъ тяжело наказуется грѣхъ въ лицѣ невѣдущаго грѣха Сына Божія, будетъ ли онъ пощаженъ въ лицѣ самого грѣшника? Гдѣ и кто сокроетъ его отъ лица правды Божіей? Кто и чѣмъ защититъ его отъ стрѣль гнѣва небеснаго? *Змія, порожденія ехиднова*, говоритъ Господь нераскаяннымъ фарисеямъ: *како убожите отъ суда огня гееннскаго* (Матѣ. 23, 33)?

Нерѣдко, наконецъ, служить возглавіемъ грѣховной лѣности и то, что мученія ада сокрыты до времени отъ взора нашего; мы не можемъ видѣть всего ужаса, не можемъ ощущать всей жестокости ихъ. Замѣчая, что временныя скорби и страданія, какъ бы ни были жестоки и мучительны, или превосмогаются силою духа, или облегчаются обстоятельствами, или проходятъ современемъ, мы готовы вообразить, что то же будетъ и съ мученіями ада. Но образъ страждущаго Господа разсѣваетъ и это заблужденіе. Ибо страдальцы земные находятся между многими нестрадающими, но готовыми сострадать имъ и облегчать ихъ страданія. Но Господь Иисусъ Христосъ страдаетъ одинъ, и нѣтъ помогающаго ему; зоветъ, и нѣтъ послушающаго; даже слезная молитва ко Отцу небесному: *Боже мой, Боже мой! вскую Мя еси оставилъ* (Матѣ. 27, 46.)? остается безъ отвѣта. Таково будетъ и мученіе грѣшника въ адѣ. Ибо кто поможетъ ему и кто облегчитъ скорбь его? Тѣ ли, кои примутъ равное осужденіе? Но одинъ взглядъ на ихъ муки будетъ новымъ для него мученіемъ, одинъ вопль ихъ отчаянія будетъ новымъ терзаніемъ для его слуха и сердца. Или не помогутъ ли праведники, наслѣдовавшіе жизнь вѣчную? Но и они, при всей готовности къ состраданію, могутъ только сказать: *между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотѣху прейти отсюда къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Луки. 16, 26). Воззоветъ-ли онъ къ Богу о помилованіи? Но двери милосердія затворятся, и не отверзутся во вѣки; во всю вѣчность ему будетъ слы-

шатся одинъ гласъ: *глаголю вамъ: не вѣмъ васъ, откуда есте; отступите отъ Мене* (Луки 13, 27). Такъ, всѣ источники утѣшенія закроются для осужденныхъ, и всѣ хляби гнѣва небеснаго отверзутся; отнимется у нихъ и самая надежда—утѣшительница несчастныхъ на землѣ. Безотрадная, нескончаемая скорбь и тѣснота на всяку душу челоуька, творящаго злое (Рим. 2, 9)!

Такъ, и одинъ простой взлядъ на образъ страждущаго Искупителя отнимаетъ у грѣшника всѣ предлоги извиненія, пробуждаетъ его отъ сна безопасности грѣховной, ставляетъ его лицомъ къ лицу предъ правосудіемъ небеснымъ, являетъ взорамъ его и грозный судъ, ожидающій его по смерти, и тяжесть мукъ, уготованныхъ нераскаяннымъ въ вѣчности. Будемъ чаще представлять себя предъ лицомъ Распятаго за грѣхи наши Спасителя, чаще вспоминать и размышлять о страданіяхъ Его,—и, Господь дастъ, сердце наше умягчится и согрѣется чувствомъ умиленія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ, какъ сокрушилось и умилилось нѣкогда сердце Маріи Египетской при поклоненіи животворящему кресту Господню; духъ нашъ возгорится пламенемъ любви Божественной,—и мы возревнуемъ объ очищеніи себя отъ всякія скверны плоти и духа, не престанемъ молиться ко Господу: *иже насъ ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ!* Аминь.

ХІІ. Недѣля четвертая св. четыредесятницы.

58. С Л О В О.

Переходя день за днемъ, мы непримѣтно перешли уже, брат., за половину великаго поприща св. четыредесятницы и приближаемся къ тѣмъ священнѣйшимъ днямъ, когда св. Церковь будетъ торжественно вспоминать спасительныя страданія и крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа, претерпѣнныя Имъ за грѣхи наши, Его живоносное погребеніе и Его преславное воскресеніе изъ мертвыхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ вы, брат. мои, какъ истинныя чада православной Церкви старались употребить мимошедшее

время поста въ пользу души своей, что большая часть изъ васъ успѣли уже освободить свою совѣсть отъ обдержавшихъ ее узъ грѣховныхъ — исповѣданіемъ грѣховъ своихъ предъ Богомъ и принять отъ Господа, устами Его служителя, оставленіе грѣховъ и прощеніе. Воистину благое и великое дѣло совершили вы, если исповѣдъ ваша была искренняя, чистосердечная и сокрушенная, если покаяніе ваше было истинное, твердое и невозвратное. *Блаженн*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *ихже оставишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси!* Но за всѣмъ тѣмъ мы не можемъ умолчать предъ вами, брат. мои, что вами сдѣлано еще не все, — положено только начало покаянія, которое должно продолжаться не только во все остальное время св. поста, но и во все продолженіе жизни, которую дастъ вамъ Господь провести на землѣ. *Сотворите убо плоды достойны покаянія:* вотъ, чего требовалъ отъ исповѣдавшихъ грѣхи свои великій проповѣдникъ покаянія, Предтеча Господень Іоаннъ, и чего ожидаетъ отъ насъ Самъ Господь, приемлющій покаяніе наше.

Исповѣдъ, сама по себѣ, есть не болѣе, какъ начало, сѣмя и корень истиннаго покаянія, которое состоитъ въ обновленіи и возрожденіи духа, въ рѣшительномъ измѣненіи и исправленіи всей жизни. Какъ-бы ни было хорошо начало, оно и во всякомъ дѣлѣ значить еще немного, ибо не начало, а конецъ вѣнчаетъ дѣло, — тѣмъ паче въ дѣлѣ нравственнаго исправленія, которое, по самому существу своему, требуетъ многаго времени и трудовъ. Самое доброе сѣмя, если не разовьется и не выростетъ въ цѣлое растеніе, останется безплодно, истлѣетъ и пропадетъ. Такъ и покаянное чувство, возникшее въ душѣ при исповѣданіи грѣховъ, если не разовьется въ цѣлый рядъ благочестивыхъ мыслей и чувствованій, желаній и дѣйствій, если не укрѣпится послѣдующими подвигами и трудами, увянетъ неминуемо и изгладится навсегда. Какъ бы ни былъ благоплоденъ корень, но, если онъ не издастъ живой отрасли и не вырастетъ въ древо, по необходимости умретъ и истлѣетъ и самъ. Такъ и положенное нами начало покаянія, если не возрастетъ оно въ цѣлое древо добродѣтельной, благоговѣй-

ной и богобоязненной жизни, иссохнеть и истлѣть само въ нечистотѣ и смрадѣ новыхъ грѣховъ. *Сотворите убо плоды достойны покаянія.*

Какіе это плоды?

Во-первыхъ, истинное покаяніе, какъ второе крещеніе, есть смерть грѣху. Здѣсь такъ же, какъ и въ водѣ крещенія, мы *спогребаемся Христу въ смерть. Аще же умрохомъ грѣху*, говоритъ св. Апостоль, *како паки оживемъ о немъ?* Если сами осудили въ себѣ грѣхъ, то какъ возвратимся опять къ тому же грѣху? Омывшись отъ сквернъ плоти и духа кровію Христовою, погрузимся-ли опять въ ту же нечистоту и скверну? Извергнувъ изъ себя ядъ грѣха исповѣданіемъ, примемъ-ли его опять внутрь себя къ собственной гибели? Угасивши въ крови Агнчей разжженные стрѣлы гнѣва небеснаго, будемъ-ли вновь изощрять ихъ на себя своими грѣхами и собирать угліе огненное на главу свою? Служитель Христовъ, по данной ему власти, могъ связать насъ, и мы остались бы связанными навсегда; но онъ разрѣшилъ насъ ради даннаго нами обѣта не возвращаться опять къ тѣмъ же грѣхамъ. Судъ Божій могъ постигнуть насъ во грѣхахъ во всякое время,—и мы сдѣлались бы на вѣки добычею ада: но милосердіе Отца небеснаго, по ходатайству о насъ едиnorodнаго Сына Его, ради нашего свободнаго раскаянія еще даруетъ намъ время для заглаженія грѣховъ нашихъ. Измѣнимъ-ли собственному обѣту? Презрیمъ-ли милосердіе и долготерпѣніе Отца небеснаго? Измѣнимъ-ли Господу Искупителю и Спасителю нашему? Пойдемъ-ли отъ чаши завѣта во слѣдъ похотей и страстей своихъ? Предадимся-ли произвольно опять въ плѣнъ диаволу? Нѣтъ, да не будетъ сего, да не будетъ! *Како сотворю глаголь сей злый, и согрѣшу предъ Богомъ?* Итакъ, первымъ плодомъ покаянія нашего да будетъ совершенное оставленіе грѣховъ, которые мы сами осудили въ себѣ предъ лицемъ всевѣдущаго Судіи, совершенное изглаженіе ихъ изъ самыхъ мыслей и воображенія нашего, чтобы самое воспоминаніе и воображеніе ихъ не оскверняло души нашей.

Но покаяніе, брат. мои, есть не только оставленіе грѣховъ, но и всевозможное заглаженіе ихъ. Всякій грѣхъ

главнымъ образомъ ужасенъ тѣмъ, что дѣлаеть насъ повинными предъ правосудіемъ Божиимъ, какъ преступниковъ святѣйшей воли Божіей, оскорбителей высочайшей любви Его и святости, и за то достойныхъ вѣчнаго отверженія отъ лица Божія и казни. Уничтоженіе этой виновности грѣха предъ правосудіемъ Божиимъ, изглаженіе его изъ книги живота нашего, избавленіе грѣшника отъ вѣчной смерти и гибели есть дѣло всемогущества и милосердія Искупителя нашего, принесшаго Самого Себя въ жертву за грѣхи всего міра. Въ Его всеутоляющей крови погашаются всѣ стрѣлы правосудія небснаго; Его вседовлѣющая жертва можетъ удовлетворить правдѣ Божіей за грѣхи всего міра; Его высочайшая власть и всемогущая сила можетъ исхищать насъ изъ челюстей смерти и ада; Его всеильное ходатайство предъ Отцемъ небснымъ можетъ даровать намъ прощеніе грѣховъ, благодать и милость Божію. Посему, въ этомъ отношеніи намъ должно только имѣть живую вѣру въ Искупителя нашего и въ искупительную силу крестной Его смерти, крѣпкое упованіе на Его всемогущее ходатайство предъ милосердіемъ Отца небснаго; намъ должно только молиться Ему всею крѣпостію вѣры и любви къ Нему, всею силою духа сокрушеннаго и смиреннаго, чтобы Онъ не отвергъ покаянія нашего, принявъ насъ подъ сѣнь креста Своего, укрѣпилъ насъ благодатію Своею въ борьбѣ со страстями нашими и съ живущимъ въ насъ грѣхомъ. Но дѣйствія грѣховъ нашихъ не ограничиваются оскорбленіемъ правды Божіей; слѣды ихъ остаются и въ насъ самихъ, и въ нашихъ ближнихъ, откуда не могутъ быть изглажены безъ нашего труда и усилій. Каждый грѣхъ, особенно повторившійся многократно, оставляетъ въ насъ злую наклонность и привычку, которая приростаеть, такъ сказать, къ душѣ нашей, дѣлается какъ бы естественнымъ ея свойствомъ, становится закономъ во удѣхъ нашихъ, противувоюющимъ закону ума нашего, и увлекаеть насъ какъ бы насильно къ грѣховнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ, эта злая наклонность есть неестественная кривизна духа, которая должна быть исправлена и уничтожена,—вредоносный наростъ, который долженъ быть обрѣзанъ и очищенъ. Кто обязанъ заботиться объ этомъ? Мы сами при по-

мощи благодати Божіей. Надобно побороть эту наклонность постояннымъ отверженіемъ злой воли своей, постояннымъ противоборствомъ своимъ похотямъ и страстямъ, *распятіемъ*, какъ выражается Апостоль, *плоти своей со страстьми и похотьми*. Надобно побѣдить и упразднить грѣхонную привычку рѣшительнымъ отнятіемъ у нея всего, чѣмъ она питается и поддерживается, постояннымъ бодрствованіемъ надъ собою, надъ своими мыслями, желаніями и чувствованіями, непрестаннымъ упражненіемъ всѣхъ силъ своихъ въ дѣлахъ благочестія христіанскаго, а паче всего усердною и неотступною молитвою о благодатной помощи свыше. Безъ этого духъ нашъ, и по исповѣданіи грѣховъ, не очистится отъ нихъ и останется связаннымъ ими, ибо корни ихъ не будутъ исторгнуты изъ сердца и будутъ постоянно производить злыя отрасли нечистыхъ мыслей и желаній, незаконныхъ словъ и дѣйствій.

Съ другой стороны, по тѣсной связи нашей съ ближними, всѣ почти грѣхи наши оставляютъ пагубныя слѣдствія свои и въ нихъ. Одного соблазнилъ нашъ худой поступокъ, и онъ или осудилъ насъ, или, что хуже, подражалъ намъ; другой вовлеченъ въ грѣхъ нашими необдуманнми и легкомысленными словами. Тотъ оскорбленъ нашимъ словомъ или дѣломъ; другой страдаетъ отъ нашего злорѣчія. Иной страдаетъ отъ нашей гордости и любочестія; другой терпитъ отъ нашего сребролюбія или расточительности. Тотъ страдаетъ отъ нашей зависти и недоброжелательства; иной — отъ нашей лести и ласкательства. Сколько невидимыхъ, но тѣмъ не менѣе тяжкихъ для насъ узъ, которыя могутъ увлечь насъ въ погибель! Кто-жъ обязанъ заботиться объ изглаженіи этихъ пагубныхъ для насъ порожденій грѣховъ нашихъ, какъ не мы сами при содѣйствіи благодати Божіей? Въ противномъ случаѣ, и послѣ изреченнаго намъ прощенія грѣховъ, они останутся незаглаженными въ нашихъ ближнихъ, будутъ вошіять противу насъ на небо, обвинять и осудятъ насъ на судѣ Божіемъ. Вотъ, почему Слово Божіе такъ часто и настоятельно убѣждаетъ насъ не только прощать другъ другу все, примиряться тотчасъ съ тѣми, которые имѣютъ на насъ какое-либо неудовольствіе, быть въ мирѣ

со всѣми, даже и съ ненавидящими миръ, но и молиться другъ за друга, — молиться не только за тѣхъ, кого мы или соблазнили, или оскорбили чѣмъ-либо, но и за тѣхъ, которые намъ подали поводъ къ соблазну или огорченію: *молитесь другъ за друга*, убѣждаетъ св. Апостолъ, *яко да исполните*. Такой трудъ и подвигъ въ исправленіи и заглаженіи всѣхъ послѣдствій грѣховъ нашихъ будетъ воистину достойнымъ плодомъ покаянія.

Наконецъ, истинное покаяніе есть не только смерть грѣху, но и начало новой жизни во Христвѣ, — той благочестивой, богобоязненной и богоугодной жизни, которая есть необходимое условіе и начало вѣчно-блаженной жизни въ Богѣ. Безъ этого покаяніе было бы совершенно не нужно и тщетно. Суетно и бесплодно будетъ и наше покаяніе, если оно не будетъ началомъ новой жизни, сообразной волѣ Божіей, если изъ него, какъ изъ благоплоднаго корене, не произрастетъ цѣлое древо жизни, украшенное плодами святыхъ и благоговѣйныхъ помысловъ и чувствованій, добрыхъ и богоугодныхъ желаній и стремленій, благихъ и богоугодныхъ дѣлъ, достойныхъ воздаяній небесныхъ. Блаженство вѣчное есть награда, которая снискивается трудами и подвигами; ее даруетъ небесный Домовладыка тѣмъ добрымъ и вѣрнымъ рабамъ Своимъ, которые не скрываютъ въ землѣ даннаго имъ таланта благодати, но воздѣлываютъ его и приносятъ плодъ — ово тридесять, ово же шестьдесятъ, ово же сто. Итакъ, осудивъ сами прежнюю грѣховную жизнь свою, начнемъ жизнь новую, богоугодную. Пусть прежнее празднлюбіе замѣнится трудолюбіемъ, самолюбіе и самоугождение — полнымъ самоотверженіемъ, гордость — смиреніемъ, раздражительность и гнѣвливость — кротостію и долготерпѣніемъ, сребролюбіе и скупость — щедростію къ убогимъ, празднословіе — молчаніемъ, или славословіемъ Божіимъ, неумѣренность — воздержаніемъ, ненависть — любовію, зависть — доброжелательствомъ, нечистота плотская — цѣломудріемъ и чистотою, потеря времени въ забавахъ и удовольствіяхъ — бдѣніемъ въ молитвѣ и полезныхъ трудахъ. Это будетъ наилучшимъ плодомъ покаянія.

Сотворите убо плоды достойны покаянія. Ибо съ эти-

ми тою плодами покаянія достойно можемъ предстать предъ крестомъ и гробомъ своего Искупителя и Господа; эти только святые дары богоприлично принести, вмѣсто аромать и смирны, умершему за насъ и погребенному Иисусу. Съ этими только благодатными плодами добрые рабы и вѣрные достойно, внудуть въ радость Господа своего въ день свѣтоноснаго Его воскресенія. Аминь.

ХІІІ. Недѣля пятая св. четыредесятницы.

59. СЛОВО—ПЕРВОЕ.

Чтенное нынѣ Евангеліе показываетъ, братіе, какъ діаволь можетъ прокрадываться въ сердце самыхъ избранныхъ людей, возбуждать въ душѣ ихъ горделивые и нечистые помыслы въ самыя священныя минуты, наполнять смрадомъ своей сатанинской гордыни самыя чистыя души.

Въ послѣднее путешествіе Свое изъ Галилеи въ Іерусалимъ, которое должно было заключиться крестною смертію, Господь Иисусъ Христось, бесѣдуя съ сопровождавшимъ Его народомъ о необходимости полнаго самоотверженія и несенія креста своего для всякаго, кто желаетъ послѣдовать за Нимъ, внезапно остановился и, отозвавъ учениковъ Своихъ отъ народа, началъ говорить имъ о томъ, *яже хотяху Ему быти во Іерусалимѣ*, т. е. о предстоящихъ страданіяхъ Своихъ, крестной смерти и тридневномъ воскресеніи: *се восходимъ во Іерусалимъ*, такъ говорилъ имъ Господь, *и Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его языкомъ, и поругаются Ему, и уязвятъ Его, и оплюютъ Его, и бивше убьютъ Его, и въ третій день воскреснетъ*. Какой торжественный и священный часъ! И что же? въ это самое время *предъ Него приидоста Іаковъ и Іоаннъ*, т. е. избраннѣйшіе и лучшіе изъ учениковъ Его, *глаголюще: даждь намъ да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе сядева во славу Твоею* *). Можетъ-ли быть прошеніе безвремен-

*) Марк. 10, 33. 34. 35. 37.

нѣе, неумѣстиѣе, неприличнѣе въ устахъ учениковъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ Іисуса, противнѣе духу смиренія, самоотверженія и любви, которымъ въ то самое время поучалъ ихъ Господь? Не осудительно-ли въ этомъ прошеніи, при всей любви учениковъ къ своему Божественному Учителю, при всемъ ревнивомъ, такъ сказать, желаніи ихъ быть ближе и неразлучнѣе съ своимъ Учителемъ и Господомъ во славу Его,—не осудительно-ли вѣяніе плотскаго самолюбія и сатанинской гордыни, желающей предвосхитить себѣ первенство предъ собратіями своими?

Таково, братіе мои, свойство самолюбія и гордости, этого порожденія гордыни діавольской, этого перваго и злѣйшаго врага нашего, что оно прокрадывается въ самыя возвышенныя души, разстроиваетъ самыя добрыя сердца, оскверняетъ самыя высокія добродѣтели, безстыдно выставляетъ чело свое тамъ и тогда, гдѣ и когда паче всего нужнѣе чловѣку смиреніе и кротость. Такъ, это домашній врагъ нашъ—самый первый и главный, самый хитрый и лукавый, самый жестокій и упорный. И если съ чего должна быть начинаема борьба со грѣхомъ и истинное покаяніе, то именно съ пораженія этого злѣйшаго врага нашего.

Гордыня, говоритъ Слово Божіе, есть начало грѣха, т. е. источникъ и корень всѣхъ грѣховъ и беззаконій. И дѣйствительно, гордостію палъ діаволь и изъ ангела свѣта сдѣлался предстателемъ тьмы, изъ духа чистаго и святаго—начальникомъ всякой нечистоты и злобы; гордостію палъ и чловѣкъ, и изъ существа богоподобнаго приложился скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ. Гордость и нынѣ ослѣпляетъ духовныя очи чловѣка до того, что онъ не видитъ и не сознаетъ величія Божія и собственнаго ничтожества, и не имѣетъ ни страха ни благоговѣнія предъ Богомъ; не чувствуетъ благодаренія Божіихъ, и остается неблагодарнымъ предъ Богомъ; не сознаетъ святости и правосудія Божія, и не трепещетъ страшнаго суда Его; не вѣритъ самому слову Божію, и остается хладенъ, мертвъ и безчувственъ ко всемъ угрозамъ и обѣтованіямъ Евангельскимъ. Гордость ослѣпляетъ чловѣка и въ отношеніи къ самому себѣ, такъ что онъ или вовсе не видитъ своихъ пороковъ

и слабостей, или старается прикрыть ихъ лицемѣремъ, любитъ иногда даже такими дѣлами своими, которыхъ надлежало бы стыдиться. Гордость оскверняетъ самыя добродѣтели наши и дѣлаетъ ихъ омерзительными въ очахъ Божіихъ, отнимаетъ всю цѣну у самыхъ великихъ подвиговъ, лишаетъ всего достоинства самую благотворительность къ ближнимъ, дѣлаетъ недѣйствительною самую молитву нашу, не допускаетъ насъ до искренняго раскаянія во грѣхахъ и не даетъ воспользоваться благодатною силою св. таинства покаянія. Гордость породила и порождаетъ всѣ пороки и всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ общества человѣческія. Она рождаетъ своенравіе и упрямство, которыя дѣлаютъ человѣка несноснымъ въ обществѣ, бесполезнымъ для себя и другихъ. Она возбуждаетъ себялюбіе и своекорыстіе, свары и раздоры, притѣсненія и обиды, отъ которыхъ такъ много проливается на землѣ и слезъ и крови человѣческой. Изъ нея вырождаются своеволіе, непокорность и противленіе, которыми возмущается спокойствіе и миръ общественный. Она производитъ зависть и зложелательство, страсть осужденія и пересудовъ, духъ клеветы и злоязычія, презрѣніе и уничиженіе другихъ, — эту общественную язву, которая свирѣпствуетъ и поражаетъ неисцѣльнымъ недугомъ наши общества. Наконецъ, гордость была и есть мать всѣхъ ересей и расколовъ, отъ которыхъ такъ тяжко страдала и страдаетъ самая Церковь Божія. Поистинѣ, *начало грѣха гордыня, а держай ю изрыгнетъ скверну.*

Съ такимъ страшнымъ домашнимъ врагомъ нашимъ надобно, брат., вести крѣпкую, непримиримую борьбу, чтобы сокрушить и покорить его истиннымъ смиреніемъ предъ Богомъ и людьми; иначе онъ сдѣлаетъ насъ ненавистными предъ Богомъ и уподобитъ діаволу. Но это врагъ хитрый и лукавый. Иногда онъ является въ собственномъ своемъ видѣ, т. е. въ открытомъ и явномъ высокомеріи и надменномъ тщеславіи. Поводомъ къ тому бываютъ дѣйствительныя или только мнимыя наши достоинства и преимущества предъ другими. Одинъ надмевается высокимъ происхожденіемъ, и презираетъ ближнихъ потому только, что они родились не отъ знатныхъ родителей. Другой величается ве-

лигими способностями умственными, и уничтожает во мнѣниі своемъ тѣхъ, коимъ небесный Домовладыка взаимодейалъ меньшее число талантовъ. Иной тщеславится богатствомъ, и считаетъ бѣдныхъ собратій своихъ ниже себя потому только, что они бѣдны. Другой гордится своею властію, своимъ временнымъ могуществомъ и силою, и за ничто почитаетъ всѣхъ низшихъ себя. Тотъ, подобно Фарисею, величается своими мнимыми добродѣтелями, и съ презрѣніемъ отвращается отъ всѣхъ, которые, по его мнѣнію, суть мытари и грѣшники. Иной доходитъ до такого безумія, что гордится, несчастный, даже злыми дѣлами своими, тщеславится, наприм., тѣмъ, что удачно отомстилъ своему сопернику, лишилъ его благосостоянія, нанесъ ударъ его чести, заставилъ его проливать слезы,—гордится даже тѣмъ, что всякому можетъ сдѣлать зло, когда-бъ ни захотѣлъ. Впрочемъ, въ этомъ видѣ безуміе и мерзость гордости такъ очевидны, что развѣ одно крайнее ослѣпленіе можетъ не видѣть сего.

Но есть другаго рода гордость — тайная, непримѣчаемая даже тѣми, которые носятъ ее во глубинѣ души своей, которая тѣмъ опаснѣе, чѣмъ глубже укрывается въ сердцѣ. Здѣсь нужно уже вниманіе и наблюденіе надъ своимъ сердцемъ, чтобы подстеречь и поразить гнѣздящуюся въ немъ змію. Когда всѣ окружающіе насъ постоянно угождаютъ намъ, все дѣлаютъ по нашей волѣ, за что и мы обходимся съ ними мирно, кротко, любовно; когда всѣ обстоятельства жизни благопріятствуютъ намъ, когда не только желанія, а и прихоти наши легко и удобно исполняются, и это дѣлаетъ насъ мягкими, добрыми, великодушными: тогда мы готовы думать, что мы непорочны, какъ ангелы, что въ насъ нѣтъ и тѣни діавольской гордости, и намъ нѣтъ нужды учиться еще смиренію. А того не замѣчаемъ, что исполненіе всего и всѣми по нашей волѣ есть любимая пища для самолюбія нашего, которое, какъ пресыщенный звѣрь, спитъ, повидимому, спокойно, доколѣ какой-нибудь толчекъ не пробудитъ и не раздражитъ его. Чтобы познать и ощутить въ себѣ дѣйствіе сокровенной гордости, надобно примѣчать внимательно, какъ будешь чувствовать себя, когда случится

что-нибудь не по твоему, вопреки твоему желанію, несогласно съ твоимъ образомъ чувствъ и мыслей. Если, при видѣ ошибки, допущенной другими, въ тебѣ рождается не состраданіе, или мысль вѣтко исправить ее, а неудовольствіе, гнѣвливость, раздраженіе, или же насмѣшка и презрѣніе; то, очевидно, въ тебѣ живо и сильно самолюбіе, оно, а не законъ Божій владѣть твоею душою и управляетъ твоими чувствами. Если и малые неуспѣхи въ дѣлахъ твоихъ слишкомъ беспокоятъ и печалятъ тебя, доводятъ до упадка духа и унынія, такъ что и самая мысль о Промыслѣ Божіемъ, бодрствующемъ надъ нами, не утѣшаетъ и не ободряетъ тебя; что это, какъ не признакъ сокровленной гордости? Если ты рѣшаешься на предпріятія важныя, трудныя, хотя бы и полезныя, не изъ любви къ Богу и ближнимъ, не изъ повиновенія власти, а только изъ удовольствія сдѣлать по своему, изъ желанія показать себя, изъ наслажденія, какое чувствуемъ обыкновенно въ исполненіи своихъ желаній; не явно-ли обличается этия самолюбіе и гордость? Если ты слишкомъ горячо принимаешь къ сердцу собственныя нужды, а равнодушно смотришь на нужды другихъ; если, при видѣ неблагополучія соперниковъ твоихъ, тебѣ пріятно на сердцѣ, даже весело, а при видѣ неожиданнаго счастья и возвышенія ихъ надъ тобою, тебѣ какъ будто неловко, грустно и тяжело на сердцѣ; то не явно-ли даетъ о себѣ знать оскорбленная твоя гордость? Если для тебя оскорбительны и скромныя замѣчанія о твоихъ недостаткахъ, напротивъ, и самыя преувеличенныя похвалы твоимъ, хотя бы и мнимымъ достоинствомъ, не только не отвратительны, а напротивъ, пріятны твоему сердцу: то это явный знакъ, что сердце твое живетъ и движется самолюбіемъ и гордостію. Если ты, хотя бы и по благовиднымъ причинамъ, слишкомъ нетерпѣливъ, слишкомъ настойчивъ, излишне гнѣливъ; если въ сердцѣ твоёмъ не царствуетъ та младенческая простота и кротость, та искренняя любовь, которая *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ*: то въ этомъ сердцѣ обитаетъ еще гордость, властвуетъ надъ нимъ и повелѣваетъ

имъ. Тогда не медля ни мало, вооружись противъ злбнаго врага своего, который отниметь всю силу, все благоуханіе у добрыхъ дѣлъ твоихъ, осквернить ихъ своимъ смрадомъ, такъ что, въ какихъ бы подвигахъ ни провелъ ты жизнь свою, они будутъ для тебя совершенно безплодны; самолюбіе твое соберетъ съ нихъ всю жатву еще въ этой жизни, и ты услышишь по смерти изъ устъ Господа: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ твоимъ.*

Чѣмъ вооружиться? Смиреніемъ и покаяніемъ, молитвою и страхомъ Божиимъ. Для сего надобно размышлять непрестанно о Божіемъ величїи и о собственномъ ничтожествѣ; о суетности всего, чѣмъ привыкъ человѣкъ величаться на землѣ; о томъ, что самое существо наше есть земля и прахъ, тлѣніе и пища червей; что самая жизнь наша *пара есть*, какъ говоритъ Апостоль, *яже в малъ является, потомъ же исчезаетъ*; что ежечасно и ежеминутно смерть держитъ надъ нами свою грозную сѣкуру. Одинъ ударъ ея, и мы станемъ предъ судомъ Божиимъ, на которомъ будутъ судить насъ не по требованіямъ самолюбія нашего, а по Евангелію Христову; на которомъ истяжутъ всѣ лукавыя помыслы ума нашего, всѣ нечистыя вожделѣнія сердца, всѣ самолюбивыя намѣренія и стремленія духа. Надобно внимательнѣе смотрѣть на свою душу и сердце сквозь зеркало Слова Божія и закона Господня, видѣть и обличать въ самомъ себѣ безобразіе злыхъ помысловъ, наклонностей и страстей, язвы и струпы грѣховъ и беззаконій, которыми обременена наша совѣсть, которыми слячена душа наша, которые превращаютъ сердце наше изъ храма Божія въ вертепъ разбойниковъ. Надобно, отвращая взоръ свой отъ дѣлъ ближнихъ нашихъ, судить токмо собственные дѣла свои, о *Бозь-ли они содѣланы: аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были*. Надобно, наконецъ, *взиратъ* неуклонно очами вѣры на *Начальника и Совершителя спасенія нашего Иисуса Христа, иже вмѣсто подлежащія Ему почести, претерпѣть крестъ, о срамотѣ нерадивъ* *). Этотъ крестъ содѣланъ человѣческою гордостію изъ древа преслушанія. Эти

*) Евр. 12, 2.

уничженія, поруганія, оплеванія, бїенія, заушенія, которыя претерпѣлъ Единородный Сынъ Божій, были вомездіемъ за человѣческую гордость. Сей висящій на крестѣ, обнаженный и поруганный, изъязвленный и умученный, страдающій и умирающій былъ жертвою правосудія Божія за человѣческую гордость. Такъ ужасна, такъ ненавистна предъ Богомъ, такъ враждебна всему устройству царствія Божія, такъ пагубна для разумнаго, богоподобнаго существа нашего гордость!

Тѣмъ же убо, убѣждаетъ св. Апостоль, гордость всяку отложше, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвижъ, взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса Христа. Аминь.

60. СЛОВО — ВТОРОЕ.

Не вѣста, чесо просита. (Марк. 10, 38).

Сказалъ Господь Иисусъ Христосъ двумъ ученикамъ Своимъ Іакову и Іоанну, которые просили Его: *даждь убо намъ, да единъ одесную Тебе и единъ ошуюю сядева во славу Твоей.* Предметъ прошенія не представляется, повидимому, достойнымъ порицанія. Отличенные особенною любовью и довѣріемъ Господа между всѣми учениками Его, приближенные Самимъ Господомъ, какъ любимѣйшіе ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ желаютъ, чтобъ и въ будущемъ царствѣ славы имъ дано было пользоваться тою же близостію къ Господу и тѣмъ же довѣріемъ Его: что можетъ быть естественнѣе такого желанія для истиннаго ученика Христова, всѣмъ сердцемъ возлюбившаго своего Божественнаго Учителя? Но въ этомъ желаніи быть ближайшими къ Господу нельзя не примѣтить, брат., и примѣси человѣческаго самолюбія и тщеславія, а оно-то и оскверняетъ собою всякое — доброе, повидимому, желаніе и чувство и всяго доброе дѣло. Съ этимъ желаніемъ быть ближе другихъ къ Господу, а слѣдовательно, и выше другихъ, само собою со-

единаясь уничтоженіе прочихъ, которое и произвело тотчасъ ропотъ и негодованіе въ другихъ ученикахъ Христовыхъ; а это уже такое зло, которое не можетъ быть терпимо въ царствѣ Божіемъ, царствѣ любви и мира, царствѣ единомыслія и единодушія. Это прошеніе о первенствѣ во славу было какъ нельзя болѣе неблаговременно въ то время, когда Самъ Учитель говорилъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ и крестной смерти, когда и ученикамъ Его надлежало помышлять не о вѣнцахъ и славахъ, а о той чашѣ скорбей и бѣдствій, которую предстояло имъ испить въ ихъ апостольскомъ служеніи и проповѣди Евангелія; (о томъ крещеніи огнемъ и кровію, которымъ надлежало имъ креститься, чтобы войти въ славу, во слѣдъ крестившагося этимъ крещеніемъ Господа.) На такое неумѣстное прошеніе можно было сказать только, какъ и сказалъ Господь: *не вѣста, чесо просита.*

А что сказать, брат., о многихъ изъ нашихъ прошеній и молитвъ, которыя бываютъ часто не только неумѣстны, а и оскорбительны для Господа, и которыя по сему самому остаются праздными и какъ бы вовсе неслышанными Господомъ? Но объ нихъ давно уже сказалъ апостоль Іаковъ: *просите и не приѣмлете, зане злы просите.*

Злы просимъ, во-первыхъ, когда просимъ не такъ, какъ должно просить. По обѣтованію Самаго Господа, только та молитва бываетъ дѣйственна и сопровождается благими плодами, которая оживлена живою, твердою вѣрою и крѣпкимъ упованіемъ на Бога: *еже аще воспросите отъ Отца, вѣрующе, приѣмете*; та молитва, которая исходитъ отъ сердца, вполне и совершенно преданнаго Господу, когда, т. е., молясь Отцу небесному, мы, по примѣру Самого едиnorodнаго Сына Его, предаемъ и самихъ себя, и молитвы наши всецѣло и непоколебимо Его всесвятой волѣ. Когда же, напротивъ, вѣра и упованіе наше колеблются, когда сердце наше (не право предъ Богомъ) двоятся между ^{Собою} Нимъ и міромъ; когда устами своими обращаемся съ молитвою къ Богу, а въ сердцѣ своемъ разсчитываемъ на помощь человѣческую; (когда устами просимъ у Господа милости и благодати, а въ умѣ своемъ болѣе полагаемся на милость и снисхожденіе сильныхъ земли; когда, обращаясь къ Богу съ молитвою,

отъ Него, повидимому, ожидаемъ всего, а въ сердцѣ своемъ) **болѣе** уповаемъ на земныя сокровища, на земныя связи и отношенія къ людямъ: ^{мы} при такомъ двоедушіи, при такомъ колебаніи ума и сердца нашего, **навѣю** можетъ имѣть силу наша молитва? О такихъ слабыхъ въ вѣрѣ и преданности Богу) колеблющихся и храмлющихъ на обѣ плеснѣ) людяхъ. Самъ Господь говоритъ: *приближаются Мнѣ людие сіи, усты своими и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя усты своими; и аще умножатъ моленія своя, не услышу ихъ *)*.

Злѣ просимъ, во-вторыхъ, когда самые предметы нашихъ прошеній неуютны Богу и противны Его волѣ. Св. вѣра требуетъ, чтобы мы молились только о томъ, о чемъ научилъ насъ молиться Самъ Господь, — просили только того, что согласно съ Его божественною волею, а не того, чего требуетъ наше самолюбіе и самоугодіе. Тогда только прошеніе наше чисто, свято и богопріятно, когда просимъ того, что служить намъ къ преспѣванію въ благочестіи и добродѣтели, что споспѣшествуетъ къ утвержденію въ нашихъ обществахъ мира и любви, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ*; въ противномъ случаѣ, и самая молитва будетъ намъ во грѣхъ. Наприм., св. Церковь учитъ насъ просить у Господа добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ. Что-жъ, если мы, забывая о душѣ своей, станемъ просить только того, что угодно прихотямъ нашей плоти, что питаетъ ся сластолюбіе и страсти, что служить явно во вредъ душѣ нашей? Намъ заповѣдано просить только хлѣба насущнаго, т. е. того, что необходимо для поддержанія нашей жизни; что-жъ, если мы, не довольствуясь тѣмъ, что подается намъ отъ Отца свѣтовъ и что достаточно для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ нашей жизни, будемъ просить всего, чего требуетъ ненасытное стремленіе наше къ роскоши, наше тщеславіе и гордость, безконечныя прихоти нашего измѣнчиваго вкуса? Господь заповѣдалъ намъ молиться за творящихъ намъ напасти, что-жъ, если мы станемъ молиться объ от-

*) Мѡ. 15, 8. 9.

мщеніи врагамъ нашимъ, о пораженіи зложелателей нашихъ какими-либо бѣдствіями, о низложеніи противящихся намъ, объ униженіи соперниковъ нашихъ, о возмездіи и наказаніи творящихъ намъ обиду? (Слово Божіе учитъ насъ уповать на единого Бога, а не на князи и сыны человѣческіе, — всего ожидать отъ Его благодати и милосердія, препоручать всю судьбу свою Его премудрости и любви; что-жь, если-бъ мы, прося чего-либо у Бога, стали рассчитывать вмѣстѣ съ тѣмъ и на свое умѣнье и ловкость, и на поддержку сильныхъ земли и на помощь человѣческую?) Намъ заповѣдано говорить въ молитвѣ къ Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя*; что-жь, если мы станемъ просить, чтобы все совершалось по нашей волѣ и хотѣнію, по нашимъ желаніямъ и видамъ, по нашимъ предположеніямъ и расчетамъ? Такія прошенія и молитвы явно оскорбительны для Бога, достойны Его гнѣва и немилости; на такія прошенія Онъ скажетъ намъ: *отыдите отъ Мене, не вѣмъ васъ!*

Зль просимъ еще, когда бываемъ неблагодарны предъ Богомъ за всѣ неисчетныя благодѣянія, которыми пользуемся непрестанно, во все продолженіе нашей жизни. Каждодневно мы ѣдимъ и пьемъ, одѣваемся и украшаемся, отдыхаемъ и покоимся, веселимся и забавляемся, — пользуемся всѣмъ, что есть на сушѣ и въ водахъ, что есть на поверхности земли и что сокрыто въ ея нѣдрахъ, заставляемъ служить своимъ нуждамъ, своимъ удовольствіямъ, даже прихотямъ и страстямъ своимъ и землю, и море, и воздухъ, и воду, и свѣтъ, и теплоту, и растенія, и животныхъ; но часто-ли обращаемъ взоръ къ Тому, кто все это сотворилъ и сохраняетъ, все это производитъ и подаетъ намъ, коего всемогущею силою и мы сами живемъ и движемся и есмь? (Часто-ли даже поминаемъ Его всесвятое и поклоняемое имя въ сердцахъ своихъ?) Сознаемъ-ли даже, что всѣмъ этимъ мы пользуемся по единой Его благодати и долготерпѣнію? Не приписываемъ-ли всего собственному разуму и мудрости, собственнымъ силамъ и искусству? Такая неблагодарность не достойна ли гнѣва Божія? Недостойны ли мы того, чтобы Господь отвращалъ отъ насъ лице Свое, не внималъ нашимъ молитвамъ, не исполнялъ нашихъ прошеній?

(Особенно-же злѣ просятъ тѣ, которые злоупотребляютъ дарами благодѣи Божіей, пользуясь ими не по волѣ Божіей, а по своимъ прихотямъ и страстямъ,— которые обращаютъ въ орудіе грѣху и беззаконію тѣ блага, которыя подаетъ намъ любовь Отца небеснаго для преспѣванія въ добродѣтели и благочестія, *да всегда всяко довольство имуща, избыточествуемъ во всякое дѣло благое*, которыя ввѣряетъ намъ небесный Домовладыка для испытанія нашей вѣрности въ маломъ, чтобы поставить насъ нѣкогда надъ большимъ. Господь заповѣдалъ намъ раздѣлять съ неимущими братьями нашими не только избытки, но и то, что кажется намъ необходимымъ для самихъ себя. Онъ ублажаетъ тѣхъ, которые употребляютъ стяжанія свои въ насыщеніе алчущихъ и жаждущихъ братій своихъ, на упокоеніе и утѣшеніе страждущихъ, на вспоможеніе бѣдствующимъ и несчастнымъ. Чтожь, если мы будемъ употреблять все, подаваемое намъ отъ Господа на однѣ тщетныя прихоти свои, на минутныя удовольствія въ угожденіе страстямъ своимъ; если будемъ обращать дары Божіи въ предметъ тщеславія и роскоши, въ поводъ къ невоздержанію и распутству; если будемъ злоупотреблять дарованными намъ благами до истощенія собственныхъ силъ и здоровья, не обузданно предаваясь сластолюбивой и порочной жизни; если будемъ только пресыщаться сами, не удѣляя и крупиць отъ трапезы своей бѣдному Лазарю, — станемъ только веселиться и ликовать, не обращая взора своего на слезы бѣдствующихъ, заграждая слухъ свой отъ воплей несчастныхъ; если, такимъ образомъ, простремъ свою неблагодарность предъ Богомъ до того, что обратимъ въ наглое оскорбленіе Ему Его же благодѣанія и дары? Дивно-ли, что Отецъ небесный, оскорбляемый такою неблагодарностію, по временамъ, лишаетъ насъ благодѣаній Своихъ, отъемлетъ Свое благословеніе, посылаетъ на насъ скудость и гладъ, скорбь и тѣсноту, не хочетъ подавать намъ того, что мы сами такъ безумно обращаемъ въ гибель души своей? Не должно-ли паче удивляться тому, что праведный гнѣвъ Его не погубляетъ насъ въ конецъ, что неисповѣдимое долготерпѣніе Его еще щадитъ насъ, ожидая

нашего обращенія и покаянїя, да не погибнемъ во грѣхахъ нашихъ, да не будемъ стяжане и брашно чуждему?)

Злѣ просятъ, наконецъ, тѣ, которые сами нераскаянно злы и преступны предъ Богомъ, не заботясь о покаянїи и исправленїи своей жизни. Можетъ-ли ожидать себя знаковъ любви и благоволенїя отца своего преступный сынъ, отвергшїйся своихъ родителей, пренебрегшїй любовь ихъ, непокояющїйся вождь ихъ, неисполняющїй заповѣдей ихъ? Такъ и грѣшникъ, забывшїй о небесномъ Отцѣ своемъ, презирающїй Его любовь и милосердіе, не страшашїйся Его правды и величїя святости, безстрашно преступающїй всесвятую волю Его, не исполняющїй святыхъ и животворныхъ Его заповѣдей, можетъ-ли быть угоденъ предъ лицемъ Его, обращаться къ Нему съ молитвою, ожидать отъ Него даровъ любви и благости? (Не заботясь очищать совѣсть свою искреннимъ покаянїемъ, онъ приходитъ, наконецъ, въ глубину золь, становится, по слову апостола, *сожженнымъ* своею *совѣстью*; тогда благодать Божїя отступаетъ отъ него и *предаетъ его въ неискусенъ умъ творити неподобная*; покровъ милости и благоволенїя Божїя отъемлется отъ него, и онъ предается всѣмъ послѣдствїямъ злыхъ дѣлъ своихъ. Тогда и самая молитва его, если бы онъ и захотѣлъ когда-либо молиться, какъ исходящая отъ нечистаго и нераскаяннаго сердца, бываетъ ему въ грѣхъ. Посему-то истинно богопрїятная и плодоносная для насъ молитва не разлучна съ богоугодною и богобоязненною жизнїю, или же съ искреннимъ всесердечнымъ покаянїемъ и сокрушенїемъ предъ Богомъ. Покаялись Ниневитяне и возопили ко Господу во вретѣ и пелѣ, и Господь помиловалъ ихъ, отвратилъ отъ нихъ гнѣвъ Свой. Раскаялся Манассїя, находясь въ плѣну и въ темницѣ, и Господь услышалъ молитву его, и не только избавилъ его изъ темницы, но и возвратилъ ему царство. Въ слезахъ раскаянїя грѣшница Марїя Египетская возопила къ Пречистой Матери Божїей, давши обѣтъ не возвращаться къ прежней незаконной жизни, и тотчасъ сподобилась войти въ храмъ Божїй, поклониться животворящему Кресту и живоносному Гробу Господню. Такъ Богъ *любитъ праведниковъ, и молитву ихъ услышитъ*; но Онъ съ оте-

ческою любовію пріемлетъ и грѣшниковъ кающихся и не презритъ моленія ихъ. Аминь.

XIV. Шестая Седмица св. Четырдесятницы.

61. С Л О В О — П Е Р В О Е.

Душеполезную совершивши? Четырдесятницу, и святую седмицу страсти Твоя просимъ видѣти, Человѣколюбче!

И такъ милосердый Господь сподобилъ насъ окончить и еще одну св. Четырдесятницу и достигнуть святыхъ, спасительныхъ и свѣтоносныхъ дней страданія, смерти и воскресенія Своего. Предъ нами открывается теперь чудный рядъ тѣхъ великихъ и страшныхъ, но вмѣстѣ умилительныхъ, животворныхъ и утѣшительныхъ событій, коими окончилось земное поприще воплотившагося для спасенія нашего Сына Божія, въ которыхъ совершилось наше искупленіе отъ клятвы грѣховной, наше избавленіе отъ смерти вѣчной, наше оправданіе отъ лежавшей на насъ тяжкой вины предъ правосудіемъ Божиимъ, какъ воскресеніе и обновленіе къ лучшей и высшей жизни.

Кто провелъ св. Четырдесятницу такъ, какъ заповѣдуетъ св. Церковь,—въ постѣ и благоговѣніи, въ молитвѣ и сокрушеніи сердечномъ, кто очистилъ душу и сердце свое слезами покаянія, кто съ горячею любовію къ Господу соединился съ Нимъ прискренно причащеніемъ тѣла Его, для кого св. Четырдесятница была воистину безмятежною: какія высокія, неизъяснимыя языкомъ человѣческимъ утѣшенія ожидаютъ его въ предстоящіе поистинѣ великіе и спасительные дни! Самъ Господь Іисусъ Христосъ приметъ его въ ликъ присныхъ и друзей Своихъ, возведетъ душу его въ пренебесный чертогъ Свой, гдѣ омоетъ ее своею благодатію отъ послѣдняго прильпнувшего ей праха земныхъ суетъ и дастъ ей вкусить той сокровищной манны, которою питаются на небѣ блаженные духи праведныхъ; введетъ ее въ живое, прискреннее соучастіе страстей Своихъ, чтобъ воз-

веселить потомъ тою неизглаголанною радостью воскресенія Своего, которая составляетъ всегдашнее непрестающее радованіе о Господѣ духовъ чистыхъ и святыхъ, которой никто и ничто на землѣ не можетъ отнять у души, любящей Господа. Кто, напротивъ, проведетъ св. Четыредесятницу не такъ, какъ бы требовали святость дней ея и истинная польза души, тому преимущественно должно воспользоваться наступающими спасительными днями страстей Христовыхъ къ своему освященію и спасенію. Кто знаетъ — дождемся ли мы еще св. Четыредесятницы, — благопріятнаго времени покаянія и исправленія себя? Увидимъ-ли еще на землѣ спасительныя страданія Христовы, залогъ и источникъ нашего обновленія, оживотворенія и спасенія? Или же будемъ похищены смертію среди заботъ и печалей житейскихъ, во время веселія и наслажденій плотскихъ, — въ день, въ который не ожидаемъ, и въ часъ, который не чаемъ?

Но — слава неизреченному долготерпѣнію Божію! — предъ нами отверзаются и еще двери милосердія Божія, намъ открывается входъ во святилище покаянія, предъ нами и еще являетъ Господь Свой страданія и язвы, Свой крестъ и гробъ, чтобы къ нимъ мы могли притекать съ покаяніемъ и сокрушеніемъ о грѣхахъ своихъ и изъ нихъ получить себѣ милость и оставленіе грѣховъ, жизнь и спасеніе. Не останемся же, возлюбленніи, неблагодарными милосердію Искупителя нашего, не будемъ хладными, безчувственными зрителями Его спасительныхъ страданій, подъятыхъ за спасеніе наше, не будемъ равнодушны и къ собственной участи своей, которая ожидаетъ насъ въ вѣчности!

Для чего долготерпитъ на насъ Господь нашъ? Для того, безъ сомнѣнія, чтобы мы имѣли всю возможность очистить и загладить грѣхи свои, заслужить вѣчное воздаяніе въ небесныхъ обителяхъ праведныхъ, приготовить себя, какъ должно, къ той вѣчной Пасхѣ, которую будетъ торжествовать вся вселенная во второе славное пришествіе Христово, въ день всеобщаго воскресенія мертвыхъ. Для чего дается намъ седмица страстей Христовыхъ? Для того, чтобы, въ продолженіи ея, при воспоминаніи искупительныхъ страданій Сына Божія за грѣхи наши мы положили начало покаянію,

утвердились на пути благоговѣйной и благочестивой жизни въ страхѣ Божиѣмъ; чтобы, потомъ, и по окончаніи св. Четырехдесятницы, памятуя всегда понесенныя за насъ Господомъ страданія, не отлагали попеченія о спасеніи души своей, не погружались всецѣло въ мутное море мірскихъ суетъ и тревоженій, не преставали пользоваться тѣми благодатными средствами ко спасенію, коими пользовались во время поста.

Ибо что иное вся земная жизнь наша, какъ не одна непрестанная Четырехдесятница—время трудовъ и подвиговъ, поприще покаянія и исправленія себя, время приготовленія, себя къ вѣчной жизни пасхѣ на небѣ? Нынѣ всѣ мы изгнанники изъ рая: можно-ли жъ искать упокоенія въ странѣ изгнанія? Теперь всѣ мы подъ карою Правосудія Божія, коимъ осуждены на страданія и скорби: можно-ли жъ предаваться веселію преступнику во время исполненія надъ нимъ казни? Теперь всѣмъ намъ заповѣдано идти къ небесному отечеству скорбнымъ и узкимъ путемъ покаянія и плача, самоотверженія и креста, подвиговъ и добродѣтелей,— во слѣдъ пострадавшаго за насъ Господа Иисуса Христа: кто-жь захотѣлъ-бы отречься отъ сего, произвольно осудить себя на вѣчное удаленіе отъ лица Божія, на вѣчное отчужденіе отъ обитателей радости и блаженства, на вѣчное изгнаніе во страну нескончаемой скорби и мученія? Въ продолженіе жизни мы обязаны непрестанно бороться съ живущимъ въ насъ грѣхомъ, побѣждать въ себѣ похоти и страсти, противувоюющія закону ума нашего и плѣняющія насъ въ рабство грѣху, очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа; а потому всегда обязаны, по заповѣди Спасителя, нести крестъ свой, быть распятыми міру, живыми же для Бога и Его правды. Если отречемся отъ сего, то какъ избѣжимъ вѣчнаго осужденія, которое неминуемо постигнетъ всякаго грѣшника? Какъ избѣжимъ того страшнаго гнѣва Божія, который открывается съ небеси на всякую неправду? И такъ, если подвигъ Четырехдесятницы состоитъ въ постѣ и молитвѣ, въ покаяніи и очищеніи себя отъ всякія скверны плоти и духа, то это подвигъ всей нашей жизни. По сему-то, брат. мои, и по окончаніи св. Четырехдесятницы не должно оставлять ни поста, ни молитвы, ни покаянія.

Нѣтъ времени въ жизни нашей, когда-бы не нужно было святое воздерживаніе и когда-бы позволительно было предаваться неводержанію. *Блаженіи алчущіи нынѣ*, говоритъ Господь, *яко насытитесь: обаче горе вамъ пресыщенніи нынѣ, яко взалчете. Внемлите себѣ, да некогда отлечаютъ сердца ваша обзяденіемъ и пѣанствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапно день той: яко стѣть бо придетъ на вся живуція на лицѣ всея земли *)*. Не было еще человѣка въ мірѣ, который безъ воздержанія и поста побѣдилъ-бы въ себѣ страсти плотскія и покорилъ-бы плоть свою духу, достигъ-бы блаженнаго безстрастія, той чистоты плоти и духа, который требуетъ св. Евангеліе. А безъ этого какъ войти въ обители блаженства вѣчнаго, куда не входитъ ничто-же скверно? Какъ наследовать царствіе Божіе, которое *нѣсть пища и питіе, но миръ и радость о Дусѣ Святѣ*?

Никто не скажетъ также, чтобы когда-либо не была необходима для насъ молитва. Ибо ею освобождается духъ нашъ отъ тяжелыхъ оковъ, коими опутываютъ его земные помыслы: ею, какъ крыліями, возносится онъ горѣ — къ престолу Божію, въ блаженное царство духовъ безсмертныхъ и дышетъ небеснымъ воздухомъ. Она, какъ золотой ключъ, отверзаетъ намъ всѣ сокровища благодати и любви Божія: *аминь, аминь глаголю вамъ*, говоритъ самъ Господь, *елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ*; ею, какъ крѣпкимъ оружіемъ, побѣждаются всѣ козни и навѣты духа злобы; ибо *сей родъ*, по слову самого Господа, *ничимъ же можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ*. Ею испрашивается божественная помощь во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ нашихъ, которыя безъ благословенія Божія и безъ осѣняющей благодати Духа Святаго — безсильны и бесплодны. Неудивительно посему, что святые и богоносные Отцы почитали молитву столько же необходимою для духовной жизни человѣка, сколько необходимо дыханіе для жизни его тѣлесной. Можемъ-ли же мы почитать ее ненужною для себя, въ какое бы то ни было время?

*) Лук. 6, 21. 25; 21, 34—35.

Столь же необходимо для насъ и покаяніе во всякое время жизни. Источникъ зла и грѣха не изсякаетъ въ нашемъ сердцѣ, доколѣ живемъ въ этой мертвенной плоти; и сколько бы ни старались преграждать его, онъ всегда проторгается наружу: то въ помыслахъ лукавыхъ и нечистыхъ, гордыхъ, тщеславныхъ и презорливыхъ, то въ желаніяхъ завистливыхъ и корыстолюбивыхъ, плотоугодныхъ и смрадныхъ, то въ ощущеніяхъ и услажденіяхъ нечистыхъ и омерзительныхъ предъ лицомъ Божиимъ, то въ словахъ праздныхъ, пересудливыхъ и не скромныхъ, то въ дѣяніяхъ преступныхъ и беззаконныхъ. *Аще речемъ, яко грѣха не имамы*, говоритъ Апостоль, *себе прельщаемъ и истинны нѣсть въ насъ: много бо согрѣшаетъ вси* *). Какъ скоро является у насъ какая-либо тѣлесная болѣзнь, мы тотчасъ заботимся объ исцѣленіи, готовы рѣшиться на все, лишь бы возстановить разстроившееся здоровье: будемъ-ли отлагать время врачеванія души своей, когда впадаемъ въ недуги духовныя, когда совѣсть наша ощущаетъ въ себѣ язву грѣховную? Станемъ-ли оставлять въ пренебреженіи страждущую душу безъ врачества покаянія въ ожиданіи, пока опять придетъ Четырехдесятица? Нѣтъ, какъ тѣлесный, такъ еще болѣе душевный недугъ должно врачевать тотчасъ, немедля, иначе язва сдѣлается неисцѣльною, навыкъ ко грѣху возрастетъ и сдѣлается непреодолимымъ, сердце ожесточитъ, совѣсть заглохнетъ, и мы явимся сухими вѣтвями въ вертоградѣ Господнемъ, а такія вѣтви посякаютъ и во огонь влагаютъ.

По сей-то крайней необходимости для насъ тѣхъ спасительныхъ средствъ, коими пользовались къ очищенію себя и примиренію съ Богомъ во время четырехдесятицы, — св. Церковь заповѣдуетъ ихъ намъ и во всякое другое время. Поучая всегдашнему воздержанію, она опредѣлила, притомъ въ каждую седмицу проводить въ постѣ и воздержаніи два дня, посвящать и воспомнанію спасительныхъ страданій Господа Иисуса Христа. Совершая сама повседневныя молитвословія свои, она приглашаетъ и всѣхъ, имѣющихъ возможность, участвовать въ ея молитвахъ; заповѣдуетъ

*) I Іоан. 1, 8.

каждому изъ насъ начинать и оганчивать каждый день жизни своей усердною молитвою, освящать молитвою начало и конецъ всякаго дѣла житейскаго. Предостерегая всячески чадъ своихъ отъ грѣховъ и беззаконій, она заповѣдала, притомъ въ каждый вечеръ, приносить Богу искреннее покаяние во всѣхъ грѣхахъ, сдѣланныхъ въ теченіи дня; установила, и кромѣ четырехдесятницы, другіе посты, чтобы всякій какъ можно чаще могъ очищать свою совѣсть исповѣданіемъ грѣховъ своихъ предъ служителями церкви. Такъ заботливо св. мать наша старается приготовить насъ къ той вѣчной Пасхѣ, которую будутъ праздновать избранные въ невечернемъ дни царствія Божія.

Будемъ, брат. мой, слѣдовать сему мудрому водительству св. Церкви, и по окончаніи св. Четырехдесятницы, во всю земную жизнь нашу. Не оставимъ святаго воздержанія и не предадимъ, подобно Исаву, благодатнаго сыноположенія за пріятныя снѣди и питія. Возлюбимъ св. молитву, какъ животворную пищу и питіе души нашей, и не будемъ удаляться отъ крова Отца небеснаго подобно овцамъ заблудшимъ. Если же, по навѣту діавола, подвергнемся когда-либо грѣхопадению, поспѣшимъ тотчасъ во врачевницу покаянія, да не возрадуется о насъ исконный врагъ нашъ, да не восплачется о насъ Ангелъ Хранитель нашъ, да не будемъ стяжаніе и брашно чуждому. Силою креста твоего сохрани насъ Господи. Аминь.

62. С Л О В О—В Т О Р О Е.

Душеполезную совершивше Четырехдесятницу, и святую седмицу страсти Твоея просимъ видѣти, Человѣколюбче!

И такъ, прошла и еще одна св. Четырехдесятница, какъ проходитъ все на землѣ нашей, какъ пройдетъ, наконецъ, и вся земная жизнь наша. Счастливы, брат., тѣ изъ насъ, которые это святое и душеполезное время употребили въ истинную пользу души своей. Блаженны тѣ, которые—въ

продолженіе св. Четырдесятницы—успѣли не только освободить душу свою отъ тяжелаго ига грѣховнаго истиннымъ покаяніемъ и оживотворить ее причащеніемъ животворящаго тѣла и крови Христовой, но и сотворить плоды достойны покаянія и утвердиться, сколько возможно, на пути заповѣдей Господнихъ. *Блаженн, иже оставишася беззаконія и иже прикришася грѣси,* — говоритъ Пророкъ Божій.

Блаженн: ибо истинное покаяніе, соединенное съ живою вѣрою во Иисуса Христа Сына Божія и крѣпкимъ упованіемъ на милосердіе Отца небеснаго, примиряетъ грѣшника съ правосудіемъ Божиимъ, возвращаетъ ему любовь и благоволеніе Отца небеснаго, Который приѣмлетъ кающагося въ объятія любви Своей, нарицаетъ его сыномъ Своимъ, ущедряетъ его дарами благодати Своей, подаетъ ему въ сердце залогъ и обрученіе всесвятаго Духа Своего вопіющаго: Авва, Отче! Чтожь можетъ быть болѣе утѣшительнаго въ мірѣ, какъ ощущать въ сердцѣ своемъ это сыновнее чувство близости своей къ Отцу небесному, молиться Ему и уповать на Него съ сыновнимъ дерзновеніемъ, быть увѣреннѣмъ въ наслѣдіи небесныхъ сокровищъ въ дому Отца своего? Истинное покаяніе примиряетъ насъ и съ собственною совѣстію, очищая ее отъ мертвыхъ дѣлъ кровію Христовою, принося ей оправданіе и отпущеніе грѣховъ отъ лица Самого Господа, по непреложному обѣтованію Духа Божія, изреченному устами Апостольскими: *еще исповѣдуемъ грѣхи наша, стѣренъ естъ и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша.* Почему въ сердцѣ покаявшагося уже не чувство страха и отчаянія, а чувство живаго упованія и радости: *слушу моему даси радость и веселіе, возрадуются кости смиренныя,* говоритъ покаявшійся и помилованный Давидъ. Истинное покаяніе примиряетъ насъ и съ цѣлымъ небомъ, со всѣми св. Ангелами и духами праведниковъ, написанныхъ на небесѣхъ, у которыхъ бываетъ *радость велия и о единомъ грѣшникѣ кающемся,* такъ что покаявшіеся грѣшники бываютъ уже *не странни и пришельцы* въ дому Отца небеснаго, *о сожителе святымъ и присни Богу.* Истинное покаяніе примиряетъ насъ и со всѣми человѣками, бра-

тіями нашими во Христъ, равно какъ грѣхъ и беззаконіе поселяеть между нами вражду и раздѣленіе; ибо не иначе возможно отпущеніе намъ грѣховъ отъ Бога, какъ подъ условіемъ искренняго прощенія нами всѣмъ оскорбившимъ насъ, взаимнаго примиренія нашего со всѣми ближними нашими, совершеннаго уничтоженія между нами всякой вражды, памятозлобія и недоброжелательства: *еще ли не отпущаете челоуькомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ.* Для истинно нокаявшагося всѣ земныя скорби, болѣзни и страданія, уже не казнь гнѣва Божія, убивающая отчаяніемъ, а цѣльбоносное врачество, подаваемое небеснымъ Врачемъ и утѣшающее надеждою душевнаго здравія и спасенія; — отеческое вразумленіе и наказаніе, за которымъ слѣдуетъ сугубая милость и утѣшеніе: *его же бо любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же приемлетъ: еже бо нынѣ легкое печали нашаея тяготу вѣчныхъ славы содѣловаетъ намъ.* Истинно покаявшагося не только не ужасаетъ, а напротивъ радуеть и самая смерть, которая исхитить его изъ міра, полнаго соблазновъ и искушеній, и преселить въ обители мира и радости въ дому Отца небеснаго, избавить его отъ тѣла смерти сея, въ которомъ живетъ грѣхъ, и отъ самой опасности прогнѣвлять Господа новыми грѣхами, и преселить въ общество духовъ чистыхъ и святыхъ. Словомъ: истинное покаяніе, возвращеніе насъ въ лоно любви и милосердія Отца небеснаго, приноситъ душѣ кающагося тотъ внутренній, превосходяй всякъ умъ, миръ, который успокоиваетъ сердце живымъ упованіемъ блаженства въ вѣчно-блаженномъ царствѣ Божіемъ; — ту святую радость о Господѣ, которая напоминаетъ, проницаеть и просвѣтляетъ все существо челоуька радостію неизглаголанною и прославленною; — тотъ небесный восторгъ, который ощущалъ въ себѣ св. Давидъ, помилованный и оправданный Богомъ послѣ тяжкаго грѣхопаденія и послѣ слезнаго и болѣзненнаго покаянія, который заставлялъ его забыть все въ мірѣ, забыть самого себя и погрузиться, такъ сказать, всѣмъ существомъ своимъ въ благодарномъ ощущеніи неизреченной любви, благодати и милосердія Божія. *Что ми есть на не-*

беси, говорилъ онъ, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Ты, Боже, часть моя во вѣкъ: тебѣ рече сердце мое. Господа възыщу; възиска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възыщу; возрадуюся о спасеніи Твоемъ. Во истину блаженни, ихже оставишася беззаконія и ихже прикрывшася грѣси; блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха.

Кто, въ продолженіе св. Четырдесятницы, стяжалъ это духовное сокровище—истиннымъ покаяніемъ, т. е., рѣшительнымъ отвращеніемъ отъ грѣха, болѣзненнымъ сокрушеніемъ сердца о томъ, что грѣхами своими оскорблялъ и прогнѣвлялъ любовь Отца небеснаго и второе распиналъ Сына Божія въ себѣ, рѣшкимъ и неотступнымъ желаніемъ быть всегда со Христомъ Господомъ живою вѣрою и упованіемъ, рѣшимою любовію и исполненіемъ святыхъ и животворныхъ Его заповѣдей, того въ наступающіе святые и великіе дни ожидаетъ высшее, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, утѣшеніе. Ибо все, что есть истинно отраднаго и утѣшительнаго для насъ и въ настоящей и въ будущей жизни нашей, и на землѣ и на небѣ, заключено въ крестной смерти и воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа. Предстоя кресту и гробу Господню, истинно вѣрующая и кающаяся душа чувствуетъ все величіе и безпредѣльность любви Божіей къ намъ грѣшнымъ, сознаетъ всю цѣну и достоинство самой себя, для избавленія которой Самъ Единородный Сынъ Божій уничтожилъ Себя, потерпѣлъ тяжчайшія страданія и самую мучительную смерть, постигаетъ весь ужасъ вѣчнаго отверженія и отлученія отъ Бога и вѣчнаго осужденія съ діаволомъ, чувствуетъ и всю цѣну искупленія нашего кровію Христовою. Все это исполняетъ ее отраднымъ чувствомъ умиленія и благоговѣнія предъ величіемъ любви Божіей, утѣшительною надеждою на милосердіе Божіе и побуждаетъ излиться въ сладостныхъ слезахъ благодаренія Господу Спасителю. Когда же настанетъ свѣтоносный день славнаго Воскресенія Христова, когда св. Церковь призоветъ къ сорадованію съ собою и небо и землю, міръ видимый и невидимый, то какой небесный восторгъ обьметъ ее, вознесетъ ее превыше всего земнаго, туда, гдѣ блистаетъ неве-

черній свѣтъ царствія Божія, гдѣ обрѣщутъ вѣчный покой и радость всѣ труждающіеся здѣсь во славу Божию и для спасенія души своей, гдѣ отъиметь Господь всякую слезу отъ очей избранныхъ своихъ и радость вѣчная надъ главою ихъ будетъ. Въ сей-то свѣтоносный день Воскресенія Христова всѣ нужды и скорби ваши, усердно подвизавшіеся въ постѣ и покаяніи братія, принесутъ тотъ вождѣлѣнный плодъ, котораго не вкушалъ и не вкуситъ никогда тотъ, кто не испыталъ горечи истиннаго покаянія.

Что-жь дѣлать тѣмъ, для которыхъ св. Четыредесятница прошла, какъ проходятъ и всѣ дни ихъ жизни, безъ всякаго плода для души ихъ, которые—и въ эти дни спасенія не начали, какъ должно, дѣла своего спасенія, которые—и въ это благопріятное время всеобщаго покаянія—не положили и начала истиннаго покаянія? Братія возлюбленная, что же мѣшаетъ и вамъ посвятить всецѣло наступающіе великіе и святыя дни спасительныхъ страстей Христовыхъ дѣлу своего спасенія? Что препятствуетъ и вамъ явиться предъ крестомъ и гробомъ своего Спасителя съ искреннимъ раскаяніемъ и сокрушеніемъ сердца? Слушая благовѣстіе св. Евангелистовъ, пусть каждый скажетъ самому себѣ: се Единородный Сынъ Божій снисшелъ на землю, воспріялъ на себя брѣнное естество наше, обходилъ грады и веси Израилевы съ благовѣстіемъ царствія Божія, чтобы взыскать и спасти погибшаго чловѣка, призвать мытарей и грѣшниковъ къ покаянію, — и сколько братій моихъ—покаяніемъ и вѣрою—спаслись отъ смерти вѣчной, сколько подобныхъ мнѣ грѣшниковъ предварили и предваряютъ меня во царствіи Божіемъ! А я доселѣ, какъ овца заблудшая, убѣгаю отъ пасущаго меня добраго пастыря, и ищу самъ своей гибели: не жалкое-ли это ослѣпленіе? Не достойна-ли вѣчныхъ мукъ ада такая неблагодарность? Слушая евангельскую повѣсть о страданіяхъ и крестной смерти Господа Иисуса Христа, пусть размыслить каждый съ самимъ собою: эти страшныя страданія претерпѣлъ Господь и за мои грѣхи и беззаконія; эта святѣйшая кровь Сына Божія пролита и для моего очищенія и освященія. Сего мало: премилосердый Господь уже очистилъ, омылъ, оправдалъ и освятилъ меня Своею кровію въ таинствѣ св.

крещенія, дароваль мнѣ залогъ и обрученіе всесвятаго Духа Своего, содѣлалъ меня причастникомъ святѣйшаго тѣла и крови Своей, но я грѣхами моими попралъ кровь завѣтную, обезчестилъ Духа благодати, погубилъ небесный даръ сыноположенія и своею нераскаянностію второе распинаю Сына Божія. Какой геенны достаточно будетъ для возмездія такому презрителю снисхожденія и долготерпѣнія Божія? Какихъ мученій довольно будетъ для отмщенія такому оскорбителю высочайшей любви Божіей? Взирая на образъ лежащаго во гробѣ пречистаго тѣла Христова, подумай, возлюбленный, такъ: и меня ожидаетъ гробъ и могила, и мнѣ предстантъ смерть и разлученіе съ этимъ міромъ, дни мои переходятъ, какъ сонъ востающаго; смерть каждодневно похищаетъ собратій моихъ: что, если она похититъ и меня среди грѣховной моей жизни, безъ истиннаго покаянія, безъ заглаженія грѣховъ моихъ слезами сокрушенія сердечнаго и дѣлами благими? Что, если я умру не со Христомъ, а съ разбойникомъ нераскаяннымъ,—не спогребшисъ Христу поканіемъ? Какъ предстану я предъ лицомъ сладчайшаго Искупителя моего? Какъ явлюсь я предъ соборомъ святыхъ, вѣрою и поканіемъ благоугодившихъ Господу? Премилосердый Господи, просвѣти омраченный умъ мой свѣтомъ благодати Твоя, порazi и сокруши окамененное сердце мое страхомъ суда Твоего, воздвигни силою креста Твоего падшій духъ мой изъ глубины грѣховныя. Прими и мое поканіе, какъ принялъ разбойника кающагося. Да будутъ сіи дни спасенія всего міра днями спасенія и мене погибшаго грѣшника!

Кто проведетъ такимъ образомъ хотя эти спасительные дни страстей Христовыхъ съ искреннимъ исповѣданіемъ грѣховъ своихъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не возвращаться къ прежней грѣховной жизни, съ крѣпкимъ желаніемъ благоугождать Господу исполненіемъ святыхъ заповѣдей Его, тотъ не лишится мзды животворной радости воскресенія Христова.

Любостивъ бо сый Владыка, приѣмлетъ послѣдняго, якоже и перваго, упокоиваетъ и во единонадесятый часъ пришедшаго, якоже и дѣлавшаго отъ перваго часа. Аминь.

63. СЛОВО ВЪ СУББОТУ ЛАЗАРЕВУ.

Въ больничной церкви при Стурдазовской богадѣльнѣ и общинѣ Сердобольныхъ сестеръ, по случаю произнесенія нѣкоторыми сестрами обѣта и возложенія на нихъ крестовъ.

Любляше Иисусъ Марфу и сестру ея и Лазаря (Иоан. 11, 5).

И всѣхъ человѣковъ безпредѣльно любилъ и любить Господь нашъ Иисусъ Христосъ, за всѣхъ пролилъ Онъ кровь Свою и положилъ душу Свою, всѣхъ призываетъ въ вѣчное царство Отца Своего, и со всѣми общается раздѣлить высочайшую славу Свою, которую имѣлъ Онъ у Отца прежде сложенія міра (Иоан. 17, 22. 25). Но св. евангелистъ замѣчаетъ, какъ нѣкоторую особенность, любовь Его къ семейству Лазаря. Въ чемъ эта особенность? Въ томъ, что Господь Иисусъ Христосъ удостоилъ святое семейство Виванское Своего дружества: *Лазарь другъ нашъ усне*, говорилъ Онъ о смерти Лазаря.

Высока и вождѣнна почестъ быть только рабомъ и слугою Господа; сами св. апостолы почитали высочайшею для себя честію именоваться рабами Христовыми и самые св. ангелы именуется только слугами Божиими: какъ же безпримѣрно велико счастье тѣхъ, которыхъ Самъ Господь благоволилъ назвать Своими друзьями! Выше и болѣе сей чести не можетъ пожелать себѣ никакое изъ самыхъ высшихъ сотворенныхъ существъ. По истинѣ, подумаете, блаженны и преблаженны видѣвшіе Господа во плоти, что могли послужить Ему въ земной Его жизни, подобно Марѣѣ и Маріи, и заслужить отъ Него высокое титуло друзей Его!

Но это высочайшее счастье принадлежитъ, возлюбленнымъ, не однимъ современникамъ Господа по плоти, которые могли видѣть Его тѣлесными очами, слышать слово Его, подобно Маріи, изъ самыхъ Божественныхъ устъ Его, принимать и угощать Его, подобно Марѣѣ, въ дому своемъ. Господь Иисусъ Христосъ *вчера и днесъ, той же во вѣки*. И нынѣ всегда Онъ особенно любитъ всѣхъ, которые сами являютъ Ему

особенную любовь свою; именуешь и сродниками и друзьями Своими тѣхъ, которые искренно желаютъ благоугождать Ему особенными подвигами любви, которые отъ чистаго сердца приносятъ Ему какую-либо жертву любви: *иже сотворитъ волю Отца Моего, Иже есть на небесахъ*, говорилъ Онъ слушавшимъ Его, *той братъ Мой и сестра и мати Ми есть*.

Посему-то во имя Самого Господа Иисуса Христа не усомнимся возвѣститъ вамъ, возлюбленные сестры, что вашъ священный обѣтъ служить Господу въ лицѣ страждущихъ братій своихъ возводить и васъ въ это вождеденнѣйшее званіе друзей Христовыхъ; потому что особенно приближаетъ васъ къ Нему, пришедшему *благовѣстити нищимъ, исцѣлти сокрушенныя сердца, отпустить сокрушенныя во отраду*. Сострадавая болящимъ и страждущимъ, можете-ли быть далеки отъ сердца сладчайшаго Иисуса, *спострадавшаго немощамъ нашимъ*? Посвящая себя утѣшенію, облегченію и исцѣленію страданій челоувѣческихъ, не приближаетесь-ли къ Тому, Который Самъ *недуги наша пріятъ и болѣзни понесе*, Который *цѣлилъ и врачевалъ всяку болѣзнь и всяку язву въ людехъ*? *Нося немощи немощныхъ*, не раздѣляете-ль блаженной участи Симона Киринейскаго, удостоившагося понести крестъ Христовъ позади Его? Будучи такъ близки душою и сердцемъ къ тѣмъ, которыхъ Самъ Господь называлъ Своими братіями, раздѣляя чувства ихъ скорби и горести, ихъ сердечной молитвы къ единному Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, можете-ли не быть близкими любвеобильному сердцу Иисуса, нарекшему Себя ихъ братомъ? Служа съ любовью и усердіемъ Господу въ лицѣ братій Его меньшихъ, не явно-ли становитесь въ чинѣ Марѳы и Маріи — друзей Христовыхъ? Предайте же отнынѣ все сердце свое Иисусу Христу не только какъ Господу и Владыкѣ своему, но и какъ высочайшему своему Другу, — возлюбите Его всей душою, какъ небеснаго Жениха своего; — и Онъ возлюбитъ васъ, какъ любилъ Марѳу и Марію, и будетъ другомъ вашимъ, какъ былъ другомъ Виванскихъ друзей Своихъ; соблюдайте во всемъ вѣрность Ему, какъ другу своему; а Онъ *впренъ въ словесахъ Своихъ и преподобенъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ*.

Первый признакъ истиннаго дружества есть искренность и откровенность. У друзей искреннихъ одна душа и одно сердце; между ими нѣтъ и не должно быть ничего, что нужно было бы скрывать и утаивать, чего нельзя бы открыть и сказать. Господь Иисусъ Христосъ ничего не скрылъ и не утаилъ отъ насъ: *вся, лже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 15). Онъ открылъ намъ всю глубину преисполненнаго любви и милосердія сердца Своего; а избраннымъ и друзьямъ Своимъ открываетъ и такія тайны, которыя сокрыты отъ вѣкъ и родовъ, въ которыя и самыя *Ангелы желаютъ проникнути*; имъ показываетъ Онъ всѣ небесныя сокровища Свои, о которыхъ *не лтъ есть человеку глаголати*. Такой же искренности и откровенности Онъ требуетъ и отъ друзей Своихъ: *сыне, даждь Ми сердце твое; открой ко Господу путь твой*. Правда, предъ Нимъ, какъ Сердцевѣдцемъ, ничто и не можетъ быть сокрыто и утаено: *вся нага и объявлена* предъ очами Его. Вся душа наша, со всѣми сокровеннѣшими мыслями и чувствами своими, ясна предъ Нимъ, какъ день. Но мы, къ несчастію своему, можемъ терять живое сознаніе о семъ всевѣдѣннѣи, можемъ представлять Господа, какъ-бы далече сущимъ отъ насъ, можемъ скрывать и не высказывать предъ Нимъ всего, что есть въ нашемъ сердцѣ, можемъ удалять такимъ образомъ душу свою отъ Господа. Отъ сей-то скрытности предъ Господомъ да сохранить васъ благодать Божія и св. Ангелъ Хранитель вашъ; ибо слѣдствіемъ ея будетъ то, что вы почувствуете всю тяжесть своего одиночества, скуку и уныніе духа; и ваше служеніе сдѣлается для васъ безотраднымъ, тяжелымъ бременемъ, безъ дружественнаго участія и помощи Иисуса Христа. Посему-то и нужно вамъ, возлюбленные, непрестанно помнить, что вы всегда и вездѣ предъ очами Божественнаго Друга своего, который назираетъ сердце ваше, право-ли оно предъ Нимъ и не измѣняетъ-ли Ему въ чемъ нибудь; да будутъ душа и сердце ваше всегда открыты предъ Нимъ во всѣхъ сокровеннѣйшихъ движеніяхъ своихъ. О чемъ бы вы ни думали, думайте предъ Господомъ; чего бы ни желали, желайте предъ Господомъ; о чемъ бы ни радовались, радуйтесь предъ

Господомъ; о чемъ ни печалились, *печаль* свою *возвѣщайте предъ Господомъ*. Взойдетъ-ли даже на сердце ваше какая-либо нечистая мысль, взволнуется-ль оно какимъ-либо непріязненнымъ чувствомъ или гнѣва, или зависти, или неудовольствія, или огорченія: спѣшите немедленно исповѣдать все это предъ Господомъ въ сокрушенной и покаянной молитвѣ, и просите Его, чтобы Онъ простилъ вамъ вольное или невольное согрѣшеніе ваше, чтобы не отринуть васъ, какъ недостойныхъ Его любви и дружества, не лишилъ васъ благодати и милости Своей, а хранилъ-бы вашъ умъ и сердце отъ всего неугоднаго предъ Нимъ и помогъ вамъ благоугождать Ему во всемъ. Всякая затаенная недобрая мысль легко можетъ усилиться, возрасти и овладѣть всей душою; всякое, скрываемое въ душѣ, нечистое чувство можетъ претвориться въ постоянную склонность, вожделѣніе и похоть, овладѣть сердцемъ и увлечь его въ грѣхъ, и, вмѣсто дружества съ Иисусомъ Христомъ, ввести васъ въ содружество съ веліаромъ. Помните, возлюбленные, что Божественный Другъ вашъ есть другъ—ревнитель. Всякій нечистый помыслъ Онъ видитъ и осуждаетъ; всякое нечистое похотѣніе сердца есть уже оскорбленіе Его высочайшей чистоты и святости; всякое враждебное, непримирительное, злобное или завистливое чувство омерзительно предъ Его высочайшею любовію и благодію; всякое намѣренно и съ сознаниемъ сдѣланное грѣховное дѣло лишаетъ насъ благодати Всевятаго Духа Божія, безъ которой *не можетъ творите ничегоже* истинно добраго и угоднаго Богу. Блюдите же, чтобы настоящій обѣтъ вашъ, который составляетъ предметъ радости св. Ангеловъ, и исполняемъ былъ съ тою же искренностію предъ Сердцевѣдцемъ, съ какою произносится нынѣ предъ Церковію, и не посрамилъ васъ въ день суда предъ Ангелами Божиими!

Истинное дружество скрѣпляется взаимными услугами. Не достало бы времени повѣствовать о томъ, какую величайшую, непостижимую умомъ и неисповѣдимую языкомъ человѣческимъ услугу оказалъ Господь Иисусъ Христосъ, пришедшій *не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу избавленіе за многихъ*. Господь и Владыка всяческихъ, сый сіяніе славы и образъ Упостаси Бога Отца, Онъ

*смирилъ Себе, зракъ раба приимъ, въ подобіи человѣчествѣ бывъ, и образомъ обрѣтесе якоже чловкъ, чтобы въ насъ, растлѣнныхъ грѣхомъ, обновить и возсоздать Свой божественный образъ. Господь славы, всеблаженный по существу, Онъ провелъ всю земную жизнь Свою въ убожествѣ и нищетѣ, въ трудахъ и подвигахъ, въ алчбѣ и жадбѣ, за насъ, предавшихся суетѣ, похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской. Творецъ и Владыка всѣхъ, Онъ терпѣлъ озлобленія и гоненія, клеветы и осужденія, поруганія и оплеванія, истязанія и бїенія отъ рабовъ Своихъ, чтобы избавить насъ отъ поношенія и уничтоженія грѣховнаго. Судія міра, Онъ преданъ былъ на осужденіе смерти, на жесточайшія страданія и мучительнѣйшую смерть крестную, чтобы освободить насъ отъ осужденія смерти и заслужить намъ оправданіе жизни, чтобы избавить насъ отъ вѣчныхъ мученій адовыхъ и даровать намъ жизнь вѣчную во царствіи Божіемъ. Не должно-ли и намъ, искупленнымъ цѣною божественной крови Его, посвятить всю жизнь нашу, всѣ силы души и тѣла нашего на служеніе Ему? Не въ этомъ-ли служеніи Господу состоитъ все достоинство и цѣна настоящей жизни нашей? Не этимъ-ли служеніемъ и благоугожденіемъ Господу мы можемъ сдѣлаться достойными наследовать завѣщанное Имъ царство? *Аще кто Мнѣ служитъ*, говоритъ намъ Господь нашъ, *Мнѣ да послѣдуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ*. И такъ, первѣе всего, возлюбленныя сестры, возблагодарите Господа отъ всей души вашей, что Онъ призвалъ васъ на служеніе Себѣ и избавилъ отъ служенія міру и суетѣ его, что удостоилъ васъ чести раздѣлять съ Нимъ попеченіе о страждущихъ братіяхъ Его, что открылъ вамъ поприще оказать Ему Самому услугу истиннаго дружества и стать въ число ближнихъ и друзей Его. Одна мысль о семъ будетъ для васъ истиннымъ утѣшеніемъ и отрадою во всѣхъ трудахъ вашихъ. Какъ бы ни былъ иногда тяжелъ и для плоти и для духа трудъ вашъ, поминайте всегда, что это трудъ для Господа, Который Самъ подъялъ для спасенія нашего такіе труды и болѣзни, предъ которыми всѣ труды наши малы и ничтожны; что истинные ученики Христовы, по любви*

своей къ Господу, терпѣли благодушно и съ радостію не только многія бѣды и напасти, но и самыя жестокія страданія и мученія. Какъ бы ни казалось уничиженнымъ ваше служеніе въ глазахъ людей изнѣженныхъ, преданныхъ роскоши и удовольствіямъ плотскимъ, вы поминайте всегда, какъ высоко оно предъ очами Господа, Который Самъ вмѣнилъ Себѣ въ высочайшую славу быть распятымъ на крестѣ со злодѣями за спасеніе человѣковъ; какъ велико и свято предъ Отцемъ небеснымъ, Который *Сына Своего едиnorodнаго не пощадъ*, но предалъ Его на смерть для спасенія презрѣнныхъ грѣшниковъ. *Аще кто Мя служитъ*, говоритъ Господь, *почтитъ его Отецъ Мой*. Какъ бы ни представлялась безотрадною ваша участь въ глазахъ людей, привышихъ жить по своимъ прихотямъ, *мянущихъ блаженство быти вседневное насыщеніе и покой плоти*, вы поминайте слово апостольское, что *стѣяй въ плоть, отъ плоти поженетъ истлѣніе, а стѣяй въ духъ, отъ духи и поженетъ животъ вѣчный*; что за труды и скорби, подъятыя во имя Господа, съ живою вѣрою и любовію къ Нему, въ упованіи жизни вѣчной, ожидаетъ васъ вѣчная слава, радость и блаженство во царствіи Божіемъ, а жизнь праздная, изнѣженная и роскошная, слабодушное угожденіе прихотямъ и страстямъ своимъ приведутъ неминуемо во огонь вѣчный, уготованный диаволу. Какъ бы ни горько и болѣзненно отзывалось иногда ваше дѣло въ собственномъ сердцѣ вашемъ, вы помните всегда, что Божественный Другъ вашъ—небесный Женихъ душъ вашихъ смотритъ на подвигъ вашъ, подъятый во имя Его и по любви къ Нему, ублажаетъ васъ со избранными Своими, нарицаетъ васъ благословенными Отца Своего, призываетъ васъ въ вѣчное царство Свое: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра, взалкахся бо и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя: боленъ бѣхъ, и постыгисте Мене: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мя сотвористе* *). О, возлюбленные! какое земное счастье не явится тогда презрѣннымъ, достойнымъ

*) МѠ. 25, 34. 35. 36. 40.

горькаго плача и слезъ, предъ симъ неизреченнымъ блаженствомъ!

Если стала смущать васъ собственная немощь, то вѣруй-те несомнѣнно, что Божественный Другъ нашъ Иисусъ Христосъ есть и будетъ всегда вашимъ вѣрнымъ помощникомъ, защитникомъ и покровителемъ. Непощадившій Самого Себя для спасенія нашего можетъ-ли отказать намъ въ чемъ-либо? Если и слабые люди приносятъ Ему въ жертву то, что въ ихъ власти — желаніе, усердіе и готовность на всякое благое дѣло, то Онъ-ли — Всемогущій — умедлитъ подать имъ Свою силу? У Него-ли — Всесовершеннаго — не достанетъ премудрости, чтобъ наставлять и руководить васъ, или любви и благодати, чтобъ утѣшить и ободрить васъ, или могущества, чтобъ защитить васъ, или милосердія, чтобъ пощадить васъ, или благодатной силы, чтобъ помочь вамъ и укрѣпить васъ? *Мой еси ты, говорить Онъ душѣ вѣрующей и преданной Ему, и аще преходиши сквозь воду, съ тобою есмь, и рѣки не потопятъ тебе. Призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя. Просите и примите, ищите и обрящете, толцѣте и отверзится вамъ. Аминь бо глаголю вамъ: вся, елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.* Послѣ такихъ обѣтованій, чего не можемъ испросить у Него, если будемъ просить по волѣ Его, съ живою вѣрою въ Него, съ горячею любовію къ Нему, съ намѣреніемъ употребить данное во славу Его всесвятаго Имени? Онъ — Многомилостивый — не возлагаетъ на насъ креста свыше силы нашей, не полагаетъ бремени, котораго не можемъ понести. И если Онъ призвалъ васъ на дѣло служенія страждущимъ братіямъ Своимъ, то, безъ сомнѣнія, потому, что видѣлъ и вашу готовность служить Ему и вашу способность понести тяготу сего служенія. — Вѣруйте несомнѣнно, что совершившееся съ вами и въ васъ совершилось Его божественною благодатію, что Онъ самъ предъизбралъ и освятилъ васъ на дѣло сіе Своимъ вседѣйствующимъ благословеніемъ. Предайте же себя всецѣло Его всесвятой волѣ и Его всеблагому промышленію; — и божественная благодать Его пребудетъ съ вами,

и всемогущая сила Его въ немощи вашей совершится. Аминь.

XV. Недѣля шестая св. čtyредесятницы.

64. С Л О В О.

И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ (Лук. 19, 41).

Такъ замѣчаетъ евангелистъ о томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ Господь Иисусъ Христъ, торжественно срътаемый, входилъ въ Иерусалимъ.

Что-жь побуждало Господа проливать слезы объ Иерусалимѣ, когда самъ Иерусалимъ сръталъ Его съ такимъ необычайнымъ торжествомъ? Неразуміе и нераскаянность его жителей были причиною этихъ слезъ. Не смотря на трехлѣтнюю проповѣдь Господа о царствіи Божіемъ, на безчисленные знаменія и чудеса Имъ сотворенныя, на полное и совершенное событіе на Немъ всѣхъ древнихъ пророчествъ о Мессіи, народъ Іудейскій, за исключеніемъ немногихъ, послѣдовавшихъ за Господомъ, признавшихъ въ Немъ обѣтованнаго Искупителя міра, своего Владыку и Господа, предавшихся Ему всѣмъ сердцемъ и всею душою, — остался равнодушнымъ зрителемъ всего, что совершилось посреди его, не призналъ въ Иисусѣ своего Спасителя и Господа, не увѣровалъ въ Него всѣмъ сердцемъ своимъ, не предался Ему всей душою, и за то долженъ былъ подвергнуться всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ своего невѣрія и ожесточенія.

Чтобы предохранить народъ Израильскій отъ сего бѣдствія, сдѣлано было все, что нужно и что можно. Для сего издревле многочастнѣ и многообразнѣ глаголалъ Богъ въ пророцѣхъ, предвозвѣстилъ весь путь спасенія, всѣ обстоятельства земной жизни Искупителя, чтобы, по явленіи Своемъ на земли, Онъ могъ быть узнанъ всѣми. Для сего посланъ былъ Іоаннъ Предтеча, чтобы приготовить народъ къ пришествію Спасителя покаяніемъ и крещеніемъ во Иорданѣ, чтобъ указать ему въ Иисусѣ *Агнца Божія, вземлющаго*

грѣхи міра, чтобъ засвидѣтельствовать предъ всѣми, *яко сей есть Сынъ Божій*. Для сего Самъ Господь обходилъ всю Іудею и Галилею съ благовѣстіемъ о наступленіи царства Божія, призывая всѣхъ къ покаянію и вѣрѣ во евангеліе; многократно посѣщалъ и Іерусалимъ, возвѣщая всѣмъ, что Онъ посланъ отъ Отца, *да всякъ вѣрующій въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*, убѣждалъ свидѣтельствомъ дѣлъ Своихъ, что Онъ есть Сынъ Божій — *путь, истина и животъ, и никтоже придетъ ко Отцу, токмо Имъ*, что для сего *подобаетъ всѣмъ родитися свыше*, безъ чего никто не можетъ видѣти царствія Божія, что невѣрующіе въ Него и непокаяшіеся осуждены будутъ въ погибель вѣчную. Для сего сотворилъ Господь безчисленное множество чудесъ, *ихже инъ никтоже сотвори* и сотворить не можетъ, въ которыхъ яснѣе солнца являлось Его божественное всемогущество и власть, и, наконецъ, за нѣсколько дней предъ симъ, предъ самыми, такъ сказать, вратами Іерусалима, сотворилъ величайшее чудо, воззвавъ изъ гроба четверодневнаго мертвеца. И вотъ, въ послѣдній разъ Онъ является Іерусалиму, чтобъ испытать окончательно, приметъ-ли Его народъ Іудейскій, какъ обѣтованнаго Искупителя и Сына Божія, какъ предвозвѣщеннаго пророками Царя своего и Господа, или же не узнаетъ Его и отвергнетъ. По видимому, и дочь Сіонова возбудилась отъ своего нечувствія, поняла всю важность совершающагося событія. Толпы народа, одна другой многочисленнѣе, выходятъ во срѣтеніе грядущему Царю своему; радостныя восклицанія и крики, одни другихъ громче, несутся изъ тысячи устъ въ честь Его; финиковыя вѣтви, — символъ побѣды, мира и радости, — потрясая воздухъ, со всѣхъ сторонъ падаютъ къ стопамъ Его. Но чтоже? Срѣтаемый съ такою торжественностію Царь Израилевъ, *видѣвъ градъ, плакался о немъ*. Всевѣдущій видѣлъ, что все эти знаки усердія были слѣдствіемъ минутнаго, какъ бы невольнаго увлеченія, что подъ ними скрывается привычная холодность душъ и сердець; тоже невѣріе и та-же нераскаянность, что изъ этой самой толпы многіе, кричащіе теперь такъ громко: *осанна сыну Давидову*, явятся скоро у преторіи Пилатовой и еще громче

будутъ кричать: *возми, возми, распни Его*; что эта-же толпа будетъ потомъ не только съ равнодушiемъ, но и съ злорадованiемъ сопровождать Его на Голгофу; что эти же люди, столько, по видимому, усердствующиЕ Ему, будутъ издѣваться надъ Нимъ -- распятымъ на крестѣ, вмѣстѣ съ фарисеями и книжниками; что и самое воскресенiе Его изъ мертвыхъ не вразумитъ и не приведетъ къ покаянiю ожесточенныхъ въ невѣрiи, и они съ тѣмъ-же ожесточенiемъ будутъ преслѣдовать учениковъ Его. Все это предвидѣлъ Господь: *и плакася о Иерусалимѣ, глаголя: яко аще-бы разумѣлъ и ты, въ день сей твой, яже къ смиренiю твоему!* Если-бы ты уразумѣлъ, какъ драгоценно для тебя настоящее время, котораго желали дожить величайшиЕ праведники и не дожили; если-бы ты понялъ, въ чемъ истинная цѣль Моего пришествiя и какъ воспользоваться духовными сокровищами, которыя Я приношу тебѣ съ Собою; если-бы ты принялъ Меня не безумными криками, а живою вѣрою и сердечною любовью и предался Мнѣ всею душою и сердцемъ своимъ! *Нынѣ-же скрыся сіе отъ очию твоєю*: ты смѣжилъ духовныя очи свои, чтобъ не видѣть чудесъ и знаменій, для вразумленiя твоего совершенныхъ; закрылъ слухъ свой, чтобы не слышать истины, столько разъ возвѣщенной тебѣ, омрачилъ и ожесточилъ свое сердце, чтобы не послѣдовать гласу Моему, не увѣровать въ Меня— Спасителя твоего, не предаться Мнѣ всецѣло, яко Царю своему и Господу; ты возлюбилъ тьму свою, и *не пришелъ ко свѣту, да не явятся дѣла твоя, яко лукава суть*; не восхотѣлъ покаяться и обратиться отъ пути нечестiя къ Богу отцевъ своихъ. *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и каменiемъ побивай посланныя къ тебѣ, коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, яко-же кокошь собираетъ птенцы своя подъ криль, — и не восхотѣсте! *)* За то долженъ будешь пожать горькіе плоды своего ослѣпленiя и упорства: *яко придутъ днiе на тя, и обложатъ враги твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя и обымутъ тя отвсюду, и разбiютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и*

*) Матѣ. 23, 37.

не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже не разумѣлъ еси времени посѣщенія твоего.

Что случилось, брат. мой, съ Иерусалимомъ и народомъ, нѣкогда избраннымъ и возлюбленнымъ Богомъ, то самое можетъ случиться и съ каждымъ изъ насъ, именующихся христианами, *народомъ святымъ, людьми обновленія.* Каждая душа для спасенія своего должна принять внутрь себя своего Спасителя и Господа, сочетаться съ Нимъ и на вѣки живою вѣрою и любовію, усвоиться Ему въ удѣлъ вѣчный всецѣлою преданностію волѣ Его, соединиться въ единъ духъ съ Господомъ, чтобы жить Его жизнію, одушевляться Его пресвятымъ Духомъ, — съ Нимъ трудиться, исполняя волю Отца Небеснаго, съ Нимъ нести крестъ въ жизни своей, терпѣть и страдать, съ Нимъ и блаженствовать вѣчно во царствіи Его; или же, напротивъ, отвергнувъ Его, подобно Іудеямъ, остаться въ состояніи грѣха и отчужденія отъ жизни Божіей, въ плѣну врага Божія—дѣвола и страдать вѣчно въ гееннѣ, уготованной дѣволу и ангеломъ его.

Чтобы предохранить насъ отъ послѣдней злосчастной участи, чтобы всякая душа грѣшная познала своего Спасителя, обратилась къ Нему всеѣмъ сердцемъ своимъ, сочеталась съ Нимъ вѣрою и любовію и предалась всецѣло всесвятой волѣ Его; для сего благодать Божія употребляетъ множество средствъ, равно дѣйствующихъ на всѣхъ и cadaго. Для сего Господь даровалъ намъ свое *живое и дѣйственное Слово, острѣйшее всякаго меча обоюду остра, проходящее до раздѣленія души же и духа и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* *), въ которомъ открывается вся воля Божія о насъ и весь путь спасенія нашего, все, что сдѣлалъ Богъ для спасенія нашего и что должно дѣлать намъ, чтобы спастися. Для сего Онъ повелѣлъ совѣсти нашей вопіять внутрь насъ неумолкаемымъ гласомъ или осужденія и прещенія, или утѣшенія и ободренія. Для сего Онъ поставилъ внѣшняго стража душъ нашихъ — св. Церковь Свою, съ ея божественными и живоносными свя-

*) Евр. 4, 12.

щеннодѣйствіями и таинствами, съ ея святыми и освящающими учрежденіями и обрядами, съ ея неоскудѣвающимъ священствомъ и пастырствомъ. Для сего Онъ призываетъ насъ, по временамъ, къ судилищу покаянія, чтобы заставить насъ подумать о страшномъ и послѣднемъ судѣ Его и о томъ, что послѣдуетъ за этимъ судомъ. Для сего Онъ являетъ намъ крестъ и гробъ Свой, напоминаетъ о претерпѣнныхъ Имъ за грѣхи наши страданіяхъ и мученіяхъ крестныхъ, чтобы смягчить и умилиить сердце наше теплою преизбыточествующей любовью Своей къ намъ грѣшнымъ. Для сего Онъ Самъ является и приходитъ къ намъ въ таинствѣ тѣла и крови Своей, даетъ намъ соединиться съ Нимъ неразрывнымъ, вѣчнымъ союзомъ. Но, кромѣ сего, бываютъ въ жизни человѣка дни особенныхъ посѣщеній Божіихъ, поразительныхъ и потрясающихъ, когда зовъ къ покаянію бываетъ громче и досязаетъ до глубины сердца грѣшника; когда благодать Божія предстаетъ ему, такъ сказать, лицомъ къ лицу и какъ бы говоритъ ему: одно изъ двухъ или покаяніе и милость, или нераскаяніе и гибель; когда грѣшная душа и сама невольно чувствуетъ важность происходящаго съ нею, начинаетъ изъявлять желаніе познать волю Божію, оставить путь грѣха и нечестія, обратиться къ Богу и начать новую, лучшую жизнь.

Блаженна та душа, которая будучи взыскана, такимъ образомъ, отъ Господа, не ограничиваетъ своего обращенія къ Нему однимъ внѣшнимъ, скоропреходящимъ выраженіемъ любви и усердія, но, предавшись Ему, яко Царю своему и Господу, однажды и навсегда, всецѣло и нераздѣльно, ходитъ по стопамъ Его, исполняетъ во всемъ всесвятую волю Его, не отступаетъ отъ Него ни дѣломъ ни мыслію, ни желаніемъ, ни намѣреніемъ. Блаженна душа, которая, сочетавшись съ Господомъ любовію крѣпкою, николиже отпадающею, всѣми своими мыслями и чувствами, всѣмъ желаніемъ и усердіемъ пребываетъ въ Немъ, какъ розга, на лозѣ и, какъ дитя, въ объятіяхъ матери своей. Господь приѣмлетъ такую душу подъ особенный покровъ Свой и въ ближайшее содружество съ Собою, вселяется и обитаетъ въ ней, становится для нея Наставникомъ и Пастыремъ, Питателемъ

и Хранителемъ, Врачемъ и Утѣшителемъ, свѣтомъ и жизнію, и не оставляетъ ее никогда, доколѣ, очистивъ и освятивъ ее, ввести въ пренебесный чертогъ Свой, въ обитель вѣчной радости и блаженства въ дому Отца Небеснаго. Чтобы ни случилось съ нею въ этой жизни, какимъ-бы ни подвергалась она бѣдствіямъ и скорбямъ въ этомъ мірѣ, ничто не умалитъ ея блаженства, ничто не разлучитъ съ Господомъ, доколѣ она сама неотступно пребываетъ съ Нимъ и въ Немъ—вѣрою, любовію и упованіемъ, всею жизнію духа своего, всею силою и крѣпостію воли своей.

Но горе тому, кто, при всѣхъ гласахъ призывающей его благодати Божіей, не обращается отъ грѣха къ Богу искренно, твердо, невозвратно, всей душою и сердцемъ,—или же, подобно древнимъ жителямъ Іерусалима, ограничивается одними внѣшними, скоропреходящими знаками обращенія къ Богу, не измѣняя своей жизни на лучшее, не обновляя своего духа и сердца, не принося достойныхъ плодовъ покаянія. Горе тому, кто, и начавъ ходить во слѣдъ Господа, *храмлетъ*, по выраженію Пророка, *на обѣ плеснь*, и озирается вспять,—начавъ служить Богу, не оставляетъ и угожденія міру и страстямъ своимъ, страшится и избѣгаетъ того полного самоотверженія, котораго требуетъ Господь отъ Своихъ послѣдователей. Такое легкомысліе по отношенію къ вѣчной участи души своей, такое раздвоеніе сердца между Богомъ и мамоною, такое колебаніе между жизнію и смертію не можетъ продолжаться навсегда; обыкновеннымъ слѣдствіемъ его бываетъ перевѣсъ зла надъ добромъ въ душѣ человѣка,—большии мракъ въ умѣ, большее охлажденіе и окамененіе сердца, глубочайшее ниспаденіе въ бездну грѣха. Не замѣчали-ль сами, брат. мои, надъ собою, что, послѣ исповѣди, принесенной съ искреннимъ раскаяніемъ, съ глубокимъ отвращеніемъ отъ грѣховной жизни, съ твердымъ намѣреніемъ оставить навсегда путь грѣха и начать новую, лучшую и богоугодную жизнь,—нѣкій божественный свѣтъ осіяваетъ душу; въ сердцѣ является благодатная теплота и горячее усердіе служить и благоугождать Господу, въ волѣ—желаніе и готовность сдѣлать все къ заглаженію грѣховъ своихъ и къ исполненію заповѣдей Божіихъ, совѣсть облег-

чается какъ бы отъ какого-то тяжелаго бремени, начинаетъ яснѣе познавать волю Божию, бодрѣе и бдительнѣе охранять душу отъ уклоненія на путь грѣха и неправды? Напротивъ, послѣ каждой исповѣди, если она приносится безъ искренняго раскаянія, безъ глубокаго отвращенія ко грѣху, безъ твердаго намѣренія оставить навсегда путь беззаконія и неправды, безъ искренняго желанія начать новую, лучшую жизнь, увеличивается равнодушіе и холодность, забываніе о Богѣ и вѣчности, возрастаетъ и усиливается грѣховная склонность ко всякому злему дѣлу, пріемлють большую силу и власть надъ душою страсти, слабѣетъ и замираетъ голосъ совѣсти. Не предвѣстіе-ли это крайняго ожесточенія, конечнаго оскудѣнія въ душѣ благодати Божіей, безъ которой человѣкъ, по естеству своему, — сынъ гнѣва и гибели? Такое состояніе души, искупленной кровію едиnorodнаго Сына Божія, поистиннѣе достойно слезъ не только человѣка, а Самого Богочеловѣка!

Но не помогли слезы Господа Іерусалиму, — и онъ преданъ доселѣ на попраніе языкомъ. Не помогутъ слезы Господа и намъ, если не уразумѣемъ времени посѣщенія нашего; если не захотимъ вникнуть и размыслить объ истинной цѣли бытія нашего на земли, т. е., о томъ, къ чему предназначилъ и призвалъ насъ Господь Богъ нашъ, что сдѣлано Имъ и что остается сдѣлать намъ, чтобы быть участниками вѣчной славы и блаженства въ дому Отца небеснаго и не быть изверженными на всю вѣчность изъ царства Божія во тму кромѣшнюю; если земное и временное до того ослѣпитъ наши духовныя очи, что не узримъ въ многоразличныхъ путяхъ жизни нашей путей Промысла Божія, ищущаго насъ, зовущаго къ покаянію, возбуждающаго отъ мрачнаго сна грѣховнаго, влекущаго насъ къ Богу, въ царство свѣта, радости и блаженства; если, при всѣхъ дѣйствіяхъ на насъ Божіей любви и правды, милосердія и правосудія, останемся хладны и безчувственны; если на всѣ призыванія и гласы благодати Божіей будемъ отвѣчать обычнымъ легкомысліемъ, холодностію и невниманіемъ. Чтобы слезами Господа омылись наши грѣхи, надобно, чтобы къ нимъ примѣшались и наши горькія слезы о грѣхахъ нашихъ, чтобы печаль о нераска-

янности и погибели человѣческой, наполнявшая сердце Господа, перешла въ нашу душу, наполнила наше сердце и изгнала изъ него всё нечистыя радости грѣховныя, ибо эта печаль по Божѣ покаяніе нераскаянно содѣловаетъ во спасеніе. Словомъ, надобно истинно покаяться, обновиться и возродиться, оставить навсегда жизнь грѣховную и начать жизнь богоугодную и святую.

Неизреченное милосердіе и долготерпѣніе всеблагаго Искупителя нашего и Господа и еще вводитъ насъ, братіе, во всечестные дни Его искупительныхъ страданій и смерти, живоноснаго погребенія и тридневнаго воскресенія: не есть-ли это новый, а для нѣкоторыхъ, можетъ быть, и послѣдній уже зовъ къ покаянію. Воспользуемся же, братіе, этимъ даромъ любви и долготерпѣнія Божія. Да станетъ каждый предъ крестомъ и гробомъ Искупителя своего и да скажетъ: Владыко человѣколюбче и Господи, вполне чувствую, какъ безмѣрно я оскорбляю Твою благодать и долготерпѣніе, блуждая доселѣ по распутіямъ грѣха и беззаконій, творя волю страстей своихъ и діавола. Прости мнѣ мое безуміе и злобу, и непусти мнѣ погибнуть во грѣхахъ моихъ! Теперь вижу всю мерзость дѣлъ моихъ, и прибѣгаю къ Тебѣ съ покаяніемъ; теперь вижу всю опасность моего грѣховнаго состоянія, и всѣмъ сердцемъ желаю возвратиться на путь жизни святой и богоугодной. Просвѣти омраченный умъ мой свѣтомъ благодати Твоей, порази и сокруши окамененіе сердца моего страхомъ Суда Твоего; воздвигни силою Твоею падшій духъ мой изъ глубины грѣховныя, да отнынѣ положу спасенія моего начало! О семъ яви человѣколюбіе Твое, да не одолѣетъ моя злоба Твоей неизглаголанной благодати и милосердія, и имже вѣси судьбами, спаси мя! Аминь.

XVI. Страстная седмица.

65. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКІЙ ВТОРНИКЪ — ПЕРВОЕ.

*Въсте, яко по двояю дню Пасха
будеть и Сынъ Человѣчскій пре-
данъ будетъ на пропятіе (Ме.
26, 2).*

Тагъ заключилъ Господь поучительную и грозную предсказаніями бесѣду Свою на горѣ Елеонской о разрушеніи Іерусалима, о кончинѣ міра и о второмъ пришествіи Своемъ на судъ. Послѣ предсказанія о событіяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, Онъ обращаетъ особенное вниманіе ихъ на событія ближайшія, болѣе важныя, плодомъ и слѣдствіемъ которыхъ будетъ вся послѣдующая судьба не только народа Іудейскаго, но и всего міра и человѣчества, — на страданія и крестную смерть Свою. *Въсте, яко по двояю дню Пасха будетъ, и Сынъ Человѣчскій преданъ будетъ на пропятіе.* Если подобное напоминаніе нужно было и для первыхъ учениковъ Христовыхъ, которые давно уже, *оставльше вся, во слѣдъ Его идоша*, которые предали Ему всю душу и сердце свое, Ему вручили всю судьбу свою и временную и вѣчную, съ Нимъ готовы были и въ темницу и въ смерть идти; тѣмъ болѣе намъ, брат., нужно возбуждать свое вниманіе и усердіе въ предстоящіе великіе и святыя дни страданія и смерти нашего Господа, — намъ, которые ни въ какомъ случаѣ не можемъ сравнить себя съ св. Апостолами ни въ любви своей ко Господу, ни въ самоотверженіи ради Господа. Между тѣмъ и отъ насъ, брат. мой, требуется тоже, что и отъ первомучениковъ Господнихъ; ибо всѣмъ, безъ исключенія, сказалъ Господь: *аще кто хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.* Всѣхъ безъ исключенія призываетъ св. Церковь сшествовать Господу, грядущему къ вольной страсти: *Приидише и мы* — тагъ научаетъ она — *очищенными смыслами сшествуемъ Ему, но распнемся и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ, да и оживемъ съ Нимъ.*

Теперь-то, брат. мои, намъ и нужно усугубить свою ревность, чтобы изыти на гласъ жениха съ горящимъ свѣтильникомъ вѣры, любви и упованія, чтобъ идти во слѣдъ грядущаго на вольную страсть Господа, чтобы сшествовать Ему до креста и гроба, да сподобимся узреть и славу воскресенія Его.

Какъ сшествовать? Первѣе всего неопустительнымъ пребываніемъ во храмъ Божіемъ, внимательнымъ слушаніемъ чтеній Пророческихъ, Евангельскихъ и Апостольскихъ, благоговѣйнымъ размышленіемъ о всемъ слышимомъ и видимомъ. Богомудрый чинъ богослуженія нашего такъ устроенъ духовными Отцами, что храмъ Божій будетъ попеременно представлять намъ то горницу Сіонскую, то Геосиманію и Голгоѳу, то вертоградъ Іосифовъ и Гробъ Господень. Здѣсь мы увидимъ, какъ Господь и Спаситель нашъ въ послѣдній разъ вечерялъ и бесѣдовалъ съ учениками Своими, показалъ имъ трогательнѣйшій примѣръ Своего глубочайшаго смиренія, умывъ имъ ноги; преподалъ имъ Божественное тѣло и кровь Свою въ залогъ прискрененія, вѣчнаго соединенія ихъ съ Собою; услышимъ трогательнѣйшую бесѣду Его съ избранными и друзьями Своими, какъ называлъ Онъ учениковъ Своихъ, предъ коими открылъ Онъ все любвеобильное сердце Свое, — Его ходатайственную, первосвященническую молитву ко Отцу Своему о всѣхъ вѣрующихъ во имя Его, *да вси едино будутъ въ Немъ, якоже Онъ едино со Отцемъ Своимъ, да идыже естъ Онъ, и тѣмъ будутъ съ Нимъ, да видятъ славу Его, юже имѣлъ Онъ у Отца прежде сложенія міра.* Здѣсь увидимъ, какъ подвигоположникъ и Господь нашъ, обремененный неизмѣримою тяжестью грѣховъ всего міра, подвергается тяжкимъ страданіямъ душевнымъ въ саду Геосиманскомъ, ищетъ утѣшенія въ крѣпкой молитвѣ ко Отцу Своему, и молится до кроваго пота; какъ предается, потомъ, въ руки враговъ Своихъ, судится и осуждается нечестивымъ соборомъ беззаконниковъ, подвергается біенію, заушенію, поруганію и оплеванію; какъ приводится къ Пилату, въ видѣ преступника и злодѣя, облачается въ одежду поруганія и терновый вѣнецъ, предается бичеванію и истязаніямъ жестокосердыхъ воиновъ; какъ

изводится, потомъ, неся крестъ Свой, на лобное мѣсто казни, солекается одежду Своихъ и приговждается ко кресту со злодѣями; какъ осмѣиваемый всѣми, Онъ молится за распинателей Своихъ, исповѣдуемый сораспятымъ съ Нимъ разбойникомъ, отверзаетъ ему рай, а самъ въ томительной жаждѣ и тягчайшихъ мукахъ предаетъ духъ Свой Отцу; какъ, наконецъ, прободается во ребра однимъ изъ воиновъ, снимается со креста и погребается во гробъ Іосифомъ Аримаѳейскимъ. Все это, говорю, увидимъ здѣсь; потому что цѣлю повѣствованія св. Евангелистовъ было, да вообразится въ насъ Христось, чтобы предъ очами нашими Исусъ Христось преднаписанъ былъ,—въ насъ распять; и образъ повѣствованія ихъ таковъ, что когда слушаешь ихъ, всѣ событія какъ-бы оживаютъ предъ тобою, представляются какъ-бы совершающимися предъ самыми глазами. Будь только внимателенъ, слушай читаемое, созерцай совершающееся, не вноси съ собою во храмъ Божій ничего, что могло бы отвлечь твое вниманіе отъ страждущаго Господа, что могло бы наполнить воображеніе нечистыми образами, волновать и умъ и сердце смутными помыслами. Кто будетъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ присутствовать во храмъ Божіемъ; кто будетъ съ живымъ участіемъ любящаго сердца, съ молитвеннымъ настроеніемъ духа взирать на страждущаго Господа; тотъ будетъ и умомъ и сердцемъ своимъ сшествовать Ему и спострадать Ему. По сему-то нельзя довольно оплакать несчастія тѣхъ, которые, или по лѣности или по легкомыслію не хотятъ пребывать съ Господомъ въ эти послѣдніе дни земной Его жизни, которая вся посвящена была нашему спасенію, не почитаютъ святымъ долгомъ благодарности, хотя мысленно сочувствовать тѣмъ жесточайшимъ страданіямъ и мученіямъ, которыя претерпѣлъ Господь за грѣхи наши.

Но св. Церковь призываетъ насъ, брат., не только сшествовать Господу очищенными смысломъ, а и сораспяться и умертвиться Его ради житейскимъ сластемъ. Иначе что принесло бы намъ пользы и самое присутствіе въ храмъ Божіемъ и самое воспоминаніе спасительныхъ страстей Христовыхъ? Омраченный нечистыми и суетными помыслами

умъ не можетъ созерцать свѣта Божественной славы, явленной во искупленіи человѣческаго рода страданіями и смертію Сына Божія. Волнуемый страстями и нечистыми пожеланіями духъ не способенъ воспріять и отразить въ себѣ Божественный образъ Голговецкаго Страдальца. Одебелѣвшее въ плотскихъ вожделѣніяхъ сердце не восчувствуетъ и не обьетъ величія любви Божественной, для избавленія нашего предавшей на смерть Единороднаго Своего Сына,—не умягчится росю благодати Божіей и не издастъ благоуханія слезной умиленной молитвы, соединяющей душу нашу во единъ духъ съ Господомъ. Не отвергшаяся искренно всего грѣховнаго и нечистаго, душа останется мертвою и не сооживетъ съ Господомъ, не разрѣшится отъ узъ мрака, которыми связалъ ее сатана. Для того и подъялъ Господь нашъ вольныя страданія и смерть, чтобъ очистить насъ отъ всякаго грѣха, сотворить насъ Себѣ языкомъ святымъ, царскимъ священіемъ, людьми обновленія. Какъ же было бы оскорбительно для Него, если бы мы и предъ Его крестомъ и гробомъ явились въ древней нечистотѣ грѣховной, въ рубищѣ страстныхъ вожделѣній и житейскихъ сластей; если бы все дѣло Его безпримѣрной любви и снисхожденія къ намъ бѣднымъ и окаяннымъ грѣшникамъ, всѣ страданія и болѣзни Его остались въ насъ безплодными? Не причинили-ль бы новыхъ страданій своему Спасителю и Господу, если бы ради Его, заклатаго за грѣхи наши, не хотѣли закласть и умертвить какую-либо обладающую нами страсть? Итакъ, если кто связалъ себя враждою къ своему ближнему, да изгонитъ ее изъ сердца своего ради Того, который *укоряемъ противу не укоряше, стражда не прещаше*; да проститъ отъ всего сердца всякое оскорбленіе, обиду и озлобленіе ради Того, Который не преставаеъ называть предателя Своимъ другомъ въ самую минуту предательства, и распинаемый молился за Своихъ распинателей. За это простятся и намъ прегрѣшенія наши, какъ сказалъ намъ Самъ Господь: *аще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваши*. Если къмъ обладаетъ духъ гордости, самомнѣнія, превозношенія и тщеславія, да изгонитъ его изъ сердца своего, да смиритъ и

уничжить себя, какъ раба неключимаго, достойнаго всякаго безчестія и униженія, ради Того, Который, будучи по естеству Господомъ славы, *Себе умалилъ зракъ раба примъ. смирилъ Себе, послушавъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя*, смиренно претерпѣлъ всѣ униженія, оплеванія, насмѣшки и самую поносную смерть со злодѣями. Если мучить кого духъ любостыжанія, корыстолюбія и лихоимства, да изгнать его изъ сердца своего ради Господа, Который для спасенія нашего родился въ ясляхъ и жилъ, *не имѣя гдѣ главы преклонити*, умеръ — на крестѣ, Котораго распинатели не устыдились лишить и послѣдняго хитона. Если чьи уста привыкли отверзаться на празднословіе и злословіе, на осужденіе и оклеветаніе, на ропоть и негодованіе; да заградятся они молчаніемъ при видѣ Того, Кто *яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаше устъ Своихъ*, кто, будучи Судіею міра, не осуждалъ и явныхъ грѣшниковъ. *Яко всякъ гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо речетъ брату своему: рака, повиненъ есть сонмищу: а иже речетъ: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненной **). Если одолеваетъ кого духъ сластолюбія и плотоугодія, если распалаетъ кого огонь плотскихъ похотей и страстей; да погасится этотъ нечистый огонь при видѣ Того, Который насъ ради алкалъ и жаждалъ, вкушалъ оцетъ и желчь, Который предалъ всю пречистую плоть Свою на страданія и мученія, на бичеванія и раны, на истязаніе и пригвожденіе ко кресту. Пусть, въ воспоминаніе алчбы и жажды Господа, испытаетъ онъ алчбу и жажду поста и воздержанія, горечь скорби и плача о грѣхахъ своихъ. Словомъ, — да изгонится изъ сердца нашего, изъ самой памяти и воображенія все злое, нечистое, грѣховное, чѣмъ оскорбляется любовь Божія, чѣмъ возбуждается гнѣвъ Божій, чѣмъ безчестится великое и поклоняемое имя Христово? Да оттрясется отъ души нашей и прахъ житейскихъ попеченій — излишнихъ и суетныхъ, ненужныхъ и бесполезныхъ, чтобы не осквернить дней святыхъ не только дѣлами, но и словами непотребными, чтобъ

*) МѠ. 5, 22.

не отвлекать ума и сердца своего отъ помысловъ святыхъ и чувствованій благоговѣйныхъ, чтобы не уподобляться Іудѣ, который не разставался съ своимъ ковчежцемъ, помышлялъ о купляхъ и продажахъ среди тайной вечери. Не излишество яствъ и питій сдѣлають для насъ свѣтлый праздникъ Христовъ радостнымъ и пріятнымъ, а благодать Божія, утѣшающая душу, услаждающая и веселящая сердце. Не свѣтлыя одежды могутъ сдѣлать насъ достойными явиться не постыдно предъ лицомъ Господа въ день свѣтоноснаго воскресенія Его, а чистая совѣсть и непорочное сердце. Очистимъ сердце свое покаяніемъ и слезами умиленія, — и оно достойно будетъ узрѣть Господа и въ страданіяхъ и въ славѣ Его! Украсимъ душу свою дѣлами благими, — и она достойна будетъ внити въ радость Господа своего. Сраспнемся Господу слезнымъ сокрушеніемъ и болѣзненною скорбію о грѣхахъ своихъ и умертвимся Его ради житійскимъ сластемъ: тогда съ живымъ упованіемъ воспоетъ духъ нашъ въ день свѣтлаго Восресенія Христова: *Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаню днесь воскресшу Тебѣ. Сраспнхся Тебѣ очера; самъ мя спрослави, Спасе, во царствіи Твоемъ!* Аминь.

66. С Л О В О — В Т О Р О Е.

Въсте, яко по двою дню Пасха будетъ и Сынъ человеческій преданъ будетъ на пропятіе. (МѠ. XXVI, 2).

Такъ говорилъ Господь св. ученикамъ Своимъ, окончивъ бесѣду Свою съ ними на горѣ Елеонской, — безъ сомнѣнія, для того, чтобы обратить все вниманіе ихъ на предстоявшія великія событія.

Въсте, брат. мои, яко по двою дню и св. Церковь будетъ творить воспоминаніе тѣхъ же великихъ событій, на которыя указывалъ Господь Своимъ ученикамъ, — въ которыхъ совершилось наше спасеніе. Если надлежало предъ-уготовлять и предрасполагать къ симъ событіямъ умы и сердца самыхъ Апостоловъ, которые, по ихъ собственнымъ словамъ, давно оставили все и шли велѣдъ за Господомъ, съ Нимъ и за Него готовы были и въ темницу и на смерть

идти; тѣмъ болѣе нужно возбуждать и готовить себя намъ, кои ни какъ не дерзнемъ сравнить себя съ Апостолами ни въ чистотѣ и незлобїи сердца, ни въ любви къ Господу, ни въ самоотверженїи и безстрастїи къ всему земному. Посему-то св. Церковь не разъ воззывала насъ въ сіи святые дни очищенными смыслами сшествовать Господу, грядущему на вольную страсть; не разъ и еще напомнить намъ: «чувствїя наша чиста Христови представимъ, и яко друзи Его, души наша пожремъ Его ради, и не попеченїи житейскими соугнетаемся, яко Іуда».

Въ самомъ дѣлѣ, если когда, то въ предстоящіе великіе дни требуется особенная чистота духа и сердца отъ послѣдователя Христова, который, по самому имени своему, обязанъ послѣдовать за Христомъ всюду. Ибо куда призываетъ его теперь св. Церковь? Доселѣ мы воспоминали, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ странствовалъ по Іудеѣ, съ проповѣдію Евангелїя въ устахъ, съ любовїю и состраданїемъ къ бѣдствующему человѣчеству въ сердцѣ, съ чудесами милосердія и человѣколюбія въ рукахъ; какъ, вошедъ, наконецъ, торжественно во Іерусалимъ, Онъ поучалъ народъ, обличалъ лицемѣріе фарисеевъ и книжниковъ, бесѣдовалъ съ учениками Своими о послѣднихъ дняхъ міра, о второмъ пришествїи Своемъ на землю, о страшномъ судѣ Своемъ надъ родомъ человѣческимъ. Но все это было, такъ сказать, только приготовленїемъ къ тѣмъ величайшимъ событіямъ, которыя св. Церковь торжествуетъ въ послѣдніе дни настоящей святой седмицы. Мы узримъ теперь, какъ Агнецъ Божїй, взявляя грѣхи міра, въ чудномъ священнодѣйствїи Сїонскомъ, еще прежде страданїй Своихъ, Самъ Себе предпожре; какъ великая жертва, закланная за грѣхи наши отъ сложенїя міра, возносится на крестный жертвенникъ въ дивномъ всеожженїи Голгооскомъ; какъ единый, имѣяй безсмертіе, предается смерти, погребается во гробѣ, воскрешая мертвыхъ отъ гробовъ; какъ Левъ отъ Іуды, и уснувъ плотїю, ниспровергаетъ царство діавола, сокрушаетъ врата адскїя, изводитъ плѣнниковъ на свободу; какъ красное Солнце правды возсіяваетъ, наконецъ, отъ гроба и совоскрешаетъ съ Собою человѣчество. Событія чудныя и безпримѣрныя, величайшія и спа-

сительныя, подобныхъ коимъ не представляетъ вся вѣчность, ибо въ нихъ совершилось все, что ожидаетъ насъ въ вѣчности—утѣшительнаго и страшнаго, славнаго и ужаснаго.

И одно воспоминаніе о сихъ событіяхъ, чтобъ оно было воспоминаніемъ богоплоднымъ и спасительнымъ, требуетъ особеннаго вниманія и благоговѣнія, а слѣдовательно, и особеннаго предрасположенія духа, который, къ несчастію, не во всякое время способенъ у насъ къ размышленію и о не столь важныхъ предметахъ. Иначе что принесло бы намъ и самое присутствіе въ храмѣ Божіемъ, при воспоминаніи животворящихъ и спасительныхъ страстей Господнихъ? Ограченный прахомъ житейскихъ сластей умъ не узритъ свѣта Божественной славы, явленной въ искупленіи человѣческаго рода крестомъ и смертію Единороднаго Сына Божія; волнуемый бурей страстей духъ не способенъ воспріять и отразить въ себѣ Божественный образъ Голгоескаго страдалца; хладное и безчувственное сердце не оживотворится теплотою любви Божественной, для избавленія нашего предавшей на смерть Святѣйшаго святыхъ, не оживится росю благодати и не издастъ благоуханія сокрушенныхъ слезъ и чистой молитвы, при видѣ язвъ Господнихъ. Вотъ, отчего бываетъ, что присутствіе при всѣхъ торжествахъ церковныхъ — радостныхъ и печальныхъ у многихъ не оставляетъ никакого слѣда въ душѣ; отчего многіе бываютъ подобны, по слову Господню, тѣмъ дѣтямъ, о коихъ можно сказать: *нискахомъ вамъ, и не плясаете, плакахомъ, и не рыдаете* (Матѣ. 11, 17).

Но, братіе мои, намъ предлежитъ теперь не одно воспоминаніе о великихъ таинствахъ, совершившихся на Сіонѣ и Голгоѣ; отъ насъ требуется живое участіе въ сихъ таинствахъ; намъ должно быть не только свидѣтелями таинственной вечери Господней, а и причастниками божественной трапезы,—не только праздными зрителями страданій Христовыхъ, а сораспятыя Христу, дабы и совоскреснуть съ Нимъ: *приидите и мы, заповѣдуетъ св. Церковь, очищенными смыслами шествуемъ ему, и сраспнемся и умертвимся Его ради, да и оживемъ съ Нимъ*. Иначе какъ дерзнуть бы кто нибудь изъ насъ сказать въ день свѣтоноснаго воскре-

сенія Господня: *вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостая днесь воскрешу Тебѣ?* Посему-то, если когда, то теперь особенно намъ должно имѣть душу и сердце, очищенныя отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ. Для того и подъялъ Господь вольныя страданія, чтобы сотворить насъ Себѣ *языкъ святъ, царское священіе, люди обновленія*: какъ же было бы оскорбительно для Него, еслибъ мы и предъ Его крестомъ и гробомъ явились въ древней нечистотѣ грѣховной? Для того и призываетъ насъ къ таинственной трапезѣ плоти и крови Своей, чтобы соединить насъ въ единъ духъ съ Собою: кое же общеніе свѣту ко тьмѣ? *Приидите убо, очищенными смыслами сшествуемъ Господу: чувства наша чиста Христови представимъ, и яко друзи Его, души наша пожремъ Его ради.* Если у кого въ сердцѣ укоренилась вражда на ближняго, да изгонитъ онъ ее ради Господа, Который укоряемъ *противу не укоряше, стражда не прещаше, Который молился за самыхъ распинателей Своихъ.* За сіе Господь проститъ и намъ согрѣшенія наши, ибо Самъ Онъ сказалъ: *Аще отпущаете человеку согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваша.* Если къмъ обладаетъ духъ гордости, самомиѣнія и превозношенія, да изгонитъ и сокрушитъ онъ его ради Господа, Который, будучи Господомъ славы по естеству, *Себе умалилъ, зракъ раба примъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя; Который пришелъ въ міръ не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ.* Если терзаетъ кого духъ любостыжанія, да изгонитъ онъ его для Господа, насъ ради обнищавшаго, Который для спасенія нашего родился въ яслехъ, жилъ, *не имѣя гдѣ главы поклонити, умеръ на крестѣ; Котораго распинатели не устыдились лишити и послѣдняго хитона.* Если мучитъ кого огонь плотскихъ пожеланій, да погасится онъ любовію къ Тому, Который насъ ради алкалъ и жаждалъ, терпѣлъ мразъ и зной, предалъ пречистую плоть Свою на мученія и распятіе. Да оттрясется, наконецъ, отъ душъ нашихъ и прахъ житейскихъ попеченій, чтобы не осквернить дней святыхъ не только дѣлами, а и словами не подобными, чтобы не отвлечь умъ и сердце отъ помысловъ свя-

тыхъ и чувствованій благоговѣйныхъ, чтобъ не уподобиться Іудѣ, который не разставался съ своимъ ковчежцемъ, помышлялъ о купляхъ и продажахъ и среди тайной вечери.

Какъ лучшее средство къ сему очищенію, св. Церковь предлагаетъ намъ св. таинство покаянія, которое не только очищаетъ, но изглаждаетъ совершенно грѣховныя скверны, не только защищаетъ отъ гнѣва Божія, но и примиряетъ насъ съ Богомъ, возвращаетъ намъ Божественную благодать сыноположенія, изъ отверженныхъ грѣшниковъ творитъ насъ паки возлюбленными и присными Богу. Что жъ нужнѣе намъ въ настоящіе дни, какъ не подобное приближеніе въ духѣ къ своему Спасителю? И гдѣ лучше слагать бремя грѣховъ своихъ, какъ не у самаго подножія креста Господня? Когда приличнѣе спогребаться Христу, какъ не при чудномъ погребеніи Его живоноснаго тѣла? Когда необходимѣе начать ходить во обновленіи жизни, какъ не въ тѣ дни, когда обновилась вся тварь крестомъ и воскресеніемъ Христовымъ, когда самыя тѣлеса святыхъ Божіихъ вставали отъ гробовъ? Чье сердце не сотрясется и тогда, когда сотрясалась земля и распадались камни, потрясется-ли оно чѣмъ-либо и когда либо? Кто не страшится предстать нераскаяннымъ предъ престоломъ благодати, позаботится-ли о томъ, чтобъ не предстать нераскаяннымъ и предъ страшнымъ престоломъ славы Христовой? — *Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія; отложимъ убо дѣла темная и облечемся во оружіе свѣта, чувства наша чиста Христови представимъ, и яко друзи Его, души наша пожремъ Его ради, и не попеченми житейскими соугнетемся, яко Іуда. Аминь.*

67. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ СРЕДУ—ПЕРВОЕ.

*Достигши върши спасительную
страсть Христа Бога, неизрече-
нное Его долготерпѣнїе просла-
вимъ, яко да благоутробїемъ Сво-
имъ совоздвигнетъ и насъ умерщ-
вленныхъ грѣхомъ.*

Такое наставленіе преподаетъ намъ св. Церковь въ насто-
ящіе по истинѣ великіе и святыя дни! — Милосердый
Господь сподобилъ насъ окончить и еще одну св. четыре-
десятницу, и достигнуть святыхъ, спасительныхъ и свѣто-
носныхъ дней божественныхъ страданій, смерти и воскресе-
нїя Своего. Отверзаетъ предъ нами Божественный чертогъ
таинственной Вечери, да внидемъ и вечераемъ съ Нимъ;
являетъ предъ нами Голгову съ крестомъ и гробомъ Своимъ,
да узримъ славу живоносныхъ и спасительныхъ страданій
Его, да возрадуемся и возвеселимся въ святоносный день
воскресенїя Его.

Что иное значить это, какъ не явное свидѣтельство Его
божественнаго милосердія и долготерпѣнїя къ намъ грѣш-
нымъ? Многіе изъ тѣхъ, которые въ мимошедшее лѣто
вмѣстѣ съ нами проводили святыя дни сіи, вмѣстѣ пред-
стояли кресту и гробу Христову, вмѣстѣ исповѣдались и
причащались пренебесной трапезы плоти и крови Христо-
вой,—теперь, если явились достойными, уже истѣе прича-
щаются божественной славы въ невечернемъ дни царствїя
Божїя. Многіе изъ тѣхъ, съ коими раздѣляли мы въ минув-
шее лѣто святую радость торжества торжествъ — святонос-
наго дня Воскресенїя Христова,—теперь, если обрѣли ми-
лость Судїи неба и земли, торжествуютъ уже вѣчную
Пасху въ обителяхъ Отца небеснаго. Многіе изъ тѣхъ,
которые вмѣстѣ съ нами начали поприще настоящей
четыредесятницы, вмѣсто ея, скончали поприще всей
своей жизни,—и теперь уже предъ престоломъ Славы Гос-
подней на небѣ. Ахъ, что было бы, если бы на мѣстѣ сихъ
отшедшихъ отъ насъ братій нашихъ были теперь мы? Спо-
добились-ли бы мы узрѣть славу Господню и быть предъ

престоломъ Его день и ночь съ ликомъ Ангельскимъ? Удостоились-ли бы причаститься вѣчной Пасхи, вѣчной радости и блаженства въ дому Отца Небеснаго? Явились-ли бы въ ликѣ празднующихъ и веселящихся вѣчнымъ веселіемъ въ невечернемъ дни царствія Христова? Или же были бы отвержены отъ лица Божія, заключены въ темницахъ адовыхъ, томилась неизглаголанною мукою ожиданія вѣчныхъ мученій, безъ средствъ къ своему избавленію, безъ возможности покаянія и заглаженія грѣховъ своихъ, безъ надежды помилованія и спасенія? Но—слава неизреченному долготерпѣнію Божію!—предъ нами отверзаются и еще двери милосердія Божія, намъ невозбранно открывается входъ во святилище покаянія, намъ уготовляется еще Божественная трапеза плоти и крови Христовой, которой можемъ причащаться во оставленіе грѣховъ, предъ нами еще являетъ Господь свои страданія и язвы, Свой крестъ и гробъ, дабы изъ нихъ намъ можно было почерпнуть себѣ милость и оставленіе грѣховъ, жизнь и спасеніе. *Достигше убо, вѣрнии, спасительную страсть Христа Бога, неизреченное Его долготерпѣніе прославимъ.* Не останемся неблагодарными милосердію Искупителя нашего; не будемъ безчувственны къ величайшему благодѣянію Его; не останемся хладны и равнодушны и къ самимъ себѣ, къ собственной вѣчной участи. Ибо для чего долготерпеть на насъ Господь? *Яко да благоутробіемъ Своимъ совоздвигнетъ и насъ умерщвленныхъ грѣхомъ,*—чтобы дать намъ всю возможность очистить и загладить грѣхи свои, заслужить вѣчное воздаяніе въ обителяхъ праведныхъ, приготовить себя какъ должно къ той вѣчной Пасхѣ, которую будетъ торжествовать вся вселенная во второе и славное пришествіе Христово. Кто знаетъ? дождемся-ли мы еще св. Четырдесятницы — благоприятнаго времени покаянія и исправленія себя? Увидимъ-ли еще на землѣ спасительныя страданія Христовы,—залогъ и источникъ нашего обновленія, оживотворенія и спасенія? Или же будемъ похищены смертію среди заботъ и печалей житейскихъ, во время веселія и наслажденія плотскихъ,—въ день, въ который не ожидаемъ, и въ часъ, въ который не чаемъ? Теперь-то особенно и нужно намъ, брат., усугубить свою

ревность, чтобъ воспользоваться настоящими спасительными днями къ своему освященію и спасенію, чтобъ изыти на гласъ Жениха съ горящимъ свѣтильникомъ вѣры, любви и упованія, чтобы шествовать мыслию и сердцемъ во слѣдъ Господа нашего, грядущаго на смерть, чтобы сораспяться съ Нимъ искреннымъ сердечнымъ покаяніемъ и болѣзнію о грѣхахъ своихъ, чтобъ совоскреснуть съ Нимъ живою вѣрою, любовію и упованіемъ.

Теперь храмъ Божій попеременно будетъ представлять намъ то горницу Сіонскую, то Геосиманію и Голгову, то вертоградъ Іосифовъ и живоносный гробъ Господень. Здѣсь мы узримъ, какъ Господь и Спаситель нашъ вечерялъ и бесѣдовалъ въ послѣдній разъ съ учениками Своими, показалъ имъ трогательнѣйшій примѣръ Своего глубочайшаго смиренія, и преподалъ имъ Божественное тѣло и кровь свою; услышнмъ трогательнѣйшія бесѣды Его съ избранными и друзьями Своими, какъ называлъ Онъ учениковъ Своихъ, предъ коими открылъ Онъ все любвеобильное сердце Свое. Здѣсь мы увидимъ, какъ Подвигположникъ и Господь нашъ подвергается тяжкимъ страданіямъ душевнымъ въ саду Геосиманскомъ, ищетъ утѣшенія въ крѣпкой молитвѣ къ Отцу Своему, и молится до кроваваго пота; какъ предается потомъ врагамъ Своимъ, судится и осуждается нечестивымъ соборомъ беззаконниковъ, подвергается біенію, заушенію, поруганію и оплеванію; какъ приводится къ Пилату, какъ преступникъ и злодѣй облачается въ одежду поруганія и терновый вѣнецъ, предается бичеванію и истязаніямъ; какъ изводится потомъ, неся крестъ Свой, на лобное мѣсто казни, совлекается одеждъ Своихъ и пригвождается ко кресту со злодѣями; какъ осмѣиваемый всѣми, Онъ молится за распинателей Своихъ, исповѣдуемый разбойникомъ, отверзаетъ ему рай, а Самъ въ томительной жадѣ и тяжкихъ мукахъ предаетъ духъ Свой Отцу; какъ, наконецъ, прободенный въ ребра единымъ отъ воиновъ снимается со креста и погребается во гробъ Іосифомъ Аримоевскимъ. Все это, братъ, увидимъ здѣсь: ибо образъ повѣствованія св. Евангелистомъ таковъ, что, когда слушаешь ихъ, всѣ событія какъ бы оживаютъ предъ нами, представляются совершающимися какъ бы предъ

самыми глазами. Будь только внимателенъ, слушая читаемое, созерцай совершаемое, не вноси съ собою въ храмъ Божій ничего, что могло бы отвлечь твое вниманіе отъ Страдальца Голгоетскаго— Господа Иисуса.

При такихъ воспоминаніяхъ или, лучше, при такомъ зрѣлищѣ страданій Христовыхъ, можно-ли не вспомнить, что Сей Страждущій есть Единородный Сынъ Божій — Царь славы, Коему поклоняются тмы темъ св. Ангеловъ и Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ? Что Онъ страдаетъ за насъ нечистыхъ, смрадныхъ грѣшниковъ, оскорбляющихъ ежечасно неприступную святость Божию, страдаетъ потому, что воспріялъ на Себя всѣ грѣхи человѣческіе: *той явленъ бысть за грѣха наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, — что Своими страданіями искупилъ насъ отъ лежавшаго на насъ проклятія и осужденія вѣчнаго, отъ геенны и власти діавола?

Можно-ли не видѣть, какъ непреложна правда Божія, которая, не щадить, но караетъ и наказуетъ грѣхъ въ лицѣ самого Единороднаго Сына Божія; какъ святъ и непреложенъ законъ Божій, котораго преступленіе подвергаетъ проклятію землю и колеблетъ самое небо, низводитъ Сына Божія съ престола славы и возноситъ Его на крестъ; какъ ненавистенъ предъ лицемъ Божиимъ грѣхъ, котораго не терпитъ правда Его, гнушается святость Его, отвращается самая благодать Его; какъ страшенъ судъ Божій, который не оставляетъ безъ казни ни единаго преступленія даже въ томъ, кто самъ грѣха не сотвори, кто воспріялъ на себя чуждые Ему грѣхи?

При сихъ мысляхъ можно-ли, брат., не обратить вниманія и на самихъ себя, не подумать о той неблагодарности и безчувствіи, съ которыми мы продолжаемъ согрѣшать предъ Богомъ, безстрашно преступать святыя заповѣди Его, и о той страшной участи, которая ожидаетъ насъ за гробомъ, если останемся безпечными о нашемъ спасеніи, нераскаянными во грѣхахъ своихъ, погрязшими въ тинѣ плотскихъ похотей и страстей? Ибо что дѣлаемъ мы, согрѣшая послѣ крещенія, послѣ всего, что сдѣлалъ для насъ и что открылъ намъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ? Второе распинаемъ Сына Божія въ себѣ, говорить св. Апостоль Христовъ. Второе измѣняемъ Господу, отрицаемся отъ Него, предаемъ

Его, осуждаемъ Его, всякій разъ когда, вѣдая святую волю Его, преступаемъ ее, отвергаемъ гласъ Его, призывающій къ покаянію, попираемъ совѣсть свою и предаемъ ее въ жертву страстей и похотей плотскихъ. Второе увѣнчиваемъ Его терніемъ, когда увлекаемся преступными мечтаніями, услаждаемся помыслами горделивыми и тщеславными, самолюбивыми и завистливыми, безумными и богохульными. Второе пригвождаемъ руки Его ко кресту, когда простираемъ нечистыя руки свои на издоимство и лихоиманіе, на хищеніе и неправды. Второе напоаемъ Его оцетомъ съ желчью, когда безстыдный языкъ нашъ источаетъ слова празныя и гнилыя, зложелательныя и пересудливыя, язвительныя и укоризненныя рѣчи. Второе посмѣваемся надъ Распятымъ Господомъ, когда издѣваемся и насмѣхаемся, укоряемъ и осуждаемъ, бранимъ и поносимъ своего ближняго. Второе прободаемъ сердце Его копіемъ, когда оскверняемъ сердце свое нечистыми вожделѣніями и похотями, корыстолюбивыми желаніями, смрадными и студными ощущеніями. Второе уязвляемъ, мучимъ и терзаемъ всю пречистую плоть Его, когда ненасытно предаемъ плотскимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ. *Аще же въ суровъ древь сіа творятъ, въ сущъ что будетъ?* Если такъ ужасно наказуются грѣхи человѣческіе въ лицѣ Самого Сына Божія, чего ожидать намъ грѣшникамъ, второе распинающимъ Сына Божія въ себѣ. Что будетъ съ нами, когда Пострадавшій за насъ на крестѣ явится во славѣ Своей на облацѣхъ небесныхъ, когда представитъ очамъ нашимъ крестъ Свой, покажетъ язвы Свои и скажетъ намъ: вотъ что сдѣлалъ Я для васъ;—но чѣмъ воздали Мнѣ вы? Я омылъ васъ Моею кровію, оправдалъ и освятилъ васъ Моею благодатію; а вы не преставали осквернять себя нечистотами грѣховными. Я даровалъ вамъ покаяніе во очищеніе грѣховъ; а вы попирали сей даръ Мой—цѣну крови Моей, изліянной за грѣхи ваши своимъ небреженіемъ и безпечностію, обратили самое врачество сіе въ средство къ усыпленію, а не къ пробужденію своей совѣсти. Я предалъ вамъ тѣло и кровь Мою въ снѣдь, какъ залогъ безсмертія и вѣчной жизни, содѣлалъ васъ *удами тѣла Моего, отъ плоти Моей и отъ костей Моихъ*; а вы со-

дѣлали уды Мои орудіями нечистоты и неправды, попрали тѣло и кровь Мою своими грѣхами и беззаконіями? О, что скажешь ты, бѣдная душа моя, на сей гласъ твоего Судіи и Господа? Что будетъ чувствовать окамененное сердце мое, когда Всевѣдуцій обличить тайная твоя? Чѣмъ оправдаться лукавая совѣсть моя предъ всеиспытующимъ Судіею?

Такое размышленіе при крестѣ Христовомъ, если оно совершается съ полнымъ сознаниемъ величія Божія и своей грѣховности, съ живымъ ощущеніемъ правды Божіей и своей виновности предъ Богомъ, съ твердою вѣрою въ живоносные глаголы Господа Іисуса Христа, съ искреннимъ желаніемъ провести не только настоящіе святыя дни, но и всѣ дни жизни своей въ вѣрѣ и благочестіи, въ покаяніи и молитвѣ, въ чистотѣ и святости, — необходимо сближаетъ грѣшника съ Его Искупителемъ и Господомъ, невольно разрешается слезами покаянія и сокрушенія сердечнаго, невольно повергаетъ его къ подножію креста Христова съ покаянною молитвою, да не возгнушается премилосердый Господь нечистотою его, да не отринетъ на вѣки отъ лица Своего, да не попуститъ ему погибнуть во грѣхахъ. Чтожь нужнѣе для насъ въ настоящіе святыя дни, какъ не подобное приближеніе въ духѣ къ своему Господу и Спасителю? Гдѣ лучше слагать бремя грѣховъ своихъ покаяніемъ, какъ не у подножія креста Христова? Когда приличнѣе спогребаться Христу, какъ не при погребеніи Его живоноснаго тѣла? Когда необходимѣе начать ходить въ обновленіи жизни, какъ не въ тѣ дни, когда обновилась вся тварь крестомъ и воскресеніемъ Христовымъ? Тогда только сердце наше способно будетъ сочувствовать святой Церкви въ ея неизглаголанной радости о воскресшемъ Спасителѣ. Ибо истинная, святая, чистая и совершенная радость о воскресеніи Христовомъ можетъ вмѣститься только въ сердцѣ, умягченномъ слезами умиленія, растворенномъ живымъ ощущеніемъ болѣзней и скорбей, страданія и мукъ, претерпѣнныхъ за насъ Сыномъ Божіимъ: *аще бо съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся.*

Достигше, вѣрніи, спасительную страсть Христа Бога, неизреченное Его долготерпѣніе прославимъ. яко

да благоустроимъ Своимъ совоздвигнетъ и насъ умерщвленныхъ грѣхомъ. Аминь.

68. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ СРЕДУ—ВТОРОЕ.

Достигше вѣрнии спасительную страсть Христа Бога, неизреченное долготерпѣніе Его прославимъ, яко да благоустроимъ Своимъ совоздвигнетъ и насъ умерщвленныхъ грѣхомъ.

И такъ человѣколюбецъ Господь, по неизреченному милосердію Своему, сподобилъ насъ, брат., провести и еще одну св. сорокатицу и достигнуть святыхъ, спасительныхъ и свѣтоносныхъ дней страданія, смерти и воскресенія Своего. Предъ нами открывается зрѣлище тѣхъ великихъ и страшныхъ, но вмѣстѣ животворныхъ и спасительныхъ событій, которыми окончилось земное поприще воплотившагося для спасенія нашего Сына Божія, въ которыхъ совершилось наше искупленіе отъ клятвы законной, наше избавленіе отъ смерти вѣчной, наше оправданіе отъ лежавшей на насъ тяжкой вины предъ правосудіемъ Божиимъ, наше обновленіе и воскресеніе изъ лучшей и высшей жизни.

Кто провелъ св. сорокатицу такъ, какъ заповѣдуетъ св. Церковь, — въ постѣ и благоговѣніи, въ молитвѣ и сокрушеніи сердечномъ; кто очистилъ душу и сердце свое слезами покаянія, кто съ горячею любовью къ Господу соединился съ Нимъ благоговѣйнымъ причащеніемъ тѣла и крови Его, того ожидаютъ высокія неизъяснимыя языкомъ человѣческимъ утѣшенія. Самъ Господь Иисусъ Христосъ причтетъ его къ лику присныхъ и друзей Своихъ, введетъ его въ живое, прискреннее сопричастіе страстей Своихъ, что бы возвеселить потомъ неизглаголанною радостію воскресенія своего, — тою святою радостію, которая составляетъ всегдашнее непрестающее радованіе о Господѣ духовъ чистыхъ и святыхъ, которой никто и ничто въ мірѣ не можетъ отнять у души, любящей Господа. Кто, напротивъ, провелъ св. сорокатицу не такъ, какъ бы требовала святость дней ея и истин-

ная польза души; для того эта потеря вполне вознаградима ничѣмъ; тому покрайней мѣрѣ должно воспользоваться настоящими спасительными днями страстей Христовыхъ къ своему освященію и спасенію, чтобы хотя въ этотъ единонадесятый часъ долженъ не остаться празднымъ—безъ плода духовнаго. Кто знаетъ? дождемся-ли еще мы четырехдесятницы—благопріятнаго времени покаянія и исправленія своей жизни? Сподобимся-ли еще хотя разъ видѣть еще на земли спасительныя страданія Христовы—залогъ и источникъ нашего оживотворенія, освященія и спасенія? Или же будемъ похищены смертью среди заботъ и печалей житейскихъ, во время веселія и наслажденій плотскихъ, --въ день, въ который не ожидаемъ и въ часъ, въ который не чаемъ? Многіе изъ тѣхъ, которые въ минувшее лѣто, вмѣстѣ съ нами проводили святыя дни сн, вмѣстѣ предстояли кресту и гробу Господню, вмѣстѣ исповѣдались и причащались пренебесной трапезы тѣла и крови Христовой, — теперь, если явились достойными, уже истинно причащаются божественной славы въ невечернемъ дни царствія Божія. Многіе изъ тѣхъ, съ которыми въ минувшее лѣто мы раздѣляли св. радость свѣтоноснаго дня Воскресенія Христова, — теперь, если обрѣли милость Судии неба и земли, торжествуютъ уже вѣчную пасху въ обителяхъ Отца небеснаго. Многіе и изъ тѣхъ, которые, вмѣстѣ съ нами, начали поприще настоящей четырехдесятницы, — вмѣсто ея окончили поприще всей своей жизни, — и теперь уже предъ престоломъ славы Божіей—на небѣ. Ахъ, что было бы, если бы на мѣстѣ сихъ отшедшихъ отъ насъ братьевъ нашихъ были теперь мы? Сподобились-ли бы мы узрѣть славу Господню и быть предъ престоломъ Его день и ночь съ духами праведниковъ, написанныхъ на небесахъ? Удостоились-ли бы причаститься вѣчной Пасхи, вѣчной радости и блаженства въ дому Отца небеснаго? Явились-ли бы въ лигѣ празднующихъ и веселящихся вѣчнымъ весельемъ въ невечернемъ дни царствія Христова? Или же были бы отвержены отъ лица Божія, заключены въ темницахъ адовыхъ, томились невыразимою мукою ожиданія страшнаго Суда Божія и вѣчныхъ мученій геенны, безъ средствъ

къ своему избавленію, безъ возможности покаянія и заглаженія грѣховъ своихъ, безъ надежды помилованія и спасенія?

Но слава неизреченному долготерпѣнію Божию! Предъ нами отверзаются и еще двери милосердія Божія, намъ и еще открывается входъ во святилище покаянія, намъ уготовляется и еще божественная трапеза тѣла и крови Христовой, которой мы можемъ причащаться во оставленіе грѣховъ; предъ нами и еще являетъ Господь Свои страданія и язвы, Свой крестъ и гробъ, что бы къ нимъ могли мы притекать съ покаяніемъ и сокрушеніемъ о грѣхахъ своихъ и изъ нихъ почерпать себѣ милость и оставленіе грѣховъ, жизнь и спасеніе. Не останемся же, возлюбленніи, неблагодарными милосердію Искупителя нашего, не будемъ хладными, безчувственными зрителями Его спасительныхъ страданій, подъятыхъ за спасеніе наше, не будемъ равнодушны и къ собственной участи, которая ожидаетъ насъ въ вѣчности. *Достигше, вѣрніи, спасительную страсть Христа Бога, неизреченное Его долготерпѣніе прославимъ.*

Для чего являетъ намъ Господь свое долготерпѣніе? Для того, чтобы мы имѣли всю возможность очистить и загладить грѣхи свои, заслужить вѣчное воздаяніе въ обителяхъ праведныхъ, преготовить себя къ той вѣчной Пасхѣ, которую будетъ торжествовать весь міръ во второе и славное пришествіе Христово, въ день всеобщаго воскресенія мертвыхъ. Для чего учреждена св. Церковію настоящая седмица страстей Христовыхъ? Для того, чтобы, вспоминая объ искупительныхъ страданіяхъ подъятыхъ за насъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, мы шествовали Ему, какъ учитъ св. Церковь, и мыслию, и дѣлами, и сердцемъ, и всѣми чувствами своими, сораспялись съ Нимъ искреннимъ, сердечнымъ покаяніемъ и болѣзнію о грѣхахъ своихъ, совоскресли съ Нимъ живою вѣрою, любовію и упованіемъ. Вспомнимъ, что Сей страждущій есть Сынъ Божій едиnorodный, Которому служатъ и поклоняются тмы темъ св. Ангеловъ и Архангеловъ, что Онъ страдаетъ за насъ нечистыхъ, смрадныхъ грѣшниковъ; что Своими страданіями Онъ искупилъ насъ отъ тяготившаго на насъ проклятія и осужденія вѣчнаго, отъ геенны и власти діавола; что ради Его крестныхъ страданій

и смерти Отецъ небесный нарекъ насъ сынами Своими, даровалъ намъ обрученіе Духа святаго въ залогъ вѣчной жизни, обѣщалъ намъ вѣчную радость и блаженство въ царствѣ Своемъ. Вспомнимъ и о той неблагодарности и безчувствіи, съ которыми мы продолжаемъ согрѣшать предъ Богомъ, безстрашно преступать Его святыя заповѣди, дерзко оскорблять Его величіе и святость, Его правду и любовь, Его долготерпѣніе и милосердіе, второе распинать Сына Божія въ себѣ. Вспомни и о той страшной участи, которая ожидаетъ насъ за гробомъ, если останемся безпечными о своемъ спасеніи, нераскаянными во грѣхахъ своихъ, погрязшими въ тинѣ плотскихъ похотей и страстей. Такое воспоминаніе, если оно соединено съ полнымъ сознаніемъ величія Божія и своей грѣховности, съ живымъ ощущеніемъ правды Божіей и своей виновности предъ Богомъ, съ искреннимъ желаніемъ провести не только настоящіе святыя дни, но и всѣ дни жизни своей въ вѣрѣ и благочестіи, въ покаяніи и молитвѣ, въ чистотѣ и святости,—необходимо сближаетъ грѣшника съ Его Искупителемъ и Господомъ, повергаетъ его къ подножію креста Христова со слезами покаянія и сокрушенія сердечнаго, съ молитвою кающагося мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*

Чтожъ нужнѣе всего для насъ въ настоящіе святыя дни, какъ не такое приближеніе духомъ и сердцемъ къ своему Господу и Спасителю? Гдѣ лучше всего слагать съ себя бремя грѣховъ искреннимъ раскаяніемъ въ нихъ, какъ не у подножія креста Христова? Когда приличнѣе спогребаться Христу, какъ не при погребеніи Его живоноснаго тѣла? Когда необходимѣе начать ходить въ обновленіи жизни, какъ не въ тѣ дни, когда обновилась вся тварь смертью и воскресеніемъ Христовымъ? Тогда только сердце наше способно будетъ сочувствовать св. Церкви въ ея священной радости о воскресшемъ Спасителѣ. Ибо истинная, святая, чистая и совершенная радость о воскресеніи Христовомъ можетъ вмѣститься только въ сердцѣ очищенномъ покаяніемъ, умягченномъ слезами умиленія, растворенномъ живымъ ощущеніемъ болѣзней и скорбей, страданій и мукъ, претерпѣнныхъ за насъ Сыномъ Божиимъ.

Придемъ убо и мы очищенными смысломъ, шествуемъ Христу и сраспнемся и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ, да и оживемъ съ Нимъ, и услышимъ вопіюща Его: не втому въ земный Іерусалимъ, за еже страдати, но восхожу во Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему, и совозношу васъ въ горній Іерусалимъ, въ царство небесное.

Достигше убо вѣрніи спасительную страсть Христа Бога, неизреченное Его долготерпѣніе прославимъ, яко да благоутробіемъ Своимъ совоздвигнетъ и насъ умерщвленныхъ грѣхми. Аминь.

69. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ СРЕДУ—ТРЕТЬЕ.

Отверзся чертогъ, украсися съ нимъ божественный бракъ; Женихъ близъ, призывай насъ: уготовимся прочее.

Такъ милосердый Господь даровалъ намъ скончать св. четыредесятницу, ввелъ во всечестные дни страстей Своихъ, отверзаетъ чертогъ таинственной вечери, даруетъ намъ узрѣть животворныя страданія Свои, тайнодѣйственное погребеніе, славное и свѣтоносное воскресеніе.

Долго и разнообразно уготовляла насъ св. Церковь къ симъ великимъ и спасительнымъ днямъ, чтобъ не пришелъ кто-либо изъ насъ на таинственный бракъ Агнца, не имый одѣянія брачна, не явился при крестѣ и гробѣ Господни съ сердцемъ Іудинымъ, съ ожесточеніемъ фарисейскимъ, чтобы всѣ равно вкусили благодатной силы страстей Господнихъ, насладились пира вѣры—святой радости свѣтоноснаго воскресенія Господня.

Итакъ, гдѣ мудрыя дѣвы, стяжавшія свѣтильники живой вѣры, полные елєя любви и добрыхъ дѣлъ? Женихъ близъ призывай: да внидуть въ божественный чертогъ, да вкусятъ безсмертныя трапезы! Гдѣ благіе и вѣрные рабы, понесшіе варъ и зной и тяготу дне, потрудившіеся во всѣ дни св. четыредесятницы? Да внидуть въ радость Господа своего!

Тамъ Самъ Господь, препоясавшись, послужить имъ, омоетъ красныя ноги ихъ отъ послѣдняго праха земныхъ помышлений, вознесетъ умъ ихъ горѣ—ко Отцу, напитаетъ душепитательною трапезою, усладитъ чашею безсмертія. Гдѣ вѣрные ученики Господни, пребывшіе съ Нимъ въ напастехъ, взявшіе крестъ и послѣдовавшіе Ему неуклонно, сраспеншіеся Ему духомъ и умертвившіе себе Его ради житейскимъ сластемъ? Да внидутъ въ свѣтлый чертогъ Христовъ! да причастятся таинственной пасхи! да примутъ предсмертный завѣтъ мира и любви изъ устъ своего учителя и Господа: *се Азъ завѣщаваю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство, да ясте и пиете на трапезѣ Моей во царствіи Моємъ.*

Господи, Господи! велики и неизреченны благодѣянія Твои; но мы сами творимъ себя недостойными ихъ. Высоки и возжелѣнны обѣтованія Твои; но око ума нашего, омраченное суетою, не смѣетъ и воззрѣть на высоту предлагаемой Тобою славы. Свѣтель и благоукрашень чертогъ Твой; а одѣяніе души нашей мрачно, — самый постъ не убѣлилъ его, какъ должно: какъ явимся въ свѣтлый чертогъ Твой? Свята и безскверна уготованная Тобою безсмертная трапеза; а сердце наше нечисто, — самое покаяніе не исторгло изъ него совершенно корней грѣховныхъ: какъ приступимъ къ святѣйшей трапезѣ Твоей? Какъ тьма приобщится ко свѣту? Какъ примемъ Тебя подъ кровь души нашей, который весь пусть пался есть? Славно и блаженно завѣщанное Тобою царство; а мы не избыли еще грѣховнаго безславія, носимъ еще въ самихъ себѣ сѣмя вѣчнаго осужденія и мученія: какъ стать намъ въ числѣ сыновъ Твоего царствія, приобщиться къ богосвѣтлому лику святыхъ Твоихъ? Увы, пламенный мечъ Херувима преграждаетъ райскій путь отъ преступниковъ Твоего закона. Кто повелитъ отступить ему отъ древа жизни, чтобъ могли и мы приобщиться райскія пищи?

Приидите ко Мнѣ, вѣщаетъ намъ Господь, *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Безъ Мене не можете творити ничесоже; со Мною можете творить все: аще кто во Мнѣ пребудетъ, той сотворитъ плодъ многъ.* Кромѣ Мене, нѣсть иного имене подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися вамъ отъ бездны

грѣха и погибели. Прежде Мене никтоже възде на небо, никто и васъ не возведеть на небо, кромѣ Мене: *Азъ есмь путь и истина и животъ: никтоже приидеть ко Отцу, токмо Мною.* Ко Мнѣ убо приидите!

За всѣхъ васъ положилъ Я животъ Мой, за всѣхъ пролилъ кровь Мою и предалъ плоть Мою на страданія; всѣмъ исходатайствовалъ всеосвящающую и всесовершающую благодать Святаго Духа; для всѣхъ уготовалъ обители блаженства въ дому Отца Моего небеснаго. Теперь одно только можетъ огорчать, пронзать скорбію, второе распинать Меня, когда искупленные Моею кровію не внемлютъ Моему гласу, не брегуть о своемъ спасеніи, предаются произвольно злѣйшему врагу Моему. Приидите убо ко Мнѣ вси; никто да не преогорчитъ Меня въ сіи великіе и спасительные для васъ дни; окружите крестъ и гробъ Мой, для соучастія въ страстяхъ Моихъ духомъ, для принятія онаго отраднаго слова: *днесь со Мною будещи въ раи!* Вси, вси приидите ко Мнѣ!

Долго и много работали вы суетѣ міра, и—безъ сомнѣнія—испытали одно крушеніе духа; гонялись за счастіемъ, и—обрѣтали скорби и томленія; обольщались цвѣтами удовольствій, и—уязвлялись терніями непріятностей, стыда и раскаянія; стремились къ славѣ и почестямъ, и—впадали въ тяжкія цѣпи суеты мірской; искали независимости и свободы и—являлись въ устахъ собственныхъ страстей и мірскихъ отношеній. Долго-ли стенать вамъ, бѣдные труженики, подъ симъ неудобноносимымъ игомъ суеты? Думаете-ль найти блаженное упокоеніе духу и сердцу вашему въ сей странѣ изгнанія, гдѣ грѣхъ осудилъ васъ на вѣчные труды и болѣзни? Вѣчный покой въ блаженномъ царствѣ Божіемъ, въ дому Отца Моего небеснаго. Но никто, кромѣ Меня, не приготовитъ вамъ обители въ дому Отца Моего, никто не введетъ васъ въ сіи блаженныя обители, если не понму васъ собою Я: *приидите убо ко Мнѣ вси труждающіися, и Азъ упокою вы!*

Бремя-ли грѣховъ тяготитъ васъ? Никто, кромѣ Меня, не избавитъ васъ отъ сего проклятаго бремени; оно будетъ преклонять васъ все ниже и ниже къ землѣ, влечь васъ все глубже и глубже въ погибель, доколѣ не вовлечетъ въ

преисподняя, не погрузить въ безднахъ адовыхъ. У Меня одного избавленіе отъ грѣховъ; одинъ Я имѣю власть отпущать грѣхи. Я положилъ душу Мою за избавленіе ваше. Мой Крестъ отверзъ для всѣхъ васъ сокровища милосердія и благодати Отца Моего; цѣною крови Моей искуплены вы отъ вѣчной клятвы и осужденія. Что препятствуетъ вамъ воспользоваться туне благодатнымъ даромъ прощенія грѣховъ? Какая сила удерживаетъ васъ въ узахъ грѣховныхъ, кои разрѣшены уже крестомъ Моимъ, изъ которыхъ вамъ остается только исходить свободно и безпрепятственно? Что привязываетъ васъ къ нечистотамъ и сквернамъ, когда Мое слово говоритъ вамъ: *ничтоже скверно увидетъ въ царствіе Божіе?* Что удерживаетъ васъ въ нераскаянности, когда Я самъ сказалъ вамъ: *еще не покается, вси погибнете?*—*Придите убо ко Мнѣ вси обремененніи, и Азъ упокою вы!* Свергните у подножія креста Моего тяготящее васъ бремя грѣховъ, возьмите Мое благое и легкое иго, и обряцете покой душамъ вашимъ! Блудница покаялась,—и прощена въ послѣдній день Моей проповѣди; разбойникъ покаялся,—и наслаждалъ рай въ послѣдніе часы Моихъ страданій. Чтожь препятствуетъ и вамъ употребить совершенно и всецѣло во спасеніе души своей, хотя послѣдніе дни покаянія?

Поспѣшимъ, брат. мой, на сей гласъ небеснаго Жениха, предочистимъ себя покаяніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ; пребудемъ съ Господомъ въ сіи спасительные дни постомъ и молитвою, богомысліемъ и приобщеніемъ плоти и крове Его. Ахъ, много четыредесятницъ провели мы; но увидимъ ли еще хотя одну? Много призываній и гласовъ слышали мы; услышимъ ли еще хотя однажды? Или слухъ нашъ, прилегшій къ землѣ, возбудитъ уже одна труба Архангела! Аминь.

70. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРГЪ.

Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны: просвьти одьяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя. (Свѣтил).

Такою молитву влагаеть въ уста наши св. Церковь, безъ сомнѣнія, по тому, что въ ней выражаются тѣ чувствованія, коими должно быть исполнено сердце наше, особенно въ настоящее время. Желаящимъ внити въ чертогъ Христовъ, приобщиться безсмертной трапезы жизни, какъ не помыслить о самихъ себѣ, не углубиться въ состояніе души и сердца своего, не обратиться къ Господу и Спасителю своему съ сокрушенною молитвою объ очищеніи себя отъ всякія скверны, да не будетъ причащеніе св. таинъ въ судъ и осужденіе!

И такъ пусть каждый поставитъ себя духомъ и вѣрою въ преддверіи Сіонской храмины, гдѣ Господь Иисусъ Христосъ предначинаеть великое священнодѣйствіе искупленія нашего таинственнымъ преломленіемъ плоти Своея, приглашая всѣхъ вкусить отъ сего хлѣба животнаго, чтобъ не погибнуть вѣчною смертію; пусть обратитъ испытующій взоръ на себя, готовящагося вкусить божественнаго брашна плоти и крови Христовой, быть соучастникомъ Иисусу Христу въ Его страданіяхъ и смерти, воскресеніи и славѣ вѣчной; пусть дастъ свободу совѣсти своей судить и обличать, укорять и сокрушать:—тогда сердце само наполнится чувствомъ умиленія, уста отверзнутся на молитву покаянія, со вздохомъ глубокаго сокрушенія вознесетъ къ небу покаянный гласъ: *чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны: просвьти одьяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!*

Вижу чертогъ Твой, Спасе мой, уже не въ одномъ Іерусалимѣ, а по всей вселенной, въ коемъ и нынѣ предлагается таже таинственная трапеза, которую Ты самъ уготовалъ намъ на Сіонѣ, въ коемъ священнодѣйствуются великія и святыя таинства Твои. О, какъ все въ немъ чисто,

свято, божественно! Здѣсь присутствуешь Ты самъ—великій Архіерей и жертва; гдѣ со трепетомъ предстоятъ Тебѣ архангели. Здѣсь возглашается Твое божественное слово, которому повинуются небо и земля, которому со страхомъ внимаютъ чистѣйшіе духи. Здѣсь священнодѣйствуется Твое божественное тѣло, въ которомъ обиталъ Ты на землѣ, которое превознесъ Ты превыше небесъ, въ которомъ возсѣдишь на престолахъ со Отцемъ Своимъ, которому поклоняются херувимы и серафимы. Здѣсь преподается намъ Твоя божественная кровь, которую изліялъ Ты за спасеніе міра, которою освятилъ Ты землю и родъ человѣческой, которой ужасаются и трепещутъ всѣ враждебныя силы. Здѣсь предстоятъ Тебѣ лики святыхъ, духовъ праведниковъ совершенныхъ, которые благоугодили Тебѣ въ жизни своей непорочною и чистотою, вѣрою и любовію, терпѣніемъ и страданіями, кротостію и смиреніемъ, которыхъ приобщилъ Ты къ избранному лику друзей Твоихъ, прославилъ въ вѣчной славѣ Твоей. *Чертогъ Твой виждоу, Спасе мой, украшенный!*

Но горько мнѣ видѣніе, тяжело мнѣ представленіе о семъ, болѣзненно ощущеніе самой близости Твоей ко мнѣ недостойному! Желалъ бы я внити въ свѣтлый чертогъ Твой,— и возбраняетъ мнѣ нечистота моя; хотѣлъ бы приблизиться къ Тебѣ, Господу и Богу моему,— и отрѣваетъ меня достоинство мое; вожделѣлъ бы стать въ числѣ друзей Твоихъ,— и устыждаетъ меня сознание беззаконій моихъ многихъ. *Чертогъ Твой виждоу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да внидоу въ оны!* Какъ изнуренный путникъ, я весь покрытъ прахомъ земныхъ помысловъ, суетныхъ мечтаній, нечистыхъ пожеланій, грѣховныхъ надеждъ и упованій: — въ такомъ-ли видѣ явиться мнѣ въ свѣтлый чертогъ Твой, Господи, гдѣ возлежать съ Тобою избранные Твои друзья, гдѣ окружаютъ Тебя чистѣйшіе духи? Какъ запоздалый странникъ во тьмѣ ночной, я весь объятъ мракомъ грѣховной ночи, омраченъ глубокою мглою заблужденій ума и сердца, окалянъ тиною страстей, оскверненъ нечистотами законопреступныхъ дѣйствій: такимъ-ли приступлю къ святѣйшей Твоей трапезѣ, причащусь святыхъ и страшныхъ

Твоихъ тайнъ, — и приму себѣ судъ и осужденіе? — Какъ несчастный пловецъ, застигнутый бурей на утлой ладѣ, я весь погружаюсь въ волнахъ житейскихъ попеченій и сластей, плотскихъ вождельній и страстей: — такимъ ли стать мнѣ посреди Херувимовъ и Серафимовъ, Архангеловъ и Ангеловъ, окружающихъ престолъ Твой? Не буду ли связанъ и изверженъ отъ Ангеловъ, какъ осквернитель святѣйшаго мѣста, какъ презритель великаго тайнства, какъ оскорбитель неприступнаго величества славы Твоея? *Чертогъ Твой вижду. Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны!*

Но, Господи милосердый, гдѣ обрящу одѣяніе бѣло, да облечуся, и да не явится срамота наготы моя, какъ не у Тебя, Творца и Промыслителя, Ходатая и Искупителя, Судии и Спасителя моего? Твоею святѣйшею кровію убѣляются нечистыя ризы души грѣхोलюбивой; силою Твоихъ живоносныхъ страданій изглаждаются неправды, очищаются грѣхи, не вмѣняются преступленія, отъемлются беззаконія; дѣйствиємъ Твоея благодати обновляется все ветхое, воскрешается умершее, возсозидается истлѣвшее. Къ Тебѣ убо притекаю, Подателю всѣхъ благъ, не отрини мене отъ лица Твоего; паче же взыщи мене заблудшаго, воздвигни мене падшаго, просвѣти мене омраченнаго! Даруй мнѣ покаяніе сокрушенное и нераскаянное, да совлежусь раздранной ризы грѣховной и облечусь во одежду оправданія, чистоты и непорочности, которую подаешь Ты всѣмъ ради страданій смерти Твоея. Порази сердце мое спасительною скорбію о грѣхахъ моихъ, да изведуть очи мои источники слезъ, да омою слезами моими весь смрадъ грѣховъ моихъ, вею нечистоту души моя. Ниспосли благодать всесвятаго Духа Твоего, все обновляющую, освящающую и оживотворяющую; да обновится духъ мой, истлѣвшій страстьми; да созиждется во мнѣ сердце чистое и непорочное, Тебя любящее и Тобою питающееся; да оживотворится душа моя вѣрою, любовію и упованіемъ; да благоукрасится храмъ души моя помыслами благими, желаніями чистыми и непорочными, чувствованіями святыми и небесными! *Просвѣти одѣяніе души моей, Свѣтодавецъ, и спаси мя!*

Просвѣти! Ибо я ненавижу тьму мою и желаю ходить во свѣтъ Твоемъ; отвращаюсь нечистоты моей — и всюю крѣпостію духа моего ревную о чистотѣ и святынѣ; сокрушаюсь и жалѣю о грѣхахъ моихъ, — и всѣмъ сердцемъ желаю благоугождать предъ Тобою во всѣ дни жизни моей. *Просвѣти одѣяніе души моея. Свѣтодавче.* да не возбранно вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, чашу спасенія прииму и имя Твое, Господи, призову! — Аминь.

71. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ—ПЕРВОЕ.

«Нынѣ праздникъ и торжество у насъ, возлюбленные», — такъ начинается одну изъ бесѣдъ своихъ въ настоящій день златословесный учитель вселенскій. Подлинно торжество великое и безпримѣрное, страшное и утѣшительное, трогательное и умиленное, — торжество неба и земли!

Что торжествуетъ на небѣ—въ Богѣ? Торжествуетъ Его милосердіе безпредѣльное, человѣколюбіе неизреченное. *Тако возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный!* За кого предалъ? За грѣшниковъ и враговъ Своихъ: *Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша.* Кому предалъ? Самимъ грѣшникамъ и врагамъ Своимъ, за которыхъ страждетъ Господь: *предадутъ Его,* какъ предсказывалъ Онъ Самъ, *въ руки чловѣкъ грѣшникъ.* На что предалъ? На поруганія и заушенія, оплеванія и біенія, — на крестъ и смерть. Что можетъ быть выше и безпредѣльнѣе сей любви, неизслѣдимѣе сего неизреченнаго человѣколюбія, неизмѣримѣе сего безприкладнаго снисхожденія, неиспытаннѣе сего несказаннаго милосердія? Послѣ сего нѣтъ грѣха, который не очищался бы огнемъ всеожженія жертвы Голгоуской; нѣтъ беззаконія, которое не было бы прощено во имя распятаго Сына Божія; нѣтъ нечистоты, которая не омылась бы святѣйшею кровію Христовою. Такъ торжествуетъ Божественная любовь!

Но величайшее торжество любви Божіей есть вмѣстѣ высочайшее торжество и правды Божественной. Видите ли,

какъ святъ и непреложень законъ Божій, какъ неумолимо правосудіе, какъ ужасень и что влечеть за собою грѣхъ? Онъ совершается во мгновение, а влечеть за собою вѣчную казнь; совершается на землѣ, а колеблетъ небо, и низводитъ въ преисподнюю; совершается въ тайнѣ, а нагазается предъ лицемъ неба и земли; совершается человѣкомъ, а для очищенія его страждетъ Единородный Сынъ Божій! Послѣ сего какой грѣшникъ избѣжитъ праведнаго суда Божія? Какой беззаконникъ не впадетъ въ ружь Бога живаго? Какое преступленіе не найдетъ себѣ достойной казни среди адскихъ мученій? — Такъ торжествуетъ нынѣ Божественная правда и судъ!

Что торжествуетъ нынѣ въ человѣчествѣ? — Торжествуетъ нечестіе въ лицѣ враговъ Христовыхъ, — добродѣтель въ лицѣ страждущаго.

Такъ, сама злоба враговъ Христовыхъ не могла пожелать большаго торжества, какъ довести до поносной смерти гонимаго ею, — и довела; самъ діаволь не могъ пожелать большаго торжества, какъ содѣлать изъ ученика предателя, изъ первосвященниковъ и вождей народа Божія — злодѣевъ и христуобійцъ, изъ народа возлюбленнаго Богомъ — народъ богоненавистный; — и содѣлалъ! Но на долго-ли это мнимое торжество? Думала-ль злоба, что, предавая на смерть неповиннаго, она предаетъ собственное счастье — временное и вѣчное, пригвождаетъ ко кресту собственное блаженство и остается съ одною адскою мукой? Чувствовалъ-ли предатель, что онъ предаетъ собственную душу діаволу, что ужасные сребренники будутъ жечь его руки, и онъ самъ броситъ ихъ, какъ горящее угліе? Видѣлъ-ли безумный народъ, что испрошенная имъ кровь Праведника сожжетъ огнемъ города его, предастъ его вѣчному рабству, содѣлаетъ предметомъ ненависти и презрѣнія, отяготѣетъ надъ нимъ вѣчнымъ стыдомъ и погибелью? Таково мнимое торжество нечестія!

Съ другой стороны, что, по видимому, несчастнѣе невинности и добродѣтели? — Гонимая и преслѣдуемая злобою, она не имѣетъ гдѣ главы подклонити, и обрѣтаетъ прибѣжище на позорномъ мѣстѣ казни; она отвержена и презрѣна, поругана и осмѣяна, увѣнчана терніемъ и пригвождена ко

кресту! Но здѣсь и конецъ ея страданіямъ; болѣе ничего не сдѣлають ей всѣ силы ада! Ибо думало-ль нечестіе, что оно само уготовляетъ высочайшую славу добродѣтели? Не видѣли-ль сами враги Его, какъ подъ крестомъ Его сотряслась земля, готовая низвергнуть ихъ въ пропасти адовы; какъ, при видѣ Распятаго, помрачилось солнце, чтобы предать ихъ тьмѣ кромѣшной? Думали-ль нечестивые, что Распятому покорится вселенная, что *о имени Иисусовъ всяко колѣно поклонится небсныхъ и земныхъ и преисподнихъ, что они сами никогда возрътъ на Нь, Его же прородоши*, и въ отчаяніи отъ страшнаго видѣнія рекутъ горамъ: *падите на ны, и холмамъ — покрыйте ны!* Видѣль-ли самъ діаволь, что поруганный Страдалецъ нынѣ же ниспровергнетъ его царство и разрушитъ адъ, изведетъ плѣнниковъ его въ свободу славы чадъ Божіихъ? Надѣялись-ли бѣдные рыбаки, ученики Господни, что оставленный ими среди ужасныхъ страданій Сынъ человѣческой сядетъ на престолѣ славы Своя, что и они сами сядутъ съ Нимъ *на двюнадесятыхъ престолыхъ, судяще объманадесяти колѣнома Израилевома*? И все нечаемое совершилось, ненадѣемое исполнилось: Распятый сѣдитъ на престолѣ, одесную Бога; призванные имъ рыбаки прославлены во царствіи Божіемъ, злоба и нечестіе поруганы, правда и святыня превознесены и прославлены.

Таково, братіе, настоящее торжество наше:—и оно все въ этомъ гробѣ и въ сихъ язвахъ! Изъ нихъ источаются токи безприкладнаго милосердія Божія къ грѣшникамъ, но въ нихъ же просіяваетъ и праведный судъ Божій за грѣхи; въ семъ гробѣ погребены нечестіе и злоба на вѣчное мученіе, и изъ него же воскресаетъ добродѣтель и святыня къ вѣчной славѣ и блаженству. Со страхомъ и трепетомъ надемъ предъ симъ гробомъ, съ вѣрою и любовію обლობызаемъ сіи язвы, съ поканіемъ и сокрушеніемъ сердца воззовемъ къ Пострадавшему за насъ: *Помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ!* Аминь.

72. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ—ВТОРОЕ.

Когда Божественный Страдалецъ, нося крестъ Свой, ведомъ былъ на пропятіе, то многія изъ женъ Іерусалимскихъ сопровождали Его съ плачемъ и слезами... Это обычная жертва чувствительныхъ сердець, при видѣ страданій ближняго, тѣмъ паче страждущаго невинно. И однако же Господь не благоволилъ принять сей жертвы участія человѣческаго; указавъ слезамъ Іерусалимскихъ дочерей другой предметъ, болѣе достойный оплакиванія: *дщери Іерусалимски, говорилъ Онъ имъ, не плачитесь о Мнѣ, обаче себе плачите и чадо вашихъ: яко се днѣ грядутъ, въ няже начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покройте ны. Зане еще въ суровъ древь сіе творятъ, въ сущъ что будетъ* (Луки 23, 28, 29).

Не безъ сердечной скорби присутствуютъ и нынѣ, при воспоминаніи страданій Господнихъ; ибо можетъ-ли не поражаться сердце человѣческое, когда распадаются самые камни? Не безъ содраганія и трепета взираемъ и мы на изображеніе Божественнаго Страдальца; ибо можно-ли не трепетать духу человѣческому, когда содрагается самая земля? Не безъ увлаженнаго слезами взора являются многіе и нынѣ къ подножію Креста Господня; ибо не ужели человѣческое око было бы бестыднѣ солнца, которое померкло при зрѣлицѣ страданій Сына Божія? Тагъ, все это и съ нашей стороны—неизбѣжная дань сердца плачевному зрѣлищу страданій Господнихъ! Но если сія дань не нужна была Господу и тогда, когда Онъ страдалъ на землѣ; ибо чаша, юже даде ему Отець, долженствовала быть испита до послѣдней ея капли; тѣмъ менѣе нужна ему теперь, когда Онъ нревознесенъ и прославленъ и когда продолжаетъ являться намъ во образѣ страждущаго собственно для насъ. „Сынове и дщери новаго Сіона—Церкви Моей, кагъ бы такъ говорить Онъ и намъ—не плачитесь о Мнѣ; Мои страданія стяжали вѣчную славу не Мнѣ только, а и вамъ. Есть у васъ другой предметъ горькаго плача, для возбужденія коего являю вамъ Мой крестъ и гробъ; себе плачите, —себе, грѣхи коихъ вознесли Меня на крестъ и низвели

во гробъ: *заче еще въ суровъ древь сія творятъ, въ сущь что будетъ?* Послушаемъ, братія мои, сего гласа, устремимъ взоръ свой на самихъ себя, станемъ лицомъ къ лицу предъ Божественнымъ милосердіемъ и правосудіемъ, кои съ такою поражающею торжественностію являются въ смерти Сына Божія;—и, Богъ дастъ, взоръ нашъ наполнится иными слезами умиленія, обратится къ изображенію Божественнаго Страдальца не съ безплоднымъ сожалѣніемъ, а съ усердною и умиленною молитвою къ Нему.

Веліе челоуѣколюбіе, неизреченно милосердіе Твое, Боже нашъ, къ намъ грѣшнымъ! *Тако возлюбилъ Ты міръ, яко Сына Своего Единороднаго далъ еси, да вслкъ вѣрующій въ Него не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный!*—Безмѣрно снисхожденіе, несказанно долготерпѣніе Твое, Премилосердый Искупитель нашъ! Чего не пострадалъ, какой укоризны и безчестія не понесъ, какого мученія не пріялъ Ты за насъ и отъ насъ—Твоихъ тварей и враговъ, друзей и навѣтниковъ, сыновъ и распинателей?—Не радость и веселіе, а скорбь и болѣзнь объемлютъ сердце мое при семъ зрѣлищѣ Твоего милосердія и моей неблагодарности. — Ты пролилъ кровь Свою, чтобъ заслужить мнѣ оправданіе во грѣхахъ;—и гдѣжь сія благолѣпная одежда чистоты и невинности, которою облекъ Ты меня въ таинствѣ св. Крещенія?—Ахъ, я паки являюсь ко гробу Твоему осужденнымъ преступникомъ Твоего закона!—Ты предалъ духъ Свой на крестъ, чтобъ ниспослать мнѣ Твоего пресвятаго и животворящаго Духа;—и гдѣ же сей залогъ обрученія, коимъ знаменалъ Ты меня въ день избавленія моего? Увы, я опять плѣнникъ и обитель духа лукаваго! — Ты потерпѣлъ поношеніе и униженіе, поруганія и оплеванія, заушенія и біенія, чтобъ возвести меня падшаго въ достоинство и славу чадъ Божіихъ;—и гдѣжь сіе драгоцѣнное достоинство, когда я паки вижу себя сыномъ гнѣва и гибели? Ты для оживотворенія моего предалъ плоть и кровь Свою мнѣ въ снѣдь: ахъ, сколько разъ оскорблялъ я святѣйшее таинство недостойнымъ причащеніемъ! Сколько разъ второе распиналъ Тебя попраніемъ плоти и крови Твоей! — Чего ожидать мнѣ теперь, кромѣ казни и суда отъ правосудія Отца Твоего небеснаго?

О, какъ неумытно правосудіе Твое, Отче праведный, которое не находя достойной жертвы на землѣ, ищетъ ее на небѣ, караетъ грѣхъ въ лицѣ Единороднаго, возлюбленнаго Твоего Сына! Какъ святъ и непреложень законъ Твой. Святый Святыхъ, котораго преступленіе омывается кровію не повинною, карается смертію жесточайшею. Какъ ненавистенъ предъ лицомъ Твоимъ грѣхъ, котораго не терпитъ правда Твоя, гнушается Святость Твоя, отвращается самая Благость Твоя!—Какъ страшень судъ Твой, Боже нашъ, который не оставляетъ безъ казни ни одного преступнаго дѣйствія нашего и въ Томъ, Иже Самъ грѣха не сотвори, который воспріялъ на себя чуждые грѣхи: какъ же страшень будетъ судъ Твой для тѣхъ, кои явятся предъ лице Твое съ собственными своими грѣхами! О, по истинѣ многіе рекутъ тогда *горамъ: падите на ны, и холмамъ: покрыйте ны отъ лица сѣдящаго на престолъ; яко прииде день гнѣва Его!* Но кто сокроетъ меня отъ Тебя, вездѣсущаго и всевѣдущаго? Кто защититъ меня отъ Тебя правосуднаго и всемогущаго, кромѣ Твоего возлюбленнаго Сына—Ходатая и Спасителя моего? Сладчайшій Искупителю мой, — Ты единая надежда и упованіе мое, Ты единое прибѣжище и спасеніе мое; въ Твоихъ животворящихъ язвахъ могу и я сокрыться отъ лица правды Божіей; ибо Ты пришелъ призвать не праведныя, но грѣшныя на покаяніе. Приими и мое покаяніе, не затвори и мнѣ двери милосердія Твоего. Къ Тебѣ прибѣгаю съ мытарями и грѣшниками кающимися; предъ Тобою плачу горько съ Петромъ и Магдалиною; Тебѣ вопію съ разбойникомъ: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ!* Аминь.

73. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ—ТРЕТЬЕ.

И вси, пришедшии народи на позоръ сей, видяще бывающую, бѣюще перси своя возвращахуся (Лука 23, 48).

Такъ изображаетъ св. Евангелистъ Лука то впечатленіе, какое произвело зрѣлище крестныхъ страданій Христовыхъ на собравшійся на Голгоѳу народъ.

Если же и невѣровавшіе въ Господа Иисуса Христа, невѣдавшіе тайны креста Его, не участвовавшіе въ осужденіи Его на смерть, привлеченные однимъ любопытствомъ на Голгоѳу такъ сильно, до сокрушенія сердца и до слезъ поражены были зрѣлищемъ крестныхъ страданій неповинно страдающаго Иисуса: то какіе источники слезъ достаточны будутъ для насъ, брат., которымъ открыта вся тайна креста Христова? Какіихъ тяжкихъ воздыханій и рыданій сердечныхъ довольно будетъ для насъ, которымъ съ младенчества извѣстно, за что и для чего пострадалъ и умеръ на крестѣ воплотившійся Сынъ Божій; кто былъ причиною и виновникомъ Его страданій?

Сей язвенъ бысть за грѣхи наши, говоритъ Пророкъ Божій, и мученъ бысть за беззаконія наша: вси мы яко овцы заблудихомъ, человекъ отъ пути своего заблуди, и Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ. И такъ, кто бы ты ни былъ, согрѣшающій предъ Богомъ, собратъ мой, — (а кто изъ насъ чистъ отъ грѣха?), — это мы предали Его на страданія, мы осудили Его на пропятіе, мы издѣвались надъ Нимъ и мучили Его, мы распяли Его на Крестѣ. Се, пресвятая Глава Его избита тростію, изъязвлена терніемъ за тѣ преступные и нечистые, горделивые и презорливые, самолюбивые и завистливые, безумные и богохульные помыслы и мечтанія, которыми наполняется и кружится наша преступная глава. Се, пречистыя очи Его, тмами темъ свѣтлѣйшія солнца, наполняются слезами и кровію, терпятъ нечистыя оплеванія и помрачаются сномъ смертнымъ за тѣ завистливые и зложелательные, безстудные и глумливые, соблазняющіе и соблазняющіеся взоры, изъ которыхъ мы сдѣлали себѣ какъ бы нѣкое лукавое искусство. Се, пречистыя уста Его, источавшія слово жизни и спасенія, слово любви и утѣшенія, слово милосердія и состраданія, сокрушенныя удареніями злочестивыхъ рукъ, запекшіяся кровію, сомкнулись смертію — за тѣ безумные глаголы, за тѣ праздныя и гнилыя слова, за тѣ зложелательныя и пересудливыя рѣчи, которыя такъ легкомысленно, такъ непрестанно выходятъ изъ нашихъ устъ. Се, пречистыя руки Его, простиравшіяся токмо на благословенія и благодѣянія, на исцѣле-

не страдающихъ, на питаніе алчущихъ, на воскрешеніе умершихъ, пригвождены ко кресту — за то, что наши нечистыя руки простираются на злодѣяство и лихоиманіе, на хищеніе и неправедныя прибыли, на обиды и притѣсненіе ближнихъ. Се, любвеобильное сердце Его, жаждавшее нашего спасенія, жившее и дышавшее одною любовію къ человѣкамъ, прободено копіемъ — за тѣ нечистыя похоти и вождельнія, за тѣ корыстолюбивыя и самолюбивыя пожеланія, за то ненасытное стремленіе къ удовольствіямъ чувственнымъ, за тѣ безстыдныя ощущенія и чувства, которыми живетъ и наслаждается наше преступное сердце. Словомъ — вся пречистая плоть Его изъязвлена, изранена, умучена, самая пресвятая душа Его была прискорбна даже до смерти, испытала всѣ болѣзни адовы — за то, что мы окаянные грѣшники и душу и тѣло свое содѣлали орудіемъ грѣха. О, кто дастъ главѣ нашей источникъ слезъ, да плачемъ день и ночь!

Что же дѣлаемъ мы, когда, зная все это, не престаемъ отъ грѣховъ своихъ, бывшихъ причиною страшныхъ страданій Искупителя нашего, безопасно продолжаемъ идти тѣмъ же погибельнымъ путемъ преступленія заповѣдей Божіихъ? Въ такомъ случаѣ, (страшно сказать) мы *второе распинаемъ Сына Божія себѣ*, какъ говоритъ св. Апостолъ Христовъ. И такъ второе продаетъ Его, какъ Іуда, тотъ, кто изъ жадной корысти готовъ обмануть и обидѣть, притѣснить и озлобить своего брата. Второе посмѣвается и издѣвается надъ Господомъ тотъ, кто видитъ, осмѣиваетъ и осуждаетъ *сущаго во очеси брата своего, бревна же во очеси своемъ не чуетъ*. Второе осуждаетъ Его, подобно священникомъ іудейскимъ, *повинна быти смерти* тотъ недостойный служитель олтаря Его, который ввѣренное ему служеніе Божественное обратилъ въ орудіе честолюбія или корысти, который самыя тайны Божія оцѣниваетъ на серебро и золото. Второе распинаетъ пречистую плоть Его невоздержный плотугодникъ, которому богъ-чрево, который, *вземъ уды Христовы, творитъ ихъ удами блудничими*. Второе предаетъ Его на пропятіе, подобно Пилату, неправедный судія, которымъ управляетъ не законъ и правда, а лицепріятіе, корысть и челоуѣкоудничество. Второе хулитъ Распятаго и

издѣвается надъ Нимъ тотъ жалкій мудрецъ, который, сокрывъ истину Божию во лжи, возлюбилъ тьму мудрованій своихъ паче свѣта Христова, развращаетъ ученіе вѣры Христовой по своимъ похотямъ, хулитъ св. Церковь Христову и ея таинства. Второе причиняетъ озлобленіе и скорби Господу тотъ безпечный отецъ, который, не научивъ сына своего страху Божию, равнодушно смотритъ на его пороки; или тотъ неблагодарный сынъ, который, презрѣвъ заповѣдь Божию, издѣвается надъ своими родителями. Второе пронзаетъ сердце Исусово копіемъ тотъ недостойный наставникъ юности, который развращаетъ непорочные умы и сердца малыхъ сихъ и ученіемъ душевреднымъ и примѣромъ нечестивой жизни своей. Второе отрицается Христа и безчеститъ Его тотъ лживый проповѣдникъ Слова Божія, который *возлагаетъ бремена тяжкая на плеча чловѣкомъ, а самъ и однимъ перстомъ не хочетъ двигнути ихъ*, который устами своими приближается къ Богу, а сердцемъ удаляется отъ Него, словами научаетъ закону Божию, а преступленіемъ закона Бога безчестуетъ. Словомъ: второе измѣняемъ Господу, отрицаемъ Его, осуждаемъ Его, распинаемъ Его всякій разъ, когда, вѣдая святую волю Его, преступаемъ ее, отвергаемъ св. заповѣдь Его, не слушаемъ гласа Его, призывающаго къ покаянію, попираемъ совѣсть свою и предаемъ ее въ жертву страстей и похотей своихъ.

Боже мой, Боже мой! Чтожь будетъ съ нами грѣшными? *Аще бо въ суровъ древь сія творятъ, въ сусъ что будетъ?* Если такъ ужасно наказываются грѣхи чловѣческіе въ лицѣ воспріявшаго ихъ на Себя Сына Божія: то чего ожидать намъ грѣшникамъ за свои собственные грѣхи? Что будетъ съ нами, когда пострадавшій за насъ на крестѣ Искупитель нашъ явится во славѣ Своей на облацѣхъ небесныхъ, во тмахъ св. Ангелъ Своихъ; когда представитъ очамъ нашимъ крестъ Свой, покажетъ язвы Свой, понесенныя за грѣхи наши? Вотъ, что я сдѣлалъ для васъ! скажетъ Онъ намъ: что сдѣлали для Меня вы? Я омылъ и очистилъ васъ Моею кровію, оправдалъ и освятилъ васъ Моею благодатію: гдѣ эта невинность и праведность, купленная цѣною крови Моей? Сохранили-ль вы благодать оправданія, которую

дароваль Я вамъ туне въ таинствѣ св. крещенія? Соблюли-ль вы тѣло и душу свою, какъ храмъ живущаго въ васъ Духа Божія, въ чистотѣ и непорочности? Пребыли-ль вѣрными Миѣ, яко Царю вашему и Богу, какъ обѣщались въ крещеніи? Напротивъ, не оскорбляли-ль Мене тысячекратно своими неправдами и беззаконіями, своими нечистотами и сквернами грѣховными? Я дароваль вамъ покаяніе во очищеніе грѣховъ, содѣянныхъ по крещеніи: пользова-лись-ли вы этимъ врачествомъ духовнымъ такъ, какъ осужденный на смерть преступникъ предложеннымъ ему средствомъ избавленія, — со страхомъ и благоговѣніемъ, съ благодареніемъ и готовностію сдѣлать все, что ни потребуеть правда Отца Моего? Не обратили-ль вы и самое духовное врачество сіе въ средство къ усыпленію, а не къ пробужденію своей совѣсти отъ сна грѣховнаго? Не попирали-ль сего дара Моего — цѣну крови Моей, изліянной за грѣхи ваши, своимъ небреженіемъ и безпечностію, новыми и тягчайшими грѣхами? Я предалъ вамъ самое тѣло и кровь Мою въ снѣдь, какъ начатокъ и залогъ воскресенія и вѣчной жизни, содѣлалъ васъ удами тѣла Моего, отъ плоти Моея и отъ костей Моихъ: пребыли-ль вы вѣрны Миѣ, какъ други Мои, за которыхъ Я положилъ Мою душу? Не сотворили-ль удовъ Моихъ орудіями нечистоты и неправды? Не давали-ль Миѣ лобзанія Іудина вашими невѣрностями и измѣнами? Не сдѣлались-ли преступниѣ самыхъ распинателей Моихъ, второе распиная Мене своими грѣхами? *Приидите и истязимся!*

О, что скажешь ты, бѣдная душа моя, на этотъ гласъ твоего Судіи и Господа? Что будешь чувствовать окамененное сердце мое, когда Всевѣдущій обличить тайная твоя? Чѣмъ оправдишься ты, лукавая совѣсть моя, предъ всеиспытующимъ Судіею? По истинѣ, *мнози рекутъ тогда — горамъ: падите на ны, и холмамъ: покрыйте ны отъ лица Сьдѣщаго на престолѣ!*

Но отъ Его вездѣсущаго лица никто и ничто не сокроеть насъ тогда, если не сокроемся нынѣ въ сихъ же самыхъ язвахъ, которыя наложили мы своему Господу грѣхами нашими. Отъ Его нелицепріятнаго правосудія никто и ничто не защититъ насъ, если нынѣ не предадимъ себя подъ за-

щиту сего же самага креста, на которомъ распяли мы Господа своими неправдами. Ибо что видимъ въ крестѣ Христовомъ? Таинственное, чудное сочетаніе неумолимаго суда, со всею строгостію наказующаго грѣхъ, и неизглаголаннаго милосердія къ самимъ грѣшникамъ, — страха для грѣшниковъ нераскаянныхъ и упованія для грѣшниковъ истинно кающихся. Видимъ, что Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра, для того и вознесенъ на крестный жертвенникъ, чтобы, удовлетворивъ правдѣ Божіей за всѣ грѣхи всего міра, пощадить и помиловать грѣшниковъ; что послѣ сей умиловляющей жертвы, во всей безднѣ грѣховъ человѣческихъ нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе, нѣтъ неправды, которая не заглаждалась бы крестными страданіями Сына Божія, нѣтъ беззаконія, которое не искупялось бы Его крестною смертію; нѣтъ нечистоты, которая не очищалась бы Его всечестною кровію. Если бы и самъ злосчастный Іуда могъ придти и пасть предъ крестомъ Христовымъ, могъ принести страждущему на немъ Господу искреннее покаяніе, со всею силою вѣры и упованія, съ истиннымъ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца, со всею теплотою любви къ преданному имъ Учителю; и онъ не былъ бы отвергнуть отъ лица премилосердаго Господа, и онъ услышалъ бы изъ пречистыхъ устъ Его: *отпускаются тебѣ грѣси!*

Оживись же, унылая душа моя, сею неисповѣдимую силою милосердія Божія! Согрѣйся, оледенѣвшее сердце мое, этимъ пламенемъ любви Божественной! Воспрями, усыпленная совѣсть моя, при семъ зрѣлищѣ страшнаго суда и неистощимаго милосердія Божія! *Да изведутьъ очи мои исходивши водниа, понеже не сохранихъ закона Твоего Господи!*

Такъ, брат. мои, плачь, горькій плачь о грѣхахъ нашихъ; сокрушеніе, скорбное сокрушеніе о неблагодарности нашей предъ Искупителемъ нашимъ и Господомъ: вотъ что болѣе всего прилично намъ въ настоящія минуты, когда предстоимъ самому кресту и гробу Его! На сей крестъ вознесли грѣхи наши едиnorodнаго Сына Божія, но на семъ же крестѣ пригвождено рукописаніе всѣхъ грѣховъ нашихъ отъ лица правды Божіей. Въ этотъ гробъ низвело Сына Божія лежавшее на насъ осужденіе смерти, но въ этомъ же гробѣ

умерщвлена самая смерть, и изъ него возсіяла намъ новая жизнь. И такъ крестъ Христовъ осудитъ насъ, если пребудемъ нераскаянны и безчувственны, но крестъ Христовъ и оправдитъ насъ, если прибѣгнемъ къ Распятому на немъ съ вѣрою и покаяніемъ, со слезами и сокрушеніемъ сердца. Гробъ Господень обличитъ насъ, если пребудемъ мертвыми въ прегрѣшеніяхъ, но гробъ сей и оживотворитъ, и воскреситъ насъ, если начнемъ ходити въ покаяніи и обновленіи жизни. Приидите убо и мы, омывшись слезами покаянія, сраспнемся Христу и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ, да будемъ достойны воспѣтъ Ему въ день свѣтоноснаго Воскресенія Его: *Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь. воскресшу Тебѣ; сраспинахся Тебѣ вчера.*—*Самъ мя прослави. Спасе, во царствіи Твоемъ. Аминь.*

74. СЛОВО ВЪ ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ—ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ настоящій день св. Церковь, вмѣсто всякаго поученія, представляетъ намъ животворящій крестъ Христовъ. Что-жь возвѣщаетъ намъ этотъ крестъ? Вѣщаетъ устами распятаго нами Господа: *Такъ возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ. вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.*

Такъ безконечно велика, непостижима и не сказанна любовь Божія къ падшему роду человѣческому, что за него не пощадилъ Онъ драгоцѣннѣйшаго сокровища сердца Своего — единороднаго Своего Сына и такъ драгоцѣнна въ очахъ Божіихъ душа человѣческая, что для спасенія Онъ предалъ возлюбленнаго Сына Своего на уничтоженіе и осужденіе, на оплеванія и заушенія, на мученія и страданія на крестъ и смерть.

Для чего предалъ? Для избавленія грѣшниковъ и враговъ Своихъ отъ заслуженной ими казни — смерти вѣчной, для оправданія ихъ отъ грѣховъ и беззаконій, да сотворитъ ихъ чадами Своими, наслѣдниками вѣчнаго царства Своего. Такъ

предвѣщали древле св. Пророки: *сей язвоу бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе міра нашего на Немъ. язвоу Его мы исцѣльхомъ: вси мы яко овцы заблудихомъ, человекъ отъ пути своего заблуди,—и Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ.* Такъ учатъ св. Апостолы, что *Богъ бѣ во Христвъ, примиряя міръ Себѣ, такъ что мы врази бывше, примирихомся Богу кровію Сына Его; что премудрость Божія предположи Его Господа славы очищеніе второю въ крови Его, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ; что любовь Божія къ падшему человѣку едиnorodнаго Сына Своего, не вѣдѣвшаго грѣха, по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ; что Онъ умеръ за насъ—Праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови.* И такъ водруженный на Голгоѣ крестъ есть всемірный жертвенникъ для принесенія всемірной очистительной жертвы; а распятый на немъ Страдалецъ есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, очистительная жертва принесенная любовію Отца Небеснаго за грѣхи всѣхъ падшихъ сыновъ Адамлихъ. Безъ этой очистительной жертвы мы не могли быть терпимы неприступною для грѣшниковъ святостію существа Божія; яко не пребудутъ беззаконницы предъ очима Его. Безъ сего торжественнаго удовлетворенія правосудію Божію весь порядокъ міра нравственнаго потерялъ-бы свою силу и непреложность; вѣчный міръ и покой царства Божія, который держится неизмѣннымъ исполненіемъ воли Божіей, возмущился бы и превратился; безъ этого крестнаго примиренія падшаго человечества съ правдою Божіею весь родъ человѣческій былъ-бы на всегда извергнуть изъ царства Божія въ геенну, мучился и страдалъ-бы во всю вѣчность. Такъ дорого стоило, брат., загладить преступленіе святѣйшей заповѣди Бога—Творца и Вседержителя.

Очевидно, что столь великая жертва искупленія не можетъ не требовать жертвы и со стороны искупленнаго Ею человѣка, такая безпредѣльная любовь Отца небеснаго къ людямъ необходимо возлагаетъ и на нихъ великія и святыя обязательства. Чего-же требуетъ крестъ Христовъ отъ насъ, искупленныхъ имъ отъ грѣха, проклятія и смерти вѣчной? На это

отвѣтствуетъ святой Апостоль, что *Христосъ за всѣхъ умре. да живущи не ктому себѣ живутъ, но умершему за насъ и воскресшему; что Христосъ постради по насъ плотию, намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его; что на томъ-же самомъ крестѣ и намъ должно распять плоть свою со страстьми и похотьми, что въ Его-же гробѣ и мы спогребомся Ему крещеніемъ въ смерть, да яко-же Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ.* Для сего необходимо, съ нашей стороны, во-первыхъ, покаяніе и вѣра въ пострадавшаго за насъ Господа Іисуса Христа: *покайтесь, и вѣруйте во Евангеліе:* такъ началъ свою проповѣдь на землѣ Онъ Самъ—единородный Сынъ Божій. Во-вторыхъ, необходима жизнь сообразная сей вѣрѣ, т. е., жизнь чистая и святая, праведная и богоугодная, благоговѣйная и богобоязненная: *явился бо благодать Божія, спасительная всѣмъ человекомъ, наказующи насъ, да отвергшемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. Сіе бо есть истина о Іисусѣ: отложиши вамъ ветхаго человека, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, обновлятися же духомъ ума вашего, и облещися въ новаго человека, созданныаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины. А безъ покаянія во грѣхахъ, безъ обновленія сердца, безъ исправленія нашей жизни благодатію Святаго Духа, самая крестная смерть Сына Божія останется для насъ безъ всякаго плода, и не только не спасетъ насъ отъ гнѣва небснаго, а послужитъ еще къ большему и тягчайшему осужденію: *волею бо согрѣшающимъ намъ, по пріятіи разума истины, ктому о грѣсѣхъ не обрѣтается жертва, страшно-же нѣкое чаяніе суда и огия ревность поясти хотѣющаго сопротивныя.**

Послѣ сего, братіе мои, нельзя не обратиться къ своей совѣсти и не спросить ее, тагъ-ли мы вѣруемъ и живемъ, какъ требуетъ званіе христіанина, искупленнаго и освященнаго кровію единороднаго Сына Божія, усыновленнаго Богу Отцу и призваннаго къ наслѣдію вѣчной жизни со Христомъ Господомъ? Тагъ-ли мыслимъ и чувствуемъ, желаемъ и дѣйствуемъ, какъ заповѣдалъ намъ и показалъ примѣромъ

Своей жизни Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ? Святое Евангеліе Господа нашего служить-ли для насъ первымъ и единственнымъ правиломъ, а примѣръ святѣйшей жизни Его единственнымъ руководствомъ и образцомъ нашей жизни? *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ*, говоритъ Онъ намъ, *образъ бо дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите. Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ*, учитъ св. Апостолъ. Если же окажется, что мы доселѣ христіане болѣе по имени, нежели по жизни и дѣламъ нашимъ, болѣе по внѣшности, нежели по чувствамъ и расположеніямъ сердечнымъ, то можно-ли не подумать, возлюбленный, и о томъ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ,—насъ, за которыхъ умеръ на крестѣ едиnorodный Сынъ Божій? Вспомните, что сказалъ апостолъ объ участи христіанъ, живущихъ не по христіански? *Отвергся-ли кто закона Моисеева*, говоритъ Онъ: *безъ милосердія умираетъ: колико, мните, горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмивъ, ея же освятися, и Духа благодати укоривый?*

Если мысль о такой неблагодарности предъ Отцемъ небеснымъ, тако возлюбившемъ насъ, яко Сына Своего едиnorodнаго я даль есть за избавленіе наше, о такомъ безчувствіи предъ Сыномъ Божіимъ, пострадавшимъ и умершимъ за насъ на крестѣ, если, говорю, мысль эта умилить твое сердце, если представленіе ужасной участи, которая ожидаетъ презрителей крови Сына Божія, сострясетъ страхомъ твою душу, то обратись опять, возлюбленный, къ своей совѣсти и спроси, что нужно тебѣ сдѣлать, чтобъ измѣнить образъ жизни своей къ лучшему, что нужно оставить и что измѣнить въ своей жизни, что начать и въ чемъ преуспѣвать, чтобы сдѣлаться истинно христовымъ и предстать нѣкогда одесную Его въ числѣ избранныхъ сыновъ царствія Божія? Воззри потомъ на крестъ Христовъ съ вѣрою и упованіемъ; призиви въ помощь благодать распятаго на немъ Господа, и дай искренній обѣтъ быть вѣрнымъ своему Господу и святому завѣту Его, въ твердой увѣренности, что положившій душу Свою за насъ не оставитъ тебя ни вразумленіемъ, ни утѣшеніемъ, ни Своею божественною помощію. *Близъ есть*

Господь всмѣхъ, призывающимъ Его во истинѣ, волю болящихъся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ. Егда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего! Аще же и забудетъ сихъ жена, Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь Вседержитель. Аминь.

Вечерній псаломъ 140-й *).

75. БЕСѢДА—ПЕРВАЯ.

Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! Вонми гласу моленія моего, внигда воззвати ми къ Тебѣ! (Ст. 1-й).

Эту пророческою молитвою св. Церковь научаетъ насъ молиться каждый день въ вечернее богослуженіе. Но особенно часто повторяется молитва сія въ нѣкоторые дни св. Четырдесятницы, когда св. Церковь усугубляетъ свои моленія, когда призываетъ и насъ взывать прилежниѣ къ Богу крѣпкому, живому!

Молитвы святыхъ, брат. мои, суть выраженіе ихъ благоговѣйныхъ чувствованій предъ Богомъ. Это не одно слово устъ, какъ бывають часто наши молитвы, а языкъ сердца, исповѣдующагося предъ Богомъ. Посему не иначе можно и должно молиться ихъ словами, какъ усвоивъ себѣ ихъ чувствованія и расположенія сердечныя. Въ противномъ случаѣ Богъ пріемлетъ отъ устъ нашихъ слово, какъ благоугодное Ему, но отвергаетъ сердце, какъ несогласное съ словомъ: пріемлетъ Свое, внушенное Духомъ Святымъ, и отвергаетъ наше, дышащее духомъ міра. И золотое кадило, наполненное благовоннымъ веществомъ, издаетъ не благоуханіе, а смрадь. Такъ и въ повторяемыхъ нами златословесныхъ пѣніяхъ мужей святыхъ Господь Богъ обоняетъ не воню бла-

*) Бесѣды на 140 Псаломъ собирателемъ печатаемыхъ проповѣдей Иустиномъ, епископомъ Новомиргородскимъ, помѣщены были въ V томѣ подъ обшей рубрикой: *Слова и Рѣчи на разные случаи и тексты*; но мы нашли болѣе подходящимъ перенести ихъ въ этотъ томъ.

гоуханія, а воню смертную, когда въ сердцѣ нашемъ бываетъ не то, что выражаютъ уста, когда оно объято не огнемъ любви Божіей, а хладомъ и мразомъ духовнымъ, — исполнено не чувствованіями святыми и благоговѣйными, а помыслами земными, желаніями и стремленіями плотскими и грѣховными. Что можетъ издавать отъ себя такое сердце, какъ не *воню смертную въ смерть*? Приникнемъ же, брат., благоговѣйною мыслию въ духовный смыслъ псаломской пѣсни, которую такъ часто слышимъ въ храмѣ Божіемъ, и такъ часто повторяемъ устами своими, *чтобъ усвоить себѣ самый духъ ея и молиться не одними устами, а и сердцемъ.*

Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! Преданіе говоритъ, что псаломъ этотъ воспѣтъ св. Давидомъ, когда онъ находился въ изгнаніи, вдали отъ Скинии Свидѣнія. Святая душа его, привыкшая жить въ дому Божіемъ, воспѣвать славу Божію предъ лицомъ кивота Господня, молиться при совершеніи заповѣданныхъ Богомъ жертвоприношеній, томилась скорбію въ удаленіи отъ св. жилища Божія, и подобно заблудившемуся страннику, крикомъ и воплемъ зовущему на помощь себѣ, она и изъ далекаго изгнанія всею крѣпостію вѣры и любви своей взывала ко Господу: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!*

Можно, брат. мой, и находясь не въ удаленіи отъ святилища, а въ самомъ храмѣ, тѣмъ не менѣе быть далекимъ отъ Бога — сердцемъ и духомъ своимъ. *Приближаются ко Мнѣ люди сіи усты своими,* говорилъ Господь о древнихъ Іудеяхъ, *и устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Мене.* Что причиною сего духовнаго удаленія отъ Бога? *Грѣхи ваши разлучаютъ между вами и Богомъ,* говоритъ пророкъ Божій. Настоящую жизнь нашу слово Божіе часто сравниваетъ съ путешествіемъ и съ путемъ, по которому мы идемъ отъ рожденія до смерти, чтобы достигнуть вѣчнаго отечества нашего и придти къ Богу Отцу своему. Для вѣрнаго руководства по пути сему Господь даровалъ намъ св. вѣру и законъ Свой. Кто идетъ при свѣтѣ вѣры и путемъ заповѣдей Божіихъ, тотъ приближается къ Богу. У кого тускнѣетъ свѣтильникъ вѣры, кто уклоняется отъ заповѣдей Божіихъ, послѣдую своей

злой волѣ, тотъ удаляется отъ Бога. И чѣмъ болѣе согрѣшаетъ человѣкъ, тѣмъ далѣе отходитъ отъ Бога сердцемъ своимъ, тѣмъ менѣе достоинъ бываетъ бесѣдовать съ Богомъ, какъ бесѣдовали съ Нимъ св. Божіи человѣки, тѣмъ недоступнѣе для него престоль славы Божіей, хотя бы онъ находился тѣломъ въ самомъ святилищѣ, слышалъ слово Божіе и видѣлъ совершающіяся здѣсь таинства. Что дѣлаетъ заблудившій съ нрямаго пути, когда осмотрится и увидитъ, что онъ зашелъ въ непроходимыя дебри, что потерялъ дорогу и не можетъ найти ее? Онъ кричитъ о помощи, призываетъ вождя и руководителя. Такъ и удалившемуся отъ Бога и заблудившемуся въ распутяхъ грѣха, когда сердца его коснется лучъ благодати Божіей и озаритъ мрачную тьму души его, когда совѣсть его пробудится отъ сна грѣховнаго и увидитъ какою непроходимую бездною отдѣлилась она отъ дома Отца небснаго и свѣтлаго лица сыновъ Божіихъ,—что остается ему, какъ не взывать къ Богу изъ глубины души, какъ бы изъ отдаленія, какъ бы вопіять къ Нему какъ бы изъ пропасти великой: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!* Не презри гласа грѣшника, вопіющаго къ Тебѣ, не отврати лица благодати и милосердія Твоего отъ сына заблудшаго, оскорбившаго Тебя своими злыми дѣлами; взыщи погпбающаго въ дебряхъ беззаконія, спаси утопающаго въ пучинѣ грѣховной! *Углубохъ въ тмьніи глубины, и нсть постолянія, придохъ во глубины морскія и буря потопа мя. Яко одержаша мя злая, имже нсть числа; постигоша мя беззаконія моя, и не возмогахъ зрѣти; умножишася паче власъ главы моея, и сердце мое остави мя. Благоволи, Господи, избавити мя: изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи, Господи услыши гласъ мой!*

Впрочемъ, не одни грѣхи, а и обыкновенныя житейскія наши дѣла нерѣдко такъ удаляютъ и мысль и сердце наше отъ Бога, что, пришедши въ храмъ Божій, мы остаемся духомъ своимъ далеко за его священною оградю.—То разнообразныя воспоминанія о томъ или другомъ уносятъ мысль нашу далеко отъ святилища Божія и не позволяютъ ей утвердиться въ единомъ помышленіи о Богѣ Спасителѣ; то

воображеніе наше, наполненное мірскими образами, блуждаетъ по стогнамъ и распутіямъ и не даетъ душѣ нашей сосредото- читься въ самой себѣ, предстать съ полнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ предъ лицомъ Божиимъ; то многоразличныя заботы тяготятъ сердце наше и погружаютъ его какъ бы въ волны, не позволяя вознестись ему на высоту благого- вѣйныхъ помысловъ и чувствъ. Среди этого волненія соб- ственныхъ мыслей и чувствъ, среди этого обуревающего насъ моря страстей, что остается намъ, какъ не вопіять отъ всей души ко Господу, подобно утопавшему Петру: *Гос- поди, спаси ны, погибаемъ!* Разжени свѣтомъ благодати Твоей мракъ прелестей міра сего, преслѣдующихъ душу нашу и въ самое святилище Твое, укроти волны страстей нашихъ и водвори блаженную тишину въ сердцѣ нашемъ, да возне- сется молитва наша, какъ өміамъ предъ Тобою! Очисти умъ нашъ отъ помысловъ суетныхъ, да узритъ онъ Твое неприступное величіе и славу, Твою неизреченную благодать и любовь, Твою несказанную святость и правду! Укроти стремленіе необузданнаго воображенія нашего и вознеси его въ горнія обители Твои, гдѣ со страхомъ и трепетомъ пред- стоятъ Тебѣ тмы темъ св. ангеловъ, гдѣ многоочитіи Херувими и шестокрылатіи Серафими, лица покрывающе, вошють пѣснь Тебѣ: аллилуія! *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!*

Бываетъ, бр. мои, и то, что и отъ входящихъ къ Го- споду съ чистымъ и смиреннымъ сердцемъ и отъ молящихся Ему съ живою вѣрою Господь Богъ какъ бы сокрывается на время, не внемлетъ моленіямъ ихъ, какъ не внималъ, по видимому, моленіямъ жены Хананейской, — оставляетъ подъ тяжестію искушеній внутреннихъ и внѣшнихъ, не по- давая тотчасъ облегченія и утѣшенія. Это кажущееся остав- леніе праведниковъ подъ тяжестію креста ихъ бываетъ для того, чтобы дать выразиться всей силѣ вѣры ихъ и всей горячности усердія ихъ къ Богу, чтобы очистить сердце ихъ и отъ малѣйшаго праха земныхъ пристрастій и утвердить ихъ въ упованіи на Него единого. Въ семъ случаѣ благо- дать Божія, по замѣчанію преподобнаго Макарія, поступаетъ съ человѣкомъ подобно матери, которая оставляетъ на время

малолѣтнее дитя свое и скрывается отъ него, чтобы видѣть, какъ оно ищетъ ее съ усердіемъ, зоветъ ее неумолчно, чтобы болѣе обрадовать его своимъ внезапнымъ появленіемъ, чтобы крѣпче, такъ сказать, привязать его къ себѣ, побудить его неотлучаться отъ себя. Посему-то истинно преданные Богу люди не унываютъ при семъ временномъ оставленіи отъ Бога; напротивъ, забывая все временное, они съ большею ревностію и усердіемъ обращаются къ Богу съ молитвою, — съ большею горячностію сердца взываютъ къ Нему: *Заступникъ мой, почему я забылъ еси? и вскую стужу хожду?* — съ большею неотступностію вопіютъ въ слѣдъ Его, подобно женѣ Хананейской: *Господи, помози ми!* Съ воплемъ крѣпкимъ и слезами взываютъ они, по примѣру Самаго Сына Божія, страдавшаго на крестѣ: *Боже мой, Боже мой, вскую я еси оставилъ!* И подобно изгнанному Давиду вопіютъ неумолчно: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!*

Не потому нужно, бр., это вопіяніе сердца нашего, чтобы Господь нашъ былъ дѣйствительно далекъ отъ насъ и не слышалъ гласа нашего: Вездѣсушій всегда и вездѣ съ нами, и нѣтъ сокровеннаго мѣста, котораго не проникало бы Его всевидящее око. Не только ни одно слово, но ни одна тайная мысль души нашей, ни одно сокровенное движеніе сердца нашего не сокрыты отъ Его всевѣдѣнія: *вся нага и объявлена предъ очами Его.* Этотъ вопль сердца необходимъ для нашего совершенства духовнаго, полезенъ для очищенія души нашей и приближенія ея къ Богу. Его силой или немоцію свидѣтельствуется жизненность или мертвенность нашей вѣры въ Господа, подобно какъ сильное или слабое біеніе сердца показываетъ бодрость или упадокъ силъ тѣлесныхъ. Его горячность или холодность показываетъ степень любви нашей къ Господу, подобно какъ возвышеніемъ и пониженіемъ ртути показывается степень теплоты въ воздухѣ. — Его крѣпость или слабость служитъ признакомъ крѣпости упованія нашего на Господа и преданности святой волѣ Его, или же нашего малодушія и надѣянія на самихъ себя. Кто, при всѣхъ смущеніяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ, не престалъ крѣпко взывать къ Господу о помощи, тотъ не будетъ оставленъ

благодатию Божіею, того ничто земное не разлучить съ Господомъ; и чѣмъ большія скорби и обстоянія будутъ стѣснять его сердце и извлекать изъ него сильнѣйшіе вопли къ Богу; тѣмъ чище и крѣпче будетъ его вѣра и упованіе, тѣмъ живѣе любовь его къ Господу. Кто и въ самыхъ грѣхопаденіяхъ своихъ не упадаетъ въ бездну отчаянія и загосненія, а держась крѣпко за спасительную вервь покаянія, не престааетъ взывать и вопіять къ Богу: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; заблудихъ яко овца погибшее, възми раба Твоего*; тому не попуститъ погибнуть во грѣхахъ любовь Божія, того всемогущая благодать Христова извлечетъ изъ самой глубокой пропасти грѣховной. Сами духовные враги наши не осмѣлятся нападать на насъ, если мы во всѣхъ случаяхъ жизни нашей будемъ вопіять къ Господу: *Боже, въ помощь мою воуми, Господи, помощи ми потщиися: помощникъ мой и заступникъ мой еси Ты, Боже мой, не закосни!* подобно какъ злоумышленные люди не отваживаются нападать на тѣхъ, которые кричатъ и вопіютъ о помощи.

И такъ, когда печали и заботы житейскія обыдуть и стѣснять наше сердце, когда, измученные душею, придемъ въ храмъ Божій на молитву вечернюю, воздохнемъ къ Богу изъ глубины души нашей: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя!* Когда совѣсть будетъ тяжело обличать насъ въ преступленіи заповѣдей Божіихъ, когда грѣхи наши отяготѣютъ на насъ, и не будетъ мира въ костехъ нашихъ отъ лица грѣхъ нашихъ, — отъ всего сердца нашего возопіемъ ко Господу: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи, Господи, услыши гласъ мой!* Когда скорби и болѣзни обыдуть и обымутъ насъ и не будетъ помогающаго, когда различныя искушенія попущеніемъ Божиимъ отяготѣютъ на насъ, — съ воплемъ крѣпкимъ возопіемъ къ Богу Спасителю нашему: *Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! Воуми гласу моленія моего, внигда воззвати ми къ Тебѣ!* Аминь.

76. БЕСѢДА — ВТОРАЯ.

*Да исправится молитва моя,
яко кадило предъ Тобою, воздѣ-
люю руку мою, жертва вечерняя.*
(Ст. 2-й).

Когда пробуждается въ насъ чувство нашей бѣдности и безпомощности и побуждаетъ насъ вопиать къ Богу о помощи; когда сознание грѣховности нашей и угрожающей гибели побуждаетъ насъ прибѣгать къ Богу Спасителю и звать къ Нему гласомъ погибающаго; то прежде всего, брат., надобно заботиться о томъ, чтобы самая молитва наша была благоприятна предъ Богомъ, чтобы не было въ ней чего-либо, что не преклоняетъ, а отвращаетъ отъ насъ любовь Божію, что дѣлаетъ молитву нашу недостойною слышанія Божія. Посему-то пророкъ Божій молится, чтобы молитва его исправилась предъ Богомъ, направилась бы прямо къ небу, вознеслась бы къ престолу Божію, была принята и услышана благостію Божіею благоприятно. Находясь въ удаленіи отъ Скинии свидѣнія, онъ не могъ принести Богу ни оиміама ни жертвы, посему и просить, чтобы молитва его была принята какъ благовонное кадило, чтобы воздѣянне рукъ его было вмѣнено ему вмѣсто жертвы вечерней. *Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою!*

Что нужно, чтобы кадило распространяло благовоніе и возносило горѣ вложенный въ него оиміамъ? Первѣе всего нуженъ огонь. Когда горитъ въ немъ огонь, то вложенный оиміамъ несется неудержимо вверхъ; какъ скоро погасаетъ огонь, и кадило издаетъ не благоуханіе, а смрадъ. Такъ и молитва наша тогда только возносится горѣ и направляется къ престолу Божію, когда исходитъ изъ сердца, горящаго огнемъ святыхъ и богоприятныхъ чувствованій.

Этотъ духовный огонь возжигается, брат. мои, во-первыхъ, чувствомъ благоговѣнія и страха Божія, когда молящійся живо сознаетъ и чувствуетъ, кто онъ, гдѣ предстоитъ и къ кому приступаетъ. Земная горсть, онъ удостоивается предстать престолу Творца и Владыки всяческихъ, Кото-

рому со страхомъ и трепетомъ предстоятъ тмы темъ св. ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ. Рабъ неключимый, непослушный вседержавной волѣ своего Владыки и Господа, употребившій во зло данный ему многоцѣнный талантъ жизни, дерзаетъ предстать предъ Господомъ и Судією своимъ, предъ Которымъ и праведники, выну благоугождающіе Ему, предстоятъ въ трепетномъ ожиданіи страшнаго суда Его, Который и *въ ангелахъ Своихъ ничто стропотно усмотрѣть*. Преступникъ, тысящекратно прогнѣвлявшій Господа своими беззаконіями, давно повинный смерти вѣчной и гееннѣ огненной, предстаетъ Всевѣдущему Судии и Богу, Который зрѣтъ всѣ тайныя помышленія ума его, видитъ сокровеннѣйшія чувствованія сердца его, Который властенъ погубить и тѣло и душу его въ гееннѣ огненной. Что, если мѣра долготерпѣнія Божія преисполнилась и, вмѣсто милосердія, настало уже время правды и суда? Что, если гнѣвъ Божій готовъ уже поразить его въ ту же минуту, когда онъ хочетъ отверсть предъ Богомъ лживыя уста свои, которыми столько разъ солгалъ уже предъ Нимъ въ своихъ недостойныхъ молитвахъ? Читаемъ въ словѣ Божіемъ, что сыны Аароновы, принесшіе чуждый огонь къ жертвеннику Божію, тотчасъ истреблены были огнемъ небеснымъ; что возмущившіеся противъ Моисея пожраны были разверзшеюся подъ ними землею; что Оза, только прикоснувшійся кивоту завѣта Божія, тотчасъ пораженъ былъ смертію; что царь Озія, недостойно дерзнувшій возложить оуміамъ на жертвеникъ, внезапно пораженъ былъ проказою. Но Господь Богъ, брат. мой, и нынѣ тотъ же Богъ — ревнитель славы Своея; но храмъ христіанскій святѣ Скиніи Свидѣнія, и престолъ на коемъ предложитъ тѣло и кровь Единороднаго Сына Божія, страшнѣе жертвенника ветхозавѣтнаго. Если теперь, громы правосудія Божія молчатъ и не поражаютъ тотчасъ безстрашно входящихъ въ храмъ Божій, безъ подобающаго благоговѣнія предстоящихъ престолу Божію; если милосердіе Божіе еще щадитъ насъ ради крови возлюбленнаго Сына Своего; то будемъ-ли *нерадѣть о богатствѣ благодати и долготерпѣнія Божія, собирая себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія суда Божія? Отверглся-ли кто закона Моисеова,*

говорить апостолъ Христовъ, *безъ милосердія, при двоихъ или трѣхъ свидѣтеляхъ умираеть. Колико паче горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый? Страшно есть, еже впасти въ руку Бога живаго! Да имамы благодать, еюже служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ!* Да смирился предъ непреступною славою Божіею духъ нашъ, да вострепещеть душа наша предъ лицемъ Господа славы, да сотрясется все существо наше страхомъ правды и суда Божія!

Другой уголь, коимъ возжигается еиміамъ богопріятной молитвы, есть живая любовь къ Господу. Благодатная сила Божія, которой испрашиваемъ въ молитвѣ, есть жизнь нашей жизни и душа души нашей. Безъ нея мы мертвы на вѣки. Если теперь эта духовная смерть не даетъ намъ чувствовать себя во всей ужасной силѣ своей; то это потому, что нынѣ, и согрѣшая, мы находимся еще подъ кровомъ милосердія и долготерпѣнія Божія; что сіяющей солнце Свое на злыя и благія Отець Небесный, ради вопіющей къ Нему за весь родъ человѣческой крови Сына Своего, подаетъ намъ все потребное для жизни временной и *прежде прошенія нашего*; что плоть и кровь заглушаютъ въ насъ не только потребности, но и чувства и ощущенія духовныя. Но когда кончится для насъ время долготерпѣнія Божія и настанетъ время суда и воздаянія, когда душа наша, не имѣя болѣе нужды ни въ чемъ временномъ и вещественномъ, явится обнаженною благодати Божіей и отверженною отъ лица Божія; тогда-то обнаружатся во всей силѣ тѣ, непостижимыя для насъ нынѣ, мученія смерти духовной, которымъ подвергнется душа, лишившаяся благодати Божіей и отверженная Богомъ, которыя будутъ томить ее во всю вѣчность. Слышали-ль когда, бр., объ ужасныхъ страданіяхъ людей, умирающихъ голодною смертію? Это слабая тѣнь вѣчной смерти души отъ глада духовнаго! Итакъ, если любимъ собственную жизнь, то можно-ли не любить подателя жизни — Отца Небеснаго? Можно-ли не любить Господа Иисуса Христа, Который въ причащеніи тѣла и крови Своей дѣлаетъ насъ причастными

Его Божественной и вѣчной жизни? Если дорожимъ жизнію своею болѣе всего, что есть для насъ драгоценнаго на землѣ, то можно-ли не дорожить болѣе всего благодатию пресвятаго Духа Божія, безъ которой душа наша умретъ смертію вѣчною? Сею-то мыслию о вѣчной смерти безъ благодати Божіей и вѣчной жизни со Христомъ Господомъ возбуждали въ себѣ святые мужи ту пламенную любовь, ту дѣтскую привязанность къ Небесному Отцу своему, которая побуждала ихъ всѣмъ сердцемъ своимъ искать Господа, всей душою своею прилѣпляться къ Нему единому, не отходить отъ Него умомъ своимъ ни на одно мгновеніе и дышать непрестанною къ-Нему молитвою. «Како не имамъ Тебе любить Господа моего? говорить «одинъ св. мужъ; Ты бо мой еси животь, Ты еси мое спасеніе, «Ты еси моя слава и похвала, Ты еси мое богатство и вѣчное «сокровище, Ты еси моя надежда и упованіе, Ты еси мое «радованіе и вѣчный покой. Сего ради всю надежду мою, «все упованіе мое, все желаніе мое въ Тебѣ единомъ да «полагаю, Господи, все сердце мое, всю душу мою, вся «помышленія моя въ Тебѣ единомъ да углубленна имамъ; «вся внутренняя моя. членове и мозги Тебѣ единому да излію, «день и ночь къ Тебѣ да утреннюю, день и ночь да Тебе «жажду, о Боже мой; да весь буду въ Тебѣ и Ты во мнѣ!»

Третій уголь, коимъ возжигается омиамъ молитвы нашей къ Богу, есть умленіе и сокрушеніе сердечное. Оно почерпается, бр. мои, преимущественно изъ размышленія о крестныхъ страданіяхъ и смерти за насъ Господа Иисуса Христа. Для сего-то св. евангелисты и изобразили намъ страданія Господа со всею подробностію, чтобы Господь Иисусъ Христосъ *преднаписанъ былъ* предъ очами нашими, какъ бы *предъ нами былъ распятъ*. Взирая на крестъ Христовъ, мы видимъ осязательно безконечную любовь Божію къ намъ грѣшнымъ, которая не попустила падшему роду человѣческому погибнуть вѣчною смертію, которая не пощадила для спасенія нашего Своего возлюбленнаго, едиnorodнаго Сына, которая ради Его крови, пролитой за грѣхи наши, доселѣ милуетъ и щадить насъ, не погубляетъ насъ тотчасъ въ самомъ преступленіи святаго закона Его, но милостивно и долготерпѣливо призываетъ насъ къ покаянію. Взирая на

крестъ Христовъ, мы видимъ неизреченную любовь къ намъ Сына Божія, Который положилъ на немъ душу Свою за спасеніе наше. Чего не потерпѣлъ за насъ Господь нашъ? За наше превозношеніе и гордость, за наше любочестіе и славолюбіе, Онъ *смирилъ Себе. послушливъ бывъ даже до смерти*, терпѣлъ поношенія и уничиженія, злословія и оклеветанія, неправедно осужденъ на смерть и *вмѣненъ со беззаконными*. За наше плотоугодіе и любострастіе, за наши нечистоты и скверны плотскія, Онъ предалъ плоть Свою на поруганіе и біеніе, на истязанія и мученія, на распятіе и пригвожденіе ко кресту. За наше празднословіе и злословіе, за наши оклеветанія и осужденія другъ друга, Онъ, *яко агнецъ, на заколеніе ведомый, тако не отверзаше устъ Своихъ. укоряемъ противу не укоряше, стражда не прещаше*. За наше невоздержаніе и сластолюбіе, за объяденія и пьянства, Онъ алкалъ и жаждалъ, постился четыредесять дней въ пустынѣ и напоенъ оцтомъ и желчею на крестѣ. За наше нечувствіе и окамененіе сердечное, за нашу жестоковѣйность и нераскаянность въ грѣхахъ, Онъ плакалъ и скорбѣлъ, страдалъ духомъ Своимъ такъ, что пресвятая душа Его прискорбна была даже до смерти. Взирая на крестъ Христовъ, мы видимъ и нашу тяжкую неблагодарность предъ сею неизреченною къ намъ любовію. Въ чемъ и гдѣ не является сія преступная неблагодарность? Господь украсилъ насъ образомъ Своимъ, отличилъ насъ разумомъ и свободнымъ произволеніемъ; а мы своими плотскими похотѣніями прилагаемся скотомъ несмысленнымъ и уподобляемся имъ. Господь даровалъ намъ слово для прославленія Его величія и чудесъ, для благодаренія Его благости и щедротъ, для взаимнаго назиданія, вразумленія и утѣшенія; а мы обращаемъ сей даръ Божій въ орудіе лжи и неправды, обмана и лукавства, злословія и осужденія другъ друга. Господь открылъ намъ святую волю Свою, даровалъ законъ Свой, чтобы ввести насъ въ царство Свое; а мы не только не стараемся познать волю Божію, благоугождать Ему исполненіемъ заповѣдей Его; но беззаконными дѣлами своими, невниманіемъ гласу Его, презрѣніемъ святаго слова Его какъ бы прямо говоримъ Ему: *отыди отъ насъ, путей Твоихъ*

вѣдѣти не хоцелъ. Господь омылъ насъ Своею кровію и освятилъ Духомъ Своимъ; а мы, оскверняя себя грѣхами, попираемъ кровь Его и уничтожаемъ Духа Божія. Самое таинство покаянія, которое дано намъ милосердіемъ Божиимъ для обновленія и исправленія нашего, для примиренія насъ съ Богомъ и очищенія отъ грѣховъ, — не сдѣлалось-ли у насъ однимъ видомъ покаянія безъ сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, безъ истиннаго раскаянія и исправленія, безъ ощутительнаго уллучшенія и обновленія жизни? Самое причащеніе Божественнаго тѣла и крови Христовой, въ которомъ мы дѣлаемся причастниками Его Божественнаго естества, надолго-ли соединяетъ насъ въ единъ духъ съ Господомъ? Надолго-ли, приобщившись Ему, мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ? Не бываетъ-ли иногда первый шагъ изъ храма Божія шагомъ къ прежнимъ привычкамъ грѣховнымъ? Взирая на крестъ Христовъ, мы можемъ прочесть на немъ и нашу будущую участь, если не обратимся искренно, всѣмъ сердцемъ своимъ къ Господу. *Аще бо въ суровъ древь сія творятъ, въ сусъ что будетъ?* Если и Онъ, пречистый и всесвятый, пріавъ на себя чуждые грѣхи, долженъ былъ потерпѣть такія ужасныя страданія и такую мучительную смерть; чего ожидать намъ за свои собственные грѣхи, если не искупимъ ихъ истиннымъ покаяніемъ не на время, а на всю жизнь нашу; если истинно не умремъ со Христомъ для всего порочнаго, нечистаго, законопреступнаго, и не оживемъ съ Нимъ для жизни святой и богоугодной? Вотъ почему, брат. мои, св. мужи для возбужденія въ себѣ молитвеннаго духа непрестанно поминали спасительныя страданія Христовы, непрестанно размышляли объ нихъ, старались углубить ихъ въ своемъ сердцѣ, освятить ими свой умъ и разумѣніе свое, воображеніе и память. Посему-то и св. Церковь, во дни поста и покаянія, чаще всего воспоминаетъ страданія и крестъ Христовъ, болѣе всего побуждаетъ насъ поклоняться пречистымъ и животворящимъ язвамъ Его и умолять Его распятаго за насъ, да поразитъ Онъ силою благодати Своей жестокость и окамененіе сердца нашего, да сокрушитъ его страхомъ суда Своего, да уязвитъ его любовію Своею, — да текутъ отъ сокрушеннаго сердца нашего источники слез-

ные, омывающіе всякую грѣховную скверну, и да вознесется моленіе наше, какъ благовонный ѳиміамъ, ко престолу Божию. Да исправится молитва наша, яко кадило предъ Богомъ! Аминь.

77. БЕСѢДА — ТРЕТЬЯ.

*Да исправится молитва моя,
яко кадило предъ Тобою, воздѣ-
мѣ руку мою — жертва вечерняя.
(Ст. 2-й).*

Нѣтъ сомнѣнія, брат., что сдѣлать всякое доброе дѣло зависитъ отъ насъ, т. е., отъ нашего добраго произволенія. Но несомнѣнно и то, что всякое дѣло наше не будетъ истинно добрымъ дѣломъ, благоуднымъ Господу и достойнымъ того, чтобы Господь призрѣлъ на него призрѣніемъ благодати и любви Своей, если не освятится оно Его Божественною благодатію. Такъ и молитва наша, сколько-бы мы ни усиливались возбуждать и возгрѣвать въ себѣ сердечныя чувствованія благоговѣнія, любви и умиленія, не сдѣлается кадиломъ благовоннымъ и не будетъ принята въ воню благоуханія, если благодать Духа Святаго не очиститъ сердца нашего отъ всякія скверны, не освятитъ нашихъ чувствованій и не воспламенитъ ихъ Своимъ неугасающимъ огнемъ. Посему-то и нужно первѣе всего молиться о томъ, чтобы Единый Податель всѣхъ благъ — Духъ истины пришелъ и вселился въ насъ, очистилъ насъ отъ всякія скверны и содѣлалъ молитву нашу благоудною предъ Богомъ; чтобы огнемъ благодати Своей всегда воспламенялъ въ насъ чувство благоговѣнія и любви, умиленія и сокрушенія сердечнаго.

Но для сего нужно, брат., и съ нашей стороны постоянное и неоскудѣвающая ревность къ благоугожденію Богу, искреннее желаніе вѣрно служить предъ Господомъ во всѣ дни жизни своей, постоянное стремленіе къ очищенію себя, къ тому, чтобы удостоиться помилованія и оправданія на страшномъ судѣ Христовомъ. Проникнутый влагою уголь не можетъ разгорѣться, сколько-бы ни старались разжечь его;

онъ можетъ по временамъ загораться, но тотчасъ и погасаетъ, какъ скоро отнимается пламень. Такъ и сердце человѣка, проникнутое любовію къ міру, можетъ по временамъ какъ-бы вспыхивать пламенемъ благоговѣйныхъ и умиленныхъ чувствованій, но тотчасъ и погасаетъ, какъ скоро перестаютъ дѣйствовать на него предметы, возбуждающіе эти чувства. Тоже бываетъ, когда душа наша какъ-бы двоятся между Богомъ и міромъ, когда въ храмъ Божіемъ она понуждаетъ себя придти въ молитвенное расположеніе, выжимаетъ изъ груди своей вздохи сокрушенія сердечнаго, источаетъ изъ глазъ своихъ слезы умиленія; но вышедъ изъ храма, предается разсѣянности, обращается къ обычнымъ развлеченіямъ, забавамъ и удовольствіямъ. Въ томъ и другомъ случаѣ сердце человѣка не способно издавать благоуханія чистой богоугодной молитвы; и временныя какъ-бы вспышки молитвеннаго духа остаются безплодными, не восторгаютъ души отъ земли на небо, не приносятъ ей внутренняго мира и успокоенія въ Богѣ, не освящаютъ и не обновляютъ ея тою жизненною силою Духа Святаго, которою одной всяка душа живится и чистотою возвышается. Что пользы, когда въ храмъ мы падаемъ и преклоняемъ колѣна предъ Богомъ, а внѣ храма еще съ большимъ усердіемъ преклоняемся предъ всякимъ кумиромъ нашего корыстолюбія, любочестія и плотоугодія? Можетъ-ли углубиться и упрочиться въ душѣ нашей чувство благоговѣнія и страха Божія, когда въ храмъ воздыхаемъ и плачемъ о грѣхахъ своихъ, а внѣ храма еще тяжелѣе вздыхаемъ и сердечнѣе плачемъ о какомъ-либо неудавшемся предпріятіи, о несбывшемся прихотливомъ желаніи, о неисполнившейся пустой прихоти? Никто же можетъ двѣма господиномъ работать; не можете Богу работать и мамонѣ. Кто хочетъ истинно благоугождать Богу, приносить Ему благоугодный өміамъ молитвы и въ молитвѣ обрѣтаетъ истинное утѣшеніе и отраду духа, тотъ долженъ возлюбить Его единаго, все упованіе и надежду свою возложить на Него, а не на себя и другихъ людей,—всего искать и всего ожидать отъ Него, а не отъ міра,—всегда искать и желать единаго—царствія Божія и правды его, истинной жизни и блаженства въ Богѣ

и съ Богомъ. — Тогда умъ самъ собою будетъ возноситься непрестанно къ Богу и сердце будетъ жадать молитвеннаго общенія съ Нимъ, какъ хлѣба насущнаго; тогда молитва сдѣлается потребностію духа, дыханіемъ души нашей.

Съ другой стороны, и горящее кадило издаетъ только такой аромать, какой влагается въ него ѳиміамъ. Горѣніе чистаго и добраго ѳиміама распространяетъ пріятное благовопіе, а куреніе нечистаго и испорченнаго — сопровождается непріятнымъ и тяжелымъ дымомъ и смрадомъ. Этотъ ѳиміамъ въ молитвѣ нашей есть самый предметъ ея, то, о чемъ молимся и чего просимъ у Господа. Въ общественныхъ молитвахъ въ храмѣ Божіемъ насъ руководствуетъ и учить молиться сама св. Церковь. Намъ остается только согласовать мысли и чувства свои съ ея мыслями и чувствами, молиться усердно и съ теплотою сердца о томъ, о чемъ молится она, и тѣми словами, которыми богоугодно и богопріятно молились св. мужи. Но и здѣсь есть мѣсто для выраженія нашихъ особенныхъ нуждъ и желаній, тѣмъ болѣе для нихъ мѣста въ нашихъ частныхъ молитвахъ. Здѣсь-то намъ и должно особенно остерегаться, чтобы не влагать въ кадило молитвы своей чуждаго вещества, а не избраннаго Богомъ ѳиміама. Угодно и пріятно предъ Богомъ только то, что согласно съ Его волею; непріятно и омерзительно предъ Нимъ все, противное сей св. волѣ. *Сія есть воля Божія о васъ—святость ваша*, говоритъ намъ св. апостоль. Посему прежде всего и должно молиться о томъ, чтобы Господь сподобилъ насъ содѣлаться и пребыть святыми и непорочными предъ Нимъ; чтобы возбудилъ въ насъ духъ истиннаго покаянія и сокрушенія сердечнаго и простилъ намъ согрѣшенія наши, чтобы хранилъ насъ отъ искушенія и соблазновъ и помогъ намъ Своею благодатію всегда и во всемъ исполнять Его св. волю, какъ исполняютъ ее св. ангелы на небеси; чтобы сподобилъ насъ съ истинною вѣрою, любовію и страхомъ Божіимъ достойно причащаться пречистаго тѣла и крови Единороднаго Сына Своего, во освященіе души и тѣла и въ жизнь вѣчную; чтобы даровалъ намъ милость и благодать Свою—всѣ дни жизни нашей провести въ мирѣ и покаяніи, въ молитвѣ и дѣлахъ благихъ; чтобы заповѣ-

далъ ангелу хранителю нашему сохранять насъ во всѣхъ путяхъ нашихъ; чтобы не лишилъ насъ послѣдняго величайшаго блага на земли христіанской кончины живота нашего, мирной и непостыдной. Такая молитва всегда благоприятна предъ Господомъ, возносится, какъ ѳиміамъ, къ престолу благодати Его и пріемлется Имъ, какъ благовонное кадило.

Впрочемъ, и предметы, относящіяся ко временной жизни нашей, сами по себѣ, не дѣлаютъ молитвы нашей не пріятною предъ Богомъ. Ибо не то оземляетъ, такъ сказать, молитву нашу, дѣлаетъ ее грубою и непріятною предъ Богомъ, что мы просимъ чего либо земнаго, потребнаго для жизни временной, но то, когда просимъ чего не по волѣ Божіей, по побужденіямъ нечистымъ, своекорыстнымъ и самолюбивымъ, для цѣлей плотскихъ и нечистыхъ. Самъ Господь Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ просить всего у Отца Небеснаго: и хлѣба, и одежды, и избавленія отъ напастей, и здравія тѣла, какъ и спасенія души; и нѣтъ такого предмета въ нашей жизни и общественной и частной, котораго св. Церковь не освящала бы своими молитвами. Посему, кто желаетъ и просить у Господа чего бы то ни было такъ, какъ повелѣваетъ желать слово Божіе и какъ учить просить св. Церковь; тотъ просить богоугодно, и молитва его благоприятна предъ Богомъ. Благоприятна предъ Господомъ молитва наша, когда просимъ у Него благъ земныхъ, счастливой и благополучной жизни—успѣха въ предпріятіяхъ и дѣлахъ своихъ,—не для того, чтобы только ѣсть, пить и веселиться, но для того, чтобы, имуще всякое довольство, избыточествовать на всякое дѣло благое, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; когда просимъ избавленія отъ всякой скорби, нужды и печали не такъ, какъ хочется нашей нетерпѣливой и злой волѣ, но какъ угодно всесвятой волѣ Божіей; словомъ: когда просимъ чего-либо не для того, чтобы пріятно было пожить здѣсь на землѣ, а для того, чтобы достигнуть высшаго духовнаго совершенства, къ которому ведетъ насъ любовь Божія,—чтобы снискать то вѣчное счастье, которымъ хочетъ облаженствовать насъ премудрость Божія. Все земное и временное подается намъ не такъ, какъ

хотѣли бы мы, а какъ находить для насъ полезнымъ и нужнымъ высочайшая премудрость Божія. Изобиліе ѿ убожество, слава и уничтоженіе, болѣзнь и здравіе, счастье и злополучіе—въ рукахъ промысла Божія суть средства, которыми Онъ ведетъ насъ къ покаянію и исправленію, къ освященію и спасенію. Для кого, что и когда лучше и полезнѣе, вѣдаетъ Онъ,—всевѣдущій. Посему любовь Его и благоволеніе къ намъ являются не тогда только, когда Онъ подаетъ, но когда и отъемлетъ у насъ земныя блага, чтобы съ ними не оземлилось наше сердце и не сдѣбалось недостойнымъ жилища небеснаго,—когда пресѣкаетъ успѣхи наши въ дѣлахъ житейскихъ, чтобы напомнить намъ о небесномъ отечествѣ нашемъ,—когда посѣщаетъ скорбями и болѣзнями тѣлесными, чтобы уврачевать нашу душу. Кто пріемлетъ все, посылаемое ему свыше, съ вѣрою и благоговѣніемъ предъ Богомъ, съ благодареніемъ и покорностію волѣ Божіей, того молитва чиста и благопріятна предъ Богомъ, о чемъ бы онъ ни молился и чего бы онъ ни просилъ у Господа. Напротивъ, нечисты и недостойны слуха Божія бываютъ молитвы наши тогда, когда употребляемъ во зло дары Божіи, когда употребляемъ въ орудіе грѣху тѣ самыя блага, которыя не престають изливаться на насъ любовь Отца Небеснаго; когда обращаемъ ихъ въ предметъ тщеславія и плотоугодія, въ поводъ къ невоздержанію или сребролюбію; когда, чѣмъ болѣе имѣемъ благъ земныхъ, тѣмъ необузданнѣе предаемся грѣховной жизни. Но преимущественно нечисты и смрачны предъ Богомъ бываютъ молитвы наши тогда, когда, погрязши въ нечистотахъ грѣховныхъ, предаемся безпечности и нерадимъ о покаяніи, когда погасаетъ въ сердцѣ нашемъ не только огонь любви къ Богу, но и свѣтильникъ вѣры. Не заботясь благовременно очищать совѣсть свою покаяніемъ, человекъ приходитъ мало по малу въ глубину золь, становится, по слову Апостола, сожженнымъ своею совѣстію, достойнымъ вѣчнаго огня геенскаго. Тогда отступаетъ отъ него Ангелъ хранитель и предоставляетъ власти бѣсовской, оставляетъ его благодать Божія и предаетъ его *въ неискусенъ умъ творити неподобная*. Тогда и самая молитва его, если бы онъ и захотѣлъ еще мо-

лится, какъ исходящая отъ нераскаяннаго сердца, бываетъ ему въ грѣхъ.

Впрочемъ, какъ бы ни былъ, по видимому, чистъ предметъ нашей молитвы, она не можетъ быть совершенною, доколѣ мы не отречемся всесовершенно и всецѣло своего самолюбія, доколѣ не предадимъ себя и всей жизни своей единой волѣ Божіей.—*Не якоже Азъ хочу, но якоже Ты,—буди воля Твоя!* Такъ заключилъ молитву Свою къ Отцу Своему Самъ Господь Іисусъ Христосъ. *Сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ:* такъ заключаетъ моленія и прошенія свои св. Церковь. Эта св. преданность Богу есть златой вѣнецъ, который украшаетъ всякое прошеніе наше и дѣлаетъ его благопріятнымъ предъ Богомъ. Это воздѣяніе не рукъ, а всего существа къ Богу, есть благопріятная жертва, которая даетъ такую силу нашей молитвѣ, что любовь Божія неволью какъ бы пріемлетъ въ объятія Своей благодати и милосердія —человѣка, который всесовершенно и всецѣло предаетъ себя Ей. Не трудно, бр. мои, убѣдиться, что все существо наше, всѣ силы душевныя и тѣлесныя, вся жизнь наша, все, чѣмъ поддерживается и продолжается, чѣмъ услаждается или преогорчевается эта жизнь, находится не въ нашей власти, а во власти Божіей.—Каждое прошедшее мгновеніе прошло для насъ невозвратно, и мы не можемъ ни воротить, ни удержать его; каждая будущая минута не пришла еще, и придетъ-ли къ намъ, мы не знаемъ, и не въ силахъ ни приблизить, ни отдалить ея. Я прожилъ часъ, и его нѣтъ уже; но проживу-ль еще — вѣдаетъ единъ Богъ. У меня есть силы, чтобъ трудиться, но надолго-ль онѣ будутъ служить мнѣ, — зависитъ не отъ моей воли. Ежедневный опытъ увѣряетъ меня, что болѣзнь за здравіемъ и смерть за жизнію идутъ по пятамъ. Я бросилъ сѣмя въ землю, чтобъ имѣть хлѣбъ насущный; но выростетъ-ли оно на нивѣ моей и принесетъ-ли плодъ во время свое,—вѣдаетъ единъ Богъ. Удалось мнѣ собрать себѣ сокровище, и я готовъ бы сказать душѣ моей: *душе, имаша многа блага. лежаща на лѣта многа, яждь, пей и веселися;* но въ ушахъ моихъ уже слышится грозный гласъ: *безумне, въ сію*

нощъ душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? Я нашелъ себѣ сильнаго покровителя, пріобрѣлъ себѣ именитаго и могущественнаго благодѣтеля, и готовъ бы предаться всѣмъ обольстительнымъ мечтамъ будущаго счастья; но слово Божіе и горькій опытъ говорятъ: не надѣйтесь на князи, на сыны человеческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія; изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою. въ той день погибнутъ вся помышленія его, а съ нимъ погибнуть и всѣ мои надежды. Ты единъ, Боже мой, Господь и Владыка живота моего,— Ты убѣжиши и жити сотвориши, поразиши и исцѣлиши, и нѣсть, иже изметъ изъ руку Твоюю. Въ Твоей всесвятой власти жизнь и дыханіе мое, въ руку Твоюю жребіи мои. Твоей всесвятой волѣ предаю всю душу и тѣло мое, разумъ и волю мою, сердце и все существо мое. Твоему верховному распорядженію препоручаю всю жизнь и судьбу мою. Твоей высочайшей премудрости и благодати, Твоему всемогуществу и милосердію ввѣряю всѣ намѣренія и желанія мои, всѣ чувства и помышленія мои. Да будетъ со мною вездѣ и всегда то, что угодно Тебѣ,— сотвори со мною по Твоей премудрости, а не по моему хотѣнію, по Твоей благодати и милосердію, а не по грѣхамъ моимъ: живи мя по словеси Твоему.

Ди исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, воздѣланіе руку мою жертва вечерняя. Аминь.

78. БЕСѢДА — ЧЕТВЕРТАЯ.

Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ, и дверь огражденіи о устнахъ моихъ. (Ст. 3-й)

Ничто такъ не вредитъ молитвенному расположенію духа нашего, ничто такъ не угашаетъ священнаго огня благоговѣйныхъ чувствованій нашихъ предъ Богомъ, ничто такъ не враждебно духу умиленія и покаянія, какъ склонность къ многорѣчію и празднословію. Посему-то слово Божіе такъ часто внушаетъ намъ *положить словесамъ своимъ вѣсь и*

мъру, сотворить устамъ своимъ дверь и затвору; такъ сильно обличаетъ языкъ велеръчивый, называя его льнотою неправды, неудержимымъ зломъ, исполненнымъ яда смертоноснаго, оскверняющимъ все тѣло. Посему-то и св. Давидъ, умоляя Господа— да исправится молитва его предъ Нимъ, молится вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, чтобы Самъ Господь, Своею благодатною силою, удержалъ это неудержимое зло,— положилъ храненіе устомъ его и дверь огражденія о устнахъ его.

Даръ слова, братіе мои, есть одинъ изъ самыхъ высшихъ даровъ, которыми украсилъ Господь человѣка. Слово человѣческое есть образъ того всемогущаго животворящаго умо-стаснаго Слова Божія, *Имже вся быша, Которое носитъ всяческая глаголомъ силы Своея*, Которое есть путь, истина и животъ. Посему злоупотребленіе слова, и само по себѣ, есть тягчайшій грѣхъ, какъ злоупотребленіе величайшаго дара Божія, попраніе и поруганіе Божественнаго образа и бываетъ источникомъ безконечнаго множества золъ, которыя тѣмъ скорѣе могутъ погубить насъ и сдѣлать безотвѣтными на судѣ Христовомъ, чѣмъ легкомысленнѣе смотримъ мы на грѣхи языка нашего, не чувствуя всей ихъ тяжести, не сознавая того, какъ тяжело оскорбляемъ и прогнѣвляемъ ими Бога, какое, ничѣмъ неисправимое, зло дѣлаемъ нашимъ ближнимъ и какъ тяжело грѣшимъ противъ собственнаго богоподобнаго естества.

Склонность къ многорѣчію, какъ и всякая естественная склонность, у невоздержныхъ на слово мало по малу обращается въ неудержимую привычку и въ необузданную страсть, которая, какъ и всякая другая страсть, уже сама по себѣ преступна и незаконна, и тѣмъ болѣе достойна осужденія, что унижаетъ человѣка, опустошаетъ его душу и сердце и дѣлаетъ его неспособнымъ ни къ чему доброму. У человѣка скромнаго и молчаливаго душа бываетъ полна добрыхъ мыслей и чувствованій, крѣпка и сильна на всякое дѣло благое. И чѣмъ болѣе сокрываетъ онъ въ сердцѣ своемъ добрыхъ впечатлѣній, чѣмъ болѣе углубляетъ внутрь себя, что слышитъ и видитъ добраго, въ храмѣ-ли Божіемъ, или въ душе-полезныхъ бесѣдахъ и чтеніи, тѣмъ болѣе умножается вну-

треннее его богатство, тѣмъ скорѣе онъ чувствуетъ потребность излить душу свою предъ Богомъ въ молитвѣ.

Если-же является нужда бесѣдовать съ другими, то онъ передаетъ свое внутреннее сокровище въ словѣ назиданія, утѣшенія, наученія въ дѣлахъ любви и благотворенія. Не то бываетъ съ многорѣчивымъ. Ничто доброе не удержится и не укоренится въ душѣ его; все разносится неудержимымъ языкомъ его повсюду, все разсѣвается какъ по вѣтру. Оттого душа и сердце его всегда пусты, всѣ слова и дѣла его легкомысленны, необдуманно, опрометчивы, и справедливо называютъ такихъ людей—пустыми. Чтобъ наполнить чѣмъ-либо пустоту души своей, онъ бросается на всякое зрѣлище, съ жадностію собираетъ всякіе слухи, со всѣхъ сторонъ старается ловить разныя вѣсти;—и все для того, что-бы дать работу своему необузданному языку, что-бы удовлетворить страсти своей къ многословію. Вотъ отчего привыкшій къ пустословію не способенъ ни къ какому занятію, требующему вниманія и усилія, ни къ какому доброму дѣлу, для котораго требуется сила воли и характера. Придетъ-ли же ему охота молиться? Способенъ-ли онъ вознести умъ и сердце свое безраздѣльно къ единому Богу? Гдѣ взять ему благоговѣйныхъ мыслей и чувствованій, достойныхъ чистѣйшаго слуха Божія, когда сердце его пусто и душа его открыта для всякаго вѣтра, когда мысли его блуждаютъ повсюду, не останавливаясь ни на чемъ? Откуда придетъ ему благое слово молитвы, когда языкъ его привыкъ переливать одни пустыя и праздыя слова?

Но страсть къ празднословію, братіе мои, тѣмъ преимущественно пагубна, что скоро перерождается въ страсть къ злорѣчію, осужденію и оклеветанію. О чемъ такъ пріятно и увлекательно можно разсказывать, какъ не о происшествіяхъ соблазнительныхъ? Гдѣ лучше показать свое остроуміе, какъ не въ осмѣяніи мнимыхъ недостатковъ ближняго? Чѣмъ лучше показать мнимое чувство своего достоинства, какъ не униженіемъ другихъ? Какъ лучше представить изъ себя героя добродѣтели, какъ не осужденіемъ всѣхъ и каждаго? Гдѣ въ лучшемъ свѣтѣ показать свое сердоболіе и состраданіе, какъ не въ мнимомъ сожалѣніи о кажущихся ему ошибкахъ

и заблужденіяхъ, порокахъ и проступкахъ другихъ людей? Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло не можетъ обходиться безъ явной лжи. Гдѣ взять столько предметовъ для остроумныхъ бесѣдъ, сколько ихъ нужно для празднословія? Надобно изобреťтать и выдумывать. И будетъ-ли веселье и занимателенъ правдивый рассказъ, если не прикрасить его ложью? И вотъ охотникъ до празднословія становится лжецомъ, злорѣчивымъ клеветникомъ, осуждающимъ всѣхъ и каждаго. Достоинъ-ли такой человекъ предстать предъ лицомъ Бога истины и правды, милосердія и человеколюбія? Изъ такой души какая можетъ выйти молитва, кромѣ молитвы фарисея—самолюбивой и тщеславной, самодовольной и соединенной съ осужденіемъ и уничиженіемъ ближняго? Можетъ-ли исходить благословіе изъ тѣхъ устъ, изъ которыхъ исходитъ злословіе, осужденіе и клятва? Не будетъ-ли каждое слово молитвы его явная ложь предъ Богомъ? Не обратится-ли самая молитва его въ тягчайшій грѣхъ оскорбленія величія Божія?

Тѣмъ менѣе можно ожидать отъ привыкшаго къ празднословію истиннаго покаянія, умиленія и сокрушенія сердечнаго. Привыкши легкомысленно думать и говорить обо всемъ, онъ также легкомысленно смотритъ и на свои заблужденія и пороки, и съ тѣмъ же легкомысліемъ исповѣдуетъ ихъ предъ Богомъ, съ какимъ иногда рассказываетъ объ нихъ въ кругу своихъ пріятелей. Да и можетъ-ли онъ сознать въ себѣ какой-либо болѣе сокровенный грѣхъ, когда не признаетъ явнаго для всѣхъ грѣха своего—празднословія и злословія? Откуда родится у него чувство умиленія, когда душа его привыкла къ одному пустословію и смѣхотворству? Откуда возмутся у него слезы сокрушенія сердечнаго, когда отъ сердца его исходятъ только помышленія злая, осужденіе, суесловіе и злословіе? *Еда источникъ отъ единого устїа источаетъ сладкое и горькое?* Можетъ-ли родиться страхъ Божій въ его совѣсти, не знающей стыда и страха человѣческаго? Какъ можетъ онъ просить и ожидать прощенія отъ Бога, когда похитилъ у Него санъ Судіи помышлений и дѣяній человѣческихъ, и самъ сдѣлался неумолимымъ судіею своихъ братьевъ? *Имже бо судомъ судиши, себѣ осуждаеши, гово-*

рить ему слово Господне. Чѣмъ загладить онъ то неисчислимое зло, которое порождено въ обществѣ его безумными рѣчами? Чѣмъ искупить онъ многія души, растлѣнныя его соблазнительными разсказами, увлеченныя къ злорѣчію и осужденію его бесѣдами, лишеныя невинности и страха и Божія его кощунными и богохульными словами? *Кровь брата твоего вопіетъ ко Мнѣ*, скажетъ ему Господь Богъ, *и крове его отъ рукъ твоихъ изыщу!*

Вотъ къ чему можетъ привести, братіе, невинное, повидимому, въ началѣ своемъ многорѣчіе и празднословіе! *Се малъ огонь, и колицы вещи сожигаетъ? И языкъ огонь, лъпота неправды, водворяется во удыхъ нашихъ, опаляяй коло рожденія нашего, попадаляяйся отъ геенны: неукротимо бо зло, исполнь яда смертоносна.* Противъ такого врага нужно вооружиться всѣми силами; отъ такого измѣнника, каковъ языкъ нашъ, должно принимать всѣ мѣры осторожности. Для сего лучшее средство есть постоянное трудолюбіе. Господь Богъ заповѣдалъ падшему человѣку трудъ,— съ одной стороны, какъ наказаніе, съ другой, какъ средство къ очищенію и исправленію. Кто постоянно занятъ дѣломъ, у того нѣтъ времени для празднословія, у того мысль сосредоточивается въ самой себѣ, тому некогда смотрѣть за тѣмъ, что дѣлають другіе. Кто постоянно трудится, тотъ болѣе сознаетъ и чувствуетъ собственную немощь, тотъ скорѣе и охотнѣе обращается съ молитвою къ Богу— всемогущему помощнику. Всѣ виды празднословія и злорѣчія суть порожденія праздности, которую справедливо называютъ матерью всѣхъ пороковъ.

Другое средство къ избѣжанію празднословія есть уединеніе, углубленіе въ самого себя и происходящее отъ сего самоосужденіе. *Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были*, говоритъ св. Апостолъ. Для сего нѣтъ крайней необходимости убѣгать въ пустыни. Собственный домъ каждаго—вотъ его пустыня! Съ домашними нѣтъ нужды разсуждать о томъ, что дѣлается внѣ дома,—и нѣтъ предмета для праздныхъ и пустыхъ разговоровъ. Собственное дѣло каждаго можетъ остановить его вниманіе, сосредоточить его мысли и породить ту молчаливую бесѣду съ самимъ со-

бою, которая есть цѣль и плодъ уединенія. Тогда невольно заградятся уста, и будетъ вѣщать одно сердце, умолкнуть и всѣ чувства, и возбудится и будетъ говорить совѣсть. Тогда-то, возлюбленный братъ, возведи умъ твой къ Богу и воздохни къ Нему сердцемъ твоимъ: да оградить Онъ слухъ твой отъ пустыхъ и душевредныхъ бесѣдъ, да охранить душу твою отъ мечтаній и помышленій лукавыхъ, да соблюдетъ сердце твое въ страхъ Своемъ; да дастъ тебѣ *зрѣти своя прегрѣшенія и не осуждати брата твоего*; да удержитъ языкъ твой отъ всякаго слова празднаго, *о немъ же воздадутъ челоуцы слово въ день суда. Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ!* Аминь.

79. БЕСѢДА — ПЯТАЯ.

Не уклони сердце мое въ слова лукавствія, нещевати вимы о грѣсьхъ. (Ст. 4-й).

Какъ ни предосудительно и преступно злоупотребленіе языка челоуческаго въ многословіи и пустословіи, особенно, когда соединяется оно съ осужденіемъ ближняго, которое есть уже тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и челоуками; но оно все еще можетъ быть хотя сколько нибудь извинительно, если нѣтъ въ немъ злаго умысла и намѣренія, если служить оно вывѣскою одной пустоты, но не злобы и коварства сердечнаго. Высшая степень злоупотребленія слова челоуческаго есть слово лукавствія, которое исходитъ уже прямо отъ сердца, есть произрастеніе и плодъ лукавства сердечнаго. Посему-то и молится пророкъ Божій, чтобы Господь не попустилъ сердцу его уклониться въ *слова лукавствія*.

Сердце вещественное есть источникъ тѣлесной жизни нашей. Біеніемъ его измѣряется самая жизнь, опредѣляется состояніе здоровья тѣлеснаго; а съ прекращеніемъ его біенія прекращается жизнь. Такъ и духовное сердце, т. е., внутреннее чувство и расположеніе души, есть исходище ду-

ховной жизни нашей; имъ управляются наши внутреннія мысли и желанія, имъ управляются и всѣ внѣшнія чувства наши и всѣ движенія тѣлесныя. Оно есть сокровище, изъ котораго износится наружу все, чѣмъ обозначается и внутренняя и внѣшняя жизнь наша. Посему сердце есть начало и корень всѣхъ дѣйствій нашихъ, и внутреннихъ и внѣшнихъ. Сердцемъ вѣруемъ или не вѣруемъ; сердцемъ любимъ или ненавидимъ; сердцемъ смиряемся или гордимся; сердцемъ терпимъ или ропщемъ, — примираемся или враждуемъ; сердцемъ обращаемся и приближаемся къ Богу, или отвращаемся и удаляемся отъ Него; сердцемъ благословляемъ и проклинаемъ, дружимся или враждуемъ, благодарствуемъ или навѣтуемъ. Внутреннее состояніе сердца полагаетъ истинную печать и на внѣшнія слова и поступки наши: по нему судится всякое слово и дѣло наше. Каково сердце, таковы и слова и дѣла наши. И Каинъ и Авель одинаково приносили жертву Богу; *но призръ Богъ на Авеля и на дары его, на Каина же и на дары его не внятъ*. Радовался Закхей, увидѣвъ Господа Иисуса Христа; *радъ бысть злыи и Иродъ, видѣвъ Иисуса*, привиденнаго къ нему на судъ; но первому радость его послужила во спасеніе, а послѣднему въ гибель. Молились въ церкви и Мытарь и Фарисей; но первый *изыде оправданъ въ домъ свой*, послѣдній осужденъ. Такъ одно и то же дѣло, и даже одно и то же слово — можетъ быть или хорошо или худо, — смотря потому, какое состояніе сердца и дѣлающаго и говорящаго.

Само по себѣ сердце падшаго человѣка есть злое по естеству: *прилежитъ бо помышленіе чловѣка прилежно на злая отъ юности его*. Въ немъ отъ природы есть *имъ законъ, противуюющъ закону Божію*. Посему-то и говоритъ Господь, что *отъ сердца* чловѣка, не возрожденнаго благодатію Духа Божія, *исходятъ помышленія злая, убійства, любодѣлія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы*. Но Господь Богъ обѣщаетъ вѣрнымъ Своимъ дать сердце иное — новое: *и дамъ имъ сердце ново и духъ новъ дамъ имъ, и исторгну каменное сердце отъ плоти ихъ, и дамъ имъ сердце плотное*. Это обновленіе растлѣннаго сердца нашего совершается благодатію всесвятаго Духа Бо-

жя; но совершается тогда, когда мы сами всецѣло предаемъ свое сердце Богу, да созиждетъ Онъ въ насъ сердце чистое и духъ правъ обновить въ утробѣ нашей. Посему-то и говорить намъ Господь Богъ: *сыне, даждь Ми сердце твое!* Оно злобно; Я сотворю его благимъ и чистымъ. Оно сплетаетъ лести и коварство; Я научу его говорить истину и не льстить языкомъ своимъ. Оно, какъ нечистый источникъ, источаетъ только помышленія злая; Я освящу его благодатию Моею, и оно будетъ источать благословеніе, благожеланія и молитвы. *Сыне, даждь Ми сердце твое!* Ибо имъ овладѣлъ грѣхъ и діаволъ, и ты самъ не можешь уже управлять имъ во благое; Я избавлю его отъ области темныя, изгоню изъ него все лукавое, и Самъ буду обладать имъ, Самъ буду руководить его, и исполню его сокровищами Духа Моего, и возрастутъ въ немъ плоды духовныя— *любы, радость, миръ, терпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе*. Теперь отъ насъ зависитъ, братіе, оставить сердце свое подъ областію грѣха, или предать его Богу; попустить ему быть исходникомъ зла, или сдѣлать его жилищемъ духа Божія, духа истины, любви и благодати. Будемъ-же просить Господа, чтобы Онъ Самъ, силою благодати Своей, очистилъ сердце наше отъ всякаго зла, освятилъ и исполнилъ его дарами пресвятаго Духа Своего, будемъ молиться по примѣру пророка: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

Въ противномъ случаѣ неминуемо произойдетъ разладъ между сердцемъ и языкомъ, между внутренними чувствами и словами, и слова наши будутъ словесами лукавствія,—т. е., или словами лести и коварства, или словами лжи и обмана, или словами оклеветанія и осужденія. Когда въ сердцѣ таится зависть къ другимъ, то что будутъ похвалы наши ихъ добродѣтелямъ и талантамъ, какъ не гнусная лесть, которая ищетъ только того, чтобы воспользоваться ихъ слабостями, возбудить ихъ гордость и довести до какого-либо постыднаго дѣла? Когда сердцемъ обладаетъ своекорыстіе, то что будутъ всѣ увѣренія наши въ доброжелательствѣ и желанія пользы ближняго, какъ не лукавый

обманъ, чтобы пріобрѣсти самимъ себѣ какую-нибудь корысть? Когда сердцемъ обладаетъ злоба, то что будетъ значить это мнимое доброжелательство и сожалѣніе, съ которыми рассказываемъ о недостаткахъ своего ближняго, о его ошибкахъ и заблужденіяхъ, какъ не злостное оклеветаніе? Какъ ни умягчайте слова свои паче елея; но они суть стрѣлы, коими уязвляется не тѣло, а душа и сердце ближняго. Уловивши лестію друга своего, ты убилъ въ немъ смиреніе и простосердечіе, которыя составляютъ основаніе и украшеніе добродѣтели человѣческой. Сдѣлавши брата своего жертвою обмана и лукавства, ты убилъ въ немъ довѣріе и простоту сердца, поселилъ въ немъ подозрѣніе и недоувѣрчивость къ людямъ,—начало и источникъ ненависти и злобы. Оклеветавши искренняго своего, ты убилъ его честь и доброе имя, и можешь-ли вознаградить чѣмъ-либо эту потерю, которой дороже ничего нѣтъ въ мірѣ? Осудивши брата твоего, ты убилъ собственную душу свою, подвергъ ее страшному суду Божию и гееннѣ огненной: *иже бо речеть брату своему—рака, повиненъ есть суду, а иже речеть—урода, повиненъ есть гееннѣ огненной.* Но сего мало: слова лукавствія, какъ злое сѣмя, быстро разрастаются и производятъ безчисленные плевелы зла въ цѣлыхъ обществахъ человѣческихъ. Общество держится взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ другъ къ другу; но какое можетъ быть довѣріе тамъ, гдѣ является обманъ и коварство, гдѣ по необходимости одинъ другаго долженъ остерегаться, другъ друга опасаться и бояться, другъ друга подозрѣвать и скрываться? Какое можетъ быть уваженіе другъ къ другу тамъ, гдѣ выставляются на посмѣяніе недостатки и слабости каждаго, гдѣ не знаешь, какъ понимать слово мнимаго доброжелательства, гдѣ въ самомъ простомъ привѣтствіи: здравствуй — слышится иногда Іудино слово: радуйся, Равви?—Общество преуспѣваетъ тогда, когда между членами его царствуетъ миръ и единодушіе; а лесть и лукавство поселяютъ вражду и ссоры, взаимную ненависть и непріязнь другъ къ другу. Какой можетъ быть миръ тамъ, гдѣ есть двоедушный языкъ, который одному говоритъ то, другому — другое, хвалить въ глаза и порицаетъ заочно, перетолко-

вываеъ всякое слово, выводитъ свои догадки изъ всякаго взгляда? Какое можетъ быть единодушiе тамъ, гдѣ злорѣчивый и клеветливый языкъ возставляетъ сына на отца и дочь на мать свою, гдѣ зложелательство и своекорыстiе раздѣляютъ между собою братьевъ и сродниковъ?

Вотъ почему, брат., говорить слово Божiе, что *языкъ трегубый многи потрясе и разлучи я отъ языка во языкъ, и грады тверды разори и дома вельможей преврати; внемляй ему не имать обрѣсти покоя, ниже вселится съ безмолвiемъ. Блаженъ иже укрывается отъ него, иже не навлече ига его и узамы его не связанъ бысть; иго бо его—иго жельзно, и узы его—узы мѣдны. Язва бичная струпы творитъ; язва же язычная сокрушаетъ кости. Смерть люта—смерть его, и паче его лучше есть адъ.*

Особенно же дѣлается преступнымъ слово лугавствiя, когда слѣдствiемъ его бываетъ поруганiе имени Божiя и клятвopеступничество. Непрестанное смѣшенiе жи и правды, лести и истины въ словахъ нашихъ производитъ то, что мы теряемъ всякую вѣру человѣческому слову. Отсюда незаконный и пагубный обычай подтверждать каждое почти слово божбой и клятвою. Страшное и поклоняемое имя Божiе, которое съ трепетомъ произносятъ св. ангелы, безстудный языкъ нашъ произносить безстрашно не только въ пустыхъ, а и въ живыхъ словахъ и увѣренiяхъ. Каждое легкомысленное обѣщанiе мы подтверждаемъ клятвою, и также легкомысленно забываемъ его. Если же каждое призыванiе имени Божiя всуе есть тяжкое преступленiе заповѣди Божiей, то сколько этихъ преступленiй лежитъ на душѣ и совѣсти каждаго? Если каждое клятвopеступленiе связываетъ душу на всю вѣчность, то сколькими узамы связала себя душа наша, сама не чувствуя ихъ тяжести, не сознавая своей виновности, не почитая даже грѣхомъ того, что неминуемо влечетъ въ бездну ада? *Но Богъ поругаемъ не бываетъ. Погубитъ Онъ вся глаголющiя лжу, мужа кровей и лѣстива гнушается Господь. Горе кленущемуся именемъ Моимъ во лжу!* говоритъ Онъ устами пророка.

Посему-то нужно, братiе мои, ограждать и сердце и уста

свои страхомъ Божиимъ; надобно помнить всегда, что нѣтъ ничего мерзостнѣе предъ Господомъ, какъ лживое, лукавое, дводушное сердце. Надобно стяжать искреннюю, нелицемѣрную любовь къ братіямъ своимъ: тогда и въ словахъ нашихъ не будетъ ни лицемерія и лести, ни лукавства и обмана, ни осужденія и оклеветанія. Паче-же всего надобно молиться съ усердіемъ Богу, что-бы Онъ Самъ, благодатию Своею, утвердилъ сердце наше на каменнѣхъ заповѣдехъ Своихъ, оградилъ его страхомъ Своимъ, освятилъ и обновилъ его Духомъ Своимъ. *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже мой, и духъ правъ обнови во утробѣ моей: не уклони сердце мое въ словеса лукавствія!* Аминь.

80. БЕСѢДА—ШЕСТАЯ.

*Не уклони сердце мое въ словеса
лукавствія нелицевати вины о
грѣсахъ (Ст. 4).*

Одно изъ пагубныхъ послѣдствій грѣхопаденія прародителей нашихъ есть лукавая наклонность сердца нашего къ самооправданію, къ извиненію себя во грѣхахъ. Когда Господь Богъ спросилъ перваго грѣшника: *кто возвьсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, его-же заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси?* Онъ не обвинилъ себя, какъ-бы слѣдовало, не сказалъ, что согрѣшилъ неизвинительно, преступивъ заповѣдь, которую принялъ отъ устъ самого Господа, но сказалъ: *жена, юже ми далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ.* Равнымъ образомъ и жена на вопросъ Господа: *что яко сотворила еси сие?* отвѣчала не раскаяніемъ и молитвою о прощениі, а сложениемъ вины своей на змія: *змій прельсти мя и ядохъ.* Слѣдствіемъ сего было то, что грѣхъ, не извергнутый тотчасъ изъ сердца искреннимъ покаяніемъ и чистосердечнымъ исповѣданіемъ, не очищенной слезами горькаго раскаянія, остался въ душѣ грѣшника и породилъ въ ней злую наклонность не

только къ новымъ грѣхопаденіямъ, но и къ самооправданію во грѣхахъ; и эта злая наклонность сдѣлалась прирожденною всѣмъ потомкамъ Адамовымъ, стала наслѣдственною ихъ болѣзнію душевною. Посему-то правосудіе Божіе и осудило не только самого праотца, но въ лицѣ его и все человѣчество на труды, болѣзни и печали во всю жизнь до смерти. Тяжкая епитимія, но совершенно заслуженная и справедливая!

Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, принявъ на себя вину нашу открылъ намъ путь къ возстанію и исправленію. Воспріявъ на Себя естество наше, Онъ сталъ для насъ новымъ Адамомъ, отъ котораго мы можемъ принять оправданіе жизни, какъ отъ перваго наслѣдовали осужденіе смерти. Но, очевидно, что это оправданіе мы можемъ получить не подражаніемъ Адаму первому, а инымъ путемъ, который указалъ намъ Адамъ второй, не извиненіемъ, а осужденіемъ себя,—не самооправданіемъ, а искреннимъ покаяніемъ: *покайтесь и вѣруйте во Евангеліе.*

Уже по сему одному можете судить, братъ мои, какъ пагубна для насъ наклонность къ самооправданію, какое преступное лукавство *непощевати вины о грѣсѣхъ своихъ*. Оно дѣлаетъ для насъ совершенно невозможнымъ оправданіе во Христѣ Иисусѣ. Доколѣ не побѣдимъ въ себѣ сей злой склонности, дотолѣ самое таинство покаянія не можетъ очистить и оправдать насъ, и самая исповѣдь наша остается безплодною. Ибо гдѣ начало и корень самооправданія? Въ самолюбіи и гордости, которая есть первый врагъ нашъ,—источникъ и корень всякаго зла. Что производитъ самооправданіе? Тоже, что произвело оно въ падшихъ духахъ, нераскаянность и совершенное безчувствіе въ грѣхахъ, взаимную неприязнь и вражду въ отношеніи къ другимъ, ожесточеніе предъ Богомъ и неминуемо слѣдующее за тѣмъ отверженіе отъ Бога.

Нѣтъ сомнѣнія, что виною всѣхъ грѣховъ нашихъ мы сами и одни мы. Господь Богъ даровалъ намъ разумъ, который всегда можетъ различать доброе отъ лукаваго, если не помрачить его самолюбіе. Чтобы и разумъ нашъ не могъ заблуждаться и ошибаться, Онъ даровалъ намъ законъ Свой и святое слово Свое, при свѣтѣ коего разумъ можетъ безо-

шибочно познавать, *что есть воля Божія, благая, удобная и совершенная*. Чтобы всякая мысль наша, всякое слово и дѣло было собственно нашимъ, Господь даровалъ намъ свободное произволеніе, которое не подчинено никому и ничему въ мірѣ, кромѣ высочайшей воли Божіей, но и самъ Господь не обладаетъ нашею свободою безъ насъ, напротивъ оставляетъ насъ совершенно *въ руки произволенія нашего*. Кто можетъ убѣдить насъ, что черное бѣло, дурное хорошо, незаконное законно, если мы сами не помрачимъ своего разума самолюбіемъ и страстями, если не уклонимся произвольно отъ свѣта слова Божія? Кто можетъ заставить насъ сдѣлать что-либо, чего не захочемъ сдѣлать сами? Люди могутъ связать намъ руки, но не могутъ связать нашей воли; могутъ отнять у насъ все, даже самую жизнь тѣлесную, но не могутъ отнять нашей свободы. Самъ діаволь можетъ только прельщать и склонять насъ, но не можетъ принудить ни къ чему. Посему-то совѣсть наша такъ чутко предостерегаетъ насъ, какъ скоро появляется въ душѣ нашей какая-либо недобрая мысль; такъ тревожно беспокоитъ насъ, какъ скоро эта мысль превращается въ желаніе сдѣлать что-либо незаконное; такъ болѣзненно уязвляется, когда совершено нами преступное дѣло. Не явно-ли, что лукавый помыслъ могъ быть нами отвергнуть, что злое желаніе могло не придти въ исполненіе, если бы мы послушались совѣсти, что незаконное дѣло есть наше дѣло и больше ничье? Но самолюбію нашему непріятно видѣть себя въ темномъ и мрачномъ видѣ преступника, больно сознавать себя виновникомъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобъ обратиться къ Небесному врачу и открыть предъ Нимъ язву совѣсти, которую Онъ единъ можетъ исцѣлить и уврачевать совершенно, мы стараемся заглушить ее своими самодѣльными пластырями, своими лживыми извиненіями и утѣшеніями. Вмѣсто того, чтобы явиться къ Судіи душъ нашихъ, Который одинъ можетъ оправдать насъ и изъ неправедныхъ сотворить праведными, и Ему принести чистосердечное раскаяніе, Его умолять о помилованіи и прощеніи, мы хотимъ оправдать себя сами своими вымышленными извиненіями. Что-жъ происходитъ отсюда? То, что язва со-

вѣсти дѣлается закоренѣлою и неисцѣльною, подобно какъ тѣлесная болѣзнь, врачуемая самоизмышленными лекарствами безъ опытнаго и свѣдущаго врача, становится закоренѣлою и смертельною. То, что грѣхъ обращается въ привычку и страсть, которая овладѣваетъ душою нашею, подавляетъ самое сознание и желаніе освободиться отъ него, заглушаетъ и убиваетъ, наконецъ, совѣсть. То, что всякое преступленіе заповѣди Божіей остается на душѣ нашей и по смерти неминуемо подвергаетъ насъ вѣчному осужденію. *Горе снивающимъ возглавіица мягкая*, говоритъ пророкъ Божій; горе тѣмъ, которые усыпляютъ совѣсть свою ложными извиненіями во грѣхахъ своихъ; ихъ ожидаетъ тяжкое и страшное пробужденіе въ часъ смерти. *Горе отлагающимъ покаяніе день отъ дне; внезапно бо изыдетъ ярость Господня, и во время смерти погибнуть!* *Горе связующимъ грѣхи ко грѣхомъ ужемъ долгимъ: по жестокости своей и непокаянному сердцу, они собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его.*

Съ другой стороны, если каждое слово и дѣло наше есть наше, а не чье либо, то и всѣ слова и дѣла наши въ отношеніи къ ближнимъ нашимъ вполне и совершенно зависятъ отъ нашей воли, а не отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ, которыя могли бы послужить намъ извиненіемъ. Кто можетъ заставить насъ слушать, тѣмъ паче принимать съ охотою и удовольствіемъ дурныя вѣсти, толки, пересуды, клеветы и осужденія, вообще все, что говорятъ намъ о другихъ, надъ которыми никто не поставилъ насъ ни судьями, ни приставниками, если сами охотно не приклонимъ слуха своего къ бесѣдамъ людей праздныхъ и злорѣчивыхъ? Кто можетъ принудить насъ сказать что-либо или предосудительное, или оскорбительное, или досадительное брату нашему, если будемъ всегда полагать *въсь и мѣру словамъ своимъ*, обуздаемъ языкъ свой и подчинимъ его закону Божію? Кто и что можетъ заставить насъ сдѣлать обиду ближнему, похитить чужое, отомстить за оскорбленіе, соблазнить и привести ко грѣху, если не захочемъ сего сами? Кто можетъ приказывать намъ держать гнѣвъ на ближняго, не прощать сдѣланнаго

намъ оскорбленія, памятозлобствовать и мстить за себя? Всему виною одна наша злая воля. Посему-то слово Божіе учитъ насъ, если бы мы согрѣшили въ чемъ противъ брата своего, чистосердечно признать себя виновными, искренно и отъ души покаяться предъ нимъ и просить его прощенія; а равно и самимъ отъ всего сердца прощать согрѣшающимъ предъ нами. Но самолюбіе наше говоритъ намъ другое. Оно представитъ намъ тысячу предлоговъ, по которымъ самое тяжкое оскорбленіе ближнему едва не признается за одолженіе и заслугу; оно отыщетъ множество оправданій для самой тяжелой обиды и неправды; оно найдетъ унижительнымъ и недостойнымъ уваженія къ самому себѣ просить прощенія или прощать другимъ взаимныя оскорбленія и обиды. И вотъ вмѣсто того, чтобы извергнуть изъ себя ядъ злобы, мы даемъ ему укорениться въ сердцѣ нашемъ, проникнуть всю душу нашу и преобразить ее въ духа злобы. Вмѣсто того, чтобы возрастить въ себѣ любовь, въ которой миръ и радость, мы питаемъ въ себѣ зависть, рвеніе и ненависть, а съ ними—цѣлый адъ. Чтожъ происходитъ изъ того? То, что въ обществѣ христіанскомъ, въ которомъ должна бы быть душа едина и мысль едина всѣмъ, въ которомъ всѣ должны бы быть, какъ члены одного живаго тѣла, единомысленны, сочувственны, благожелательны другъ къ другу, появляются распри, раздоры и свары. То, что отъ непримирительности исчезаетъ любовь и дружба, довѣріе и уваженіе другъ къ другу, умножается взаимное ожесточеніе и злоба, возрастаютъ тяжба и обиды, усиливается взаимное недоброжелательство, озлобленіе и мстительность,—и члены святаго тѣла Христова, братія по плоти и духу, угрызаютъ, по слову апостола, и снѣдаютъ другъ друга. То, что между нами, вмѣсто духа Божія—духа любви и кротости, духа благости и милосердія, поселяется духъ злобы—духъ непріязни и коварства, духъ гордости и превозношенія, духъ презрѣнія и ненависти. Горе такому обществу: *всяко царство, раздѣльшееся на ся, запустѣетъ, и всякъ домъ, раздѣливыйся на ся, не станетъ.* Такъ самолюбіе, самопрельщеніе и самооправданіе наше и въ самое, насажденное Христомъ, царство Божіе вводитъ царство лукаваго!

Но самолюбіе человѣческое до того безстыдно, что дерзаетъ являться съ самооправданіемъ предъ самое лице Божіе, побуждаетъ лгать и лицемѣрить при самомъ таинствѣ покаянія, къ которому приступаемъ для очищенія грѣховъ своихъ, для оправданія и примиренія съ Богомъ. Истинная исповѣдь есть исповѣдь полная и чистосердечная; а самолюбіе и ложный стыдъ побуждаютъ насъ или скрывать грѣхи, или исповѣдать ихъ, такъ сказать, въ половину, представлять ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они кажутся наиболѣе извинительными, скрывать побужденія ко грѣху, которыя иногда преступниѣ самаго дѣла грѣховнаго. Что-жь пользы отъ такой исповѣди? Мы исповѣдуемъ грѣхъ, но не являемъ грѣшника, не показываемъ той степени болѣзни, того опустошенія, какое грѣхъ произвелъ въ душѣ нашей; и потому отходимъ не исцѣленными и не оправданными. Нѣтъ, открывая предъ Богомъ грѣхъ свой, открой и то, какъ долго Ангель хранитель твой удерживалъ тебя отъ поползновенія ко грѣху, какъ совѣсть твоя боролась противъ преодолѣвавшей тебя похоти, какъ врожденная стыдливость удерживала тебя отъ преступнаго дѣла; но ты пренебрегъ всѣмъ этимъ, попустилъ самъ произвольно овладѣть собою похоти и сдѣлалъ себя совершенно безотвѣтнымъ предъ Богомъ. Исповѣдуя грѣхъ, не скрывай и того, что онъ повторился уже неоднократно, что ты свылся съ нимъ и полюбилъ его, что онъ овладѣлъ твоею душею и сердцемъ, что для исцѣленія твоего нужно сильное врачевство, строгое испытаніе, усиленные подвиги покаянія. Показывая язвы совѣсти, открой духовному врачу твоему и то, въ какой степени онѣ беспокоятъ тебя. Такъ-ли жгучи раны твои, что не даютъ покоя душѣ твоей, что нѣтъ мира въ самихъ костѣхъ твоихъ отъ лица грѣхъ твоихъ; или напротивъ, онѣ мало тревожатъ твою заглохшую совѣсть, ты можешь спокойно почивать на ложѣ своемъ, не страшась быть похищеннымъ смертію и представленнымъ на судъ Божій! Истинное покаяніе есть покаяніе сокрушенное и смиренное. Но самолюбіе и самооправданіе наше погашаетъ въ насъ сей духъ умиленія и сокрушенія сердечнаго. Оно шепчетъ намъ, что мы не такъ еще грѣшны, чтобы страшиться

жеминуемой гибели; что есть много грѣшнѣ насъ, что есть много причинъ, извиняющихъ насъ, что мы были вовлечены въ грѣхъ другими. И вотъ мы спокойно говоримъ о грѣхахъ своихъ, какъ-бы это были не наши грѣхи или какъ-бы они вовсе не были грѣхами. Нѣтъ, приходя къ покаянію, стань предъ лицомъ Божиимъ одинъ, какъ станешь предъ Нимъ по смерти, въ виду геенны и огня вѣчнаго. Вспомни о законѣ Божіемъ, который ты попралъ, о величіи Божіемъ, которое оскорбилъ и уничтожилъ, о любви Божіей, которую преогорчилъ, о пролитой за тебя крови Христовой, которой поругался, о правосудіи Божіемъ, которое можетъ истребить тебя тотчасъ съ лица земли, о гееннѣ огненной, которая готова уже поглотить тебя. Предъ стоя престолу Божию, утрашисъ принимать на себя санъ діавола, чтобы обвинять другихъ, или увлекшихъ тебя ко грѣху, или раздѣлявшихъ съ тобою грѣховныя наслажденія, которые, быть можетъ, давно уже покаялись и помилованы Богомъ. Никто не могъ принудить тебя ко грѣху, кромѣ твоей злой воли, никто и не виновенъ въ грѣхахъ твоихъ, кромѣ тебя. Истинно покаяться значитъ отстать отъ грѣха, положить непреложное намѣреніе всѣми силами противиться грѣху. Но желаніе оправдаться во грѣхѣхъ не явно-ли свидѣтельствуешь, что мы любимъ его, не желаемъ оставить его, исповѣдуемся для того только, чтобы похитить прощеніе, опять предаться грѣху съ большимъ дерзновеніемъ и безпечностію. Что-жь будетъ такое покаяніе, какъ не новый тягчайшій грѣхъ,—поруганіе святѣйшаго таинства, тягчайшее оскорбленіе Духа Святаго?

Таковы, брат. мои, ужасные плоды самооправданія и лживыхъ извиненій во грѣхѣхъ. Оно обращаетъ ихъ въ неисцѣльную язву души нашей; оно дѣлаетъ насъ гнилыми и зловредными членами въ тѣлѣ Церкви Христовой; оно отнимаетъ всю спасительную силу у самого покаянія нашего и дѣлаетъ насъ нераскаянными подобно духамъ нечистымъ. Господи Боже мой, *не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ*. Аминь.

81. БЕСѢДА — СЕДЬМАЯ.

*Не уклони сердце мое... съ
человѣки, дѣлающими беззаконіе,
и не сочтуса со избранными ихъ.
(Ст. 4-й).*

Все злое и порочное въ нашихъ обществахъ наиболѣе распространяется, брат., чрезъ подражаніе. Въ этомъ случаѣ языкъ нашъ служить самымъ легкимъ и вмѣстѣ самымъ пагубнымъ орудіемъ къ распространенію зла. Иной и не подумалъ бы сдѣлать что-нибудь дурное; но видитъ, что дѣлаютъ другіе, и рѣшается сдѣлать самъ. Иному и на умъ не пришло бы не только сказать, но и подумать что-нибудь худое о ближнемъ своемъ; но наслушается всякихъ нескромныхъ и предосудительныхъ разговоровъ,—и умъ его наполнится худыми мыслями, сердце взволнуется нечистыми чувствованіями, вся душа придетъ въ какое-то болѣзненное, раздражительное состояніе, въ которомъ готова бываетъ не только наговорить, но и сдѣлать всякое зло своему брату. Такимъ образомъ зло, какъ смертоносная язва, обходитъ все общество, заражаетъ непорочныя души ядомъ ненависти, злобы и лукавства, влечетъ ихъ въ погибель подражаніемъ чужимъ грѣхамъ и беззаконіямъ. И, что всего хуже, та-же подражательность и переимчивость служитъ потомъ предлогомъ къ извиненію и къ самооправданію нашему,—возглавіемъ, на которомъ успокоивается наша совѣсть. «Вѣдь не я выдумалъ то или другое: такъ говорятъ всѣ!» Вотъ обычное извиненіе самаго преступнаго злословія и осужденія, которымъ спокойно позволяемъ себѣ осквернять языкъ свой и порочить честь своихъ братій. «Нельзя же мнѣ одному показаться страннымъ, идти на перекорь общему мнѣнію, общимъ обычаямъ и правиламъ!» Вотъ обычное оправданіе иногда самыхъ бессмысленныхъ дѣйствій и поступковъ нашихъ. Такъ составляется, такъ называемое, общественное мнѣніе, которое въ сущности есть мнѣніе тѣхъ, которые умѣютъ говорить громче и дерзновеннѣе другихъ, и которое чаще всего готово испросить Варавву и предать на смерть Иисуса. Такъ образуется, такъ называемый, духъ времени, или какъ называетъ его апостоль: *духъ вѣка сего*, кото

рый всегда состоитъ подь обладаніемъ и управленіемъ духа злобы и который такъ могущественно обладаетъ людьми, что не смѣють противиться ему и такіе люди, которые мнятся быть и мудрыми и сильными, что непокоряющіеся ему провозглашаются отсталыми, темными и жалкими. Все это требуетъ отъ христiанина особенной мудрости и крѣпости духа, чтобъ не увлекалось сердце его къ чему-либо злему и порочному изъ подражанія людямъ, творящимъ беззаконіе, чтобы не преклонился духъ его предъ кумирами вѣка сего, которыхъ нынѣ называютъ передовыми людьми и которые на дѣлѣ чаще всего оказываются вождями слѣпыми слѣпымъ. Вотъ почему и молится пророкъ Божій: *не уклони сердце мое... съ челоушки, дѣлающими беззаконіе, и не сочтуса со избранными ихъ.*

Нѣтъ нужды говорить, какъ сильна язва подражательности; какъ много мы дѣлаемъ и говоримъ потому только, что такъ дѣлають и говорятъ другіе, не размышляя о томъ, полезно-ли то или вредно, согласно-ли съ разумомъ и закономъ Божиимъ, или же безразумно и незаконно, какъ легко распространяются, такимъ образомъ, пороки, переходя отъ одного къ другому, какъ моровая язва, заражая общество въ самомъ его корнѣ, — въ молодомъ поколѣніи, которое такъ живо увлекается примѣромъ старшихъ и такъ быстро опережаетъ ихъ на пути порока. *Горе міру отъ соблазнь!* говоритъ Самъ Господь.

Чтобы предохранить себя отъ сей язвы, первѣе всего нужно помнить, что единственный примѣръ, которому намъ должно послѣдовать во всемъ, есть Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. *Образъ дахъ вамъ,* говоритъ Онъ, *да яко же Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите.* Что намъ за нужда въ томъ, что и какъ дѣлають другіе? Мы обязаны дѣлать то, что дѣлалъ и чему училъ Господь Иисусъ Христосъ. За поступки другихъ съ насъ не потребуютъ отвѣта, но за наши дѣла отъ насъ взыщется отчетъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Кто можетъ обязать насъ слѣдовать и подражать кому бы то ни было? Но послѣдовать Господу Иисусу Христу и служить Ему мы обязались клятвою, когда крестились во имя Его. *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ,* говоритъ Господь. Куда приведетъ подражаніе людямъ, мы не знаемъ; но куда при-

ведеть подражаніе Господу Иисусу Христу,—это намъ извѣстно несомнѣнно: *идѣже есмь Азъ*, говоритъ Онъ, *ты и слуга Мой будетъ*. И такъ, возлюбленный собратъ, взирай неуклонно на сей божественный образъ святой и богоугодной жизни, и не смотри на то, что дѣлають другіе. Пусть другіе стараются пріобрѣсть себѣ какъ можно болѣе стяжаній и богатства всѣми средствами и правыми и неправыми, забывая и честь и совѣсть, ты внимай слову Господа: *блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное*; подражай Тому, Который *богатъ сый, насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся*, Который на землѣ не имѣлъ гдѣ главы преклонити, но завѣщаль послѣдователямъ Своимъ царство: *Кая бо польза чловѣку, аще міръ весь пріобрѣщеть, душу же свою отщетитъ?* Пусть другіе всѣми силами и средствами домогаются почестей, возвышенія и власти между собратіями своими; ты подражай Тому, Который пришелъ на землю, *не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ*; Который заповѣдалъ и послѣдователямъ Своимъ: *яже аще хощетъ въ васъ вѣщій быти, да будетъ всѣмъ слуга, и иже аще хощетъ въ васъ быти старій, да будетъ всѣмъ рабъ*. Пусть другіе ищуть веселія и забавъ, проводятъ жизнь въ удовольствіяхъ и роскоши; намъ должно слушать слово Господа нашего: *блажени плачущіи, яко тѣи утѣшатся; блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи насытятся; обаче горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко възрыдаете и восплачете, горе вамъ насыщеніи нынѣ, яко взалчете*. Намъ должно подражать Тому, Который Самъ ради спасенія нашего и алгалъ и жаждаль, плакалъ и молился. Пусть другіе тщеславятся, превозносятся, гордятся, ищуть упокоенія въ мишурномъ блескѣ славы чловѣческой, въ обманчивой мечтѣ счастія земнаго; ты ищи высшей почести чадъ Божіихъ и единой славы, яже отъ Бога; внимай Господу, Который зоветъ тебя: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрѣщете покой душамъ вашимъ*. Пусть другіе безстрашно

преступаютъ заповѣдь Божию, необузданно предаются похотямъ сердца своего; ты подражай Господу Іисусу Христу, Который говоритъ о Себѣ: *придохъ не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца*; Который и послѣдователей Своихъ училъ: *не вслѣжъ глаголай ми: Господи, Господи, увидеть въ царствіе небесное, но творяи волю Отца Моего, Иже на небесѣхъ; ибо рабъ, вѣдѣвый волю Господа своего и не сотворивый по волѣ его, бѣнзъ дудеть много*. *Азъ есмь путь и истина и животъ*, говоритъ намъ Господь Іисусъ Христосъ, *никто же придетъ къ Отцу токмо Мною*. Предадимъ себя всецѣло Его водителству, будемъ неуклонно слѣдовать во всемъ примѣру Его святѣйшей жизни, — и Онъ приведетъ насъ къ небесному Отцу Своему въ вѣчное Его царство.

Когда будемъ неуклонно взирать на образъ Господа Іисуса Христа, тогда и мнѣнія человѣческія и обычаи міра потеряютъ для насъ свою силу. Такъ называемое, общественное мнѣніе измѣнчиво и непостоянно, какъ вѣтеръ. Нынѣ выхваляетъ одно, завтра другое; нынѣ превозноситъ до небесъ того, кого завтра-же готово низвергнуть до ада; нынѣ выдаетъ одно, завтра другое, какъ потребность времени, какъ законъ жизни: нѣтъ конца перемѣнамъ его. Непреложно, неизмѣнно и вѣчно одно слово Божіе: то только истинно и всегда хорошо и полезно, что похваляетъ оно; и то несомнѣнно и всегда вредно и безчестно, что порицаетъ и осуждаетъ оно. Какая намъ польза, если и всѣ будутъ хвалить насъ, но осудить насъ Богъ? Весь міръ не защититъ насъ отъ суда Божія, не избавитъ отъ осужденія въ муку вѣчную; напротивъ, самъ осужденъ будетъ съ княземъ міра въ погибель и геенну. Какой намъ вредъ, если и всѣ осудятъ насъ, но оправдаетъ насъ Богъ? Самого Господа Іисуса Христа и осуждали и злословили и надъ Нимъ поругались и насмѣхались: дивно ли, что и истинныхъ послѣдователей Его злословятъ и осуждаютъ? Это вѣрный знакъ, что *они не отъ міра сего, — аще бы отъ міра сего были, міръ убо свое любилъ бы, — но Господь избралъ ихъ отъ міра, сего ради ненавидитъ ихъ міръ*. Это несомнѣнное удостовѣреніе, что ихъ ожидаетъ вѣчная радость и блаженство на небѣ: *блаженни будете, егда возне-*

навидѣтъ васъ чловѣцы, и поносятъ и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына чловѣческаго ради: возрадуются въ той день и възырайте, се бо мзда ваша многа на небеси. Не людямъ угождать должно, а Господу Иисусу Христу: если-бы чловѣкамъ угождалъ я, говорить о себѣ апостолъ, не былъ бы рабомъ Христовымъ. Не мѣръ можетъ спасти или погубить насъ своимъ мнѣніемъ о насъ, а Господь Иисусъ Христосъ. *Иже исповѣтъ Мя предъ чловѣки, говоритъ Онъ намъ, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесахъ. А иже постыдится Мене и словесъ Моихъ, въ родъ семъ прелюбодѣнемъ и грѣшимъ, сего и Сынъ чловѣческій постыдится предъ ангелы Божіими.* Не по обычаямъ свѣта будетъ судить насъ Судія міра, а по Своему божественному слову: *слово, еже Азъ рѣхъ вамъ, то судитъ вамъ въ послѣдній день. Аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имъ: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ.*

Какъ бы ни былъ высокъ саномъ грѣшникъ, на какой бы ни стоялъ онъ степени величія чловѣческаго, какою бы ни пользовался властію, онъ сынъ погибели и подражать его порокамъ значить идти въ слѣдъ его въ погибель. Единъ Богъ безконечно великъ и славенъ; власть Его безпредѣльно выше и заповѣдь Его обязательнѣе всякой власти и заповѣди чловѣческой. Намъ заповѣдано почитать сущихъ во власти, слушать и повиноваться имъ во всемъ, что относится къ временной жизни нашей, что касается обязанностей нашихъ къ обществу; но нигдѣ не заповѣдано подражать ихъ жизни, несогласной съ закономъ Божіимъ, напротивъ, Господь Иисусъ Христосъ прямо говорилъ современникамъ Своимъ; *на Моисеовъ сѣдалищи сѣдоша книжници и фарисеи; вся, елика еще рекуть вамъ блюсти, соблюдайте и творите; но дѣломъ же ихъ не творите.* Во всемъ и всегда намъ должно помнить и повторять себѣ по примѣру св. апостоловъ: *Богу подобаетъ повиноваться намъ, нежели чловѣкомъ.* Тѣмъ менѣе имѣеть значенія и силы примѣръ тѣхъ самозванныхъ учителей, которые выдаютъ сами себя за свѣтильниковъ просвѣщенія, за образецъ изящнаго вкуса и образованности. Одинъ есть истинный свѣтъ,

просвещающей всякаго челоѣка грядущаго въ мїръ, — Господь Иисусъ Христосъ. Его божественное слово есть вѣчная истина; Ему одному и должно повиноваться, чтобы наследовать жизнь вѣчную. Посему-то и заповѣдано намъ *искушать души*, т. е., многоразличныя мнѣнія и ученія челоѣческія, *еще отъ Бога суть*; не слушать и отвращаться тѣхъ лживыхъ учителей, которые вносятъ ереси погибельныя, Господа и Владыки своего отшесутся, которые слѣдуютъ плоти и ея сквернымъ похотямъ, презирая начальства, будучи дерзки, своевольны, злословятъ то, чего не понимаютъ, прельщающе души неутвержденныя. Всякое слово, которое слышимъ, всякое дѣло, которое видимъ, должно повѣрять словомъ Божиимъ, прилагать къ закону Господню, который единъ есть неложное мѣрило всѣхъ дѣяній челоѣческихъ, по которому одному будутъ судимы и истязуемы всѣ слова и дѣла наши на судѣ Христовомъ: *вся искушающе, добра держите; отъ всякія вещи злыя огребайтесь.*

Но прежде и паче всего надобно отвращать и слухъ и взоръ свой отъ всего, что говорятъ и дѣлаютъ люди, преданные мїру, а не Богу, — живущіе плотію, а не духомъ; — быть глухими ко всѣмъ внушеніямъ лжесловесныхъ, сожженныхъ совѣстію, челоѣковъ, и какъ бы слѣпыми ко всѣмъ непотребнымъ дѣламъ челоѣческимъ. *Ищущи злая мнѣ, глаголаху суетная*, говоритъ о себѣ св. Давидъ, *и мстивымъ весь день поучахуся: азъ же яко глухъ не слышахъ и яко тъмъ не отверзаяй устъ своихъ.* Будь среди мїра, какъ Лотъ среди Содома, гдѣ всѣ беззаконновали, а онъ одинъ пребылъ праведнымъ и дѣлалъ угодное Богу, — гдѣ всѣ погибли, а онъ одинъ остался невредимымъ. Обращай всегда сердечный слухъ твой къ глаголамъ Божиимъ и умныя очи твои къ небу и вѣчности, и весь мїръ станетъ какъ бы позади тебя, и будешь единъ предъ единымъ Господомъ Богомъ твоимъ, и никакіе соблазны не совратятъ тебя съ пути заповѣдей Господнихъ. Молись непрестанно изъ глубины сердца твоего: *Господи, не уклони сердце мое... съ челоѣвки дѣлающими беззаконіе, и не сочтуса со избранными ихъ.* Аминь.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	<i>Стр.</i>
I. Недѣля о мытарѣ и фарисеѣ.	
1. Слово—первое. . .	5
2. Слово—второе. . .	10
3. Слово—третье. . .	15
4. Слово—четвертое. . .	18
5. Бесѣда—первая. . .	23
6. Бесѣда—вторая. . .	31
II. Недѣля о блудномъ сынѣ.	
7. Бесѣда—первая. . .	38
8. Бесѣда—вторая. . .	45
9. Бесѣда—третья. . .	56
10. Бесѣда—четвертая. . .	61
11. Слово—первое. . .	68
12. Слово—второе. . .	77
13. Слово—третье. . .	85
III. Недѣля мясопустная.	
14. Бесѣда—первая. . .	91
15. Бесѣда—вторая. . .	98
16. Слово—первое. . .	110
17. Слово—второе. . .	116
18. Слово—третье. . .	123
19. Слово—четвертое. . .	131
IV. Недѣля сыропустная.	
20. Слово—первое.	137
21. Слово—второе.	142
22. Слово—третье.	150
V. Первая седмица Великаго поста.	
23. Слово—въ Среду.	156
24. Слово въ Среду—второе.	161
25. Слово въ Среду—третье.	166
26. Слово въ Среду—четвертое.	172

II.

Стр.

27. Слово въ Пятокъ—первое. .	177
28. Слово въ Пятокъ—второе.	183

VI. Предъ исповѣдію я послѣ оной.

29. Слово— первое.	189
30. Слово— второе.	195
31. Слово— третье.	200
32. Слово— четвертое.	206
33. Слово— пятое.	211
34. Слово— шестое.	220
35. Слово послѣ исповѣди.	226

VII. Предъ причащеніемъ Св. Таинъ.

36. Слово— первое	230
37. Слово— второе.	236

VIII. По причащеніи.

38. Слово— первое.	241
39. Слово— второе.	243
40. Слово— третье.	246
41. Слово— четвертое.	249
42. Слово— пятое	251
43. Слово— шестое.	254

IX. Недѣля Православія.

44. Слово.	259
------------	-----

X. Недѣля вторая св. четыредесятницы.

45. Слово— первое.	265
46. Слово— второе	269
47. Слово— третье. .	275
48. Слово— четвертое.	281

XI. Недѣля третья св. четыредесятницы.

49. Слово— первое.	286
50. Слово— второе.	292
51. Слово— третье.	296
52. Слово— четвертое.	304
53. Слово— пятое.	310
54. Слово— шестое.	316
55. Слово— седьмое.	320
56. Слово— восьмое.	327
57. Слово— на Пассію.	333

XII. Недѣля четвертая св. čtyредесятиницы.

58. Слово. 337

XIII. Недѣля пятая св. čtyредесятиницы.

59. Слово—первое 343

60. Слово—второе. 349

XIV. Шестая седмица св. čtyредесятиницы.

61. Слово въ пятокъ—первое. 355

62. Слово въ пятокъ—второе. 360

63. Слово въ Субботу Лаазреву. 366

XV. Недѣля шестая св. čtyредесятиницы.

64. Слово. 373

XVI. Страстная седмица.

65. Слово въ Великій Вторникъ—первое. 381

66. Слово—второе. 386

67. Слово въ Великую Среду—первое. 391

68. Слово въ Великую Среду—второе. 397

69. Слово въ Великую Среду—третье. 401

70. Слово въ Великій Четвергъ. 405

71. Слово въ Великую Пятницу—первое. 408

72. Слово въ Великую Пятницу—второе. 411

73. Слово въ Великую Пятницу—третье. 413

74. Слово въ Великую Пятницу—четвертое. 419

XVII. Вечерній псаломъ 140-й.

75. Бесѣда—первая. 423

76. Бесѣда—вторая. 429

77. Бесѣда—третья. 435

78. Бесѣда—четвертая. 441

79. Бесѣда—пятая. 446

80. Бесѣда—шестая. 451

81. Бесѣда—седьмая. 458

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строк.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
14	— 11	сверху	моя,	моя
35	— 17	—	не одно	ни одно
41	— 8	—	оно	онъ
66	— 12	—	велиагомъ	велиаромъ
102	— 4	—	трудились	трудились
128	— 2	снизу	Словѣ	славѣ
130	— 15	сверху	проклатія	проклатія
200	— 4	—	прѣтися	претися
205	— 14	снизу	твеей	твоей
221	— 9	сверху	но отлагаемъ	не отлагаемъ
246	— 11	—	обрѣчь	обречь
256	— 18	—	мыслию	мыслию
277	— 8	снизу	епитиміями	епитиміями
279	— 4	—	истяжемся	истяжимся
—	— 17	сверху	значить	значить
318	— 11	—	<i>сожители</i>	<i>сожителе</i>
320	— 16	—	нескончаемое	нескончаемой
325	— 13	снизу	нераденіе	нерадѣніе
344	— 3	—	всемъ	всѣмъ
361	— 2	—	о	но
369	— 13	—	<i>можетъ</i>	<i>можемъ</i>
382	— 5	сверху	узрять	узрѣть

Примѣчан. 1. Слова 61 и 62 на стр. 355 — 365 произносились въ пятокъ шестой седмицы Великаго Поста.

Примѣч. 2. На обложкѣ 3-го тома вкралась ошибка: напечатано „Фоминой“ вѣсто Фоминѣй.